

Аня Сокол

Воровка
ЧАР

Annotation

С хорошенькими девушками всегда случается что-то хорошее, или на крайний случай интересное. Рок вытаскивает их из-за печки и отправляет в путешествие. Или замуж.

Но иногда судьба ошибается и вместо красотки хватает за шкурку лягушку.

Но даже такой как я придется идти.

Идти, пряча чуждые миру черты лица под капюшоном.

Идти и надеяться, что смогу вернуться.

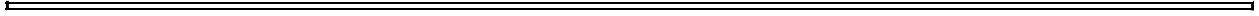
- [Аня Сокол](#)
  - [Книга 1. Маги, ведьмы, чернокнижники](#)
    - [Глава 1. Приговор](#)
    - [Глава 2. Приключения на одно место](#)
    - [Глава 3. Поиски](#)
    - [Глава 4. Канал](#)
    - [Глава 5. Вышград](#)
    - [Глава 6. Нет, это не правильная нечисть](#)
    - [Глава 7. Ловец магов](#)
    - [Глава 8. Багряный лес](#)
    - [Глава 9. Вириец](#)
    - [Глава 10. Обитатели лихих болот](#)
    - [Глава 11. Суд семерых приговорил...](#)
    - [Глава 12. Приготовления](#)
    - [Глава 13. Полное Покаяние](#)
  - [Книга 2. Нечисть, нежить, нелюдь](#)
    - [Глава 1. Беглецы](#)
    - [Глава 2. Служитель капища](#)
    - [Глава 3. Долг](#)
    - [Глава 4. Волотки](#)
    - [Глава 5. Исчезнувшая жертва](#)
    - [Глава 6. Артефакты и вера](#)
    - [Глава 7. Спятивший чернокнижник](#)
    - [Глава 8. Притвора](#)
    - [Глава 9. Полесец, его люди и нелюди](#)
    - [Глава 10. По следам нечисти](#)

- [Глава 11. О трактирах и пивных](#)
- [Глава 12. Песнь источника, или вкусовые пристрастия зеркальных магов средней полосы Тарии](#)
- [Глава 13. Черным по белому, или вместо эпилога.](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)

- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)

Аня Сокол

Воровка чар (дилогія)

Книга 1. Маги, ведьмы, чернокнижники

Глава 1. Приговор

Селяне толпились на берегу, перешептываясь в тревожном ожидании. Староста Верей сопел за спиной сбивая с мысли. И не жалко ему тратить утро на подобную ерунду, забот-то, поди, хватает. Я посмотрела на водную гладь реки, сонное течение не вызывало привычного страха. Просто большое зеркало, отраженные кроны деревьев, ясное небо, яркое солнце. Макушка лета^[1], а настоящего тепла мы еще не видели. Хороший день. Для заговора подходящий. Хотя, откуда мне знать?

— Не пересохнет, — оборвав невнятный шепот, я поднялась с колен. На грубой ткани штанов остались зеленые разводы от примятой травы, в воде дрожало зыбкое отражение.

Люди неуверенно заулыбались. Не мне, друг другу. Староста кивнул, сдержанный он у нас. На «спасибо» я давно не рассчитываю, из села не выгоняют и ладно. Пора уходить, пока, глядя на мое бледное лицо, люди не вспомнили, кто перед ними. Я развернулась и даже успела сделать несколько шагов вверх по тропинке.

— Айка, — окликнул Верей.

Пришлось остановиться, чуть-чуть не успела.

— Ты... это...того... — по лицу старосты пробежала тень, отразив внутреннюю борьбу.

Нехорошее предчувствие холодком пробежало по спине. Что еще стряслось? Неужели догадались? Тогда обычным закидыванием камней не отделаюсь.

— Приходи вечером.

Я в изумлении подняла брови.

— На свадьбу приходи, дочь моя Ксана замуж выходит. Ты же знаешь.

Ксану я знала, и про свадьбу тоже. Хотя ясности это не внесло. Раньше меня не приглашали, и никого, при условии, что гуляло все село, это не смущало. Нас с бабушкой в первую очередь. Гадай теперь, с чего такая милость.

Люди всегда нас сторонились. А если быть честной, некоторые и вовсе шарахались. Бабушка Сима была местной знахаркой — травницей. Чего особенного в том, чтобы собирать растения и использовать их с пользой в виде мазей, отваров и настоек? Много чего. Селяне за глаза именовали ее

стригой^[2] и тайком бегали за любовными зельями, просили навести порчу или известить соперницу.

Но если бабку Симу терпели, понимая, что без травницы на селе никак, то мне зачастую плевали вслед. Лет двадцать назад в реке нашли кузовок со спящим младенцем. Его прибило к берегу недалеко от Солодков. Суд людской постановил, что перед ним не ребенок рода человеческого, а водяное отродье. Светлые волосы и глаза — самые что ни на есть верные признаки. Да еще и река кузовок принесла.

Ниже Ленея впадала в один из водоемов Озерного края, считающегося вотчиной ворд^[3]. То, что течением никого не могло оттуда снести, по причине направленности его туда, а не обратно, людей не смущало. Последним неопровержимым доказательством нечестивости было то, что ребенок не утонул. А должен был. Самое гнусное, что во время этого разговора отродье, то бишь я, продолжало спать, как ни в чем ни бывало. Приговор был вынесен и обжалованию не подлежал. Предать смерти и никак иначе.

Переход от теории к практике дался людям нелегко. Палача в селе не держали, и временно исполнять его обязанности никто не соглашался. Какая-то сердобольная старушка предложила оставить отродье прямо здесь, на солнышке, авось без воды само сдохнет. Не могу не согласиться, так бы и случилось.

Тут-то и появилась бабушка Сима. На селе она была человеком новым, никто не знал чего ждать от пришлой ведьмы. Она прошла сквозь толпу и взяла ребенка на руки. Недовольство жителей пресеклось, одним словом:

— Проклянну.

Такой довод жители приняли и отложили мою казнь на неопределенный срок, который до сих пор не наступил.

Мне у бабы Симы было хорошо, даже слишком. Осознание такой ценности, как дом, пришло не сразу, примерно после нескольких одиноких прогулок и безуспешных попыток завести друзей. Первый же метко брошенный камень сбил меня с ног и уложил в постель на неделю.

Так я и росла, называя Симу бабушкой, помогая ей по хозяйству и обучаясь ремеслу. Жители со временем привыкли, и уже не сотворяли отвращающие зло знаки. По крайней мере, не все.

В один из засушливых годов, селяне заметили, что Ленея обмелела и недолго думая, впали в панику. Объявили, что речке конец, и селу соответственно, а заодно и всем нам. Кому пришло в голову, что народ воды управляет реками, не знаю, а то бы отблагодарила. В итоге староста

мялся на пороге нашего дома, держал торжественную речь, возлагая почетную обязанность по спасению села на мои хрупкие плечи. Никто не задался вопросом — а с чего бы мне их спасать?

Идею с заговором подала бабушка, дескать, все равно не отвяжутся. Поначалу я до ужаса боялась, что река и в самом деле пересохнет, обман раскроется, и меня в ней же утопят. Ну, не владею я искусством шептунов^[4]. Как показало время, сезонное обмеление вызвали естественные причины. С тех пор, мои заговоры стали делом постоянным.

Домой я вернулась в задумчивости. Бабушка, стоя у стола, разливала свежий отвар по склянкам. Я принялась. Черда и старец, от кожного зуда. Это кого ж угораздило?

— Как прошло? — не оборачиваясь, спросила она.

— Надеюсь, никуда эта речушка не денется.

— Я серьезно, — повернулась Сима.

— Я тоже. Староста на свадьбу дочери пригласил.

— Пойдешь?

— Не знаю. А ты? — я подошла к столу и стала сдвигать банки с отваром.

— Меня не приглашали, — фыркнула Сима, совершенно не опечаленная таким положением дел. — Только тебя. И, думаю, надо сходить.

Я промолчала, подавая ей глиняные крышки. С одной стороны, чего я там забыла, а с другой — интересно, не каждый день можно безнаказанно мозолить людям глаза.

— Айя, — бабушка повернулась и стала вытирать натруженные руки фартуком, ее лицо покраснело от пара, идущего от котелка с отваром, несколько седых прядей выбились из-под платка. — Они тебя не ненавидят. Опасаются, как всего необычного, а ты рада стараться, хоть улыбайся иногда.

— Так? — я старательно растянула рот, Сима обреченно махнула рукой. — Лучше пусть боятся, чем камнями закидывают.

— Не преувеличивай. Не собираешься же ты всю жизнь просидеть в наших Солодках у старухи под боком? — она откинула крышку массивного сундука.

Тогда я не стала отвечать, потому что именно это и собиралась сделать. Если меня не любили в родном селе, то, что же будет в чужих? Сразу на костер сопровождают? Хотя «не любили» неправильное слово. Боялись, не доверяли. Я была словно укус комара на спине, и чешется, и рукой не

достать. Девки задирали носы, матроны шептали молитвы, а парни... Парням было интересно, что у такой, как я, под юбкой.

Один раз меня отправили отнести мазь от ушибов кузнецу. Оного дома не оказалось, зато присутствовал здоровенный бритый детина, то бишь сын, который решил разнообразить свою и чужую жизнь, пригласив некрасивую девушку на свидание, то бишь на сеновал. Сделал он это со всем доступным ему тактом, то есть попытался сгрести меня в охапку и доставить к месту назначения. Его намерения душевного отклика у меня не нашли, в результате ухажер согнулся от подлого удара по выступающей части тела, что находится у парней ниже талии. Когда ушибленный, наконец, смог поднять голову, я, полная раскаяния, поставила рядом горшочек с мазью, посоветовав применять по назначению.

Но свадьба дочери старосты другое дело... Представив, как буду слоняться от одного человека к другому, как улыбки будут застывать на лицах, как будут подниматься руки, выписывая отвращающие знаки, я скривилась. А бабка Сима уже достала из сундука сарафан, крепко пахнувший лавандой.

Эол^[5] и все его сподвижники! Она ведь давно не видит моего лица таким, каким видят остальные. Так же как и Ринка, по малолетству обварившая щеку кипятком, для маслобойщика и его жены всегда будет первой красавицей Солодков. К тем, кто рядом, мы всегда относимся по-другому, им мы прощаем все: от перевернутой кастрюли щей до нелепого внешнего вида.

— Схожу ненадолго, — выдавила я, глядя на одежду.

— Умница, — подала мне «обновку» бабушка и полезла за лаптями.

Красно-белый летний сарафан покупался для Симы, как минимум, пару десятилетий назад. В отличие от бабушки, прошедшие годы не пошли вещичкам на пользу. Нет, с виду все было неплохо, ни дыр, ни обтертых мест.

Я со вздохом стащила рубашку и натянула сарафан. Старые слежавшиеся вещи пахли пылью и сухой травой, напоминая давно канувшие в лету дни. В них бабушка обладала пышными формами и миниатюрными ступнями, за ней наверняка ухаживали мужчины. На мне наряд висел унылыми складками, ноги в узких лаптях начали ныть.

— Ничего другого все равно нет, — поникла Сима, — Не в штанах же идти.

Она права, платьев у меня не водилось. Травы собирать, да по лесу лазить в них не с руки. Свадьба — другое дело. Переплетая косу, я решила, что ничего не мешает мне тихонько посидеть в сторонке, не привлекая

внимания.

Эх, как же я потом жалела о своем решении.

На свадьбу единственной дочери староста не поскупился. Столы, выставленные вдоль центральной улицы, ломились от еды, заборы увиты цветами и лентами. Часовня утопала в сирени и в украшениях не нуждалась. Люди толпились по обе стороны, ожидая выхода молодых. Смирт^[6] закончил обряд, и пара явила счастливые лица народу.

На меня недоуменно косились, в спину неся угрожающий шепоток, едва не вынудивший покинуть праздник. Не то что бы я их боялась, нет. Каждый из них трус, и дать отпор наглому увальню, задиристой девице, возмущенной тетке или пьяненькому мужику я могла. Даже ножом владела, плохо правда, но для деревенских дурачков в самый раз. Толпа совсем другое дело. Собираясь у колодца, на посевную или праздник, они крепки. Страх объединял людей, позволял черпать силы друг в друге, и тогда они могли напасть, просто так без всякой причины.

Уловив напряжение, дядька Верей громко со мной поздоровался и прилюдно проводил к столу, показывая остальным — я гостя. Вряд ли он сделал это для меня — молодой знахарки, скорее ради дочери, ради неиспорченного торжества, и ради той неведомой причины, заставившей пригласить.

Многие опустили глаза, но кто-то — нет. Их взгляды были слишком красноречивы, слишком выразительны.

«Пусть сегодня ты своя, ты с нами. Но придет другой день и все вернется — и страх, и ненависть, и камни» — предупреждали они, — «Но не сегодня».

— За здравие молодых! — поднял первый тост Верей.

Отказаться было невыносимо. И я пригубила пахнущий яблоками сидр.

— За долгие лета! — за первой чаркой последовала вторая, потом третья.

Я прочла одобрение в одних, вторых, третьих глазах и улыбнулась, четвертую уже поднимала сама. Тосты следовали один за другим. Я выдохнула, перестала напоминать чуткого зверька, готового сорваться в бегство при малейших признаках опасности.

— За приплод! — отличился кто-то из гостей.

Парни заржали, невеста залилась румянцем, а жених выпрямлял плечи и петушиным взором окидывал гостей, предлагая усомниться в его силах. Все кричали, смеялись, девчонки шептались, старики вытирали слезящиеся глаза. Народ стал наливать и выпивать уже без словоблудия. Заиграла

гармонь, и начались танцы.

Голова кружилась, в ней поселилась какая-то бесшабашная легкость, по телу разливалось тепло. Люди сновали, кружились, смеялись, плакали, говорили. Захотелось совершить что-нибудь смелое и безумное, например, выскочить в круг танцующих. Я даже попыталась стащить намявшие ноги лапти. И именно тогда заметила его — такого же, как и я — лишнего и чужого на этом празднике. Незнакомого парня лет семнадцати, что сидел за главным столом возле старосты. Он не танцевал, не заигрывал с девушками, не реагировал на выпады и подначки парней.

Кто это? Дальний родственник? Случайный путник? Потертая кожаная куртка, сбитые сапоги, отстраненный взгляд и пренебрежение в каждом жесте. Словно к нам на праздник занесло высокородного. На моем лице, как и полагалось, его взгляд остановился. Я старательно улыбнулась. Он, смешавшись, отвернулся.

«Что, не нравлюсь?» — мысленно спросила я. — «Ну-ну, у меня опыт в людском презрении по-боле будет».

— Вот, Рион, познакомься наша гордость — Айка. — Подошедший староста так хлопнул парня по плечу, что тот едва не свалился с лавки. — Она ведьма, как и ты.

Интересно, дядька Верей перепил, или спятил, на радостях, что дочь сбагрил? Гость молчал, сомнения в здравомыслии старосты без труда читались на молодом лице.

— Ну, вы тут поболтайте, о своем, — мужчина многозначительно подмигнул и отошел, сочтя свой долг выполненным.

Не иначе, как и вправду, речка высохнет.

— Приятно познакомиться, — процедил парень. Длинный, нескладный, узкие карие глаза, растрепанные черные волосы. — Где вы учились? — вежливый вопрос, отстраненный и полный превосходства взгляд.

— Нигде. — Продолжала улыбаться я.

Ответ ему не понравился. Конечно, он же правдив.

— А вы, — переспросила я, — где учились на ведьму?

Надо же, удалось задеть. Парень дернул подбородком и выпрямился, словно аршин проглотил.

— Я являлся лучшим учеником главного действительного мага Вышграда мэтра Дамира.

— Он умер? — поинтересовалась я.

— Почему? — округлили глаза лучший ученик.

— Ты же сказал «являлся».

— Я закончил обучение, — отрезал маг и отвернулся.

Умею я заводить друзей. И зачем, спрашивается, полезла? А затем, чтобы больше не подходил. Так проще и безопаснее.

Провозгласили очередной тост, я уже сбилась какой по счету, да это казалось неважным. Мелькнула мысль о неправильности происходящего. Мелькнула и исчезла потопленная очередной порцией вина. Слишком хорошо, слишком смело и свободно я себя чувствовала.

Праздник близился к завершению. Молодой, подхватив супругу на руки, скрылся в доме. Вслед неслись одобрительные выкрики и смущенный девичий смех.

Улица погрузилась в серые сумерки, гости помаленьку стали расходиться, остались самые стойкие, а значит, и мне тоже пора. Вроде ненадолго собиралась. Я поднялась из-за стола. Черт, какая земля неустойчивая, так и плывет под ногами. Уйти, не попрощавшись, показалось невежливым. Было весело, да и запас вредности закончился. Рядом со старостой, как назло стоял новоиспеченный маг. Как его там? Роун? Рион?

— Спасибо за праздник. До свидания.

— Айка, ты вот что, — нахмурился Верей. — Идти тебе далече, пусть Рион проводит.

Ага, значит, Рион.

Маг скривился от такой-то радости, но руку послушно подал.

— Не надо.

— Старших слушай, — покраснелся дядька, — парни выпивши, и ежели с тобой чего, не дай Эол, Серафима мне голову открутит.

Я посмотрела туда, где слышался низкий гогот и сальные шуточки.

— Они столько не выпьют.

— Айка!

Я вздохнула, едва не завалившись на бок, и ухватила парня под локоть. Земля сразу же перестала шалить и успокоилась. Иногда проще и быстрее уступить, чем ввязываться в спор.

Главная улица плавно спускалась к берегу. Наши размеренные шаги были едва слышны, стрекотали крыльями насекомые. Крики и пьяные песни стали отдаляться.

Сейчас косые взгляды Риона казались незначительными. Я чувствовала его сдерживаемое раздражение и любопытство в подрагивании руки. Слышала в дыхании, когда он набирал воздух, собираясь силами, и когда шумно выдыхал; невысказанные слова отступали, послушно ожидая следующего раза.

— Дядька Верей говорил, ты магией воды владеешь? — нарушил молчание парень.

Голос оставался нарочито отстраненным, но чувствовался в вопросе какой-то детский интерес. Я отметила, что Рион назвал нашего старосту дядькой. Его, конечно, пол села так называло, но вряд ли об этом знает приезжий маг. Настоящий племянник? Что я знаю о родне Верей? Ответ — ничего. Поэтому пусть будет племянник.

Вопросу я даже не удивилась — еще один на мою голову. В деревню приехал маг, и староста не упустил случая проверить водянку. Вот и причина внезапного гостеприимства. К дасу^[7] все! Посмотрим, как они в следующий сезон запоют, когда вода снова отступит. Не всем же колдовать, надо кому-то и народ успокаивать, излечивать от собственных страхов. Что он может предъявить? Ничего. Денег мне не платят.

— Нет, — врать не было смысла.

— Как нет? А речку кто вспять поворачивал?

— Слушай, ты вроде ученый, можно течение повернуть? — я почувствовала злость. В основном на себя, надо было сразу отказаться, а не шептать над водой детские песенки.

— Замедлить или ускорить — да. Обратить — нет, закон о магическом воздействии на целостность природных объектов.

— Так чего придуриваешься?

— Я не придуриваюсь, но и не обманываю. Знаешь, что за магическое мошенничество полагается?

Мы снова замолчали, на этот раз тягостно, неловко. Я убрала руку, мне не хотелось касаться парня. Он ни в чем не виноват, но все равно не хотелось.

Наша деревня Солодки располагалась на соединении двух рек. Мелководная Рыховка впадала в полноводную Ленею. Бабушкин домик стоял особняком на другой стороне. Дощатый мост строили еще до моего рождения по старому образцу — бревенчатый, выгнутый, без перил. Пробегая туда-сюда по нескольку раз в день, я никогда не задумывалась о возможности падения.

От тесных лаптей болели ступни, терпеть неудобство в угоду приличиям глупо, тем более, теперь. Я стянула первый, встала на прохладное, влажное дерево и облегченно выдохнула. Рион отвернулся, словно увидел не голые пятки, а, по меньшей мере, колени.

Потянулась за вторым, зацепила пальцами и... заскользила. Мир снова пришел в движение, мост зашатался, запрыгал перед глазами, звезды описали сияющий хоровод. Воздух ударил в спину, предвещая короткий

полет и падение. Страх молотом ударил в голову, оглушая, ослепляя, лишая воли.

Водянка, значит? Самое время рассмеяться. Кто-то боится мышей, кто-то домовых, а кто-то сборщика налогов. Я больше всего на свете боюсь не тычков и летящих камней, больше всего я боюсь воды, даже плавать не умею. Что там под темно-зеленой толщей? Что появится, когда поднявшийся ил осядет, и муть разойдется?

Лапоть упал в реку, издав легкое «плюх». Следом за лаптем упаду я, и звук будет посильнее. С губ сорвался стон. Я отчаянно взмахнула рукой, ожидая, что загребу лишь воздух, но... Не знаю, во что я вцепилась сведенными от страха пальцами, но раздался треск рвущейся ткани и хруст. Меня ударили в плечо и оттолкнули от края моста. Клацнув зубами, я упала на пахнущее влагой дерево.

Вот и все. Обычное дело — пьяная девка чуть не свалилась в речку. Знай, я тогда какие последствия это повлечет, прыгнула бы сама, не раздумывая.

— Ты...ты...

Рион побледнел, его зрачки сузились, по телу прошла дрожь. Эол и сподвижники, у него что, падучая?

— Ты убила меня, — прошептал он и рухнул на мост.

Точно — падучая. Жалко-то как, молодой еще... Я разжала кулак, на сырое дерево моста упал лоскут чужой рубашки с тесемками, который я оторвала, пытаясь удержаться от падения. Парню удалось невозможное — напугать меня еще больше.

— Рассказывайте, — приказала бабушка.

Мы втроем сидели за столом. Обычным, круглым, с потемневшей от времени столешницей и отпечатками от мисок, кувшинов, кружек. Недоброе предчувствие незримо повисло в комнате, я видела его везде — в глазах парня, в собственном молчании, в бабушкиной притворной бодрости. Это как проснуться и понять, что-то случилось. Нет никаких причин, но ты чувствуешь, знаешь — это близится.

После того как малолетний маг упал, я попыталась привести его в чувство. Все знания, годами вбиваемые бабушкой, вылетели из головы. Традиционные методы — пощечины, сопровождаемые жуткими завываниями в моем исполнении, не помогли. Исчерпав запас ругательств, я, не переставая скулить, побежала домой. Что будет за мошенничество? Ха, а за смерть мага?

Из бессвязных объяснений бабушка поняла одно — я кого-то убила, и

зову ее с собой, должно быть, чтобы спрятать труп. На мосту, картина, к сожалению не изменилась. Рион лежал там, безмолвный и неподвижный.

— Жив он, — осмотрев мага, обрадовала бабушка.

— А чего ж он тогда...?

— В обмороке. Помоги-ка.

Совместными усилиями мы дотащили парня до избушки. Сима сунула под нос несостоявшемуся покойнику склянку с листочком, и маг не замедлил выказать признаки жизни, поморщился и отполз подальше.

Теперь Рион, приведенный в более или менее, вертикально-разумное состояние, с тоскливым видом смотрел себе под ноги. Где тот парень с равнодушно-презрительным взглядом? Где высокомерный маг? Сейчас он напоминал маленького мальчика, потерявшего любимую и дорогую сердцу игрушку, того и гляди заплачет.

— Она сломала мой камень силы, — не поднимая головы, пожаловался он.

— Этот? — бабушка выложила на стол лоскут рубашки, обрывок веревки и камешки. Удлиненный четырехгранник, темно-синего цвета был расколот посередине, к одному из осколков крепилось железное кольцо, сквозь которое была продета веревочка. Парень носил его на шее, как самое дорогое.

Маг кивнул.

— Как тебя угораздило? — повернулась ко мне бабушка.

«Откуда я знаю!» — хотелось ответить мне. — «Я всего лишь ухватилась за него, чтобы не упасть».

Эол, откуда эта тошнота, то и дело подкатывающая к горлу, словно съела что-то несвежее? Что я сделала на самом деле? Слова сами сорвались с губ, быстро, уверенно, убежденно, стараясь заглушить нарастающую панику:

— Дорогая побрякушка? Так можно склеить или, на худой конец, новую заказать. Чего людей пугать?

Рион стал бережно заворачивать кристаллы в лоскут. Остатки хмеля еще не выветрились, и меня охватило чувство нереальности. Сейчас открою глаза и окажусь в постели, в худшем случае — в канаве. От его осторожных ласковых движений становилось не по себе. Так обращаются с хрупкой яичной скорлупой. Парень боялся лишней раз дыхнуть на осколки.

Бабушка погладила меня по руке, встала и, не глядя на парня, спросила:

— Ты не прошел посвящение?

— Нет.

Я уже открыла рот, чтобы спросить, но Сима, покачивав головой, пояснила:

— Заканчивая обучение, маг изготавливает амулет. Его наполняют магической энергией. В процессе посвящения силы перетекают от амулета к его владельцу, и с этого момента маг считается «действительным». Ты, Айка, сломала амулет, высвободив энергию до срока. Я изо всех сил боролась с желанием зажать уши. Не слышать, не знать. Иначе придется что-то делать, что-то решать, исправлять.

— Как я учителю на глаза покажусь?

— Объясни все, а потом новый камушек сделаешь, — резко, даже грубо, ответила я.

Детская беспомощность парня вызвала негодование. Кто из нас чаровник?

— Не могу. Камни силы никогда не ломаются.

— Плохо старались.

— Айка, прекрати, — одернула меня бабушка.

— В том-то и дело, что хорошо. Знаешь сколько охотников за чужими силами. Амулет связан с жизнью носителя. Сломать камень и поглотить силу мага можно только после смерти, и отнюдь не от старости.

— Напоминаю, ты жив!

— Это и есть проблема. Маг может остаться жив, в случае добровольной передачи силы. Я ничего подобного не делал. Учитель может отказаться от меня, — Рион чуть не плакал.

Он обхватил голову руками и стал покачиваться из стороны в сторону. Бабушка достала еще одну бутылочку, посмотрела на мага, вздохнула, перевернула мою ладонь и капнула на кожу. Мне и в голову не пришло сопротивляться. Пусть в другое время, я задала бы ей тысячу вопросов, мешая и говоря под руку. Сейчас же просто наблюдала. Что это? Успокоительное? Снотворное? Яд? Эол, какой яд, это же бабушка.

Жгучая боль, как от раскаленной иглы прострелила руку до самого плеча, в глазах на миг потемнело. Жидкость покраснела, будто на коже выступила кровь, вскипела и с шипением стала испаряться.

Проявитель, подсказала внезапно проснувшаяся память. Третью чабреца, третью пастушьей сумки и третью сока клевера. Настаивать ночь при полной луне, закрыть черной тканью и хранить месяц. Используется для проявления наложенных заклятий. Травница должна знать, болен человек или наведена порча.

— Айка, на тебе печать, — севшим голосом сказала бабушка.

— Ага, — кивнула я, бережно баюкая ноющую руку.

— Убивший чаровника и забравший его силу, будет заклеямен, — Рион говорил, не поднимая головы, отчего голос казался глухим, доносившимся сквозь перегородку, или сквозь крышку, — печатью смерти. Долг каждого мага нести возмездие, кару отмеченным, не зная пощады и жалости. Тебе будут мстить за мою гибель.

Дошло до меня не сразу, ослепленный болью мозг сперва отказывался понимать эту фразу, а потом каждое слово словно загорелось. Печать смерти. Знак обреченных на казнь. Нет, не так, не обреченных, а осужденных на казнь за преступление против мага.

— То есть, — вставая, проговорила я, — можно тебя сейчас пристукнуть, и хуже все равно не будет?

— Лучше тебя. Чего ждать? — Рион вскочил. — Хоть похоронят по-людски.

— Тихо, — прервала нашу душевную беседу бабушка. — Печать можно снять, магическую силу вернуть. Но для этого нужен действительный маг.

Да? А где его взять? В наших-то Солодках? Один уже приехал на свою голову. Я почувствовала, как беспокойство, терзавшее меня, облекается во что-то определенное. Неужели придется...

— Надо ехать в Вышград, — подвела итог Сима, отводя глаза, добавила. — В ноги к его учителю падать.

Я открыла рот и благополучно закрыла. Смешно. Мысли вылетели из головы все до единой. Сознание затопила жалость. Сочувствие к себе, такой непутевой. Еще немного и я разревусь, пьяными, стыдными, никому ненужными слезами.

Бабушка с магом что-то говорили, обсуждали, даже спорили. В основном о том, где Рион проведет эту ночь. Конечно, пусть остается, время позднее, мало ли что приключиться может. По-моему, все, что могло, уже случилось. Если ученичка кто и пристукнет ненароком, отвечать все равно мне.

Я стиснула руки в кулаки. Надо сесть, надо подумать — основательно, неторопливо. Нужно время, нужно прийти в себя, и все будет в порядке. Решение должно быть. Оно всегда есть, просто сейчас я его не вижу. Я ушла в спальню, стащила сарафан и бросила в угол. Утром. Все утром.

Глава 2. Приключения на одно место

Сборы прошли как в тумане. Тихие шаги, шорох, осторожные

движения и шепот, будто в доме покойник или тяжело больной.

Вышград — столица Тарии, стоял на берегу Рыховки, ниже по течению, в двух совах^[8], в трех днях на юго-восток. Всего три дня, тысячи и тысячи шагов. Целый мир для меня.

Как сквозь сон я слышала, что Верей продает нам Ксанкины сапоги и лошадь. Из сапог дочка благополучно выросла, а кляча все равно старая и со дня на день должна сдохнуть. Так и сторговались на две настойки от запора и корешок мужской силы. Зачем та вдовому Верею Сима не уточняла, просто отдала требуемое. Надо было клич по деревне кинуть, люди бы на радостях, что от меня избавятся, такого насобирали, что ни одна лошадь не в силах снести.

Наблюдая за приготовлениями, я ходила по избе, то и дело натыкаясь на предметы мебели, косяки, Симу и Риона. Почему не протестую? Не кричу? Не топаю ногами?

У меня в отличие от парня есть выбор. В Солодки магов, тем более действительных, калачом не заманишь. За те годы, что я себя помню, ни одного не видела. Шансы счастливо прожить здесь жизнь, даже с этой идиотской печатью, высоки. Пусть парень сам своего учителя сюда везет, а я подожду.

Так почему я еду? Какое чувство пробивается сквозь обиду на судьбу? Что я так старательно прячу от самой себя? Предвкушение? Любопытство? Я объездила все окрестные села, но не видела особых отличий от наших Солодков.

Какой он — город Вышград? Такой, как в сказках, что рассказывала мне в детстве бабушка? Украшенные лентами дома? Мыслимые и немислимые сладости на лотках не только по праздникам, но и всегда? Мягкие ковры под ногами? Молочные реки и кисельные берега? Принцы и рыцари на каждом шагу, только и ждущие, как бы спасти попавшую в беду даму? Сомневаюсь. В жизни, в отличие от вымысла, я вряд ли выйду замуж за принца, я вообще его вряд ли встречу. И вряд ли выйду замуж.

Три дня туда, столько же обратно. Одним глазком увидеть, запомнить и вернуться. Семидневка, не больше.

«А бабушка? Почему бы ей не поехать с нами? Почему собрана только моя сумка? Почему...» — подумала я и испугалась.

Если нелегкая все же сведет меня с настоящим магом, и тот решит привести приговор в исполнение, разве Сима сможет остаться в стороне? Быть причиной гибели бабушки мне решительно не хотелось, как и смотреть на оное. Эол, о чем я думаю! Кого уговариваю? Чего боюсь? Того, чем может обернуться любопытство? Давеча уже сходила на свадьбу. Или

собственного желания уехать? Я не знала ответа. И это пугало даже больше невидимой и неосязаемой печати.

— Присядем на дорожку, — сказала Сима.

Я обвела диким взглядом комнату. Уже все? Два кулька и сумка были свалены у порога, одетый по-дорожному Рион сидел на лавке и разглядывал свои ноги с таким видом, точно никогда их раньше не видел.

— Айя, — проговорила Сима тихо. — Выбора нет. Ты должна отдать силу, а Рион позаботится, чтобы ты дожила до этого момента. Верно? — она повернулась к парню, тот, не поднимая головы, кивнул. — Потому как, если не уследит, силу ему будет брать неоткуда. Был маг, да весь вышел.

— Все это не может быть правдой, — пробормотала я, вспоминая себя вчерашнюю, ту девушку, что спокойно бормотала рецепты успокоительного снадобья над рекой, маскируя их под заговоры.

— Айя, — повторила бабушка и протянула мне маленький холщовый мешочек.

Мне не надо было заглядывать внутрь, я и так знала, что там. Одиннадцать медных черней и два серебряных дина — все, что удалось скопить за годы работы травницей в Солодках. Крестьяне редко расплачиваются монетами, предпочитая натуру: муку, хлеб, яйца, масло. И именно в этот момент я поняла, что ехать придется. Убедил меня в этом мешочек с монетами, а не слова и не сумки у двери.

Страхивая оцепенение, я посмотрела Симе в глаза. Сколько там любви, сколько мольбы и тревоги. Эол, да бабушка сама напугана даже больше меня. Сима вложила кошель в ладонь и, притянув меня к себе, зашептала на ухо:

— А норов свой спрячь, поняла. Иначе проснешься как-нибудь без головы, люди не везде такие добрые, как здесь.

— Добрые? — прохрипела я.

— Да, Айя, но пока ты этого не понимаешь, может, потом... — она торопливо отстранилась, чтобы я не увидела слез в ее глазах.

Провожать нас, бабушка не пошла. То ли меня, то ли себя пожалела. Я в последний раз оглянулась на одиноко стоящую избушку, удаляющуюся с каждым моим шагом.

Вернусь ли? Смогу ли?

***

Верхний или Новый тракт тянется почти через всю страну от Велижа

на севере и до Вышграда на юге. По нему возят рыбу с северных озер, древесину из Багряного леса, зерно с западных полей, вино и ткани с южных окраин, и еще много всего, так сразу и не вспомнить. Раньше главным торговым путем был Нижний тракт, сейчас его еще называют Старым. Он огибает Тарию с востока вблизи Вирийской границы. Но у монархов случились какие-то разногласия. Вирийский князь ни с того, ни с сего взял штурмом Пограничный гарнизон. Впоследствии войскам удалось отбить крепость назад. Поговаривали, что начнется война, купцы искали другие пути и поднимали цены. Многострадальная крепость несколько раз переходила от наших к врагу и обратно. Неизвестно, сколько бы еще правители развлекались подобным образом, но министры напомнили им о долге перед народом. Решено было проложить еще одну дорогу на западе. Торговля возобновилась, хотя цены так и не упали, как и налоги, повышенные в период строительства. Вирийский князь, в конце концов, махнул рукой на упрямую крепость, и с, так и не начавшейся, войной было покончено. Правда, люди, напуганные притаившейся угрозой, все равно предпочитали Новый тракт Старому.

Торопясь поскорей попасть к учителю, Рион наращивал темп. Деревенская кляча едва поспевала за его жеребцом. До этого мне случалось ездить верхом не более десятка раз. Я болталась в седле, как куль с мукой, чувствуя, что могу свалиться в любой момент, но никакие силы не заставят меня сказать об этом парню.

Остановок не делали, маг ел прямо на ходу, лишь чуть придерживая жеребца, чтобы прожевать сыр и не разлить воду из фляги. До темноты успели преодолеть значительное расстояние. На ночлег устроились на опушке леса, сойдя с дороги на десяток вар.

С лошади, как и обещала, я свалилась. Спина и то, что ниже, ныли. Сил на притворство не осталось. Махнув рукой на недовольного мага, с наслаждением растянулась на траве, предоставив ему право, как настоящему мужчине, обустроить лагерь: собрать на опушке хворост для костра, выложить спальные места лапником из леса, принести воды.

Надо сказать, Рион справился без единой жалобы, чем заставил меня непостижимым образом ощутить собственную никчемность. Ну, какого дасу мне надо? Вставала бы и помогала. Так нет, лежу, кусаю губы, злюсь неведомо на кого.

Ужинали в полном молчании. Если так дальше пойдет, мы и десятка слов друг другу не скажем. Может, оно и к лучшему, но настроение от таких перспектив испортилось окончательно. Лучше бы я в реку грохнулась и спала бы сейчас в своей постели. Вместо этого ворочаюсь теперь на

жестком лапнике под открытым небом и взгляды парня игнорирую. Как бы он ни пытался скрыть любопытство, я чувствовала его затылком.

Прошлую ночь он провел под нашей крышей и не осмелился сунуть нос в спальню, теперь же восполнял недостаток сведений о водянках. Да, знаю я, как выгляжу в темноте. Еще хуже, чем при свете дня. «Хватит уже», — мысленно рыкнула я. И Рион словно услышал. Странно крякнул и, наконец, отвернулся. Через несколько минут дыхание парня стало ровным.

А вот мне не спалось. Снимем мы печать, вернее учитель снимет, но это полдела. Еще и силу возвращать надо. Проблема в том, что никакой силы я в себе не чувствовала, поэтому сильно сомневалась в ее наличии. Будет весело, если вернуть я ничего не смогу.

Лето было в разгаре, но прохладное туманное утро об этом не догадывалось. Стуча зубами, ежась от озноба и поглубже натягивая капюшон куртки, я попыталась встать. Вот именно, попыталась. Как все болит! Это лошадь на мне вчера ехала, а не наоборот. Издав стон, я упала назад и потянулась к сумке, где-то там была мазь от боли в мышцах.

Парень проснулся в самый неподходящий момент, я поймала его напряженный взгляд, когда, тихо ругаясь, пыталась намазать себе поясницу. И то, что ниже.

— Чего уставился? — невежливо пробурчала я.

— Ничего, — буркнул он, и разворошил почти погасшие угли костра.

Я натянула штаны и невесть с чего покраснела. Лучше боль, чем тот самый первый взгляд, которым меня наградил парень, проснувшись.

— Нам в седлах еще пару дней трястись, — добавил Рион и принялся собирать вещи, — Ты сможешь или...

Он еще не договорил, а я уже рявкнула:

— Да.

Рион с мученическим видом вздохнул и пошел собирать вещи.

Второй день прошел не лучше первого. Натертая кожа горела. Риона захотелось убить еще больше. И вообще, мир совсем не радовал.

Одно хорошо, больше он так гнать не решался, с тревогой оглядываясь через каждый десяток вар. А я улыбалась, стараясь не показать насколько больно мне сидеть в седле, и только сильнее стискивала руки на поводьях. Не знаю, что сломало лед, мои страдания или слова бабушки, о том, что без меня парню не видать силы, как собственных ушей, но теперь молчание не было абсолютным. Рион иногда обращался ко мне, один раз даже назвал по имени. Как не порадоваться.

Дорога поражала однообразием. И чего привлекательного находят в путешествиях? Встречаемые изредка путники, настороженно косились на

меня. Но и только, в этих взглядах не было злости, только любопытство, иногда озабоченность. К вечеру на горизонте показалась деревушка, первая за все время.

— Заночуем с удобствами? — спросил Рион и, не дожидаясь ответа, направил коня к указательному столбу.

— Платить не буду, — сказала я и поморщилась, фраза прозвучала сварливо. — Если что, могу и на лапнике за околицей устроиться, — маг даже не обернулся, и тогда я задала вопрос, который волновал меня намного больше денег. — Магов там нет?

— Тут не предскажешь, он может ждать нас и там, — Рион указал на деревушку впереди. — И там, — кивок на уходящий к востоку тракт. — Но пока нам везло.

— Все маги способны увидеть печать? И ты? — воспользовалась я разговорчивостью парня.

— Действительные — да, а всякие ведьмы и колдуны не в счет, чаще всего они пустышки. Я не прошел посвящение, к тому же без силы, — вздохнул Рион. — Нет, я тоже не могу.

— Хотьки, — прочитала я надпись на указательном столбе, чем немало удивила Риона.

Да, я умею читать. И писать тоже. Бабушка научила, рецепты снадобий надлежало записывать, иначе никакой головы не хватит.

Рион дернул плечом, но вопросов задавать не стал, тронул коня, въезжая в деревушку. На первый взгляд, она мало чем отличалась от Солодков. Деревянные домики, огороды, в которых квохтали куры, в сараях мычала скотина, на распорках сушились рыболовные сети. Чтоб такое увидеть, можно было и не уезжать.

Первой из жителей Хотьков мы увидели древнюю бабку с хворостиной и безрогую козу, лениво жевавшую траву у дороги. Старуха увидела скрюченную в седле меня и поводила рукой из стороны в сторону в отвращающем жесте, коза укоризненно затрясла бородой.

— Скажите, почтенная, — обратился к женщине маг, — постоянный двор здесь имеется?

К нему вернулось презрение столичного жителя, правда, теперь оно казалось мне наигранным и мальчишеским, как плохо подогнанная под размер лица маска.

Сколько ему на самом деле? Шестнадцать? Семнадцать? Двадцать, как мне? Вряд ли. Хотя, кто их чаровников разберет. Говорят, есть и такие, что лет в сто смотрятся юношами. Врут, поди. А этому... Пусть, будет семнадцать. И то с натяжкой.

— А як ше, — пошмякала старая карга губами, — ехайте прямо, у колодша направо и шрашуишба ш белыми штавнями. Он и ешть. Питриша там ша хошаяина.

— Благодарю, — кивнул маг и поехал в указанную сторону.

Я старалась не отставать дальше, чем на полкорпуса. Недобрый взгляд старухи упирался в спину. Тревога, для которой не было причин, коснулась холодными пальцами моего затылка. Отвращающий жест бабки не в счет, для меня это сродни рукопожатию. Я скорее удивлюсь объятиям и радушной улыбке, а уж хлеб с солью повергнет в панику.

Улица расширилась, образовав круглый пятачок, где у колодца топтались женщины с коромыслами и ведрами. Судя по сваленным в стороне кадушкам и обездвиженной лебедке, пришли они не за водой. Или не только за водой. Тетки в цветастых передниках замолчали и устали на нас. На меня. Через несколько минут распоследний увалень в этих Хотьках будет знать, кто объявился в деревне. А сопровождающий меня парень, словно не замечал взглядов, не слышал шепотков, не видел плевков вслед.

Постоялым двором оказался двухэтажный бревенчатый домик со свежееокрашенными ставнями, чистыми стеклами и гостеприимно распахнутой дверью. Стоило нам войти, как хозяин, видимо тот самый Питриша или Питриш, вынырнул из-за стойки.

— Чего желаете? — при взгляде на меня ни один мускул не дрогнул на потемневшем и словно загрубевшем лице мужчины.

— Комнаты, ванну и горячий ужин, — перечислил Рион, выкладывая на стол серебряный дин^[9]. — Лошадей в стойло и задать корма.

Дядька кивнул, монета исчезла.

— Лиска, — рыкнул он вглубь помещения.

Тотчас выскочила молодая рыжая девица, усталилась на молодого парня так, словно увидела одного из сподвижников Эола, а потом зазывно улыбнулась. Даже слишком. У мага покраснели уши. Я вернула девушке улыбку. Каюсь, переусердствовала. Далее все развивалось в лучших традициях. Лиска сделала круглые глаза, помахала перед собой рукой — «чур меня, чур», плюнула на пол для отгона нечисти и, наконец, ущипнула себя, чтобы проснуться.

— Лиска, — повторный рык хозяина заставил ее подпрыгнуть. — Крайние комнаты.

Девушка заторопилась и, часто оглядываясь — чем порядком нервировала мага — поднялась по лестнице. Ткнула пальцем в двери и убежала, с приглушенным писком протиснувшись мимо меня в коридоре.

Не удивлюсь, если сегодня под дверь будет насыпана соль.

Комнату я оглядела с любопытством. Бывать на постоянных дворах мне приходилось и раньше, когда бабку звали к перепившим купцам и их хлипким сыновьям, а один раз даже принимать роды у дородной матроны с тюками, полными лисьих шкур. Но еще никогда мне не доводилось быть гостьей, да еще и получить в свое распоряжение целую комнату. Для меня одной! Может, и не все рассказы обернутся вымыслом.

Кровать, низкий столик, пара табуретов, зеркало на стене и скамья вдоль стены. Чистенько, пахнет цветами. Почти сразу двое мужчин принесли деревянную лохань по пояс и несколько ведер горячей воды. Работники, хоть и поглядывали с любопытством, но вели себя спокойно. Мужики же, визжать вроде не по чину. Хотя, взять того же сына мельника из Солодков, здоровый детина, а как голосил, когда я впервые пришла за мукой, словно певец в церковном хоре, который с настойкой перебрал. Орал и тыкал пальцем. Я грешным делом подпрыгнула и обернулась, ожидая увидеть за спиной демона али заблудшую душу.

Работники вышли, я опустила пальцы в кадку, ощущая мягкое тепло. Вода в бочке или корыте никогда меня не пугала, в отличие от реки или колодца, не несла в себе ни глубины, ни неизвестности. Средство, чтобы смыть грязь, не более. Прозрачное, неопасное, неживое.

Странное это ощущение, когда кто-то что-то делает для тебя, например, греет воду, будто высокородной маис^[10]. Приятное, но непонятное.

Стук в дверь раздался, когда я уже оделась и собиралась спускаться к ужину.

— Я тебе поесть принес.

— Не стоило, — пропуская мага в комнату, ответила я, — сама в состоянии.

— Слушай, — парень вздохнул, словно говорить со мной ему не нравилось, вернее ему не нравилась я, но он сделал над собой усилие. — Лучше тебе не выходить. Девица, что Питришу помогает, и так не в себе, истерику устроила. Ужин и то пришлось самому нести, — Рион поставил поднос на сундук, и, прежде чем выйти, торопливо попросил: — Айка, не обижайся, ладно?

Надо же, а ведь он почти извинился. А я почти поверила. И не обиделась. Опять же, почти. Дверь за магом захлопнулась, ограждая от внешнего мира, который так хотелось посмотреть. Неужели так и будет все путешествие? Ковыряясь в тарелке, я уговаривала себя не злиться. В том, что проблем не хочет, парень прав. Я тоже не хочу, но меня, как обычно не

спрашивают.

Я знала, как выгляжу. Давно привыкла. Все, как у всех: голова, два уха, два глаза, рот, нос точно по центру. Ни рогов, ни клыков, ни прочей пакости. Вот только черты поражали своей чуждостью до уродливости, слишком широко расставленные глаза, резкие скулы, нос с горбинкой, рот, за который Илька дразнила меня лягушкой.

Хмурая девица с белой, с оттенком в серебро, косой, бледная кожа, к которой никогда не прилипал загар, светло-серые водянистые глаза. И острые, словно напильником заточенные, клыки. Нет, они не выступали, как на старых гобеленах Симы, изображавших вампиров, иначе меня утопили бы сразу. Мои зубы отличались всего на чуть-чуть, но это было очень весомое «чуть». Они были белые, хотя я ни разу не прикладывала к ним содовой раствор, как Ксана. В Солодках девчонки к двадцати годам имели пару детей, и пару щелей в желтых зубах. Мои оставались такими же белыми, правда, на количестве детей это не сказалось. Клыки, чуть более острые, чем принято, будь они нормального цвета, на это-то бы не обратили внимания. Но они не были. Я вся была не того цвета среди смуглых черноглазых крепко сбитых селян. Одну странность мне бы простили, все вместе взятое — не могли. Я и выглядела как маленькая, щупленькая девчонка, лет семнадцати, хотя по нашим с бабушкой подсчетам, мне около двадцати. Даже если я водянка, чего бояться-то? Тот же кузнец мог свернуть мне шею одним движением.

Так что было во мне такого, что заставляло того же мельника орать дурниной?

Этот вопрос занимал меня уже давно. Последняя война с вордами, в простонародье народом воды, закончилась столетие назад. Да и не было ее как таковой. Тогдашний король Истар решил присоединить к Тарии Озерный край. Войско без всякого дела простояло на границе несколько дней, так как с противником вышла незадача. Вооруженные до зубов вояки тщетно искали, кого бы то ни было по озерам и болотам. Натыкающиеся друг на друга отряды не сразу поняли, что ходят по кругу. Вернуться обратно тоже не получалось. По воле странного колдовства основная часть войска кружила на месте. Какой морок на местность или на людей навели жители Озерного края до сих пор неизвестно. Отрезав Истара от основных сил, ворды отправили к людям посланников, которые разъяснили монарху истинное положение дел и посоветовали отправляться домой. Разгневанный король приказал всех повесить. Что на самом деле произошло дальше, не знает никто. Выжил из всех присутствовавших на переговорах лишь один монарх. Он свернул остатки лагеря и покинул

негостеприимный край.

Многое и в то время было не ясно, спустя годы и вовсе обросло слухами и легендами. Те, кто, в конце концов, смог выбраться с территории воды, рассказывали жуткие истории о водянках, об их физической силе, об уродливых телах, белой, как брюхо рыбины, коже, об острых зубах и страшной магии... С тех пор Озерный край считался запретным.

Мое внешнее сходство с народом воды вызывало у большинства людей страх. А страх, порождает ненависть. Конечно, проблему легко можно было бы решить с помощью краски. Мы с бабушкой пробовали, настояли травы, нанесли на волосы и кожу. Результат превзошел все ожидания. Шевелюра стала средне-русой, но почему-то с оттенком в зелень. Лицо и тело покрылись замечательными разводами, цвета крепко заваренного чая — болотная Мара, во всей красе. Хорошо, что все легко смылось водой. Второй раз вышло удачнее. Кожу мы оставили в покое, ограничившись издевательствами над волосами. Краска, с учетом предыдущих ошибок, получилась что надо, коса приобрела замечательный цвет темной меди. В таком виде я даже рискнула выйти из дома, чтобы через полчаса прибежать обратно и спрятаться в чулане.

Темно-рыжие волосы в сочетании с белым лицом и глазами произвели на крестьян сильное впечатление. Они приняли меня за Навь^[11], кто-то с криками убежал, кто-то упал ниц, моля о пощаде, а кто-то пошел точить косу, единственное народное средство против олицетворенной смерти. Клин клином, как говорится. Больше попыток изменить то, что дал мне Эол мы не делали, проще оставить все как есть, да и народу привычнее.

Солнце клонилось к горизонту, и деревню окутали легкие сумерки. Поднос так и стоял на сундуке, за ним никто не пришел, а я из вредности не понесла его на кухню. Раз уж не хотят меня там видеть, значит, и не увидят. Закрывая окно, краем глаза я уловила движение. В тени кустов, был человек. Он прохаживался туда-сюда, явно чего-то ожидая. Приглядевшись, я узнала Риона. Из-за угла показалась темная фигурка и быстрым шагом подошла к парню. Они переговорили и направились к выходу из внутреннего дворика.

Бесполезное ничегонеделание еще никого до добра не доводило. Стало обидно, что я сижу здесь, а маг-недоучка ходит, где хочет. А потом обиду сменило недоверие. А что если... Перед глазами встала картинка, как парень передает из рук в руки кошелек, а ночью, когда я буду крепко спать, темная фигура скользнет в комнату и... Дальше фантазия стала метаться в поисках наихудшего варианта. Не зря же говорят, что кости народа ворд используют для страшного колдовства. А как же сила, которую я украла у

парня? А кто сказал, что это так? Только он сам, а бабушка констатировала проклятье печати. Он же сам сказал — колдуны и травницы не в счет, они не могут видеть.

Не давая себе труда задуматься над тем, что делаю, или чего делать не стоит, я влезла на подоконник, спустила ноги и вылезла наружу. Зацепившись руками за подоконник, повисела несколько секунд и, зажмурившись, отпустила пальцы. Высота небольшая — второй этаж. Приземление вышло мягким, почти бесшумным.

Рион и незнакомец в плаще опережали меня на несколько десятков шагов. Стараясь оставаться в тени, я последовала за ними. Не особо скрываясь, они прошли деревню насквозь и остановились на окраине. Дорога разделилась, направо — огибала село, и прямо — выходила на тракт, откуда мы приехали. Дальше только поле, со снопами сена и далекий лес. Я подобралась ближе, раздвинула ветки кустарника и...

Тьфу, ты. Правду говорят, любопытство до добра не доводит. Две фигурки сплелись в тесных объятиях, с головы незнакомца, вернее незнакомки, упал капюшон, открыв рыжие кудряшки. Работа на постоялом дворе у Лиски закончилась, и девушка решила развлечься. И чего им в комнате не сидится? Потянуло куда-то, искать приключений на одно место. И судя по звукам, они его успешно нашли. Парочка повалилась на сено. Да и я хороша, понесла нелегкая. Идти мимо развлекающегося Риона, рискуя привлечь его внимание, не хотелось категорически. Одно дело самой корить себя, другое — позволить это другому. Я посмотрела на уходящую во тьму дорогу, опоясывающую деревню. Так возвращаться раза в два дольше, но торопиться мне некуда. Буду считать это наказанием за дурацкие мысли. Верить надо людям, хотя бы некоторым. Хотя бы каждый первый день седмицы.

Под прикрытием кустов я выскочила на тракт, быстро миновала открытое пространство и зашагала по дороге.

Вторая ночь вне дома. Завтра к вечеру будем в Вышграде. Вот и все путешествие. Чего я страшилась? Деревни словно скопированы друг с друга, да и люди ничем не отличаются. Почему мы с бабушкой не приезжали сюда раньше? Объездили все окрестные села, а сюда ни ногой? Ответ один — в помощи местная травница не нуждалась.

Дорога плавно изогнулась, и ночную тишину нарушил полный боли крик. Я споткнулась и замерла, кожа мгновенно покрылась мурашками. Отличить пьяные непристойные или любые другие выкрики от криков боли несложно. Кому-то очень-очень плохо. Первым моим побуждением было спрятаться в кусты. Но я смогла его побороть, некоторое время

раздумывала, а потом медленно пошла вперед, сначала потихоньку, потом все быстрее и быстрее. Возможно, кто-то нуждался в помощи, а я будущая травница, как-никак. Хотя идея спрятаться в кустах все еще не потеряла привлекательности.

Добежав до пересечения окружающей село дороги и одной из боковых улочек, я остановилась. Можно не торопиться, помогать было уже некому. На земле, рядом с мохнатой кучей, похожей на драную козлиную шкуру, раскинув руки, лежал человек. Ни движения, ни ветерка, лишь поднимавшийся от земли запах. Приторный, тошнотворный. Кровь, много крови. Пустые глаза на морщинистом желтоватом лице, навсегда застывшие в немом испуге. Мохнатая куча оказалась безрогой козой. Скотине перерезали горло. Именно по несчастной животине, я их и узнала. Давешняя бабка, указавшая нам дорогу к трактиру.

Я присела рядом с телом. На старухе не было никаких видимых следов душегубства, можно подумать, она сама отдала концы, чего-то испугавшись. Зарезала животное, а потом не выдержала угрызений совести?

У нас в Солодках старая Елая, мать пастуха Иськи, тоже как-то понесла ему на выпас обед, да так и не дошла, отдав Эолу душу среди луговых трав. Выглядела покойница примерно так же: удивленное, почти испуганное лицо и ни одного повреждения, если бы не зарезанная коза...

— Баба Нюля, чегось так долго? — раздался тоненький голосок.

Я оглянулась. Девочка в светлом сарафане таращила на меня круглые от удивления глаза.

Если, встретившись со мной днем, крестьянин ограничится плевком и перехваченными поудобнее вилами, то ночью мой светлый лик вытеснит из головы все лишние мысли. И нелишние тоже.

Мои волосы едва заметно светятся на кончиках, будто на косу уселось несколько сотен маленьких светляков или болотных огней. Глаза, словно серебряные монеты, отражали лунный свет. Вроде и ничего страшного, но на неподготовленного человека обычно действует бодряще. Чем пришлось заплатить за это знание, я предпочитала не вспоминать.

«Думать надо было прежде, чем из окна вылезать, на ночь глядя», — мысленно попеняла я. Правда признание собственной дурости вряд ли поможет.

Взгляд девочки переместился поверх плеча. Я поднялась, стараясь закрыть неприятную картину, и проговорила:

— Послушай...

Поздно. Визг вспорол ночь, как нож масло. Девчонка бросилась прочь,

не переставая голосить на самой высокой ноте. Я кинулась следом. То в одном, то в другом окне загорались робкие дрожащие огоньки лучин. До постоянного двора я буквально долетела, не касаясь ногами земли. Под аккомпанемент воплей, едва разминувшись с перепуганными жителями окрестных домов. Взобралась по стене дома на второй этаж за несколько ударов сердца, сказался и опыт лазания по деревьям в родном лесу, и страх, тонкой струйкой холодивший позвоночник и подстегивающий лучше любого кнута. Я бы сейчас и на мельницу взлетела, если бы понадобилось.

Что будет, застань меня люди добрые над телом старухи и ее безвинно убиенной козы, представить нетрудно. Я юркнула в комнату, продолжая чутко прислушиваться к гомону за окном. Народ собирался у колодца в центре села, надеюсь, это традиционное лобное место, потому как меня слегка волновала их близость к трактиру.

— Я никуда не выходила, — несколько раз повторила я, пытаюсь успокоиться, — спала.

В дверь постучали, и от этого тихого звука, я едва не подпрыгнула на месте, сердце забило в горле.

— Айка, открой, это Рион.

— Эол, — простонала я.

У парня вроде было занятие повеселее, чем отираться возле моей комнаты. Я отодвинула щеколду. Маг юркнул в комнату, закрыл дверь, посмотрел на меня. Хмыкнул и стал торопливо зажигать свечи, в их свете я не кажусь столь потусторонней, просто бледной.

— Скажи мне, что ты сидела здесь, — попросил маг.

— Я сидела здесь, — повторила я. — А что?

Ответить парень не успел. По лестнице загрохотали тяжелые шаги.

— Почтенная, откройте, — кто-то сильно, не иначе как сапогом, постучал по двери.

Мы молчали. Стук повторился.

— Ломай, робя. Там она, убивитца, затаилась.

Много ли ума надо, чтобы ломиться к стриге, только что убившей человека? И ведьма хороша, сидит и ждет торжественных проводов к костру. В общем, мы нашли друг друга. Взгляд метнулся к окну. Успеет или нет?

— Обождите, — выкрикнул маг и, не давая опомниться, сгреб меня в охапку и бросил на кровать. Тощий с виду парень оказался неожиданно сильным. Вид у меня был слегка напуганный, и абсолютно глупый, такой, как и положено иметь постельной девке. Рион, тем временем, лихорадочно раздевался, не заботясь о целостности одежды, скидывая тряпки, как

попало, на пол. Вздохматив шевелюру, полуголый маг откинул брус и рывком распахнул дверь.

— Я мало заплатил за покой? — рыкнул он в коридор.

— Просим прощения, — услышала я голос хозяина, который с небольшой заминкой продолжил. — Господин чаровник, ошиблись мы. Нам бы вашу ведьму для разговору надобно, да видно комнату спутали.

Меня, понятное дело, сразу в ведьмы определили, а в парне-то, как мага распознали? Ранее его так не величали.

— Не спутали, — процедил Рион. — Моя спутница здесь, — и шагнул назад, освобождая проход

В комнату ввалились сразу пять человек во главе с гостеприимным Питришем. При виде народных добровольцев, я даже смогла улыбнуться, старательно кутаясь в одеяло. У мужиков хватило совести смутиться.

— Итак, — напомнил о себе маг, скрестив руки на тощей груди.

По мне, выглядел он скорее смешно, чем грозно, но посетителям понравилось. Половину воинственности они уже растеряли.

— Беда у нас, господин чаровник, может, хоть вы разберетесь, да народ успокоите, а то там..., — хозяин трактира неопределенно махнул рукой.

Возвращаться к народу с пустыми руками ему не хотелось. Не пленная ведьма, так свободный маг. Не задав ни единого вопроса, Рион оделся, и с неясными намерениями шагнул к кровати. Полезет целоваться, укушу. Потом, конечно, пожалею, но вряд ли сдержусь. Мысли настолько ясно отразились на моем лице, что парень все понял, потрепал по щеке, словно скотину, и ласково изрек:

— Не сучай.

Я нервно закашлялась. Не буду, обещаю.

Глава 3. Поиски

Утро было серым и неправильным. Мне случалось просыпаться в разных местах: в лесу от волчьего воя; от ведра колодезной воды в лицо, в сенях у Верея, где я умудрилась задремать после бессонной ночи, когда мы выхаживали захворавшую Ксанку; в чужом доме от визга служанок, куда бабушку накануне вызвали. Но это утро... Оно выделялось даже среди таких же тревожных и неприятных. Нет, меня не обливали, не орали, скорее наоборот, обошли стороной, не грохнув кулаком по двери и не веля спускаться к завтраку. Я проснулась сама, и сразу поняла, что все будет

неправильно. Можно назвать это предчувствием или просто плохим настроением, когда видишь нехорошее в каждой мелочи, даже в луче солнца, который скользнул по подушке и тут же исчез.

Поднос с грязными тарелками, на которых засохли остатки еды, все еще украшал комнату. Там я его и оставила, спускаясь на завтрак, благо в столь раннее время зал оказался почти пуст. Только в углу что-то пили двое охотников и, кажется, пили с вечера, какой-то бродяга спал прямо на лавке, да Рион, бодро разделялся с яичницей.

Сидя за столом напротив чаровника, я вяло размазывала поданную трактирщиком кашу по тарелке. Аппетит отсутствовал. Потому что стало ясно, что в Хотьках нам придется задержаться. Нет бы в столице... Хоть раз увидеть ее белые стены и высокие шпили. А мы будем бродить среди рассыхающихся изб и косых заборов.

Рион же уплетал завтрак за обе щеки. Несмотря на мешки под глазами и бессонную ночь, настроение у парня было преотличным. Он только что рассказал мне, чем занимался этой ночью, не считая Лиски.

— Я обет дал, — спокойным тоном, словно о погоде за окном сказал Рион, а я замерла, не донеся очередную ложку до рта.

Об обетах я слышала. Бабушка в свое время немало сказок рассказала о великих магах, спасавших целые города от моровых поветрий, о могучих артефакторах и злодейских зеркальных чаровниках, о магии, о битвах, о добре и об обетах. Даст какой-нибудь Мeneвель Светлый клятву защищать город, и сидит в нем до старости, вражеские атаки отражает, которые, понятное дело, следуют одна за другой. Темные силы знают, где сидит светлый, и лезут туда, словно медом намазано, нет бы, взять по-тихому соседний городок.

Я вздохнула, на самом деле все детство мечтала, чтобы какой-нибудь Вереск Чистый, давший обет найти дочь, увез бы нас с бабушкой в свой замок. Меня, само собой, враги украли из колыбельки и в реку выбросили. Варианты похищения каждый день менялись, то темные силы, то нянька подкупленная, то мачеха. Сказать, куда делась мать, я в силу скудности фантазии не могла, но мечтать продолжала. И как бы обзавидовались все в Солодках — и Ксанка, дразнившая меня цаплей, за удобу, и Котька, отобравший туесок с малиной. Ух, как бы они пожалели, когда отец — действительный маг приехал за мной. В том, что это должно вот-вот произойти я нисколько не сомневалась, ибо давший обет не мог его нарушить, если хотел жить, конечно.

— Тебе сказать, кто ты? — спросила я, опуская ложку. — Или сам догадаешься?

— Не утруждайся, — в тон мне ответил парень, — Вот и делай после этого добрые дела. Припомни, не к тебе ли недавно мужики ломились? На костер захотела?

— Меня спасал, значит? Подвиг совершил? — я отодвинула тарелку. — Я не прекрасная дама и ни о чем не просила.

Легкость, с которой Рион разбрасывался смертельными клятвами, мне не нравилась. Семнадцать лет, а уже верный кандидат в покойники. Да Эол с ним, теперь, выходит, я ему обязана? Как же не люблю обязательства, а еще это неловкое чувство неотданного долга.

— Выбор был прост, — стиснув зубы, пояснил парень. — Либо убийца ищут они, а ты знаешь, кого они найдут и казнят, либо я. В любом случае смерти надо прекращать, а я маг.

— Ты мальчишка, — фыркнула я. — Они что, спятили? Поверили пацану...

Я смотрела на парня, представляя, как он с подобающе серьезным выражением лица вытягивает руки и с чувством дает обет. Крестьяне внимают. Сцена для баллады о Рионе Придурковатом.

— Я маг, — рявкнул Рион, ложка звякнула о тарелку. — Айка ты... ты... наглая девка, если б не сила и твоя бабка, стал бы я... да сам бы удавил!

На нас обернулись, и сам хозяин, и двое мужчин в куртках охотников и даже спавший на крайней лавке пьяница приоткрыл глаз. Хорошо, что Лиски не было, заменявшая ее в зале пышнотелая разносчица уже успела разбить два стакана, по одному каждый раз, когда проходила мимо нашего стола.

— Стоп, — взмахнула я рукой. — Ты сказал «смерти»? Ты ведь это не о козе?

Рион несколько минут молчал и смотрел куда угодно, только не на меня, и судя по покрасневшим скулам, злился. По справедливости я, конечно, заслужила, могла же все это и по-другому сказать, посюсюкать, посетовать на молодость и отсутствие опыта, но... В Дасунь, со мной никто никогда не сюсюкал, и я не буду. Переживет. Вон уже повернулся и кулаки разжал.

— Не о козе, — подтвердил мои худшие подозрения парень. — В этих несчастных Хотьках уже третью ночь гибнут люди. Первые двое были мужчинами, а теперь бабка эта... Причины неизвестны, повреждений на телах нет, но покойники появляются регулярно, — он передернул плечами, разминая затекшие мышцы. — Есть свидетель, девочка, — я скривилась. — Она уже растрезвонила на весь свет о злощей ведьме, умертвившей бабу

Нюлю. К счастью для тебя, рассказывая, ребенок перестарался. Ведьма была огромного роста, белая как туман, из глаз сыплются молнии, — тут он и сам улыбнулся, едва заметно, но все же. — Чудовище с громким воем бросилось на девочку...

— Кто из нас был еще вопрос, — пробормотала я.

— Но догнать не сумело, — закончил Рион и, не удержавшись, поддел. — Так что, на твоём месте я бы не молот языком, а был благодарен. Если бы не я, гореть тебе синим пламенем.

— Я благодарна, — я широко улыбнулась и закивала. — Честно. Не веришь? Хочешь поцелую?

— Не надо, ещё заразишь чем.

Мою улыбку оценил не только парень, но и разносчица, и тарелка со звоном встретила с дощатым полом. Эта встреча кончилась плохо, руганью Питриша и тоненькими оправданиями девушки. Как бы меня отсюда не выкинули, или того хуже, попросили оплатить разбитую посуду.

— Одно хорошо, — Рион встал. — Раз люди обратились ко мне, своего мага у них нет.

— Послушай, — не особо надеясь на ответ, решила спросить я. — Как в тебе мага распознали?

— О камне силы помнишь?

Я кивнула. Ещё бы, ни на минуту не забываю.

— Когда амулет наполняют энергией, — парень закатал рукав, — на предплечье у его владельца появляется знак, — я посмотрела на витиеватый рисунок на коже, состоявший из черных переплетённых полос. — Отметина мага, у каждого она своя и никогда не повторяется. Кстати, печать смерти — её точное повторение. Но если печать видят только действительные, то руна всего лишь рисунок на коже, и видна всем. Вот хозяин вчера и заметил.

— А по-другому мага можно узнать? — с тревогой спросила я.

— Ну, если он сам не кричит, что маг, то только в момент использования силы.

— То есть искры, свет, огонь, падающий с неба?

— Примерно.

— Но чаровники всегда друг друга видят?

— Нет, — кратко ответил парень, идя к выходу.

— Ты... ты... — теперь настал мой черед злиться, я догнала Риона и, схватив за плечо, заставила остановиться. — Если мы встретим мага, если поймем... если...

— Я понял, — спокойно ответил он.

— Ты немедленно демонстрируешь эти художества, не дожидаясь помощи с моей стороны. И делаешь это так, чтобы даже слепой увидел, а дурак понял: Ты жив, печать — ошибка.

Эол, моя жизнь зависит от желания и умения этого мальчишки быстро раздеваться.

— До тебя, наконец, дошло? — спросил он. — Что мы связаны?

Я в раздражении тряхнула головой.

— Если ты погибнешь раньше, чем вернешь силу, я тоже долго не проживу. А если погибну я, первый же встречный чаровник снесет тебе голову и насадит на пику, — серьезно сказал Рион, снимая мою руку с плеча. — А сейчас давай лучше заглянем к родственникам погибших.

Он вышел из трактира. А я, на минуту закрыв глаза, пыталась справиться с раздражением, гневом и... страхом. Я понимала, что он прав, понимала, но признать это вслух не могла. Поэтому вопрос, кто из нас был тогда большим ребенком, оставался открытым.

Я толкнула дверь и быстрым шагом догнала Риона. Тот никак не отреагировал на мое появление. Не улыбнулся и не съязвил, заставив почувствовать себя последней дурочкой, потому что я бы точно не сдержалась. Во имя нашей общей безопасности, мне лучше быть поближе к парню. Не дай Эол, опять клятву какую даст, они его тут навсегда и оставят, атаки вражеских тараканов отражать.

В полном молчании мы подошли к добротному одноэтажному домику с небольшим огородиком за покосившимся забором, в сарае на разные голоса блеяли козы. На крыльце женщина нервно комкала в руках полотенце. Странно это все выглядело, взрослые люди терялись перед мальчишкой, словно перед сборщиком налогов. Рион маг, а они... Они просто люди, такие же, как у нас в Солодках, простые, иногда мнительные, иногда решительные, часто злопамятные, боязливые, как сейчас.

— Господин чаровник, — поздоровалась хозяйка с Рионом.

— Расскажите, что с вашим мужем случилось, — попросил парень.

— Второго дня его нашли, — женщина с сомнением покосилась на меня, но вопросов задавать не стала. — Я-то Асина не хватилась. Работу закончил, расчет получил. Знамо дело, с дружками в трактир подался. Утром пастух на него наткнулся, повел коров на водопой, вот на берегу и нашел. Лежал в траве, будто отдохнуть прилег.

— Дружки что говорят?

— Да чего они упомнят. Сидели, пили. Дело к ночи, мой решил маленько охолонуться, чтобы значит, мне показаться. Ушел к реке, а они остались. Питриш потом рассказывал там и заночевали. Вчера моего Асина

схоронили... В сыру землю лег.

Женщина всхлипнула и спрятала лицо в полотенце, плечи затряслись. Большого Рион от нее добиться не смог, как ни старался. Она повторяла одно и то же: работал, напился, ушел к реке, умер.

По мне так все это — пустая трата времени, но чаровник отправился дальше. Я следом. И снова мы шли рядом. И снова в молчании, на расстоянии вытянутой руки, но казалось, что в нескольких тысячах варов друг от друга. У самого первого усопшего дома, как такового, не было. Шаткая сараюшка, в которую мы даже не стали входить, хватило одного брошенного через порог взгляда. Ни окон, ни дверей, рухлядь, закопченный очаг, тюфяк в углу. Воняло оттуда знатно.

— Там что, кто-то еще помер, да так и лежит неприбранный? — спросила я.

Рион не ответил, оглядывая пустынную улочку. Окраина села, хотя пара домов еще радовала свежеекрашенными ставнями и раскидистыми яблонями, ниже виднелись заросшие бурьяном огороды и хлипкие домики, которые зимой наверняка промерзают насквозь, крапива в человеческий рост почти скрывала заборы.

Парень направился к ближайшему дому, почти вплотную примыкающему к сараю погибшего. Неухоженному и темному, но все же дому, пусть щели между бревен давно не мешало бы законопатить. Рион стукнул кулаком по двери, внутри что-то с грохотом упало.

Открыли ему сразу же, словно ждали этого стука. Маленький лысоватый мужичок, со следами постоянных и неумеренных возлияний на лице, суетливо потер грудь и тонким голосом спросил:

— Чегось?

— Там, — спросил маг, кивнув на развалюху. — Твой дружок жил?

— Трашик? Дык, да.

— Можешь рассказать о нем?

— Дык, вчерась схоронили, — не понял, чего мы собственно от него хотим, мужичок.

— А он сам, нам собственно не нужен, — сказала я, заслужив очередной злой взгляд Риона.

— Я маг, — четко выговорил мой спутник. — Должен найти и наказать виновного.

Мужичок побледнел, округлил глаза, но ничего не сказал, просто не смог, и лишь воздух сипло вышел между приоткрытых губ.

— Эй, уважаемый... — я тронула его за плечо, опасаясь, что у нас может стать на одного покойника больше, и тогда уж мне от обвинений не

отвертеться.

«Уважаемый» по-бабьи взвизгнул и, захлопнув дверь, кинулся в дом. Мы, честно говоря, ничего подобного не ожидали, оттого сперва немного растерялись. Вернее я.

— Раз бежит, значит, вина на нем есть, — пробормотала я, хотя так можно сказать почти про каждого, да и вина разная бывает.

Подскочив к двери, я ухватилась за ручку, но беглец успел запереться.

— Айка, отойди, — рывкнул маг.

В его сведенных ладонях замерцала разноцветными искрами огненная сфера и, сорвавшись с пальцев, ударила в преграду.

— И это называется, он ничего не может? — прошептала я, дверь разлетелась в щепу, а сфера уже пробивала следующую, отделявшую сени от комнаты.— Хорошенькое ничего. Никогда не буду верить магам.

Пройдя дом насквозь, сфера с треском лопнула и исчезла. Внутри царил кавардак, пахло паленым деревом и чем-то кислым. Сломанный табурет валялся посреди большой комнаты, когда-то белая печь имела оттенок серой дорожной пыли. Незадачливый беглец так громко клацал зубами, что найти его не составляло труда. Мужчина забился в нишу между стеной и печью, где, обхватив себя руками, он безуспешно пытался вжаться в бревна, в идеале раствориться в них. Рион ухватил его за руку и выволок на середину комнаты, аккуратно к сломанному табурету. Я в который раз поразились силе, которая таилась в худых руках парня.

— Ну, — прикрикнул маг, — ты соседа убил?

— Пощади, чаровник! — завыл пленник.

— Пощажу, конечно, пощажу. Рассказывай, — на пальцах Риона замерцали разноцветные искры, действуя на мужика сильнее и быстрее любого зелья правды.

— Не по злomu умыслу, — голос мужика дал петуха, слова полились как вода из дырявой бочки, наскакивая друг на друга, перемежаясь всхлипами и жалобными мольбами. — Мы же с Трашем вместе... ужo почитай зим пять того...

— Пьете? — спросила я.

— Сосеdствуем, — вроде бы обиделся мужчина, Рион сдвинул брови, и тот торопливо продолжил. — Медовуху его бабка варила знатную, но когда померла, мы сами взялись... А кому пробовать, как не нам самим, только он да я толк знали, остальные... — он махнул рукой.

— Дальше, — потребовал парень. — Варили бормотуху вместе, пили тоже. Так было и три дня назад?

Мужчина с готовностью закивал, а потом, подумав, булькнул и уже

отрицательно замотал головой.

— Кончилось у нас, — он вздохнул. — Вот и пошли мы к Рее-травнице, у нее завсегда купить можно, али выменять, али... Пошли, но я... я... не дошел. Сморило меня у дороги, дык, я и прилег недалече у ракиты. А Трашик пошел дальше, должен был вернуться.

— Вернулся бы с лекарством, дабы поднять павшего, — сказала я, и мужчина втянул голову в плечи. — Вернулся?

— Нет. Поутру искал его, хотел настойки глотнуть... Не мог же он все выпить! Или мог? — кажется, он спрашивал у нас.

— Не мог, — напомнил Рион, — умер он. Рассказывай, ходил тогда к травнице? Искал дружка?

— Ходил, — покаялся тот, оперся об пол и качнулся, словно не был уверен, сможет подняться или нет. — Но не дошел. Нашел Траша, там он лежал за околицей, с бутылем в обнимку. Пустым, — по-моему, последнее угнетало его больше остального.

— Вы что, к Рее со своей посудой ходите? — удивилась я.

— Дык, да. Не доверяет она, говорит, разобьем, коза драная. А уж племянница у нее какая, сама подолом метет, а смотрит на нас словно высокородная на вошь...

— Люди сказали, не ты его нашел, а Верка-ткачиха? — перебил маг.

— Ну, дык, она и нашла. Я же... я же бутыль забрал и до дому. Думал... думал, что... пили мы, а потом он умер, — мужчина почти плакал. — Скажут, травитель я, прошлым зимовьем плотник Иська чуть не помер, а теперь вот Трашик... так и скажут... Не по злomu же умыслу... — по красному опухшему лицу потекли скупые слезы, он знал, что выглядит жалко, знал, но ничего не мог поделатъ со свое пьяной печалью.

Слушая незадачливого отравителя, я удивлялась, какими извилистыми путями бродят его мысли. Бродят и бродят, но, похоже, назад не возвращаются.

— Пили вместе, значит, и помереть должны вместе, — рявкнул Рион, но не произвел впечатления. — Чего бояться? Народного гнева? Так можно все на травницу свалить, мол, друг ушел сам, а чего и где хватанул, неведомо.

Но мужик ему не поверил, только поглубже втянул голову в плечи и кажется, раздумал подниматься, на полу-то оно надежнее будет. Маг задал для порядка еще парочку вопросов и в раздражении вышел из пропахшего кислятиной дома.

— Выдержки у мужика никакой, такому только людей травить, да и то по-тихому, — сказала я, появляясь на крыльце.

— Заряд в два кьята^[12] зря потратил, — уныло сказал Рион.

— А давай скажем, что он отравил? — предложила я. — Сначала дружка, потом Асина, тот тоже пил, неизвестно что. Бабка со страху померла, про козу забудем. Вот и все. Местные поверят, им без разницы. А мы свободны.

Парень с минуту рассматривал меня, как диковинного зверя, потом отвернулся. Нехорошо так отвернулся, презрительно скорчив рожу, словно ему не нравилось стоять рядом со мной.

— Следуя твоим представлениям о справедливости, ты сама должна быть связана поруками и ногам, доставлена в столицу и казнена. Хотя сперва, тебя бы отдали бы на потеху стражникам, у них нечасто случаются такие внеплановые развлечения.

— Еще не поздно, — горько ответила я и добавила. — Считай, что я прониклась? Что дальше?

— Надо посмотреть, где их нашли. Поищу следы магической атаки. Может, зря мы валим все в одну кучу, и причины смерти у всех разные, как и убийцы.

Я пожала плечами и пошла рядом. Надо, так надо. Настроение и без того не очень хорошее испортилось окончательно. А что на самом деле мешает Риону отдать меня этим стражникам после того, как ему вернут силу? Ответ мне не нравился. Ничего не мешает.

У реки все тот же пастух с готовностью показал, где нашел покойного Асина. Пока маг с серьезным видом бродил кругами, что-то бормоча себе под нос, я уселась на чахлый островок травы и задумалась.

В Хотьках есть травница, а в злые ведьмы сразу записали меня. Не человека, продающего страждущим непонятные настойки, а чужачку. Бабушка, к слову, никогда не снабжала пьяниц. Либо ты травница, либо трактирщик. Она для себя определилась, а Рея, по-видимому, нет.

— Ничего, — сказал Рион, закончив ритуальные пляски вокруг пустого места. — Как бы его не убили, магию, скорее всего, не применяли.

— Скорей всего? — передразнила я.

Парень едва заметно покраснел.

— Если здесь работал маг сильнее меня, он мог развеять остаточную энергию. Более сильный маг всегда найдет следы более слабого, и наоборот. — Рион с тоской вздохнул. — Эол, видел бы меня сейчас учитель, выпорол бы.

— Тут я его полностью поддерживаю.

— Я про потерю силы, в которой виновата ты!

— А я про то, чем ты тут занимаешься.

— Долг мага — помогать людям!

— А ты уже не маг! Тут могла поработать целая артель чаровников, а ты бы и не почувствовал.

— Не тебе учить меня, девка!

Мы замолчали. Пастух пару раз обернулся на крики, но предпочитал не вмешиваться. Я опять наговорила лишнего. Ведь знаю за собой эту черту, и все равно не могу сдержаться, будто сам дас за язык тянет. Учила же бабушка: «Спрячь норов». Надо было сказать парню все, что он хочет услышать.

— Прости, — примирительно сказала я, — Я глупая деревенская девка, ничего не понимающая в жизни. Не злись. Эол, я не знаю, что еще сказать...

— Тогда помолчи,— буркнул парень, но в его словах уже не было злости.— Кое-что я все еще могу, и постараюсь помочь.

Да, видела. Надо будет выломать двери, обязательно позову. Слава Эолу, я успела ухватить эту фразу в последний момент, и она так и осталась невысказанной. Рион был выше меня почти на локоть, а обижался почти как маленький.

— Туда, где нашли первый труп, этого Трашика, пойдём? — примирительно спросила я мага.

— Надо бы.

И мы, конечно, пошли, за околицу, к лесу. Пошли молча, двое почти ставшие врагами, двое не доверяющие друг другу ни на черень. Хотя может, только я не доверяла? А он? Что он видел во мне? Языкастую ведьму? Воровку? Глупую девку, лезущую под руку? В любом случае, ничего хорошего. Пусть так и остается.

— Надо поговорить с травницей, — предложила я. — Пока непонятно дошел до нее Траш или нет? Умер по дороге туда или обратно.

— Надо, — согласился Рион.

Других тем для бесед не нашлось. Мы дошли до опушки, и маг снова принялся за бормотание и размахивание руками.

Понаблюдав за этим пару минут и поняв, что еще немного и скажу очередную гадость, я решила прогуляться по округе. Вернее, пройти чуть дальше по широкой уводящей в сторону от деревни тропе, уже представляя, что найду на другом конце.

Летний лес был светел и приветлив. Пели птицы, в кронах шумел ветер. Сухая утоптанная земля, никакие коряги не лезли под ноги, шагалось и дышалось легко. Светло и тихо. Оставив парня, я даже дышать начала спокойнее.

Тропа кончилась на широкой прогалине. Дощатый домик стоял с правого краю. Старый серо-зеленый цвет едва угадывался на облупившихся досках. Вообще постройка выглядела неопрятной, неухоженной, но не заброшенной. Крыльцо покосилось, а подгнившую местами солому на крыше не худо было бы заменить.

От дома травницы я ожидала большего. Конечно, я не уверена, что вышла именно к нему, но куда еще может привести самая утоптанная и широкая тропа? Кто еще живет в селе и вне его?

— Ау, хозяйева!

Тишина.

— Прими ищущего, исцели страждущего, не откажи молящему от дома и от помощи.

Проговорила я нараспев традиционный призыв к целителю. В балладах после произнесения ритуальной фразы ни целитель, ни травница не могли отказать «просящему». В жизни же случалось всякое. Нищих, не способных заплатить или отработать лечение, привечали редко. Хотя... просящий мог подать жалобу действительному магу, а тот накладывал на побрезговавшего наказание, если конечно вина последнего была доказана. Ключевое слово — доказана. Реальные разбирательства случались редко, так как нищие чаще умирают, чем жалуются. На сегодняшний день призыв стал простой данью традиции.

Дом стоял, укутанный тишиной. Не шевельнулась занавеска на грязном окне, не скрипнула дверь.

Я поднялась на крыльцо и стукнула кулаком по доскам. Вернее, хотела постучать, но после первого же удара, створка подалась внутрь, открываясь.

— Эй, дома кто есть? — я преступила порог.

Захламленная комната свидетельствовала о нелюбви хозяйки к уборке. К знакомым с детства запахам — трав, кореньев и мазей примешивались другие, менее приятные — аромат браги и плесени. Вдоль стен теснились криво повешенные полки со склянками, основательно заросшие паутиной. Нечасто травница находит им применение. Низкий столик, садовые инструменты со следами свежей земли. Зеленая бутылка, стоящая прямо на полу.

Я взяла сосуд за горлышко. Резкий неприятный запах спиртного еще не успел выветриться.

Скрипнуло крыльцо. От неожиданности я подпрыгнула на месте, едва не разбив посудину. Дверь приоткрылась, и в проеме показалась лохматая голова Риона.

— Айка, — почему-то шепотом позвал он.

— Здесь я.

— Эол, где тебя носит? Насилу нашел.

— Здесь меня носит. Тропа одна, блуждать негде. — Я аккуратно поставила бутылку обратно.

— И кто сказал, что ты по ней пошла? — парень прошел в комнату. — Ты знаешь, что не оставляешь следов? Ни отпечатка, ни примятой травинки. Ты ходишь или летаешь? Пришлось поисковичок запускать, а лишних къятов нет.

— Раз нет, значит, не стоило, — проговорила я и тихо добавила, — куда я теперь от тебя денусь.

Насчет следов он был прав. Это обнаружилось, когда мне было года два, не больше. Я отошла от Симы всего на десяток шагов к сочным ягодам малины, которые так вкусно лопались на языке, растекаясь терпким летним соком. Десять шагов, а может и чуть больше, тогда я еще не умела считать. А кусты все тянулись и тянулись, цепляясь за рубаху и предлагая ягоду за ягодой. Бабушка тогда сильно испугалась, кружа, по поляне и крича хриплым от волнения голосом. А мне казалось, что где-то в зарослях зовет своих птенцов птица.

Тогда я получила первый урок и поняла, что с лесом шутить нельзя, особенно той, которую невозможно найти.

Ни один охотник, ни одна собака не способны взять мой след. Для селян это послужило еще одним доказательством принадлежности найденной девочки к силам зла. Может это, и вправду, наследство крови ворд? Хотя с чего вдруг, они же водный народ, а не земляной? Или благословение несуществующего папочки-мага? А может, проклятье тех, кто выбросил младенца в воду? Не знаю. Да, трава приминается под моими ногами, я же не сподвижник Эола, чтобы ходить по воздуху. Но трава тут же распрямится, пыль осядет, сломанная ветка упадет и затеряется среди хвои, вырванный колючкой клочок одежды надежно укроет листьями ближайший куст, земля хранит отпечатки моих ног не дольше, чем кукушка кричит в чаще леса.

Я не оставляю следов. Никаких. Никогда. И не знаю почему. Не знаю, магия это или везение.

— Как успехи?

— Никак, — парень посмотрел вокруг. — Чего здесь делаешь?

— Провожу проверку рабочего места знахаря на профессиональную непригодность. — Вспомнила я слова одного умника, которого бабушка выставила из дома. Тот, кстати за свою проверку серебряный дин запросил.

Получил ухватом по хребту.

— Ааа...

— Смотри, — я указала бутыль.

— И? — протянул парень, — Айка, местные постоянно торгуют с травницей, что-то выменивают. Она может стоять тут давно. Мы не знаем, от чего они умерли.

Да не знаем, но на бутылки, как и на столе, нет пыли, и запах браги еще не успел выветриться.

— Может, и вправду, отравились? — спросил ученик мага.

— Нет, — ответила я, почти ненавидя себя за то, что не принимаю такой простой и понятный ответ. — Не было рвоты, они просто шли, а потом умерли. Травница так и скажет.

— Не мне говорить, что бывают яды, которые не оставляют столь явных следов.

— Не мне отвечать, что стоят такие яды дорого, достать их непросто и тратить на деревенских выпивох глупо.

— Ладно, — кивнул парень, — Но с Рей надо поговорить.

Мы снова обвели захламленную комнату взглядами, будто травница могла где-то прятаться. Низенькую дверцу в противоположной стене заметили одновременно.

— Кладовка, — предположил Рион, делая шаг вперед и протягивая руку к кольцу.

— Стой, — крикнула я, и ладонь парня застыла в двух пальцах от цели.

Поверхность кольца была припорошена тонким слоем желтоватой пыльцы, досталось и самой двери, и полу перед ней. Я присела, коснулась пальцами налета и поднесла к лицу и принюхалась. Резкая горечь, от которой может закружиться голова.

— Одолень-трава.

— Айка, — чаровник закатил глаза.

— Одолень-трава отпугивает неживых существ.

— Я — не нежить, — раздраженно сказал Рион и потянул за кольцо.

— Да? А вот за то, что может сидеть в кладовке, не поручусь.

Но Риону было наплевать на слова несостоявшейся знахарки, а может, он просто устал от меня, от советов, от болтовни. Он ведь был почти магом. Его учили не бояться, а делать.

Створка открылась без единого скрипа, мягко и плавно, кто-то не поленился смазать петли конопляным маслом.

Никто на нас не прыгнул. Света из окна как раз хватило, чтобы

рассмотреть кучу хлама. Тряпки, сломанная деревянная ложка, ножовка без ручки, банный веник, с которого давно облетели все листья, что-то еще... Пахло пылью и мышинным пометом. Похоже, содержимое каморки досталось травнице от предков. От очень далеких предков.

— Ничего, — подвел итог маг.

Ничто не мешало мне согласиться. Ничто кроме тоненькой полоски, рассыпанной по полу пыльцы, образующей неровный овал вокруг куска старой свернутой ветоши.

— Я бы не стала...

Но он снова не послушал. Рион поднял сверток, поднес находку к окну и откинул грязную ткань. У парня вытянулось лицо. Что там? Крючья для разведения раны, засушенное сердце кошки или пробка от поноса, которую применяли еще при деде нашего короля? Хотя увидев что-то подобное, вряд ли бы маг понял, что это такое.

Я склонила голову, на промасленной тряпке лежало маленькое зеркало в серой оправе. Отражающая поверхность казалось слегка затуманенной или запыленной. Захотелось провести по стеклу пальцами и очистить.

— Не тронь, — остановил мою руку Рион.— Это не женская побрякушка. Это артефакт. Псише для вызова мертвецов или ведогони.

Я сжала пальцы, желание коснуться поверхности чуть отступило. Не хочу иметь ничего общего с загробным миром. Как говорится, все там будем, но я не тороплюсь.

— Тут прятали не нежить. А наоборот скрывали что-то от нее. — Рион стал заворачивать зеркало обратно в ветошь. — Его нельзя касаться. Псише слушается только того, кто его разбудил.

— Премного благодарна, буду впредь знать, — я убрал руки в карманы, но зуд в ладонях никуда не исчез.

— Мы не можем оставить это здесь,— он качнул свертком. — Чаровница, способная вызвать и удерживать в подчинении ведогони... — маг выдохнул.

— Чаровница? Не травница? Уверен?

— Да,— он решительно пошел к выходу. — Надо сообщить в Вышград.

— Как скажешь. Мы и так туда собирались, — сказала я, выходя следом и не сдержавшись, добавила. — И давно уже должны были быть.

— Сам Эол привел нас сюда.

— Ну, раз сам Эол, — у меня вырвался вдох. Чуть больше суток, как я ушла из дома, но вместо того, что бы решать проблемы предпочитаю обзаводиться новыми. — Кто я такая, чтобы спорить с богами.

— Чтобы разбудить псише, нужно совершить жертвоприношение и залить зеркало кровью, — не обращая внимания на мои слова, стал рассказывать маг.

— Человеческой или животной?

— Зависит от того, кого хочешь вызвать.

Я уточнила:

— И коза сгодится?

Рион медленно кивнул.

Следующую мысль я озвучивать не стала. Не видела смысла, лишь смотрела в спину парня и очень желала оказаться неправой. Надо быстро освободить его от обета и уехать. Уехать до того, как чаровница, способная, по словам мага, управлять нежитью, обеспечит нам неприятности со смертельным исходом.

— И что мы узнали? — спросила я, когда мы вернулись к трактиру. — Для чего убили козу? Это только наши догадки. Велико достижение. А про остальных что? Надо убийцу людей найти. Или доказать, что это было не убийство.

Рион не ответил, он стал медленно подниматься по лестнице в комнату, унося завернутое в тряпку псише.

Единственное, что не давало отмахнуться от убийства скотины, это смерть бабки. Она погибла так же, как и двое мужчин ранее. Может, и в правду испугалась, сердце и не выдержало. Идет домой, ночь, темно. Некто, пусть будет травница, выскакивает на дорогу и режет животину. Стоп. Я споткнулась и едва не растянулась на лестнице.

— Что они вообще там делали? — спросила я, и Рион стоявший уже на верхней ступеньке, обернулся. — Бабка с козой? Ночь — не совсем подходящее время для выпаса скотины. А девочка? Она ждала бабку Ньюлю, значит...

— Должна знать: куда та ходила, — закончил маг, быстро спустился и протянул мне сверток с зеркалом. — Девочка может тебя узнать. Сам с ней поговорю. Жди в комнате, никому не открывай.

Я криво улыбнулась. Конечно, не открою, дверь ведь непреодолимая для магов преграда.

Подумать, подумала, но вслух ничего не сказала, взяла псише и ушла.

Глава 4. Канал

Бегом, поднявшись в комнату, я наскоро ополоснула в тазу лицо и

приступила к сокрытию краденного. Аккуратно, не касаясь рукояти, сдернула тряпку, бросила зеркало на кровать, накрыла запасной рубашкой и завернула уже в нее.

Даже сквозь ткань, я чувствовала, как псише едва заметно дрожит, будто наковальня по которой только что ударил молот кузнеца. Меня так и тянуло схватиться за гладкую прохладную рукоять. Но я сдержалась, пристроила сверток на дне сумки с травами, и приказала себе забыть о нем. Грязную тряпку травницы, сунула в карман, с намерением где-нибудь выкинуть.

Еще с час я бродила от стены к стене. Сперва просто оттого, что мысли скакали в голове, как чумные блохи. Потом потому что этот чертов мальчишка все не возвращался. А если влип?

«До тебя, наконец, дошло?» — мысленно спросила я у самой себя, — «Что мы связаны?»

И сама же уже вслух и ответила:

— Видимо, дошло. — Я распахнула дверь, в животе тут же заурчало. — Поесть что ли? А то с этим делом, помощи неимущему народу славных Хотьков, даже пообедать забыли.

Хозяин, как и большинство посетителей, покосился в мою сторону, но смолчал. Блюда в зале разносили две молоденькие женщины, от них я традиционно удостоилась отвращающих знаков. Лиска так и не появилась. Рион появился через полчаса, когда я тоскливо разглядывала тарелку с рагу — аппетит пропал, как и не бывало. Парень словно назло подошел к трактирщику и о чем-то эмоционально с ним переговорил. После чего Питриш позвал двоих мужиков в одежде лесорубов, и в их компании покинул заведение. Парень плюхнулся на лавку напротив и зачерпнул рагу. Из моей тарелки, между прочим. Хотя, если за все платит чаровник...

— Очень вкусно, — парень торопливо жевал.

— Рион, — попросила я. — Скажи, что мы сегодня уезжаем отсюда.

— Не могу, — он зачерпнул еще одну ложку.

— Почему-то я так и подумала, — аппетит исчез полностью. — Сам расскажешь, что узнал или заставишь умолять?

Рион удивленно поднял брови, проглотил овощи и покачал головой:

— Было бы интересно посмотреть, — и снова взялся за ложку. — Но, боюсь, не переживу такого счастья. Сейчас Питриш вернется, и все узнаешь.

Трактирщик вернулся как раз к тому моменту, когда маг добрался до дна тарелки, и жестом попросил нас следовать за ним.

— Рион?

— Минуту потерпи, ладно? — Попросил он, поднимаясь. — Всего минуту.

В сопровождении хозяина мы прошли по главной улице не более сотни шагов, и свернули налево к одному из домов. Добротная одноэтажная постройка под новенькой черепичной крышей, в палисаднике цвели розы, сбоку крытая телега с впряженной рыжей мохноногой лошадкой. Лопухий молодец сноровисто грузил внутрь холщовые тюки.

— Ткача Керея дом, — сказал Питриш, заходя первым.

В светелке нас уже ждали. Семья ткача в полном составе, все с напряженно-суровыми лицами. Ткач — дородный мужик с тяжелым взглядом и ранней лысиной и его жена — сухощавая нестарая женщина с усталым лицом, сидели на лавке. Занятый на погрузке, видимо старший сын, проскользнул за нашими спинами, встал справа от отца. За него тут же схватилась молоденькая девушка с длинной косой и младенцем на руках. Жена? Сестра?

За хозяйкой дома переминалась с ноги на ногу девочка лет тринадцати, чуть постарше той, что застала меня над телом бабки и ее козы. Бросив на меня испуганный взгляд, она спряталась за спину матери и больше не показывалась. Рядом с ней мальчишки-двойняшки, озорно пихали друг друга локтями. Лица братьев были перемазаны чем-то липким и, без сомнения, вкусным. В углу отдельно от всех сидела заплаканная тетка, в длинном черном одеянии, и топтались давешние лесорубы.

Зачем мы здесь? Я вопросительно посмотрела на мага.

— Керей, ты это, не мешай, — первым высказался трактирщик. — Нам для начала тока поговорить.

Женщина в углу громко всхлипнула, остальные скрестили пальцы и поводили перед собой от сглаза.

— Говорите, нам скрывать нечего, — разрешил ткач.

Питриш кашлянул и, указав на заплаканную тетку, сказал:

— Вот, знакомьтесь, Рея-травница.

Рион не отрывал взгляда от женщины. И я его понимала. Грозной чаровницей, управляющей нежитью, оказалась трясущаяся тетка неопределенного возраста с опухшим лицом.

— Ты козу загубила, знахарка? — спросил парень.

В ответ слезы из карих глаз потекли пуще прежнего.

— Это мы виноваты, — вместо Реи ответила хозяйка дома.

Керей нервно дернул щекой, но жену не остановил.

— Муж заболел. Вышградские шептуны десять риниров^[13] запросили

за излечение. А наша Рея взялась за пару динов. Хворь цепкая попалась, выводить с кровью надобно. На скотину перевести, да и порешить ее. Болезнь в землю уйдет и на кого другого не перекинется.

Я вздохнула. Дальше можно было не продолжать, история стара, как мир. Суеверие, что любую болезнь можно перевести на другое живое существо, давно и прочно укоренилось в головах людей. И доказывать, что недуг не изгоняют, а лечат — бесполезно. Люди хотят верить в моментальное выздоровление. Этим и пользуются нечистые на руку целители. Усиленно лечат человека, как правило, безрезультатно. А потом, выдержав надлежащий для нагнетания обстановки срок, предлагают последнее средство — ритуал изгнания. Получив монеты, врачеватель убеждает больного, что тот здоров. И это в лучшем случае. А то ведь есть умельцы, знающие, куда нужную травку подложить, чтобы саму болезнь вызвать, а уж потом и лечить.

Но я отвлеклась, а женщина тем временем рассказывала:

— Сговорились с Мироном-гончаром. Сменяли козу на отрез хлопка. Мать Мирона, та самая бабка Нюля, привела животину на убой. Хотели провести ритуал на заднем дворе, но... но... — женщина испуганно посмотрела мужа.

— Не решились, — закончил за нее Рион. — А зря, тогда и вопросов бы не было. Моя земля, моя скотина, когда хочу — тогда и режу.

— Нечо заразу у дома плодить, — прогудел ткач.

— Рея провела обряд, — дождавшись одобрительного кивка мужа, продолжила женщина. — Зарезала козу, заговорила кровь, сделала талисман для больного.

— Вот уж гадость, — не выдержала я, ткачиха дернулась, словно ее ударили, но не возразила. Нечего. Гадость на крови, гадостью и останется.

— То же самое мне сказал и Мирон, и Ташка, — кивнул чаровник и посмотрел на меня. — Та девочка, что нашла тело старой Нюли.

— Но Рея уже у нас к этому времени была. Здесь, — проговорила женщина. — Я помню, когда Ташка заголосила, я как раз перину переворачивала, а Рея мне помогала.

— А что у вас болит? — поинтересовалась я у ткача.

На мой взгляд, дядька был здоров, ни следа хворобы. По воцарившейся тишине я поняла, что вопрос задала зря. Даже травница перестала всхлипывать.

— Какое это дело тебе до моих хворей, водянка? — Процедил ткач сквозь зубы.

— Никакого, — я пожала плечами. — Но раз травница еще здесь, до

излечения, надо полагать, далеко.

Мужчина с шумом втянул воздух, в глазах разгорался гнев. Я заставила себя стоять на месте, а не поддаться трусливому желанию спрятаться за мага. Домочадцы Керей переглянулись. Жена посмотрела умоляюще.

— Я теряю мужскую силу, — выдохнул он.

Трактирщик отвернулся, один из лесорубов усмехнулся. Ткач стал наливать краснотой.

— Давно?

Керей сжал руки в кулаки, на скулах заиграли желваки, но ответил:

— Третью седмицу.

— Я могу осмотреть кровать?

Мужчина плюнул под ноги. Я не шевельнулась. Рион сделал шаг вперед и... Я запомню это движение, почти маленькое, почти незаметное. И, тем не менее, он собирался встать на пути у дородного ткача, закрывая меня собой. Да, защищал он не меня, а свою силу, но... Это было неожиданно приятно.

Керей обернулся к семье, ища поддержки. Но все были растеряны.

— Хуже уже равно не будет, — выдавила женщина, обнимая дочь.

— Вторая дверь от светелки, — пересилил себя мужчина.

Я вошла в спальню сопровождаемая испуганными перешептываниями. Думаю, после моего осмотра, белье сожгут, мебель выкинут, а стены перекрасят. Да еще и смирта вызовут, вернуть семейному ложу благословение. Мне-то что, лишь бы людям в радость.

Хозяйская опочивальня была убрана с заботой и любовью. Резная кровать, с вышитым покрывалом, невесомые занавески на открытых окнах, свежие розы в глиняном кувшине, вышивка на стенах. Я принялась. Бесплезно, розы перебивают все запахи.

Терять мужскую силу — не к добру, это вам любой мужик скажет. Правда, вряд ли он знает, что причин тому может быть несколько. На хвораго ткач совсем не походил, и как говаривала бабка Сима, сперва нужно исключить самое очевидное.

Помню, в Солодках Таська к нам после одиннадцатого ребенка прибежала. Со слезами просила найти управу на ее неустанного мужа. Не знаю, что тронуло Симу, изможденное лицо соседки, или паскудный характер ее муженька, от которого я не раз получала хворостиной просто за то, что мимо проходила да глаза тарасила, но выдала она Тасе один корешок.

Если его поджечь, тлеть будет несколько дней, источая едва уловимый пряный аромат. Успокоительное, расслабляющее средство для нервных

людей. Но при ежедневном окуривании, человек становится вялым. Растение так и называют лентяй-трава. Мужикам от него все время хочется спать. Тут уж не до женских округлостей.

Расстройство замечают не сразу, потому как стоит выйти из дому, как голова проясняется, руки просят работы, а... хм, тело — любви. И только сунется мужик обратно в светелку, прижать жену на вышитом покрывале, как дымок снова делает свое дело.

Таське тоже поначалу помогло, но потом ее мужик Варьку на сеновале от души повалял. Пришлось женщине убирать средство, если хотела при муже остаться. Убрала. К лету снова люльку качала.

А семейство ткачей многочисленно... Может, хозяйка решила отдохнуть от чрезмерного внимания благоверного? Только тот оказался не в пример вернее Таськиного мужа и на сторону ходить брезговал. Я прошла в комнату и приступила к поиску. Осмотрела вазу, шкатулку, сундук и стену за ним, подняла половики, заглянула под кровать. Ничего.

Неужели настоящее расстройство? Странно, что нет других симптомов, такие болячки обычно любят компанию. Тут хочешь, не хочешь, а десятком риниров придется пожертвовать. Или травница, закончив работу, убрала? Если так, мужик должен был уже поправиться, но не зря же он так кулаки сжимает.

Все подходящие места я осмотрела, не положишь же тлеющую деревяшку под матрас или в сундук между бельем, так и до пожара недалеко.

Подталкиваемая ветром занавеска взлетела и опала. Теплый летний вечер, до темноты еще далеко, запахи свежевскопанной травы перемешивались с ароматом цветов. Я обшарила подоконник, раму и... В углублении между ставнями рука наткнулась на железную коробочку. Бабушка, как всегда оказалась права, сперва надо исключить очевидное.

Корешок все еще тлел, и почти незаметный дым проходил сквозь неровные пробитые отверстия и тут же рассеивался. Я осмотрела остальные окна в комнате, и достала еще две курительницы. Основательно, если бы не открытые окна, хозяев в один прекрасный день не добудились бы вовсе. Открыв коробочки, я от души поплевала внутрь. Затухая, корешки издали едва слышное шипение. Закрыв, я убрала курительницы в карман и вернулась в светелку.

— Все в порядке, — сказано было с улыбкой, но мою радость не спешили разделять. — На опочивальне сглаз. Переберётесь в другую комнату, и все сразу наладится, — повернувшись к Рее, я спросила. — Не хотите ли помочь господину магу?

Рея отрицательно замотала головой, и даже открыла рот для отказа, но вытасченная невзначай из кармана коробочка изменила ее решение. Отрицательные кивки сменились на утвердительные, женщина даже вскочила с лавки от усердия. И желанья — оказаться подальше от домика ткача, которого так усиленно лечила. Ответы на любые вопросы, на самом деле, лежат на поверхности, в который раз убеждаюсь в этом.

Дом Керея мы покинули в полной тишине. Питриш вышел первым, лесорубы следом, потом на улицу юркнула травница. Рион схватил меня за руку и прошептал:

— Она не маг, раз не видит печать.

— Поблагодарим Эола за маленькие радости, — так же тихо ответила я.

В трактире лесорубы вернулись к прерванному ужину, Питриш занял место у стойки. Сев за столик я выложила перед Реей жестяные коробочки.

— Почему ткач? — спросила я.

— Выбрали дом позажиточней, — пожала плечами женщина.

— Что это? — спросил Рион.

— Лентяй-травя, ее дым отбивается всякую охоту к... к чему бы то ни было, — ответила я, парень фыркнул, выражая отношение к подобным народным средствам. — Почему вовремя не убрали? — я указала на курительницы.

— Всего не упомнишь, — пробормотала Рея. — Не успели мы...

— Мы? Кто еще в этом участвовал? — спросил парень, а мне сразу вспомнилось усталое и встревоженное лицо жены ткача.

— Вам-то, что за дело, господин чаровник? — развязно спросила Рея, — В Вышград на меня донесете? Да и ладно. А кто людей лечить будет, кто роды принимать? Сами что ли возьметесь? Все вам бы магам на нас травниц напраслину возводить...

— Лечить? Напраслину? — поднял бровь Рион.

— Да брось, чаровник, ничего бы с Кереем не случилось, охолонул бы с недельку и снова к женке...

Я достала из кармана тряпку, в которую было завернуто псише, и молча положила рядом с коробочками, прерывая браваду травницы. Если уж она собралась страдать за правду, пусть страдает за всю.

— Ваше?

Рея побледнела. Потом посерела. На нас оглянулись, Питриш нахмурился, но вмешиваться не стал.

— Воды, — попросила женщина и, не дождавшись разносчицы, стала

заваливаться вбок, старательно кося глазами. Пожалуй, слишком старательно.

Но доиграть обморок до конца не смогла, в последний момент ухватилась рукой за лавку, чтобы не приложиться об оную головой. Так что, сочувствия не нашла не только у меня, но и у Риона. Чаровник щелкнул пальцами, и на ладони зажегся маленький огонек, отразившийся в глазах парня. Это подействовало лучше всяких уговоров.

— Это все Лиска. Племяшка моя, — я бросила взгляд на парня, но тот остался спокоен. — Она прошлым летом у нас тут появилась. Говорила, что Пелагеи дочка, сестры моей молочной.

— И вы ей сразу поверили? — удивилась я, у нас бы в Солодках годов пять прошло, прежде чем маслобойщик признал невесть откуда взявшегося сына. Пять лет работы на сыроварне, пять лет чистки сараев и сборки урожая. Неблагодарное это дело — набиваться в родню, работать заставят, вместо того, что бы дом отписать, да серебряными динами осыпать.

— А чего ж не поверить? — хмыкнула травница. — Она же с Пелагеей на одно лицо. Породу сразу видать, что у собак, что у коней, что у людей. Лиска — девка бедовая, да до мужиков охочая. Точь-в-точь как Пелагея, — женщина говорила, а взгляд ее слезящихся глаз не отрывался от старого куска ветоши. — Обычно кобели и сами рады стараться, а тут... Как-то нарвалась девка на Керя, а тот возьми да и отвернись. — Рея взяла со стола тряпку и стала комкать в руках. — Обидно ей, все слюни пускают, а этот морду воротит. Она все и придумала.

— Она знала о силе корешков? Вы ее ремеслу учите? — спросила я.

Тетка обожгла меня злым взглядом. Рион чуть качнул огоньком, и она торопливо продолжила:

— Болезнь я подсказала, Лиске хотелось, чтоб хворь постыднее была, чтоб он глаза прятал. Курительницы она подложила. Исхитрилась на день к ткачихе помощницей устроиться, когда они перины выбивали. Потом должна была убрать, когда Керей мощной тряхнет.

— Зерцало откуда? — не вытерпел Рион.

— Зерцало-то? Так Лискино, попросила подержать покамест, — нарочито небрежно сказала травница, что совсем не вязалось с ее напряженным взглядом и руками, вцепившимися в старую тряпку.

— И вы согласились?

— Ага, боязно конечно было, но одна она у меня кровинка остала-а-а-ась, — на последнем слове тетка вдруг завyla, чаровник от неожиданности сжал ладонь, и огонь с тихим «пых» погас. На нас обернулось пол зала. — Сказала, что подарок, думаю, вра-а-ала. Украла, поди. Но у Питриша никто

не хватился, вот я-я-я и успокоила-а-а-ась, — Рея начала всхлипывать и уткнулась в тряпку.

— Вчера что случилось? — Спросила я. — С козой?

— Я болезнь изгна-а-а-ала, — парень поморщился, и тетка, размазав грязь по лицу, уже спокойней продолжила. — Скотину зарезала. Нюлька должна была к ночи, покамест никто не видит, тушу забрать, чтоб не пропала, значит. Не думайте, сами бы есть не стали, на торги свезли, аль Питришу, — она кивнула на трактирщика, — за гроши сдали. Чужакам все равно, не знают, не бредят.

В целом, я была с ней согласна, мясо есть мясо, особенно если учесть, что изгнание — полная чушь. Но все равно слова травницы оставили после себя какой-то кисловатый привкус. Наверное, так ощущается гадливость.

— А Лиска? — спросил Рион.

— А что Лиска?

— Зачем меня на сеновал потащила? — спрашивая, парень отвернулся, не от тетки, от меня, словно это могло иметь хоть какое-то значение. Да развлекайся он там с целым хороводом красоток, я бы не почесалась.

— Молодой вы еще, неужели сами не догадываетесь, зачем девки парней туда тащат? — Рея прищурилась, парень тут же разозлился.

— Я спрашиваю, не для чего, а почему она меня позвала?

— Кто же знает, — тетка вздохнула. — Пожалела или отвлечь хотела от мыслей ненужных...

Я хмыкнула, к вящему неудовольствию чаровника. Лиска зря только время потеряла, у нас и с нужными — беда.

— Кровинка-а-а-а, — снова завывала тетка. — Пропа-а-ала девочка-а-а моя-я-я!

Сидящий за крайним столом мужчина в рубаше с рваным воротом привстал, но под взглядом Питриша сел обратно.

— Как пропала? Она не вернулась? — я посмотрела на мага.

— Не знаю, — проговорил он. — Как крики услышал, сразу сюда бросился. Она там осталась.

— А вы сидели у ткача? — спросила я, — Ждали выздоровления?

— Ждала, — закивала тетка. — Но Лиска не пришла, а куда запрятала лекарство, не сказала, вот я и боялась уйти, вдруг найдут.

— В ночь третьего дня к тебе мужичок приходил. Зачем? — спросил Рион.

— За смородиновкой, зачем же еще. Но я не дала, — ответила Рея, вздохнула, отложила тряпку, и добавила. — Плеснула чуток, чтоб отвязался.

— Так и ушел ни с чем? — изумилась я.

— Да нет, поскандалил малость. Он должен был крышу перекрыть. Задаток уж взял, а за дело вторую седмицу не берет. Вот и поругались. Живой он был. Это и Лиска подтвердить может, он при ней приходил, — зачастила Рея, но, вспомнив, что девушка куда-то запропастилась, сникла.

— Все? — уточнил маг.

— Все-все, — закивала тетка.

— Тогда пошла отсюда, — рывкнул маг, и обрадованная тетка стала сгребать в подол коробочки с корешками. — Еще раз услышу, что ты подлогом занимаешься, доложу в Вышград. Поняла?

Судя по тому, как рьяно Рея кивала в такт каждому слову, услышала она только первую фразу. Сравнить эту — травницей ее язык не поворачивается назвать — тетку и бабушку просто не получалось. Это, как поставить рядом осла и лошадь, вроде похоже, а суть разная.

— Весь день впустую потратили, — протянул маг. — Такими темпами до зимы тут застрянем.

— Все ты со своим обетом, — не сдержалась я.

Но на этот раз парень не полез в бутылку.

— Три ночи — три покойника... — с тоской протянул он.

— Не боишься, что сегодня будет четвертый?

— Ох, — выдохнул Рион. — Умеешь ты успокоить. Что предлагаешь?

— Я? — я округлила глаза. — В идеале — седлать лошадей и не останавливаться до столицы.

— Айка, прекрати, — перебил маг.

— Тогда давай поднимемся наверх и запремся в комнатах. И никому не будем открывать, даже если будут умолять.

— Зря я спросил. Больше не буду. Значит, у нас нет выбора, — проговорил он будто бы самому себе.

— Ты о чем?

— Придется дежурить, — чаровник постучал пальцами по столу, — Но вдвоем всю местность не охватим. Надо просить людей о помощи.

Я открыла рот, чтобы возразить... То есть, он хочет предложить людям взять в руки оружие и защищать себя самим. Да они же тут друг друга перережут за один подозрительный чих. Вместо одного покойника получат дюжину. И тут же рот закрыла. Не мое дело. Сами зарядят, сами постреляют, сами похоронят. Мое дело — я, и еще этот маг, до поры до времени.

А может, среди людей найдется несколько здравомыслящих, которые быстро объяснят парню всю дурость его предложения? Как оказалось,

недооценила я наш народ.

— Слушайте, люди добрые, — Рион вскочил на лавку. — Зло пришло в Хотьки!

Зря он так, вон разносчица поднос уронила.

— Не могучее зло, не колдовское, а человеческое!

Вот это уже интереснее. Откуда он это взял? Оттуда, что магии не почувствовал, но сам же сказал, если маг сильнее его...

— Убивец среди вас, люди добрые!

«Люди добрые» загомонили, стремительно превращаясь в «недобрых». Заскрипели отодвигаемые лавки, вжикнули вынимаемые кинжалы...

— Три ночи он забирал по жизни. Три сердца остановил!

Кто-то сплюнул, кто-то выругался.

— Скоро стемнеет, скоро он снова выйдет на охоту, — Рион патетически вытянул руку, словно прося милостыню. — Не позволим супостату забрать еще одну жизнь, еще одного мужа, брата, мать или скотину.

— Не позволим! — охнули слаженно в ответ.

— Выйдем во тьму ночную, да не посраим предков!

— Выйдем...

Где-то за спинами лесорубов заголосила женщина, уж ей-то понятно, чем может обернуться это «не посраим».

— Это ваша земля. Ваша жизнь. Ваш суд!

А вот это он зря... Очень зря, теперь они не остановятся пока кого-нибудь не повесят. У нас в Солодках так торговца лентами удавили, собственным товаром, в аккурат после того, как смирт призвал наказать нечестивца, вынесшего фреску из цветного стекла, изображающую вознесение Эола и посрамление дасу. Фреску так и не нашли, а торговец еще долго качался на верстовом столбе.

Трактирщик многозначительно выложил на стойку изогнутую — чуть тронутую ржавчиной — саблю. Лесорубы хлопнули друг друга по плечу и подняли топоры. Мужик в рубашке с рваным воротником, сидевший в одиночестве, воткнул в столешницу мясницкий нож.

Поучаствовать в народной тарийской забаве «поймай убивца» хотели все. Или, может, дело в маге? Он предложил не надеяться на чудо, а взяться, наконец, за топоры и вилы? Благословил на то, чего они давно хотели, да все никак не могли решиться?

Через час на постоялом дворе собралось почти все мужское население деревни, за вычетом немощных стариков и грудных младенцев. Несколько

женщин тоже не усидели в избах, и теперь старательно резали мужьям сыр и разливали чай. Одна баба, правда, пыталась заголосить, думая вернуть благоверного под одеяло, но ее быстро заткнули. Ополчение собиралось во всеоружии: у кого вилы или дрын, коса с обломанным косовищем, много топоров, пара коротких клинков и один арбалет. Надеюсь, парень, у которого он в руках, умеет с ним обращаться. Очень надеюсь.

— Всем разбиться на тройки, — начал командовать Рион. — Будем обходить деревню по кругу. Заметьте что-нибудь необычное, кричите громче, сразу в драку не лезьте. Спиртное не брать, не ровен час, заснете под кустом, нам одно беспокойство. Кто решит отдохнуть, пусть пойдет сюда и скажет Питришу, чтоб не искали зря. Каждый час группа меняется. Ясно?

Мужики с серьезным видом покачали головами.

Меня пытались отправить спать. Целых два раза.

— Госпожа стрига, я тут вам чайку собрал, коржик там, молочка с медком. Дирка в комнату отнесла, вы уж не обессудьте, чем богаты, тем и рады, — прогудел над головой хозяин трактира. — Отдохнули бы перед дальней дорогой.

— Нет, — ответила я, оценив такт мужика и смягчив... или усилив отказ улыбкой.

Питриш потоптался на месте и, не дождавшись другого ответа, вернулся за стойку, чтобы выдать подошедшему парню кривой кинжал.

— Шла бы ты спать, честное слово, Айка. И так душа не на месте, — торопливо проговорил Рион и отправил очередного «охотника за приключениями» к левой стене, там уже стояли две готовые к обходу деревни тройки.

— Нет, — повторила я.

— Айка...

— Ты так старательно вбивал в мою голову мысль, что мы связаны, считай, что вбил. Я жить хочу, а потому не отойду теперь от тебя ни на шаг.

— А если я по нужде пойду?

— Значит, пойдешь, — Рион вздохнул, а я добавила, — и я с тобой.

Стоящий справа от мага сутулый крестьянин, скабречно хихикнул, но лезть с советами не стал. Дела ведьмы и мага его особо не касались.

— Так что, если идешь туда сам, — я ткнула пальцем на дверь, — я иду следом.

— С тобой буду не вперед смотреть, а...

— Как бы я на чей топор головой не напоролось ненароком, — закончила я. — Понимаю, но поделать ничего не могу. И не хочу. Придется

тебе убрать все топоры, а не меня.

Думаю, если бы они захотели, если бы Рион подал хоть какой-то знак трактирщику, меня бы скрутили и со всеми осторожностями отнесли в комнату. А потом, в зависимости от исхода ночи, может, и на виселицу. Иллюзий в собственной силе, я не питала. Орала бы конечно громко, но поделаться ничего не могла.

— Айка, — повторил парень печально, и я поняла, что гнать меня больше не станут. — Будь по-твоему, но... — он поднял палец.

— Ты говоришь, я прыгаю, — сказала я. — Это и так понятно. Буду ходить, смотреть и...

— Молчать, — закончил Рион.

— Договорились.

— Тогда так, — чаровник оглядел разношерстную толпу. — Ты, — он ткнул пальцем в парня с арбалетом, — идешь с нами. Надеюсь, стрелять умеешь? Или игрушка тебе в наследство досталась?

— Не сомневайтесь, господин чаровник, по наследству, — шагнул вперед парень. — Не подведу. Ветра нет, руки не трясутся, чегось не пострелять-то.

— Звать как?

— Михей я, рыбацкий сын, но вы все равно не сомневайтесь...

— Понял-понял, — отмахнулся парень. — Я Рион, это Айка. Жди, скоро выходим.

Скоро растянулось еще на четыре часа. В трактире стало душно, и все чаще сквозь запах пота и ржаного хлеба пробивался пьянящий аромат хмеля и спирта. Свечи часто гасли, и хозяин менял их на новые. Его то и дело окликали и звали в компании. Кто-то даже предложил медный черень ^[14] за то, что именно он поднимет убийца на вилы. Мысль оказалась очень волнительной, и азартные крестьяне дошли даже до серебряного дина, а потом замолкли, пораженные собственной щедростью. Время незаметно перевалило за полночь, а никого еще не убили и не покалечили, лишь «рваный воротник» давно храпел в углу, заботливо накрытый собственным плащом, больше похожим на дерюгу.

— Госпожа стрига, — позвал меня хозяин трактира, в аккурат, когда пятая тройка дежурных вышла на улицу, следующие мы с Рионом и деревенским стрелком.

И выложил на стойку небольшой, не длиннее локтя, ножичек, видимо, оставленный кем-то из постояльцев в счет оплаты. Я поднялась, подошла к стойке, подняла железку. Свет скользнул по тусклому лезвию. С точильным камнем этот ножичек явно не дружил, а стоило бы.

Я немного подержала тыкалку на вытянутой руке, полюбовалась размытым отражением в давно не полированной поверхности, и положила на край стола. Потом подумала, и снова взяла.

Только бы не зарезаться и парней не задеть ненароком.

У Риона клинка не было, да ему никто и не предлагал. Оно и понятно, к чему магу железо? Интересно, а ведьме оно зачем?

Мы вышли на улицу, когда я уже уверилась, что ничего не случится, что «убивец» кем бы он ни был, сидит за соседним столом и поднимает чарку за собственную поимку.

Улица была темна, зато почти в каждом окне трепыхался огонек свечи. Луна то и дело выныривала из облаков, освещая соломенные двускатные крыши, кривые заборы и даже серую кошку, шмыгнувшую за поленницу.

— Так, идем друг за другом, шаг в шаг. Просто идем и смотрим...

— Ты кого уговариваешь, меня или себя? — спросила я Риона.

— Всех, — ответил он.

За спиной сдавленно хрюкнул Михей. В целом парень меня порадовал. Стоило нам выйти из освеженного трактира в ночь, как он отшатнулся в сторону от меня, от мерцавших во тьме волос. Но в спину не пальнул и не убежал с криками. Лишь пробубнил короткую молитву Эолу.

Поначалу мы шли неуверенно, дергаясь от каждого скрипнувшей калитки. Улицы, наполненные тенями, вдруг стали враждебны. За каждой тенью мерещилась еще одна, враждебная и смертоносная. Через несколько десятков шагов, я чиркнула железкой, что держала в руке, о камень, а стрелок едва не выронил арбалет. Рион выругался, тихо и как-то устало.

— Эй, — закричали с противоположной стороны улицы. — Мальцы, — мужчина из точно такой же тройки замахал руками.

Очередной патруль живой и невредимый возвращался обратно в трактир.

— Не бойсь, мальцы, мы рядом, ежели чего, — начал заверять нас кряжистый мужичок с рыжей бородой, но, заметив меня, а потом и Риона, крякнул. — То исть... Доброго вечера, господин чаровник, — произнес он, но поклонился почему-то мне.

— Доброго, — ответил Рион и спросил: — Ничего?

— Ничегось, — согласился другой помоложе и гладко выбритый.

— Даже не знаю, радоваться или огорчаться этому, — пробормотала я, и Рион ткнул меня рукой так, что я все-таки выронила железку. Михей сдавлено хихикнул. Всего раз. Наверное, поэтому маг даже не повернулся.

— Ежели чего, зовите, — напутствовал нас рыжебородый, а я с тоской

всмотрелась в уходящую во тьму улицу.

Скучное на самом деле занятие. Идешь-идешь, а ничего не происходит. И если сперва мы бдительно всматривались в каждый угол, каждую шевелящуюся ветку, до рези в глазах пытаюсь разобрать, что там прячется во тьме. Потом просто окидывали взглядами округу и торопились уйти дальше. Михай больше не смеялся, только вздыхал. Рион молчал, видимо разочаровавшись в собственной идее, ускоряя и ускоряя шаг, торопясь оказаться в трактире.

Но нам не повезло. Или наоборот, тут с какой стороны смотреть. Но, как по мне, то пакость не может считаться везением.

Описав дугу, наша тройка уже возвращалась обратно, когда в лесу завывли волки. Михай выписал отвращающий жест и встал столбом. Тревожный унылый звук пробрал до самых костей. Стрелок громко клацнул зубами. В руке Риона замерцал маленький огонек, не столько разгоняя тьму, сколько делая ее гуще.

Мы оглядывались, инстинктивно придвигаясь друг к другу, искали малейшие признаки опасности, но ничего не находили. Ничего, кроме тьмы и воя.

Звери затихли так же внезапно, как и завывли. Дома все еще стояли на месте, огни свечей танцевали в темных окнах. Луна не торопилась показываться на глаза, как и чудище или кто там сегодня развлекается в Хотьках.

— Смотрите! — закричал Михай.

По улице из центра деревни медленно тёк туман. Не собирался, не скапливался под кустами бузины, оседая влагой на листьях, а именно тёк, как густые сливки из разбитой крынки. Он поглотил улицу, укутал заборы, заполнил сточную канаву и накрыл огороды. А мы все стояли и смотрели, как замороженные.

Михей выстрелил в белое марево скорее инстинктивно, чем, думая навредить. Болт ушел в молоко и звякнул где-то в стороне.

— И после этого ты еще будешь говорить, что здесь не замешан маг? — спросила я у Риона, шаг за шагом отступая вместе с парнями вверх по улице.

Тонкие пласты тумана стелились по земле, накатываясь, как волны на берег, глотая в жемчужное нутро землю, камни, траву. Туман дотронулся до сапог чаровника, попробовал на вкус лапти Михея, оплел мои засаленные сапоги, выменянные бабкой у кожевенника Кузьки за крынку рассола. Прозрачные щупальца коснулись щиколоток и двинулись дальше, поглощая кусты, цветы, ямы и выбоины на уходящей вдаль дороге.

Подхватывая волчье начинание, завывали собаки.

— Не буду, — ответил чаровник. — Маг. Очень сильный. Держитесь!

— За что? — спросила я.

Михей выполнил указание буквально, вцепился мне в плечо, совершенно забыв и про арбалет. Мы топтались по колена в тумане, клацая зубами. Хотя, за парней не скажу, а вот я клацала. И ждали незнамо чего. Или кого.

Но маг видимо был стеснителен и на честный бой выходить не спешил. Рион сделал первый неуверенный шаг вперед, потом еще один и еще. Плавно и легко, не встречая сопротивления в этом странном, совсем не прозрачном тумане. Парня можно было во многом обвинить в недалёковидности, к примеру, но трусом он точно не был.

Непрекращающийся собачий вой нервировал. Очень хотелось присоединиться и броситься к трактиру, или к любому другому дому, где горит свет. Но вряд ли бы мне открыли. Дрожащими руками я подняла «ножичек», взяв на изготовку, и последовала за чаровником, Михей, не отпуская моего плеча, следом.

Мы шли медленно, ожидая подвоха от каждого куста. Огоньки, еще миг назад так приветливо трепетавшие в окнах, стали затухать. Один за другим. Задушенные невидимой рукой островки света исчезали, погружая деревню во тьму. Стрелок рыкнул, словно пес. В окружающей тьме, мои едва светящиеся волосы делали наши лица серыми, как у покойников.

И все-таки мы дошли до трактира. Дошли, не встретив ни одной живой души. И ни одной мертвой. Стало казаться, что стало чуть светлее. В собачий вой вплелись хриплые нотки. Дом, еще недавно приветственно гудевший разговорами, был тих. Не закрывающаяся дверь притворена и, думаю, для надежности еще подперта с той стороны поленом.

Мы видели ставни, резные наличники, покатую крышу, взбирающийся по стене плющ, окна наших комнат, гнездо птицы, высохшее и грязное. Видели, потому что улица медленно светлела, но совсем не так, как поутру, когда восходит солнце. Ее освещал колодец. Он явно был не предназначен для такого использования, но неизвестный маг не оставил ему выбора. Да и нам тоже.

Колодец светился изнутри, словно там развели костер. Голубоватый свет просачивался сквозь щели в срубе и раскрашивал улицу истончающимися лучами. Из глубины скважины поднималась, переваливаясь через стенки, расползлась по земле бело-серая муть тумана.

Я видела такое первый раз в жизни и, надеюсь, последний. Рука Михея задрожала, и эта дрожь передалась мне.

— Только не говори, что у вас тут каждую ночь такое светопреставление, а вы ни сном, ни духом, — излишне громко прошептала я стрелку, но тот не ответил. И правильно, дурацкая вышла шутка, вызванная обычным страхом.

Теперь уже сдали нервы у Риона, он швырнул вперед огненную сферу. До колодца она не долетела. Потускнела и растаяла на подлете.

— Не старайся, — раздалось из темноты, и я едва не подпрыгнула. — Канал поглотит любую силу, да нет у тебя лишней.

Из-за колодца выплыла высокая темная фигура, окутанная той же светло-серой закручивающейся дымкой. Человек? Зверь? Маг? Нежить? Притвора^[15]? Тьфу, не о том ты думаешь, Айка, ох, не о том!

Я перехватила клинок. Сзади послышался щелчок натягиваемой тетивы, Михей вспомнил, зачем взял с собой арбалет. Только бы в спину не пальнул.

— Человек, ученик и убийца мага, — протянула фигура. — Чем обязан?

— Мы пришли остановить тебя! — крикнул Рион.

Я закрыла глаза, едва не хватаясь за голову. Первое правило выживания: встретил чудище страшнее себя — будь вежлив, и, уж тем более, не рассказывай о планах по его умерщвлению. Геройство и красивые слова хороши в сказаниях и балладах. На деле же никто не будет стоять, и выслушивать оскорбления.

— Зачем? — не поняла тварь.

— Ты убиваешь людей!

— Она тоже, — едва заметный наклон в мою сторону, и вопрос в котором слышится искреннее любопытство: — Понравилось?

Я сжала рукоять ножа, ничего не ответив.

— Можешь идти, — ленивый взмах туманной рукой Михею. — Человек мне не нужен, — фигура в раздумье качнулась. — А магам придется отдать силу.

Я судорожно пыталась вспомнить, кому из притвор нужна для существования магическая сила, и не могла. И что это значит? Перед нами кто-то иной? Или я просто плохо бабку слушала?

— Нет, — прорычал Рион. — Ничего ты не...

Тварь подняла руку, и нас разметало по улице. А вот это уже плохо. Вряд ли притвора, те в основном магией питаются, а не применяют вот так по-человечески. Значит, маг? Или еще кто похуже...

Меня ударило сгустившимся, ставшим вдруг твердым воздухом и отбросило назад, чувствительно приложив плечом о стену трактира.

Клинок выскользнул из рук и звякнул неподалеку. Щелкнула тетива. Михай упал удачнее, успев разрядить в тварь арбалет. Попал или нет, неизвестно. Его тут же подбросило второй раз и с хрустом стукнуло о дорогу. Стрелок распластался на земле, не делая попыток подняться и, кажется, даже не дыша.

— Зачем, — проговорила я, силясь подняться. — Человек тебе не нужен.

— У него был шанс уйти. Он им не воспользовался.

Сбоку с отчаянным и каким-то мальчишеским криком на фигуру бросился Рион. На кончиках пальцев ученика мага мерцали серебристые ниточки. Не знаю, что чаровник хотел сделать, но заклинание втянулось в окутывающую фигуру пелену и исчезло. Парень с разбегу налетел на неизвестного, фигура которого то собиралась, то расплывалась, как очертания печной трубы за столбом дыма и... Прошел сквозь него, как сквозь облако пара, что выпускают на улицу, приоткрыв дверь бани. Что это? Чары? Морок? А что же прячется за ним?

Призрачная тварь развернулась, вытянула руку, скрючив едва угадываемые пальцы. Подчиняясь им, воздух снова обрел плотность. Чаровника будто схватили за шею и вздернули. Рион захрипел, скребя сапогами по земле, руками пытаюсь разорвать невидимый захват. Еще миг, и все будет кончено, тогда силу я смогу оставить себе, а вот голову придется положить на плаху.

— Стой, — закричала я. — Стой, а то...

— А то, что?

Движения парня стали беспорядочными.

— Разве мы не можем договориться?

— Нет.

— Эол, отпусти его, зачем тебе мальчишка...

— Я не Эол, но лестно. Он мне, в сущности, не нужен, и именно поэтому и не отпускаю.

— Хорошо, он тебе не нужен, а... — мысли судорожно металась в поисках решения, в поисках того, что можно предложить этой твари, как будто это «что-то» может быть у деревенской девчонки или знахарки... Знахарка! Рея! — Артефакт! — закричала я.

— Какой артефакт?

Глаза Риона закатились, хрип затих.

— Зеркало для вызова, — я тяжело поднялась.

— Что?! Эта дура отдала псише тебе! — взревел неизвестный.

Туман колыхнулся и отпрянул, сразу повеяло холодом, воздушная рука

разжалась и слилась с темнотой. Рион упал, хрипя и пытаясь вдохнуть хоть немного воздуха. Фигура уже потеряла к нему интерес, сосредоточившись на мне. Не к добру это. Но меня, как говорила частенько бабушка, уже понесло, словно ошалевшую лошадь. Тот самый норв, за который меня называли ведьмой, взял вверх над благоразумием.

— Ага. Велела хранить и чужим в руки не давать.

— Отдааай! — от рева твари заложило уши.

— Вы нас отпустите? — вопрос был задан с легкой придурью.

Рион поднял голову, в глазах плескалась паника, он боялся. Боялся твари, боялся, что я на самом деле поверю в это. Эх, парень, дело не в том, верю я этому чудищу или нет, а в том, что оно в любой момент может свернуть шею тебе или мне. Так что, выбора-то все равно нет.

— Конечно, — ласково ответила фигура.

— Питриш, — заорала я в темные окна трактира. — Питриш, сумку мою вынеси. Или выкини.

Ответом мне была тишина, но я надеялась, что хозяину трактира хватит ума и смелости выполнить просьбу. Очень надеялась, потому что без этого наша кончина будет быстрой. И вряд ли приятной. А потом тварь возьмется за постоянный двор, хотя какое, мне до этого дело? Никакого.

Следующие две минуты были очень длинными. Выжидательную тишину нарушали лишь прерывистые хрипы Риона. И сердце колотилось, как бешенное. Собаки мало-помалу затихли, выдыхаясь, лишь какой-то пес с правой стороны завизжал, будто ему отдавили лапу. Тварь стояла локтях в десяти. Стояла, не шевелясь, только ее темные очертания едва заметно подрагивали, то расплываясь, то собираясь вновь. Стояла и разглядывала меня с интересом.

Михея я видела лишь краем глаза, боясь, отвернуться от клубящегося вокруг фигуры тумана. Она смотрела на меня, я на нее. Казалось, стоит отвести взгляд, и неизвестный кинется, как дикий оголодавший волк, пришедший однажды в Солодки. Он умирал от голода, но все равно скалил зубы на каждого, кто рисковал приблизиться. Мужики тогда так же смотрели в черные слезящиеся глаза, и отступали, пока Верей не закол зверя рогатиной.

Дверь за спиной скрипнула, и на землю упала моя торба для трав. Время только что казавшееся бесконечно вязким, закончилось. Вышло, как воздух из бычьего пузыря. Эол и все его сподвижники, жить-то как хочется! Я присела, развязала тесемки, сунула руку в сумку и стала перебирать свертки, вот этот с кипячеными тряпицами для перевязки, этот с лавром, склянка с отваром череды, сушеный подорожник, корни

валерианы, цветки волошки...

— Псише! — требовательно выкрикнула фигура.

Пальцы коснулись смятой рубашки, и я снова почувствовал манящую гладкость артефакта и минутное раздражение от того, что рукоять замотана в тряпки. Я все еще хотела коснуться металла. А почему — нет? Не в том мы положении, чтобы осторожничать. Достав сверток, я развернула и отбросила рубашку. Все равно помирать. Рион застонал. Металл оправы оказался теплым и приятно покалывал кожу. А вот отражения не было, зеркальная поверхность подернулась искажающей черты рябью.

— Отдай, — отдал хлесткий приказ прятаящийся за дымкой маг.

Я поняла, больше он повторять не будет. Стало грустно. Жила себе тихо, никуда не лезла. Ан нет, пришла судьба и вытащила из-за печки. Для чего? Чтобы умереть в соседнем селе непонятно от чьих рук?

Обида почти вытеснила страх. Умирать не хотелось. Совсем. А в том, что мы отойдем в мир иной, едва зеркало окажется в лапах твари, сомневаться не приходилось. Не знаю почему, но я была в этом уверена. Может потому, что слышала, как хрустнула спина Михея? А может потому, что видела, как Рион пытался сделать вдох?

А уж умирать, не сделав напоследок хоть малую пакость, не хотелось вдвойне.

Я подняла псише.

— Нет! — хрипло просипел Рион, — Айка, нет.

Тварь подняла руку и качнулась, рывком приближаясь ко мне.

«Вот и все» — подумала я и в самый последний, вместо того, чтобы вручить зеркало, замахнулась и швырнула псише в стену соседнего дома. — «Чтоб тебе на сотню осколков разлететься».

Как говорят — ни себе, ни людям. Или магам.

И одновременно с этим тренькнула тетива. Михей! Не успела я порадоваться тому, что стрелок все еще жив, как что-то горячее ткнуло в плечо. Меня развернуло, зеркало выскользнуло из пальцев и полетело совсем в другую сторону. Мимо мчащейся на меня фигуры, мимо поднимающегося Риона, прямо к изрыгающему туман колодцу.

Невидимый маг зарычал, продолжая вытягивать руку. В тот же миг в воздухе разлилось что-то колючее, словно куст чертополоха, что-то гудящее, словно рой пчел, что-то плотное, как кисель в кадушке. Каждый волосок на теле встал дыбом, плечо дернуло болью. Что-то невидимое скрутило меня, приподняло и поволокло по земле. Никак не получалось набрать воздуха, чтобы заорать. От удара о стену трактира в глазах заплясали цветные искры, во рту появился медный привкус крови.

«Вот и все», — снова пришла грустная мысль. Псише завершило свой последний полет и с тихим всплеском шлепнулось в бурливший в колодце туман. Булькнуло и, очень надеюсь, пошло ко дну.

— Не-е-ет! — заорала тварь, бросаясь обратно к колодцу. — Нет! Так не бывает, так не....

Очертания фигуры вдруг расплылись, словно кто-то прошелся мокрой тряпкой по угольному рисунку, смазывая линии.

Голубой свет сменился на темно-красный, туман стал напоминать кровавую пену. Тварь снова подняла руку, закручивающаяся вокруг нее дымка стала собираться, втягиваясь в темный центр, как вода в водоворот. И фигура мага исчезла. Схлопнулась, как старая рама ткача, в один прекрасный день сложившаяся вместе с гобеленом и чуть не отбившая пальцы его жене. Визгу было... Обвинили, конечно, меня, как раз в этот момент стоящую на противоположной стороне села. Эол, какая только чушь не лезет в голову на пороге вечности.

Стены сруба загудели и угрожающе зашатались. Свет вспыхнул, как зарница, приближаясь и обжигая веки. Я зажмурилась, и все исчезло. Точнее все лишнее. Осталась одна тишина.

С минуту я сидела неподвижно, ожидая то ли явления Эола и сподвижников, то ли дасу с вилами. Не дождавшись ни того, ни другого, я рискнула открыть глаза. Деревня все еще стояла, колодец тоже, да и трактир за спиной никуда не делся, одна стена уж точно.

— Айка, ты как? — прохрипел Рион и, покачиваясь, поднялся на ноги.

— Не знаю. А ты?

— Так же.

— Если кого-нибудь это волнует, — раздался тонкий голос, мы повернулись. — Мне хреново, — Михей сидел, прислонившись к ограде, прижимая к груди правую руку, рядом валялся разряженный арбалет. — Ну и развлечения у вас, господа чаровники.

Заскрипела, открываясь дверь трактира.

Глава 5. Вышград

— За господина мага! — поднял очередную чарку Питриш.

Помня свой последний опыт в этом деле, я едва пригубила свою. А вот «господин маг» не стеснялся, сразу ополовинил, и стал зазывно улыбаться румяной девчонке, что разливала медовуху, кажется, это была дочь старосты. В Хотьках пришлось задержаться еще на день, так как народ

желал чувствовать своих героев. Я бы обошлась без излишнего внимания, но вот Рион очень хотел присутствовать на празднике в свою честь.

— За Михея! — выкрикнул бородатый лесоруб.

И все следом подхватили:

— За Михея!

Рион согласно икнул.

— Госпожа Айка, простите меня, — привычно загудел сидящий рядом стрелок, — Не знаю, как так вышло... само... не хотел я.

Я молча потерла предплечье, которое оцарапало болтом. Михей вздохнул, осторожно положил на стол руку в лубке, и без особой радости выпил чарку.

— За госпожу ведьму! — выкрикнул какой-то юнец за дальним концом стола, и староста в расшитой рубашке — вопреки обычаю, совсем еще не старый мужик — едва не подавился.

Питриш хмыкнул, но молча поддержал крикуна, то есть, тоже выпил. Рион не сводил глаз с румяной черноволосой девчонки. Ее отец то светлел лицом, представляя такого зятя, то сурово хмурил брови, раздумывая, чем обернется если «зять» ускользнет, выполнив супружеский долг, но забыв принести венчальную клятву перед алтарем Эола. Рион почти не пострадал. Кроме синяков и ушибов, его шею живописно украшали красные, как от ожогов, полосы, но видимого неудобства парень не испытывал. Да и дочке старосты вроде нравился.

— За Питриша! — провозгласил ткач, и это было встречено одобрительным гулом.

Мне вместо лавров досталась шишка, размером с куриное яйцо, на затылке, головная боль и содранная болтом кожа на руке. От обращения к травнице я отказалась, помыв и перебинтовав рану самостоятельно.

— Госпожа ведьма... — снова затянул Михей. — Хоть режьте, но ведь не хотел...

У стрелка была сломана рука, но это волновало его куда меньше, чем мое прощение и расколотый приклад дедова арбалета. Именно его треск мы слышали, когда я подумала, что стрелок лишился позвоночника. Или дурной головы. Я наложила на широкую кисть лубок, а оружие отправила к столяру.

— И чтоб ироду проклятущему в гробу не лежалось! — встал староста, и все закричали. И никого не волновало, что этот «ирод» наверняка жив и здоров.

Мы сидели за почетным столом с другими не менее уважаемыми жителями Хотьков. Такого наплыва посетителей трактир, наверное, еще

никогда не переживал. Поскольку внутри все не помещались, к столу то и дело подходили люди. Кто-то благодарил, кто-то что-то просил, в основном — удвоить надои, повысить урожайность, вылечить от запора.

— Не побрезгуйте, госпожа ведьма, — зашептал смутно знакомый мужик с пропитым, лицом протягивая вытянутый тряпичный сверток. Наверняка, кабачок.

Я убрала подношение под стол к трем холщовым сумкам с репой, крынке с творогом, одному — непонятно кому предназначавшемуся — хомуту. И тусклому клинку. «Кто ж его после тебя возьмет-то» — недоумевающее отмахнулся трактирщик, когда я попыталась вернуть железку.

— Госпожа, Айка...

— Да прости ты уже его, — попросил Рион, которому давно надоело нытье стрелка.

— Обязательно, — ответила я, и не успел Михей вздохнуть с облегчением, добавила, — как только стрелять научится.

Облегчение сменилось горестным стоном.

— Милая,— позвал кто-то справа, и мне потребовалось несколько минут, чтобы понять, что обращаются ко мне. — Почти не ношенное, — прошептала жена ткача, втискивая мне в руки какую-то белую тряпку, то ли саван, то ли ночнушку. — Спасибо, милая.

За что именно она благодарит, не уточнила, но покраснела. Видимо, переезд в другую комнату пошел супругам на пользу. У ее мужа поистине железное здоровье, всего за день оклемался.

— Негоже чаровнику по дорогам без оружия разъезжать, — вышел вперед дородный кузнец, которого я совершенно не помнила, ни по поискам, ни по ночному дежурству. — Оно может и ни к чему, ну для антуражу возьмите.

Он протянул парню короткий пехотный меч в потертых ножнах. Хмельной парень принял подношение, словно корону из рук смирта. Так и подмывало спросить дарителя, зачем магу железка после боя? Но, глядя на улыбку Риона, сдержалась. Надеюсь, что он хотя бы знает с какого конца за нее браться. Я вон, ножиком, как дрыном, размахиваю, и не зарезалась только потому, что железка тупая, как ржавый топор бабушки.

Дверь в очередной раз распахнулась, и двое мужиков внесли в трактирный зал ведро, полное колодезной воды. Честно говоря, в первый момент, я подумала, что они опрокинут его на шатающегося Риона.

— Разъясните уж неразумным, можно ли пить отседова или пора новый колодец рыть? — спросил трактирщик.

Маг поскреб мечом по полу, потом поскреб макушку пальцами и, под дружный вздох, запустил руку в ведро. Несколько капель выплеснулось на доски. Парень икнул и вытащил зеркало. С минуту рассматривал, а потом, отложив, вдруг склонился и отпил из кадушки. Все заговорили разом, радостно, пьяно, с надеждой. А парень поднял голову, вытер мокрый подбородок и улыбнулся, смотря на черноглазую красавицу. Выглядело убедительно, но думаю, за вторым колодцем дело все равно не станет.

Ведро исчезло, а лесорубы дружно заорали:

— За господина чаровника!

И тосты пошли по второму кругу.

Рион сел на место, вертя в руках зеркало. Поверхность, ставшая абсолютно чистой, отразила угловатое лицо парня, с отросшими темными волосами и карими глазами.

— Ты же запретил его трогать, — зашептала я, когда мужики с ведром отошли.

— Артефакт не активен. Он выполнил работу и заснул, — чаровник протянул мне псише. — Сейчас это обычное зеркало.

Я аккуратно взяла псише, кончики пальцев приятно закололо. Наконец-то он в моих руках, наконец-то... Оловянную рукоять, покрывал затейливый узор, по которому скатывались капли воды. Магия, притягивающая мои руки к этому предмету, ушла. Зеркало и зеркало, чуть более дорогое, чем ожидаешь увидеть у крестьян.

— Мы так и не знаем, кто его активировал? И зачем? Куда пропала Лиска? — начал перечислять парень, чувствительный пинок под столом помог ему заткнуться.

— Обет выполнен?

Рион прислушался к себе и четко ответил:

— Выполнен.

— Так чего тебе еще надо?

— Госпожа ведьма, я это... не хотел... я в вас не стрелял, в эту чудую юду целился, а попал... — завел Михей очередной куплет песни раскаяния.

— Если бы он тебя не задел, псише не попало бы в колодец, — Рион поднял чарку и подмигнул дочери старосты. — И мы бы здесь не сидели.

— Ээээ? — не понял стрелок, и я была с ним солидарна.

— Псише открывает канал в другой мир. Видите знаки? — чаровник указал на завитушки рукояти. — Сейчас так не делают, мастеров-артефакторов не осталось. Для открытия хода из одного мира в мир другой нужна отражающая поверхность. И чем она больше, тем шире лаз, тем большая пакость по нему пролезет. На колодец скопировали магию с

зеркала, со стекла на воду. Принесли жертвы...

— Жертвы? — переспросил стрелок

— Те мужчины, — догадалась я. — И бабка Ньюля.

— Энергия их смерти позволила на время превратить воду в дверь. Не знаю, кого хотели вызвать. Дасу? Мертвяков? Али душу предпоследнего короля? Не знаю, чем это грозило, — Рион устало вздохнул. — Когда псише попало в колодец, произошло то же, что происходит, когда ключ входит в замок. Чем канал открыли, тем и закрыли. Ход исчез.

— Значит, колодец теперь превратился... во что? — спросила я.

— Ни во что. Псише — ключ, а дверью может стать что угодно, любое отражение, стекло, зеркало, пруд. На время стать. Сейчас колодец — это просто колодец, он утратил все свойства, когда закрыли проход.

— Почему ты сразу не сказал? — возмутилась я. — Мы бы знали, что делать, без всяких случайностей. Тот маг мог передуть нас, как котят.

— Задним умом все крепки, а тогда я и сам не сообразил, — парень забрал у меня псише. — Все случилось слишком быстро. Потом я посидел, подумал. — Он растерянно развел руками, обиженная его невниманием девушка шагнула ближе и выпятила грудь. Та, кстати, вполне заслуживала внимания.

Михей вопреки ожиданиям не стал опять уверять меня в своем полном раскаянии, а встал и с задумчивым видом отошел. Правда, недалеко и ненадолго, осилил десяток шагов вдоль стола и бухнулся перед старостой на колени, перепугав того аж до разлития чарки.

— Благословите, на подвиги ратные, дорогу трудную, судьбу нелегкую, но твердо решенную.

— Какую судьбу избрал себе Михей — рыбацкий сын? — мужик был здорово навеселе и говорил слегка нараспев, Питриш поспешил повторно наполнить его чарку.

— Отправляюсь я в столицу благословенную, колдовскому ремеслу поучаться.

— Добро, Михей — рыбацкий сын, вот тебе мое старшее благословение и напутствие. Не посрами! Старайся, спины своей не жалеючи. А освоишь науку трудную, воротайся назад, ибо дом твой здесь. Будет, кому деревню родную от всяких лиходеев оборонять, — староста торжественно возложил руки на голову парню.

Я не сразу поверила своим ушам. И не сразу сообразила, с кем собирается ехать еще один претендент в маги. Даже Рион отвернулся от волнующе вздымающейся девичьей груди и кажется, немного протрезвел.

Михей поднялся, сияя, как новенькая монетка. Он был шире чаровника

в плечах раза в два, радостный взгляд невинных голубых глаз, рыжая, как огонь шевелюра, россыпь веснушек на носу, оттопыренные уши — сразу видно будущий чаровник идет, лиходеи помрут от умиления. Или со смеху.

— Любой может стать магом? — шепотом спросила я у Риона.

— Нет, только обладающий магическим резервом, — так же тихо ответил парень.

— А Михей?

— Не знаю.

— Тварь, называла его человеком, — я нахмурилась и добавила, — вроде бы.

— Айка, ты только не вздумай... — Рион схватил меня за руку, останавливая порыв. — Хочет, пусть едет, лично мне не мешает.

— Мало твоему учителя одного горя, — пробормотала я, отворачиваясь от старательно хлопающих стрелка по спине мужиков. — Еще одно пожаловало постарше и подурнее.

— Какого горя? Айка! — укоризненно сказал парень, а начавшая злиться на его невнимание черноволосая красавица уже села к нему на колени. Я поспешила отойти.

Мы покинули Хотьки на рассвете третьего дня и направились вниз по тракту. Предстоял последний день пути до столицы. И он прошел на удивление мирно и тихо. Если не считать стонов Риона, то и дело хватящегося за голову. Или мечтательного взгляда Михея, похоже, видящего не пыльный тракт под копытами старого мерина, а свои будущие магические подвиги.

Чем ближе к городу, тем оживленнее становился тракт. Чем больше людей, тем пристальнее и навязчивее взгляды. Я чувствовала их на лице, как прикосновения, липкие, неприятные, враждебные. Через полсотни вар мне пришлось накинуть плащ и поглубже надвинуть капюшон.

Вышград показался из-за поворота, когда солнце уже клонилось к горизонту, а Михей, видимо утомленный мечтами, стал вздыхать и посматривать на меня со значением, видимо снова надумал, просить прощения. Даже Рион восторженно, хотя может, этому поспособствовала фляга воды, опрокинутая на голову.

Городские стены из отполированного темного камня казались неимоверно высокими, выше всего, что мне приходилось видеть в жизни. Каменную кладку венчали острые металлические пики. На такие хорошо насаживать отрубленные головы. Одна, кстати, имелась и являлась, судя по вниманию людей, несомненно, главным украшением. У ворот собралась

толпа: конные и пешие, крестьяне и ремесленники, груженные повозки и телеги — вход перекрыли полностью. Каждый слишком торопился въехать в город до закрытия ворот, все мешали друг другу.

Мы пристроились в хвосте процессии. Я никогда не видела столько людей сразу, и все они двигались, размахивали руками, кричали, ругались, не слыша и, не слушая, друг друга.

Михей вертел головой и расспрашивал Риона буквально обо всем:

— Сколько доброго люда живет в столице?

— Не знаю точно... — начал Рион.

— Он знаком только с недобрым, — перебила я, и парень поморщился.

— Где королевский дворец? — не сдавался стрелок.

— Какая разница, тебя там все равно никто не ждет.

— Айка... — покачал головой маг и вдруг пристально посмотрел на мое лицо. — Ты что, боишься?

— Нет.

— Боишься, оттого и грубишь.

— А где маги?

— Слушай, — не выдержала я. — Ты живешь в дне пути, неужели не мог раньше съездить?

— А ты в двух, — улыбнулся Рион. — И как тебе городские парки?

Я отвернулась, пряча лицо. Парень был прав, но признавать это вслух не хотелось. Хотелось развернуть деревенскую клячу и поехать назад.

— Парки? А где... — снова стал спрашивать Михей, но в этот момент уродливый мерин стрелка всхрапнул и чуть не укусил стоящую впереди кобылу. Стрелок сдержал животину, которой больше подходил плуг, нежели седло. Впрочем, моя не лучше.

По мере приближения к воротам беспокойство усилилось, кровь прилила к лицу, сердце застучало, как заведенное. Что не так?

— А мы в трактире остановимся? Или сразу к магам поедем? — продолжал спрашивать стрелок.

Вместо ответа Рион нахмурился, придерживая лошадь. Я проследила за его взглядом. К стражникам подошел полноватый невысокий мужчина в одежде горожанина. Он стал что-то объяснять высокому и отдающему приказу солдату.

— Тамит, действительный Вышграда, — прошептал парень.

У меня по спине потек пот. От душного летнего вечера, от теплой ткани плаща, и... от страха. Пахло навозом и солодом. У телеги впереди соскочило колесо, с одной из бочек слетела крышка. Ароматное пиво полилось под лошадиные копыта. Возница, спрыгнул и, ругаясь, старался

удержать бочку от падения. Ему на помощь в надежде на угощение поспешили сразу пятеро.

Я оглянулась, мы успели продвинуться к воротам на десяток шагов, и теперь из толпы просто так не выберешься. Разворот коня вызовет переполох, не говоря уже о попытке проехать через весь этот поток людей, подвод и телег.

Действительный маг продолжал разговаривать со стражем, но если поднимет голову, если окинет взглядом толпу...

— Я его уведу, — решился Рион, спешился и передал поводья ничего не понимающему Михею. — В городе найдите трактир «Три кружки» и ждите там.

Парень пошел вперед, ловко лавируя между людей, уворачиваясь от тычков и не реагируя на летящие в спину ругательства. Чаровник очень быстро достиг высоких створок. Конь Риона, натянув поводья, шарахнулся в сторону, стрелок слез с мерина и принялся успокаивать животное.

Рион поравнялся со стражниками, бросил им пару фраз, и его пропустили. Какой-то ремесленник, обвешанный глиняными фигурками, погрозил вслед кулаком. Ученик мага подошел к действительному и после приветственных кивков завязал разговор. Деревенский стрелок поймал мой взгляд и открыл рот, чтобы задать вопрос, но не задал. Иногда даже такой простой парень, вроде Михея, может понять, когда надо промолчать, а когда слово молвить.

Очередь чуть продвинулась. Телега с пивом уже скрылась за воротами. Между нами и стражниками осталось только многочисленное семейство с корзинами, стражники уже приступили к подсчету и осмотру товара.

«Уведи его отсюда», — мысленно взмолилась я.

Рион что-то сказал полноватому чаровнику, указывая рукой вперед, и маги стали удаляться. Солдаты и глава семейства пришли, наконец, к одинаковым цифрам в подсчетах и медяки из одного кармана перекочевали в другой.

Наша очередь. Михей сделал шаг вперед, я натянула капюшон до самых глаз и спешила.

— Кто? Откуда? Зачем? — без интереса спросил гвардеец.

— Михей, рыбацкий сын, — ответил стрелок. — Поучаться прибыл. Она со мной.

Могла бы, расцеловала парня за эту фразу. Сейчас в эту минуту, я простила ему и болт в руку, и неуместную болтливость, и еще что-нибудь на будущее.

Первый стражник лениво оглядел мою фигуру в плаще и снова

повернулся к Михею. Деревенские девки его не интересовали, даже если они научились сносно сидеть в седле. Зато второй, судя по улыбке, отъявленный бабник, подался вперед, стараясь заглянуть под капюшон.

— С тобой говоришь, — протянул он, — красавица, поди?

— Два черня с человека и по одному с лошади, — проинформировал первый, не обращая внимания на напарника.

— У меня серебряный дин, — расстроился стрелок.

— Сдачи не держим, не торговцы, поди, — весело ответил второй страж, не спуская с меня любопытных глаз.

Я полезла в сумку, молча отсчитала требуемое, и протянула стражам. А надо было отдать стрелку, чтобы мужик расплатился. Эол, слишком волновалась, слишком привыкла к одиночеству, что сделала это, почти не задумываясь. Первая ошибка.

— А жена-то у тебя парень молчунья, не то, что твоя, — хохотнул весельчак, пихая напарника локтем.

— Не жена она мне, — брякнул Михей, и я тут же поняла, что поторопилась с прощением.

Вторая ошибка и, похоже, последняя.

— Не жена, — протянул весельчак, и неожиданно схватив меня за руку с деньгами, дернул на себя.

Капюшон упал на спину. Смех оборвался. В толпе раздались охи и вскрики. «Водянка», — стал нарастать ропот. — Нечистая. Нежить!» Стоящие в первом ряду отпрянули, последние не сразу поняли, в чем дело и продолжали напирать, звякнуло вынимаемое оружие. Стражник, еще секунду назад прижимавший меня к себе, с отвращением оттолкнул.

Может, все и обошлось бы, в город не пустили или в тюрьму пока бросили, невелика беда. Но действительный так и не ушел. Скорей всего, он обернулся на шум. Бросил один взгляд через плечо, и его лицо исказилось от ненависти. Я видела, как кривятся полные губы, как вспыхивают глаза, поднимаются руки. Все словно исчезло: люди, стражники с клинками, Михей и высокие стены Вышграда. Остались только он и я. Дыхание перехватило. Такой не пощадит, ударит, прямо здесь и сейчас, не взирая на толпу, не взирая на бросившегося наперерез Риона.

Сердце билось так медленно, словно нарочно растягивая удары. Я слишком хотела жить. А кто не хочет? Я не задумывалась, так как любое промедление смертельно, я просто действовала и надеялась на удачу.

Раз — ударила улыбчивого стражника головой в подбородок. Два — он осел на землю. Три — отпрянула назад, уходя от скользящего удара клинка его напарника. Четыре — прыгнула в сторону. Пять — побежала.

Все, что я сейчас могла — это бежать и молиться Эолу. Сколько себя помню, мне приходится уворачиваться от тычков, камней, плевков. Уворачиваться и убегать. Уж этому-то жизнь меня хорошо научила. Я ринулась вперед, потому что за спиной дорогу перегородила толпа. Бежала, стараясь не думать, что попав за городские ворота, окажусь в ловушке, пусть ее стены широки и каменны.

Жаль, что на каждую изворотливую девку всегда находится ловкий охотник. Я успела поравняться с высокими створками и уже видела боковую улочку, куда намеревалась свернуть и затеряться между высоких домов, лавок, и еще Эол знает чем... Когда что-то тяжелое врезалось в затылок и разлетелось внутри головы разноцветными искрами. Брусчатая мостовая встала на дыбы и рванулась к лицу.

«Забыла про капитана», — пришла запоздавшая мысль, — «И про лучников, и про...»

Я кувырнулась в темноту, как в бочку для сбора дождевой воды, которая стояла на углу нашей избушки.

Добро пожаловать в Вышград, Айка!

Первое, что я ощутила во тьме — это неудобство. Что-то мешало мне спать. Свет? Звук? Не знаю. Я попыталась пододвинуться и потерпела неудачу. Тело слушалось плохо. Мысли лениво кружились, пока среди круговорота картинок не всплыло воспоминание о приближающихся воротах. О поднимающем руку маге. О Рионе и Михее. Я попыталась открыть глаза, очень надеясь, что не окажусь в тюрьме, но веки казались неподъемно тяжелыми.

— Как она? — услышала я тихий голос.

— Еще не пришла в себя.

Хотелось ответить, что пришла, что никуда и не уходила. Но от одного усилия, я вновь полетела в головокружительную темноту.

Второй раз меня разбудил солнечный свет, он падал через неплотно прикрытые шторы бордового света. Ковер той же расцветки, стены, оббитые розовым шелком. Я даже не сразу поняла, что вижу, что глаза открыты. Меня, что в бордель вместо тюрьмы определили? Мысль была бредовая, потому что ни там, ни там мне бывать не доводилось. Но слава Эолу, сознание, как и зрение ко мне вернулись.

Я попыталась приподняться. В голове тут же зашумело, все завертелось, и окна, и шторы, и солнце за ними, виски стянуло горячим обручем. Все-таки здорово меня приложили, интересно только кто и чем. Откинувшись на подушки, я медленно сосчитала до десяти, вдохнула и

выдохнула. Немного полегчало, комната замерла, перестав водить хороводы.

Нет, точно бордель. Круглая кровать с алым бельем, торшер на гнутой медной ноге у изголовья, резной столик из темного дерева, такие же стулья с алой бархатной обивкой. На одном из них дремлет... хм, явно не девочка, а роскошно одетая женщина. Мадам, при полном параде. Почувствовав, что на нее смотрят, женщина открыла глаза.

— Болит?

— Нет... Да, — от звука собственного голоса голова наполнилась звоном, словно теперь у меня на плечах колокол с часовни Эола.

Женщина склонилась над низким столиком, на котором выстроилась вереница стеклянных склянок и баночек.

— Где я?

— У меня дома, — она протянула мне чашку.

— А...? — я принялась, какой-то травяной сбор, в основном ромашка.

— Твои друзья тоже здесь. — Она наклонилась и стала ловко развязывать повязку на моей голове. — Пей, — в ее руках появились чистые полоски, и она быстро сменила старые перемазанные желтой мазью и кровью.

Стало еще чуть легче. Лечение всегда, как говорит бабушка, состоит из таких маленьких облегчений, которые ты шаг за шагом отвоевываешь у болезни.

Выпив, я вернула чашку и хотела уточнить, что это за дом, так как мысль о борделе крепко засела в моей несчастной голове. Но все опять поплыло, видение красной комнаты стало отдаляться, пока не исчезло совсем, растворившись в сумбурных и беспокойных снах, которые совсем не запомнились.

Когда проснулась в третий раз в комнате стояли мои спутники с подобающе скорбными лицами.

— Я пока жива, — голос со сна был хриплым.

— Не шути так, — сказал Рион, подходя ближе. — Видела бы ты себя вчера. Белая, как покойница, не шевелишься, голова вся в крови.

Михей из солидарности закивал.

— Кто меня так?

— Капитан привратников древком копья.

— А «действительный»?

— А его, — Рион кивнул на Михея и, словно не веря в то, что говорит, продолжил, — его наш стрелок уложил, — деревенский парень продолжать

кивать. — Тамит на тебе сосредоточился, ничего кругом не видел, ни меня, ни его с арбалетом.

— И почему тогда он еще здесь, да еще и вместе с головой, а не на плахе?

Стрелок тут же перестал кивать. Так-то лучше, а то уже голова кружится.

— Так не насмерть же, — развел руками маг.

— Значит, приехал учиться на мага, а для начала подстрелил будущего коллегу? — прохрипела я.

— Я не в него целился, а в стражника. Не знаю, как и случилось, — начал традиционное объяснение увалень.

Сказать на это было нечего. Болты у парня куда как умнее хозяина, всегда попадают куда надо.

— Как солдаты нас отпустили? И куда вы меня приволокли? — я приподнялась, голова снова закружилась, но на этот раз это можно было терпеть.

— Господин чаровник поколдовал, вот они и отпустили.

— Михай, меня Рион зовут, а не «господин чаровник», я же просил, — поправил маг. — Да и наколдовал-то всего ничего, обычный огонек, но им хватило.

— Ага, — согласился стрелок и осторожно продолжил, — Рион грозился всех в Дасунь^[16] отправить.

— Притащили мы тебя к учителю. Это его дом, — добавил ученик мага и покаялся. — Это я виноват, нельзя было разделяться.

— А оставить девушку под охраной друга и съездить или послать за мной, тебе в голову не пришло? — услышала я низкий баритон.

Парни расступились, пропуская к кровати незнакомого мужчину. Тогда я впервые увидела учителя Риона. Лежа в постели с опухшим лицом и перебинтованной головой, я смотрела на самого красивого мужчину, которого только доводилось видеть. У нас в Солодках Вран был самым привлекательным. Молодчик с волевым, даже грубым лицом, в котором было что-то такое неуловимое, что не давало девчонкам просто мазануть взглядом и пойти дальше. Надо ли говорить, сколько побед он одержал на сеновале за мельницей и останавливаться пока не собирался.

Но на фоне действительного мага Вран выглядел бы сущим простачком. Учитель Риона был высок, широкоплеч. В небрежно накинутом зеленом сюртуке, он походил на старинное изображение Эола на фреске в часовне. Правильные черты лица, глубокие черные глаза, волосы с едва заметной проседью. И теплая улыбка, от которой внутри появилось

что-то странное, невесомое и щекочущее.

— Маис, я Дамир Вышградский, главный действительный маг столицы. Мальчики вас не утомили? — он бросил взгляд на парней.

«Мальчики» намек поняли и торопливо исчезли. Вернее, Рион понял и утащил Михея.

Дамир присел на край постели. Я натянула одеяло до подбородка, забыв и про боль и про головокружение, как-то разом ощутив нехватку одежды. А потом к горлу подкатила горечь. Какая из меня «маис»?

«Давно ли в зеркало смотрелась, лягушка лупоглазая», — раздался в голове насмешливый голос Ксанки. Я сглотнула противный комок и заставила себя посмотреть на мужчину. Это его дом, его кровать, где хочет, там и сидит.

— Все хорошо, маис? Или разрешите назвать вас Айя?

Я кивнула, не в силах сказать ничего осмысленного, вспомнила, что лишила силы его ученика и вся сжалась. От таких рук с длинными пальцами умирать, конечно, приятнее, но все равно не хочется. Странно дело, парням грубила, словно сам дасу за язык тянул, а вот этому мужчине не смогла. Словно мне снова десять лет, и слова разбегаются от меня. К чему бы это? К дождю? К несварению? Или концу света? Последнее вероятнее.

— У меня плохие новости, — тихо сказал мужчина, на его скульптурное лицо набежала тень. — По поводу вашей с Рионом проблемы. Энергию можно отнять или отдать добровольно. Правда, в обоих случаях это заканчивается смертью мага.

— Но Рион жив, — прошептала я, глядя куда-то поверх его головы.

— Трудно спорить, почти так же трудно, как и объяснять не магу очевидные для нас вещи, — Дамир задумался, рука легла поверх одеяла, буквально в нескольких сантиметрах от моего бедра. — Маг — это сосуд, энергия — вода. Заканчивая обучение, чаровник изготавливает камень, едет к источнику наполняет его, возвращается, проходит посвящение, и сила переливается из камня в человека. Ты встретила Риону в самый уязвимый момент. Силу он уже получил, но еще не мог ею распоряжаться, — мужчина побарабанил пальцами по одеялу, я заставила себя сосредоточиться на его словах, а не на руках. — Ты не задумывалась, зачем такие сложности? Зачем затевать чехарду с камнями? Источнику все равно, какой сосуд наполнять: каменный или живой. Так почему сразу не перелить силу в мага и не рисковать?

— Почему? — спросила я, потому что он ждал этого вопроса. Хотя на самом деле нет, не задумывалась. Мне никогда не было до этого дела.

— Потому что мы жадные, — признался маг. Не удержавшись, я подняла взгляд, в черных глазах мужчины вспыхнули серебристые искорки смеха. — Я, ты, Рион. Все люди. Не счесть магов, хлебнувших из Источника столько силы, что их разорвало на месте. Это сейчас камень посвящения кажется красивым ритуалом, на самом деле он ограничивает жадность. Каждый чаровник делает его сам. Камень — это отражение сосуда и возможностей мага. Рион наполнил свой и решил заехать в деревеньку к семиюродному дядьке, которого не видел лет десять.

— Скажите сразу, — попросила я. — Скажите правду, не ходите вокруг да около. Кто из нас умрет? Я? Рион?

— Я не знаю. Как вам такая правда?

— Не очень.

— Вот и мне тоже, не очень, — Дамир поморщился. — У тебя, как это ни удивительно, есть природный резерв, и ты перетянула силу Риона себе. Сложись по-другому, могла бы стать чаровницей.

— Я? — от волнения голос сел. — Маг?

— Уже нет. И вряд ли теперь станешь, — он не отвернулся, продолжая все так же смотреть на меня, я почувствовала жжение в глазах.

— Почему? Верну силу парню, а потом найду учителя, может быть, вы сами... — я говорила торопливо и знала это, но не могла остановиться.

— Маг может отказаться от силы, может отдать, — согласно кивнул Дамир. — Но тогда сосуд, тот, что внутри него, закроется. Это как залить сургучом бутылку с вином и забыть о содержимом. Вернешь силу Риону, схлопнешь свой резерв навсегда. Не вернешь, парню останутся лишь крохи, ярмарочные фокусы: огоньки и снежинки, через год его найдут с петлей на шее. Знать чего лишился, еще хуже, чем не знать.

— Но он же умеет колдовать, я видела! — возразила я, вспоминая огненный шарик в руках парня.

— Да умеет, он же учился, — пожал плечами мужчина. — Сейчас его резерв — это... как бы тебе объяснить? — он задумался, — Сейчас его резерв, словно невыделанная лисья шкура, маленькая и сморщенная. Пусть он и может накапливать кьяты, мало, но все же. А когда... если его резерв наполнится силой источника, будет похоже на то, что сухую шкуру смочили в дубильном растворе и натянули на раму, чтобы она стала большой и мягкой. Понятно? Каждому магу нужно заполнить резерв, чтобы стать полноценным. Растянуть его по максимуму. Растянуть, а не разорвать.

— А если, — невзирая на головокружение, я приподнялась, — если он снова съездит к Источнику и снова возьмет сил?

— Нет, — руки мужчины легли мне на плечи и толкнули обратно на

подушку, но я едва заметила его прикосновения, жжение в глазах стало невыносимо горячим. — Источник откликается нам в первый, он же и единственный, раз. Потом маг может увеличить силу за счет другого мага, победив в бою или убив. Может развить постоянными упражнениями, как развивают мышцы. Но без первого раза не будет ничего. Единственный способ для Риона остаться магом — это найти другого ученика и обокрасть уже того. Мне жаль, — уголки губ мужчины опустились,

— А если съезжу я?

— Ты меня не слышала? После ты уже не будешь магом, мир тебя не услышит. А если до, — Дамир горько улыбнулся, — Источник тебе ответит, получишь добавку к тому, что имеешь. Но сила не делится на порции, если не обьешься и вернешь Риону все скопом, может умереть уже он. От счастья и ощущения всемогущества. Но, ладно пусть вам повезет, Рион растянет резерв и тоже выживет. Тебя от схлопывания сосуда это не спасет. Неважно, когда ты отдашь энергию, резерву конец, — пальцы учителя стали жесткими, почти причиняя боль, почти... слова били больнее. — Я честен с тобой. Ответь тем же. Айя, сможешь ли ты вернуть силу, зная, чего лишаешься? — он ухватил меня за подбородок, заставляя смотреть в глаза, но его идеально-правильное лицо расплывалось, размытое слезами. — Я могу убить тебя, могу отнять силу и взять себе. Но никто не может заставить тебя отдать ее Риону, даже он сам.

Дамир пристально смотрел. А я плакала, как маленькая девочка, которую оттягали за косы. Просто ничего не могла с собой поделать. Как сладко прозвучали слова «стать магом». Больше не бояться камней и пинков, не убегать. Ловить на себе не брезгливые, а заискивающие взгляды и снисходить к просьбам о помощи. Попробуйте сообщить смертельно больному человеку, что он здоров, что вы ошиблись, а потом когда его глаза засияют, покачать головой и предложить оценить шутку? Сейчас я чувствовала себя таким больным.

Я — чаровница? Это, пожалуй, даже лучше, чем папочка — маг. Думаю и морок, какой-никакой навести можно, чтоб красоту подправить. А надо для этого всего-то ничего — украсть чужую силу, чужую жизнь.

— Наверное, трудно найти наставника для ученицы с печатью, — шутка вышла горькой, я откинулась на подушку, взгляд уперся в украшенный лепниной потолок. — Если всю жизнь прятаться от действительных, какой толк от магии? Вы были честны. Отвечу тем же, я не хочу отдавать силу. Очень не хочу. Но отдам.

Последнее прозвучало глухо, перевернувшись, я уткнулась лицом в подушку, и разревелась, уже не сдерживаясь. Как он сказал? Знать чего

лишился, еще хуже, чем не знать. Это правда. Еще несколько минут назад я радовалась, что жива, сейчас — жалею об этом.

Ну почему через наши Солодки никогда не проезжал настоящий маг? Почему мы с бабушкой всегда смеялись, когда люди называли меня ведьмой? Почему не поехали в Вышград сами? Почему вместо Источника, я наполнила свой резерв ворованной силой? Вопросы, на которые нет ответа.

Эол, ты мало меня испытывал? Решил еще раз поманить карамелью, а потом вручить кусок горькой смолы? За что?

Волос мягко коснулись чужие руки, предлагая утешение. Я дернула плечом, ничего не нужно. Не сейчас.

— Рад, что Рионер не ошибся в тебе, — перина чуть качнулась, когда Дамир встал. — Отдыхай. Нам придется еще о многом поговорить.

Он ушел бесшумно, так же, как и пришел. А я продолжала реветь, так, как еще никогда в жизни. Жалела себя, не в силах остановиться, изливая горечь в мягкую ткань. Просто и безыскусно. Наверное, сказалось напряжение последних дней, или я немного сошла с ума, оказавшись вне дома. А может, все вместе. Я плакала до боли в висках, до полной пустоты, до равнодушия, которое унесло меня в сон. И лишь одна мысль показалась важной до того, как разум уплыл в никуда.

А ведь Дамир жесток. Он мог ничего не говорить, мог оставить меня в блаженном неведении, мало того, он просто должен был это сделать. Им нужно чтобы я вернула силу? Так зачем же говорить, сколько она стоит?

***

На третьи сутки затворничества в постели с алым бельем, которая меня в сущности всем устраивала, Дамир решил, что мы готовы к серьезному разговору и попросил спуститься к ужину. Я выполнила его желание без особого протеста. Для меня тогда было неважно, как жалеть себя, лежа в постели или стоя на ногах. Меня даже не заставило ахнуть убранство комнат, не заставили широко распахнуть глаза позолота, резное дерево и мягкий бархат, освещаемый двумя дюжинами свечей, хотя я столько в одной комнате никогда не видела, разве что в храме Эола.

Меня ничто тогда не трогало — ни овальная комната с резными этажерками, большим столом в центре и десятком сервировочных вдоль стен. Ни молчаливые, как тени, слуги, ни подсвечники в человеческий рост. Я не любовалась картинами, изображающими животных, людей и

лубочные домики. Не смотрелась в большие зеркала в обрамлении портьер. Не удивлялась тому, что действительный не делал разницы между деревенской знахаркой и собственным учеником.

Я упивалась жалостью к себе и не собиралась останавливаться.

Мне не мешала странная гнетущая тишина, нарушаемая лишь мерным звяканьем столовых приборов. Я поймала жалобный взгляд Михея, не решавшегося прикоснуться ни к одной из десятка блестящих ложек. Помочь парню было нечем, для меня одна железка ничем не отличалась от другой, а правый бокал на ножке от левого. Поэтому я взяла первую попавшуюся ложку и начала есть суп. Если для кого-то это так важно, пусть отвернется и не смотрит.

— Пора поговорить о делах, — Дамир отодвинул полупустую тарелку и посмотрел на каждого, улыбнулся женщине, сидящей по правую руку от него. Сегодня, в отличие от того дня, когда перевязывала мою голову, на ней было изящное розовое платье, волосы уложены в высокую прическу. Мой взгляд помимо воли то и дело возвращался к ней. — Лиэссу можно не стесняться. Итак, — маг сложил пальцы в замок и положил на них подбородок, — у нас две задачи: вернуть Рионеру силу, — кивок ученику, — и снять метку с девушки, — пронзительный взгляд черных с серебристыми искорками глаз на меня.

Я отпила из бокала и неловко его поставила, разлив воду по скатерти. Один из слуг тут же кинулся с салфеткой. Лиэсса успокаивающе улыбнулась. Не было произнесено ни одного слова порицания, даже взгляд Дамира остался прежним: внимательным и чуть ироничным. Михей вместо меня пробурчал что-то извинительное.

— По сути, это одно и то же. Если энергию вернуть, печать смерти исчезает. А с ней магический резерв. Айка согласна на такой исход.

Теперь уже на меня смотрели все. Ничего нового, я снова ярмарочный уродец достойный жалости. Почему нельзя закрыть глаза, а открыть их уже дома? Там, где пахнет теплым хлебом, молоком и травами, а бабушка, что-то напевает у печи. Пальцы дрогнули, и ложка, упав в тарелку, разбрызгала суп по скатерти.

— Но сделать это можно только там, где ученики получают силу. В Велиже, — невозможно закончил Действительный.

На лице Риона отразилось страдание. Да, такого известия я могла бы и дома подождать. Северная столица Тарии, это вам не соседние Хотьки.

— Прodelать путь через всю страну с печатью и не встретить действительного — это что-то из разряда сказок. Прикрыть или замаскировать метку невозможно. Придется рисковать. Прости, Айка, —

закончил Дамир.

Вот, собственно, и все. Услышав низкий злой смех, поняла, что смеюсь сама. Да, я была невежлива и равнодушна, какой и хотела быть. Все равно, что о тебе подумают, все равно, как посмотрят, все равно, что скажут. Такой апатии, такой усталости от мира я не чувствовала никогда, только в эти, проведенные в доме мага, дни.

— Но вы все равно поедете, — продолжал Дамир, я закашлялась и снова схватила бокал с водой. — Пойдете старой тропой через Багряный лес, по дуге к востоку обойдете Лихие болота, а там и до Велижа рукой подать.

— Нет, — ответила я, отпив воды. — Простите меня, но умереть можно и проще.

— Да, — кивнул Дамир, — на этом направлении нет городов и, надеюсь, магов тоже.

Все так, правда, есть одно «но» — Багряный лес непроходим. Лесорубы борются с этим, но без видимого успеха. Неизвестно, что хуже — встретить чаровника или сунуться в Лихие болота. Говорят, они кишат вараксами^[17], богинками^[18], и сама Навь там частый гость. Даже если списать половину страшилок на людскую фантазию, все равно останется немало.

— В Велиже опасаться будет нечего. Магов, прибывших для покаяния, трогать не принято. Передадите письмо от меня действительному Неману, он проведет ритуал. На сборы пять дней. Я обо всем позабочусь. Отдыхайте, посмотрите город.

— Без меня, — отодвинув стул, я встала.

— Но, — начал Рион, поднимаясь следом, на лице парня отразилась паника.

— Айя, — позвал Дамир, — посмотри на меня.

— Нет.

— Айя, — в голосе мага появилось нечто такое, чему я просто не могла противиться, не могла противостоять, — понимаю, как это тяжело.

— Не понимаете.

— Мы дойдем, — запальчиво выкрикнул ученик Дамира.

— Вряд ли.

— Ты ищешь повод, отказаться от обязательств, — не обращая внимания на парня, продолжал говорить действительный. — И не могу винить за это. Что-то со стороны, над чем ты не властна, позволит развести руками и сказать: ты сделала все возможное. Верно? — Искры в его глазах превратились в капли расплавленного серебра. — Я не говорил, что будет

просто.

— Не говорили.

— Айя, ты обещала мне и Рионеру.

— И выполню обещание, дасу вас заберу! Это вы хотели услышать? — я пошла к выходу.

— Подожди...

За спиной отодвинулся стул, и я замерла на пороге. Послышался шепот Риона, который что-то втолковывал Михею, и вздох Лиэссы. Она могла позволить себе эти вздохи. В ее доме странная некрасивая девчонка строила из себя невесту, что. Эол, почему же так плохо? Ведь все уже оплакано и похоронено...

Надеюсь, стрелку повезло больше и, придя в этот дом, он получил то, к чему стремился.

— Еще одно, — сказал, подошедший Дамир, — и можешь отдыхать, — шею коснулось что-то холодное, я вздрогнула, подняла руку и коснулась упавшего на грудь поверх рубашки камушка.

— Я же уже сказала, что сделаю это. Подарки дарить не обязательно.

— Это не подарок, — горячие пальцы коснулись кожи, застегивая замочек цепочки, и я вздрогнула, просто ничего не могла с собой поделать. — Посмотри, — маг обхватил меня за плечи, разворачивая к ближайшему зеркалу. Михей невоспитанно присвистнул. Я подняла взгляд и замерла, потому что с гладкой, мерцающей поверхности на меня смотрела незнакомка. Девушка со светло-русыми волосами, синими глазами и нормальной кожей, чуть тронутая румянцем. Конечно, я так и осталась худенькой, нескладной девчонкой с угловатым лицом и широким ртом, но теперь я была обычной некрасивой девчонкой.

— Маскировочный медальон, — пояснил учитель. — Узконаправленный, не всякий маг распознает.

Вся бравада куда-то исчезла, сейчас я остро сожалела, что это, и вправду, не подарок.

— Еще одно, — помолчав, добавил мужчина, — Рионер, по дороге тебе придется обучить ее основам владения чарами.

— Зачем? — удивился парень.

— Айя не ощущает силу. Как можно отдать то, чего не чувствуешь? — Дамир опустил руки.

То есть, мне сначала дадут подержать дар в руках, а потом уже отнимут. Эол, что еще ты для меня приготовил?

— А я? — подал голос Михей. — Я же... — он смешался, и, наконец, решился — Вы будете учить меня?

— Не уверен, что смогу. Резерв не просматривается, хотя есть колебания в магическом фоне. Это быть может следствием попадания под выброс силы, — мужчина повернулся к стрелку. — Езжайте домой, молодой человек, заверьте старосту, что совет магов поставлен в известность о случившемся в Хотьках, будет разбирательство.

— Но я... — на парня было больно смотреть.

— А вы возвращайтесь осенью. Маги бывают разными, есть целители, есть шептуны и заклинатели, есть чаровники, как мы с Рионом. В Вирите нашли оплот чернокнижники, за Тесешем^[19] танцуют у костров шаманы. Хотя, я думаю, они не имеют отношения к магии, только к сушеным грибам пустыни. Есть дасу, когда-то давно по нашим равнинам гуляли зеркальные. Кого только Эол не создает милостью своей. Возможно, я ошибся и не разглядел ваш резерв сразу, — Дамир скупно улыбнулся и повторил. — Возвращайтесь осенью, остаточная энергия развеется, и я приму решение.

Михей опустил голову, в глазах отчаяние пополам с решимостью. Надежда и разочарование. Много всего, но нет того, что владело мной. Нет страха.

Не знаю, что вышло бы из всего этого, вряд ли что-то хорошее, никогда еще не побеждал тот, кто заранее сдался. А я опустила руки. Но до отъезда случились два события, одно разозлило, другое — доказало, что и для меня еще может быть что-то хорошее.

Дни летели быстро. Я, в основном, сидела в комнате, часами пялясь в потолок, ища смысл жизни в его завитушках. Дамира видела редко, говоря себе, что это к лучшему. Один раз вместе с Рионом вышла в город. Парень изо всех сил старался меня расшевелить, но получалось плохо, апатия то накатывала, то отступала. Я не жила, а будто спала, не в силах поверить, что все это происходит на самом деле.

В любой другой раз я была бы поражена столицей — ее зданиями и людьми, благородными господами, магами, торговцами и простолюдинами. А так Вышград запомнился шумом, грязью, разноголосой толпой и закрывающей полнеба громадиной королевского дворца.

Раны зажили, с руки Михея сняли лубок, с меня повязку. К Дамиру постоянно кто-то приходил и уходил. Тяжелые шаги слышались в коридоре, а из-за дверей кабинета доносились низкие голоса, иногда умоляющие, иногда требовательные, разные. Дамир был магом, он работал.

За день до отъезда из столицы я слонялась по библиотеке, брала с полки книги, открывала их, медленно по слогам разбирая строчки слов, закрывала и ставила обратно. Некоторые возвращала сразу, так как вместо

тарийских букв на страницах скакали руны или вилась вязь. Некоторые задерживались в моих руках на минуту или две. Слова складывались в тягучие длинные предложения, смысл которых в большинстве случаев ускользал. У нас в доме книг было мало. Всего три, две из них по травам, и одна с житием Эола и его сподвижников. Скукотища жуткая, рецепты и то интереснее.

Возвращаясь в комнату, я уловила отражение в висящем на стене зеркале и невольно остановилась. Коснулась волос, щек, открыла и закрыла глаза. Маленький луч света в беспросветном окружающем мраке. Я больше не выглядела как водянка. Даже в полумраке коридора волосы не светились, зубы не казались нереально белыми, глаза приобрели синюю глубину. Замочек на цепочке легко поддался, и черный полупрозрачный камушек-амулет скользнул в руку. Изображение тут же изменилось, коса выцвела, глаза посветлели, кожа сравнялась по цвету с нарисованными на стене лилиями.

— Так лучше, — раздался голос.

Увлеченная разглядыванием собственной физиономии, я не услышала, как из кабинета Дамира вышел очередной посетитель. — Сразу видно истинную суть.

В коридоре стоял Тамит. С виду цел и невредим, ни следа ранения. Хотя, чему удивляться, он же действительный маг и может позволить себе целителя.

— Узнаешь, гадина? — глаза были полны нездорового блеска, словно после лихорадки, губы насмешливо кривятся.

— Разве мы знакомы? — я стиснула кулон в кулаке.

— Эка, печаль, сейчас познакомимся.

— Мне бабушка запретила с чужими разговаривать, — я отвернулась, торопясь вернуться в свою комнату.

Толстая рука с короткими черными волосами на тыльной стороне ладони уперлась в стену, перегородив дорогу.

— Наслышан о твоих успехах. Дамир поверил сказочке о возврате силы.

— Вам-то какое дело, во что верит Дамир? — я посмотрела в карие глаза.

— И ты отдашь энергию парню? — спросил маг и захихикал, гаденько так.

От смеха, от звучащего в нем пренебрежения, я дернулась, будто от удара. Отвернувшись, поднырнула под руку, желая одного — уйти и не слушать больше этого толстого, переполненного горечью человека.

— Стоять, — Тамит схватил меня за плечо. — Меня не так просто провести, малышка, можешь не стараться.

— Не буду, — я дернулась, но пальцы, оказавшиеся неожиданно сильными, сжались, причиняя боль.

Он толкнул меня к стене. Я закричала, вернее, попыталась, но он зажал мне рот, больно сминая губы ладонью. Для мужчины он был невысок, но все равно возвышался надо мной на полголовы. Камешек упал куда-то под ноги, я вцепилась в чужие ладони, рыча, как зверек, и безуспешно пытаюсь отодрать их от себя.

— Что ты ему пообещала? Что сделала, раз он готов рискнуть учеником? — маг приблизил свое одутловатое лицо к моему. — Покажешь мне? Может, кровь ворд настолько горяча, что заставляет забыть обо всем на свете, — губы коснулись кожи на скуле, и я забилась, как пойманная птица, которая готова на все ради свободы, даже сломать крылья.

— Тамит, — резкий окрик, раздавшийся словно из другого мира, заставил мужчину повернуть голову, мое сердце замерло, а потом заколотилось в два раза быстрее. — Ты забываешься, Айя — гостья в этом доме, — Дамир шагнул ближе. — В отличие от тебя.

Почувствовав, что захват чуть ослаб, я замычала и со всей силы укусила ладонь мага. Это в балладах прекрасные леди либо падают в обморок, либо дерутся наравне с мужчинами. Я не воительница и не леди. Я деревенская девчонка, вообразившая себя взрослой и оказавшаяся здесь вопреки судьбе, но буду проклята, если позволю какому-то...

Мужчина заорал, я пнула его в голень, отталкивая от себя, и приготовилась делать то, что у меня всегда получалось лучше всего, приготовилась бежать. Но у Тамита тоже имелся кое-какой опыт по усмирению строптивых девок, он успел схватить меня за косу и дернуть на себя.

В первый момент, показалось, что с меня сняли скальп. От боли на глазах выступили слезы. Я упала на задницу. Тяжелая рука поднялась, и начала опускаться на лицо. Я успела всхлипнуть и зажмуриться. Но удара не последовало.

Я открыла глаза, руку полного мага держал Дамир.

— Вон... из моего... дома, — голос учителя Риона оставался таким же спокойным, словно он распоряжался об обеде, только паузы между словами казались слишком длинными, слишком весомыми, чтобы кто-то мог послушаться. — И не появляйся, пока мозги на место не встанут.

— Дам, ты не понимаешь, вспомни, что случилось с Киесом!

— Уходи!

Тамит выругался, еще раз дернул меня за косу и четко проговорил:

— Ты пожалеешь, что все не закончилось у ворот, — мужчина отбросил мои волосы, одернул сюртук и удалился, печатавая шаг по красно-черному ковру.

Дамир подал руку, помогая мне встать. Вложив в его ладонь свою, я заметила, как нелепо смотрятся мои пальцы с обломанными ногтями. В голове снова раздался смех Ксанки: «лягушка, лягушка». И воспоминание о Лиэссе, сидящей рядом с хозяином дома. Я выдернула руку, наверное, чересчур резко, но маг никак не отреагировал, только спросил:

— Все в порядке? Он ничего не сделал?

Вместо ответа, я замотала головой, стараясь стереть ладонями со щек чужие прикосновения. Я не замечала, что слезы продолжают катиться по лицу, до тех пор, пока Дамир не стал стирать их пальцами.

— Айя, — тихо проговорил мужчина.

За последние дни я плакала больше, чем за всю свою жизнь, включая младенчество. Но именно сейчас, стоя в коридоре растрепанная и жалкая, я чувствовала странную отчаянную злость. То, что держало меня несколько последних дней, уходило, растворялось вместе с горячей влагой.

— Почтч... — я всхлипнула и продолжила уже спокойней, — почему не применили магию? Почтчему...

— Он или я? — в глазах мага стали загораться уже знакомые серебряные звездочки. — А зачем? Смысл стрелять из пушки по воробьям? Таму всегда было жалко квятов, а мне... — он задумался, — не вижу смысла бить кувалдой там, где справится молоток.

Я кивнула, задумываясь, почему соглашаюсь со всем, что он говорит? Почему готова исполнить любую просьбу? А если он предложит прогуляться голой по улице? Или не по улице... Это ли не магия?

— У Тамита есть причина для ненависти, но направил он ее не туда, — Дамир стер очередную слезинку, продолжая держать мое лицо в ладонях.

— Причина? — я хлопнула носом.

— У его младшего брата, Олина, девушка обманом забрала силу. Вернее, он влюбился и отдал ее сам. Любимая исчезла. Молодой человек умер. Тамит поклялся найти виновницу, но не преуспел.

— А как же метка?

— Какая метка? Он отдал силу добровольно. Девушка не побеждала его в бою и не отбирала силу. — Дамир пожал плечами. — О ее судьбе нам ничего неизвестно. Для всех она просто исчезла.

— А почему маг умер, Рион же жив?

— От тоски. По любви. Или по магии. Сила вращается в нас: в тело, в

сердце, в душу. Лишиться ее — значит потерять себя. Рионеру проще, он не прошел посвящение, да и ты дала ему надежду.

— Но разве нельзя что-то сделать? Размять ту самую «лисию шкуру», о которой вы говорили? — во мне вспыхнула безумная надежда, что все можно сделать по-другому, собственно она и никогда не угасала.

— Аяя, не надо, — правильно понял маг. — Это все равно, что лишиться ноги и получить вместо нее костыль, вроде ходить можешь, а вроде и нет.

— А вы не бойтесь, что, почувствовав силу, я не захочу ее отдать?

— Боюсь. Но поделаться, увы, ничего не могу. Это твой выбор, — палец соскользнул со скулы к уху, и я не сдержала вздоха. — Можно спросить, о чем ты думала? Когда он таскал за волосы? — Дамир виновато улыбнулся. — О, прости, прозвучало невежливо.

Даже сквозь слезы, я не смогла не ответить на эту улыбку, от которой на правой щеке мужчины появилась ямочка. Сколько ему лет? Тридцать? Сорок? Больше? По магам никогда не скажешь наверняка, они живут втрое больше людей. Да какая к Эолу разница, хоть сто.

— Ты так странно смотрела на Тама, — руки мага все еще казались моего лица, наверное, поэтому я сказала правду, не думая, как она может быть услышана. И истолкована.

— Думала о том, как обидно будет умирать, так и не поцеловав мужчину. Все, что мне достанется — это тычки и удары. Это все, на что могу рассчитывать, — я опустила голову, уходя от его взгляда.

Но Дамир не позволил, пальцы, еще секунду назад такие мягкие, вдруг стали твердыми. И глядя, как приближается его лицо, я просто не могла поверить в происходящее. За одну минуту перейти от отчаяния и унижения к мечте, в которой сама себе боишься признаться. Деревенская девчонка во все глаза смотрела на склоняющегося к ней мага, на того, кого ей суждено видеть лишь издали, крича от восторга и кидая цветы под копыта коня.

— Я не Там, — его лицо приблизилось настолько, что он выдыхал слова прямо мне в губы. — Достаточно сказать «нет».

Но я не сказала. Не смогла, и нисколько не сожалела об этом. Я думала, он будет настойчив и властен, смутно представляя, что может крыться за этим словом в реальности. Но когда мужчина коснулся моих губ своими, они были невыносимо мягкими и теплыми. От этого касания, по коже побежали мурашки, собираясь на затылке и стекая в позвоночник. Дамир приподнял голову, его глаза смотрели в мои, обволакивали, утягивали в темную с серебряными искрами глубину. И я поняла, что теряюсь, проваливаюсь куда-то.

Эол, я столько слышала об этом раньше... Пели менестрели, вышивали гобелены мастерицы, а я только смеялась. Ну, не может нормальный разумный человек творить прославляемые поэтами глупости. Но ни один сказитель не говорил, что о разуме не будет и речи. За один такой взгляд, я сделаю все, о чем этот мужчина попросит — пройду голый по улице, прыгну в реку, отдам силы и свои и чужие, лишь бы он продолжал смотреть так.

Увидевшая небожителя лягушка, ты смешна!

— Когда, — еще одно касание, за которым я тянусь сама, — все будет кончено, когда сила уйдет, возвращайся сюда, — и он прижимается к моему рту снова, на этот раз стремительно, лишая дыхания.

Внутри появилось что-то воздушное и поднимающееся ввысь, увлекая меня за собой, закручивая и танцуя на остатках разума. Когда чужие горячие губы раздвигают твои, когда язык врывается и обжигает изнутри... Это совсем не похоже на тихие передаваемые из уст в уста рассказы девок. Это, как описывать радугу с помощью жестов. Это больше чем движения и сокращение мышц. Это полет. Это осязание. Это воплощенная нежность...

Я схватила Дамира за шею и притянула к себе, не в силах справиться с собственным телом, с тем, что со мной происходило. Менестрели пели, что за один поцелуй не жалко отдать и жизнь. А я, глупая, сомневалась... Теперь знаю, что это правда.

И еще знаю, что мне этого мало.

— Возвращайся, — повторил Дамир.

«Ко мне!»

Он хотел сказать «ко мне», я уверена в этом. Кажется, я схожу с ума, но кому какая разница.

— И увидишь, как хорош этот мир без магии. Сколько в нем того, ради чего стоит жить.

Эти слова я слышала спустя несколько часов, засыпая в своей постели. Одна. Губы покалывало от воспоминаний. Я проигрывала в голове каждую секунду того, что произошло в коридоре. Если бы мне предложили снова вытерпеть тычки Тамита, я бы согласилась, не раздумывая, лишь бы утешитель был тот же самый.

А ночью стало еще хуже. Или лучше. С какой стороны посмотреть. То, что показало мне воспаленное сознание, не шло ни в какое сравнение с крамольными картинками, что демонстрировал Вран дружкам. Вилке удалось утащить парочку. Такой популярности, как в те дни, дочка пастуха не знала никогда, правда, лишь со стороны девок.

Я проснулась, тяжело дыша и комкая одеяло, тело вздрагивало и

сладко ныло, а завитушки на потолке водили хоровод.

Засыпая во второй раз, я сжимала в руке цепочку от маскировочного амулета, который так и не решилась надеть. Ведь поцелуй получила настоящая Айка, а не ее цветная копия.

Глава 6. Нет, это не правильная нечисть

Утром во дворе вместо ширококостной клячи старосты Веря, я обнаружила тонконогую кобылку мышастого окраса с белоснежными чулочками и звездочкой на лбу. С минуту мы с лошадьё рассматривали друг на друга, не зная с чего начать знакомство. Она мотнула головой, а я опустила сумки на землю, закидывать потертые торбы на такое грациозное создание не поднялась рука.

— Это Облачко, — сказал подошедший Дамир, и похлопал кобылу по боку. — Твою зверюгу я назад в Солодки отошлю и бабке отпишусь, чтоб не волновалась.

На губах появилась непрощеная улыбка, и я отвела взгляд. Нет, стыда не было, ни за поцелуй, ни за то, что, погрузившись в свои переживания, совсем забыла о Симе. Но мужчина не должен был увидеть мои глаза, прочесть в них то, чему даже я сама не могла дать названия. Маг поднял сумки и перекинул через седло, оставив на земле торбу с травами. Облачко легонько затанцевала на месте. Я накинула на шею цепочку амулета, кожа рук тут же приобрела теплый живой оттенок.

— Теперь тебе в любом случае придется вернуться, — мужчина вручил поводья. — За краденую кобылу клейма, конечно, не полагается, но порка — вполне.

Рион вывел из конюшни своего вороного, понурый Михей седлал неторопливого мерина. Перекидывая ремень сумки через плечо, я подняла голову, и наткнулась на пронзительный взгляд стоящей у окна Лиэссы. Это было подобно прыжку в ледяную воду. Эол, о чем я думала? На что рассчитывала? Ведь он не делал тайны из ее присутствия. И если вдуматься — ничего мне не обещал. Просто поцеловал. От воспоминания тело пронзила дрожь. Наверное, я не очень хороший человек.

Занавеска качнулась, скрывая от меня красивое лицо жившей в доме Дамира женщины. Конюх подвел к магу каурую лошадь, ревниво клацнувшую зубами в сторону Облачка.

— Учитель, — позвал подошедший Рион. — Вы едете с нами? — он и сам, похоже, не мог поверить в то, что видел.

Тот же вопрос занимал и меня. И не только меня, алая занавеска в окне снова качнулась.

— Нет, — Действительный стремительным движением сел в седло. — И я думал, ты понял почему.

— Я... да, — парень потрепал гнедого по холке, — Понял.

— Провожу до тракта. Маги народ ленивый, раньше полудня глаза не открывают, — от улыбки на щеках мужчины появилась уже знакомая ямочка. — Но всегда можно нарваться на такого энтузиаста, как Тамит. Печать горит ярко, словно зарница над головой святого. Или святой.

— Скорее уж молния Эола над челом грешницы, — проговорил ученик мага.

Дамир рассмеялся и тронул коня. Он проехал с нами через весь город, пока ворота не остались у нас за спиной. Пропустил вперед Риона, грустного Михей и меня... Натянул поводья, и его каурая остановилась.

— Айя, — позвал маг, и, когда я обернулась, четко проговорил. — Не думай, не сомневайся, не страшись. Просто сделай.

Я улыбнулась. Интересное напутствие. И вдвойне интереснее, что адресовано оно мне, а не единственному ученику, на которого прощающийся маг даже не посмотрел. Эол, я — дурочка и мысли у меня дурацкие. И почему я не могу быть как все? Почему мне обязательно надо все испортить, даже если мысленно?

Сюрпризы начались сразу, как стены Вышграда скрылись за горизонтом. Первый преподнес стрелок.

— Я еду с вами, — сказал Михей.

В первый момент, показалось, что я ослышалась.

— Что? — спросил Рион, придерживая коня.

— Я еду с вами.

— И зачем?

— Не могу в деревню ни с чем вернуться, засмеют. И замуж за меня никто не пойдет, — обрисовал незавидное будущее парень.

— Михей, мы не на прогулку выехали, — ученик мага, бросил взгляд в мою сторону, немного грустный, немного опасливый, как на кошку булочницы, вроде и домашняя животина, но цапнуть может в любой момент. С того ужина в доме Дамира, так смотрели на меня почти все. — Это опасно.

— Тем более, — буркнул парень. — Могу помочь.

— И чем же? Думаешь, учитель не мог нанять охрану?

Я вопросительно подняла бровь. И в самом деле, почему?

— Мог, но отряд привлечет к себе ненужное внимание. Языки у людей длинные и не знают удержу, там, где десятеро вызовут шлейф сплетен, двое проскользнут незамеченными. Да и потом, я... — руки сжались на поводьях, парень вдруг замолчал, и снова повернулся к стрелку. — Чем можешь помочь ты? Михей, не гневи Эола, езжай домой. Мать с отцом порадуй.

А меня продолжала занимать мысль о дюжине сопровождающих нас головорезов. И дело даже не в охране. Что мешает мне, например, прямо сейчас развернуть Облачко и уехать в закат? Оставить приметную лошадь на первом же постоялом дворе, и исчезнуть? Ведь смогла же девушка, обманувшая брата Тамита, ускользнуть. Эол, ты испытываешь меня?

Но я уже знала, что не поступлю так, пусть и очень хотелось. Дамир тоже знал, и эта предопределенность выводила из себя.

— Нет у меня никого, матушка околела, когда мне годков десять было, вместе с младшим братом, а папаша потоп со старшим в прошлом годе вместе лодкой, — парень вздохнул. — Я могу устраивать привалы, смотреть за лошадьми, готовить еду...

— Научусь стрелять, — вставила я.

— А если я скажу, нет? — Рион остановил гнедого поперек дороги, перегораживая дорогу мерину.

— Тракт общий, куда хочу, туда и еду, — ответил Михей.

— Туда — это надо полагать за нами, — ученик мага вздохнул. — И чего я тебя останавливаю? — спросил он сам себя и, пришпорив коня, бросил. — Поехали, Эол с тобой, все веселее будет, а то Айка совсем скисла.

Я не сочла нужным ответить.

Настоящая же причина упрямства стрелка нам открылась чуть позже. На первом же привале, устроенном в тени деревьев, когда Михей стреноживал лошадей, я резала хлеб, а ученик мага выписывал вокруг ненавязчивые круги.

— Рион, я не кусаюсь, — в конце концов, пришлось сказать мне.

— Я просто, — парень затормозил, — просто...

— Что?

— Дамир велел тебя учить.

— И ты боишься, что я взбрыкну. Что не стану учиться тому, что поможет разрушить резерв?

— Ну, в общем... — парень почесал затылок, — да.

Что мне ему ответить? Что все уже решено? Так и есть. Пусть горечь, осевшая внутри, никуда и не делась, оттого я и кривлюсь иногда, будто

пожевала стеблей кисляка.

— Не взбрыкну, — я встала и отряхнула руки, — Сказала же, что все сделаю.

— Да, — парень отвернулся, и повторил: — Ты сказала, — в голосе слышалось неверие, но он смог взять себя в руки. — Тогда садись.

Я послушно опустила на траву прямо там, где стояла.

— Расслабься, — Рион сел рядом. — Прислушайся к себе, постарайся найти что-то важное.

— Что именно? — спросила я. — Во мне много всего важного: сердце, легкие, желудок, мозг...

— Насчет последнего, я бы поспорил, — буркнул Рион. — Айка, пожалуйста.

— Хорошо, — я закрыла глаза и принялась копать в себе.

Тут же наметились трудности. Как я и сказала, важного было много, но ничего сверх того я почувствовать не могла. Сердце стучало, легкие наполнялись воздухом, в животе урчало.

— Нет, — поняв, что у меня ничего не получается, фыркнул Рион. — Необходимо почувствовать суть, душу.

Я выдохнула и попыталась еще раз. Но, видимо, с душой тоже были проблемы. Смирты в часовнях не одну сотню лет ищут способ ее увидеть, но пока приходится довольствоваться верой, как и завещал людям Эол.

Послушать моих односельчан, так у меня и нет души вовсе. Кто ж такую ценность на водянку тратить будет? Уж точно, не боги. Я честно пыталась ее поймать, но поганка, то проваливалась в пятки, то урчала в животе, а потом прочно обосновалась в районе поясницы и категорически отказалась вылезать. В итоге я сидела истуканом около получаса, и единственное, что удалось почувствовать — это настойчиво лезущий в нос запах горелой каши.

Я открыла глаза и увидела, что стрелок, взявший на себя обязанности повара, тоже сидит столбиком в поисках неведомого.

— Михей! — рявкнул Рион, и мы наперегонки бросились к котелку, из которого валил черный дым.

Обедать пришлось хлебом и сыром, запивая водой из фляг.

— Все равно буду учиться, — упрямо сказал стрелок. — Все равно.

Рион молчал, уверять парня, что учиться в отсутствие магического резерва бесполезно, никто не стал.

Начал накрапывать мелкий дождик, и привал сократили.

Реденькая роща отступила от дороги к горизонту, оставив вместо себя холмистую равнину. Мы сошли с тракта, взяв чуть севернее. Темп сразу

замедлился. Кони вязли копытами в размягченной земле. Отгородившись от непогоды плащами, мы свели разговоры к коротким отрывистым фразам. Лошадиные ноги то и дело проваливались в ямы с грязью и водой. Налетевший ветер забирался под одежду, холодком пробегая по коже. Короткое лето перевалило за середину, скоро тепло уступит место осенним грозам.

В рассказах странствия выглядят романтично и притягательно, на деле же движение — это монотонность, подолгу не меняющийся пейзаж. Земля вместо постели, ветер вместо колыбельной и в большинстве своем одиночество, даже если вокруг тебя люди.

Мы порядком устали, когда на пути появилось очередное препятствие. Большой овраг, на краю которого чернел след от костра, примятая трава свидетельствовала о чьей-то недавней стоянке. Начало темнеть, и если бы не дождь, мы бы последовали примеру неизвестного, остановились на привал, но на другой стороне оврага росли ели с раскидистыми лапами, которые вполне могли укрыть от непогоды, так что, мы решили перебираться.

Глубина оказалась приличная, склоны поросли травой и стелющимся вьюнком, на дне блестела вода. Коней берегли и вели на поводу. Парни спускались первыми, я следом. Ноги скользили и путались в длинных пучках гниющей травы.

Маг упал первым, нелепо взмахнул руками, шлепнулся и проехал оставшийся путь на спине. Внизу перевернулся и тюкнулся лицом в грязь. Михей, смачно выругавшись, повторил тот же трюк, загребая широкими ладонями влажную траву и вырывая стебли с корнем. Освободившиеся лошади заржали, прытко вскарабкались на противоположный склон и исчезли. Парни барахтались в воде и никак не могли подняться. Я сделала очередной шаг вниз, чувствуя, как проминается мягкая почва. Облачко всхрапнула, и уперлась копытами, не желая продолжать путь, она уже тогда была умнее временной хозяйки.

— Айка, стой на ме... — слова перемежались бульканьем. — На месте! Здесь зацепы.

Михей подтвердил слова чаровника нецензурными выражениями. Я пригляделась, парни не были настолько неуклюжими, чтобы не суметь подняться из лужи.

В грязи стрелка удерживали плотные плети пожухшей травы. Одна была перекинута через туловище — от левого бока до правого плеча, другая прижимала к земле ноги. Мага спеленали сразу три зацепа, не позволяя ни встать, ни поднять руки.

Я опустила поводья и, шлепнув Облачко по задю, отправила следом за жеребцами. Зацепы на животных не реагируют, больше беспокоило, что она может попасть копытом в яму и охрометь, но обошлось.

Осторожно, то и дело, проверяя носком сапога влажную стелющуюся траву, я спустилась. Сумка с травами постоянно ударяла по бедру, едва не лишая равновесия. Съезжая, парни уже активировали ловушки, собрав на себя зацепы и запутавшись в них, как в расстеленных на просушку сетях.

Риону приходилось хуже, чем стрелку. Парня обездвижило лицом вниз, и он с трудом удерживал голову на весу. Одна из плетей перекинулась через шею, и маг то и дело нырял в холодную воду носом, хлюпая и не в силах сделать вдох.

Первым делом я стянула плащ и, свернув упругий валик, сунула чаровнику под голову, чтобы он смог отдышаться.

— Идеи? — спросила я.

— Чего тут думать, — пыхтел стрелок, — перережь эти поганы жмыхи.

— Игрец^[20] ставил, заговоренные. Ни железо, ни магия их не возьмет, — ответил маг.

Игрец, или в простонародье Черный шут — пакостная нечисть. Сами по себе эти создания не опасны. Ростом с собаку, лохматые, ушастые, передвигаются быстро, как на двух, так и на четырех конечностях. Лапки похожи на крысиные с тонкими пальцами и коготками. Ими-то они и сплетают из длинной травы или соломы зацепы. Неизвестно какую магию нечисть вкладывает в свои творения, но срабатывают ловушки, как капканы, оплетая людей с головы до ног и лишая возможности двигаться. На этом собственно и все. Игрец никогда не возвращается проверить свои творения и не лезет к плененным людям. Да вообще никак себя не проявляет — знай, плетет и плетет в полях все новые путанки. Его ловушки не видны ни людям, ни магам, на вид склон останется склоном, а трава травой, плетения, спрятанные в зеленой глубине, будут ждать своего часа. Попавший в них человек может лежать беспомощным долго. Очень долго. Пока не умрет от голода, холода, клыков хищника или ножа бродяги, не брезгующего обирать мертвых. Шутки у нечисти такие. Способ обезвредить зацепы прост, надо всего лишь окурить их дымом. Я посмотрела на небо, дождь зарядил надолго.

— Придется ждать, когда распогодится, — сказала я.

— Почему? — удивился Михей, на мгновение даже перестав дергаться.

— Против зацепов помогает дым волчеца^[21]. Разжигать костер сейчас бесполезно.

— В самый раз, — буркнул стрелок. — Дыма будет много.

— Неа, — покачала головой я. — Трава — это тебе не отсыревшее полено, вымокнет в миг и даже не займется.

— Айка, у тебя есть волчец? — вкрадчиво спросил Рион.

Я запустила пальцы в торбу, перебрала несколько свертков и утвердительно кивнула.

— Немного.

— Положи под зацеп, — скомандовал маг.

— Что?

— На спину мне положи. А я подожгу. Уж на это-то моих сил хватит.

Я посмотрела на парня, предлагающего, по сути, разжечь костер на самом себе. Да не простой, а магический.

— Не сгоришь? — уточнила я. — Может, просто подождем? От воды с неба еще никто не умирал.

— Не сгорю, кятов не хватит. Ослабим один зацеп, из-под остальных вылезу, потом так же с Михеем. Давай Айка, тебе, может, и нравится грязь, а мне нет.

— Ого, — я достала сверток, ткань тут же стала пропитываться влагой. — Оскорбление? Растешь.

Кожа на бледных щеках ученика мага порозовела.

— Прости, я не хотел...

— Хотел, — перебила я, отделяя пучок травы и аккуратно подкладывая его под плетеный зацеп. — И, наверное, давно.

— Не говори за меня! — рыкнул парень.

Михей продолжал возиться, ругаясь вполголоса.

Предложение Риона было чистым бредом, но даже если мы дождемся, когда стихнет дождь, найти сухой хворост, чтобы разжечь костер и окурить зацепы дымом от травы будет нелегко. И тогда снова встанет вопрос о магическом пламени. Так есть ли смысл ждать? Не на моей же шкуре должно вспыхнуть пламя.

— А ты — за меня, — я похлопала парня по спине, обозначая место поджога. — Готово.

— Отойди. Вдруг с направлением ошибусь, — попросил Рион.

Я попятилась, не сводя взгляда с мага. А стоило бы смотреть под ноги. Незамеченная плеть-силок обвила лодыжки, и я с громким «ой» грохнулась в траву. Второй зацеп тут же обхватил талию, рывком опрокидывая в грязь, третий, чтоб ему, перекинулся вокруг шеи. В отличие от Риона меня

приковало затылком к земле, спасибо Эолу за маленькие радости.

— Айка, ты в порядке? — спросил Рион.

— Попалась, — я напрягла мышцы, но живая трава, кажущаяся со стороны такой хрупкой, сжалась еще сильнее. — Если твоя затея не сработает, коковать нам здесь до зимы.

— Я так долго не протяну, уже есть хочется, — взвыл стрелок.

— Тихо. Дайте сосредоточиться.

Холодные капли дождя оседали на лице, заливая глаза, нос и рот. Всего лишь дождь — неприятно, но не смертельно.

Я потрогала плетение. Старое, гнилое. Странно, зацепы не переживают сезон. Да и закручен грубо, почти небрежно. Черный шут, собирая зерно и делая запасы на зиму, так переплетает стебли, любая вязальщица позавидует. Стоп. Какой сейчас в середине лета, да еще в овраге урожай? Откуда здесь Черный шут? Он не на дорогах промышляет, а на полях...

— У меня все затекло, — пожаловался Михей.

— То ли еще будет, — похоронным тоном сказал Рион. — Обживайте места, друзья. Ничего не получилось. Траву я поджег, но зацепу, похоже, все равно.

— Эол! — Михей, судя по шуму, принялся выгибаться с удвоенной силой.

Я пробежалась пальцами по шершавому зацепу, подцепила плетение, потянула в одну сторону, потом в другую. Бесполезно, магия делала траву крепче пеньковой веревки. Минута, уходила за минутой, затылок неприятно холодила собиравшаяся под головой вода.

Михей почти рычал от бессилия.

— Хватит! — рявкнул Рион, но деревенский парень не сдавался.

— Я выберусь отсюда. Я не умру, как дурак Варек, залезший в сети к мавкам! Слышите!

— Слышим. Домой тебе надо было ехать, а не с нами бродить.

Я была согласна. Вот и закончилась история с покаянием и отданной силой, в нескольких часах от Вышграда. Закончилась, глупее не придумаешь.

Впрочем, мы еще живы. Этим и опасны ловушки Черного шута, они не сулят немедленной смерти, они оставляют надежду на спасение. Стоит кому-то пройти неподалеку, кому-то с чистой совестью или хотя бы не замаранной убийством, и попавшего в ловушку можно спасти, разжечь костер, кинуть горсть травы, и прощай, плети. Но так везет не всем. Вот и собирают весной крестьяне по пастбищам обглоданные зверьем скелеты

путников.

Пальцы наткнулись на плотный угол сумки, висевшей через плечо. В свертке еще остался волчец, и если бы я владела магией, попробовала бы поджечь его.

Но я не владею. Ничего не чувствую, не могу создать даже крохотного огонька, вроде ярмарочного фокуса Риона, о котором так пренебрежительно говорил Дамир. Ничего.

Кому нужна магия, если от нее нет никакого толку? Не мне. Сейчас я готова обменять ее на свободу. Пальцы перебирали свертки в сумке, бутылочки, мешочки, кусочки ткани, огниво, ножницы — эх, жаль не берет железо магию.

Рука дрогнула и обхватила шершавый камень. Да кому нужна магия? Дождусь, пока стихнет дождь, и повторю фокус Риона: подложу траву под зацеп и подожгу. Если трава займется, то займется с одеждой, но после смены положения из стоя в лежа, идея казалась уже не такой бредовой. Видно все дело в точке зрения.

Михей снова зарычал, Рион начал что-то ему говорить, но стрелок вдруг победно вскрикнул и поднялся. Просто встал на ноги, стряхивая с себя сухие остатки стеблей и листьев.

— А говорили, что железо не поможет, — укоризненно попенял нам парень, помахивая ножом.

— Я не говорила, — тут же высказалась я.

Стрелок склонился, помахивая ножом с деревянной рукоятью. Вытянул руку, коснулся живота, там, где рубашка чуть выправилась из брюк, отдернул, покраснел.

— Не тяни, — попросила я. — Жениться не заставлю.

Покраснев еще больше, Михей, тем не менее, поддел лезвием плеть и легко разрезал. Чудеса! Еще один взмах, и я уже могу пошевелить ногами. И последний — самый осторожный, когда я горлом чувствовала приставленную к коже сталь. Парень протянул широкую ладонь, помогая встать.

— А я? — поторопил Рион.

— А ты жди зимы, — посоветовал Михей и, посмеиваясь, стал разрезать плетеные из стеблей косицы.

Я посмотрела на пучок травы на спине мага, сухие стебли были обуглены, значит, он все-таки поджег волчец. Но проверенное годами средство не сработало. Чаровник встряхнулся, счищая с лица черную грязь, встал, взял у стрелка ножик. Посмотрел на свет и так же молча вернул. Ножик и ножик, у меня бабушка похаживала рыбу чистила. Дорогу по дну

оврага проверяли клинками. Один раз плеть обвилась вокруг короткого меча мага и ни в какую не отцеплялась, пока тому на помощь не пришел стрелок.

Когда мы, наконец, вылезли, то больше напоминали чертей. Злые, грязные и немного напуганные тем, что первая же ловушка нечисти, чуть не отправила нас на тот свет. Легко быть смелым, сидя за стенами дома, легко быть магом, продавая больным настойки от запора. А ты попробуй, выйди в поле и проверь все волчьи ямы в округе.

Лошади не убежали и даже нашли место для ночлега. Они паслись рядом с высокой елью, размеру кроны которой позавидовала бы и крыша дома. Мы упали на ковер из хвои и несколько минут лежали, не шевелясь. Просто смотрели на широкий ствол, на ветви, с которых иногда срывалась капля-другая влаги, и молчали, думая каждый о своем.

— Игрлец не ставит так много зацепов в одном месте, один, максимум два, — высказался первым маг.

— Ты лучше скажи, что он вообще мог плести в это время года, до сбора урожая еще два месяца? — спросила я. — Да еще и возле тракта?

— Далась вам эта нечисть. Зачем, да почему... Выбрались, и ладно, — пробурчал Михей.

— Далась, — не согласился с ним Рион. — Потому как нас учили одному, а на деле вышло другое. И это... это... — он не смог подобрать слово.

— Нечестно, — подсказала я.

— Да, — повторил парень, — Нечестно. Мы могли погибнуть.

— Или нам просто попалась неправильная нечисть, — стрелок сел.

— Маги должны учитывать все, должны знать, а не предполагать, тем более, если такая пакость водится под стенами Вышграда!

— Ага, — я посмотрела на размеренно стекающие с еловых игл капли дождя. — Наверное, должны, но что-то я больше не хочу быть магом.

Всю жизнь мне приходилось рассчитывать на себя, пока не сказали, что можно стать магом. И тогда пришла зависть. Я начала рассчитывать на что-то иное, что-то эфемерное, на самую возможность колдовать, на чужую силу, чужие умения. Хотя человек сегодня справился не хуже. Надо знать свои возможности. Надо знать, умеешь ли ты плавать, и если — нет, не стоит прыгать в воду, рассчитывая на инстинкты. Я человек, может, с примесью крови ворд, а может, и нет, но сути это не меняло. Магию — магам, а мне бы просто выжить.

— Спасибо, — парень протянул руку и коснулся моих грязных пальцев. — Я этого не забуду.

«Знаю», — мысленно ответила я. Сейчас, под этой елью, под шум дождя я, Айка, в насмешку прозванная Озерной, приняла решение. На него не влияли ни Дамир, ни Тамит, ни отягощенная обещанием совесть. Злость и обида на судьбу, тянувшие из меня силу, рассеялись. Дышать стало легче.

— Тогда пора заниматься, — приподнялся Рион.

— Опять душу искать?

— Ее самую.

— Я с вами. — Михей с вызовом посмотрел на чаровника, но тот только махнул рукой.

— Давай герой, дерзай в открытую, а то никаких припасов не хватит на твоё учение.

Вот так и вышло, что не закончивший обучение парень обзавелся двумя собственными учениками.

Мы сидели истуканами, наблюдая, как капли дождя срываются с кроны и падают в зеленую траву. Погруженный в себя Михей периодически вздрагивал и что-то бормотал. Наверное, уговаривал душу не капризничать, а показаться на свет божий. Сидя рядом, я вспоминала странные повадки нечисти, и никак не могла понять, что же меня так беспокоит.

Мы «учились» до самой темноты искали в себе силу и не находили. А снаружи монотонно шумел дождь, и всхрапывали укрытые под соседним деревом лошади.

Глава 7. Ловец магов

Погода сжалилась лишь к следующему вечеру, дождь закончился, и ненадолго выглянуло солнце. По расчетам Риона, через несколько дней мы должны добраться до поселка лесорубов на южной окраине леса. Там можно будет узнать подробнее о предстоящем переходе через Багряный. Вернее, мы на это надеялись, а может, даже на дюжих попутчиков с большими топорами.

Никогда еще мы так не ошибались.

Мы надеялись зацепить лес лишь краем. Пять дней по зарослям, еще два на обход Лихих болот, дальше на старый тракт, а по нему до Велижа рукой подать.

Холмы остались за спиной, и через три дня мы и въехали в ельник. Всего лишь преддверие, настоящий Багряный начинался много дальше. Но все-таки это был лес. Толстые стволы с узорчатой корой росли далеко друг

от друга, и мы пока могли продолжать путешествие верхом. В кронах пели птицы, лучи пронизывали листву и хвою, тонкими нитями ложась на плечи и лошадиные шкуры. И никаких чудовищ. Пока никаких.

Михей, первые несколько минут тревожно вертевшийся на спине мерина, расслабился и даже стал улыбаться. Лес, как лес, даже не особо темный. Я заметила россыпь лисичек по краю поляны и два белых гриба, а ведь по слухам, все, что растет в проклятом лесу отравлено нежитью.

Через пару часов путь перегородила очередная ложбина, заваленная листьями и сухим буреломом, на дне весело журчал очередной ручеек. Овраг в лесочке, это совсем не то, что на равнине, никогда не угадаешь, что там, под ветками и листьями, может, норы животных, а может, ил, перемешанный с камнями.

— Ты туда, я сюда, — указал Михею направление Рион. — Ищем обходной путь, я сыт оврагами по горло.

— А мне куда? — спросила я.

— Никуда. Жди здесь, — Риона тронул бока гнедого и поскакал по краю ложбины.

Михей, помедлив секунду, направился в противоположную сторону, но с куда меньшей расторопностью.

Я стала оглядываться, легонько похлопывая Облачко по шее. Чем-то встревоженная кобыла беспокойно переступала с ноги на ногу. Местность казалось самой обычной, ни редких или целебных растений, ни съедобных орехов, только грибы, кусты, ветки и ковер из хвои. Но было что-то еще, что-то неправильное в привычной лесной картине. То, что заставляло меня тревожно оглядываться, а кобылу прятать ушами.

Я слезла с Облачка, ища глазами признаки этой неправильности. Качающиеся кроны, хруст сухих веток под ногами. Где-то вдалеке защebetала птица, рядом осклизлый и поросший мхом пенек. Что не так?

Покрепче ухватив поводья, я присела, разглядывая едва заметные следы копыт на мягкой земле. Не то чтобы деревенская девчонка была умелым следопытом, но в свое время я немало потрудилась, чтобы найти собственные, и была способна отличить отпечатки лошадиных копыт от коровьих, определить шла лошадь налегке или с верховым.

Следы располагались чуть дальше от края, по которому проскакал Рион. Занятно, но, похоже, проклятые места не столь непроходимы, как гласит молва. Недавно здесь проезжали путники. Конные. Двое. Один налегке, второй тяжело нагруженный. Остановились на краю, потоптались и свернули направо. Туда куда уехал ученик мага. Обратных следов нет.

Облачко фыркнула и стала объедать листья с ближайшего куста.

Несколько пичуг, стрекоча и тряся хвостами, перепрыгивали с ветки на ветку с другой стороны оврага. И больше ничего... Тогда почему же я так испугалась?

Парни вернулись через час, когда я уже мысленно прокляла их, вместе с оврагом, повторила на память несколько десятков бабушкиных рецептов и подумывала о том, чтобы расседлать кобылу и устроить привал.

— Ложбина сходит на нет через три десятка вар^[22]. Лесок вполне проходим, — сказал Михей, доставая из сумки краюху хлеба и откусывая большой ломоть.

— Часа два потеряем, — не согласился Рион. — Там, — он махнул рукой, — Всего через пять вар^[23] склоны становятся почти пологими, перебраться легче легкого. Ловушек нет, там уже недавно проезжали, даже привал устраивали.

— У той ложбины, тоже останавливались, помните? — засомневался Михей, — Они зацепы благополучно преодолели, а мы застряли.

— Освободились, как и мы, — возразил чаровник.

— Ловушки работают лишь раз. Если бы они взяли на себя плетни, мы бы прошли там как по тракту, ничего не заметив, — не согласилась я.

— А если один из них маг? — спросил Михей. — Если поэтому они преодолели ловушки без потерь?

Я посмотрела на Риона. У нас тоже был маг, но что толку-то с его умений? Снова попасть впросак не хотелось совершенно, потому что в этот раз ловушка могла быть куда серьезнее, чем плети Черного шута.

Иногда нужно дуть на воду, даже если она холодна, как лед.

Да и ни к чему хорошему столкновение с действительным не приведет, особенно для меня. Неужели даже в такой глуши нам суждено встретить мага? Что чаровнику делать в лесу, они вроде тяготеют к большим городам?

— Михей, идем по твоему пути, — принял решение Рион. — Если впереди маг, то сталкиваться с ним ни к чему.

Видимо, в этом наши мысли с парнем совпадали.

Спорить никто не стал, лучше сразу предположить худшее и потерять время, чем по беспечности жизнь. Представим, что впереди едет маг. Сильный, раз легко проходит там, где мы застреваем. Или... Или... Мысль оказалась столь неожиданной, что я выпустила из рук повод. А что если так задумано? Предположение отдает бредом, но просто представим... Сначала путники переправились, а потом появилась ловушка. Чаровник сам ее и поставил? На кого? На нас? Или на любого путника? Зачем?

Облачко неторопливо трусила вслед за гнедым Риона, я пару раз

оглянулась, но ничего не изменилось. Лес остался лесом, тихим и шепчущим листвой в спину.

Овраг тянулся по левую сторону. Я неуместно хихикнула. Сколько еще в дороге будет ям, рвов и канав, и что в каждую будем обходить по широкой дуге, боясь замочить ноги?

Под копытом мерина громко треснула ветка, Михей вздрогнул. Не одну меня одолевали страхи и сомнения.

А что, если это всего лишь наши фантазии? Нет ни врагов, ни мифического мага, забравшегося в Багряный лес, ни ловушек. Есть нечисть и трое испуганных людей, в первый раз забравшихся так далеко от дома. Эол, так недолго и сойти с ума, видя в каждой коряге палочника^[24].

Поглощенная размышлениями, я не заметила, как мы проехали до нужного места. Склоны стали сглаживаться, уже был виден просвет меж деревьев. Мне почему-то стало еще тревожнее. Натянув поводья, я остановила Облачко.

«Что же не так?» — спросила я себя, и тут же ответила: — «Все».

— Туда нельзя, — сказала я, и тут же почувствовала себя деревенской дурочкой Орой, которая и в пятнадцать, и в двадцать пять пела на пяточке у колодца песенку про жука-короеда, весело помахивая платицем. Одно дело сходить с ума самой, другое — сказать об этом вслух.

— А куда можно? — раздраженно спросил маг, останавливая вороного.

— Надо искать другой путь. Кто-то оставил следы, кто-то хотел, чтобы мы их увидели. Хотел, чтобы повернули... повернули сюда....

— Айка, что за бред, — начал Рион, но договорить не успел.

Краем глаза я уловила размытое движение, чуть шевельнулись ветви, осыпались на землю листья. Что-то большое и темное накрыло парней, подмяв под себя вместе с лошадьми.

Кто-то пронзительно закричал. Кажется, я. Облачко встала на дыбы, я свалилась на землю и откатилась в сторону. Туша с хриплым воем прыгнула вперед. Но у моей лошадки с мозгами и с инстинктами было все в порядке. Скакнув в сторону, она громко заржала и бросилась вдоль оврага, только в листве мелькнул светлый хвост.

Маленькие красные, как угольки глазки, наполненные голодным огнем, уставились на меня. Разглядывая добычу от сбитых сапог до растрепавшихся волос. Он смотрел на меня и давал разглядеть себя, всего секунду, но этого хватило... Вытянутое гибкое тело, покрытое черной шерстью, передние лапы с загнутыми когтями короче задних, полная пасть острых зубов, боковой клык справа намного крупнее остальных, и казалось

того и гляди проткнет губу. Послышался тихий шуршащий звук, словно трясли сломанную трещотку, которой часто гоняют галок с полей. За спиной зверя медленно поднимался чешуйчатый, похожий на змеиный, хвост, заканчивающийся костяной погремушкой. Помесь гигантской крысы с рептилией.

«Тах-тах», — качнулся хвост. Словно отсчитывая время. — «Тах-тах».

Хищник застыл в обманчивой неподвижности. Шевельнись, и бросится, а его зубы не только остры, но и ядовиты. Я смотрела на тварь, она на меня. Мы умудрились забрести к хвангуру. Или как его еще называли — ловцу магов. Я видела изображение в бабушкиной книге, да-да именно в той с рецептами. Из костей зверя готовится немало зелий и настоек, а стоит скелет этой твари, дороже наших Солодков вместе с домами, землей, скотиной и людьми.

Но разве может старая затертая картина передать блеск чешуи и хищное напряжение мышц. Передать терпкий звериный запах и смрад старой крови? разве может картинка дать почувствовать, что такое длинные загнутые когти в шаге от тебя? Нет. Не может. Как и не могут сухие строки описать то, что я видела перед собой в эту минуту.

Большую часть жизни ловец спит на дереве. Разбудить его способна сила мага. Всех, кто обладает магическим резервом, хвангур считает законной добычей, отсюда и прозвище. Травницам он не опасен, но тварь, что стояла напротив либо об этом не подозревала, либо видела силу, которую не ощущала я. Бежать бесполезно, зверь — это не человек, догонит в два счета.

Последние отпущенные секунды истекали, просачивались, как вода из старой разошедшейся кадушки, и исчезали, впитываясь в землю. Миг до атаки — это целая вечность.

Зверь пошевелил черным носом.

Мне нечего противопоставить ловцу, колдовать не умею, клинок, которым можно было перед смертью потыкать в зверя, остался, приторочен к седлу и «убежал» вместе с Облачком.

Змеевидный хвост поднялся и замер. Лесной овраг окутала тишина. И зверь ринулся вперед, оттолкнулся от земли лапами...

Я тонко пискнула.

...и разноцветная сфера с разгону врезалась в бок и отбросила зверя.

— Айка, уходи! — закричал Рион.

Я с удивлением поняла, что все еще стою на четвереньках. Слава Эолу, маг жив, может, и Михею повезло. Поцарапанный и шатающийся чаровник тряхнул головой и вытащил клинок. За его спиной тревожно заржал чей-то

конь.

Хвангур поднимался. Заклинание, пробивающее стены, не нанесло ему видимого вреда. Ловец зарычал и снова прыгнул. Просто так с места, словно травяная лягушка, внезапно обзаведшаяся зубами и любившая вкус крови. Длинное тело вытянулось в красивом невероятном для такой туши прыжке.

Мы с Рионом отскочили в разные стороны. Зверь мягко, словно кот, приземлился мордой к магу. Не задумываясь, что и зачем делаю, я пнула тварь по задней лапе. Добилась несомненного успеха. Ловец понял, что жертвы не собираются прилично дожидаться своей очереди на съедение, и отступил назад, чтобы держать в поле зрения обоих.

Рион дернул клинком, будто отмахиваясь от комаров. А хвангур атаковал. Опять меня! И за что такая честь?

Я бросилась к ближайшему дереву, ища укрытия, и мысленно желая зверю разбить обо что-нибудь голову. Не успела, запнулась о корягу, «удачно» растянувшись на хвое перед деревом. Удар лапой вместо головы пришелся на древесный ствол. Когти прошлись по коре, оставляя глубокие борозды. Я перекатилась, вскочила и рванула в противоположную сторону. Хвангур взревел и бросился следом, хвост зверя затрясся, издавая шуршащий треск.

И этот треск приближался. Хвоя проминалась под ногами, инстинктивно я старалась держаться поближе к деревьям, хотя понимала, что стволы не спасут меня от хвангура. Ветки то и дело хлестали по лицу, плечам, рукам. Крик давно сменился хрипом, я бежала, понимая, что не успею. Понимая, что ловец слишком близко, по едва ощутимому колебанию воздуха за спиной, по тому, как болезненно сжимается живот в предчувствии когтистого удара...

Но вместо атаки за спиной раздался пронзительный визг, полный боли и негодования. И я обернулась. Не могла не обернуться, потому что кричал не человек.

Не знаю как, но Рион оседлал хвангура, словно норовистую лошадь. Сидел на загривке, обхватив ногами шею, а руками тянул зверя за уши, как за поводья. Ловец снова завизжал и принялся брыкаться. Мага мотало в разные стороны, он что-то кричал, но визг зверя не давал разобрать ни слова. Черная морщинистая лапа взрыла хвою в локте от ноги. Я пятилась, дико озираясь и надеясь найти что-то с надписью: «для уничтожения хвангура», надеясь на чудо.

А вокруг были только деревья с содранной корой, сломанные ветки, пологий склон и солнце в вышине. Но я забыла, что у нас уже было свое

чудо. И сейчас оно напомнило о себе. Вернее он. Сперва из-за склона показалась рука со сбитыми костяшками, потом приклад арбалета с налипшими пучками травы, потом поднялась вихрастая голова, кудрявые волосы слиплись от крови.

— Михей! — закричала я, весьма смутно представляя себе, что парень может сделать.

Стрелок встал в полный рост. Из носа текла кровь, капая на грубую холщовую рубашку. Михей поднял арбалет и нажал на спуск. Но ничего не произошло. Болт остался в гнезде. Парень повторил попытку. Безрезультатно.

Теперь уже закричал Рион. Зверь, не обращая внимания на боль и на «всадника», изгибался, готовясь к прыжку.

— Чтоб тебя, — высказался Михей и, замахнувшись, швырнул сам арбалет.

Ловец прыгнул, чаровник на его спине продолжал орать, а трещотка на хвосте издавать сухие отрывистые звуки. Арбалет кувырнулся в воздухе и встретился со лбом хвангура прикладом. Раздался оглушительный треск, так похожий на тот, с которым молния развалила дерево у пруда за мельницей. И все кончилось. Зверь, Рион и арбалет рухнули в овраг.

Хрустнули сучья. Крик мага оборвался.

Мы с Михеем выдохнули, как приговоренные к смерти, которым последнюю секунду отменили казнь, переглянулись и бросились к оврагу. Спускались быстро, не думая о том, что можно упасть или напороться на что-то. Одежда цеплялась за кусты, сапоги загребали листья. Я оцарапала руку, но едва заметила это, стрелок распорол штанину. Не думали ни о ловушках, ни о шансах сломать ноги. Одна мысль билась в голове, вернее, вопрос.

А если Рион мертв? Что, если силу возвращать некому? Стоило это представить, и... Я сразу почувствовала облегчение. Простое и чистое. Неправильное, потому что теперь никто не сможет избавить меня от печати, и, тем не менее...И это приводило в ужас. Неужели я настолько плоха? Почему меня больше волнует сила, которую я даже не ощущаю, чем смерть парня, который только что спас мне жизнь?

Они лежали на дне. Зверь на боку, судорожно вытянув лапы, голова на камне, как на серой подушке. Очень твердой подушке. Из рта хвангура текла струйка крови. Красная дорожка извивалась по валуну и впитывалась в землю.

Михей что-то сдавленно пробормотал, то ли молитву, то ли проклятие. Маг лежал поверх зверя, так и не выпустив из рук мясистые уши.

Неподвижное тело парня окутывала зеленоватая дымка. Я как замороженная протянула руку, но Михей перехватил мою ладонь.

— Меня мамка-покойница учила не трогать болотные огни.

— Это не болотные огни...

— Все равно чаровничьи штуковины. — Мотнул головой стрелок и позвал: — Рион?

Зачисленный в безвременно погибшие маг, застонал, разжал руки и съехал на землю. Зеленая дымка тут же развеялась.

— Господин маг, ты живой? — Михей опустился на колени

Рион просипел:

— Нет, — и закатил глаза. — Я же просил не звать меня...

Не договорив, парень потерял сознание.

Но даже тогда, мысль о том, что парню лучше было бы умереть, не ушла, а просто отступила, затаившись на дне сознания. Может, односельчане правы, я и в правду нелюдь?

— Айка, да, помоги же! — закричал Михей.

***

Мы не нашли ни Облачка, ни мерина. Когда стрелок очнулся после падения, коня уже не было, хотя я была уверена, что слышала ржание. А вот вороному Риона не повезло, острые когти хищника располосовали жеребцу шею. Арбалет нашелся, как ни странно, целехонький и все еще заряженный. Парень на пробу нажал на спуск, болт свободно ушел в кусты.

Михей довольно споро соорудил волокушу из веток, куда мы перетащили Риона, пребывающего в бессознательном состоянии. Я задрала рубашку парня и едва сдержала ругательство, услышанное как-то раз от кучера заезжего торговца сладостями. Дело было плохо. Множественные ушибы — полдела, хуже то, что кожа быстро наливалась синевой. Если внутри брюха открылось кровотечение — без помощи целителя парня не спасти, никакие знания травницы не помогут.

Поклажу с жеребца — все, что смогли, навесили на себя, пусть идти и одновременно тащить чаровника, было тяжело. Мелькнула мысль, оттяпать хвангуру голову и продать магам за сотню золотых риниров. Но до города еще надо добраться, впереди предстоял переход через Багряный лес, и тащить лишнюю порцию мяса диким зверям не было никакого смысла. Туша так и осталась лежать нетронутой. Полагаю, если мы выживем, то будем очень сожалеть о том, что оставили ее там.

Выбираться из оврага не стали, боясь скорее добить раненого, нежели спасти. Пошли по дну так быстро, как смогли. Торопились, выбивались из сил, но не останавливались. Иногда волокуша застревала, цепляясь за выпирающие из земли корни. Мелкий ручеек, журчавший на дне между камней, тихо плескался под еловыми лапами волокуши. Мы тащили раненого по воде. Сапоги вымокли и скользили по мелким камешкам.

Больше всего я боялась в очередной раз обернуться и понять, что грудь парня больше не вздымается. Что дыхание, поверхностное и сбивчивое, исчезло совсем. Боялась и надеялась. Лишь бы успеть. Лишь бы не успеть. Если Эол слышал меня в тот день, то, наверное, кривился от отвращения. Я бы на его месте кривилась.

Иногда Рион стонал, я вздрагивала, а Михей ускорял шаги. Он напоминал вола на пахоте, такой же широкий и целеустремленный, пробирающийся сквозь целину.

Поселок лесорубов показался ближе к ночи. Несколько грубо сработанных времянок, явно стоящих на краю леса не один сезон. Темные силуэты домов под двускатными крышами из лапника. Брошенные бревна, и распиленные на колоды стволы.

Коряво каркнул ворон, Михей остановился, и уперся руками в колени, пытаясь отдышаться. Проситься на постой в такое время дело зряшное, но у нас на руках раненый, а значит, выбора, как такового, нет.

Здесь валят лес, а при такой опасной работе травмы и отрубленные конечности в поселке не редкость, значит, им полагался какой-никакой маг-целитель. Вернее, мы на это очень надеялись, потому что в противном случае, можно уже никуда не торопиться.

В первой избе на стук попросту не открыли, как и во второй, и в третьей. Не слышать не могли, если только это не поселение глухих. Стучал Михей громко, кричал зычно, всех окрестных собак перебудил.

— Да померли вы там что ли? — в сердцах стукнул кулаком по очередному косяку парень, и дверь четвертого дома открылась.

На Михея уставилась встрепанная заспанная девица, открывшая дверь, явно толком не проснувшись и еще не поняв, что именно сделала. Минуту она пялилась на парня, перевела взгляд на волокушу с Рионом, на меня, стоящую у крыльца... И истошно заверещав, захлопнула дверь.

Мы переглянулись, я инстинктивно нащупала кулон на груди, от согретого кожей камешка приятно кольнуло пальцы. Значит, мы это всего лишь мы, парень и девчонка. Ну, потрепанные, ну, грязные, но на людей все же похожи больше, чем на чертей.

Я склонилась к раненому, дыхание Риона было едва уловимым, лицо

приобрело оттенок беленого полотна. Михей стал спускаться с крыльца... Вот тут-то они и появились, словно кто-то невидимый отдал команду. Сперва мы услышали шаги, приглушенные сухими листьями, потом нестройные приглушенные голоса...

Я торопливо выпрямилась. За спиной щелкнула натягиваемая тетива арбалета.

Отплески огня заиграли на наших грязных лицах. Два десятка человек с факелами и топорами шли к нам с окраины поселка. Шли целеустремленно и молча. Это явно не торжественные встречающие. Михей направил арбалет на шедшего первым мужчину, явного лидера этого народного ополчения. Если он сейчас нажмет на спуск, одним хмурым лесорубом станет меньше. Плакать я не стану, но что делать с остальными?

— Что вам нужно? — спросил мужик, останавливаясь в десяти шагах.

— Всегда так встречаете мирных путников? — поинтересовалась я, стараясь сохранить в голосе дружелюбие, получалось плохо, мешал блеск топоров.

— Мирных? — мужчина посмотрел на арбалет, Михей не пошевелился.

— Без оружия по дорогам ходят дураки и служители^[25], — улыбка на моем лице напоминала балаганную маску. — С нами чаровник, пустите на постой, мы заплатим.

— Твои дины прокляты! — фальцетом выкрикнул молодой парень, стоявший во втором ряду.

Толпа одобрительно загудела. Мужик поднял руку, призывая к тишине.

— Кто из вас чаровник?

— Он, — я ткнула пальцем в Риона. — Не поможет, умрет. Его учитель лично прибудет сюда для разбирательства. Он лучший «действительный» Вышграда, и вряд ли после его визита кто-нибудь из вас может взять в руки топор. — Мое и так невеликое человеколюбие было на сегодня исчерпано.

— Раньше нас маги визитами не баловали. Люди мы маленькие, необразованные, натворим чего в сердцах, да по незнанию. Какой с дураков спрос? — мужик прищурился. — Уходите. На все воля Эола: и жизнь, и смерть в его руках. А будете упорствовать, топоров на всех хватит.

Интересно, Рион здесь намеревался узнать что-то о Багряном лесе, или тут этих поселков несколько?

Михей посмотрел на мужика, передал мне арбалет и взялся за сучковатые ручки волокуши. Мы сделали первый шаг под отчетливый стон Риона, второй уже в выжидательной тишине. Арбалет оказался тяжелым,

рукоять чуть скользила во влажных от пота руках. Я смотрела то на одного мужчину, то на другого, а они — на наконечник стрелы, перемещавшийся от лица к лицу. Еловые лапы с тихим шорохом заскребли по земле.

Толпа расступилась, сначала неохотно, а потом все быстрее и быстрее, так вода расходится под носом лодки, и тут же смыкается за ее кормой. Незнакомые лица, освещаемые бликами огня, казались мне половинчатыми, часть в темноте, часть на свету. Сейчас на нас смотрела тьма.

Каждый шаг сквозь толпу, напоминал мне движения канатоходца, идущего по натянутой веревке и ловящего равновесие. Так и я ловила их взгляды, жесты, движения, переводя арбалет с одной фигуры на другую. Вот бородач во втором ряду чуть подался вперед, сияясь рассмотреть лежащего Риона, вон женщина с вилами, беззвучно что-то шепчущая и поднявшая руку в отвращающем жесте. Рядом парень, кричавший о проклятии, его взгляд не отрывался от лица Михея.

В последнем ряду трое крепышей, неуловимо похожих друг на друга, чуть вышли вперед. Один едва не задел плечом Михея, второй сально улыбнулся, глядя на арбалет в моих дрожащих от напряжения руках. Третий плюнул на лежащего без сознания мага. Стрелок притормозил, выпрямляя плечи, но я не дала ему даже повернуться. Вцепилась в руку и потащила дальше, с трудом удерживая оружие в одной руке, и вряд ли смогла бы теперь в кого-нибудь попасть. И Михей позволил себя потащить. Одно дело, когда струсил парень, другое, если пошел на поводу у испугавшейся девчонки.

Они остались стоять там. Переговаривались едва слышным шепотом, тихо трещал огонь факелов. Я смогла нормально дышать только, когда мы миновали последний чуть покосившийся дом и вышли к широкой полосе вырубki. Усталость навалилась разом, словно мокрое покрывало из шерсти, удушающее и пригибающее к земле. На опушке, или чем она стараниями местных теперь называется, Михей остановился и тоскливо спросил:

— Куда теперь?

Впереди был лишь лес, позади толпа с топорами. Мальчишка-маг не переживет этой ночи, и можно будет вздохнуть с облегчением. Тогда отчего же так хочется завывать?

Я молча пошла дальше, вдоль темной, нависающей над вырубкой, полосы деревьев, стрелок подхватил волокушу и двинулся следом. Ухнул филин, лес уже не казался таким непроницаемым. В пяти локтях впереди, среди толстых стволов начиналась тропинка, не очень широкая, но и не

звериная стежка, по ней ходили люди, нечасто, украдкой, но ходили. Села меняются, а в жизни таких, как я, все остается по-прежнему.

Не бывает деревеньки без травницы или целителя, во всяком случае, мне бы хотелось так думать. Кто-то должен людей лечить, а то перемрут ведь. А уж у лесорубов что ни день, то оттяпанный палец.

Волокуша проходила по тропе с трудом, Рион больше не стонал, черты мальчишеского лица стали резкими, кожа во тьме казалась грязно-серой. Михей снова остановился, чтобы передохнуть, я подставила плечо, и он оперся, шумно дыша. Скоро нам придется остановиться, независимо от того, найдем ли мы ночлег и помощь. Нельзя идти вечно.

К счастью, тропинка закончилась раньше, чем силы. Деревья расступились, и мы увидели темный приземистый дом, стены которого поросли мхом и казались черными. Михей без сил опустился на землю рядом с Рионом, предоставляя мне право договариваться с травницей.

К двери из потемневшего дерева вели три ступени. Всего три шага, и все станет ясно. Жизнь или смерть.

Я постучала, дерево было чуть влажным и словно распухшим. Никто не ответил. Эол, как же страшна ночь, без чудовищ и нежити, ночь, заполненная всего лишь людским равнодушием.

И я сорвалась, хрипло рыча, замолотила по дубовой створке, не зная, чего хочу больше — сломать ее, выплеснуть отчаяние или достучаться, наконец, хоть до одного настоящего человека. В голове царил кавардак, никаких идей, ни одной связной мысли.

Вот тут дверь и открылась. Настолько неожиданно, что я просто замерла с вытянутой рукой. Из темноты на меня смотрел древний, сморщенный старик. Лесник? Отшельник? Знахарь? Цепляясь за соломинку, я скороговоркой, глотая окончания, произносила призыв:

— Прими ищущего, исцели страждущего, не откажи молящему от дома и от помощи.

Старик не проронил ни слова, горящая где-то за его спиной свечка создавала вокруг седой головы белесый ореол, как у сподвижников Эола. Или, скорее всего, уставшее воображение сыграло со мной злую шутку. Потому что все, на что меня хватило это, глядя в его темные, обрамленные морщинистыми веками глаза, попросить:

— Пустите нас, дедушка.

Глава 8. Багряный лес

У Пига мы прожили три седмицы. Его покойная жена была местной травницей, а он старшим над дюжиной лесорубов. Деда уважали и побаивались, считали колдуном, раз хватило смелости на стриге жениться. Он приютил нас, и, что еще важнее, помог. Одиноким старик — и егерь, и отшельник, и знахарь — все помаленьку.

Мы больше молились Эолу, чем полагались на собственные умения. Мне было далеко до знаний и мастерства бабушки, а Пиг целительствова постолюку поскольку, чего от жены нахватался. Вот так двое недоучек лечили парня, очень опасаясь за результат. Но обошлось, то ли Эол услышал молитвы парней, то ли организм парня оказался крепче, чем все опасались. Тут нам повезло вдвойне. Особенно Риону. Внутреннего кровотечения не случилось. Он выжил. Пусть обе руки чаровника оказались сломанными... Пусть двое суток парень метался в бреду — не желая ни в сады Эола отправляться, ни на грешную землю возвращаться.

Рион открыл глаза на третьи сутки, и первое что услышал, это вопрос Михея, заданный с почти детской непосредственностью:

— Ты зачем вообще на эту зверюгу залез?

Ответить маг смог не сразу. Тогда он только хрипел, и пытался повернуть непослушную голову. И лишь на пятое утро, часто моргая и стараясь не тревожить перебинтованные кисти, Рион смог ответить:

— Не залезь я, Айку бы похоронили, если бы осталось кому. У хвангура одно уязвимое место — уши, — парень застонал, руки, замотанные в лубки, не слушались.

— А что это за болотный кокон тебя окружал? — я села на кровать.

— Противо.... противоударный щит, — не с первого раза выговорил маг, — без него я бы вообще костей не собрал. Одно плохо, истратил все, что оставалось. Все, что смог наскрести. На ближайший месяц я всего лишь человек. А может, и на всю жизнь, — он бросил взгляд в сторону, избегая смотреть на меня.

Я тоже отвернулась, некстати вспомнив, как почти желала парню смерти.

Через день после нашего приезда дед Пиг вернулся домой, ведя за собой лошадей: Облачко и деревенского мерина. Седельные сумки были на месте, хоть и изрядно потрепанные.

— В поселке увидел, так и подумал, что ваши, — сказал старик. — К табуну прибились, а люди и рады чужое присвоить. Как узнали, что ваши, брызнули в стороны, добро побросали...

— Они нас за шалых ^[26] что ли считают? — недоумевал Михей, привязывая мерина к изгороди и снимая седло.

— За кликуш, — усмехнулся Пиг, разглядывая свежий синяк на лице стрелка.

Это случилось еще в первый день, когда деревенского увальня за какой-то нуждой понесло к лесорубам. За какой, он объяснить затруднялся, и тем паче предупредить. Вернулся парень уже с украшением. Стычка оказалась в основном словесной, топоры ему второй раз тоже продемонстрировали, но в ход не пустили, видимо, при свете дня стрелок выглядел обычным парнем. Итог — ущерб исчерпывался подбитым глазом у Михея и сломанным носом его собеседника. Больше нас не задирали, только в поселок ходить запретили, да мы и не рвались.

— Но почему? — спросила я, снимая сумки с лошадиной спины.

— За день до вас, — дед расстегнул подпругу, — в поселке появился чужак. Время к обедне было, у Некера корова телилась, вот меня и просили подсобить. Приезжий пришел к Неку, он теперь старший в бригаде, вместо меня. Пришел и долго что-то втолковывал. А под конец руками так поводил, — Пиг взмахнул ладонью, — тут же поднялся ветер, завыли собаки... Наши чуть на колени не повалились, как чаровника в путнике опознали. Опосля Некер людей у вырубки собрал и объявил: дескать, был у нас посланец королевский. Появилась в Тарии кликуша, беды да болезни притягивает. Давший ей приют, позарившийся на деньги, будет порчен. И он, и дом, и семья, и вся деревня. Описал кликушу. На тебя, дочка, похожа, — дед рассмеялся и кивнул мне. — Сопровождают треклятую девку двое: рыжий, да чернявый — лучник и чаровник. Вот такие чудные дела, Эол защити.

— Зачем же вы тогда нас пустили? — не понял Михей. — А если бы, и правда, она кликушей была?

— Вот спасибо, — я бросила сумки на землю.

— Я, внучек, уже никого не боюсь. Дом порчен давно, людской молвой порчен и к поселку не относится. Меня не тронут, знахаря другого у них нет, и не будет. А Навь свою давно кличу, но сторонится она меня. Да и девчушка призывом проняла. Кликуша, не кликуша, а жена б моя Матюша не отказала.

Он говорил что-то еще, но я уже не слушала, я вспоминала. Кострище, оставленное у первого оврага, следы у второго. Да, это можно назвать женской мнительностью или просто повертеть пальцем у виска. Пусть, но я вспомнила еще об одном, о маге, знавшем, куда и зачем мы отправились. О чаровнике, который, помнится, обещал, мне смерть в мучениях. И видимо, как настоящий мужчина решил сдержать слово.

— А посланник — маг такой невысокий, полноватый, широкоскулый,

темноволосый, больше на купца похож, чем на чаровника?

— Знакомец ваш? — с улыбкой переспросил дед.

***

Пиг вообще оказался довольно жизнерадостным стариком или скорее равнодушным к трудностям, людской молве и чужому мнению. В его доме нам жилось не хорошо и не плохо. Спокойно — вот правильное слово. Ели, пили, спали. Я помогала деду с травами, Михай успел обновить крыльцо, Рион усиленно лечился. Однообразно, тихо, хорошо.

К исходу третьей семидневки раненый окреп для дальнейшей дороги.

— Настоящий Багряный лес начинается дальше, а здесь — так, подлесок, — рассказал старик накануне отъезда. — Я доходил только Лунечи, — узловатый палец ткнул в точку на потрепанной карте. — Мост — здесь, кто и когда его строил — неизвестно, но выглядит так, что ступать на него, значит, с головой не ладить, — Пиг указал на запад. — Другой переправы на несколько тысяч шагов нет. Река берет начало в лихих болотах, делит лес на две части, пересекает равнину на юго-востоке и, забирая на запад, впадает у Вышграда в Рыховку.

— И что? — спросил Михай. — Чудищ встречали?

— Как видишь, нет, — старик развел руками, — коли жив пока. Послушайте моего совета, сынки, раз надо, значит идите, но делайте это тихо. Нечисть, она ведь тоже не ждет вас на тропе, а то околела бы уже, но на слух зверье обычно не жалуется.

— Плюс где-то там впереди Тамит, — сказала я и добавила: — Возможно...

— Или другой маг, который вредит нам по своим причинам, — Рион сжал и разжал кулак, с которого сняли лубки. — Ведь этого ловца магов кто-то разбудил.

— Но ведь следы вели в другую сторону? — не понял Михай.

— Вот именно. Вели, чтобы мы по ним не пошли, опасаясь ненужной встречи, — покачал головой маг, осторожно поднимая руки.

— Похоже на бред, — озвучил мои мысли стрелок.

— Хвангур — не бред, — вздохнул Рион.

— Что-то мне уже тревожно, — сглотнул Михай.

— Коли ничего не можешь изменить, оставь как есть, — философски изрек дед.

— Будем надеяться, что маг ушел далеко вперед. Да и сколько можно

нарываться на его ловушки. Предлагаю хоть раз пройти мимо, — шутка Риона вышла совсем не смешной.

— Согласен, — тем не менее, ответил стрелок.

Провожать нас старик не пошел. Никаких напутственных речей, никаких прощаний. Это в балладах и сказаниях герои обещают вернуться и вознаградить нечаянных помощников. Но мы так далеко не загадывали. Мы просто собрались одним холодным утром на исходе лета и уехали.

***

Лес стал понемногу оправдывать свое название. Стволы подступали все ближе и ближе, тропинка сужалась и местами исчезала. Иногда дорогу преграждали поваленные деревья или заросли колючего кустарника, тогда приходилось спешиваться и искать обходную тропу. Солнце почти исчезло, редкие лучи проникали сквозь густые шапки листьев и почти не давали тепла. Травы и цветы исчезли, их сменил ковер из листьев и мха.

Ехали, не торопясь, изредка перебрасываясь словами, подступающая тишина леса нарушалась лошадиным фырканьем, отрывистой переключкой птиц и шелестом ветра в кронах. Теперь у нас было две лошади на троих. Рион, как недавно оправившийся, ехал верхом на мерине Михея, сам стрелок шел впереди. Облачко, помахивая хвостом, трусила последней. Сперва настороженная, я постепенно успокаивалась, убаюканная привычными лесными звуками и почти дремала в седле. Конские копыта и морды блестели от росы, животные изредка останавливались пощипать листья.

Как и предрекал Пиг, до реки добрались еще до заката. Лунеча была здесь узкой, но глубокой. Мостом то, что было перекинуто с одного берега на другой, назвать было сложно. Хлипкое сооружение из плохо подогнанных досок, покоящихся на кривых столбиках зияло дырами, гнилыми сломками, и разве что не качалось на ветру. Ни перил, ни обвязок. Я едва не застонала.

Облачко фыркнула, выражая всеобщее мнение.

— Кха-кха! — привлек наше внимание крепкий коренастый мужик, стоящий в десяти шагах впереди.

За его спиной возвышалась заросшая вьюном кособокая лачуга, явно того же времени возведения, что и мост.

— Пиг не говорил, что у моста есть хозяин, — словно прочитал мои мысли Рион.

— Куда, люди добрые, путь держите? — улыбаясь в давно нечесаную бороду, спросил незнакомец.

Масляно блестящие глазки обшарили меня с головы до ног. Лежащая на плече двусторонняя секира прямо таки вопила о благородном ремесле его хозяина. Разбойник? Беглый каторжник? Михей как бы ненароком положил руку на приклад притороченного к седлу арбалета. Мужик любовно повел пальцем по лезвию. Рион стал закатывать рукава, и щербатая улыбка незнакомца увяла.

— Ты кто такой, чтобы вопросы задавать? — высокомерно обратился к незнакомцу маг, демонстрируя рисунок на бледной коже.

— Не гневайся, чаровник. Оберегатель я здешний, всему надсмотр нужен, — мужик указал на мост.

Я посмотрела на «оберегателя», вряд ли кто в здравом уме этому сторожу с большой дороги снег зимой доверит.

— Нам нужно на тот берег, — маг тронул бока мерина коленями.

— Дык, конечно же, господин чаровник. Только извольте пошлину заплатить, и вперед.

— Пошлину? — Рион поднял бровь.

— Должен быть порядок. Есть мост — есть плата. Негоже чаровнику отлынивать от законов положенных.

— И сколько? — поинтересовался Михей, дергая за удерживающую арбалет веревку.

— По серебряному дину.

— Что? Да, в столицу въехать дешевле!

— Так, то столица, — ухмыльнулся оберегатель. — Тама ворот много, а здесь мост один. Ну, да ладно, — мужик задрал голову, — уступлю вам. Дин с тебя, и с тебя, а девка, — указывая на меня пальцем, под ногтем которого была черная траурная кайма, — зайдет в тот домик, — он кивнул на развалюху, — и будет лаской, — оберегатель ухватил себя рукой за пах. — И тады проедет бесплатно. Не волнуйтесь, товарного вида девке не попорчу, лишь раз оседлаю и отпущу на все четыре стороны.

Я стиснула в руке маскировочный артефакт. Даже на такую лягушку, как я, всегда найдется охотник. Хотя, какой он охотник, обычный грабитель, даже не очень умелый, Михей вон уже опустил болт в желоб, а этот все еще наслаждается прикосновением собственных рук.

— Нет, — ответил стрелок, щелкнула взводимая тетива.

— Эй, ты чего? А ну, брось, — незнакомец сделал шаг, поднимая секиру.

— Стоять, — гаркнул маг и, забыв, что у него нет ни единого кьята,

поднял руку.

Дядька прибавил ходу и зарычал. Стрелок еще только начал поднимать арбалет, беря на прицел противника, но не успевал буквально на секунду. Шаг, и занесенный топор оберегателя опустится Михею на голову... Один миг...

Я тронула Облачко пятками, заставляя выйти вперед. Нам нужна всего секунда. Мне нужен лишь один взгляд.

Кто первый? Удар секиры или болт в лицо?

— Эй! — позвала я

И он посмотрел, на миг стрельнул глазами в сторону. Этого хватило. Я дернула за амулет и улыбнулась. Мужик запнулся, а мгновением позже в его лицо уже смотрел заряженный арбалет.

— Будь ласков, скажи, мостик конных выдержит? — спросила я «сторожа», продолжая улыбаться, хотя внутри все подрагивало от страха. И боялась я отнюдь не этого разбойника.

Незнакомец плюнул, секира опустилась к земле.

— Не проверял. Но раз стриге угодно, милости прошу, — ответил дядька, посмотрел с тоской на арбалет, нехотя добавил: — Не советую. За зря животных загубите, лучше уж мне оставьте.

— Мечтай! — сказал стрелок и, кивнув на оружие, скомандовал: — Бросай.

Мысли оберегателя — не рискнуть ли и не бросить секиру, например, в голову Михею, раз просят — так явно отразились на грязном лице, что стрелок отступил на шаг. Но здравый смысл победил, оружие глухо стукнулось о землю. Парень поддел его носком сапога и, под мученический стон дядьки, скинул в реку.

— Пойдешь первым, — еще больше обрадовал мужика Рион.

Переправлялись долго и муторно, под изысканные ругательства сторожа. Мотающего головой мерина вел Рион, Михей с арбалетом подгонял мужика, пробующего на прочность мост.

С той минуты, как мы ступили на шаткий настил, с той минуты, как в лицо ударил запах воды, я могла думать лишь об одном. О влажной темноте, что скрывается под зеркальной гладкостью. И о падении, о его неизбежности.

Эол! Откуда во мне столько необъяснимого страха перед водой? Ты вложил его в мою голову? Или демоны постарались?

Копыта мягко ступали по осклизлым доскам, пару раз Облачко нервно фыркала, но все-таки шла.

Со мной дело обстояло хуже, руки подрагивали, колени подгибались.

Эол, я знала, что идти нужно. Знала и поэтому шла. Ковыляла, вцепившись в лошадиное седло, а дерево так и норовило прогнуться, выскользнуть из-под сапог. Чертова река, чертов страх...

Доска под ногой оберегателя, скрипнув, разломилась, и мужик резво отпрыгнул в сторону. Обломок плюхнулся в реку и подхваченный быстрым течением, скрылся из виду. Все замерли.

— Айка! — крик заставил меня поднять голову и оторвать взгляд от воды, парни уже были в десяти шагах впереди, сломанная доска никак не повлияла на их способность передвигаться.

— Идешь? — нахмурился Рион, я кивнула и сжала поводья Облачка.

Мост все-таки выдержал. Дерево стонало, трещало, но оставалось на месте. Ступив с хлипкого настила на мягкую землю, я с трудом подавила желание опуститься на колени и поблагодарить Эола. Вместо этого уткнулась лицом в шею лошади и замерла, выравнивая дыхание.

«Вода — это всего лишь вода», — говорила бабушка каждый день, час, минуту, но ничего не помогало. Стоило представить погружение в прозрачную толщу, как паника обхватывала затылок ледяными пальцами.

Рядом всхрапнул мерин, и Рион добродушно потрепал его по холке. Михей, последним ступивший на землю, качнул арбалетом, и дядька снова встал на доски, чтобы уже в одиночестве пойти обратно.

— Мало нам вредителя впереди, так еще одного за спиной оставляем, — проговорил Рион, похлопывая мерина по холке, и задумчиво глядя на шатающийся мост.

На середине моста мужик обернулся и закричал:

— Удачно сдохнуть тебе, колдун! И девке твоей бесцветной! И этому пахарю юродивому.

— Ты бы поторопился, а то искупнуться придется, — ответил Рион и пнул крайнюю доску, сбросив ее в воду. Подошедший Михей толкнул еще одну и взялся за следующую.

— Вы чего творите? — возмутился мужик, в два скачка оказавшись на той стороне. — Кто налаживать будет?

— А ты на что, оберегатель? — крикнул маг.

Легкость, с которой парни разрушили сооружение, застала врасплох. Знай, я о состоянии моста раньше, ноги б моей там не было. Мужик с топором предпочтительней.

На другом берегу привычные глазу деревья постепенно исчезали, вытесненные незнакомыми — высокими и толстыми. Я попыталась обхватить один из стволов руками, но куда там. На ладонях остался рыжеватый налет. Кора исполинов отливала краснотой. Кроны венчали резные в ярко-алых прожилках треугольные листья размером больше мужской ладони. Мы будто ехали под гигантской красной паутиной.

Настроение изменилось, расслабленность снова сменилась тревогой. Мы все-таки вошли в Багряный лес. Источник страшилок и легенд всей Тарии. Алое пятно на карте, глядя на которое, маги скрипели зубами, но поделать ничего не могли. Или не хотели.

Мрачный Рион не давал нам останавливаться до полуночи. Пока я, уставшая и почти заснувшая, просто не сползла с лошади на одной из полян. Рядом вытянулся тяжело дышавший стрелок.

Мы больше не могли ни идти, ни ехать.

— Там, у моста все было плохо, — проговорил маг, расседывая мерина.

— Ну, не так, чтобы совсем, — Михей нехотя встал, достал из седельных сумок хлеб и откусил.

— Проучили дурня, и ладно, — согласилась я, шевелиться не хотелось. — В другой раз поостережется по дину с проезжающих драть.

— Дело не в этом, — чаровник подобрал с земли тонкий прут и повертел в руках. — А в том, что без магии мы мало чего стоим.

— А это? — стрелок снял со спины арбалет и показал чаровнику.

— Вот именно, — кивнул Рион. — Это — все, на что мы могли рассчитывать. И будь удача чуть привередливее, — он уставился на ночной лес немигающим взглядом, — мы бы остались без голов.

— Морду начистить можно и руками, — пошутил Михей и стал собирать хворост для костра.

— С магией было бы проще, — признала я. — Но тебя разве не учили, не рассчитывать на невозможное?

— Учили, — Рион потер переносицу. — А так же учили видеть главное, и уметь поступаться частью ради целого, — парень поднял глаза. — Маг сейчас — ты, Айка.

Михей фыркнул, получилось даже не обидно, потому что я была полностью согласна.

— Я буду тебя учить.

— Ты уже пытался, вряд ли будет лучше.

— Прости, — тихо сказал Рион и опустил голову, на его лицо легли блики разводимого Михеем костра. — Я тебя не учил. Даже не пытался.

— А как же эти... — спросил Михей, — Поиски души?

— Упражнение для концентрации, не больше, — он закрыл лицо руками. — Я не хотел тебя учить.

— Но Дамир сказал... — начала я.

— Учитель много чего сказал, — в голосе парня звучала злость. — Кроме главного. Айка, я мог просто победить тебя, на остатке резерва, на крохах и ярмарочных фокусах. Победить и вытянуть силу обратно.

— Почему не победил?

— Потому что, не знаю как! — выкрикнул парень. — Потому что меня еще не учили убивать магов! — он закрыл лицо руками. — Я думал... надеялся в Велиже помогут, они знают как справляться с такими как... как...

— Ворами, как я?

— Да. — Парень отвернулся избегая смотреть мне в глаза. — Ты бы сказала, что не чувствуешь силу, а они бы не поверили. Они мало кому верят. Дамир добр, он хотел сохранить тебе жизнь, — Рион помотал головой. — А я тварь. Мерзкий урод. Я знал, куда и зачем еду. Знал, что выжить ты можешь, только отдав силу добровольно. И когда этого не случится, велижские чаровники вывернут тебя наизнанку. Буквально.

С минуту я смотрела на огонь, а потом медленно встала и пошла к лошади. Облачко ткнулась в руку теплыми губами.

— Назови хоть одну причину, — проговорила я, не глядя на чаровника. — Почему я не должна сесть на лошадь и уехать?

— Прости.

— Слышала, не помогает.

— Кругом лес, — попробовал Михей.

— Уже лучше.

— Я буду учить тебя, клянусь силой источника, клянусь магией мира во мне, клянусь дыханием и биением сердца, и даю в этом непреложный Обет.

— Тьфу, — высказалась я, а мерин стрелка тоже потянулся к руке в надежде на угощение. — Ты идиот, Рион. И умрешь молодым. Второй обет за сколько? За месяц? Большинство чаровников не приносят их ни разу в жизни, а ты, — я покачала головой и пошла обратно.

Даже освещаемый красноватыми бликами костра парень был бледен и казался совсем юным. Я села рядом.

Что ответить? Согласиться? Сделать вид, что все забыто и улажено? Или рассказать, как совсем недавно сама пыталась не радоваться его возможной смерти? Рассказать, что я такая же тварь, как и он? Мы пожмем

руки, и наступит всеобщее благоденствие? Хотя, вряд ли, своя рубашка всегда ближе к телу.

— Забыли, — вздохнула я.

— Нет, — отказался парень. — Ни ты, ни я не забудем. Завтра начнем учиться. По-настоящему.

— На всякий случай, повторяю. Я тоже буду учиться, — сказал Михей. Но вопреки ожиданиям возражений это ни у кого не вызвало.

— Ложитесь спать. Мое дежурство первое, — подвел итог первому дню в Багряном лесу Рион.

***

За ночь похолодало, под утро выпала роса, и я продрогла насквозь. Отсыревший хворост никак ни хотел разгораться, а вода — закипать. Рион не мог выбрать более неподходящего времени для обучения. Под хмурым небом, готовым вот-вот пролиться дождем, в кронах хрипло кричали птицы, и единственное, чего мне на самом деле хотелось — это завернуться плащ и еще чуть-чуть подремать.

Чаровник сломал сучок и нарисовал на земле спираль. Тонкая линия плавно закручивалась вокруг самой себя, образуя круг с полшага шириной.

— Схема накопителя. Он способен притягивать и накапливать магическую силу. Сосредоточьте взгляд на центре и следуйте за чертой до конца. Нарисуйте накопитель глазами.

Михей закусил губу и прищурился. Я подавила дрожь, вода в котелке уже начала исходить паром и привлекала меня куда больше каракулей на земле. Но именно ведь этого я и хотела? Или нет? Эол его знает...

Обычный рисунок палкой по земле, на который способен любой ребенок. Мысленно выругавшись, я проследила изгибы рисунка глазами, как попросил Рион, и уже собралась напомнить парням, что вода закипела, как...

Тело вдруг превратилось в неповоротливую колоду, кости словно задеревенели, мышцы сковало льдом. Я не могла пошевелиться. Хуже того, я не могла открыть рот и сказать об этом.

Легкие дышали, сердце билось, кожу холодил ветер, глаза видели... Видели этот проклятый демонами рисунок. И все. Я не могла поднять голову, не могла сжать руки, не могла заорать. Но мог кто-то другой. Или что-то другое. Я осознала чужое присутствие не сразу, а спустя одну

томительную минуту бесконечной паники, которую никто не видел и не слышал. Криков, раздававшихся только в моей голове.

Что-то внутри, что-то очень сильное и дикое зашевелилось, подняло голову и с любопытством принялось. Собиратель вспыхнул голубым огнем, существо заворчало. Я чувствовала, как раздвигаются мои губы, как из горла выходит низкий вибрирующий звук.

Самое ужасное ощущение в моей жизни, быть не человеком, а всего лишь оболочкой, маловатым платьем. Я снова закричала, и снова меня никто не услышал. Никто, кроме этого существа, ответившего низким вибрирующим рычанием. Свет сменился тьмой, а я обнаружила, что лежу на земле и скулю, как маленький ребенок.

— Ты в порядке? — похлопав по спине, спросил Рион.

— Хрр.

— Это и есть сила, — чаровник улыбнулся. — Второй раз будет легче.

— Второй? — я ухватилась за руку парня и неуверенно встала. — Мне и одного вполне достаточно.

Михей со злостью пнул котелок. Кипяток выплеснулся в костер, гася шипящее пламя. Все понятно без слов, ему с силой не повезло. Дамир именно этого и опасался, отправляя парня назад в деревню.

***

К исходу третьего дня стало понятно, что сунуться в чащу верхом — не лучшая наша идея. Лес был исчерчен узкими звериными тропами, как старая карта заломами и многочисленными пометками. Маленькие, большие следы пересекались и расходились. Встречались белки, птицы, насекомые и другая безобидная живность, пару раз я замечала волчьи следы. Мы вступили на территорию крупных хищников, лошади нервничали, Рион хмурился, я то и дело оглядывалась.

Вполне обоснованное беспокойство людей, идущих через лес. Через любой другой, кроме Багряного. Но нечисть не торопилась закусывать забредшими на огонек путниками и даже не показывалась на глаза. И это, вопреки всякой логике, тревожило еще сильнее.

Уроков больше не проводили, но Михей использовал любую свободную минуту для тренировки, то есть, рисовал спираль и пялился на нее. Результатов не было, но, видя подобное упорство, Эол должен был хотя бы задуматься, а правильно ли он распределил дар.

На четвертый день мы впервые услышали волчий вой. Ночью я то и

дело просыпалась, но костер горел, а парни исправно несли дежурство. Поутру мы обнаружили вокруг лагеря множество следов, приходившие ночью зубастые гости отчего-то постеснялись заглянуть на огонек. Рион сильно ругался, уговаривая меня вернуться к обучению.

— Айка, на этот раз будет по-другому, обещаю, — уверял маг, видя явное отсутствие энтузиазма на моем лице. — Знак «гармонии». Объединяет природный резерв и силу извне, приводит к равновесию. Он не способен причинять боль.

Я показала зубы, вернее улыбнулась, но парень скривился так, будто его укусили.

— Не научишься этим управлять, не сможешь избавиться. Тогда все зря, и дальше можно никуда не ехать, — привел последние доводы парень, рисуя палкой на земле очередную загогулину.

— Умеешь ты... — я подошла к Михею, обреченно разглядывающему рисунок, — уговаривать.

Больше всего знак походил на две вязальные петли, одна под другой.

Надо проследить путь этой загогулины? Я невольно поежилась. Как маги учатся? Неужели каждый раз трясутся от страха, как я? Неужели, кому-нибудь нравится, когда у него отнимают тело? Контролировать то, что настолько сильнее тебя, сложно, я бы сказала почти невозможно. Оно не спрашивает разрешения, оно просто берет.

Взгляд скользнул по петле. Я сжалась в ожидании зверя. Но ничего не произошло. Уже смелее я повторила попытку. Безрезультатно. Страшная внутренняя сущность спала и не желала реагировать на пустяки.

Я наклонилась и провела пальцами по линии... рисунок, несколько минут назад нарисованный чаровником в мягком грунте обломком палки, не стирался. Земля под пальцами напоминала камень, а линия оказалась вплавленной в нее.

— Что за... — высказался Михей.

Рион присел рядом, нахмурился, поднял сучок и изобразил рядом такую же загогулину. И махнув рукой, легко стер ее.

— Что вы сделали? — напряженно спросил чаровник.

— Ничего, — ответил Михей. — Только смотрели.

— Только? — не поверил парень и, посмотрев на меня, спросил: — Как ты это сделала?

Я пожала плечами, вовсе не уверенная в том, что действительно что-то делала. Вечно у нас все не как у людей.

Сколько маг не бродил вокруг куска затвердевшей земли, разгадку его появления узнать не удалось.

На каждой остановке Рион заставлял меня воспроизводить знак и повторять упражнение. Маг чесал голову, разводил руками, краснел, злился и ругался. Но каракули остались глухи к его крикам и моим взглядам, легко стираясь и исчезая с лица земли.

Вместо планируемых пяти дней переход через Багряный лес занял семь. Лошадей мы сберегли, и изрядно истощили запасы провизии. Рион показал еще несколько знаков — «знание», «стабильность», «усиление», «единство». По мне так каракули мало отличались друг от друга. С тем же успехом он мог бы рунический алфавит писать, хотя может, и писал. Иногда рисунки впечатывались в грунт, иногда нет. Без всякой системы или закономерности. Зверь крепко спал внутри и больше не показывался.

Прав оказался дед Пиг: нечисть не поджидала нас на каждом шагу, она вообще предпочитала с нами не связываться. Наверняка боялась отравиться. Багряный лес оказался просто лесом, так и не показавшим нам зубы. Может, людская молва преувеличила, а может, просто повезло. Может, Эол посмотрел на то, что нам уготовано и сжалился, дав краткую передышку.

Глава 9. Вириец

В последний день нашего пребывания в лесу поднялся плотный туман, сказывалась близость болот. Воздух, окрашенный в белесый цвет, стал почти осязаемым. Холод пробирался под рубашку, заставляя ежиться и мечтать о теплом чае. Через пару дней наступит осень. Я давно должна уже быть дома и помогать бабушке с заготовкой трав, изготовлением впрок настоек и мазей. Вдох сорвался с губ облачком пара, я потянулась к сумке и достала вязаную безрукавку.

Рион вел мерина, на котором восседал клюющий носом Михей, его смена дежурить была последней. Под широкими лошадиными копытами хрустели скрытые молочной пеленой ветки.

Мелодично звякнул колокольчик. Поначалу я даже не отреагировала, решила, что почудилось. Но чаровник остановился. Нежный перезвон повторился.

— Михей, — тихонько позвал парень.

Стрелок поднял голову и сонно заморгал, напоминая растревоженную дневным светом сову.

— Что?

— Слышишь?

Михей нахмурился, и тут же в тумане раздалось переливчатое пение.

— Ждите здесь, я посмотрю, — Рион перекинул поводья стрелку и вытащил клинок.

Маг стремился казаться спокойным, но то, как дрогнул в его руке меч, говорило о многом. Я коснулась своего, но обнажать не стала, в отличие от чаровника, меня прикосновение к железу лишь больше растревожило.

— Опять в герои рвешься? — я сжала коленями лошадиные бока, беспокойство передалось Облачку, и кобыла затанцевала на месте.— Если идти, то идти всем.

Михей кивнул. Для разнообразия Рион не стал спорить.

Снова запел колокольчик. Стрелок направил мерина следом за магом, торопливо заряжая арбалет. Правда, толку с него при такой видимости немного.

Стволы деревьев, окутанные воздушной пеленой тумана, походили скорее на наброски, нежели на что-то настоящее, существующее в этом мире. Протянешь руки, и вместо того, чтобы коснуться красноватой коры, пальцы пройдут насквозь, и видение развеется.

Шли на звук, других ориентиров не было. Переливы колокольчика слышались то ближе, то дальше, иногда затихали, пугая тишиной, иногда звенели долго, и от этого по спине бежали мурашки. Маг как-то незаметно ускорил шаг, или это мы замедлились, но очертания его фигуры стали нечеткими. Словно между нами поднимался поток горячего воздуха.

— Рион, — позвала я.

Звук затих, едва сорвавшись с губ. Потерялся, исчезая в молочном тумане, как и все, что нас окружало.

— Михей, — снова попробовала я, на этот раз громче, и стрелок, ехавший на полкорпуса впереди, оглянулся. — Что-то не так, — поравнявшись с парнем, я посмотрела вперед. — Рион, подожди!

Но чаровник не услышал или предпочел не услышать. С железкой в руке парни иногда начинают чувствовать себя увереннее, и мало кто задумывается, что туман не порубишь на части. Я тронула бока лошади, заставляя кобылу нагнать чаровника, но фигура парня, вопреки всему, продолжала удаляться.

— Рион, — растеряно проговорила я.

— Рион, — рявкнул Михей.

Сильно рявкнул. Думаю, от такого окрика в деревне все шавки зашлись бы истошным лаем. Молочно-белый воздух чуть колыхнулся, звук превратился в шепот и потерялся в нем. Фигура мага, и без того призрачная и нечеткая, вдруг расплылась и исчезла совсем.

- Где он? — спросила я у Михея, словно он мог дать ответ.
— Держись рядом, — проговорил парень. — Это непростой туман.
— Спасибо, а то я не догадалась.

Я с ходу могла назвать два десятка вида нежити, излюбленным местом обитания которых является туманные низины, еще штук семь, кто сам этот туман создает.

Мы шли друг за другом, ведя лошадей на поводу, напряженные, как натянутая струна и готовые в любой момент дать отпор. Ну, или заорать и броситься наутек. Прошли сотню шагов, ничего не изменилось. Нас по-прежнему окружали деревья, белое марево и тишина. Любые звуки отсутствовали. Любые, кроме едва слышного перезвона.

Михей побледнел, вытянул руку, указывая куда-то вперед. Из мутной пелены тумана медленно проступали горизонтальные полосы. Черточки, словно нарисованные Эолом и его божественной кистью, пересекали ствол за стволом. Снова зазвонил колокольчик, на этот раз глухо и как-то потеряно.

Я обогнула застывшего стрелка. Вряд ли Эол имел к ним непосредственное отношение, скорее уж Рэг^[27].

Стволы деревьев были опутаны нитями пряжи. Некрашенные и кое-как сплетенные волокна тянулись от одного дерева к другому, перекрещивались между собой. Будто сотня-другая котят играла посреди леса с клубками. На некоторых нитях висели колокольчики, иногда печально покачивающиеся от несуществующего ветра, и так же неожиданно замолкали. Сети Мары^[28]. И, похоже, ученик мага в них попался.

— Рион, — снова крикнул Михей.

— Рион, — вторила я, — ответь!

Нити обозначали границы чужой территории, под них вполне можно пролезть и сыграть с нежитью по ее правилам, а можно взять ножичек и лишить ее временного дома. Нити — это не туман. Я потянулась к клинку.

— Рион! — стрелок подошел к звякающей границе. — Не прячься, Эол тебя задери.

— Я и не прячусь, — раздалось сбоку.

Мы повернулись. Потерявшийся маг вылез из кустов. Бледный, одежда в грязи, на куртке репей, в волосах ветки, листья. Клинок волочится по земле, губы кривятся, то ли ругаться собрался, то ли плакать.

— Ты где ходишь? — заорал Михей, колокольчики снова печально качнулись.

— Это вас где носило? — вяло возмутился чаровник.

— Шли прямо за тобой, — я оглянулась, позади нас был туман. — А ты?

— Я... мне показалось, я увидел кого-то... фигуру, хотел посмотреть поближе.

— И как? Посмотрел?

— Нет, — парень смутился. — Она исчезла. Не дала приблизиться. Потом не смог найти ориентир, деревья вокруг одинаковые, плутаешь на пяди земли. Ходил, орал, как проклятый, а вы не отвечали, — в голосе Риона слышалась обида.

— Туман гасит звуки. Предлагаю держаться рядом и не соблазняться разными фигурами, — ответила я, легонько касаясь ближайшей нити.

Щеки Риона порозовели. Да, это именно Мара — фигура, скорее всего, была женской. И обнаженной.

— Что это? — чаровник указал на нити.

— Сети Мары, — ответил Михей, чем безмерно удивил. — Придется обходить.

— Нет, — возразила я.

— Какой в дасунь шмары? — переспросил Рион.

Я провела пальцем по лезвию и под горестный стон Михея, перерезала ближайшую нить. Колокольчик тренькнул, упал и замолк.

— Ты, что не слышал о Маре? — спросила я мага, перерезая вторую.

— Выдумки, — фыркнул он. — Деревенские страшилки для дураков. Обычная притвора, может, лесной дух.

— Ты с ней только что познакомиться пытался. — Улыбнулась я.

«Притворами» у нас в Тарии называют любую нечисть или нежить, что может притвориться человеком, то есть, ходит на двух ногах и может надеть сарафан, али портки. Чаще всего так называют от незнания. Нечистых созданий у нас воз и маленькая тележка, всех не упомнишь.

— Айка, что ты творишь? — застонал Михей. — Она нам этого не простит!

Стрелок стоял на прежнем месте, не решаясь перешагнуть упавшую нить и колокольчик, укатившийся в белую укутывающую землю дымку. Я огляделась, туман стал гуще, уже нельзя было разглядеть собственных ног.

— Мне не нужно ее прощение, — ответила я. — Мара ничего не сделает, не сможет. Очнись, Михей, мы в лесу. Ее изгнали.

— А еще магом хочешь стать, — попытался пристыдить парня Рион, вышло неловко, может оттого, что чаровник, сам тревожно оглядывался, колыхание сетей уносило звон колокольчиков все дальше и дальше.

Стрелок дернул шеей, вскинул арбалет, прицелившись куда-то нам за

спины, заставив теперь уже меня и Риона вздрогнуть, и, зажмурившись, перешагнул первую нить. Постоял, покачиваясь, и открыл удивленные глаза. Заслуженная кара задерживалась.

А все потому, что Мара, или, как ее еще называют Шишимора, вредит в жилище. Считается, что плотники владеют способом ее водворения в дом. Один из секретов мастерства, передаваемый по наследству. Как говорила бабушка, лучше б чего посущественней передавали. Используют его в качестве наказания для недобросовестных заказчиков. Шишимора способна сильно отравить жизнь хозяевам, вплоть до выживания. Она разлаживает быт, портит утварь, передвигает и ломает мебель, воет по ночам, испытывает нездоровое пристрастие к шерсти и пряже. Если особо разойдется, может даже задушить младенца в колыбели.

Самый простой способ избавиться от нежити — завести кошку, не в хлеву, не в сарае, а именно в доме, и дожидаться приплода. Киса на нежить плевать хотела, территорию свою будет отстаивать до конца. Шишимора не терпит такого соседства и уходит. Но на это нужно время. Сколько его пройдет, пока вредная тварь исчезнет, неведомо.

Но на прощанье острижет овец. Ах, у вас их нет? Значит, есть у соседей. Ни у кого нет? Сворует готовую пряжу или распустит кофту и соорудит за околицей вот такие сети. Изгнанная шишимора зовется лесной или болотной Марой. Толку от сетей никакого, один убыток. Нежить обретается рядом, заманивая людей в топь или чащобу. Что и произошло с Рионом. Она пыталась его увести... Но парню повезло, или просто тварь ослабла и не справилась с магом.

Люди верят, что если унести приставшую к одежде нитку, то Мара придет в твой дом. К сети привязывают колокольчики, для предупреждения. Объяснять деревенским, насколько глупо держать под боком рассадник нежити, да еще и заботиться о его сохранности, бесполезно. Сожгли бы, и все дела, так нет, ходят колокольчики привязывают, осторожно так, чтобы ни пушинки не утащить.

— Мне было десять, когда из дома валяльщика изгнали шишимору, и в подлеске у Солодков появилась нитяная конструкция, — стала рассказывать я парням и, не удержавшись, хихикнула. — Все лето развлекалась тем, что отрезала кусочки подлинней и разбрасывала по деревне. Все охотно подбирали лежащие без дела веревочки, мало ли — мешок опоясать, али фасоль подвязать. Не побрезговал даже староста, — еще две перерезанные нити упали. — Жаль, ни к кому нежить не пожаловала. Растерялась, наверное, бедная, не зная куда податься. При моем трудолюбии, ей пришлось бы по ночи в каждом доме проводить. Сети

большие, домов много, а Мара одна.

— Ты совсем того, да? — жалобно спросил Михей, наверное, представляя себя на месте моих односельчан.

— Пить меньше надо, — отрезал маг. — Тогда ни шмары являться, ни вещи ломаться не будут.

В чем-то Рион был прав, а в чем-то нет. Поскольку с этой нежитью селяне вполне справляются собственными силами, не вызывая магов и не платя серебром. Чаровники же давно отнесли существование Мары в разряд слухов и деревенских баек. Может и так, но бабушка всегда говорила, что много чего в этом мире существует, независимо от нашей веры или неверия.

Сети кончились на опушке, в последний раз звякнув колокольчиками, перерезанная нить упала на землю. Михей за спиной шумно дышал. Тяжело, когда рушится то, во что ты верил годами, мозги не сразу встают на место, по себе знаю.

— Мара просто так по лесу не ходит. Поблизости жилье, из которого ее изгнали, — сказала я.

— На карте ничего нет, — покачал головой Рион. — Чтобы здесь поселиться, надо совсем с головой не дружить, именно таким ваша шмара — лучшее соседство, вместе будут чертей гонять.

Подлесок тонул в молочно-белой дымке. Деревья росли тоненькие, робкие, мелко шевелящие красноватыми листьями. Поднявшийся ветерок беззвучно пробежался по реденьким макушкам и затих, запутавшись в переплетении веток. Тишина давила, словно отсутствие звуков имело вес. Не кричали птицы, не шуршала трава, не юркало мелкое зверье, и даже хвоя под нашими ногами ломалась и продавливалась беззвучно. Полная тишина.

Лес обрывался на холме, который огибала накатанная телегами дорога. Извиваясь, она вела к черным домам. Людское поселение. Вернее, было таковым раньше. Частокол смотрел в небо потемневшими от времени срезами, над воротами, за которыми прятались избы, грязной тряпкой висел черно-белый стяг.

В селе хозяйничала проказа!

Рион выругался, Стрелок опустил арбалет. Против болезни оружие не поможет. Мерин мотнул башкой и ткнулся парню в плечо. Я погладила Облачко. Чаровник торопливо достал карту.

— Если пойдем на восток через лес, рано или поздно выйдем на Старый тракт, правда, дальше от Велижа, чем хотели, — маг провел пальцем по засаленной бумаге. — Можно взять севернее и свернуть

позднее, пройдем почти, как намеревались. Но заденем край Лихих болот.

— Но нам все равно придется пройти через это, — Михей не отрывал взгляда от хутора.

— Мы не можем повернуть назад, — резонно ответил маг. — Пройдем вдоль огородов, — он указал налево, — или мимо вон тех сараев, — кивнул вправо.

— Чем короче, тем лучше, — вырвалось у меня.

— Тогда огороды, — парень сложил карту и выдохнул.

Я видела, как ему на самом деле не хочется туда идти. И понимала. Проказа заразна и неизлечима, люди от нее гниют заживо. Но передавалась она через прикосновения — либо к самому больному, либо к его вещам. Я спрятала руки в карманы, поводья натянулись, лошадь качнула головой.

Хутор оказался большим, но огороженным лишь частично. Частокол, поначалу возвышавшийся над моей головой чуть ли не на локоть, через сотню шагов едва достигал макушки, а еще через две сотни сошел на нет. С той стороны хутора нападения не ждали, только со стороны леса.

Огороды все тянулись и тянулись. На некоторых стояли пугала в расползающейся одежде и сгнившими тыквенными головами, на других картофельная ботва уже успела пожелтеть и сложить стебли. Убирать урожай было некому. И это было странно. Проказа — не чума, она не способна выкосить город за сезон, проказа подбирается неспешно, тихо и, на первый взгляд, почти незаметно. Она разъедает кожу, мышцы, внутренности, но в большинстве своем оставляет человеку разум. Она жестока, но не стремительна. И, тем не менее, огороды зарастали лебедой, кабачки гнили на грядках, ветки ломались от поспевших яблок. Несколько человек заболели, а остальные, что — разбежались?

Солнце поднялось высоко, туман стал отступать. Со стороны домов не доносилось ни звука, скотина молчала, люди не появлялись.

— Как на погосте, — поежился Михей.

«Так и есть», — хотелось сказать мне, но сухие губы словно склеились. Слова стрелка оказались пророческими. Последний надел остался позади, и мы уже выдохнули с облегчением, когда...

— Смотрите, — нахмурился Рион, указывая рукой вперед.

Сперва я даже не поняла, на что, заметила только мух. Целый рой насекомых, облепивших что-то непонятное. Большое и корявое. Неподвижное, но из-за копошащихся мух казалось, что оно живое, что оно сейчас неловко шевельнется и встанет. Рион зажал рукой рот, а Михей не выдержал и, подняв арбалет, нажал на спуск. Не знаю, зачем, думаю, стрелок и сам этого не знал. Болт ушел в кучу, мухи взлетели, словно

облако, состоящее из черных жужжащих точек.

— Эол, — маг сглотнул, а я вдруг почувствовала острый позыв тошноты.

В траве лежал отряд, с десятков или больше мужчин в полной амуниции и при оружии, некоторые не успели даже слезть с коней, так и умерли верхом, повалившись в траву вместе с животными. И это проказа? Ищите дураков, что в это поверят.

Целый разъезд! Ни на одном нет и следа болезни. Да, что же тут случилось?

— Почему они в красном? — спросил стрелок.

Риона вырвало. Почувствовав, как к горлу поступают остатки завтрака, я отвернулась

— И почему на гербах ...

— Заткнись, Михей, — маг выпрямился. — Какого дасу мы пошли здесь?

— Думаешь, с другой стороны лучше? — пробормотала я, хотя еще секунду назад сама хотела задать этот же вопрос.

— Уходим, — прокашлявшись, сказал маг и, схватившись за поводья мерина, побежал вперед.

Никто больше не задавал вопросов. Мы просто убегали, пока еще упорядочено, без паники, попеременно оглядываясь на покойников, на которых снова опускались мухи, покрывая живым шевелящимся ковром.

Через пятьдесят шагов бежавший впереди чаровник споткнулся и едва не упал. Мерин, рысивший следом, опередил его на полкорпуса, прежде чем натянувшийся повод остановил коня. Я едва не уткнулась носом Риону в спину, Облачко всхрапнула, за спиной выругался Михей, длинно и заковыристо. Никто из нас не решился обойти застывшего мага.

В густой луговой траве лежала семья. Мать, отец и две дочери. Тела скрючены, лица перекошены от боли. Женщина прижимала к себе девочек, лет пяти и семи. По их распахнутым глазам ползали насекомые. Мужчина с серповидным ножом в руке, умер в шаге от них.

— Не похожи они на прокаженных, — пробормотал стрелок, невольно зажимая нос.

— Наверняка, когда появилась болезнь, многие пытались уйти, — с сомнением ответил маг.

Густая трава качнулась, то скрывая, то показывая обезображенные страданием лица. От чего бы они ни умерли, это было жутко больно. Почему они здесь? Куда сорвались без вещей и провизии? И как умерли? Хотелось скорее уйти и не видеть детских сморщенных лиц. Мертвым не

поможешь, а догадки не стоят и ломаного черня. Рион отвернулся первым, на этот раз содержимое желудка не удержала я. Уходили быстро, в молчании, нарушаемым лишь стуком копыт и негромким шепотом Михея, решившего вспомнить все известные молитвы.

— Эол спаси, сохрани, огради, не отвернись...

А я пожалела, что мы не выбрали другой путь, и не только сейчас, а вообще. Где-то в нашей жизни мы явно свернули не туда.

***

До самого заката шли без остановок, едва замечая меняющийся пейзаж, поля, покрытые так и не пожелтевшей, а сразу начавшей гнить, травой. Шли без перерывов на еду, пока вдаль не заблестело красным светом садящегося солнца черное озеро. На карте эта местность была обозначена двумя простыми словами «Лихие болота», и никакого деления на озера, пруды, топи. Видимо, некому было рисовать более подробную карту.

— Я не понимаю, — первым не выдержал стрелок. Но ему никто не ответил, Рион разводил костер, я стреноживала лошадей. — Не понимаю, кто их убил.

— Не кто, а что, — поправил ученик мага, но на этом его разговорчивость и закончилась.

— И что? Не проказа же. Видал я проказу, погана болезнь, скажу я вам, дядька Скорох кишки все выблева...

— Хватит, — рявкнула я. — Не проказа, ясно? Не знаю, что, но... ради Эола замолчи, Михей.

И он замолчал. Все замолчали, и когда кто-то открывал рот, чтобы задать вопрос и выпустить кота из мешка, остальные так смотрели на него... Я на Риона, маг на Михея, стрелок на мерина, и так по кругу.

Но долго так продолжаться не могло, это как завязывать дырочки на мешке с мукой, не успеешь залатать одну прореху, а уже сыплется из другой. Но что мы могли сказать? Сидеть и пугать друг друга предположениями? И оглядываться в страхе, боясь, того, что неведомая опасность последовала за нами, и поутру у костра останутся сидеть три трупа?

— Как все-таки они умер... — снова начал стрелок.

— Знать знаки мало, — перебил его сидящий на земле Рион. — Надо уметь их применять.

— Что? — не понял Михей. — Их убили магические знаки?

— Не знаю, — спокойно ответил маг,

— Но мы должны...

— Что? — скривилась я. — Поговорить о покойниках? Или то, как быстро их сожрут насекомые и звери?

— Раз едят, значит, дело не в болезни, лесные твари куда умнее людей, — покивал Михей. — Кто же их убил? Крестьян и целый разъезд при оружии?

— Не знаю, — повторил маг. — И вряд ли смогу узнать, даже для того, чтобы ты, наконец, заткнулся. — Стрелок отвернулся, а Рион продолжил: — Магические знаки — это не просто картинка...

— Хочешь провести урок? — нахмурилась я, не то чтобы у меня были возражения, просто все устали, и больше всего на свете хотелось лечь, закрыть глаза и не увидеть в этой тьме мертвецов.

— А ты предпочитаешь обсуждать с Михеем трупы? Только скажи, и я вас оставлю.

— Пока нарисуеть все твои знаки, без головы останешься, — буркнула я, отпивая из кружки травяной отвар, единственное против чего не протестовал желудок.

— Айка, ну какая же ты, — маг не сразу смог найти подходящих слов, — стервь.

— Точно, — поддакнул Михей, и тут же, словно это все объясняло, добавил: — Водянка.

Получилось излишне серьезно, оттого сильно походило на правду.

— Чертить на земле не надо. Рисуй здесь, — парень дотронулся рукой до собственного лба. — Рисуй энергией, — он протянул пальцы к костру. — Я не Дамир, лучше объяснить не сумею, просто попробуй, — парень посмотрел на Михея и исправился: — Попробуйте.

Можно было, конечно и не стараться. Заглянуть внутрь чужой головы маг не может. Но страх перед внутренним чудовищем ослаб, вернее, отодвинулся. Но стоило закрыть глаза, как из тьмы на меня смотрели мертвые глаза девочек. И мухи. Любая картинка лучше, чем это воспоминание, даже бесполезные магические завитушки.

Минут десять мы с Михеем мысленно очерчивали различные загогулины. У стрелка от усилий даже уши зашевелились, на лбу собрались морщины.

Костер по-прежнему горел, где-то пела птица. С появлением нескольких покойников мир не прекратил свое существование. На этот раз никаких рисунков на земле не было, поэтому я не знала, получалось у нас

что-нибудь или нет. Но по сгорбившимся плечам Риона, было видно, что нас постигла очередная неудача.

Перейти от теории к практике с первого раза не получалось. То ли учитель никуда не годится, то ли ученики бездари. Скорей всего, все вместе взятое.

***

Я услышала стон и открыла глаза. Вокруг была ночь, Михей спал по ту сторону костра, закутавшись в куртку с головой. Значит, дежурит Рион. Повернувшись, я увидела чаровника, который сидя в стороне, что-то чертил на земле. И как он видит хоть что-то?

Звук повторился. Маг поднял голову и прислушался. Не то хрип, не то скулеж. Парень поднялся, взглядываясь в темноту. И снова этот полный боли ночной стон. Рион вытащил из костра горящий сук, мимоходом пнув стрелка и указав тому на арбалет. Не задавая вопросов, Михей положил в ложе болт.

Когда мы успели стать командой, не нуждающейся в словах?

Я потянулась к клинку, не зная радоваться или огорчаться слаженности. Кто пришел по наши души? Или что? То, что убило тех людей? Или обычные волки? Последнее вряд ли лучше, но хотя бы понятнее.

Мы давно ждали какой-нибудь пакости, сперва от леса, теперь от болот. Ждали и дождались. Не знаю, как парням, а мне стало легче. Лучше уж до рези в глазах взглядываться в темноту, чувствуя рядом молчаливую поддержку, когда твое плечо касается плеча соратника, чем ждать неизвестно чего.

Очередной стон раздался со стороны редкой березовой рощи, что подходила к воде почти вплотную. Рион сделал несколько шагов к тонким едва белеющим стволам. Я замерла за его спиной, Михей поднял арбалет, прицеливаясь во тьму. Наверняка со стороны мы больше походили на пугливых мышей, чем на бойцов.

Прошло несколько минут, но ничего не произошло, никто не выскочил из кустов и не сказал: «Бууу». Застрекотала примолкшая цикада, ухнул филин, закрывающее месяц облако отошло в сторону, подгоняемое ветром. Лунный свет отразился от черной глади озера и...

Мы услышали стон, тонкий и болезненный, едва различимый на фоне привычных ночных звуков.

- Там, — прошептала я, взмахнув клинком, как дубиной.
— Идем проверять? — спросил Михей, не опуская арбалета.
— Надо, — ответил Рион.

Но, вопреки собственным словам, мы продолжали стоять на месте. Луна снова исчезла и снова появилась. Стон оборвался, где-то вдалеке затыкала лисица. Рассеянный свет тлеющей головешки в руках у чаровника разгонял мрак не дальше, чем на шаг.

— Это смешно, — фыркнул маг.

— Думаешь? — я подтолкнула его в спину, получила в ответ возмущенный взгляд, но своего добилась, парень медленно пошел вперед.

Роща была небольшая, редкие стволы, колышущиеся ветки. Листья, кажущиеся в темноте почти черными, шевелились от легкого ветра, высокая трава лънула к стволам. В темноте яркими каплями росы сверкнули глаза, и я вздрогнула, но змейка с едва слышным шуршанием уползла во мрак. Ныряющая в облака луна лишь добавляла трудностей, колышущиеся тени словно источали угрозу, и каждая могла превратиться в чудовище.

Звуки, так похожие на стоны, стали стихать. Мы вполне могли и дальше бродить в темноте и, в итоге, ничего не найти. Но нам повезло... или не повезло. Я до сих пор не поняла. Чаровник едва на него не наступил, но, услышав даже не стон, а болезненный вздох, парень вздрогнул, аккуратно коснулся чего-то клинком.

— Михей, поддержи, — попросил чаровник, протягивая стрелку тлеющую головешку, а сам опустился на колени.

Я заглянула через плечо мага и опустила клинок. В зарослях древесного зверобоя лежал мужчина. Высокий, широкоплечий и немислимо грязный. Рион положил руку незнакомцу на грудь, прислушиваясь к дыханию, и удовлетворенно кивнул, когда незнакомец снова едва различимо вздохнул. Маг похлопал по бледному лицу, но не добился даже стоны, голова незнакомца безвольно мотнулась в сторону.

— На нем такая же красная форма, как и на тех, — высказался наблюдательный стрелок, и неопределенно махнул рукой, но мы и не нуждались в пояснениях, трупы не имеют обыкновения так быстро стираться из памяти. А жаль.

— Надо отнести его к костру, — Рион приподнял незнакомца за руки, — Михей. — И стрелок, протянув головешку мне, взялся за ноги раненого.

Я могла бы сказать, что не в нашем положении ввязываться в новые трудности. Что еще недавно мы видели на воротах черно-белый флаг, что проказе плевать, маг ты или сиволапый крестьянин. Могла бы, но не

сказала. Бабушка не прошла бы мимо...

Пару раз чиркнув головой раненого по земле, парни притащили мужчину в лагерь и уложили на ковер из травы и листьев. Это лучшее, что мы могли предложить этой ночью кому бы то ни было.

— Язв нет, — задумчиво проговорил Рион, осматривая открытые участки кожи, я приподняла голову раненого, пытаюсь понять: кровь запеклась в волосах или просто грязь налипла.

— Вымой руки, — на всякий случай посоветовала я чаровнику. — Язвы появляются далеко не сразу.

Мужчина снова застонал, от неожиданности я разжала руки, и затылок раненого соприкоснулся с землей. Мужчина снова затих. Не очень повезло ему со спасителями.

— Ты можешь ему помочь? — спросил маг.

— Как? Перебинтовать раны? Так их, похоже, нет. Чем еще? Отвар сварю, — я посмотрела на торбу с травами. — Может, у него падучая...

— И у остальных отряда тоже, — вставил стрелок. — Просто этот бегаёт быстрее остальных.

— Хватит, — устало скомандовал маг и попросил: — Сделай, что сможешь.

— Сделаю.

Подбросив в еле тлеющий костер сучьев, чтобы согреть воду и умыться, я склонилась над раненым. Мужчина то ли спал, то ли впал в забытие, иногда хрипя и постанывая. Оторвав кусок от его алой рубашки, я протерла ему лицо, стирая грязь и испарину. Из-под серых разводов показалась смуглая кожа. Грубоватые черты лица, хищный нос, полные губы. словно Эол собирал лицо из слишком разных частей, а потом сам удивился, как органично получилось. Такое лицо не останется незамеченным ни в толпе, ни в пустыне.

Поспать в ту ночь удалось всего ничего. Рион прилег незадолго до рассвета, хмурый Михей до самого утра смотрел в одну точку, наверняка снова и снова рисовал знаки энергией, которой у него нет. Я напоила раненого и улеглась на траву, рассматривая ночное небо, густо покрытое яркой россыпью звезд, как лицо рыжего стрелка веснушками. Сон не шел.

— Ну что, красавчик, жить будешь? — тихо спросила я, непонятно у кого, и совсем не рассчитывая получить ответ.

— А есть сомнения?

Я повернула голову. Светло-серые, как туман, глаза смотрели на меня в упор.

«Опасность! Опасность!» — закричал кто-то внутри меня. Просто так,

без всякой причины. Словно я была кошкой, стоявшей напротив собаки, пес и не думал нападать, но шерсть уже стояла дыбом, а внутри все перевернулось от страха.

Он ранен и слаб, он ничего не может, — пыталась убедить я себя, но знала: передо мной настоящий хищник. Хватило одного взгляда, чтобы понять это.

То, что произошло далее, стало полной неожиданностью для нас обоих. Зверь, спавший внутри меня, поднял голову. Тот самый, что уже просыпался однажды. Он был большим и неповоротливым, он был таким же страшно переполняющим, как и прежде.

И я знала, что за этим последует, знала еще до того, как магия шевельнулась во мне. Я мысленно вцепилась в свое тело, не желая уступить ни мизинца контролю. Страх, что энергия разорвет изнутри, как старое севшее платье, действовал лучше всяких уговоров и уроков Риона.

Понимание того, что надо сделать, пришло внезапно. Надо избавиться от силы, слить излишки, как воду из переполненного котелка.

Разом вспомнились упражнения, вчерашняя неудача и рисунки знаков. Спираль накопителя... Как там сказал Рион, чертить надо не на земле, а в голове. Я представила серую ленту, что вплетала мне в косу бабушка, представила, как она — легкая и подвижная, движимая одним лишь ветром — взлетает и свивается в кольцо, снова и снова, как она свивается в спираль...

Напряжение внутри чуть ослабло, до прежнего контроля было еще далеко, но стало легче, на щепотку, но все-таки.

Зверь, шевелящийся внутри, смотрел моими глазами и видел то же, что и я. Он видел врага. Незнакомец уже не единственный хищник здесь. И он это понял. Светлые глаза мужчины распахнулись в немом удивлении.

Энергия, не остановившись, серой лентой скользнула вверх... Я судорожно вспоминала все знаки, что показывал нам Рион, перебирая их, как сухие лепестки мохогона. «Восходящая лестница» — усиление, «изогнутые петли» — гармония. Серая лента, живущая лишь в моем воображении, послушно повторяла каждый из них. Я почувствовала, как распрямляются плечи, как скрученные в узел внутренности отпускает напряжение.

И как назло Рион не показывал нам ничего опасного, ни одного «удара кувалды» или, на худой конец, «девичьей пощечины».

И тогда я просто стегнула мужчину этой лентой. Невидимой и неосязаемой, как пастух иногда стегают кнутом заартачившихся мулов. Только вместо того, чтобы отскочить, серая лента нырнула в грудь

раненому и... исчезла. Мужчина рыкнул, закатил глаза и снова потерял сознание.

Я уперлась руками в землю, резко села и несколько раз вдохнула и выдохнула. Глядя на поверженного врага, зверь во мне удовлетворенно фыркнул и лег обратно. А через миг, я снова ощущала тело как свое собственное.

— Все в порядке?

Подняв голову, я увидела — над нами стоит Михей, заряженный арбалет был направлен в голову незнакомцу.

— Вроде, — прошептала я, и уже уверенней добавила: — Со мной да, а вот...

Мы посмотрели на лежащего в беспмятстве мужчину.

— С почином, Айка! — раздался голос Риона, маг неторопливо поднялся, зевнул и натянул куртку. — То ли магию освоила, то ли человека угробила. Впрочем, одно другого не исключает, — он покачал головой. — Я его нести не собираюсь.

— Я тоже, — быстро добавил стрелок.

— Значит, придется остаться здесь, пока он не придет в себя, — подвел итог маг.

— Или не умрет, — Михей опустил оружие.

Тогда еще никто не рассматривал вариант, бросить раненого, кем бы он ни был.

***

Я все-таки уснула, а когда ближе к полудню проснулась, первым кого увидела, открыв глаза, это Михея, тщательно связывающего руки незнакомцу.

Красные цвета одежды мужчины поблекли, перемазанные землей, но отрицать, что нам уже встречались солдаты в такой форме, было бессмысленно. Мертвые солдаты.

Незнакомец на вид лет тридцати, высокий с коротко подстриженными русыми волосами. Узкое лицо с выступающими скулами, и выделяющимися на загорелой коже серо-голубыми глазами, которые совершенно не внушали вчерашнего суеверного ужаса. Обычный мужчина, в осанке видна военная выправка. Стоп. Он стоит? Накануне даже пошевелиться толком не мог...

— Что случилось? — хрипло спросила я.

— Смотри, — Михей развернул незнакомца ко мне спиной.

На алой куртке красовался черный щит с серым крестом в центре. Герб Вирийского княжества. Только эти ребята таскают на себе такие великолепные мишени.

— Айка, он вириец, — Рион обвиняюще указал пальцем, почему-то на меня.

— Эй, — сказала я, поднимаясь. — К его происхождению я ни сном, ни духом.

— Монна, — поприветствовал меня незнакомец, и стрелок ткнул его в спину, заставляя сделать два шага вперед. Надо полагать, разговаривать пленному запрещалось.

— Герб черный, — трагически возвестил Рион и, видя, что я не проявляю понимания, пояснил: — Цвет чернокнижников! Айка, да проснись ты! Вдруг это не воин, а маг? Или еще хуже — нежить, притвора? Они там, в Вирите, даже с демонами якшаются.

— И этот демон послушно дал себя связать двум мальчишкам? — усмехнулся пленник.

— Что он здесь делает? Шпионит? — не сдавался парень.

— Вы правы. Подсчитываю поголовье лягушек, а также урожайность папоротников и волчьего глаза, дабы вовремя отразить нападение, — от неприкрытой издевки в голосе незнакомца Рион покраснел.

А я отметила, что на вопрос пленник так и не ответил.

— Назовите себя, — попросила я вирийца, а чаровник скривился. Ну да, только мне и допрашивать пленных.

— Вит. К вашим услугам, монна.

— Кто такой? Откуда? Что здесь делаешь? — забросал его вопросами маг.

Вместо ответа Вит улыбнулся, хотя я не видела в происходящем ничего веселого.

— Тебе лучше ответить, — попросила я, — Мы можем сдать тебя властям, а можем прикопать вон под той березой.

— Все равно мне не поверите, так чего ж время терять? Закапывайте.

Михей демонстративно поднял арбалет. Это подействовало лучше.

— Я верховой^[29] пятого пограничного разъезда Великого княжества Вирийского, — вздохнув, заговорил пленник. — Что здесь делаю? Не знаю. Подняли по тревоге, велели сопровождать кудесника. Путь указывал он. Ехали, ехали и приехали. Вжикнуло, бумкнуло. Больше ничего не помню, очнулся здесь.

— Кудесника? — озадачился Михей.

— Чаровника, по-вашему.

— Ты что не видел, как границу пересекли? — фыркнул Рион.

— Видел. — Передернул плечам пленник. — Но с кудесником не поспоришь.

— Где ваш чернокнижник?

— Не знаю, он передо мной не отчитывается.

— Что вы намеревались...

Парни продолжали спрашивать, а пленник не уставал им отвечать, Рион с Михеем чесали затылки и снова задавали вопросы. А я сидела у костра и смотрела, как вириец отвечает, играя словами, как жонглер кеглями. Слушала, как он врет...

Взять хотя бы звание — верховой, а ведь мужчина, наверняка, из благородных. Это его «монна» слишком легко слетает с губ, без усилия и подобострастия торговцев, надеющихся всучить ненужный товар некрасивой девчонке. Учтивый, наверняка даже неосознанный, наклон головы. Как минимум — офицер, а не простой верховой. И еще, если «бумкнуло» там, где мы видели мертвый разъезд, то отсюда до того села полдня пути. Лихо он в беспамятстве пробежался, хотя конечно у страха глаза велики, неизвестно еще как бы я неслась, но помнить что-то об этой пробежке он должен, не настолько же он юродивый. И последнее, проезжал как-то через Солодки Тарийский разъезд, и я помню, как один из верховых скрутил сына кузнеца, когда тот пытался задираить служивых на глазах у Ксанки. Думаю, вирийский солдат враз надавал бы по башке и деревенскому увальню, и магу-недоучке, чтобы избавить их обоих от лишних мыслей. А этот дал себя скрутить.

Плюс вчерашний взгляд, при воспоминании о котором меня бросало в холод. Живот скрутило от нехороших предчувствий.

— Чего своих-то не прикопал? Бросил в поле зверью... — тихо спросила я.

Но вириец услышал, дернулся, глаза на секунду полыхнули ненавистью, хотя голос оставался спокойным.

— Думаете, они мертвы, монна? Или точно знаете?

Отвечать я не стала, да он и не ждал. Рион кивнул Михею, жестом прося присмотреть за пленным, а сам, схватив меня за руку, отвел в сторону.

— Мы не можем тащить его с собой, — категорично заявил парень, будто я настаивала на обратном.

— Отпусти. Такой не пропадет.

— Нельзя. Помнишь хутор? Что, если это не лепра, а магия? Что, если

это черно книжник?

— Своих положил? И теперь узнает, что один солдат жив, и пойдет за нами? По мне так звучит бредово, — я поежилась.

— В любом случае, влезать в вирийские разборки нам не стоит.

— Согласна. Что предлагаешь? Не убивать же его, — сказала я и поняла по лицу, что именно этого чаровник и хотел. — Тогда, чур, я закапываю.

— Ч-ч-чего? — не понял Рион.

— Ты ведь уже все решил. — Я улыбнулась. — Но зачем-то спрашиваешь моего мнения. Хочешь убить? Вперед. Михей сильный, он подержит. Ты голову отпилишь. А я закопаю. Все при деле. Черт, лопаты нет. Тогда труп утопим, озеро рядом, напихаем камней в куртку и на дно, заодно от крови отмоемся, знаешь, сколько ее будет, если горло перерезать?

Видимо он знал. Решение, прозвучавшее из чужих уст, не слишком понравилось парню, из возмущенно красного парень стал зеленым, плесень позавидует. Я выдернула локоть из его рук и пошла обратно к костру.

— Михей, развяжи его, — попросила я.

— А? — не понял стрелок.

Я посмотрела на молчаливого мужчину, достала клинок и сама разрешила путы. Хотя внутри все просто кричало о совершаемой ошибке, об опасности. И все же... Вербка упала в траву. Пленник повел плечами.

— Того, — исчерпывающе пояснила стрелку я.

— И куда его? — повернувшись к магу, спросил тот.

— Никуда. Пусть кудесника своего разыскивает или домой топает. Жаждались, поди, — через силу проговорил Рион.

Вит не сводил с меня насмешливых глаз.

— Уходи, — попросила я. — Пока тебя на постой к предкам не определили.

И бывший пленный выполнил мою просьбу, без единого вопроса направившись к лесу вдоль берега. Я смотрела вслед, пока вириец не скрылся из виду.

Глава 10. Обитатели лихих болот

Лихие места для лихих людей, так говаривали старики про эти места. Молва гласила, что топь — самый большой рассадник нежити и нечисти на всем континенте.

А нас весь день беспокоили лишь комары и запах. Насекомые,

размером с кулак, вились тучами и немилосердно кусались. Плотный болотный воздух с тяжелым запахом тухлых яиц казался осязаемым. Почва под ногами проминалась с чавкающим звуком.

Сухое место для ночлега нашли с трудом. Михей через каждую минуту поминал то Эола, то дасу, а то и вовсе вирийца, который умудрился нас сглазить. Рион попросил стрелка заткнуться, но, судя по выражению лица, был отчасти с ним согласен.

В эту ночь спали плохо, урывками, то и дело, открывая глаза. Нависающее над головой небо казалось таким далеким и таким близким. Россыпь звезд множеством немигающих глаз смотрела сверху. Я то проваливалась в липкую полудрему, то просыпалась, видя перед собой эти завораживающие в своей неподвижности небесные огни.

В очередной раз меня заставил вынырнуть из сна храп, кому-то из парней спалось совсем неплохо. Я поерзала, пытаюсь улечься поудобнее, но тяжелая рука тут же легла на плечо и придавила к земле, удерживая меня на месте.

— Не шевелись, — прошептал Рион, — эти твари реагируют на движение.

— Какие?

— Вараксы. Целая стая.

— Михей?

— Спит правее. Не успел его предупредить.

— Сколько до рассвета? — после некоторого раздумья спросила я.

— Часа два, может, чуть меньше.

Мы замолчали. Звук, который я приняла за храп, переместился левее. Это не храп. Рокочуще-урчащие и свистящие звуки издавали вараксы. Бабушка мне про них сказочку на ночь рассказывала, а вот самой с ними сталкиваться, еще не доводилось. До этого дня.

Опасная летающая нечисть, охотится стаяй, которая способна разорвать человека на куски за секунды. Вараксы плотоядны, реагируют только на движущуюся добычу, любым животным предпочитают людей, но когда выбирать не приходится — охотно жрут все. Будем надеяться, что стая, попавшаяся конкретно нам, не голодала в течение нескольких дней, а просто совершала облет территории, тогда у нас есть шанс не только выжить, но и сохранить изредка всхрапывающих лошадей. Чувствуя опасность, Облачко громко и тревожно заржала. Я стиснула зубы, мысленно умоляя кобылу успокоиться. Но, к сожалению, та не умела читать мысли, и снова фыркнула, рокот варакс стал ниже и насыщенней. Мы замерли, но пока Эол был на нашей стороне — лошади затихли.

Твари облепили деревья, и, заставляя ветки прогибаться, перелетали с одного на другое, шурша листвой и цепляясь коготками за узорчатую кору. То ли чувствовали близость людей, то ли сухое место среди топей приглянулось не нам одним, но улетать стая не спешила. Краем глаза я видела их подвижные тени, слышала хруст и рычание.

Полная неподвижность и невозможность что-то сделать тяготили. Урчание не смолкало, становясь то громче, то тише. Рион размеренно дышал рядом, его рука прижимала меня к земле, не давая шевельнуться. Лошади фыркали, но поводья пока не рвали.

Небо успело едва заметно посветлеть, когда стрелок положил конец томительному ожиданию. Возможно, его разбудил шум, а может, сказалась привычка просыпаться до рассвета и сменять на посту мага.

— Какого дасу? — буркнул парень, и сел.

— Не шевелись, — зашептал маг, но Михей не услышал, да и поздно уже было шептать.

Урчание стало угрожающе низким. Стая взлетела. Рион вскочил первым. Я перекадилась на бок, нащупывая рукоять клинка. Раздался глухой удар, а следом свистящее обиженное поскуливание. Первую же приблизившуюся тварь стрелок встретил кулаком.

Маг налетел на Михея и повалил обратно. В шаге от них копошилось отбитая стрелком тварь. И теперь не понимающий, что происходит, парень, никак не хотел успокаиваться, брыкался, стараясь оттолкнуть чаровника. На них спикировали еще два темных силуэта.

Я, наконец, смогла разглядеть эти создания. Небольшие, размером с кошку. Гибкие, тонкие, покрытые сморщенной черно-зеленой кожей. Крылья как у летучей мыши, когтистые лапы, вытянутая зубастая пасть и большие круглые глаза навывкате.

Диво, какие хорошенькие!

Первая варакса вцепилась Михею в голень, вторая упала на спину чаровнику и стала рвать когтями куртку. В воздухе закружились клочки ткани. Если доберется до плоти, и в воздухе разольется густой сладковатый запах крови, хищников будет уже не остановить.

Я вскочила, таиться все равно поздно, взмахнула клинком и сбросила урчащую нечисть от Риона. Наступила на крыло другой, заставляя отпустить ногу стрелка, и проткнула. Тварь заверещала, беспорядочно ударяя по земле крыльями, и спустя несколько мгновений обмякла. Я задрала голову к светлеющему небу.

Секунда промедления, наполненная полной тишиной, когда даже рычание тварей стихло. Тягучий миг неподвижности, а потом захлопали

крылья, много крыльев. Стая бросилась на добычу.

От первых двух я отмахнулась, сбив на подлете, но остальные... Я бросилась в сторону, вжимая голову в плечи. Тварей в стае много, а я у себя одна. Шелест крыльев за спиной заставил пригнуться, спикировавшая тварь промахнулась и разочарованно заурчала.

Нужно найти убежище, нору, укрытие, что угодно — на открытом месте они возьмут нас числом. Провалиться бы куда-нибудь! Стоило об этом подумать, как я ухнула по грудь в ледяную жижу, меч, тускло сверкнув в темноте, упал куда-то во тьму.

Поаккуратнее надо с желаниями!

Я рванулась в одну сторону, потом в другую, влажно чмокнувшая грязь крепко обхватывала тело, не собираясь отпустить. Мы на болоте, и я ухнула в один из бочагов, туда, где бесполезное барахтанье еще никому не приносило пользы. Но заставить себя не дергаться, когда погружаешься во влажную и податливую жижу, очень трудно.

Я заставила себя замереть на месте, стараясь найти зыбкую опору под ногами, и попыталась дотянуться до меча. Сверху спикировали сразу две твари, и я закрыла голову руками. Острые когти впились в запястья, расчерчивая кожу алыми, быстро наполняющимися выступающей кровью, порезами. Нечисть удовлетворенно заурчала. Другие вараксы ответили ей победными криками.

Отбиваясь, я с каждым рывком погружалась все глубже. Кисти уже были исполосованы вдоль и поперек, но я продолжала закрывать голову, несмотря на острую боль. Самое обидное то, что твердая земля — вот она — в двух шагах, и меч, до рукояти которого никак не получалось дотянуться.

Я закричала скорее от бессилия, чем от боли. В глаза ударил свет, на лице заплясали блики огня. Темная фигура взмахнула факелом, и часть тварей разлетелась, а часть осела на ближайшем дереве.

— Шевелись, — скомандовал Вит, протягивая руку, в которую я вцепилась, как староста Верей в грамоту, освобождавшую Солодки от налогов на год. Вириец одним рывком вытащил меня из топи.

Обошлись без глупых вопросов и объяснений. Мне не было дела до того, что солдат делает здесь и почему спасает незнакомую девку, вместо того, чтобы убежать, пока твари заняты более легкой добычей.

Мы, не сговариваясь, бросились обратно. Всего в десяти шагах шло сражение, хотя, «сражение» — это громко сказано. Рион беспорядочно размахивал клинком, а Михей за его спиной перезаряжал арбалет. Несколько крылатых изломанных тел валялось под ногами. Стрелок был

сегодня на удивление точен.

Преследовавшие нас с Витом твари с воодушевлением поприветствовали сородичей, что развлекали мага с Михеем. Солдат на ходу перекинул факел Риону, достал из-за пояса еще два и зажег от углей. Я выхватила первый и ткнула прямо в морду чересчур резвой твари.

В руке вирийца сверкнул нож, появлению которого я даже не успела удивиться. Парни же его обыскивали? Сейчас просто не до этого, сейчас надо выжить, и без разницы — чья рука или железо помогут это сделать.

Вараксы урчали в предвкушении нежданного ужина, рычали и нападали. По одной, по двое, и вот уже целый десяток тварей спикировал на Михея.

— Маг — правый фланг, увалень — левый, — четко скомандовал Вит. — Девчонка за спиной. Встали! И да помогут нам боги! Не дайте им прорваться, прорвется один, прорвутся все!

А дальше...

Мир сузился до пяди земли, на которой четыре человека пытались сохранить себе жизнь. Я отбила одну тварь, ткнула факелом другую, приняла на клинок третью, отбросила. Нож и факел мелькали в руках. Что-то ударило в спину, я упала, перекатилась, сбивая вцепившуюся в куртку тварь, и тут же вскочила на ноги, не давая еще одной вцепиться в стрелка.

Замах, удар, и огонь, раз за разом описывающий сияющую дугу. И так до бесконечности. Михей закричал, что кончились болты. Виериец перекинул ему свой факел и выхватил второй нож. И мы связывали этого солдата, действительно полагая себя хозяевами положения?

Со стоном упал Рион, варакса впиалась ему в бедро. Я бросила на него один взгляд, не больше, твари не давали ни мига передышки. Мы вместе, но каждый сам за себя. Либо парень встанет, либо умрет, помочь никто не успеет. Дыхание рывками вырывалось из груди, Михей хрипел, один Вит дрался молча и сосредоточено.

Маг смахнул факелом тварь с ноги и успел встать, прежде чем на него налетели еще три. Бой был долгим и каким-то обреченным. Место разрубленных и обожженных варакс тут же занимали другие. Всю стаю не одолеть, как ни вертись.

Все, что мы могли, это оттянуть неизбежное, пока не кончились силы... И пока не встало солнце. Пока ярко-оранжевый свет не проник между стволов оживляя наши лица и превращая кровь из черной в алую.

Вот одна варакса, попав в луч света, резко отпрянула в тень, за ней вторая... Ночные охотники не любили солнце.

Твари не были настолько голодны, чтобы проигнорировать свет

нарождающегося дня. Небо медленно краснело, и нечисть пошла на убыль. Мы не сразу это поняли, просто атаки становились реже и малочисленней, пока не прекратились вовсе. Пока в очередной раз развернувшись и замахнувшись погасшим факелом, я не поняла, что уже бить некого. Рион стоял на коленях, зажимая рассеченную голову. Михей сидел на земле, он, как и я, был не в силах осознать, что все закончилось. Вит смотрел вниз на изломанные тела тварей, грудь мужчины судорожно вздымалась, с ножа капала кровь.

Усталость навалилась разом, только что я еще могла стоять, а в следующую секунду легла на землю.

Что ж, первую ночь на Лихих болотах мы пережили.

***

Чужая рука потрясла меня за плечо. Боги, что еще произошло? Я закрыла глаза всего лишь на секунду.

— Вставай, надо уходить, — зудел голос над ухом, — Айка!

Я подавила возглас: «Так уходите!» и с трудом села. Исцарапанный Михей стоял рядом с лошадьми. Перевязанный Рион стоял, склонившись, и требовательно тряс меня за плечо. Вириец, не замечая враждебных взглядов парней, улыбался с противоположной стороны поляны. Хорошо, хоть на этот раз обошлось без связывания. Дохлые вараксы живописно украшали окружающую местность.

Судя по расположению солнца, я спала не больше пары часов. Встать удалось с трудом, руки казались тяжелыми, тело саднило и чесалось.

— Тебе бы умыться, — предложил Рион.

— Думаешь? — буркнула я, плеская в лицо водой из фляги.

Представляю, насколько все плохо: грязь, ветки и листья на одежде, кровь — своя и чужая, волосы, как пакля, глаза наверняка красные и мутные. Жаль, что вараксы непривередливые, внешний вид блюда их не заботит. Я вздохнула, отпила из фляги. От ледяной воды тут же свело зубы.

Уходили быстро, не тратя время на разговоры и объяснения. С заходом солнца стая вернется, все хотели к этому времени оказаться как можно подальше отсюда. Коней вели на поводу. Вит, не обремененный поклажей, передвигался быстрее всех, не застревая в кустах, не выбирая, куда поставить ногу. Как-то незаметно вириец оказался во главе нашего куцега отряда, выбирая путь, поворачивая по одному ему понятным ориентирам.

— С ним нужно что-то делать, — поравнявшись со мной, зашептал

маг.

— Зачем? — спросила я.

— Что значит, зачем? Он — враг.

— Чей?

— Наш! Всей Тарии.

— Мне он ничего плохого не сделал, — высказался шедший следом Михей.

— А зачем он с нами тащится, знаете? — съехидничал Рион. — Почему помог отбиться от стаи?

— Скорее, спас, — поправила я. — Нет, не знаем, но давай спросим? — переложив повод из одной руки в другую, я позвала: — Вит! Ты чего, как выражается мой друг, с нами тащишься? И почему помог этой ночью, а не ушел пока вараксы завтракали кем-то другим?

— Не имею склонности к самоубийству, — вириец обернулся. — Выжить в этих краях в одиночку сложно, если не сказать невозможно. Эта стая съест вас, а следующая — меня. Не могу все время спать вполглаза, никто не может, рано или поздно я закрою глаза, а открою уже в Дасуни, если будет, что открывать. Да и потом...

— Что? — я потянула Облачко за собой.

— Я много чего совершил в жизни, — голос Вита стал невеселым. — О чем не хочу вспоминать или хвастаться, вот только детей еще не бросал в чащобе.

— Детей? — дернулся Рион.

— Детей, — словно не замечая тона чаровника, подтвердил вириец. — И не надо мне рассказывать, какие вы все взрослые и самостоятельные. Были бы взрослыми — не бродили бы по гиблым местам во главе с «пустым» малолетним кудесником. И куда ваши учителя смотрят?

— Не твоего ума дела, вириец! — рявкнул Рион.

— Так я с вопросами и не лезу, — мужчина развел руками и пошел дальше. — Просто иду.

— Княжество в другой стороне, — Рион передал поводья мерина Михею и пошел вперед.

— Уверен? — Вит хохотнул.

— Да, — парень посмотрел на солнце. — Вирит восточнее.

— Дома-то, небось, по головке не погладят, — вставила я. — За смерть кудесника даже благородному придется отвечать.

— Каюсь, монна, — склонил голову Вит, отвечая сразу на оба вопроса.

— Ты даже не знаешь, куда мы идем, — злился Рион.

— Точно, — вириец картинно хлопнул себя по лбу. — Так, куда вы

идете?

— В Велиж, — не обращая внимания на мага, ответил Михей.

— Затеяливый избрали путь.

— Не мы, он нас, — я похлопала Облачко по морде.

— Можем дойти до Старого тракта, а там разойтись, — предложил стрелок.

— Меня это устраивает, — кивнул Вит.

— А меня нет, — высказался упрямый чаровник.

— Рион, в чем дело? — спросила я. — На самом деле, в чем?

— Дамир, поручил тебя мне. А рядом с этим, — парень указал на спину Вита, — мы все в опасности. Вы не знаете вирийцев! Они поклоняются богам смерти, их магия противна магической природе мира. Они — враги.

Слушая обличительную речь, Вит кивал, словно соглашаясь с каждым словом.

— Постой, ты взъелся на него из-за происхождения? — уточнила я. — И все? Будь он тарийцем, ты бы, мило улыбаясь, шел рядом?

— Он — вириец, — повторил Рион.

— А я кто? — нащупав медальон, я резким движением скинула цепочку. — Запомнювал? Много хорошего тебе сделала? Поплывать на землю не забыл? Камнями покидаться? А?

Я не видела, как Вит отреагировал на перемены в моем облике, а вот Рион побледнел.

— Айка, я вовсе не имел в виду... — забормотал он. — Ты — совсем другое дело.

— Неужели? — съехидничала я.

Рион выдохнул, сжал кулаки, и наконец, сказал правду:

— У меня в Пограничном гарнизоне вся семья погибла. Отец, мать и маленький брат. За две недели до штурма Дамир распознал во мне дар и увез в столицу. А они остались там. И умерли. Их вирийцы вырезали, такие как этот.

— Мне тогда лет семнадцать было, — Вит остановился и пристально посмотрел на чаровника. — В боях не участвовал, но даже будь это иначе... Думаешь, у простых солдат есть выбор? Приказ, есть приказ. Что у ваших, что у наших.

— Будь это иначе... — эхом проговорил Рион и отвернулся, за весь дневной переход не сказал больше ни слова.

Война — горька для всех. Закончилась она давно, а последствия вот они, до сих пор аукаются.

Наверное, это был самый тяжелый и выматывающий день. Темные стволы, выступающие из мягкой земли корни и безмолвное небо над головой. Шаг второй, третий... сотый. Фыркание мерина и успокаивающее бормотание стрелка. Молчание мага и целеустремленность Вита. Это я запомнила, а остальное... Однообразие губительно для памяти. Привалов не устраивали, обходились короткими передышками. Остановились, когда я стала подозревать, что ночной сон не входит в наши планы. Или в планы Вита.

В лунном свете топи выглядели жутко. Под ногами чавкала вода, не раз латаные сапоги промокли насквозь, заставляя ежиться от холода. Но я продолжала идти, зная, что меня ждут. И я была полна решимости явиться на встречу. Блеснула темная вода заросшего камышом пруда. Дорожка следов за спиной наполнялась водой. В голове вертелась сотня вопросов, из которых я никак не могла выбрать главный.

Где я? Что здесь делаю? Куда и зачем иду?

— Уверена, что хочешь знать? — спросил тихий насмешливый голос.

Я едва заметно вздрогнула и подняла голову от темной воды. Рядом с покачивающимися стеблями камыша стояла девушка. Ветра не было, но белый хитон незнакомки развевался. Ее отражение в воде, соприкасалось с моим.

Это сон? Мираж? Видение? Я была уверена, что не произносила вопросов вслух.

— Кто ты? — громко, просто чтобы услышать собственный голос, спросила я.

— А ты? — не вопрос, а легкое шелестение листьев.

Я? Кто я? Поразительно, но впервые, я не находила ответа на этот вопрос.

— Зачем меня звали?

— Ты сама хотела прийти.

Я встряхнулась, пытаюсь очнуться, пытаюсь понять, что произошло. Помню, влажный холодный вечер, помню усталость, и как Вит выбрал место для ночевки. За каким чертом меня понесло в топи? Помню туман в голове и настойчивое желание идти...

— Нет. Звали, — твердо сказала я.

— А ты способная, — незнакомка игриво подмигнула. — Сестрам понравится.

— Если тебе нечего сказать, то я, пожалуй, вернусь в лагерь, — непонятный разговор вызвал чувство тревоги. Сон это или нет, но задерживаться здесь не стоило.

— Ты не можешь. Ты наша. Я сама забрала тебя из колыбельки.

— Из какой колыбельки? — прохрипела я, замирая на месте.

Слова оцарапали горло. Голос сухой, словно песок, словно чужой.

— Не помню, — отмахнулась девушка. — Но это уже неважно. Скоро увидишь остальных сестер.

— Остальных? Каких остальных? — я в панике огляделась.

Где все? Где мои «остальные»? Михей, Рион, Вит... Слишком реален этот сон, в него так легко поверить. Особенно в слова о колыбельке.

— Я вернусь, и мы поговорим, — пообещала я.

Незнакомка засмеялась, тихо, почти шепотом.

— Ты не уйдешь. А поговорить? Конечно. У нас много времени.

«Нет! Торопись!» — закричало что-то внутри меня... кто-то внутри меня...

Я развернулась и побежала назад, по своим наполненным водой следам. Девушка осталась на берегу, не сделав ни шага, ни жеста, чтоб удержать. Тем лучше. Шаг, второй, я повернула и... Снова выбежала к заросшему пруду. Незнакомка улыбнулась и покачала головой. Черт, как меня угораздило? Я развернулась и снова побежала.

Миновала замшелый пенек, перепрыгнула поваленную березу, зацепилась за ветку и упала прямо в липкую податливую грязь. Встала, разбрызгивая воду, и побежала опять, огибая большую лужу по краю и путаясь в цепляющейся за ноги траве. Я замерла... Это не лужа, это пруд, где терпеливо ждала странная девушка.

— Выпусти меня! — закричала я. Но она молчала.

И я снова бросилась в сторону. Третья попытка на грани отчаяния. Ледяная вода, брызги, пенек, поваленный ствол и... озеро.

— Отпусти!

Острые отравленные коготки паники пробежались по спине и впились в затылок. Время на исходе — я откуда-то это знала. Так же, как и то, что это сон. Видение, что реальнее любой химеры. Не уйду сейчас — останусь навсегда. И тогда времени для разговоров у нас будет с избытком. Торопись! Не слово, не мысль, а просто ощущение. Чувство, что ты безнадежно опаздываешь. Не успеваешь вернуться. К Михею, Риону, Виту... Туда, где меня ждут. В мой мир!

«Возвращайся! И увидишь, как хорош этот мир без магии», — вспомнила я слова Дамира и остановилась.

Это магия! Бежать бесполезно. Я должна сбросить с себя колдовство и вернуться. Не по следам, как раньше, а на самом деле. Стоп. Какие следы? Я же их не оставляю. Да, если ступить в грязь — останется отпечаток, если

упасть — трава примнется, а не пройдет сквозь меня, но... не истечет и минута, как трава распрямляется, грязь выравнивается, пыль взлетает и опадает на землю.

Все вокруг ненастоящее! И озеро, и камыши, и незнакомка — все морок?

— Ты можешь стать одной из нас, — прошипела почти в самое ухо незнакомка.

От неожиданности я открыла глаза. Передо мной стояла совсем не девушка. Передо мной стояла старуха. Куда подевались ее спокойствие и молодость? Лицо перекошено, кожа сморщилась и постарела, повиснув отвратительными складками, волосы поредели, веки запали и покраснели. Карга в рваном хитоне с когтистыми скрюченными лапами вместо рук. Я перестала видеть этот сон таким, каким она хотела его показать. Перестала верить в него. И все изменилось. Даже она сама. В своем мире она молода и красива, а в реальном... Старуха улыбнулась остатками зубов. Я отшатнулась, и упала бы, но карга вцепилась в руку повыше локтя, стараясь удержать на месте.

— Ты можешь стать одной из нас, — отрывисто, выделяя каждое слово, повторила она. — Стать такой же... какой захочешь...

— Спасибо, — ответила я, стараясь стряхнуть ладонь с шишковатыми пальцами. — С моим лицом не все так плохо. Вернее, очень на это надеюсь.

На ощупь ее кожа походила на чешую дохлой рыбы.

— Нет! — почти беззвучно выкрикнула она.

— Ничего этого нет. Морок. Химера, — скорее для себя, чем для нее, сказала я

И сделала первый шаг. Старуха заскрежетала, словно кто-то провел железкой по выщербленному точильному камню.

— Морок, — повторила я и сделала еще один шаг назад. И еще один. И еще...

Кто-то вдруг обхватил за плечи и дернул в сторону. Мир завертелся, я закричала и поняла, что падаю, не понимая, где земля, а где небо? Упала на сухую траву, больно ударилась плечом и, шумно выдохнув, открыла глаза, больше всего на свете боясь увидеть над собой лицо старухи.

Изо рта вырвалось теплое облачко пара.

Надо мной склонилась размытая тень. Я заморгала и узнала в темном силуэте Риона. Кажется, парень что-то говорил, чужой рот открылся и закрылся. В ушах гудело, не получалось разобрать ни слова. Мага сменил Михей, но потом исчез и он. Появился Вит, несколько мгновений он

смотрел, как я пытаюсь отдышаться, а потом стал склоняться... все ближе и ближе. О, Эол! Что ему надо?

Где я была? Что со мной сделали? Почему руки такие тяжелые?

Тело было чужим, но не таким, как после занятий магией, чужак, живший внутри меня, на этот раз не присвоил его себе. Тело просто не слушалось. Я напоминала куклу, что таскала в руках Леська, хвастаясь всем и каждому ее фарфоровым, а не тряпичным, по обыкновению, лицом. Я не могла пошевелиться...

А где-то рядом смеялась старуха. Смеялась и торжествовала:

«Они вытащили твое тело. И только тело! — скрежетала она. — А разумом ты останешься здесь навсегда! Навсегда! Навсег...

— Давай, — прошептал вириец, но я скорее угадала по губам, чем услышала. — Быстрее!

Ему легко что-то требовать, в то время как я не могла даже поднять головы. Чернокнижник склонялся, даже сквозь одежду я почувствовала подрагивающую ладонь у себя на животе. Чужая рука легла чуть выше пупка. Мужская рука, горячая рука. Еще никто и никогда не дотрагивался до меня так. Идущее от его прикосновения тепло разрасталось и разрасталось, почти обжигая, опаливая ткань и кожу.

И я вдруг услышала урчание, отдаленное, едва уловимое, и оно исходило от... меня. От зверя, что жил внутри. Ему нравилась эта ласка, словно его потрепали за ухом, как домашнюю животину.

Вириец продолжал что-то говорить, но я уже не разбираю, что. Я лишь чувствовала, как внутри меня поднимается горячая волна. Как она плещется, словно молоко в крынке — как движется, как готовится, зреет... Тепло переросло в стремительную волну жара, прошедшую по мне от макушки до кончиков пальцев. Что-то выплеснулось из меня, перетекло к Виту, как вода из одной чашки в другую.

И это было хорошо! Даже слишком. Никогда не испытывала ничего подобного. И не знаю, хотела бы повторить.

Голос старухи затих. А потом, меня укрыла тьма, и в этой тьме зверь внутри меня продолжал урчать от удовольствия.

***

Первое, что я почувствовала после пробуждения — это необъяснимая легкость. Так бывает, когда хорошо выспишься и не ждешь от нового дня никакой пакости. Кажется, мне снилось что-то хорошее, но это совсем не

отложилось в памяти.

А на болоте не так уж и плохо. К запаху притерпелись, от насекомых отмахивались. Цель нашего путешествия близка. Что еще нужно?

Я потянулась и села. За спиной еле тлели угли костра, воздух был подернут тонкой молочной дымкой поднявшегося тумана, но она уже исчезала, испуганная первыми тусклыми лучами солнца. Ну, чем не идеальное начало, идеального дня?

Стоп. Что за странная радость? Будто папочку-мага нашла — не больше, не меньше.

Стоило подумать об этом, как щекочущее настроение веселья и легкость стали пропадать. Я огляделась, парни бессовестно дрыхли, даже не выставив часового. Хотя, почему не выставив? Вита нигде не видно. Ушел? Услышал что-то подозрительное и обходит лагерь? В любом случае, так беззаботно дрыхнуть — верный путь на тот свет. Натягивая куртку, я обратила внимание на одежду. Где меня угораздило так вывозиться? Сапоги и штаны прямо пропитаны грязью.

Ключей вокруг лагеря было не счесть, здесь брала начало Лунеча, просто надо очень внимательно смотреть под ноги, чтобы не свалиться в очередной бочаг. Я встала, подхватила куртку, отошла на десяток локтей, присела и стала замывать одежду водой из мелкого ручья.

— Думал, после вчерашнего у тебя хватит ума не бродить в одиночестве, — раздался тихий голос.

Руки дрогнули, куртка упала в воду. Я подняла голову, на меня смотрел вириец. Эол, он ходит, словно охотящийся на мышей кот, мягко и бесшумно.

— Ты не помнишь, — констатировал Вит, в его глазах мелькнуло разочарование.

Мне стало неудобно, хотя я не особо понимала с чего. От его слов? Или от пристального немигающего взгляда? Чего солдат ждет? Чего хочет? Что я должна помнить? Разве что-то случилось...

Мелькнуло обрывочное воспоминание о незнакомке в хитоне, о беге, об озере. Где я бродила? Где так вымазалась? Сон? Или... Я задрала рукав и судорожно выдохнула. У локтя красовался лиловый синяк, очень напоминающий отпечаток ладони. По позвоночнику пополз холод.

А сон ли?

— Что это было? — тихо спросила я.

— Ты мне скажи, — так же тихо ответил мужчина.

Я вспомнила все: и бег, и старуху, вцепившуюся в руку, и Вита. Как он склонялся, как положил горячую ладонь на живот. Я торопливо задрала

рубашку. Кожа была ровной и без каких-либо отметин. Но удовольствие, что я испытала от прикосновения, эхо того самого чувства горячей волной прокатилось по телу. Как я вообще могла хоть на минуту забыть об этом?

— Ты вытащил меня из сна.

— Из мира мертвых.

— Что? Откуда...? Кто ты на самом деле?

— Ты знаешь, монна. С самого начала знаешь.

Его взгляд... он снова изменился, стал острее. Я уже видела его таким, в тот день, когда мы нашли солдата. Нашли полумертвого, а он вопреки всему очнулся.

— Ты не потерял кудесника. — Я стала отползать назад, больше не заботясь о чистоте одежды. — Ты и есть кудесник.

Он молчал, не соглашаясь и не отрицая.

— Из того разезда вирийцев мог выжить только маг, а не обычный верховой. — Укрытые ледяной водой камешки на дне ключа расцарапали ладони.

Вит моргнул, и его темные зрачки медленно сузились, вытягиваясь, как у змеи.

— Эй, — раздался недоуменный голос Михея: — Эй, вы где?

Я дернулась, вскочила, думая только о том, как бы сбежать. Вириец оказался рядом в один удар сердца, перехватил меня поперек туловища и, прижав к себе, зажал рот. Я замычала...

— Эй, — снова позвал стрелок: — Эй! Где все?

— Тихо, монна, — прошептал Вит. — Они ведь сразу бросятся в бой, не думая и не рассуждая, просто от страха.

Я замотала головой, его руки пахли пеплом и болотной тиной.

— Скорей всего, они просто не оставят мне выбора. Я не люблю, когда в меня тыкают острыми железками. Один раз я дал себя связать, больше этого не повторится. Слышишь? — он коснулся щекой моего уха. — А теперь, я отпущу тебя, монна, и можешь кричать.

Теплая ладонь медленно разжалась. Я выдохнула, рванулась в сторону, и он тут же опустил вторую руку, показав, что не намерен удерживать... Я остановилась в трех шагах и оглянулась. Вириец был спокоен и собран, вот только зрачки в его глазах все еще оставались узкими, как у зверя.

— Ты... ты чернокнижник! — выдохнула я, едва не сорвавшись в крик, который он так ждал.

— И что? Теперь ты судишь людей по внешнему виду, а не по поступкам? Прошло всего несколько часов, а какие перемены, монна, — он говорил насмешливо, но в воздухе словно разливалось напряжение,

напряжение от каждого произнесенного слова.

— Но там... — я дернула головой, — когда вараксы напали... когда мы... ты же...

— Когда мы все едва не сдохли?

— Айка! — на этот раз меня позвал Рион.

— Тогда, монна, я был на нуле. То, что убило моих людей,— он прищурился, — сильно ударило и по мне. Я был не готов и выставил щиты, вместо того, чтобы использовать... — вздохнув, вириец махнул рукой. — А неважно, все равно не поймешь. Когда напали вараксы, я всего лишь сделал так, чтобы факелы не гасли. Но ведь ты не заметила? Никто не заметил, что пламя ни разу не сбилось, не так ли? — он посмотрел в сторону лагеря и крикнул: — Мы здесь!

Затрещали кусты. Я выпрямилась, оглядела прогалину, ручей под ногами, свою грязную одежду, и уже открыла рот... Один крик, всего один.

— На двоих мальчишек меня хватит, поверь, — прошептал Вит. — И даже на двоих с половиной, — он смотрел на меня своими глазами с узкими зрачками, а я подумала, что сейчас самое время внутреннему зверю выйти, оскалить клыки и...

Что «и» я не знала и сама.

— А что дальше? — тихо спросила я.

— Дойдем до Велижа и разойдемся навсегда. Слово мага. Им не обязательно знать обо мне, а тебе не обязательно будет вспоминать о странном вирийском солдате.

— Что вы тут делаете? — спросил первым вывалившийся к ручью Рион. — Черт, Айка, один раз уже прогулялась?

— Я...

— Монна? — зрачки вирийца расширились, приобретая почти нормальную форму, правая рука, словно невзначай, стала подниматься.

Он мог, как стукнуть, так и погладить парня по голове. Думаю, последнее напугало бы Риона куда сильнее, чем удар. Следом за учеником мага из кустов вышел взъерошенный Михей, с арбалетом в руках. С опущенным к земле и незаряженным арбалетом.

— Меня зовут Айка, — я посмотрела на Вита. — Запомни, пожалуйста, если хочешь идти с нами.

— Постараюсь, — губы мужчины дрогнули, поднявшаяся ладонь зарылась в волосы.

Рион перевел взгляд с меня на вирийца:

— Все в порядке? Он ничего не сделал?

— Нет, — буркнула я, разворачиваясь и перешагивая ручей, — еще

один волнующийся по поводу моих прогулок.

Костер потух, еловые лапы отсырели, свет солнца казался мне неуютным. Какая-то пичуга прерывисто запела в кронах деревьев и тут же замолкла. Тревога въедалась в меня, словно ржавчина в железо. Я не знала, что делать, не знала, как поступить. Не знала вообще ничего. Может, Рион прав насчет вирийцев? А может, все остальные правы насчет меня? Я тряхнула головой, отгоняя непрошенные мысли. Мне совсем не понравилось то, что вириец-чернокнижник заставил меня хранить свою тайну. Не нравилась недогадливость мальчишек. Не нравились странные сны...

В раздражении я отбросила куртку. А ведь Вит так и не сказал, что именно произошло, и как он вытащил меня из... Мира мертвых? Я потрясла головой, неправда. Не может быть правдой.

— Рион, — спросила я, раздувающего угли мага, — Что случилось ночью?

Парень передернул плечами, оглянулся на седлающего лошадей Михея, посмотрел на Вита, волокущего под деревья лежанки из лапника. Посмотрел и замялся, а потом вместо ответа спросил:

— Ты ему доверяешь? По-настоящему? — он посмотрел мне в глаза. — Так, чтобы повернуться спиной?

Не нужно было пояснять, о ком он. Рион был молод, но он не был дураком.

— Нет, — ответила я правду. — Но предпочитаю иметь за спиной его, а не вараксу.

Где-то в ветвях снова запела пичуга, на этот раз отрывисто трескуче, словно сорвавшая голос кликуша. Мы с парнем посмотрели на солдата, Вит медленно выпрямился. В голову пришла странная мысль, что не просто почувствовал наши взгляды, а слышал каждое слово тихого разговора. Чернокнижник, которым пугают в Тарии непослушных детей. Черный маг, порченная кровь... Да мало ли еще ругательств.

— Дежурил я, — Рион снова посмотрел на костер и стал рассказывать. — Предыдущей ночью почти не спали, я и задремал. Проснулся от голоса, булькающего такого. «Слышь» — говорит, — Чаровник, ты б за девчонкой своей приглядел. Не ровен час, сгинет, нас виноватить будешь». Я головой повертел — никого. Чудеса! Даже подумал, что приснилось. Встал, смотрю, а тебя нет. Растолкал остальных. Искали, звали, ты как в Дасунь провалилась. Вит услышал что-то и побежал. Мы за ним. А там... Ты, не ты, а размытый силуэт, словно призрак, — парень снова передернул плечами. — Мы не могли тебя даже коснуться, руки проходили насквозь. Я испугался до чертиков, думал — все, конец. Вириец все пытался тебя

схватить, размахивал руками. Я глазам не поверил, когда у него получилось. — Рион поднял голову и спросил. — А что видела ты?

— Я? Сон. Всего лишь сон.

— Да?

— Нет, — ответил ему неслышно подошедший Вит. — Не сон. Я такое уже видел, когда с кудесником ездил. Один раз.

— И как?

— Незабываемо, — усмехнулся вириец. — Даже тела не нашли. Кудесник потом сказал, что того песняра^[30] на глубину утянуло.

— В трясину?

— Глубину имеет не только болото, ее имеют и сны, и разум, и даже миры.

— Да ты мыслитель, — съехидничал парень.

— Куда уж мне, за кудесником повторяю, — поднял руки вириец, этот жест показался мне донельзя фальшивым.

— Мир мертвых, — вспомнила я слова солдата, а Михей чуть не выронил арбалет. — Откуда здесь мир мертвых?

— А он, монна, всюду, — развел руками мужчина. — Люди умирают везде, и отовсюду можно перейти на ту сторону. Вас пытались утащить.

— Голос в ночи, — не обращая внимания на Вита, стал рассуждать парень. — Скорей всего, болотник обыкновенный.

— Жуть — высказался Михей, закидывая арбалет за спину. — Такого страху натерпелись.

— Да? — удивилась я. — Никогда не слышала, что бы нежить людям помогала, даже притворная^[31].

— Они и не помогают, просто богинок ненавидят сильнее, чем людей, — вириец пристально посмотрел на меня.

— Богинок? — нахмурилась я.

— Меня мамка в детстве всегда страдала, — вставил, подошедший стрелок — заберут, мол, тебя богинки, «подменьша» подкинут, и будет у нее послушный сын, вместо шалолая.

— Всегда думала, это бабушкины сказки. Не рассказы о нечисти, а именно выдумки, — я посмотрела на парней. — Вы уверены?

— А что видела ты? — Вит почти в точности повторил вопрос Риона.

Я вздохнула и стала рассказывать, запинаясь, иногда давясь словами и беря паузы, а иногда торопливо перескакивая с одного на другое или возвращаясь к началу. Я до сих пор считала, что это сон, странный, запоминающийся, но не настоящий. Если бы не грязь на одежде, и не

отпечаток на коже...

Ночь, наполненные водой следы, качающийся камыш, и девушка в белом хитоне.

«Я сама забрала тебя из колыбельки», — вспомнила я слова старухи.

— Точно они, — когда я закончила, проговорил Рион. — Они воруют детей и меняют облик с девушки на старуху, но... их же всех вывели? Еще лет сто назад...

— Не сто, а всего двадцать, — поправил его солдат.

— Тебе-то откуда знать? — возмутился чаровник. — Мне учитель рассказывал.

— Ну, если учитель, — усмехнулся Вит.

— Но ты говорил про мир мертвых... — не поняла я.

— Говорил, монна. Богинки — это нежить, вон, ваш кудесник подтвердит, — вириец посмотрел на Риона и тот, словно забывшись, кивнул. — Нежить хоть и притворяется человеком, но не живет, как вы сами догадались, во всяком случае, не здесь. Поэтому — да, они пытались утащить вас в неживой, — Вит выделил голосом слово, — мир. Мир мертвых.

— Богинки, так богинки, — пожал плечами более практичный Михей. — И что теперь? Уходим? Или останемся выслеживать эту притвору?

— А это — уж как ваш кудесник решит, — иронично ответил Вит, вроде желая польстить, а не поиздеваться, но получилось наоборот.

— Хватит из меня эдакого дурачка делать, — буркнул Рион, — Я не обязан за каждой темной тварью по Тарии бегать. — Он опустил плечи и добавил: — По крайней мере, пока не стану действительным. Уходим.

Вит скупно улыбнулся и резким движением выплеснул на угли котелок с водой.

Зашипело, к небу взметнулся столб пара. Рион поднялся и, схватив меня за руку, как раз в том же месте, где и старуха, уже спокойнее добавил:

— Я испугался. И не за силу. За тебя. Утром открыл глаза, а тебя снова нет. Чуть мозги набекрень не съехали.

— С нашим везением, ждать этого недолго, — пробормотала я, освобождаясь.

Сейчас Рион искренне верил в свои слова, хотя еще несколько дней назад, наверное, прыгал бы от радости. Каждому есть, что скрывать и на что надеяться. Подгоняемые нехорошими предчувствиями, мы взяли направление на восток, уходя прочь от Лихих болот.

Глава 11. Суд семерых приговорил...

На старый тракт мы встали после полудня, оставляя за спиной многочисленные ключи. С каждым шагом дорога становилась все суше и тверже. К вечеру деревья расступились и на горизонте показались далекие стены Велижа. Мы прошли насквозь Багряный лес и вышли живыми с Лихих болот. Справедливости ради надо сказать, всего лишь задев гиблые места краем, но все-таки. Дамир оказался прав, мы дошли

Какой прием нам окажут в городе магов? Даже не нам, а мне. Планы планами, но реальность вот она, уже на пороге, скоро мне придется встретиться с самыми именитыми чаровниками Тарии.

— Видели бы вы Велиж весной, — рассказывал Рион. — Когда цветут сады, а лепестки падают в прозрачную воду прудов. Знаете сколько там прудов?

Мы не знали. Михей шел так, словно к каждой его ноге было привязано по чугунку, как у каторжника. Мы приближались к обители магов, и надежда стрелка, тщательно спрятанная от самого себя, но не от остальных, снова ожила. Даже не надежда, а страх. Если здесь ему дадут от ворот поворот, о магии парню придется забыть навсегда. Последняя мечта, полупрозрачная и хрупкая, как снежинка.

Нечего было Михею тащиться с нами, останься парень в Хотьках, всю жизнь бы надеялся. И сожалел, что не попробовал.

— А источник! Это не описать, это надо увидеть! — продолжал рассказывать Рион.

Вит хмыкнул, и ученик мага, покосившись на солдата, спросил:

— А тебе не пора домой? — парень взмахнул рукой, указывая на запад.

— Зайду в город, куплю припасов.

— Совсем головушкой слаб стал?

— А что такого? — Вит избегал моего взгляда. — Думаешь, ты один бывал в Велиже? Не настолько же ты наивный. Наши регулярно навещаются, как и ваши в Вирит.

— И у них тоже висят мишени на спине? — спросила я. — Или форму они все-таки снимают?

Вириец дернул головой, видимо это стоило понимать, как «да». Или не понимать никак. А ведь он сам шел в ловушку. Сам. Там, за стенами города мне будет достаточно закричать и указать пальцем. И чернокнижника скрутят, а потом... А потом уже будет не мое дело. Так почему, мне не

нравится даже представлять такой исход?

— И откуда у тебя деньги? — поинтересовался Рион, но и этот вопрос был проигнорирован.

— Дорога, кажется, огибает город с запада и уходит к востоку? — спросил, наконец, солдат, посмотрев на далекие белые стены.

— Да, — кивнул ученик мага.

— Значит, я пойду дальше.

— Мудрое решение, но куртку я бы все-таки снял, — дал совет маг.

Михей вздохнул. Я почувствовала, как и мои ноги наливаются тяжестью, а дыхание становится частым. Мои надежды тоже можно легко разрушить. И не только их.

***

Первый конный разъезд проскакал мимо в направлении города, солдаты даже не оглянулись на четверых путников.

Командир второго отряда отстал от своих и несколько минут разглядывал нас, почему-то сосредоточившись взглядом на Михеевом арбалете. Но не успел Рион открыть рот, как верховой в серо-черной форме цветов Тарии прищепил коня и скрылся в клубах сухой пыли. На третий разъезд не отреагировал даже вириец. Зато четвертый отреагировал на нас.

Я раз, наверное, в десятый проигрывала в голове то, что может ждать меня за стенами города. Радужные картинки сменялись траурными, где фигурировала виселица.

Топот копыт сменился лошадиным хрипом, скрипом упряжи и шелестом обнажаемого оружия. В отличие от предыдущих четвертый разъезд не возвращался в Велиж, а выехал из его ворот несколькими минутами ранее.

Мирные намерения солдат выдавал холодный блеск обнаженного оружия. Два заряженных арбалета, один из верховых многозначительно покачивал пикой. Остальные вояки разной степени небритости и немытости обнажили мечи. Но, слава Эолу, не торопясь проверить остроту лезвий на путниках.

Тогда я еще лелеяла надежду, что им просто не понравился щеголявший черным крестом во всю спину Вит, но ошиблась. Как же я ошиблась. Не в первый раз, и наверняка не в последний. При виде вирийца солдаты поморщились, один из них ткнул Вита пяткой копья в плечо.

— Эй, — закричал почему-то Михей.

— Айка Озерная? — сурово осведомился солдат с усами и круглыми нашивками на груди.

Интересно... Я никогда не представлялась родовым именем, потому что обязана им не родителям, а односельчанам. И кто усатого дядечку осведомил?

Лысый солдат красноречиво сплюнул, его каурый жеребец преступал с ноги на ногу.

— Добрый день, Я Рион из Подгорицы, ученик Дамира Действительного Выш...

— Да знаем мы, кто ты, — хохотнул солдат с арбалетом. — Охолопись, не за тобой приехали.

— Вы... — снова начал он.

— Заткнись, — рявкнул старший и повторил. — Ты Айка Озерная?

Какой ответ он хотел услышать? Отрицать и ткнуть пальцем в любого из парней, переложив нелегкое бремя имени на их широкие плечи? Так вряд ли мне поверят. Покачать головой и представиться Ксанкой? Почему нет, но...

— Айка Озерная, за государственную измену...

Они уже знали, кто я. Знали, за кем ехали. Я видела это знание в их глазах, в руках стискивающих рукояти мечей.

— Шпионаж и убийство чаровника...

Скорее Вит стал для них неожиданностью, чем не очень чистая девка, путешествующая в компании двух, вернее, трех парней.

— Вы заключаетесь под стражу по распоряжению высокого Гуара Действительного Велижа, — с чувством закончил усатый, не дожидаясь моего ответа.

Рот я все-таки раскрыла и неприлично широко. Когда ж я все это успела? Они мне льстят, ей-богу.

— А если, это не она? — неожиданно для всех сказал Вит.

— Там разберутся, вириец, — снова влез парень с арбалетом, направляя оружие на стоящего рядом со мной мужчину.

— Я ничего не понял, — проговорил Михей, но слава Эолу, не пытаюсь выстрелить.

— Так даже лучше, парень, — хохотнул лысый с пикой. — Меньше знаешь, крепче спишь.

— Свер, Ирин, — скомандовал усатый, двое верховых спешили.

— Эй, — протестующее закричал Рион, но его всего лишь оттолкнули в сторону. Солдат с пшеничными волосами забрал мой меч, второй со шрамом на щеке стал деловито обыскивать Вита и ничего не нашел, словно

ножи нам той ночью привиделись.

— Вы не поняли она не... — предпринял еще одну попытку Рион.

Солдат со шрамом развернулся, выдернул у парня меч и ударил в лицо, наглядно объясняя, что сейчас тому лучше не открывать рот. Рион едва не упал. На пыльную дорогу закапала кровь. Усатый кивнул на арбалет Михея, и игрушка быстро сменила хозяина. Никто не станет оставлять пусть даже слабому противнику оружие, способное выстрелить в спину. Стрелок благоразумно промолчал, ограничившись недовольной гримасой.

Светловолосый детина сперва мне туго стянул руки, потом вирийцу. А затем, нам, как особо опасным преступникам, даже предоставили лошадей. Наших же.

— Давайте, полезайте уже, — подгонял светловолосый, помогая мне взобраться на Облачко, Вит смог сесть на мерина самостоятельно. — Я до темноты хочу еще в таверну заглянуть, горло промочить. — Он похлопал кобылу по шее, привязал поводья к седлу пегого жеребца.

— Уповайте на милость суда семерых, — сказал усатый командир, пришпоривая коня.

Я едва не свалилась, в испуге помянув Эола и дасу, с трудом цепляясь связанными руками за край седла. И оглянулась...

Михей и Рион остались стоять на дороге. В них опасных преступников, думающих нанести непоправимый вред короне, не признали.

— Айка, — растеряно прокричал чаровник вслед, — Держись, я... сделаю... помогу... потом... мы... — ветер уносил его слова к лесу. Я смотрела, как шевелились губы, пока худая и высокая фигура не пропала в поднятых лошадиными копытами клубах пыли. А потом повернулась вперед, к приближающимся белым стенам.

***

Что может быть хуже, чем явиться в Велиж под конвоем и без чаровника, у которого «украли» силу? Разве что постучаться в городские ворота с топором наперевес и головой мага подмышкой. Теперь мне никакое покаяние не поможет. Даже слушать не будут. Вит, поймав мой взгляд, лениво улыбнулся. Вышло страшновато.

Интересно его казнят первым, как шпиона, или пропустят даму вперед? Солдаты ускорили темп, мерин заржал, вириец глухо рассмеялся, заставив верхового со шрамом обернуться. Куда уж веселее. Это он еще про

мою печать смерти не знает. Или знает? Чернокнижник, все-таки.

Странно, но сейчас в этот момент, хотелось, чтобы знал. Хотелось с кем-то разделить тайну. Глупое желание. Из таких моментов, когда язык не держится за зубами, обычно получается, демон знает что, и в лучшем случае заканчивается сожалением.

До Велижа добрались быстро, я даже не все казни успела перебрать, дойдя лишь до четвергования. Стены города — высокие, грязно-белые, добротные. У распахнутых ворот несли службу заметно подтянувшиеся при нашем появлении стражники. Усатый с нашивками что-то прокричал, и решетка со скрипом поползла вверх. Насмешка судьбы — так стремиться сюда, и в итоге быть любезно доставленной со связанными руками.

Магический Велиж, Великий источник, Северная столица, город магов — сколько громких названий, а на деле — город как город, на Очупки похож, куда бабушка ездила на ярмарку зелья продавать. Хотя больше, конечно. Улицы, сады, лавки, крики торговцев, свист кнута и тревожное ожидание, что поселилось где-то внутри.

Мы миновали две улочки, свернули у городской ратуши, вроде бы, в Очупках похожая смотровая башня с круглым окном называлась именно ратушей. Всадники пересекли площадь, проехали мимо казарм и конюшен, откуда воняло навозом, прямо к высокому каменному зданию. Основательному, добротному — из гранитных валунов, и с деревянной пристройкой.

На нас смотрели. Иногда с любопытством, иногда со злорадством, а иногда равнодушно отворачивались. Торговка яблоками, игриво подмигнув усатому запустила плодом прямо в спину вирийцу, босоногий пацан долго бежал рядом с лошадей светловолосого, выпрашивая то ли мелочь, то ли хорошую порку. Над головой со стуком закрылось окно, распугав сидевших на крыше голубей.

Отдав команду спешиться, командир разезда соскочил со своего коня и скрылся в пристройке. Верховые стали перебрасываться шуточками, лысый стащим меня с Облачка, словно куль с мукой. Не удержавшись на ногах, я грохнулась в пыль, солдаты захохотали. Для них обычный день, обычные пленники, и томительное ожидание вечернего глотка хмеля. Вит слез сам, не давая светловолосому повода извалить себя в грязи. Верховые деловито привязывали лошадей.

На подошедших к башне мужчин, я обратила внимания не сразу. Они шли, неторопливо беседуя, как и другие горожане, уже освободившиеся со службы, или никогда на нее не ходившие. Поднявшись, я прислонилась к теплomu боку кобылы, подняла голову и... похолодела. В отличие от

Тамита, встреченного нами у Вышграда, эти не скрывали своего ремесла, на одежде каждого был вышит знак, чем-то неуловимо напоминающий рисунок на руке Риона. И чем-то отличавшийся.

Маги!

Вит сделал маленький шаг в сторону, почти незаметный, но, тем не менее, встал так, чтобы хоть немного загородить меня от чаровников. Что это? Случайность? Или...

Солдат со шрамом, что-то сказал лысому, тот хохотнул, и они уже вдвоем уставились на нас. Облачко фыркнула, потянулась к ближайшему кусту, нервно отмахиваясь от мошкары хвостом.

Один из чаровников бросил на нас рассеянный взгляд и вернулся к разговору с товарищем. А потом, словно с опозданием осознав, что именно видел, споткнулся на полуслове, и уже целенаправленно посмотрел на меня. Его спутнику ничего не оставалось, как повернуться в ту же сторону.

Я в очередной раз помянула Эола.

Не было ни криков, ни вопросов, ни предложений сдаться, ничего лишнего. Они действовали одновременно и слаженно, словно не раз отработывали действия, не раз ловили подобных мне. Или убивали.

Но что обиднее всего, ни один не задался вопросом, не задумался — зачем устраивать балаган, когда нам и так готовят камеры в каземате? К чему бить из пушки по воробьям? Мы же были связаны и находились под конвоем. Но они не думали.

Никто ничего не успел понять, ни мы, ни стражники, лишь деревенский мерин Михея тревожно взбрыкнул, стараясь вырвать привязанный повод, да Облачко отшатнулась в сторону.

Две лиловые змейки сорвались с рук магов, упали на землю, и, словно ручные, очертили в пыли сияющий круг, соединяясь за спиной и заключая внутрь нас с Витом. Холодное пламя, потрескивая, взметнулось вверх, схлопываясь и образуя над нами прозрачный купол, совсем, как на ярмарочном балагане. Солнце стало блеклым, размытым и лиловым. Нас будто накрыли бычьим пузырем, или гигантским чугуном с полупрозрачными стенками.

Нет бы сразу укокошить, как все нормальные люди.

Не знаю, как это смотрелось снаружи, а изнутри отсвечивающие лиловым огнем стены купола оцетинились тонкими иглами. Шипы хищно пульсировали и тянулись ко мне. Их голод, их жадное внимание, устремленное куда-то внутрь, казалось почти осязаемым.

— Айка! — я почувствовала прикосновение к спине. — Айка, спокойно.

Отступила еще на шаг и поняла, что дрожу, как заяц. Дрожу и прижимаюсь к Виту. Сейчас не имело значения, кто он. И кто я.

— Не дергайся, — зашептал вириец. — Убьешь нас обоих.

Шипы двинулись, следя за движениями, ощущая что-то недоступное человеку, как летучая мышь слышит отраженное эхо звуков, как кошка чувствует окружающий мир усами.

Иглы смотрели, иногда чуть удлинняясь, словно желая коснуться. Я выставила связанные впереди руки. Не дам, не позволю! Только не это... Зверь, спящий внутри, поднял голову и зашипел. Мышцы напряглись, кожу стало покалывать. Чудовище заворчалось.

— Айка, — вириец повысил голос. — Не смей применять магию.

Кончики шипов потемнели, стены купола дрогнули и приблизились. Чугунок разом уменьшился в размере. Ужас тугим кольцом свернулся где-то внизу живота. Шипение сменилось рыком. То, что жило внутри меня, больше всего хотело броситься на лиловое свечение.

— Не надо, — попросил Вит, касаясь подбородком моей головы. — Айка, это ловушка, — я почувствовала, его прикосновение, его руки, все еще связанные спереди, как и у меня, опустились на плечи. Я оказалась в их кольце. Он обнимал меня, одновременно лишая возможности двигаться. — Выпустишь силу хоть на квят, магия отразится от уловителей и усиленная в десяток раз вернется к хозяину. Нас разорвет на куски.

Я слышала его и не слышала. Слышала и не могла ничего поделать, то, что жило внутри, уже проснулось и примеряло на себя тело.

Очередной рывок стен и шипы приблизились еще на локоть. Близко. К ним тянуло, как может тянуть к любой опасности. От них отталкивало, как может отталкивать близость смерти. Две противостоящие силы столкнулись внутри купола.

Зверь ворочался, пробуя человеческое тело на прочность.

— Айя, не надо, — прошептал Вит.

Собственное имя, произнесенное мягким голосом, на миг привело в чувство. Только бабушка называла меня так. И только ее голосе слышалась доброта, больше ни в чем.

Вириец продолжал прижимать меня в себе, я слышала, как бьется сердце в его груди. Зверь оскалился недовольный промедлением.

— Нет, пожалуйста! — безмолвно закричала я.

Кожа трещала по швам, как сарафан, из которого я давно выросла, но зачем-то напялила снова. Шипы шевельнулись. Зверь откликнулся, рыкнул и легко вышел на свободу.

Но вместо того, чтобы разорвать хрупкую оболочку, слился с ней. Со

мною. И я поняла, что это было, поняла, о чем говорил Рион. Магия была живой и почти разумной. Нет «разумной» — неправильное слово, она обладала волей и обликом, пусть и живущим лишь в моем воображении.

Теперь это был не просто зверь, а кошка. Гибкая, хищная, опасная. Каждый ее, или мой, мускул дрожал от сдерживаемой силы. Еще немного, и она сорвется в головокружительный смертельный прыжок. И не будет в мире ничего прекраснее.

— Ты не оставила мне выбора, — просто сказал Вит, его голос снова стал отстраненным.

Может, внутри меня и жила кошка, а может, я сошла с ума, но в любом случае снаружи оставалась человеком. И довольно хрупким, если сравнивать с солдатом. Он приподнял руки, которыми прижимал к себе, но вместо того, чтобы освободить вдруг сдавил шею. Резко и сильно, лишая дыхания.

И оставляя мгновение на сожаление, лишь мгновение на мысль. Рион все-таки был прав, нельзя было поворачиваться к вирийцу спиной. Кошка жалела лишь о том, что не прыгнула. Не на голодные шипы, а на Вита, и не загрызла. Чего только не придет в голову от страха.

А потом все чувства растворились во тьме.

***

Горло царапнуло болью, во рту ощущался кисловатый привкус. Я закашлялась и открыла глаза. Мир тонул в сером полумраке, под головой лежало что-то мягкое и одновременно колючее, наподобие овечьей подстилки, прикрывавшей лавку в сенях у бабушки. Я чуть шевельнулась и с удивлением поняла, что жива и даже не связана.

— Выспалась? — равнодушно осведомился знакомый голос.

— Вит, — попыталась позвать я, и снова зашлась кашлем, слюна была вязкой и горячей.

С трудом приподняв гудящую голову, я огляделась. Из серого полумрака проступали грубые стены. Каменный мешок пять на пять шагов, шершавые стены, на полу солома. В узкое слюдяное окошко под потолком заглядывала луна. Казематы Велижа к нашим услугам. Меня бы больше удивило пробуждение на чистых простынях, чем на соломенном полу. Так что, все было ожидаемо. Все, кроме сидящего рядом вирийца. В темноте я смогла разглядеть лишь прислонившийся к стене мужской силуэт и вытянутые ноги.

— Вода, — солдат указал рукой в сторону.

У кованой двери стояла плошка с мутноватой жидкостью. Я коснулась прохладной железной посуды и, чуть расплескав содержимое, стала с жадностью пить. Шумно отфыркиваясь и едва не захлебываясь. Боль в горле чуть улеглась.

— Давно мы здесь? — на этот раз слова вышли почти четкими.

— Несколько часов, — судя по голосу Вит злился.

На меня? На то, что едва не произошло в том лиловом куполе?

Я дернула плечами и поставила плошку на землю. Чего он ждет? Извинений? Зря. Плевать я хотела на его недовольство.

Где магия? Где зверь? Ушел? Спит?

Я прислушалась к себе — ничего тревожащего или необычного.

— Что случилось? После того, как ты... — я коснулась шеи, та была на месте, как и голова.

— Ничего, — небрежно ответил он, с его стороны тоже никаких сожалений. Не то, что я в них нуждалась, но послушать было бы приятно. — Открыли ловушку. Наказали за непослушание и препроводили сюда. Еще и тебя нести заставили.

— Наказали?

Вместо ответа Вит наклонился ко мне, на лицо лег тусклый лунный свет. Внешность солдата претерпела изменения, став, как говаривала бабушка, очень запоминающейся. Бровь рассечена, правый глаз заплыл и открывался не до конца. Разбитые губы опухли, на подбородке разводы от крови. С двухдневной щетиной и общей бледностью смотрелось страшненько.

— Эк тебя, — я перевела взгляд на сбитые в кровь руки. — С магами на кулаках силушкой мерился?

С минуту вириец молчал. От пристального взгляда стало неудобно, а камера вдруг показалась слишком маленькой, словно кто-то приставил ладони к стенкам берестяной коробки и сжал. Только эта коробка была каменной. Вспомнилась ночь на лихих болотах и волна удовольствия, прокатившая по телу. Я со свистом втянула воздух, а Вит улыбнулся разбитым ртом, хотя это наверняка было чертовски больно.

— Нет, с солдатами. Они держали, пока маги наказывали.

— За что? И как? Если это не последствия... — я подняла руку.

Чернокнижник повернул голову. Руку обдало теплым дыханием, щетина кольнула пальцы. Грубая шероховатая кожа, прикосновения к которой не были неприятны.

В последний момент я сдержала порыв и сжала пальцы в кулак. Эол,

что со мной? Я же внучка травницы, а бабушка учила помогать людям. Я же веду себя, как...

«Не искушай судьбу Айка, от доступной девки никто не откажется», — раздался в голове голос бабушки.

— А почему мы в одной камере? — я отодвинулась.

— Добрые маги Велижа решили, что раз девушка путешествует с тремя мужчинами, от нее уже не убудет. Все равно на каждом привале, небось, пользовали, а номера на этом постоялом дворе, — в голосе мужчины послышалась горечь, — товар востребованный.

— Так за что ты получил в лоб, если не сопротивлялся?

— Что и никаких стенаний о потере девичьей чести? — кажется, ему и в самом деле было интересно.

Я вздохнула. Ну не рассказывать же солдату, о том, как Крылька — птичница разнесла по всей деревне, будто видела меня обнаженной в лесу на лысой поляне, любящейся с чертями (куда ж без чертей), и, мол, что любой пришедший на полную луну в первый час нарождающейся ночи, мог присоединиться к непотребству. Парни ходили. И ни один не спросил, откуда у Крыльки такие знания. Надеюсь, им там было нескучно друг с другом.

И не валяли меня по кустам только по одной причине — бабку боялись. Это если трезвые, пьяным я сама на глаза старалась не попадаться. А уж когда речку начала «заговаривать» опасаться стали и остальные, те которые, в аккурат, в промежутке между трезвостью и пьянством жили.

— Не до стенаний, — я посмотрела в глаза, которые едва угадывались в темноте. — Как тебя наказали и за что? — лучше спрашивать, потому что когда мы молчали, тишина, словно наполнялась его присутствием. А может, я умом повредила после всего произошедшего, скоро начну разговаривать с пророками Эола и блаженно пускать пузыри.

— За осевшую в куполе энергию, — ответил Вит. — Маги не смогли понять ее природу. Решили, что это я пытался то ли взломать ловушку, то ли их убить. В назидание слили весь мой запас силы.

— Как они поняли, что ты маг? Рион тебя не видел, он говорил...

— Не знаю, что он там говорил, скорее всего, очередную глупость. Он не умеет, вот это уже другой разговор. Я бы тому, кто его обучал... ааа, — он махнул рукой. — Не мне лезть в ваши дела, да и запас сил у парня... впору плакать. Носителя запрещенной магии распознать можно, если знать, что именно распознавать. — Вит откинулся обратно к стене. — Если ты сейчас бросишься воплями на дверь, достоверно изобразишь испуг и будешь проситься в другой каземат, любой, лишь бы не соседство с

чернокнижником, тебе зачтется.

Я задумалась. Желания брать штурмом дверь не возникло. Вопить? Горло жалко. И если говорить начистоту, мне никакие зачеты не помогут. Рядом с чернокнижником убийце магов самое место. Не сажать же меня к добропорядочным разбойникам.

— И здесь неплохо. Неизвестно еще, как там будет, а тут... — я огляделась, — солома на полу есть.

— Ну, если только солома. А ты не боишься, что я на самом деле тобой воспользуюсь? — вириец задал вопрос вроде бы несерьезно, но мне показалось, что камера стала еще теснее, еще меньше, и я до сих пор не могла понять нравится мне это или нет.

— Предупреждаешь? — голос почти не дрожал.

— Раздумываю, делать все равно нечего...

— Будь добр, как определишься, скажи, — я попыталась отодвинуться, и тут же прокляла себя за это движение, носком сапога коснулась его бедра, зашипела, словно могла что-то почувствовать сквозь толстую подошву и, наконец, замерла.

— Договорились, — он хохотнул, но смешок тут же сменился стоном боли. — А пока расскажи, как такое украшение заплучила? — и поднял руку, указывая на что-то над головой. — Отвлеки от крамольных мыслей.

Причин скрывать историю, больше не было. Мы дошли до Велижа, и теперь от меня мало что зависело. Я прислонилась к холодной стене и начала рассказывать. С чувством, с толком, с расстановкой. Получилось даже пару раз всхлипнуть, в особо жалостливых моментах.

— Значит, ты решила отдать силу? — не особо впечатлился историей Вит.

— Вернуть, — поправила я.

— Нет, Айка. Отдать. Ты присвоила ее, изменила, наложила отпечаток.

Я вспомнила, как зверь стал частью меня, как мне это понравилось.

«Маги умирают от тоски» — сказал Дамир и улыбнулся, глаза мага излучали спокойствие и уверенность. И веру. В меня.

— Да, я отдам силу.

Черт, почему от собственных слов стало так тоскливо?

— Небось, жалеешь, что вовремя не ушел? — быстро спросила я, видимо для того, чтобы не тосковать в одиночестве, пусть тоже хлебнет.

— Есть немного, — признался вириец, поднося руку к разбитому рту.

— Немного? Да, твою башку сегодня-завтра на плаху положат!

— Не преувеличивай, — в темноте блеснули два вертикальных зрачка.

— Не попрут ваши против Вирита. Скорей всего, выкуп затребуют,

прибыток в казне куда приятнее безголового трупа и осложнений отношений с Княжеством.

— Даже так?

Значит, я не ошиблась, Вит не просто кудесник, все-таки высокородный.

— Так почему ты с нами пошел?— спросила я. — Только не повторяй всю эту чушь про совесть, детей и злых тварей в лесу, не поверю.

— Да? А мне показалось достоверно вышло, — он согнул ногу в колене, — Если бы я не знал тебя раньше, подумал, что мне в камеру «подсадную» закинули.

— Подсадную?

— Чтобы язык развязать.

— Мне нет дела до твоего языка, — я посмотрела на заглядывающую в окно луну.

— Было бы жаль... — он вздохнул, — будь это правдой, — он протянул руки и легонько постучал пальцами по сапогу, отбивая какой-то замысловатый ритм, я сцепила зубы, чтобы не возразить, чтобы не соврать. — Помнишь тот хутор, где погибли мои верховые?

— Да, — я закрыла глаза и вспомнила мух и лица, по которым они ползали.

— У нас в Вирите тоже есть такая. Мертвы все, от стариков до грудных детей. Только у нас жители убиты магией, как кувалдой. — Он щелкнул пальцами, — А где магия, там маг. Тогда как у вас в Тарии их убил... убило... — его глаза сверкнули в темноте

— Так убило? — повторила я. — Или убил?

— Неважно, — Вит махнул рукой.

— Важно, если это повторяется. — Я почесала нос, вспомнила мух, мертвых девочек и нехотя добавила. — Ты должен рассказать обо всем магам.

— Ага, — хохотнул мужчина, — и получить посмертную благодарность.

— Но они во всем разберутся.

— Ты видишь, как они разбираются? — он обвел руками темницу, — Запросто скажут, что это я всех порешил. Иначе, чего бы мне там делать?

— А и в самом деле, чего? — Я прищурилась. — Почему из всех пограничных хуторов ты выбрал именно этот? Откуда вы узнали, что все произойдет именно там? У вас вещунья^[32] есть? Или кто-то флагом размахивал... — я замолчала, вспоминая, что флаг-то был. Чумное полотнище.

— Да уж... флаг, — Вит потянулся. — Все проще. Таких дозоров, как мой, отправили с десятков, но выверт засекли именно мы, самую первую волну, потом вторую, под третью попали сами. Всех положило, я все силы на щит потратил, но никого не успел прикрыть, даже коня. Еле ноги унес, бежал, пока не упал...

— А еще говорят, что вирийцы детей на ужин едят, — не удержалась я. — На самом деле, вы чуть ли не святые. Виданное ли дело, чтобы наш король отправил с десятков разъездов, да еще и чаровников не пожалел из-за того, что померли несколько десятков крестьян, особенно, если над воротами села реет чумной стяг?

Я вспомнила, как на Белой Горе, что в двух днях пути от нашего села Лысовку сожгли вместе со всеми жителями, как больными, так и не очень, а еще и Рябину, и Корку, что рядом стояли, просто так, за компанию. Староста Верей тогда еще заявил, что правильно все сделали, нечо заразу плодить. Управителю, всяко, видней кого жечь, а кого от налогов освобождать. Я запомнила это, потому что в Корке жила Стешка, девчонка двумя годами старше, что приезжала с теткой в Солодки на ярмарку — глиняные горшки продавать. Она была слепой от рождения, и потому охотно болтала с внучкой травницы, не ведая, что свела дружбу с водным отродьем. Вряд ли мы еще когда увиделись бы, но... Я вспомнила о ней, когда войска спалили село. И не простила ни старосте его слова, ни солдатам — деготь, ни Аранесу Третьему — приказ. Думаю, он, когда узнал, расстроился, виданное ли дело, деревенская девка ему в прощении отказывает.

— Видишь, какие мы хорошие, — Вит шевельнулся. — На самом деле там, в половине дневного перехода рудники, что мы у вас при последней войне оттяпали. Его верховное владычество Князь выразил беспокойство, а когда он выражает беспокойство, остальные, как правило, начинают бегать, словно тараканы.

— Я поняла, как вы оказались там, но не поняла, почему ты увязался за нами? — я выдавила кривую улыбку, почему-то Вит на мои выпады отвечал не обидой, а смехом.

— А если подумать? — он фыркнул. — Ну, это же просто... — я покачала головой, и чернокнижник со вздохом признался: — Я подумал, что это вы.

— Что?

— Кто-то из вас. Сперва грешил на тебя.

— Спасибо за высокую честь.

— Да не за что. Магии в тебе столько, что... — он покачал головой. —

Плюс печать смерти. Когда в первый раз ее увидел, едва не прибил с перепугу.

Да, я тоже запомнила этот момент, когда вроде бы умирающий пленник открыл глаза, и меня окатило чувством опасности.

— Я даже не сразу сообразил, что если бы ты жажнула сперва по нашей деревне, а потом вызвала бы...

— Кого?

— Какая разница, если ты не вызывала?

Мне показалось или его зрачки стали отсвечивать алым?

— Никакой. Просто любопытство.

— Любопытство сгубило кошку, — назидательно проговорил вириец и спросил: — Мне продолжать?

— Если не я главный душегуб, то кто? Рион?

— Рион. Резерв у парня почти пуст. На что он его потратил? Ваши чаровники очень дорожат магией, и причина должна быть весомой.

— Что заставило тебя изменить мнение? Или ты все еще думаешь, что это мы душегубствовали?

— Отнюдь. Такую команду неучей еще поискать, захотели бы — не смогли. Вы даже меня не видели.

— Добрый ты, — попеняла я. — И раз уж ты такой разговорчивый...

— Это на меня полнолуние так действует, — он посмотрел на узкое оконце, к слову, я понятия не имела полная сейчас луна или иная. — И здоровая пища, — еще один взгляд на плошку с водой. — Люблю поболтать в гостях, особенно, когда принимают от души.

— Просвети, что произошло, когда ты вырвал меня из... из... — я никак не могла закончить и произнести это вслух.

— Мира мертвых, — спокойно закончил Вит. — В нем обитают богинки и остальная лишённая жизни гадость.

— Она сказала, что забрала меня из колыбельки. Думаешь, врал?

— Нежить всегда знает, чем зацепить жертву. Тебя же зацепили...

— То есть, вранье?

— Я не особый знаток мыслей нежити, — вертикальные зрачки вспыхнули в полумраке и погасли.

— Богинки крадут детей, а потом что? — я согнула колени и обхватила их руками. — Что они с ними делают?

— Растят себе подобных.

— Они же нежить! Мертвые!

— Поэтом и крадут, что сами к... хм... размножению непригодны. А как приходит срок, топят в озере, а потом уж приветствуют новых сестер,

по ту сторону жизни, так сказать.

— И никто не возражает? Не пытается сбежать?

— А ты вспомни Аврука Первого Тарийского и его личную гвардию.

— Не могу, — я развела руками. — Мне лет двадцать от силы, куда мне до Аврука. А ты что, живешь с тех времен, да? — я подняла голову.

— Как же ты все буквально воспринимаешь. Вспомни — это значит, историю вспомни.

— Не сильна я в науках.

— Не прибедняйся, твоей бабке — если не врешь, и тебя действительно деревенская знахарка растила — в ноги кланяться надо. У тебя и речь правильная, и осанка прямая, смотришь прямо, глаза долу не опускаешь, не лебезишь, травы пользуешь...

— Я передам ей твоё восхищение. Что с Авруком? Помер?

— Конечно, помер. Все помирают. Его гвардия, говорят, она была настолько предана королю, что солдаты по приказу могли себе глаза вырвать, али горло перечеркнуть, — от слов Вита я поморщилась. — И все это с улыбкой и светом праведности в глазах.

— Я рада, что родилась позже.

— Я тоже. Но все это я тебе рассказал не для общего развития, а в ответ на вопрос. Если богинки «правильно» воспитывали свое молодое поколение...

— В озеро они тоже шли с улыбкой, не желая себе другой судьбы, — закончила я за него. — Снова мы вернулись к воспитанию.

— Конечно, от него все зло, — хохотнул вириец.

— А ведь болотник не Риона предупреждал о богинках?

— Меня. Чернокнижников они боятся больше.

— Что ты сделал потом? Почему я почувствовала... — я замолчала, не получалось ни описать ощущения, ни даже понять их.

— Слил излишки силы, — его улыбку не было видно в темноте, но я точно знала, что она изогнула его разбитые губы, и знала, что ему от этого больно.

— Очень толково, — я тряхнула головой.

Вириец тяжело вздохнул.

— Что ты знаешь о магии?

— Почти ничего, — я пожала плечами. — Слухи, домыслы, бабушкины сказки.

— Смотри, — Вит откинул солому и в пятне света, падающего сквозь окно, нарисовал пальцем в пыли сосуд, вроде крынки. — Это природный резерв, который есть у каждого мага. Способность к колдовству зависит от

толщины и высоты. Вместительность резерва — это уровень силы мага. Чем больше резерв, тем сильнее заклинания. Разброс от двух до двух сотен квятов. Ты считать-то умеешь?

— Да, — я состроила скорбную физиономию.

— Бабке поклон, — он действительно склонился в темноте. — Тогда представь, этот сосуд наполнен до краев, а сила все прибывает и прибывает. От переизбытка энергии, резерв разорвет. И хана твоей магии на веки вечные.

— Это чуть не случилось со мной? Или с тобой?

— С тобой. Ты хватанула чужого. Нежити не столько была нужна ты, сколько сила. А в тебе ее было столько... — он рассмеялся, в темноте его зубы казались белыми. — Твой кувшин переполнен, как крынка со сливками, за которой охотится кот. Ты знаешь, что...?

— Если ты спросишь, знаю ли я, что такое сливки, укушу. Что ты со мной сделал?

— Я помог тебе ее выплеснуть.

— Ага, — мало что поняв, закивала я, — но почему... Отчего...

Я не знала, как описать свои ощущения, как сделать так, чтобы он понял, а заодно и объяснил мне.

— Но знаешь, что? — вириец, кажется, даже не слушал, задумчиво глядя в стену.— Вместо того, чтобы рассеяться, твоя сила так и липла к рукам, так и норовила залезть под кожу. Еле удержался, чтобы не впитать...

— Так почему удержался?— не поняла я.

Для меня эта сила все еще была чем-то непонятным, чем-то несуществующим.

— Ну, знаешь, что говорят о тех, кто делится силой друг с другом?

— Нет. Не знаю. А что говорят?

— Говорят, что это могут делать только «повенчанные богами»...

— Тогда не надо, — торопливо перебила мужчину я.

— Вот, и я так подумал, — чернокнижник натянуто рассмеялся, а потом чертыхнулся, вытирая кровь с губ.

Легенды о «повенчанных богами» я слышала. Их слышал каждый, у кого есть уши. Иногда боги, Эол или Рэг, снисходили до простых смертных и развлекались тем, что связывали людские души. От скуки, наверное. Но почти все считали это безобразие «даром богов». Девчонки в восторге закатывали глаза, мужчины окидывали их орлиным взором, словно желая найти ту самую «привязанную» к ним душу, менестрели слагали песни, о том, как две мятежные половинки сливаются в одну...

Тут я всегда представляла, как встречу эдакое недоразумение с

четырьмя руками, четырьмя ногами и двумя головами и начинала икать от ужаса.

А потом, по словам поэтов, соединенные богами обязательно гибли во имя своей любви. Назло врагам. Или, скорее, на радость. И вообще, нет бы, о чем хорошем стихи сложить? Нет, обязательно в конце кто-то скопытится...

Да, я слышала об истинных парах, но ни разу не видела. И очень просила Эола не делать мне таких дорогих подарков. Самый страшный кошмар — оказаться привязанной к совершенно незнакомому мужчине и быть обязанной его любить.

К счастью, такими дарами боги баловали людей раз в сто лет. И то — всего лишь по слухам. Так что, можно было не волноваться, и тут на тебе...

Я присмотрелась к Виту так, словно ожидая, что у него вот-вот вырастет вторая голова. Не выросла...

— А если бы ты все же впитал ее, — уточнила я, вспомнив то, что рассказывал мне Дамир, — не лопнул бы, от такого-то счастья?

— Чернокнижники и чаровники применяют магию по-разному, — Вит замялся. — Уверена, что хочешь знать? Эти знания в Тарии под запретом.

Разве я могла предположить, что мой первый урок — первый настоящий магический урок — пройдет ночью, в тесной сырой камере, на полу, устланном соломой, а в роли учителя выступит чернокнижник? Любой сказал бы, что это невозможно. И, тем не менее, получалось именно так.

— Я сама в Тарии под запретом. Не томи.

— У нас природная возможность иная, — он стер у нарисованного сосуда дно. — Чернокнижники энергию не накапливают. Она постоянно течет, проходит через сосуд и рассеивается. Сила и способности зависят от движения, чем быстрее, тем ее больше можно тратить, и тем быстрее она восстанавливается. Это как, — он щелкнул пальцами, подбирая слово, — как мельница на реке, чем сильнее течение, тем быстрее двигаются жернова, и быстрее смелется мука. Измерить такой резерв невозможно.

— Ты сказал, что маги слили твой резерв? Но как? Если у тебя его нет?

— Теперь, считай, есть. Они его ограничили, поставили заплату и слили то, что было, — Вит снова пририсовал к крынке кривоватое дно. — Теперь я ничем не отличаюсь от тебя и Риона.

Прозвучало как-то грустно. Так отзывается воин о дворовом мальчишке, схватившем вместо меча палку.

За дверью камеры что-то загрохотало, и мы замолчали, прислушиваясь к тяжелым шагам. Но тюремщик прошел мимо, спустя несколько

томительных минут издалека послышалась смачная ругань.

Вит склонился над рисунком и одним махом стер каракули.

— А что тогда...

— Дай передохнуть, — попросил мужчина. — Я, конечно, знал, что девки любопытны и трескучи, как сороки, но только сейчас понял, как это утомительно. Вопросов у тебя столько, что я буду до утра языком молоть.

Он откинулся на стену и закрыл глаза. Да, урок был краток. Но все же был.

***

Завтрак мы проспали, или на этом постоялом дворе забыли его подать. Я проснулась от скрипа двери, ощущая боль горле, рука затекла, голова гудела, и как бы эти желания не противоречили друг другу, хотелось пить и в кустики, или хотя бы до ведра.

— Айка Озерная!

После темноты камеры, замерший на пороге, визитер, виделся нечетким, чуть дрожащим в пламени факела силуэтом. Судя по голосу, он молод и немного напуган.

Я сонно заморгала, рядом шевельнулся Вит.

— Айка Озерная, — повторил стражник. — На выход, — мальчишеский голос сорвался, поднявшись на тон выше, или как говаривали у нас, дал петуха. — Быстро!

Похоже, меня боятся больше, чем я их. Интересно, что он будет делать, если я сейчас зевну и скажу: «нет»? Эта мысль несколько примирила меня с действительностью, ведь я уже знала, что не скажу, что встану и пойду, куда поведут — заключенные не в том положении, чтобы норы показывать.

— Гляди в оба, — тихо напутствовал вириец, когда я перешагнула порог камеры.

Дверь захлопнулась, лязгнул замок. В длинном коридоре, освещаемым неровным светом факелов, выстроился десяток стражников с пиками наперевес.

Даже лестно, ей-богу. Кому я там понадобилась? Палачу? Нехорошее предчувствие кольнуло холодом живот. До ведра захотелось еще сильнее.

— А куда меня, дяденьки? — пискнула я, и по суровым взглядам тут же поняла, что взяла неправильный тон. Они, небось, здесь всяких юродивых навидались, и еще одна сочувствия не вызовет.

— Топай, — толкнул меня в спину один из них. Сильно ткнул, я едва не полетела на пол. Доходчиво.

В сопровождении почетного караула, я поднялась по лестнице, свернула в очередной каменный коридор с узкими, как бойницы, окнами. Наступило серое раннее утро. Дай, Эол, не последнее...

Стражники остановились перед высокими резными дверями. Тот самый молодой, что толкал в спину, торжественно постучал. И ему не менее торжественно ответили. Створки распахнулись, и мужик в черном рубище... или платье, здорово смахивающий на ворону, каркнул... эээ, вернее, изрек:

— Входите! Суд семерых ждет.

Эол, а я-то до последнего надеялась, что это уборная.

Не дожидаясь очередного тычка, я вошла вслед за «черным платьем» в круглый зал. Большой, больше, чем торговый пяточок в Солодках, с широкими в человеческий рост окнами, полный света, тепла. Его необычайно украшала «виновная яма» в центре. Сама я раньше таких не видела, но ездившая в Вышград Сима рассказывала, как вершили суд над Листонским душегубом. Помнится, его из этой ямы прямо на кол с почестями препроводили.

Я остановилась на краю, посмотрела вниз. Глубокая. Надо полагать, дабы каждый обвиняемый почувствовал собственную ничтожность. Я почувствовала. Честно. Особенно, когда получила очередной толчок в спину. Глухо вскрикнув, я свалилась вниз, больно приложилась о дно коленями и разодрала ладони о каменистый пол.

Яма — каменный колодец два на два шага, глубиной по макушку. Мелкие преступники, вроде меня, помещались в нем почти целиком, а у более высокого человека, наверняка торчала бы голова. Чтоб удобнее отрубать, не иначе.

Перед виновной ямой полукругом стояло семь кресел и семеро мужчин, все в тех же черных платьях, сурово смотрели на меня сверху вниз. Легендарный суд семерых — самые сильные и именитые маги Тарии. Справа от кресел стояли еще два мага, один из них открывал нам двери, а второй...

Второй был мне хорошо знаком. К сожалению.

С центрального кресла встал пожилой мужчина, чем-то похожий на дядьку Ирия, кузнеца нашего, и торжественно спросил:

— Кто обвиняет эту женщину?

— Я, — выступил вперед старый знакомый, — Тамит Шиирский, Действительный Вышграда и Кохани обвиняю эту женщину в

преступлениях против короны и магии.

— Кто защищает обвиняемую?

— Я, — ответил тот маг, что открывал нам дверь, невысокий тучный мужчина лет пятидесяти, — Неман «действительный» Велижа — хранитель фонтана силы беру на себя обязательства защищать Айку Озерную на суде семерых перед лицом высокого Гуара.

— Пред лицом кого? — чуть было не спросила я, хотя были вопросы и поважнее. Например, с какого перепугу толстый дядечка взялся меня защищать? И вообще, если преступление против магии, я еще худо-бедно совершила, то против короны... Чур меня, чур.

Я уже открыла рот и ... благополучно его закрыла. Что-то подсказывало, что если сейчас распущу язык, его вполне могут и отрезать. А он мне дорог.

— Да будет так. Начинайте, — председательствующий на суде мужчина сел.

Высокий Гуар? А по росту ни за что не догадаешься.

— Я обвиняю эту женщину в государственной измене, шпионаже и убийстве мага, — Тамит встал слева от ямы.

— Неправда! — все-таки не выдержала я. Эол с языком, как бы голову сохранить.

— Айка Озерная, — не обратив на выкрики никакого внимания, продолжал Тамит, — из рода ворд, исконных врагов рода человеческого. Воспитана в Тарии. Владеет магией воды. Носит родовое имя своего народа, а значит, имеет связь с ними.

— Меня так с детства дразнят, вот и все!

Как же нелепо это прозвучало. Словно деревенская дурочка пытается объяснить, как перепутала козу с козлом. Неужели можно осудить из-за слухов и домыслов? Если так, то мне с лихвой на смертную казнь хватит.

Один из судей, седой мужчина с голубыми глазами спросил:

— Ее семья поддерживает обвинение?

Я скрипнула зубами, страх сменился беспомощным гневом. Они бабушку привезли? Привезли только для того, чтобы она выслушала весь этот бред и посмотрела на досуге, как казнят внучку?

— Нет.

— Слава Эолу, — некстати вырвалось у меня.

— Воспитавшая ее знахарка из Солодков крайне враждебно встретила посланцев и отказалась отвечать на вопросы. А когда они решили применить силу... — Тамит замялся и нехотя продолжил: — Применила магию.

— Магию? Знахарка?

— Видимо, порошки из трав, — пояснил обвинитель суду, — посылные до сих пор чешутся.

— Ладно, — кивнул Гуар. — Потом посмотрим на ваших посыльных. И на знахарку бы тоже глянуть. Сейчас расскажите, чем подтверждаются обвинения против Айки Озерной?

— Односельчане не раз видели девушку, сидящей у реки и что-то шепчущей.

Вот и делай после этого хорошие дела. Попросят меня еще хоть раз речку заговорить, я уж посоветую, куда обратиться.

— Да я просто... просто... — прозвучало неубедительно, сознаваться в обмане односельчан не хотелось, как говорят где один обман, там и второй.

— С помощью воды она передала важные сведения народу ворд! — злорадно добавил Тамит.

— Какие? — вмешался Неман. — Урожайности свеклы в этом году? Или поголовья коз в Солодках?

— К тому же, ее задержали в компании вирийца, — гнул свое Тамит.

А вот это уже факт, а не рассказы. Я поморщилась, даже Михей с Рином Вита сразу в шпионы записали, маги даже слушать мои детские рассказы не станут.

— Откуда сведения о происхождении? — спросил самый молодой из судей, лет сорока, седина успела едва затронуть виски. — Докажите, что она принадлежит к народу ворд.

— Обвиняемая снимите медальон, — приказал Тамит.

Эол, от чего же все так неправильно? Самое время упереться рогом, заявить решительное «нет», гордо вздернуть голову... и так же гордо дойти до плахи. Нет никакого смысла скалить зубы, хотя и очень хочется. Захотят — снимут. Очень хотелось заплакать. А еще в уборную.

— Медальон, — рявкнул обвинитель.

Я подцепила пальцами цепочку и сняла камушек.

Взгляды всех присутствующих обратились ко мне, в некоторых даже сверкнула искорка любопытства.

— Обвиняемая признает себя виновной в шпионаже? — спросил Гуар.

— Нет, — сказала я.

— Защита? — судья повернулся к Неману.

Толстенький хранитель фонтана с добродушной улыбкой занял место справа от ямы.

— Уважаемый Тамит огласил не все сведения. Во-первых, Айка была

найдена, а не взята на воспитание из Озерного края, как могло сложиться впечатление. Она — найденыш. Так что, ее происхождение до сих пор под вопросом. Во-вторых, мы не знаем природу магии ворд и не можем утверждать, что девушка ею владеет. Полагаться на суеверия крестьян — недостойно высокого суда. В-третьих, так называемое родовое имя возникло стихийно. Водный народ считает наш язык оскорбительным и не станет давать детям человеческие имена.

Маг перевел дыхание. И я тоже. Хороший дядька, на булочника Тэка похож. Тот меня как-то сдобой угощал, горелой, правда, но все же. Выберусь из ямы расцелую, если конечно он не будет против. Если выберусь.

— И повторю вопрос, — продолжил Неман. — Какие секретные сведения, необходимые водникам, добыла девушка? До недавнего времени обвиняемая не покидала Солодки дольше, чем на день и дальше, чем на вар.

— Это все обвинения? — Гуар вопросительно глянул на Тамита.

— Нет.

Вышградский маг, не поленившийся последовать за мной в Велиж, торжествующе улыбнулся. И тут я поняла, зачем все это, все эти разговоры о происхождении и предательстве. Сказанное было лишь затравкой, присказкой, призванной создать у судей нужное впечатление, а сама сказка начнется именно сейчас. Это — как Лушка, мельника дочь, заговоренные иголки у матери в вышивании прятала, бабушка долго не могла понять, на что сглаз наложен. Хочешь спрятать пуговицу, брось в швейный короб. Одно обвинение среди кучи других, а дыма без огня не бывает...

— Я обвиняю ее в убийстве мага и присвоении силы. Доказательство — печать смерти над головой.

— А может, — Неман снова пошел к двери, — об этом нам расскажет сам «мертвый маг»? — и открыл дверь.

Я встала на цыпочки, стараясь разглядеть вошедшего. Высокую нескладную фигуру, покрытую пылью одежду, хмурый взгляд исподлобья... Рион! Значит, они с Михеем успели, дошли до Велижа, смогли найти магов и все рассказать. Никогда не думала, что буду рада видеть этого парня.

— Перед лицом великого суда даю обет говорить правду, и пусть моя магия будет тому свидетелем, — проговорил дрожащим голосом парень, а потом вдохнул и стал рассказывать.

Из его уст выходило, что один неразумный отрок, шатаясь по лесам и весям, умудрился повстречать деревенскую девку, которая по скудоумию

сломала его кристалл и забрала силу. Ерунда полная. По тону Риона все сразу поняли, что такое случается сплошь и рядом. Потом отроки, уже две штуки, поскакали в столицу, чтобы учитель, как водится, указал им светлый путь в светлое будущее. По дороге они, словно меченные, цепляли разные беды, начиная с Михея и заканчивая тем же Тамитом. Ну, а уж когда до Велижа рванули, силушку богатырскую отроку возвращать, то совсем удержу нечистой силе — к ней причислили и вирийца — не стало. И теперь только на разум великих магов и уповаем.

Хорошо рассказывал, душевно, упирая больше на враждебные обстоятельства, нежели на злой умысел.

— В доказательство слов юного Рионера, — слово снова взял Неман. — Предъявляю письмо высокого Действительного Вышграда Дамира с его поручительством за Айку Озерную, и с просьбой провести ритуал покаяния. Именно для него молодые люди и приехали в Велиж.

— Айка Озерная, вы подтверждаете, что прибыли в Велиж для прохождения ритуала добровольно? — высокий судья посмотрел мне в глаза.

— Подтверждаю, — я закивала так сильно, что того и гляди, башка отвалится.

— Эта история мне известна, — Тамит говорил так, словно слышал все это уже тысячу раз, и еще один его порядком утомил. — Но я обвиняю ее в смерти другого мага, Действительного Киеса, моего младшего брата.

В зале воцарилась тишина. Кто-то из судей отчетливо буркнул:

— Это уж слишком.

Полностью согласна. Я даже не знаю такого.

— А почему слишком? — переспросил маг. — Напомню, ту девицу так и не нашли.

— Мы помним Киеса, и искренне сочувствуем твоему горю, но... — с сомнением протянул Гуар.

— Это не голословное обвинение, — перебил его вышградский маг, — Первое — внешнее сходство преступниц.

— Под это дело можно осудить треть Тарии и почти весь Озерный край, — перебил Неман. — Всех белобрысых девок в камеры!

Я во все глаза смотрела на Тамита. На говорившего полную ересь Тамита, но остающегося спокойным, несмотря на возрастающий ропот магов. И на Немана, раздраженно кривящего губы. Что происходит?

— Не доказательство, согласен. Но... — он подошел к стоящему у окна столу, надел очки и стал что-то там перебирать, сколько я не вытягивала шею, не могла рассмотреть что. — Я не поленился просмотреть

все материалы о смерти брата, — Тамит снова развернулся к суду семерых. — Все портреты, что рисовал влюбленный Киес, все описания свидетелей, — он подошел к креслу и передал один из листков сидящему с краю магу. К обвинителю подошел Неман и тоже был облагодетельствован бумажкой. А вот меня обошли, хотя посмотреть, что там, хотелось едва ли не сильнее, чем до кустов. Бумаги переходили из рук в руки, маги хмурились.

— И украшение, которое та, что называлась Айлиной, носила, не снимая, на шее, — Тамит выжидающе замолчал. — Черная капля. Искажающий внешность амулет! Она говорила, моему брату, что стесняется шрама на щеке, она много чего говорила... — обвинитель указал на цепочку с камнем в моей руке. — Его свойства и внешний вид, описанные в материалах расследования, совпадают до мелочей. Думаете, существует два подобных камня? С одинаковыми свойствами? Способных создать такой артефакт мастеров, давно нет.

Один маг склонился к другому и что-то зашептал, а потом они оба посмотрели на меня. Нехорошо посмотрели, задумчиво, как бабушка на курятник, когда выбирала птицу пожирнее.

— Но... — начал Неман.

— Или вы хотите сказать, что можете привести действительного артефактора? Мага, который не нуждается в резерве, и он здесь, прямо при высоком суде создаст точно такой же артефакт?

— Не юродствуйте, Тамит, — ответил Неман. — Чаровников без резерва давно не существует, они превратились в красивую сказку и не более.

— Вот, даже вы это признали. Вероятность того, что существуют два одинаковых артефакта крайне низка. А поскольку подобные амулеты подчиняются одному хозяину, говорить что-то еще, излишне. Этот хозяин, вернее, хозяйка — Айка Озерная. Была тогда, осталась и сейчас.

Я зажмурилась, потому что прозвучало очень весомо. Кусочек правды среди внушительной кучи домыслов.

— Это не доказательство, — стал возражать Неман. — Артефакт нельзя создать, но можно перенастроить. С этим справится любой действительный.

— И вы готовы привести сюда мага, который перенастроил артефакт для деревенской девчонки? А деревенской ли?

— Она всю жизнь прожила в Солодках, — сказал защитник и раздраженно посмотрел на меня.

— Неужели? Полагаться на рассказы крестьян — недостойно высокого суда, — вернул ему его же фразу обвинитель.

На лице Тамита играла удовлетворенная усмешка. И забивая очередной гвоздь в крышку моего гроба, маг добавил:

— Над Айкой Озерной была печать смерти и ранее, но другая. Забрав силу у Рионера, она закрыла старую метку новой. Не знаю, на что она рассчитывала, может, на то, что парень влюбится и ради нее пожертвует всем, как было с моим бедным братом. Но просчиталась, он привел ее сюда, не дав сбежать по дороге. После обряда метка исчезает. Обвиняемая уйдет отсюда свободной и вместо петли получит вечную благодарность молодого мага и его защиту.

— Неправда! — хрипло выкрикнула я.

— И разрушит свой резерв на веки вечные? — саркастически вставил Неман, — Не слишком ли большая цена? При описанном вами коварстве? Да и к тому же, была ли печать ранее или не было, мы знать не можем, разве только Рионер... — он посмотрел на парня. — На Айке была печать до того, как она сломала твой кристалл?

Атмосфера в зале изменилась, шутить расхотелось совсем. Даже мысленно.

— Ну, давай же! — молча взмолилась я. — Скажи им, что печати не было! Скажи...

Парень перевел ошалелый взгляд на вышградского мага.

— Я.. я...

— Была? — с нажимом спросил Тамит. — Айка Озерная, молчите! — приказал мне обвинитель, видя, что я уже готова вмешаться.

— Нет... — сказал парень и тут же добавил:— Не знаю... я бы заметил...

Рион мямлил и выглядел чертовски растерянным. А все оттого, что говорил правду. Она зачастую именно такая, неубедительная.

— Предайте суду амулет, — отдал приказание высокий Гуар, Неман тут же склонился к яме, и я вложила в протянутую руку цепочку, на которой покачивался камушек. Даже несмотря на сказанное, мне не хотелось расставаться с артефактом. Так просто было прятать за ним свою непохожесть.

Гуар взвесил украшение на ладони, поднял к свету черный камушек, по полу разбежались серые блики.

— Откуда у тебя амулет и как давно? — задал прямой вопрос голубоглазый маг.

— Мне дал его Действительный Вышграда Дамир месяц назад, — ответила я чистую правду.

— Она лжет! — зло сказал Тамит.

— Вы сами видели меня в его доме с этим амулетом, когда... когда хотели...

— Видел,— перебил меня обвинитель. — Но не видел, что кулон вам вручил Дамир.

— Зато видел я, — четко сказал Рион.

— Влюбленный идиот! — рявкнул Тамит. — Ты что, не понимаешь, что она делает?

— Я не влюблен. И не идиот, — последнее прозвучало даже обиженно.

— Рионер, ты подтверждаешь слова Айки Озерной? — вмешался Неман

— Да. Мой учитель дал Айке артефакт, чтобы скрыть приметную внешность.

— Айка Озерная, признаешь ли ты себя виновной в смерти Действительного Киеса? — осведомился Гуар.

— Эол! Нет. Я даже не знала его.

Высокий повернулся к Тамиту и с некоторой опаской спросил:

— Это все обвинения? — и получив утвердительный кивок, с облегчением обратился к хранителю фонтана: — У защиты тоже все?

— Да, Высокий.

— Суд семерых должен принять решение. Ожидайте.

Маги поднялись и вышли. Я провожала взглядом спину последнего, того самого, самого молоденького, едва разменявшего пятый десяток. Но прочитать грядущее по удаляющемуся черному платью не удалось.

Рион подошел к яме, хмурый, усталый, но в чем-то даже привычный парень. Вышградский маг плюхнулся в одно из освободившихся кресел и забарабанил пальцами по подлокотнику.

— Я не забирала силу вашего брата, — четко проговорила я, но Тамит, не поворачивая головы, презрительно скривился.

Рион сел прямо на пол и тихо спросил:

— Как ты?

— Будет зависеть от них, — я кивнула на дверь, за которой скрылись маги.

— Тебе ничего... — он замялся, — не сделали?

— Нет, — я невесело ухмыльнулась, поняв, о чем он думает. — Не сделали. В уборную не пускают, а в остальном...

— Говорил же я тебе, не надо было вирийца с собой тащить, — невпопад произнес Рион, не впечатлившись моими страданиями. — Чернокнижник в Велиже, кто бы мог подумать, — он покачал головой, словно сама мысль казалась ему кощунством. — И как замаскировался

тварь, даже я не увидел.

Я хмыкнула, покосившись на Тамита, не время сейчас признаваться в чем бы то ни было. А то к преступлениям против Тарии добавят заговор против князя Вирита.

Судьи вернулись быстро. Очень быстро, Рион только раза три прошелся по предкам Вита, а я даже не успела спросить о Михее, когда дверь скрипнула...

Маги зашли в зал, тем же порядком, что и вышли. Строгие и отрешенные. Мне не удалось поймать взгляд ни одного из них, сколько я ни старалась. Не к добру.

Рион вскочил, Тамит поднялся из чужого кресла и занял место слева от ямы. Неман, прекратил метания по залу. Воцарилась тишина.

Их молчание казалось бесконечным, их лица — бесстрастными, шаги — громкими, а слова — излишне торжественными. Объявлял вердикт Высокий Гуар. Но мне пришлось сделать над собой усилие, чтобы понять, о чем он говорит, так громко колотилось сердце.

— Обвинения признать состоявшимися в части. Признать Айку Озерную виновной в присвоении силы Рионера, ученика действительного Вышграда Дамира и приговорить к ритуалу Полного Покаяния. Если в процессе оного обнаружится сила другого мага, то судьбой и жизнью обвиняемой будет распоряжаться семья погибшего Киеса. Айка Озерная освобождается из-под стражи. До исполнения приговора ей запрещено покидать Велиж и надлежит носить ограничивающий артефакт. К Действительному Дамиру отправить гонца для выяснения происхождения артефакта, — маг оглядел присутствующих. — Решение принято и оглашено.

Глава 12. Приготовление

— Айка, не чеши, — раз в третий скомандовал Неман, оборачиваясь.

Я тут же спрятала руки за спину и поторопилась нагнать хранителя фонтана. Кожа под браслетом немилосердно зудела. Ограничивающий артефакт подозрительно смахивал на кандалы, только без цепей. Но цепи были — магические — они не позволят мне покинуть город, если я вдруг надумаю податься в бега. Металлический, исписанный непонятными символами браслет был тяжелым и обдавал кожу холодом.словно по весне белье полоскаешь, когда руки в полынье немеют, а белье хрустит льдинками.

Кандалы кандалами, но ходить по Велижу с печатью смерти над головой, без артефакта, чревато. Как сказал хранитель фонтана, проще сразу в домовину лечь, тогда, как артефакт не только не даст сбежать опасной преступнице, но и удержит не в меру справедливых магов от самосуда. Это что-то вроде отметки: проходите мимо, уже наложено Покаяние.

Вроде действовало, по крайней мере, встречающиеся нам маги хоть и косились, но за топоры и магию не хватались.

Велиж был построен королем Угуром Первым в северо-восточных землях Тарии на месте, где на поверхность вышел магический источник. Поначалу это была просто чаша и домик мага-смотрителя, потом — казарма гарнизона, потом — торговый пост, потом... Дома, как грибы, выросли вокруг магического источника. Владея им, король владел, по сути, всеми магами, съезжавшимися к фонтану Силы заполнять свой резерв. Город лишился положения столицы спустя две сотни лет, после первого же столкновения с Виритом. Тогдашнего монарха Угура Пятого очень обеспокоила близость города к границе с Княжеством, и по высочайшему указу в кратчайшие сроки был заложен Вышград, а Велиж осиротел.

Осиротели гранитные мостовые и белокаменные увитые плющом особняки, которые дышали величием и древностью. Пустовала и королевская резиденция.

— А вот здесь... — маг указал на высокий дом с резными ставнями, кажется, ему очень нравилось, что я иду следом за ним, тараща глаза на каждый фасад, кажущийся мне едва ли не дворцом. — Жил Кизил. Великий маг прошлого...

Далее Неман поведал мне историю постройки пары домов, принадлежащих особо выдающимся чаровникам. Я вежливо восхитилась их умениями. Кизил изобрел какую-то втулку (я так и не поняла, куда и зачем ее втыкать), второй убил на магической дуэли уйму народа и был награжден титулом. Полагаю, только затем, чтобы теперь его могли вызывать на дуэль лишь равные, а дураков среди дворян немного.

Река Верега делила город на две части: на юго-западе, где находится фонтан Силы, жили в основном маги; по другую сторону — рабочий люд. Военный гарнизон и тюрьма являлись исключением из правила, и необычайно украшали почтенные кварталы чаровников.

— Айка, хватит головой вертеть, — в очередной раз крикнул хранитель фонтана, и я прибавила шаг.

Больше всего Велиж напоминал часть сказки, которую рассказывала

бабушка на ночь — высокие шпили, белые стены, благородные маги, легенды и войны. Красиво. Если не приглядываться, а когда приглядишься... Сквозь белую штукатурку почти везде проступала плесень, сады зарастали дикой лебедой, а маги — по большей части чванливые и толстые старички — мало напоминали тех героев, что рисовало мое детское воображение.

Будь шанс, я бы с радостью променяла мощные мостовые на пыльные дороги Солодков. Вру, Вышград манил меня не меньше, хотя сам город имел мало отношения к этой тяге.

— Тюрьма, судебные залы, гарнизон, а вот здесь палач с семьей живет. Простой люд его не любит, могут и камнем кинуть, — продолжал указывать на здания Неман, а я, заметив знакомую постройку, обеспокоенно почесала запястье.

После суда я первым делом оскорбила великомагические кусты, а потом почти сутки отсыпалась в доме Немана. На следующий день меня начали готовить к Покаянию, и первым делом хранитель поволок меня к фонтану, до которого мы все никак не могли дойти...

— Веллистат — резиденция магов, — сказал Неман, когда шедшая вдоль забора дорожка вывела нас к белому трехэтажному особняку. — Мой кабинет в правом крыле на втором этаже. Центральные покои занимает Высокий Гуар, — и в который раз прикрикнул на меня: — Не чеши, я сказал.

Я снова спрятала руки за спину, и уже там почесала.

По какому капризу природы магическая энергия, которой наполняли резерв чаровники, нашла выход на поверхность именно здесь, неизвестно. Минула черед конфликтов и войн, на престоле сменилось две династии, а фонтан Силы все еще был здесь, все еще наполнял силой магов и их заклинания. Примечательно, что восточное княжество чернокнижников не брезгуя даже самыми малыми пограничными гарнизонами, до сих пор не завоевало город. Может потому, что он им просто не нужен? Что там говорил чернокнижник о резерве кудесников? Что они не накапливают силу?

Я вспомнила Вита и нахмурилась. Вирийца не было видно с тех пор, как меня выпустили из тюрьмы.

Вопреки ожиданиям, в самую резиденцию мы не пошли, обогнув правое крыло по узкой дорожке. Два стражника, что несли караул при входе, проводили нас задумчивыми взглядами. За домом начиналась живая изгородь, с аккуратно выстриженной аркой.

— Старый королевский парк, — сказал Неман, подталкивая меня в

спину.

Ухоженные дорожки, кусты и деревья, было видно, что за этим местом следят.

Как-то раз бабушку вызвали в замок баронета Кистена, его жена никак не могла подарить семье наследника. Перепробовав все традиционные средства, вроде тех, чтобы проводить ночи в супружеской спальне, а не в кабаке, он перешел к менее традиционным, то бишь теперь в этой самой спальне топтались лекари и знахарки. Так вот перед его замком тоже был разбит парк. Тогда я действительно бродила по нему с очумелым видом, трогая странные кусты в виде зайцев и цветы, так похожие на яркие шлепки малинового варенья на зеленой листве, пока меня не прогнала служанка, тащившая на кухню корзинку свежих булочек. Еще и полотенцем стегнула.

Сейчас все было по-другому. Я смотрела на эту красоту и словно не видела. С каждым шагом кожа под браслетом чесалась все сильнее и сильнее.

Деревья расступились, и я, наконец, увидела то, о чем ходило столько легенд. О чем с придыханием рассказывал на привалах Рион. Источник. Три чаши, выложенные белым с темными прожилками камнем, соединенные между собой извилистыми каналами. Ослепительное серебряное вещество, напоминающее больше перламутровое облако, нежели воду, изливалось в центре каждой чаши, веером опадая на дно. Резервуары были полны до краев, но ни капли не переливалось через бортики. Но это всего лишь внешний вид. Видимость. Красота для людей, для тех, кто умеет видеть глазами. А не для чаровников.

Я замерла, не в силах сделать больше ни шага.

Сила дышала, клокотала и пела в фонтане. Это была жизнь в самом полном ее проявлении. Я слышала биение сердец всех ныне живущих и существующих. Чувствовала их радость и горе, грусть и ликование, смятение и надежду — все, что составляло смысл жизни. Это ощущение было очень сильным, стремительным. Словно тебя лягнула в грудь лошадь, и теперь ты пытаешься сделать вдох. Пытаешься, но не получается. Перед глазами уже пляшут цветные искры, и когда уже кажется, что их сменит темнота, легкие вдруг расправляются, первый глоток воздуха пьянит, не хуже чем брага дядьки Верея.

Моя внутренняя кошка свернулась клубком и удовлетворенно заурчала, ощущая родство. Без сомнения сила Риона взята отсюда.

— Как ты? — спросил Неман.

«Хорошо» — хотела ответить я, но все-таки промолчала, говорить в

таком месте, казалось кощунством. Но он понял, наверное. Он тоже когда-то приходил к Источнику впервые и не забыл этого.

— Здесь пройдет твое Покаяние, — пояснил хранитель. — Я хотел показать тебе, что это не так страшно, как тебе наверняка успели наболтать...

— Нет, — я с трудом оторвала взгляд от мягко плескающейся силы. — Мне не успели наболтать.

— Ну, еще не вечер, — маг потянул меня в сторону. — Идем, главное ты поняла, здесь, — он обвел рукой парк, — нет зла.

И я закивала. Сейчас я бы согласилась со всем, что он говорил, только бы смотреть, только бы слышать, как поет фонтан.

Я плохо помню, сколько мы простояли там, и как Неман меня увел из парка. Кажется, маг говорил что-то еще, а я по-прежнему продолжала слушать. Источник просто заморозил меня, как Бульку Косого молния, что ударила в мыс, что левее Солодков в одну из гроз. Говорили, он так и стоял, не в состоянии сдвинуться с места. Стоял, пока не сгорел. Вот и я стояла.

Очнулась только у здания тюрьмы, когда песнь фонтана отделилась, став едва различимой.

Услышав конское ржание, я заморгала, реальный мир приблизился словно рывком. У забора стояли оседланные и экипированные в дорогу лошади в ожидании верховых. Трое мужчин рядом получали последние наставления от мужчины преклонных лет, в котором я узнала одного из судей.

— Посланцы в Вышград. К Дамиру, — пояснил Неман.

— Это из-за амулета? — спросила я. — Мне пришлось сказать, откуда он у меня.

— А мне подтвердить, — раздался знакомый голос.

Я обернулась, к нам шел Рион, за магом понуро брел Михей. Им, в отличие от особо опасной преступницы, которой грозила то ли казнь, то ли публичное прощение, койки в особняке Немана не выделили. Вот как начнут убивать направо и налево, тогда — да.

— И правильно сделали, — крикнул Неман. — Никого не стоит выгораживать в ущерб себе. Дамир никогда не прятался за чужими спинами. Уверен, все объясняется очень просто, и амулет попал к нему вполне обычным путем, даже если это тот самый амулет. Хотел бы Дамир скрыть артефакт, не послал бы вас с этим камушком сюда, — хранитель фонтана повернулся к дверям тюрьмы и неприязненно проговорил: — А вот и второй пленник.

— Гад, — буркнул Рион.

И в этот самый момент, словно услышав чаровника, стражник вывел вирийца на улицу и, что примечательно, без цепей и с головой на положенном месте. Неужели отпустили? Но это глупо. Даже для магов.

Воин толкнул вирийца в спину, придав нужное направление и, перебросившись парой шуток со стоящим у дверей стражником, вернулся в здание. Увидев бывших попутчиков, одну сокамерницу и мага, Вит недовольно скривился.

Выходишь на свободу с чистой совестью, а тут они (в смысле мы) встречают уже. Нет бы, оставить человека в покое.

— Вы не забыли, что он кудесник? — заметив мою улыбку, спросил Неман.

— А я вообще не стану магом, — невпопад ответил Михей и пожаловался: — Меня вчера у Источника проверили. Они сказали, я должен его услышать...

— О, да, — вставила я. — Он так поет... живет.

— А я не смог, — припечатал стрелок. — Я не маг, — голос звучал убито.

Хранитель покосился на вирийца и спросил у меня:

— Дорогу к моему дому найдешь?

Я смутно представляла себе, как далеко отсюда дом Хранителя фонтана, но все равно кивнула. Немана это полностью удовлетворило, он развернулся и пошел по направлению к Веллестату. В крайнем случае, найду его там, кажется, маг говорил что-то про правое крыло.

Подошедший Вит проводил его насмешливым взглядом.

— Тебя отпустили? — спросила я.

— Если бы. Ведут переговоры с Виритом об обмене, кто-то из тарийских вельмож угодил к нашим плен. Запаса сил у меня нет, так что, потрепали еще раз по щечке, — он ухмыльнулся разбитыми губами. — Взяли слово вести себя прилично, и выкинули до вечера, на ночь мне надлежит вернуться в это, — он оглянулся, — гостеприимное место. Иначе притащат за шиворот и вернут в кандалы.

— И они поверили? Чернок... вирийцу? — поправилась я.

Глаза мужчины блеснули, он оценил оговорку.

— Представьте, монна, — Вит издевательски склонился. — Моя вера в людей начинает возрождаться.

— Чертов вириец оказался кудесником, — Рион говорил с нескрываемым отвращением. — А я и не догадался.

— Не будь к себе столь строг, — почти серьезно ответил Вит. — Мы в Княжестве и действительных за нос водили.

— Пошел ты, — отвернулся Рион. — Я, по крайней мере, не в ошейнике, как собака.

— Да, ты не в ошейнике, но только потому, что не умеешь кусаться. Монна выбила тебе все зубы.

— Урод! — рявкнул парень, и мне пришлось шагнуть вперед, чтобы помешать ему бросится на мужчину.

Странное дело, пытаясь остановить Риона, я без всякой опаски повернулась спиной к Виту, к тому, чьим именем пугали в Тарии детей, даже мне бабка рассказывала истории о вирийских людоедах. Но сейчас я знала, он, в отличие от парня, не бросится, и не будет искать ссоры.

— Грызетесь, как муж с женой. Что вам сейчас-то делить? — я уперлась руками в грудь парня.

Ученик мага молча отступил, правда, его молчание было куда выразительнее слов. Я повернулась к чернокнижнику и спросила:

— Что за ошейник?

Вит очень знакомым движением коснулся запястья, грязный рукав чуть задрался, приоткрывая браслет.

— Ограничивающий артефакт, — проговорил он. — При побеге или попытке снять — уничтожает носителя. Длина поводка один вар.

— А это не больно? — спросил вдруг Михей, начисто проигнорировавший едва не состоявшуюся драку. — Не жжется?

— Наоборот, — вместо Вита ответила я. — Холодит и чешется.

Я задрала рукав, демонстрируя парням свой «ошейник».

— Чин-чин, — вириец коснулся моего браслета своим, металл ударился о металл, раздался мелодичный звук. — За преступников.

— Ничего ему не будет, живой, здоровый и почти на свободе, — нехотя признал Рион.

— Почти, — передразнил его Вит.

— Наши любят играть в дипломатов, — парень зло сплюнул. — В прошлый раз, когда стражники отвели душу на пленнике в Вышграде, вирийские выродки так измордовали нашего десятника, на которого хотели произвести обмен, что он больше никогда не мог ходить. А в другой раз просто прислали голову... Я этого не понимаю.

— Чего не понимаешь? Почему душу отводите на пленном вы, а выродки мы? — задумчиво спросил Вит.

— Мы можем разобрать его на части, — с сожалением проговорил Рион. — но за потерявшего товарный вид пленника вирийцы не дадут и медного черня.

— Это да, мы придирчивые, — согласился Вит. — Слушайте, я есть

хочу.

— Тебя в тюрьме не накормили что ли? Так вернись, они рады будут, — Рион отвернулся. — Я его кормить не буду, а у него денег точно нет. А даже если и были, они сейчас в карманах у тюремщиков.

— Я был образцово-показательным пленником, — в руках мужчины, словно из воздуха, появилась серебряная монетка. — Но они, как и вы, не умеют искать.

— Даже представлять не хочу, где ты ее прятал, — скривился Рион, а потом неожиданно взмахнул рукой и добавил: — Идемте.

Ученик мага неплохо знал Велиж, и уже через десять минут мы сидели в таверне «У Плачущего мага» и ждали, пока нерасторопная служанка подаст еду. Наверное, это была местная шутка, потому что пока ждешь, точно заплачешь. От голода.

В отличие таверны в Хотьках здесь зал этой был раза в два больше, и, соответственно, вмещал в два раза больше пьянчуг. Но сейчас ввиду раннего времени трактир пустовал, лишь несколько посетителей сидели за столами и уныло ковырялись в тарелках. То ли настроение не ах, то ли местное варево пришлось не по душе.

— Почему ты не сказал, что кудесник? — спросил у Вита Михей.

— Вы показались мне не особо дружелюбными.

— Испугался? — презрительно вставил Рион.

— Точно, — не стал отрицать вириец. — Зачем мне лишний грех на душу, их на мне и так, как блох на собаке. — Он оглядел полутемный зал. — И мне совершенно не хотелось вас убивать.

— Вирийское отродье, да я тебя... — начал подниматься Рион.

В этот момент деловитая служанка принесла тарелки и в испуге чуть не опрокинула одну из них ученику мага на голову.

— Сядь, — сказал Вит, беря свою миску у испуганной девчонки. Шепотом сказал, но вот вышло резче и громче приказа. — Хочешь подраться? Давай. Мы оба пустые, так что, придется на кулаках. А мне по-прежнему не хочется тебя убивать, как бы ты сам к этому не стремился.

Рион рыкнул, плюхнулся обратно на лавку, пододвинул к себе тарелку и уставился на овощи с таким видом, словно надеялся узреть там ответы на все вопросы.

— А я — вообще не маг, — невпопад вздохнул стрелок, беря ложку.

— Может, помириться? — на всякий случай предложила я.

— Может, — обнадежил нас Рион и стал есть.

Сидящий за соседним столом мужчина в одежде посыльного встал, бросил на стойку несколько медяков и вышел, не оглядываясь.

— Так тебя оправдали? — утолив первый голод, спросил Вит, посмотрел на мой браслет и скривился. — Или нет?

— Или нет, — промямлила я. — Меня ждет Полное Покаяние, и, надо полагать, прощение.

Лицо чернокнижника вытянулось.

— Полное Покаяние? — крикнул он так, что немногочисленные посетители оглянулись, а трактирщица выглянула из-за кухонной двери. — Вы что, спятили, недоумки тарийские?

— А что такого, — вид вышедшего из себя вирийца доставил Риону удовольствие. — Айка ни в чем не виновата, и пройдет ритуал.

— Не сомневаюсь, — с отвращением процедил Вит. — А вот выживет или нет — все в руках Рэга^[33].

— Объяснись, — попросила я, отодвинув тарелку.

— Полное Покаяние — это выкачивание всей энергии, полностью. Подчистую, — он посмотрел на мое недоуменное лицо, вздохнул и пояснил: — Всю — это значит: всю. Даже ту, что заставляет биться твое сердце и ту, что заставляет сжиматься легкие. Это «Полное» Покаяние. Оно останавливает сердца, выворачивает мышцы. Выживают единицы. И эти единицы — отнюдь не мелкие девчонки, которых можно закинуть на одно плечо и проскакать всю Тарию, — в словах Вита сквозила горечь, скулы очертились, у носа залегли глубокие складки, сделав вирийца сразу лет на десять старше. — Ваши маги отказались от этого варварского ритуала еще во времена моего прадеда и придумали более безопасный способ, названный просто Покаянием. Тоже ничего хорошего, но все же.

— Ты специально хочешь ее напугать — тут же зашипел Рион. — Впрочем, я ничего другого и не ожидал.

— И ему это удалось, — я повернулась к Риону. — Он прав?

Парень фыркнул и отвернулся.

— Прав? — с нажимом спросила я.

— В прошлом чаровники хорошенько опробовали этот способ на кудесниках, — вместо парня ответил Вит. — Когда состоится ритуал?

***

Полное покаяние состоялось через пять дней. Проводить вызвался сам высокий Гуар. Наблюдателями стали Неман и, вот уж радость, Тамит.

— Я буду четко контролировать отток силы, и не позволю причинить тебе вред, — успокаивал меня Неман. — Кому, как не хранителю, знать

предел.

Такие речи велись не в первый раз, и раз за разом мне давали одинаковые успокаивающие советы, которые никого не успокаивали.

С каждым днем, с каждым часом, проведенном в доме хранителя, на улицах Велижа, или у дверей тюрьмы в ожидании Вита, во мне множился страх. Он заползал внутрь юркой змеей, и разрастался, заполняя пустоты неуверенности и невежества. Я часто огрызалась, а еще чаще запиралась в комнате, чтобы никто не видел моих слез. Еще очень хотелось разбить что-то, например чашку, в которую мне наливали по утрам отвар, или тарелку с супом на обед. Наверное, я бы сбежала. Если бы смогла.

— Что от меня требуется? Я не умею управлять силой? — спросила я как-то хранителя.

— От тебя? — удивился Неман. — Ничего.

— Но Дамир велел ее учить, говорил — необходимо для ритуала, — возмутился Рион.

— Мой дорогой друг хотел как лучше. При обычном Покаянии чаровник сам отдает силу и должен уметь это делать. К сожалению, нам предстоит иной ритуал, энергию вытянут с помощью артефактов.

От слова «вытянут» по коже побежали мурашки.

Город полнился слухами, кипел от слухов и домыслов, как переполненный водой котелок.

— Слышали, третьего дня ведьму сжигать будут? — брызгая слюной, шептала торговка на рынке.

— Да, не сжигать, а четвертовать, — перебил ее водонос.

— Тьфу на вас и на ваших коров, — высказался кузнец. — Слыхали же, ведьма, а не какая-нибудь воровка. Силу будут вытягивать.

— Ух и повеселимся, — согласился дедок с козлиной бородкой. — Я зятка с вечера отправлю места занимать, а то ведь потом и не протиснешься.

— А я уже корзину помидор приготовила, их давеча гнильца поела, — снова влезла торговка.

Яблоко, в которое я еще минуту назад вгрызалась, вдруг встало комом в горле. А город продолжал бурлить.

— Давненько нас чаровники казнями не баловали, — проезжающий возница хлестнул лошадей.

— А вот яйца кому, яйца куриные, голубиные, порченые!!!

— Подходим, записываемся, не стесняется, — у лавки травника толпилось больше всего народу.

— А чегось так дорого-то?

— Часто ведьм казнят? Нет? То-то.

— И ничего не дорого, — перебил визгливый голос. — Всего по два черня за прядь волос, и серебрянь за настойку из печени. Уйди, коли не берешь. Меня, меня запиши, знахарь.

— Я бы глаз взял, говорят, глаз прошедшего через Покаяние враз всякие козни отводит, — прошамкала бабка в платке.

Я сбежала с рынка, не оглядываясь. Яблоко осталось лежать в пыли. Два раза я пыталась стянуть браслет, один раз с мылом, второй расковырять замок ножом. К первому артефакт остался равнодушен, на второе огрызнулся магией. Кисть онемела и не двигалась до самого вечера.

Рион все время пропадал в мастерской, изготавливая новый камень силы, да и вообще старался не попадаться мне на глаза. Михей все чаще вздыхал, оплакивая свою несбывшуюся мечту. Иногда он молчаливой тенью таскался за мной, иногда разговаривал Витом или бегал с поручениями для Немана. Мир стрелка рухнул, мечта, так навсегда и останется мечтой, и, тем не менее, жизнь продолжалась. А как будет со мной?

Накануне, вместо того чтобы молча войти в ворота тюрьмы, вириец схватил меня за предплечье и, притянув к себе, прошептал:

— Беги. Сегодня ночью, вылезай в окно и уходи.

Предложение, граничившее с безумием. Спровоцированное отчаянием. А то я сама до этого не додумалась.

— Куда? — спросила я, глядя серо-голубые глаза. — Где можно жить с печатью смерти над головой и не бояться получить удар в спину?

— В Тирит. Доберешься до столицы княжества, найдешь кудесника Кишинта, передашь...

— Не доберусь, — я коснулась браслета, а он застонал, словно только что вспомнил. — Можно попробовать экранировать... Не был бы я пустым...

— К тому же я дала слово.

— Тебе страшно до судорог, — чернокнижник взгляделся в мое в лицо. — Но ты помнишь про слово? Кому ты его дала? Зачем? На эшафоте все едино...

Я промолчала, вспоминая учителя Риона. Вспоминая Дамира. И поцелуй. Чувствуя, как против воли учащается дыхание, ради этого воспоминания я могла бы сотворить многое.

«Даже умереть?» — спросила я у своих воспоминаний. И тут же сама себе ответила: — «Нет».

— Даже так, — протянул Вит, прочитав все по моему лицу. — И кто

он? Тот, кому что-то там пообещала деревенская девчонка? Кто-то рассказал тебе сказочку о вечной любви? Об истинных парах? Или чем там сейчас морочат головы простушкам тарийские парни?

— Никто ничего мне не... — начала я, но тут же разозлилась. На себя, на свои слова, ибо выходило, что я оправдываюсь. — Не твое дело.

— И, правда, не мое. Но это всегда можно изменить.

Я даже не поняла, что он собирается сделать, и уж тем более зачем. Сказался недостаток опыта. Кудесник склонился и прижался к моему рту. Шершавые почти зажившие губы царапали мои. Это был резкий поцелуй, грубый и требовательный. Тот, кто так целуется, не привык к отказам. Никакой мягкости и ласки. Лишь отчаяние и горечь.

Так почему же я не оттолкнула его? Почему не закричала? Почему замерла испуганной ланью, ловя теплое дыхание, почему мои губы следовали за его, почему его язык казался таким горячим? Ответа не было. Я едва осознавала, как колет кончики пальцев, которыми так хочется зарыться в его короткие волосы, ощущала, как волна странного огня прокатывается по телу, как...

Вит оторвался от меня, всего на секунду прохладный воздух коснулся губ вместо тепла дыхания. Я заглянула в мужские глаза... И огонь сменился льдом. Черные зрачки глаз вытянулись, превратившись в узкую вертикальную щель, как у ящерицы. Чернокнижник, отродье Дасу, оставленное жить в нашем мире.

Я видела его глаза раньше и знала, кто он. Но сейчас испуганная, уставшая бояться, уставшая представлять будущее, я словно окаменела.

Что я делаю? Что позволяю ему делать с собой?

Я хуже, чем деревенская Лушка, к которой заглядывали на огонек все парни Солодков: и женатые, и нет, а жены и невесты зачастую ходили драть той волосья. Только что думала об одном мужчине и тут же бросилась к другому. И ведь не соврать, что силком принудил. Себе не соврать. Ибо не принудил.

Я не успела скрыть эмоции, тело сделало все за меня. Отшатнувшись, я выставила вперед руки в древнем жесте защиты.

— Что, не красавец? Не нравлюсь?

— Я не...

— Что «ты не»? — спросил вириец. — Не судишь по внешности, а только по поступкам? Уже слышал.

— Да иди, ты, — я толкнула его в грудь.

— Пойду, — согласился он, одергивая пыльную форму. — А вот ты — уже нет, потому что умрешь.

— Тебе-то, что?

— Вот и я думаю, а в самом-то деле, что? — пробормотал чернокнижник под нос и уже тверже добавил: — Существует знак-заклинание, который не даст твоему сердцу остановиться. Но вряд ли ты сможешь применить его в условиях ритуала.

— Я даже запомнить не смогу, — подтвердила я.

Мужчина продолжал смотреть, его взгляд медленно спустился с губ на грудь. Не ахти какую выдающуюся, но я против воли вздохнула, и быстро спросила:

— Что за знак?

Вириец поднял взгляд к моему лицу, дышать сразу стало легче. Всего на миг, потому что он снова стал наклоняться, будто намереваясь повторить поцелуй. Я отшатнулась, вызвав усмешку.

— Смотри, — прошептал Вит, поднял руку и провел пальцем по стене тюрьмы у меня за спиной. Зеленый мох смялся, обнажая грязно-серые стены.

Таинственным знаком оказалась обыкновенная галочка. Такие рисуют дети, когда хотят изобразить птиц. Две наклонные черточки, соединенные нижними концами, и расходящиеся кверху.

— Ты уверен? — я не смогла скрыть недоверия.

— Это «свобода».

— И?

— Когда энергию вытягивают, она сопротивляется, цепляется за телесную оболочку, словно живая, — объяснил чернокнижник. — Маги усиливают нажим и в результате разрушают все. Но если ослабишь узы, связывающие тело и силу, получишь шанс и дальше действовать людям на нервы.

— Давай я ее сразу освобожу?

— Не получится, — не оправдал надежд вириец. — Применишь знак сейчас, ничего не случится. «Свобода» ослабляет привязку энергии к оболочке, но не рвет ее. Иначе маги отбирали бы силу друг у друга, каждый день, как кошель, полный монет. Ты, кажется, так и поступила с мальчишкой? — я смешалась под пристальным взглядом мужчины. — Главное в этом заклинании, Айка, направление. На себя! Поняла? Не на мага, на себя.

— Я запомнила.

— И молись своему Эолу.

— Звучит не очень обнадеживающе.

— А больше тебе надеяться не на кого, — сказав, вириец отвернулся, и

через несколько секунд скрылся в воротах тюрьмы, ставшей для него домом в Велиже.

Проснулась я затемно...

Глава 13. Полное Покаяние

Я помню закрытую карету, короткую поездку по городу, стук лошадиных копыт и отдаленный ропот толпы.

Помню белоснежный балахон до пят, который на меня натянули поверх рубашки и штанов. Заставили снять сапоги и распустить волосы. Это было бы смешно, если бы не было так страшно. Все в лучших традициях — в рубище и босиком. Почему меня никто не спросил, как я желаю выглядеть на собственных похоронах?

Помню солнце, заливавшее сад светом, заставляющее траву и листья играть разноцветными красками. На душе скребли кошки, колени едва не подгибались от страха, а природа, словно в насмешку, дарила один из редких солнечных дней. Лучше бы небо затянуло тучами, и пошел дождь. В дождь все видится совершенно иначе.

Распустились цветы, они раскроются и завтра, даже если для меня сегодня все закончится.

Меня сопровождали два мага, но я даже не запомнила их лиц. Молодые или старые? Красивые или уродливые? Полные или худые? Не знаю, да и не хочу знать. С каждым пройденным по дорожке шагом отдаленный ропот толпы становился все громче и громче, а ледяной шар страха в животе — все тяжелее и тяжелее. Я еще не видела ни фонтана, ни места казни... Вернее, покаяния, но чувствовала, как истекают последние отпущенные мне минуты.

До источника мы не дошли, провожатые свернули к одноэтажному сооружению из светло-серого камня. Что-то мне эта постройка напоминала... Ах да, склеп. Решили продемонстрировать место последнего успокоения? Вот, спасибо.

Передо мной открыли дверь и так же ее закрыли, пропустив внутрь. Маги остались снаружи, давая мне передышку.

Склеп был светлым и просторным, совсем не похожим на мрачные земляные усыпальницы Эола в Солодках. Вытянутое помещение с двумя дверьми. Одна за моей спиной, вторая на противоположном конце. Именно оттуда звучали голоса, крики и ропот толпы. Я поняла, что дышу слишком шумно, с трудом подавляя желание броситься обратно.

Людской гомон стих, и над источником раздался далекий голос мага, наверняка вещавший что-то умное, доброе, вечное. А может, спросивший, все ли тухлые яйца приготовили? Или помидоры? А мешочки для амулетов из отрубленных пальцев? Толпа снова взревела. Эол, о чем я думаю...

Свет косыми лучами падал из узких под самой крышей окон, освещая украшенные барельефами стены, на которых коленопреклоненные отступники со смазанными, подобострастными лицами, целовали одежды магов. Грозные судьи воздели к небу руки. На торжествующих лицах чаровников отчетливо проступало величие. Или безумие. Над всем этим безобразием восходило солнце.

Дверь за спиной снова открылась, и в пустую каменную комнату ворвался ветер.

— Последнее пристанище кающихся, — сказал Рион, гулкое эхо его шагов отскакивало от голых стен.

— Оно и видно. После эдакой красоты, — я указала на стены, — люди должны валить на ритуалы толпами. — Мой смех был слишком громким. Настолько громким, что в любой момент мог смениться слезами.

—Айка, — позвал парень, но я не обернулась.— Я буду ждать тебя здесь.

— Это должно как-то меня утешить? Или помочь?

— Перестань, — его голос дрогнул.

— Что перестать? Задавать вопросы? Бояться? Проклинать тот день, когда ты заехал в Солодки? Что?

—Айка, ты кричишь.

— Знаю, — я выдохнула сквозь стиснутые зубы.— Ненавижу тебя, Рион.

— Если б мог, я занял бы твое место. Но я не могу.

— А если б я могла, то сбежал бы.

— Знаю, — он замолчал.

— Что, если я умру? Не хочу... Эол!

— Знаю, — снова повторил Рион, как будто от этого может что-то измениться.

— Умник, — сказала, я, понимая, что снова срываюсь на крик.— Ничто нигде не жмет?

—Айка, — Рион вздохнул.— Чего ты от меня хочешь? Что я могу сделать для тебя?

— Уйти, — выдохнула я.— Уходи отсюда, мне провожатые на тот свет не нужны.

Минуту он молчал, и я уже думала, что он послушался, что снова

оставит меня одну, но...

— Нет, я так не могу, — совсем другим голосом пробормотал ученик мага.— Вот, возьми, — я не пошевелилась, тогда парень взял мою ладонь и вложил в нее продолговатый предмет.— Мой новый камень силы.

Я вздрогнула, но ученик мага, не дав отстраниться, сжал мои пальцы на кристалле.

— Сломай его. И ритуал отложат. А там мы что-нибудь придумаем.

Снаружи нарастал рев толпы, люди жаждали зрелища.

Неужели он это серьезно? Или это предложение из разряда тех, от которых надлежит отказаться во имя вежливости, истины, чести или еще какой непонятной муры? Красивый жест или спасение?

Я посмотрела чаровнику в глаза. И то, и то. Сколько он думал об этом, сидя в мастерской? Столько же, сколько и я? Больше? И все-таки додумался. В юношеском благородном порыве, чаровник готов отступить, хотя и знает, что пожалеет. Кем он себя сейчас представляет? Героем-рыцарем? Вот, только мир вокруг — это не сказка, и за один миг пьянящего благородства придется расплачиваться всю жизнь. Впрочем, мне какая разница? Никакой.

Дверь снова распахнулась, на этот раз в зал вошел Тамит. Видимо решил лично сопроводить меня в последний путь.

— Айка Озерная, вы готовы пройти Полное Покаяние? — спросил вышградский маг.

«Нет», — хотелось сказать мне, и показать что-то неприличное, вроде шиша, что бабка пьяному Верею под нос сунула, когда он за наливкой к нам забрел. Надо сказать, староста долго рассматривал конструкцию из пальцев, пока не рассмотрел...

Рион, полностью вжившийся в роль благородного героя, сделал шаг вперед и с подобающей интонацией изрек:

— Я, Рионер Остаховский из Белой Подгорицы, ученик Дамира действительного Вышграда отказываюсь от силы и передаю ее Айке Озерной добровольно и безвозмездно. Я понимаю все последствия своего решения и принимаю их, — парень сглотнул, на тощей шее задвигался туда-сюда кадык.— Ритуальные слова сказаны!

Наверняка с таким же лицом, полный уверенности в собственной правоте, он ляпнул обет мага в Хотьках. С таким лицом и умрет когда-нибудь. Герои — они всегда ближе к юродивым, чем к нормальным людям.

— Чертово отродье, — процедил сквозь зубы Тамит, явно имея в виду не Риона, и вдруг развернувшись, ударил ученика мага в висок.

Даже я, ожидавшая от мага любого подвоха, вскрикнула от

неожиданности. Парень закатил глаза и упал.

— Сказаны-сказаны, — проговорил обвинитель, встряхивая рукой.— Но я туговат на ухо стал после последней Аталынской компании...

— Что вы делаете? — закричала я, бросаясь к парню.

Тамит перехватил меня поперек талии. Я закричала снова, вырываясь и брыкаясь, как ослица мельника, когда на нее грузили мешки.

— Ты пройдешь ритуал, — с угрозой в голосе проговорил маг и, схватив за руки, потащил к выходу. Я упиралась, но как выясниться голыми пятками много не по упираешься. Чертовы маги с их традициями!

— Пройдешь, — он распахнул дверь, — иначе убью тебя прямо сейчас... — я извернулась и укусила его за руку.— Ах ты, тварь! — прорычал он, распахнул дверь и вышвырнул меня на дорожку с другой стороны «склепа».

Толпа взревела. После прохлады здания парк показался мне душным и жарким, одуряюще пахло травой, цветами и людским потом. Прямо от двери начиналась широкая выложенная речным камнем дорожка, ведущая к сколоченному из досок возвышению, так похожему на эшафот. Только виселицы не хватает. Стражники через каждые два шага и люди. Много людей, множество глаз и открывающихся и закрывающихся ртов. И где-то вдали за их спинами, пел песню источник, пока тихую и спокойную.

Маг вытолкнул меня с такой силой, что я споткнулась, упала, ударившись коленами, да так и замерла на дорожке, стараясь успокоить гулко бьющееся сердце.

Алая, раскисшая с одного бока, помидорина вылетела из толпы и разлетелась на камнях у моих рук, забрызгав мне запястья.

Вторая помидорина ударила в плечо. А вот интересно, за что они меня так ненавидят? За внешность или за белое рубище?

— Айка, — на мои плечи легли чужие руки, и Неман помог мне подняться.— Что случилось?

Тухлое яйцо шлепнулось прямо у его ног, не долетев до меня локоть. Толпа разочарованно загудела, маг поднял голову и первые ряды попятнулись. Да, он был невысоким, полноватым, одетым в нелепое черное платье, которое наверняка было церемониальным и очень хорошо констатировало с моим рубищем. Но еще он был чаровником, хранителем фонтана Силы. Ропот стал стихать, и остальные овощи остались не востребованными. Пока.

— Нет, не в порядке, — ответила я и торопливо скороговоркой добавила: — Рион отказался от силы, а Тамит стукнул его по голове, убить грозился, если не пройду ритуал...

Я видела по его глазам, что прозвучало не очень, что он услышал не объяснение, а истеричный крик девчонки, которой до ужаса страшно. Видела, но поделаться ничего не могла, ибо я и была девчонкой, которой до ужаса страшно.

Но Неман меня удивил, он отпустил мое плечо, шагнул к склепу, распахнул дверь... И, осмотрев пустой склеп, повернулся ко мне.

Чертов Тамит! Чертов ритуал! Чертово все!

— Я не вру, — тихо проговорила я.

— Айка, — по-отечески попенял он.— Приговор вынесен и будет исполнен, я же дал тебе слово, что...

— Не надо! — к несказанному восторгу толпы, я заревела.

Хранитель фонтана расстроено покачал головой, поднял руку, подавая знак, кому-то за моей спиной. Два стражника тут же встали по бокам и взяли меня за руки. Очень невежливо взяли. Все правильно, если раскаивающийся не хочет раскаиваться добровольно, мы заставим его это сделать, исключительно во имя добра.

Солдаты подтащили меня к платформе, хотя я уже не особо сопротивлялась, только почему-то не могла перестать плакать. Еще один помидор ударился о живот, второй оставил влажный след на ноге солдата. На эшафот вели три ступеньки. Об вторую, я сбила ногу, но мужчины быстро втоптали меня на возвышение.

Отсутствие виселицы с лихвой компенсировал невысокий столб с колодками. Надо ли говорить, как он мне не понравился? И надо ли говорить, что все остальные на это чихать хотели? Вывод — они с самого начала предполагали, что я взбрыкну. Или колодки — важная составляющая ритуала, без которой Покаяние не Покаяние?

Меня, словно куклу, поставили в центре возвышения и заставили вытянуть руки вперед. Я упиралась, но мужчина всегда сильнее женщины, а уж двое солдат, тем более. Широкий столб был примерно высотой мне по грудь, колодки крепились к этому покосившемуся чурбаку, словно перекладина к покосившейся ножке. Запястья легли на прохладное, отполированное множеством прикосновений, дерево колодок. Еще один маг в черном платье, опустил верхнюю половину, запирая мои руки, и щелкнул замком. Теперь я стояла, чуть наклонившись вперед, стояла и ждала, когда же наступит неизвестность.

— Нет, пожалуйста, — проговорила я, но никто не услышал.

Я разжала ладонь, на ней все еще лежал кристалл Риона. Его камень силы, который он предлагал мне сломать, чтобы отложить ритуал. Только будет ли толк? Неужели они и в самом деле отложат действие, объявив всем

эти людям, что казнь переносится? В это мог поверить только такой, как Рион. Думаю, они найдут, куда слить силу. В бок ударил еще один помидор, оставляя красный отпечаток на выбеленной одежде. Может, для этого его и надели? Практично и для похорон переодеть не надо. Хотя, о чем это я, какие похороны, меня просто разберут на талисманы.

Я опустила голову, волосы упали на лицо, неровные плохо подогнанные доски эшафота, покрывал рисунок. Жирные меловые линии образовывали треугольник вокруг столба с колодками, на каждом из острых углов был нарисован круг. Обычные каракули, что рисуют на щитах наши парни в Солодках, а потом упражняются в меткости метания камней.

Обычные, да не совсем... В каждом из кругов по символу, размашистому и непонятному. Руны? Как говорила бабушка, у нас любые непонятные закорючки — либо руны, либо адские письмена.

Эол, почему же так страшно? Так страшно не было даже когда Сима заболела, а я дрожащими руками заваривала отвар, очень боясь напортачить.

Маг, что закрыл колодки, остановился у края помоста и поднял руки:

— Братья и сестры, маги и люди, мы пришли сюда, чтобы увидеть торжество правосудия, увидеть торжество добра над злом...

Ну, тут все ясно, маги — добро, я — зло и тому подобное... бла-бла-бла... традиции покаяния возрождаются... бла-бла-бла... справедливость, равенство, братство... что-то еще не менее загадочное и странное. Люди отвечали одобрительным гомоном и рукоплесканиями, вряд ли понимая хотя бы каждое третье слово. Я тоже не понимала, да и не хотела.

Я сжимала кристалл и дергала руками, уже зная, что освободиться не получится, и все равно не могла остановиться.

В толпе мелькнуло озабоченное лицо Вита, Михея нигде не видно, как и Риона. Мой взгляд перебежал с одного зрителя на другого. Им было весело, они переглядывались, толкали руг друга локтями, пряча за спинами овощи и яйца.

Я закрыла глаза, и тут же снова открыла, потому что в темноте было еще страшнее. Нестройные голоса распались на отдельные выкрики, удар в руку и очередной помидор разлетелся алыми брызгами. Кто-то по-детски счастливо рассмеялся. Тонкий звук, как пощечина, заставил меня повернуть голову. Я отдала бы все, чтобы стоять там и смеяться вместе со всеми. Девушка расхохоталась снова, не сводя с меня зеленых глаз.

Меня прошиб холодный пот. Я смотрела в ее лицо, в неожиданно знакомое лицо, и чувствовала, что еще немного, и снова зареву. Это было почти невозможно. Что она тут делает? Откуда? Когда? Как?

В первом ряду между почтенной матроной в расшитом платье и кузнецом в фартуке стояла знакомая девушка. Пропавшая Лиска из Хотьков, рыжая, красивая в голубом платье, совсем не похожая на разносчицу, что служила в трактире у Питриша. Она улыбнулась и послала мне воздушный поцелуй.

Путешествовать по Тарии не запрещено, и девушка вполне могла оказаться здесь совершенно случайно. Могла, но стоя босиком на эшафоте со скованными руками, я так не думала. Она пришла посмотреть на казнь. И причины этого меня сейчас не интересовали.

Наверное, я бы закричала, просто так, от страха, от несправедливости. И уже открыла рот, когда откуда-то сверху обрушилась тишина. Словно я на мгновение оглохла. Неестественное, почти угрожающее молчание. Зрители, маги, стражники — выжидающе уставились на меня. Коленки вдруг задрожали. Речи закончились, сейчас начнется казнь, тьфу, покаяние...

Тот самый говорливый маг встал прямо напротив меня и поднял руки. Его магия неслышно разлилась по эшафоту, и воздух вокруг загустел, став вязким и неподвижным, как вода в болотине за Старым поймищем. Я там, в бочаге лапоть оставила, а потом хворостиной от бабки получила. Обувка была почти новая.

Только воздух держал намного лучше топи. Я попыталась наклонить голову и поняла, что не могу этого сделать. Я чувствовала себя словно долька яблока, которую опустили в вязкий сироп. Не больно, но с места не сдвинешься.

По пальцам мага побежали огоньки. Толпа охнула и замерла. Я смотрела на людей на застывшее на лицах предвкушение, и к горлу подкатила горечь. Интересно, если меня стошнит, это сильно испортит торжественность момента?

Искорок в руках у мага становилось все больше и больше, они скапливались на коже, окрашивая его ладони в серебряный цвет. Еще и еще, пока их не стало так много, что казалось, в руках чаровника пылает маленькое солнце. Толпа победно взревела, сияющий шар разлетелся, брызнул в разные стороны ослепительными лучами. Их свет лег мне в лицо, совсем как на том барельефе в склепе.

Видимо, пора каяться.

Свет казался таким большим, таким ярким, что в первый миг показалось, что я растворяюсь в нем, что я исчезаю. Свет рос, а я уменьшалась. Сияние заполняло мир, проникало всюду, забиралось внутрь через глаза, рот, нос, через кожу.

Оно коснулось кошки, и зверь, потянувшись, поднял голову. Я стояла в неловкой позе, со скованными руками, чувствуя голыми пятками шершавое дерево помоста, а сила внутри меня просыпалась, потягивалась, с интересом присматриваясь к внешнему миру.

Она видела все: помост, мага и расплывающиеся уродливые лица зрителей, и я видела их вместе с ней, потому что это были и мои глаза тоже. Ей не мешал серебряный свет. Я не могла двигаться, а вот она плевать хотела на то, что нас окружало.

Прекрасный, сильный, опасный зверь встал. Под ногами или лапами мягко замерцал рисунок треугольника. Камень был теплым и ласково покалывал подушечки пальцев. Или лап.

Я или она ощутила чье-то присутствие рядом. Мы фыркнули, запах был не особо приятный, но знакомый. Неман, тот толстяк, что обещал нам жизнь.

Хранитель фонтана стоял сбоку от столба с колодками, стоял точно так же, воздев руки к солнечному небу. Он заговорил, на странном гортанном наречии, которого я не понимала. Отрывистые и раскатистые звуки, они окружали нас со всех сторон, словно жужжащие осы, и то одна, то другая садилась на мою шкуру, прилипая к коже, и вонзала тонкое обжигающее жало.

Зверь зарычал, я закричала. Да это был именно крик, потому что издавало его мое горло. Магия Немана вцепилась в меня невидимыми крючьями и стала дергать в разные стороны, давить, тянуть. Шкура или кожа затрещала.

Я продолжала кричать. Мы продолжали.

А люди глотали эти крики с жадностью, ловили, задирая головы, и иногда зажмуриваясь то ли от счастья, то ли от ужаса.

«Не надо! Не делайте нам больно. Пожалуйста!» — мысленный крик остался без ответа.

Каким-то чудом я все еще стояла. Каким-то чудом у меня еще были ноги и руки, была голова, тело, хотя внутри все рвалось на части.

То, что происходило, было скрыто от посторонних глаз.

Чаровники ломали силу. Рвали на куски, чтобы вытряхнуть из меня, как слишком большую помидорину из банки с узким горлышком. Внутри что-то затрещало, по ушам ударил звериный визг, и часть меня оторвали заживо, словно руку или ногу. Кошка протяжно взвыла.

Люди говорят, любую боль можно перетерпеть. Так вот, они — идиоты. Чаще всего просто невозможно перетерпеть.

Маги заберут мою кошку, заберут по частям. Сохранят энергию, по-

варварски жестоко изувечив ее. Ведь можно продать барана целиком, а можно разделать, вес от этого не изменится. Так вот, меня сейчас именно разделявали, а не вытягивали силу.

Боль не отпускала, не оставляла места ни для чего иного, пропустив лишь одну единственную мысль, ужом скользнувшую в приоткрытую дверь агонии. Вит был прав. Вит был с самого начала прав. Вит...

И тут же перед глазами возник его чуть насмешливый образ. И поцелуй, от которого я отшатнулась. Идиотка. И палец, рисующий на мхе стены галочку. Знак свободы.

Что лучше отпустить силу или смотреть, как ее разорвут? И спасет ли это меня? Да какая разница!

Очередной кусок силы с треском оторвался. Малейшее промедление, и будет поздно. На миг мы — я и она, встряхнулись, поднялись на слабеющие лапы, припали к земле и... прыгнули. Зверь, прыгнул, а человек остался прикованным к столбу. Кошка взвилась, обернувшись серой лентой, обрисовала в воздухе знак. Вниз и вверх. Детская галочка, такая простая, что в ее волшебство не верила даже я сама.

«Направление на себя!» — напомнил, продолжавший жить в памяти, Вит. И я дернула ее, заставляя обрисованный знак «упасть» обратно. И серая лента исчезла, распалась на нити.

Не получилось!

Наверное, маг что-то почувствовал, потому что его крючковатая магия вдруг задергалась, зашевелилась, впиваясь еще глубже. Мир окрасился алым. Последняя попытка. Самая последняя, на еще одну нас не хватит.

Я снова выпустила силу. То, что он нее осталось. Зверь, обернулся совсем махоньким котенком, и снова прыгнул, вытягиваясь в тонкую ленту, и, сгибаясь, обрисовывая в пространстве галочку.

Давай! Давай!

Еще одна галочка и еще одна, и еще. Я словно заикалась от страха и боли, никак не могла остановиться.

Третья галка, четвертая, пятая. Эдакая елка вверх ногами.

Я вряд ли осознавала, что делала.

«На себя!» — мысленно закричала. — «Ко мне!»

Закричала так, словно зверь был настоящим и мог услышать. И кошка послушалась, развернулась и прыгнула обратно. Прямо в грудь, туда, где еще билось сердце.

Что я сделала? Что натворила? Почему вместо того, чтобы освободить силу призвала ее обратно? Ох, Вит, не ту ты взялся учить. Не ту...

Мир пошатнулся, мигнул, утратил краски. Цветок обжигающей боли

раскрылся в груди. Словно горячей кочергой приложили. Я захлебнулась криком. В ушах нарастал звон. Магические крючья чаровников замерли и разлетелись на мелкие стеклянные кусочки. Земля завертелась, дерево колодок вдруг поднялось и соприкоснулось с лицом.

Нет. Не поднялось, это я упала, ударившись носом о колодку. На дерево закапала кровь. Ветер коснулся разгоряченной кожи прохладным языком.

Я слышала крики и ругань, топот и визг. Звуки наваливались со всех сторон, то отдаляясь, то приближаясь. Меня подхватили под локти, щелкнул замок колодок, руки освободили. Кисти с красными отпечатками вокруг запястий бессильно повисли вдоль тела. Из ладони выпал продолговатый камушек. Кристалл Риона, который я весь ритуал сжимала в ладони, и который так и не смогла сломать второй раз. Были бы силы, я бы рассмеялась.

Кто-то пытался поставить меня на подгибающиеся ноги.

К горлу тут же подкатила тошнота, внутренности скрутило узлом. Хотелось попросить:

«Положите на место, сама умру!» — но с губ сорвался только тихий сип.

— Жива? — спросил неизвестно откуда взявшийся Тамит.

Вместо ответа я согнулась, и меня вырвало. Прямо на обвинителя, что вызвало даже некоторое удовлетворение.

— О, черт, — растерялся чаровник.

Вдохновенная эффектом, я с удовольствием повторила сие действие. Спазмы внутри никак не удавалось унять.

— Отойди от нее! — закричал кто-то.

Это и стало последним воспоминанием о ритуале. После этого еще была какая-то возня, ругань, легкое покачивание, словно меня несли на руках, но глаза больше не открывались, а сознание мягко ускользало.

***

Я открыла глаза и увидела темноту. Ослепла? Боли не было, особого страха тоже. Я чувствовала, что лежу на чем-то твердом и неудобном. Все ясно, умерла. И это мой гроб. Даже мешковины пожалели, так и бросили на голые доски. Им-то все равно, а мне было бы приятно. Эх, нелюди...

— А где обещанный свет в конце пути? — на пробу пожаловалась я.

— Обойдешься, — ответили из темноты.

Вспыхнул свет, от которого я, и вправду, едва не ослепла, заморгала, заслоняя ладонью слезящиеся глаза. Несколько мгновений мир был наполнен цветными пятнами, которые медленно складывались в предметы. Полукруглая комната, нет, скорее кабинет, стол заваленный книгами и свитками. Покрытые пылью и засиженные мухами звездные карты на стенах, светильники под потолком, наверняка магические, иначе вряд ли бы зажглись сами по себе. Меня положили не в гроб, а всего лишь на деревянную лавку. Я почувствовала пристальный взгляд и подняла голову, от резкого движения комната качнулась, но это не помешало разглядеть, сидящего в кресле Тамита.

С тем светом придется подождать, я точно еще на этом.

— Встать можешь?

— А есть выбор? — я оперлась рукой о лавку и приподнялась, в глаза бросился светлый ободок вокруг запястья, оставшийся от снятого ограничителя-браслета, и красная вспухшая полоса рядом, как память о колодках.

Неужели меня отдали Тамиту? Нашли силу его брата? Откуда? Хотя с магов станется. То-то мне так плохо...

— Нет, если не хочешь на самом деле увидеть свет в конце пути, — в его словах не было ни капли угрозы, и это почему-то пугало.

— Я еще не решила, чего хочу.

Вышградский маг улыбнулся, просто и открыто, повергая меня в состояние тихой паники. Что же должно случиться, чтоб вредитель начал расточать улыбки? Конец света или умопомешательство — неважно, чье?

— Все-таки ты неправильная. Я ожидал вопросов. Где я? Что со мной? Слез, истерик, на худой конец.

— Обязательно исправлюсь, — пообещала я, садясь. Кабинет тут же закружился, как и улыбающийся Тамит.

— Не надо язвить, девочка, я ведь пытаюсь сберечь твою шею, — попенял маг.

— Странные слова, учитывая, что единственная угроза находится прямо передо мной, — попытки вывести мага из себя доставляли мне удовольствие.

— Поздравляю, теперь у тебя теперь есть враги и посерьезнее.

— Расту, — проговорила я, хватаясь за голову, и это странным образом остановило вращение.

— Ты даже не поняла, что произошло, — снова попенял обвинитель, от него пахло чем-то кислым и неприятным, на черном одеянии остались грязные разводы, значит, после того, как меня вывернуло на его одежду,

времени прошло не так много. Хотя конечно, хотелось бы знать, немного — это сколько?

— Просветите.

— Силу вытягивали кьят за кьятом, — начал рассказывать чаровник, не отреагировав на намеренную грубость.— Твой природный резерв разлетелся вдребезги. Тут бы и закончить все, во славу Элоа... Да, вот незадача, резерв разрушился, а сила все равно не кончалась. Понимаешь? Ритуал длился и длился. Резерва нет, а сила есть. Они даже сейчас не уверены, что забрали все. Теперь совет магов в полном составе обсуждает... этот феномен. По-моему, они поверили, что ты — ворд. И поверь мне, это лучше, чем... — он неожиданно замолчал.

— Чем, что?

— Чем сила... были такие маги... В общем, не важно, все равно не поймешь.

— А как же сила вашего брата? — я встала и покачнулась.

— Не обнаружено, — скучным голосом ответил Вышградский маг.

— Неужели? А вы хорошо смотрели? Может, нужно еще раз на эшафот сходить, так я с дорогой душой.

— Хватит, — рявкнул Тамит, становясь, наконец, тем самым Тамитом, которого я знала. — Формально перед законом ты чиста, силу забрали, печати смерти больше нет.

— Это ведь хорошо? Или пока я тут лежала, что-то поменялось, и теперь печать смерти обязательна к ношению каждым жителем Тарии?

— Ты слушаешь, но не слышишь. Твоя сила — это что-то новое, понимаешь? Или хорошо забытое старое, — мужчина озабочено побарабанил пальцами по столу.— В любом случае, отпускать тебя глупо. А может, и опасно.

— Мне, что, вспорют брюхо, чтобы посмотреть такие ли сизые у меня кишки, как у всех остальных?

— Ну, не сразу, — обрадовал маг. — Сперва будут изучать, ты даже этого не поймешь, — он пожал плечами. — Предложат место в Веллистате, вон, хоть помощницей травника, домик справят...

— Но бабушка...

— И бабушку вызовут, и жалование выдадут. Откажешься, что ли?

— А вот и откажусь, — скорее из упрямства сказала я.

— Ну, а если откажешься, думаю, скоро заболеешь. Плеснуть в суп нужную настойку недолго, сляжешь с лихорадкой и уже не встанешь. Но это, если по закону все делать.

— Настойку в суп — это по закону?

— Точно, а могут и просто приказ отдать, и стражники со всем старанием снова определяют тебя на постой в темницу.

— Зачем, вы мне все это рассказываете? Пугаете?

— Да, — согласился Тамит.— Пугаю. Единственный выход для тебя — бегство.

— Да, неужели? — улыбнулась я, чувствуя, как снова подкатывает тошнота. — А вы мне помогаете, рассказываете о планах магов?

Ответить ему не дала распахнувшаяся дверь, громко стукнувшая о стену. В кабинет вбежали Михей с Рионом, а за ними шел мрачный, как тысяча дасу, Вит.

— Вы ударили меня! — закричал Рион, на виске парня уже набухла шишка, правый зрачок был залит кровью. — Вы не остановили ритуал!

— Да, — не стал отрицать Тамит. — Могу извиниться. Надо?

— Да, как вы посмели! Как...

— Легко и просто. Будешь и дальше кричать? Или поговорим о ней? — прервал его чаровник.

От возмущения, Рион даже не смог произнести ни слова.

— Ей надо бежать. Сейчас, пока не закончился совет, и пока не закрыли городские ворота.

— Зачем? — не понял ученик мага.

— А ты у своего камушка спроси, — предложил вышградский маг. — Сколько силы она тебе в него закачала, вдвое больше чем было, втрое? Впятеро? Думаешь, маги оставят такое без внимания?

Рион инстинктивно коснулся висящего на цепочке кристалла и нахмурился.

— Поверьте, ей не дадут спокойно жить. Ей вообще не дадут жить. Я и сам не уверен, что поступаю правильно, рассказывая вам все это...

— Эй! — возмутилась я. — Какого дасу вы его слушаете? Это же Тамит! Вредитель! Тот самый, что не хотел, чтобы мы вообще сюда добрались. Вспомните ловушки.

— Очаровательно, — чаровник, медленно поднялся.— Настаивать не буду, я вас предупредил.

— Почему? — спросил вдруг доселе молчавший Михей.—Сперва значит, голову на плаху кладешь, а потом от беды уберегаешь?

— Я умею признавать ошибки, — ответил маг.—Сделанного не исправить: ни ловушки, ни суд, ни ритуал. А значит, за мной долг.

— Обойдусь, — запоздалое признание мага разозлило меня.— Оставьте себе и радуйтесь.

— Мы тебе не верим, — упрямо проговорил Рион за всех. —Сперва

враг, потом друг...

— Да и на здоровье, — чаровник посмотрел на парня. — Что бы сделал ты, увидев перед собой убийцу брата?

Рион уже хотел ответить, а потом посмотрел на Вита и закрыл рот. Он видел. При штурме Пограничного гарнизона семью ученика мага вырезали вирийцы. Не чернокнижник, но...

— Ее будут искать, — сказал Вит.

— Будут, — согласился вышеградский маг. — Поэтому ехать надо туда, где ее не найдут. А если найдут, то достать на смогут, — он выразительно посмотрел на верхового и для непонятливых, вроде меня, добавил: — В Княжество так просто не сунутся. Отвези ее в Вирит, чернокнижник.

— Эй, — возмутилась я. — Это не ему решать. Что я там забыла?

Мужчины не отреагировали, продолжая играть в гляделки.

— Что взамен?

— Еще и торгуется, — усмехнулся Тамит. — Свободу. Здесь и сейчас. Согласен?

— Послушайте, мне есть, куда податься. Не надо одолжений, — возмутилась я. Кабинет качнулся сначала в одну сторону, потом в другую и нехотя остановился.

Почему мужчин хлебом не корми, дай кого-нибудь спасти, героем себя почувствовать?

— Куда? К бабке, небось, в Солодки. Там точно не найдут, — Тамит и не пытался скрыть насмешку.

— Так мне лошадей седлать? — спросил Михей. — Или пешком пойдём?

— Как хотите, — отмахнулся Тамит. — Уехать должна Айка, а у вас своя голова на плечах.

— А у меня ее, надо полагать, нет, — пробурчала я, все еще с опасением приглядываясь к Тамиту, слишком резкой была перемена от мстительного мага до обычного мужчины, он вроде бы все объяснил, но... Но осадок остался.

— Я должен вернуться к Дамиру, — с разочарованием проговорил Рион.

— Попробуй, — обвинитель повернулся к столу и стал переключивать бумаги. — Получив послание от Суда семерых, действительный Дамир тут же выехал из Вышграда в Велиж, чтобы дать объяснения по поводу артефакта, но, — маг нашел, наконец, нужную бумагу, взялся за перо и стал что-то быстро писать, — сюда, так и не добрался.

— Дорог много, — прошептала я, очень стараясь не представлять, что

могло случиться с учителем Риона в пути. Это с нами могло произойти, что угодно. Могло и происходило. С нами, а не с Дамиром. Не с ним.

— Оно, конечно, — задумчиво проговорил маг, повернулся и протянул бумагу Виту.— Возьмете в конюшне четырех лошадей, две ваши, две мои, покажете разрешение старшему стражнику, — Тамит качнул бумагой, — и вам вернут оружие. Выберетесь из города, а там уж сами решайте — вместе вы или порознь.

— Снимай, — вириец медленно поднял руку с браслетом, его пальцы сомкнулись на желтоватом листке.

Маг отпустил бумагу, кивнул и коснулся браслета, одновременно втолковывая нам непутевым, что делать:

— Выезжать лучше через северо-восточные ворота. На карауле всего десяток, чаровника нет. Вирийцу подберу одежду, чтоб крестом на спине не сверкал. На старый тракт не суйтесь, разъездов полно, да и искать там будут в первую очередь. Забирайте к западу выше Вереге, а там по дуге обратно на восток.

— Я смогу вернуться в Тарию? — спросила я, уже зная ответ, но все еще надеясь.

Тамит ничего не ответил, его руки порхали над браслетом, словно у какого-нибудь мастера.

— А не боишься, что я сдам ее нашим чернокнижникам, и все дела? Нам тоже водянка для опытов не помешает.

Маг дернул за браслет, артефакт раскрылся. Вириец шевельнул рукой, и бесполезная железка упала на пол. На бледной коже ярко выделялись два темно-красных пореза, с запястья мужчины потекла кровь. Чернокнижник не пошевелился, продолжая смотреть на велижского мага, даже рану не зажал.

— Придется рискнуть, — ответил вредитель и распорядился:— Переодевайся. А ты — надень амулет, — он кинул мне капельку злосчастливого маскировочного артефакта. Ваше время почти вышло.

Конец первой книги

Книга 2. Нечисть, нежить, нелюдь

Глава 1. Беглецы

Из ворот нас выпустили. Стражники даже не поинтересовались, кто мы, и куда нас демоны понесли.

Город давно скрылся за холмами, а мы все не снижали темпа, проносясь сквозь рощи, заросли кустарников и петляя меж оврагов. До самого вечера, пока лошади не захрипели, пока мышцы едва ли не сводило судорогой, а пальцы, сжимавшие поводья, не отказались шевелиться, пока Вит, задающий направление не указал рукой на опушку леса.

Собираясь в спешке, никто не подумал о припасах, только о железе и лошадях. С прежнего путешествия осталось немного круп и кореньев. Хорошо хоть торбу с травами и настойками выдали вместе с железками. Я лишилась запасной одежды и денег, Вит был полностью безоружен. Хотя, с этим наверняка можно поспорить.

Мы ели в тишине, загребая из котелка кашу, сваренную из остатков круп, и никто не решался заговорить первым. Наверное, потому, что теперь, с этого момента, никто из старших и умных не укажет путь. Сейчас придется решать нам. Самим! И отвечать — тоже. Сперва за меня решала бабушка, потом Дамир, потом суд семерых и Неман. А теперь предстояло научиться делать это самой.

Стоило ли преодолевать столько препятствий на пути в Велиж, чтобы покидать его вот так — убегая, едва ли не большей преступницей, чем раньше?

— Куда едем дальше? — первым не выдержал Рион.

— Разве не в княжество? — удивился Михей, выскребая котелок.

— Я бы поостерегся слепо следовать указаниям чаровника, — чернокнижник посмотрел на огонь и попросил: — Рион, дай карту.

Парень скривился, но огрызаться не стал, быстро расстелив на земле исчерканный лоскут кожи.

— Вот здесь граница ближе всего, — указал ложкой стрелок.

— Она везде близко, — отмахнулся Вит. — Айку будут искать, и когда выяснится, что я бежал с вами, дальнейший путь просчитают без труда. На границе нас будут ждать.

— Может, мы сперва решим, сколько нас? И кто именно с кем и куда едет? — проговорила я. — У Айки может быть есть свое мнение.

— Слушаю тебя,— серьезно сказал вириец.

— Неподалеку от Солодков как-то Перка-душегуба ловили, — задумчиво начала я. — Не помню, скольких мужик порешил, но мотало его от Верхних Холмов до Малого Поймища.

— Поймали? — с интересом спросил Михей.

— Собаками затравили.

— К чему ты все это рассказываешь? — спросил Рион.

— К тому, — вместо меня ответил Вит, — что нас, скорей всего, поймают.

— И что, можно тогда никуда не ходить? — разозлился ученик мага.

— Я сказал «скорее всего», а не обязательно, — поправился вириец. — Все будет зависеть от того, насколько им на самом деле нужна Айка.

— Это если верить Тамиту, — покивал Рион, и спросил: — А мы верим?

— Не знаю, но проверять, как-то не тянет, — я поежилась и добавила: — Давайте представим, что верим. Так вот, когда...

— Если, — перебил Вит.

— Если нас поймают, то вам, — я посмотрела сначала на Риона, потом на Михея, — не удастся убедить магов, что просто мимо проходили.

— С каких это пор, ты думаешь о ком-то, кроме себя? — хмыкнул Рион. — Или тебя это так после ритуала перекроило?

— Я думаю о себе. Одной уйти куда проще, чем в компании с недомагом, недострелком и недо...

Вит поднял брови, и я не стала договаривать.

— Хорошая она у вас, — улыбнулся вириец и тут же став серьезным добавил: — Но она права. Я-то в любом случае для тарийцев ярмарочный уродец, причем опасный, потомок дасу, а у вас еще есть шанс людьми остаться.

— Правильно говоришь, — покивал Михей и вопреки всему добавил: — Поэтому я еду с Айкой.

— Зачем? — я отложила ложку, которую вертела в руках.

— Что? — не понял стрелок.

— Зачем ты едешь с Айкой? Со мной, то есть.

— А чего мне дома делать? Смех за спиной слушать? Рыбу ловить? Так, батя вместе с лодкой утоп. И сетями. Да ну, — он махнул рукой. — И...

— И замуж за тебя никто не пойдет, — закончил Рион. — Все это мы уже слышали. Вот сгинешь, так сразу невестами обзаведешься, на том свете.

— А сам? — посмотрел на него Вит. — Не хочешь отправиться на поиски учителя?

— Я тоже с вами, — Рион не отвел глаз. — Прослежу, чтобы ты Айку своим чернокнижникам не сдал. На опыты.

— Так, — мужчина хохотнул, — обоих сдам, еще и орден получу от верховного некроманта.

— Ну, хоть кому-то прибыль, — я потянулась. — Итак, куда едем?

— Предлагаю направиться вот сюда, — вириец склонился над картой и коснулся пальцем ничем не примечательного места.

— Север Тарии необитаем, граничит с Озерным краем. Кто в здравом уме туда сунется? — возмутился Рион.

— Вот именно, — кивнула я. — Никто. Они ж не знают, что у нас об уме и речи нет, а уж о здравом — тем более.

— Думаю, на деле сведения о пустынности этих мест сильно преувеличены. Готов поклясться — деревушек и хуторов там не меньше, чем на юге. Люди живут везде, — чернокнижник оглядел нашу компанию.

Его лицо, освещаемое бликами костра, вдруг показалось мне слишком резким. Нос, скулы, запавшие глаза, бледная кожа и грязные волосы. Говорят, так выглядели дасу, когда принимали человеческое обличье. Ну, и еще у них из глаз огонь изливался и из ушей, и еще из какого-нибудь места, если присмотреться...

— Мне все равно, — сказал Михей, — на север, так на север.

— Я согласна.

Мы посмотрели на Риона.

— Давай, чаровник, — поддел Вит. — Айкину родню навестим. Когда еще представится случай.

— Там не может быть хуже, чем в Вирийском княжестве, — согласился, наконец, чаровник. — На север.

Мы взяли северное направление следующим утром. Крупных трактов избегали, пробираясь узкими стежками и перелесками. Кроме Облачка и деревенского мерина стрелка, у нас еще были две длинногривые, тонконогие, рыжеватой масти лошадки. Интересно, насколько в динах мы разорили магов? Надеюсь, намного.

Поля, холмы, редколесье сменяли друг друга. Этот край впрямь не пользовался в народе любовью, селения встречались лишь изредка, мы старались объезжать их по широкой дуге. Иногда вслед лаяли собаки, иногда выли волки. И то, и другое настораживало, но погони, если таковая и была, мы пока не замечали.

Михею с третьей попытки удалось подстрелить зайца. Кто больше

удивился этому: мы, стрелок или покойный зверь, сказать трудно.

К полудню третьего дня задававший направление Вит натянул поводья, заставляя лошадь перейти с рыси на неторопливую иноходь, а потом и вовсе остановился. Облачко тихонько заржала.

— Дымом пахнет, — проговорил чернокнижник: — Впереди селение.

Возможно, мы слишком долго и монотонно убегали, оглядываясь через каждый вар, а может, дело в том, что нас так никто и не торопился догонять, но Михей неожиданно прогудел:

— Я бы припасов купил. Хотя бы соли. Мы ведь уже далеко от Велижа?

— А я бы дорогу спросил, — согласился Рион. — Заведет нас чернокнижник дасу в пасть, потом не выберемся.

— Вы и так не выберетесь, — Вит взгляделся в зеленые кроны.

— Почему нет дороги? — спросила я, отводя норовившую задеть лицо ветку. — Село есть, а дороги к нему нет?

Ответили мне стрелой. Она вылетела из переплетения ветвей и воткнулась в палец от копыта Облачка. Лошадь затрясла головой, совершенно не радуясь такому подарку.

Вит в мгновение ока спешился, щелкнула тетива заряжаемого стрелком арбалета, Рион вполголоса выругался. Я слезла с Облачка и погладила кобылу по морде, стараясь успокоить. Вторая стрела зарылась в кусты правее и, жизнерадостно прощуршав среди листвы, упала на усыпанную листьями землю. Вириец поднял древко. Грубо сработанное, кривоватое, явная самоделка, наконечник и тот слетел.

Осваивать военное мастерство местные начали недавно. С чего бы? Места вроде тихие.

Рион раздвинул ветки, выглядывая на просеку. Село больше походило на военный пост или гарнизон. Дома, у которых мы видели только крыши, были обнесены сплошным частоколом. И обнесены, судя по не успевшему потемнеть дереву, совсем недавно.

Вит прав, пахло дымом, где-то печально мычала корова.

— Ну, чего стоишь? — буркнул Рион, глядя на вирийца, парню, как и кобыле, очень не понравилась воткнутая в землю стрела. — Давай, покажи — в чем сила чернокнижника?

— Чего изволите? — Вит сделал вид, что закатывает рукава заимствованной у Тамита рубахи. — Спалить всех к такой-то матери? Или вывернуть наизнанку к ней же?

— Тьфу, — сплюнул ученик мага.

— Конечно, сам — «тьфу», а я пачкаться должен. Сам и покажи удаль

чаровницкую, живо ворота откроют. Или думаешь, я не знаю, что ты полон под горло, — мужчина посмотрел на парня, который инстинктивно схватился за кристалл на шее. — Теперь это всего лишь побрякушка, ты уже перелил силу в резерв. Правильно и сделал, только не строй из себя беспомощного, а то — я, того и гляди, поверю.

Еще одна стрела, прерывая спор, попыталась воткнуться в древесный ствол между мужчинами, но не рассчитала силы и упала, оставив коре наконечник.

— Кто такие? Чего надо? — закричали из-за ограждения.

— Путешествуем. Сами из Гардрика. Просим пристанища, — закричал в ответ Вит, разглядывая частокол. То же самое делал и Михей, только поверх прицела арбалета. Но понять, кто с нами говорит, с такого расстояния было невозможно.

— Пу-те-шест-ву-ете? — по слогам проговорил гостеприимный хозяин. — Вот и шествуйте себе дальше. Тепло, чай не околете. Разъездились всякие, житья не стало, — голос с легкой хрипотцой принадлежал мужчине, наверное, уже немолодому, но, несмотря на резкие слова, в голосе чувствовался страх.

— Они чем-то напуганы, — словно прочитал мои мысли вириец и снова прокричал: — До ближайшего села далеко?

Ответили не сразу, видимо совещались, как далеко и надолго нас послать. Чего они так боятся? Нас всего четверо, не штурмом же их брать?

— Восточнее на озере брошенный скит стоит. Вроде живет в нем кто-то.

— Далеко?

— Полдня верхом до прокля... — начал другой голос помоложе.

Но его прервали:

— Пошли прочь! Иначе собак спустим, — и словно подтверждая слова хозяина, где-то вдалеке твякнула шавка. Судя по всему, мелкая, такой только цыплят гонять. Ей грустно ответила мычанием корова.

— Уходим, — скомандовал вириец.

— Мне послышалось или они говорили что-то о проклятии? — обеспокоенно спросил Михей, беря под уздцы мерина.

— Не имеет значения, — чернокнижник повел свою кобылу мимо села, поглядывая на частокол, дороги по-прежнему не было, лишь просека в лесу. — Мы не идем ни в какой скит.

— Но зачем же ты тогда спрашивал? — не понял Рион.

— Затем, что мало ли кто после нас сюда забредет, деревенские — народ говорливый, — ответил чернокнижник.

— Про этих я бы такого не сказал, — загрустил стрелок.

Вириец стал еще дальше забирать на север. Просека сузилась, и нам то и дело приходилось спешиваться и проводить лошадей между стволами. Солнце терялось в листве, еще минуту назад оно висело над правым плечом чернокнижника, а сейчас уже за спиной. Долгое молчание тяготило, стук копыт раздражал, болезненно отдаваясь в висках. Вириец чертыхнулся и вдруг развернулся направо, резко меняя направление.

— Мы заблудились? — спросил Рион таким тоном, что сразу становилось ясно, что ничего другого он от отродья дасу не ожидал.

— Нет, — Вит остановился и выругался. — Нас заблудили.

— Что? — не понял Михей.

А я продолжала смотреть на золотистый диск, снова неведомым образом переместившийся нам за спины, хотя меньше минуты назад вириец оставил его по правую руку.

Что его беспокоит? Все вроде неплохо, никаких темных ям, бурелома или таинственных зловещих знаков, что видят герои баллад на каждом замшелом пне. Ручейки, кусты, деревья.

Может, именно это? Картинка, яркая, правильная, почти лубочная. Там где живут люди, так не бывает. Где скошенная трава, сломанные ветки и поваленные стволы? Где следы волокуши, на которую складывали хворост? Где срубленные деревья?

— Кто знает, что такое «единый путь»? — спросил чернокнижник, плечи его поникли, и он уже спокойно пошел вперед, больше не выбирая направления.

— Это заклинание, — с видом знатока ответил Рион. — Его накладывают, когда хотят, чтобы путники не сбились с пути. Очень сложное и затратное по силе. Проще встретить и проводить.

— Для кого-то не проще, — Вит обернулся и тоже посмотрел на солнце.

— Мы на едином пути? — спросила я, уже зная ответ.

— Да.

— Но кому это в такой глуши понадобилось? — фыркнул Рион. — А ты не преувеличиваешь?

— Я два раза менял направление, и два раза возвращался обратно, мы все время идем на восток, куда бы не сворачивали.

— Леший водит, — выдвинул новую версию Михей и поводит пальцами в воздухе в отвращающем знаке.

— Скоро узнаем, что за леший, — пообещал чернокнижник таким голосом, что я бы на месте лешего поостереглась выходить и знакомиться.

Брошенную постройку из серого камня мы увидели загодя, и несколько минут стояли, бестолково пялясь на нее, словно сбившаяся в кучу стая полевых мышей, у которых духа не хватает пробежаться до амбара и обратно.

— Будь готов, — загадочно сказал Вит чаровнику.

— Ты ожидаешь нападения? — забеспокоился Рион.

— Нет. Я ожидаю, увидеть тот самый заброшенный скит, который нам сватали местные воители. Если повезет, не совсем развалившийся дом, самое большее — с живущим там бродягой. Возможно, он не может выбраться, как раз, из-за заклинания единого пути.

— А его можно обойти? Этот единый путь? — уточнила я.

— Можно, — обнадежил Вит, — надо только жертву принести.

— Какую... — начал Рион, но чернокнижник поднял ладонь, призывая парня к молчанию, и тот шепотом закончил совсем не так, как начал: — Жертву? Я не умею жертвы приносить.

— Это ваша общая беда. Лошадей привяжите. Идем по двое, Рион со мной, Айка с Михеем. При необходимости — защищайтесь всем, чем можете. Друг друга только не угробьте, — раздал указания Вит.

И мы вышли из тени деревьев.

Глава 2. Служитель капища

Скит казался брошенным, от большинства построек остались замшелые, раскрошившиеся от времени камни, поросшие травой, деревьями и кустами. Старые дома со сгнившими крышами и темными провалами вместо дверей и окон. Большой скит, около десятка дворов, ранее окруженных стеной, сейчас местами обвалившейся и поросшей мхом. Покинутые, забытые развалины, оставленные на жестокий суд времени. Безмолвие и полумрак. И никаких следов недавнего присутствия людей.

— Рион, Михей, надо обойти скит и удостовериться, что мы одни, — скомандовал Вит, и его голос в окружающей тишине показался пронзительным и громким. Заряжавший арбалет Михей утвердительно кивнул. — Вы справа, мы с Айкой слева.

— Почему это ты с Айк... — начал чаровник и умолк, когда его слова, отскочили от стен и затерялись в развалинах.

— В каждой паре по чаровнику, да и стрелок более полезен в схватке, чем девчонка, — прошептал вириец и взмахнул рукой, начиная обход.

Я не протестовала, чем меньше от тебя ждут, тем проще.

Ступая следом за чернокнижником, я то и дело ловила на себе встревоженный взгляд Риона. Они с Михеем, обходя скит с другой стороны, то появлялись, то исчезали за остатками строений. Иногда из-под ног скатывался камешек, и все вздрагивали. Но кто бы ни прятался в старом заброшенном ските, кто бы ни наложил на округу заклинание единого пути, он оказался не особенно гостеприимным хозяином и не спешил показываться на глаза.

В полном молчании мы обошли заброшенное селение. С противоположной стороны когда-то стояла стена, и она сохранилась гораздо лучше других построек. Округлые валуны все еще тесно прижимались друг к другу, образуя узкую арку.

Подошедший с противоположной стороны Рион вытянул шею, желая заглянуть за стену и неохотно спросил:

— Туда тоже пойдём?

— Конечно, — обрадовал его Вит.

Прерывая не успевший начаться спор, стрелок перехватил арбалет и первым нырнул в проем. Следом Вит, потом раздраженно дернувший головой чаровник. Я миновала тень старой арки последней.

Конечно, мы ожидали какой-нибудь гадости, заклятие и старые развалины — идеальное сочетание для всяких неприятных сюрпризов. Каждая минута тишины лишь заставляла нас еще больше нервничать и тревожно озираться по сторонам.

Раньше здесь был сад. Наверное, красивый, с мраморными скамейками. Я посмотрела на позеленевший от времени остов, в котором угадывались чьи-то ноги, не очень аккуратно отделенные от тела. Когда-то здесь стояли статуи. Яблони одичали и коряво раздались в стороны, розы превратились в колючие кусты шиповника. Я присела и разгребла траву, вырвав с корнем несколько пучков. Так и есть, под тонким слоем земли, травы и старой листвы обнаружилась мощеная дорожка.

— Айка, сюда, — позвал стрелок, и я подняла голову.

Михей стоял в сотне шагов и указывал на нагромождение камней, слишком правильной круглой формы.

— Мне чудится или это... — спросил он, когда я подошла ближе.

Обычные обломки, их тут везде полно. Вот только раскиданы они немного странно, по кругу. Словно здесь когда-то лежало большое блюдо, а проходивший мимо великан наступил на него, оставив после себя лишь россыпь осколков. И еще цвет, кремовый с золотистыми прожилками мрамор. Смутно знакомый не только мне, но и стрелку? Неужели это...

— Фонтан силы? — прошептала я

— Он самый, — подошедший к развалинам Вит.

Михей присел и провел рукой по осколкам.

— В Тарии был еще один источник? — не поверил Рион. — Не может быть! Мы бы знали, — чаровник смотрел на остов каменной чаши с ужасом и неверием.

— Кто это мы? — усмехнулся вириец. — Чаровники? А ты уверен, что они этого не знают?

— Теплый, — удивился Михей, убрав руку с камня.

— Здесь еще осталась энергия, мало, но... — чернокнижник подобрал крупный осколок и вдруг протянул стрелку. — Теплый, говоришь? А этот?

— Положи на место — раздался шипящий голос.

От неожиданности я подпрыгнула на месте. Щелкнула тетива, болт ушел в кусты, стрелок в очередной раз промахнулся. На ладонях Вита вспыхнули языки агатового пламени. Один Рион остался безучастным, он продолжал смотреть на разрушенную чашу и даже голову на шум не повернул.

Из-за старого дерева, половина ветвей на котором давно уже высохла, вышел невысокий, кряжистый мужчина в крестьянской одежде. Странный мужчина. Я бы назвала его молодым стариком, если бы меня кто спрашивал. Его лицо, почти лишенное морщин, казалось едва ли не детским, а вот волосы незнакомца были полностью седые. Он поднял руки, показывая, что не вооружен.

— Не думаю, что разумно уносить что-либо отсюда. Даже камни, — сказал мужчина. — Я отшельник по воле Эола и не причиню вам зла.

Михей опустил арбалет. Вит был не столь легковерен, черное пламя продолжало танцевать на его ладонях. Рион продолжал рассматривать светлые камни с таким видом, словно узрел если не пришествие Эола, то его ближайших сподвижников, точно.

— Что ты здесь делаешь? — напрямую спросил чернокнижник.

— Живу. И приглашаю вас разделить со мной кров и ужин. Ночь близится.

— Мы согласны, — ответил за всех Рион, он даже не прикоснулся ни к оружию, ни к магии. — Давайте уйдем. Не хочу здесь находиться, — и, обращаясь к вирийцу, добавил: — Остынь, убить его всегда успеем.

Обитал этот молодой старик в лачуге из грубо сколоченных досок, построенной не иначе, как им самим в варе от скита. Честно говоря, строитель из богомола оказался так себе, жилище больше походило на сарай, в котором козы постеснялись бы жить.

— Смирт^[34] я здешний, Теиром кличут, — проговорил отшельник, присаживаясь на чурбак, заменявший ему стул. — Вот, уж не думал магов здесь увидеть, — служитель повесил над огнем котелок и стал раздувать угли. — Ваше племя к нам калачом не заманишь. Откуда такие смелые будете?

Я огляделась и, не найдя второго чурбака, села прямо на земляной пол. Одна комната, очаг, тряпье у дыры в стене... о, простите, постель у окна, храмовое изображение Эола в углу, воняющие жиром свечи. С потолка свисали вязанки трав и плетенки лука и чеснока, они были настолько старыми, что не проросли только по причине своей давнишней и бесславной гибели. В противовес грязи в жилище, сам служитель выглядел хоть и бедняком, но опрятным бедняком. Одежда старенькая, но все прорехи аккуратно заштопаны, крепкие боты на ногах, волосы седые, но чистые.

Но... что-то не так. Какая-то деталь на миг выбилась из общей картины. Я внимательно оглядела лачугу. Грязно, уныло, никаких излишеств.

Мужчина не обращал внимания ни на криво сложенный очаг, мало чем отличавшийся от ямы в земле, он не видел грязи на ворохе тряпок, заменявших ему постель, ему не мешали щели в стенах и протекающий потолок.

— Из Гардрика. Ездим, опыта набираемся. Я Торн, — ответил Вит и, прежде чем кто-либо успел возразить, представил остальных: — Орин, — кивок на Риона, — Мирон и Ася.

— Хорошее дело — опыт, — одобрил смирт и стал засыпать в кипяток крупу.

— Так ведь... ведь... — Рион мотнул головой. — Раньше тут был фонтан силы?

— Наверняка, — пожал плечами Теир.

— Что произошло? Кто его разрушил? Зачем?

— О, Эол, откуда я знаю? Пять веков минуло, — рассмеялся смирт.

— А то, что место считается проклятым, знаете? — вкрадчиво поинтересовался Вит, разглядывая жилище отшельника с не меньшим любопытством, чем я.

Михея же, переименованного в Мирона, больше интересовало содержимое котелка, к которому парень с удовольствием принохивался.

— А вы оглянитесь вокруг, — взмахнул ложкой молодой старик. — Рухнувшие дома, дикие звери, туман по утрам... Места объявляли гиблыми и за меньшее, — он указал на угол где на округлом камне теснились

глиняные плошки. — Давайте миски.

— Сел в округе много? — спросил Вит, передавая посуду.

— Одно дворов на пятьдесят, а хуторов да заимок без счета, — из самой верхней плошки смирт невозмутимо вытряхнул паука и стал накладывать кашу. — Я как раз поутру в Волотки собрался, телегу обещали прислать. Помер у них кто-то, соборовать надобно. Своего смирта нет, вот мне и приходится, — увидев, что вириец нахмурился, мужчина предложил. — Торн, хотите — со мной поезжайте, а нет, так здесь оставайтесь, за хозяйством присмотрите.

— А как же един... — начала я, но, поймав взгляд Вита, замолкла. Смирт не упоминал о заклинании, не давшем нам свернуть с пути, и вириец, видимо, не хотел, чтобы это делала я.

— Мы подумаем, — сдержано ответил чернокнижник.

Старик пожал плечами и передал Михею тарелку с кашей.

Ночевали в лачуге, хоть и пришлось устроиться прямо на полу, а в качестве одеял использовать плащи, но никто не изъявил желания, продолжить путь на ночь глядя.

— Раньше-то здесь лепота была, — рассказывал отшельник внимательно слушающему Виту. — Пока скит не разорили.

Я слушала отшельника вполуха, сквозь подступающий сон. Вот и вправду бы завтра телега пришла, тогда часть пути можно провалаться, глядя в синее небо, а не трястись верхом. И тут я снова вспомнила о заклинании и... И ничего. Смирт о нем не знал, или не хотел говорить. Хотя, возможно, он знает, как выйти из-под власти чужих чар.

Последнее, что я запомнила, засыпая, это как лежащий неподалеку стрелок вертит в руках осколок белого мрамора. Все-таки взял на память.

***

— Пожалуйста... Во имя Эола прошу, — проскулил кто-то, вырывая из яркого беспокойного сна, в котором я бесконечно пробиралась сквозь лесные заросли. Сев, на плаще, я потеряла глаза, стараясь что-то рассмотреть в окружающей тьме.

— Ви... Торн, — не сразу вспомнила я новое имя вирийца, — что случилось?

Никто не ответил. Я поднялась, сквозь черную пелену стали проступать очертания предметов, неровные стены, погасший очаг.

— Во имя Эола, во имя Эола, во имя Эола... — исступленно бормотал

голос.

Я развернулась, глаза уже привыкли к темноте, но увиденное едва не заставило меня снова зажмуриться. Совсем как в детстве, когда долго смотришь на солнце, а потом пытаешься избавиться от цветных пятен в глазах.

На ворохе тряпья стоял коленопреклоненный смирт и монотонно повторял одну и ту же фразу. Но видимо, бог сегодня был глух к взываниям своего служителя. Отшельник отвесил земной поклон, и я увидела сидевшего у стены напротив Вита. Вириец с не меньшим интересом наблюдал за ночной молитвой.

— Давно он так развлекается? — шепотом спросила я.

— Не очень, — едва слышно ответил мужчина. — Но дело не в нем. Прислушайся, — Вит одним молниеносным движением поймал в очередной раз приложившегося лбом к земле Теира и зажал рот, заставив отшельника замереть в странной позе. Тишина. Завернувшись в плащ, посапывал у очага Михей. Шумно дышал, выглядывая в одну из щелей Рион, сжатые кулаки пальцы парня белели в темноте, словно он готовился в рукопашной. Или злился. Или боялся...

Подул, загудев досками, ветер, зашелестела листва, и на грани слышимости я уловила тоненький издевательский смех. Так смеется ребенок, таская кошку за хвост. Злой и уверенный в своей безнаказанности ребенок. Жестоко с ноткой превосходства. Представить бродящее ночью по брошенному скиту веселое дитяtko упорно не получалось, а потому...

— Игоша^[35]? — предположила я.

До этого видеть то, во что превращались души убитых детей, мне не доводилось. Как-то не так я планировала восполнить пробелы в данном бабкой образовании. Смех сменился резким отрывистым тьяканьем и визгом, от которого у меня зачесались пятки.

— Скорей всего, — кивнул Вит, — А где уродец, там и другие притворы, и кардуши^[36], и злыдни^[37], и еще боги знают, кто.

— Лошадей задерут, — простонал чаровник, и, словно отвечая ему, послышалось тонкое конское ржание.

— Лошади на заднем дворе, так что, первыми задерут нас, — успокоил его чернокнижник, — а потом — да, задерут и их. Мясо есть мясо.

— Если затаимся, может им и лошадей хватит? — только что сокрушавшийся о судьбе животных Рион, посмотрел на Теира. — Насытятся и уйдут.

Отшельник дернулся, вытаращил глаза и сделал попытку вывернуться

из захвата черно книжника.

— Завоеешь, шею сверну, — шепнул тот и отпустил.

— Не уйдут. Там капище. Нечистое святилище! Он унес его часть, — отшельник ткнул пальцем в спящего стрелка.

Я едва не выругалась вслух. Капище — это не просто плохо, это почти верная смерть.

— Теперь как собаки по следу пойдут... все равно найдут... Придут... Убьют, придут, убьют, найдут... — смирт снова впал в оцепенение и начал повторяться.

— Выкиньте эту гадость, и дело с концом, — предложил чаровник.

— Можно, но нам это не поможет, — разочаровала я парня.

— Ты-то откуда знаешь?

Бормотание отшельника снова свелось к упоминанию Эола и земным поклонам в сторону вирийца, я подняла глаза, прямо над парнем висела картинка с божественным ликом. Эол на ней выглядел хмурым и недовольным, а может, мне просто показалось в полумраке.

— Знаю, — не стала вдаваться в подробности я, — Эти твари, как гончие, для них главное — запах. Всех, кто касался камня, убьют. Ну и остальных за компанию. Выбрасывать надо вместе со стрелком.

— И со мной, я его тоже трогал, — Вит поморщился.

Рион обернулся, по его лицу я поняла, что избавиться от черно книжника он совсем не прочь, а вот Михея жалко.

— Понятно, почему скит считают проклятым. Эй, блаженный, — позвал Рион, — Чего сразу-то не рассказал? По-человечески? Мы б на слово поверили...

— Потому и не сказал, — вириец посмотрел на бьющего поклоны отшельника. — Что поверили бы. И на ночь здесь не остались, но чтобы сойти с единого пути, нужна кровь, а еще лучше жертва, и уж совсем хорошо, если человеческая. А выбор у нас не так велик.

— Но мы бы никогда не тронули святого человека, — поразился ученик мага.

— Говори за себя, — прошептал Вит

— Других способов нет? — спросила я.

— Есть, — вириец встал, обошел коленопреклоненного смирта и аккуратно выглянул в окно. — Вернуть осколок на место, до того, как нечисть обнаружит недостачу в вверенных ей развалинах. Запах им, конечно, все равно не понравится, но... если сытые — по следу не пойдут. Одна трудность. Сад сейчас кишит разными тварями, и так просто нам туда не пробраться, особенно, если хотим жить долго и счастливо.

— А если бы... — Рион отвернулся от щели в стене, — если бы... — я скривилась, уже понимая, до чего додумался ученик Дамира. — Говорят народ ворд не оставляет следов на суше. Совсем.

— Правда? — с живейшим интересом переспросила я. — Почему, как только что-то надо я — ворд? А как пакость на другом конце села, так ведьма?

— Айка, ну зачем так? — покачал головой парень, забывая, что чернокнижник нас переименовал, да и наверное, это уже не имело значения, разве что кто-то выживет и не поленится выбить имена на могильном камне. — Ты не оставляешь следов — это может стать выходом для всех. Отнесешь камень и...

— И стану первым блюдом, а за вторым нежить идти поленится, так?

— Тьфу, — сплюнул Рион и снова стал вглядываться сквозь дыру в стене.

— Айка, — позвал чернокнижник, — а если я скажу, что твоя «бесследность» может стать спасением? Для тебя.

— Скажи, — я села на свой плащ, раздумывая разбудить Михея сейчас, чтобы вместе с нами мучился или проявить доброту. Эол учит великодушию, особенно на пороге вечности. Наверное, поэтому пнуть стрелка захотелось еще сильнее.

К тихому смеху в саду добавилось низкое рычание.

— Злыдни пожаловали. Веселье только начинается, — грустно прокомментировал Рион.

— Ты помнишь, откуда Михей взял камень? — спросил вириец.

Я кивнула, глядя как, только что упомянутый парень неловко завозился на своем плаще и приоткрыл глаза.

— И помнишь, как близко от разрушенного фонтана стена?

Стрелок несколько раз моргнул и резко сел.

— Помню. — Я подняла взгляд на Вита.

— Ты можешь попробовать уйти. Если не сожрут сразу... — Вит многозначительно замолчал. — Если не смогут взять след...

— Слишком много «если», — я свернула плащ.

— Что происходит? — растеряно буркнул стрелок.

— Сколько у нас времени? — спросила я, натягивая куртку.

— Кто знает, — Вит пожал плечами. — Лучше считать, что его нет совсем.

Рион стал вполголоса рассказывать Михею о том, в каком месте нас угораздило заночевать, и чем придется расплатиться за взятый на память камушек. Смирт продолжал молиться, его завывания казались созвучными

визгливому лаю и рычанию нежити.

— Может, дверь подпереть? — предложил спустя минуту Михей.

— Неа, — не поддержала я идею. — Во-первых, — я указала на подгнившие доски, — это не дверь. А во-вторых, помнишь, что говорят о притворах?

— От притворы нет затвора, — ответил Рион. — Там не только нечисть, там еще и нежить. Игоша, например, не имеет тела, он и сквозь стены пройдет.

— Так, что ты решила? — Вит едва заметно усмехнулся, его лицо почти зажило. — Попробуешь спастись? Ну и попутно спасти нас? Или ждем дорогих гостей здесь?

— Давай осколок, — я посмотрела на Михея.

Стрелок замотал головой.

— Сам пойду. Раз из-за меня все случилось.

— Я тоже хорош, — чернокнижник сел у окна. — Капище не признал.

— Давайте, вы потом покаетесь и сравните вину, — попросила я, прислушиваясь к ночным звукам, кажется, визгливый лай приблизился. — А то, боюсь, что восторг от собственной смелости быстро пройдет, я передумаю, забьюсь вон в тот угол и начну выть вместе с нечистью и нашим гостеприимным отшельником.

— Сам пойду, — упрямо повторил стрелок.

— Толку от твоей самостоятельности, — нервно рассмеялся Рион. — Твои следы для них, как красная ковровая дорожка.

— Камень, — попросила я, чувствуя, как слабеют колени.

Называла идиотом Риона, а сама... Правда, у моего поступка, есть другое название. Подлость. Или даже не так. Трусливая подлость. Стрелок нехотя отдал мне камень. Тяжелый осколок с иззубренным камнем, самый обычный, если не считать цвета и холода, шедшего от поверхности. А ведь Михей сказал, что он теплый? Я убрала камень за пазуху, проверила легко ли выходит из ножен клинок. Проверила скорее, чтобы потянуть время, вряд ли эта железка спасет меня, даже если успею взмахнуть пару раз.

— Айка, — позвал Рион, когда я распахнула дверь, и пожелал: — Удачи.

Слов нет, как мне полегчало от этого напутствия. Михей бубнил что-то невнятное и очень похожее на извинения. Я вышла, ощущая спиной их взгляды. Дверь снова открылась, и еще до того, как чужие руки легли на плечи, я уже знала, кто вышел вслед за мной в серую ночь.

— Дойди до стены, перебрось камень и беги в лес, — тихо проговорил Вит, склонившись к самому уху.

Я выдохнула. Наверное, слишком шумно, потому что именно это я и собиралась сделать.

— Нечисть все равно пойдет по следу Михея. Он касался их святилища, он забрал его часть, и пусть они не умеют считать, но они...

— Чувствуют, — закончила я.

— До хижины они дойдут в любом случае, а как унюхают людей...

— А как же ты? — вырвалось у меня, хотя нужно было спросить «вы». Нужно. Но я спросила другое.

— А я положу всех, кого смогу, и Рион мне в этом поможет, у Михея есть арбалет. Шанс есть и... — Его руки сжались чуть крепче. — Этот шанс не зависит от того, будешь с нами ты или нет.

Я хотела повернуться, хотела посмотреть ему в глаза, даже если зрачки снова стали вертикальными, но вириец не дал, встав почти вплотную. Его шепот сливался с ночными шорохами, с отдаленным рычанием и смехом.

— Доживешь до утра, возвращайся в хижину, твари уйдут с восходом. Чтобы сойти с единого пути, нужны кровь и смерть. И того, и другого здесь будет вдоволь, потопчись, как следует, вымажи подошвы так, чтобы хлюпало, и иди на восток. Поняла? — я не ответила, и он повысил голос:— Поняла?

— Я поняла, что дурная слава черно книжников сильно преувеличена.

— Люди должны бояться, иначе на шею сядут, — тихо рассмеялся Вит. — На самом деле, будь хоть малейший шанс, я бы тоже ушел. Не упusti свой, — шепнул мужчина вместо прощания и отступил.

Скрипнула закрывающаяся дверь, и я осталась один на один с ночью и криками.

Лунный свет заливал округу. Развалины скита проступали сквозь силуэты деревьев причудливыми черными мазками. Звуки разносились далеко — смех, бульканье, рычание. Первый шаг дался мне с огромным трудом — ноги, словно одеревенели. Второй — легче, хотя нерешительность сменилась страхом.

Я медленно двигалась вдоль развалин скита. Остовы домов выглядели зловеще, сейчас все, даже небо, казалось преисполненным злого умысла. Из каждого проема, из каждого темного провала за мной словно наблюдали чужие недобрые глаза.

Вопреки ожиданиям у арочного прохода никто меня не поджидал, ни чтобы откусить голову, ни чтобы оторвать ногу и приготовить холодец. Никто — ни живой, ни мертвый. Путь открыт. Но войти туда меня не заставит никакая сила. Идти в гости к кровожадным созданиям через парадное — скорейший путь поспеть к трапезе, причем в качестве главного

блюда.

Я пошла вдоль старого каменного забора. Через сотню шагов обнаружилась расширяющаяся кверху трещина. Когда-то давно часть стены обвалилась, и теперь в неровный иззубренный проем, задувал ветер, шевеля листьями чахлых кустов.

Трещина была не очень широкой, но протиснуться тощей девчонке, вроде меня, вполне сойдет. Только надо ли? Проще размахнуться и швырнуть осколок подальше в кусты. Он упадет и, может, стукнется обо что-то, а может, бесшумно зароется в листву.

— Что ты творишь? — прошептала я, осторожно ставя ногу на потрескавшийся камень. — Жить надоело?

На той стороне рос колючий кустарник. Нога соскользнула с камня, кто-то или что-то визгливо захохотало. От этого смеха кровь застыла в жилах. Ветки качнулись, цепляясь шипами за одежду. На миг в небе показалась круглая, как головка сыра, луна.

Играть в прятки с нечистой смерти подобно, а с нежитью еще и бессмысленно. От притворы нет затвора. Очень многие перед смертью убедились в этом. Если нечисть захочет, то найдет человека и за высокими стенами, и за железными засовами, и на дне морском, и даже под землей. Хитростью, силой или магией, но она доберется до добычи. Если захочет. Главное, чтобы не захотела. Тут либо ты, либо тебя, единственный способ остановить — убить. Чаровники именно так и поступают. Но всех не убьешь. Нечисть, нежить, нелюдь...

Эол, что я здесь делаю? Пытаюсь обмануть судьбу?

Но, тем не менее, именно этим я и собиралась заняться. Кто бы мне сказал — почему? Я и сама не могла этого объяснить. Не могла понять, почему украдкой выглядываю из зарослей, вместо того, чтобы замахнуться и швырнуть камень подальше? Что с тобой Айка? Ты всегда думала только о себе. И считала это правильным.

Эол, я до сих пор так считаю. Тогда, почему? Шансов же почти нет. Но это маленькое «почти» держало крепче любых кандалов, не давая развернуться и уйти.

Ну, разве будет кому-то лучше, если я умру вместе с парнями? Нет.

Но все-таки шанс был. Вернуть камень на место, и если обитатели капища не голодны, если не злы, то останутся внутри. То есть, я надеялась на самую распространенную человеческую черту. На лень.

«Хватит, мямлить, Айка!» — скомандовала я себе. — «Решайся или уходи! Третьего не дано!»

Эол, как же страшно! Почему никто мне не говорил, что поступать

правильно так трудно. Что со мной? Я заразилась «правильностью» от Риона? Или «неправильностью» от Вита? А может, слабоумием от стрелка?

Я выглянула из кустов. Раздался отрывистый лай, звук затерялся в темноте. Белевший впереди остов статуи, показался вполне надежным укрытием. Я бросилась бежать, молясь лишь о том, чтобы кусты трещали не очень громко.

Да, я не оставляю следов, трава поднимается, пыль сразу ложится обратно, запах развеивается, а сломанные ветки... Сломанные ветки так и остаются сломанными, но еще ни разу никто не углядел в них следы, видимо я как-то не так их ломаю, не тем местом.

Я нырнула за старый камень и прислушалась. Кто-то рычал, кто-то плакал, пока ничего нового. Я сменила беловатый каменный остов, на ствол векового дерева, потом на куцые кусты, едва не упала в вырытую гигантскими лапами яму. И снова услышала, как где-то смеется мертвый ребенок. Вечно мертвый и вечно веселый. Рухнула в высокую траву около сломанной скамейки и замерла.

С правой стороны раздалось шуршание и шаги. Нет, не шаги, а всего лишь обман, плод воображения. Я знала, что Игоша близко, а остальное дорисовал страх. Рука сжалась на рукояти оружия и тут же разжалась. Это бесполезно, железо не поможет против того, кто и так мертв.

Время растянулось, словно патока, липкая и нескончаемая. Каждый вдох занимал вечность, а выдох — две. Если уродец меня заметил, если почувствовал... Нежить убивает быстро в отличие от нечисти. Мертвые не играют с едой, они выпивают ее всю сразу и без остатка. У них нет своей жизни, и они жаждут чужой.

Ветер снова зашуршал в траве, следующий приступ смеха застал Игошу уже вдаль. Сердце билось, как сумасшедшее, странно, что никто кроме меня не слышал. Я подняла голову. Двинуться с места оказалось очень трудно, почти невозможно.

А ведь, еще не поздно вернуться. Пока не поздно!

Я заставила себя встать, заставила сделать первый шаг и еще дюжину последующих. Где же развалины фонтана? В темноте все виделось совсем иным, нежели при свете дня.

Раздалось рычание, поначалу едва слышное, оно усилилось и перешло в громкий рокот, скрипучий и неприятный, будто пустую бочку покатали по мостовой. В ее пустом чреве выл ветер, а об бока стучали камни. Захрустели ветки, я нырнула в ближайшие кусты, густотой так себе и совсем невысокие, но выбора не было. Меня тут же накрыла тень выше человеческого роста. Низкий рык почти заставил сердце остановиться, а

потом пуститься вскачь.

Я видела очертания звериного тела сквозь кусты, видела блестящую черную шкуру.

Базыга казалась обманчиво неповоротливой. Здоровая, похожая на чешуйчатого крота, нечисть. День пережидает, зарываясь в землю. Слепая, но нюх у нее исключительный. Всеядна, говорят, способна переварить рыцаря вместе с доспехами и лошадьё, но мало кто, проверив это на собственной шкуре, смог потом достоверно поделиться воспоминаниями.

Зачем, я все это затеяла? Ведь, знала, что геройство еще никого до добра не доводило. Знала, и все равно полезла, видно, и вправду, заразилась чем-то от парней.

Нужно слиться с качающимися ветками. Не шевелиться и даже не дышать.

Сквозь редкую листву я видела мерно вздымающийся чешуйчатый бок.

«Уходи», — мысленно взмолилась я, когда мышцы заболели от напряжения.

Базыга зарычала, и ей, о чудо, ответили. Неловко развернувшись и задев ветви моего убежища, нечисть поползла прочь. Я медленно выпрямилась, тело ломило от усталости. Оказалось, что постоять несколько минут неподвижно — гораздо труднее, чем пробежать тысячу вар.

Впереди росло корявое дерево, у самого основания расходящееся на два ствола, дальше три ряда жиденьких кустов, а за ними... Белеющие на земле осколки старого источника.

Дошла! Полдела сделано.

Я перебежала к дереву, ухватившись за шершавую ветку, залезла на соединяющиеся стволы и прижалась щекой к сухой коре. На лицо лег тусклый отблеск, лег и пропал. Лег и пропал. Да, ночью все было совсем не таким, как днем.

Обломки каменной чаши мягко пульсировали багровым светом, словно расколотое на тысячу кусков сердце. Над ним, ядовитым облаком висела тьма, как грозное облако, внутри которого то и дело вспыхивали алые молнии.

Вокруг расколотой чаши бродили тени. Живые и мертвые. Я почувствовала, что не могу даже вдохнуть, так сильно что-то сжалось внутри. Никогда не видела и не знала, что увижу это. Многие счастливо проживают жизнь, не сталкиваясь ни с одной из этих тварей, а может, именно поэтому.

За спиной раздался отрывистый лай, и я едва не завопила от страха.

Вздрогнула, но заставила себя оставаться неподвижной, заставила по-прежнему прижиматься к стволу дерева.

Меня здесь нет. Никого нет. Только звери, только мертвые души, только...

Они рычали, хрипели, выли. Базыга наткнулась на двуххвостого волка, тот рыкнул и тут же отвернулся. Создания, смысл жизни которых — пускать кровь другим, вели себя на капище удивительно миролюбиво. Горбатый шакал, чья слюна парализует человека, оставляя при этом в сознании, до последнего заставляя чувствовать, как зверь выгрызает бьющееся сердце, равнодушно отвернулся от беловатой пелены, которая то распадалась, то собиралась в сгорбленный силуэт.

Некоторые подходили к парящей над обломками тьме и пили ее, как воду, заставляя сгусток терять однородность и расплываться в стороны рваными обрывками. Далеко расплывались, словно разбегающиеся ручейки из темного летающего озера.

О том, чтобы сунуться туда, не могло быть и речи. Вряд ли твари сделают вид, что не видят человека, разгуливающего по их капищу. Придется швырять обломок отсюда. И надеяться, что на это не обратят внимания.

Эол, это даже в мыслях звучало бредово! Впрочем, все это изначально было глупостью, и уже поздно плакать.

Я полезла в карман и... замерла. Пальцы коснулись ткани, и только ткани. Карман был пуст. Страх холодными пальцами обхватил затылок. Тонкая нить, что удерживала меня на грани самообладания, натянулась.

Стоп! Стоп! Никакой паники! Я заставила себя проверить еще раз. Снова ничего, лишь ткань, крошки и несколько обтрепанных нитей. Я начала проверять одежду скорее от отчаяния, так как точно помнила, куда положила обломок. Ничего! Снова проверила карман и попала пальцем в прореху.

Черт! Черт! Черт! Потеряла осколок, просто взяла и потеряла!

Теперь выхода нет, нужно уходить отсюда — из парка, из скита, и как можно быстрее.

Я медленно опустила ногу, не спуская глаз с капища, отпустила ветку. Очередная ошибка, не первая и не последняя. Надо смотреть, куда ставишь ноги. Особенно на нечистом капище.

Пока я любовалась на нечисть, ручеек тьмы, пройдя сквозь растительность, изогнулся и обтек древесный ствол. Сапог прошел сквозь тьму и мягко коснулся земли.

А меня в этот момент охватил ужас. Эол, сколько раз я пугалась,

каждый раз думая, что сильнее этого уже ничего не может быть. Может. Оказалось, существует тьма, беспричинный мгновенно пронизывающий ужас, от которого хочется завывать волком.

Фонтан силы в Велиже был жизнью, он был наполнен тысячью бьющихся сердец, людскими желаниями и мечтами. Фонтан в старом ските был наполнен смертью.

Черное марево боли и гибели. Каждую минуту умирали люди. Мгновенно или мучительно медленно рвались нити их судеб, исчезали желания и помыслы, растворяясь в ужасной темноте. Мгла коснулась ноги, разлилась по венам густым ядом.

Тошнота подступила к горлу. Колени ослабли и я, как куль с мукой, рухнула в траву. Сапог вырвался из висящей над землей тьмы. Выжегший кровь яд оставил внутри опустошение. Эол, как тошно, как страшно. Как ты мог допустить существование этого ужасного мира! Не могу даже смотреть на него. Не хочу. И не буду. Пусть катится в Дасу. И парни пусть катятся. И я тоже. Нет никакой разницы, где и когда умирать, а потому...

Я перевернулась на живот, заставляя одеревеневшие конечности шевелиться, и поползла. Меня не волновала тишина, не волновал потерянный камень и рассвет. Все, чего я хотела, это оказаться подальше отсюда. Отравленное ядом тело было тяжелым и неповоротливым. Я вцепилась руками за траву, подтянулась, уронила голову на землю и несколько минут лежала неподвижно, а потом подняла руки и повторила сначала.

В какой-то момент под руку подвернулся камень, до крови расцарапав ладонь. Кусок золотистого мрамора треугольной формы с неровной иззубренной стороной. Тот самый, что я умудрилась потерять. Удивление вышло вялым. Мне и в самом деле стало все равно.

Осколок мерцал тем же красноватым светом, что и остальные. Вот как они узнают о пропаже. Все развалины до последнего кусочка связаны магией. Хотя этот вроде отличается. Иззубренный край отливал серебром. Не то чтобы сейчас это имело значение, я отметила разницу походя, и тут же забыла про нее. В ушах шумело, руки и ноги слушались все хуже и хуже. Кто-то зарычал над ухом, скорее удивленно, нежели угрожающе.

Я подняла тяжелую голову, встретила взглядом с нечеловеческими светящимися янтарем глазами. Звериные вертикальные зрачки сузились. В шаге от меня стояла злыдня и, кажется, была удивлена не меньше меня. Тощий хвост раздраженно стегнул по земле. Никогда не видела нечисть так близко. И вполне обошлась бы без этого.

Черная шкура отливала серебром. Я могла поднять руку и...

Зверь едва слышно зарычал.

...могла дотронуться до черной треугольной морды. Поднять руку и тут же лишиться пальцев? По-моему, не лучшая мысль перед смертью.

Злыдня продолжала смотреть на меня с аппетитом, но с места не сдвинулась. Были бы силы, я бы драпанула так, что только пятки засверкали. Останавливала мысль, что нечисть быстрее, что к веселой игре в догонялки наверняка присоединятся все остальные.

Зверь шумно фыркнул, лицо обдало горячим дыханием. Пахло из пасти злыдни скверно, совсем как у сына кузнеца, пытавшегося пригласить меня на сеновал.

Тварь наклонилась и с интересом обнюхала волосы. Квадратные ушки постоянно шевелились, поворачиваясь в разные стороны. Она напоминала кошку, очень большую и тощую, состоящую из одних костей.

Я зажмурилась, готовясь лишиться половины головы, готовясь заорать, если останется чем, готовясь все-таки вскочить и побежать. Плевать, что это заранее обречено на провал. Я просто больше не могла оставаться на месте.

Тварь мотнула башкой и вдруг боднула меня лбом в щеку. Я распахнула глаза, зверь махнул хвостом и боднул еще раз, едва не опрокидывая на землю.

Знаете, что мне это напомнило? Это нарочитое «бодание»? Так парни у нас в Солодках в шутку пихали друг друга кулаками, или хлопали по спине, мол, чего ты, не тревожь попусту душу, лапоть сплетется и из сырой бересты...

Ну и кто из нас сошел с ума? Я или злыдня?

Настал мой черед мотать головой. Тварь одобрительно рыкнула. Мы обе стояли на четырех конечностях и по очереди трясли башками. Наверное, есть в этом какой-то тайный смысл, но пока я его не поняла.

Одно хорошо, встреча с нечистью отвлекла от страшных видений, и я снова смогла думать, хоть и не поручусь за разумность этих мыслей.

Если злыдня не собиралась меня есть прямо сейчас... Я покосилась на тварь, та с готовностью раззявила полную острых зубов пасть. Допустим, она не собиралась меня есть, тогда еще не все потерянно. Осколок надо вернуть, тогда у нас появится шанс уйти. У меня появится шанс.

Я качнулась и рывком села. Тьма внутри всколыхнулась, перед глазами промелькнули тошнотворные картинки. Смерть, такая разная и такая одинаковая. Она снова заслонила все...

Тварь угрожающе зашипела. Шерсть на загривке встала дыбом. Злыдня снова приблизилась и вдруг лизнула меня в щеку шершавым

кошачьим языком. Один раз, второй, почти царапая кожу, почти причиняя боль... Такую приятную боль. Она лизала мне щеку, и с каждым движением ее языка, смерть отступала. Тьма уменьшалась, словно я была сосудом, а зверь лакал ее из меня, как молоко из блюдца. Глоток за глотком, как лакомство.

Минута, и я снова могла дышать. Всего минута, и картины померкли. Я посмотрела в горящие глаза напротив, черная морда, что так и лучилась самодовольством, словно только что отведала отборных сливок, а меня так и тянуло потрепать ее за ушами, словно самую обычную домашнюю кису. Слава Эолу, не успела.

Что там поют менестрели об истинных парах, способных делиться силой? Кажется, я только что нашла свою.

Злыдня выгнулась и издала пронзительный вой. Ей со всех сторон многоголосо ответили. Мелькнула массивная тень базыги, заскрежетала каркуша, снова залился веселым смехом Игоша, сама тьма шевельнулась, отзываясь на призывный крик нечисти. Кто-то прошел за спиной, я почувствовала его мимолетное движение, как порыв холодного воздуха. Прошел и... ничего не сделал, сломав ветки кустов, скрылся в окружающей источник тьме. Корявая ерка, так похожая на высохший и искривленный временем древесный ствол, игриво коснулась плеча руками — ветками. Я не смогла сдержать дрожь. Ерка — это то, во что после смерти превращаются невинные, наложившие на себя руки, девушки, те, кому отказано в погребении по законам Эола. Скитающиеся высохшие души. Нежить. И эта нежить, откликнувшаяся на призыв злыдни, совсем не собиралась перекусывать случайно забредшим к столу человеком. А человеком ли?

Злыдня оборвала вой и еще раз лизнула меня в щеку. Отливающий в свете луны серебром бок, коснулся предплечья. Ее шкура была горячей и жесткой, словно вымоченное в соде покрывало, которое забыли прополоскать. Я чуть повернула руку и тыльной стороной кисти провела по боку твари. Та вроде бы совсем не возражала. Она вела себя так, словно не было ничего необычного в том, что человек сидит на нечистом капище среди ночи и позволяет вылизывать себе лицо. Она вела себя так, словно знала меня, словно...

Я вздрогнула, злыдня отстранилась и заглянула в лицо своими, казавшимися невозможно яркими глазами. Светлыми глазами. А что если, называя меня водяной, люди были чересчур добры? Что если я вовсе не ворд, пусть и опасная, но все же принадлежащая к роду людскому девчонка, что если я... нечисть?

Злыдня одобрительно тряхнула головой, задевая кончиком хвоста ногу в сапоге. Ведь не зря богинки приняли меня за свою, не зря звали с собой. Игоша продолжал смеяться. Луна нырнула за облако, оставив меня в полной темноте.

«Может, потом погорюешь?» — раздался в голове бабушкин голос. — «Оплачешь нелегкую долю нечисти подальше от этой самой нечисти?»

Я хмыкнула, потому что, будь она здесь, именно так бы и сказала. И возможно, подкрепила бы воспитательный эффект слов подзатыльником. Действительно, какой смысл плакать о том, чего нельзя изменить? Никакого, а вот, кое-что другое — еще можно.

Я сжала в руке осколок, иззубренный мягко-светящийся край врезался в ладонь. Кое-что еще можно. Вернуть нечисти то, что взяли. И возможно, нам дадут уйти. Мне дадут.

Я привстала, замахнулась непослушной, онемевшей рукой, и швырнула осколок во тьму, запоздало представив, что будет, если камешек не долетит до развалин фонтана. Но камешек долетел... Ох, как долетел!

Вспыхнуло так, что осветило и заросли, и разрушенный фонтан, и очумевшую от такого светопрествления базу. И наступила тишина. Ватная ненастоящая, выжидательная, от которой шерсть на загривке встала дыбом не только у злыдни, но и у меня. А потом грохнуло так, словно сам Эол взял в руки молот и ударил по земле. Воздушным ударом меня опрокинуло на спину. Тварь рыкнула и прыгнула в кусты, оборвал смех Игоша, ломая ветки, стала удаляться база. Все собравшиеся этой ночью мертвые и нечистые твари стали не просто расползаться с капища, а почти бежали. Уносят ноги, руки, ветки и челюсти со священного для них места.

В животе заурчало от голода. Или от страха. Не знаю.

Подняться удалось только с третьей попытки, мышцы слушались с трудом, словно я три часа кряду перебирала горох, голова кружилась. Я подковыляла к раздваивающемуся дереву, подняла голову и, не сдержавшись, ойкнула, словно наступившая на подол сарафана косолапая Ксанка.

Луна вышла, осветив капище во всей его неприглядности. Остов фонтана разнесло в мелкое крошево, словно разрушение, случившееся много лет назад, было недостаточным. Среди каменной россыпи лежали тела. Немного, но они были, те, кто был слишком близко к каменной чаше. Одна злыдня, непонятное — состоящее из одних волос — существо и истлевающий древесный ствол — все, что осталось от ерки... Может, зацепило кого-то еще, но чтобы разглядеть — надо было подойти ближе, а у меня такого желания не было.

— Айка, — раздался голос за спиной, я обернулась, со стороны забора ко мне приближался Вит, за ним бледный Михей с заряженным арбалетом. — Ради всех святых Тарии, скажи, что ты сделала?

— Не... не знаю, — прошептала я. — Я просто бросила осколок, а когда он упал... — Я беспомощно развела руками и поежилась, оглядываясь.

— Может, воротаемся? — стрелок нервно поводил арбалетом из стороны в сторону. — Как скоро уродцы вернутся?

— Очень нескоро. — Вит обогнул сросшееся дерево, осмотрел капище и выразительно присвистнул. — После такого выплеска силы, они еще пару дней, вернее ночей, будут в себя приходить. Да что там нечисть, — Он махнул рукой. — Всем досталось, — Стрелок снова поежился. — Всем так или иначе причастным к магии: людям, нелюдям и даже, — он поддел носком сапога ветку, — заклинаниям, например «единому пути», будь оно не ладно.

— И что нам теперь необязательно резать того смирта, или еще кого, и марать руки и сапоги кровью? — тихо спросила я, но Михей все равно услышал, открыл рот, но ничего не сказал. Иногда он может быть умным, а иногда нет. Впрочем, так можно сказать о каждом из нас.

— Нет, — Вит прислушался к чему-то и подтвердил: — Можем уйти в любой момент, выплеск силы уничтожил заклинание. И не только его. Мне вчистую снесло ограничитель, что криворукие тарийские чаровники ставили. Теперь, слава Рэгу, восстановлюсь полностью.

— Ну, хоть кому-то польза, — я, покачиваясь, отошла от ствола, чернокнижник тут же протянул мне руку, не давая упасть. — Может, и вправду уйдем, мне здесь не по себе.

«Как и всей остальной нечисти», — мысленно добавила я, — «как и всем тем, кто удирал отсюда без оглядки».

— Согласен, — Михей развернулся и указал на тьму арбалетом, то ли подгоняя, то ли указывая направление. — Да и Рион ждет.

Вит помогал мне идти, поддерживая под локоть, и даже один раз поймал, когда, запутавшись в собственных ногах, я твердо решила прилечь на усыпанную листьями землю. Чернокнижник обхватил меня за талию, позволяя уютно устроиться на широкой груди. Надо же, и как я раньше не понимала, что привлекательного находили в этом девицы? А вот сейчас оценила. Широкая грудь — это практично, будь рядом кто-то вроде Риона, я бы нас обоих опрокинула, а так ничего, можно даже расслабиться, закрыть глаза и слушать, как где-то позади топает стрелок, как ветер затихает в листве, как...

— Айка, — позвал Вит, и вдруг спросил: — Почему ты не удрала?

Я напряглась. И он это почувствовал, провел рукой по спине вроде бы успокаивая... Вроде бы, потому что спокойнее не становилось, а сердце, наоборот, колотилось так, что будь здесь злыдня — точно бы услышала.

Почему? Я замотала головой, пытаюсь отогнать далекое и почти забытое воспоминание и одновременно показать вирийцу, что ответа он может не ждать.

Под ногами Михея шуршала трава.

Почему? Да потому, что я до сих пор иногда видела ее во сне. Заплаканную или улыбающуюся Майку, свою единственную подругу, что возвращалась ко мне в мире снов, как бы напоминая, что за тобой долг, Айка.

Глава 3. Долг

Девчушка бежала через утренний лес. Ветки и репей цеплялись за одежду, путались в волосах, ноги сразу же промокли от росы. Но это ее не печалило. Звонкий чистый смех летел над верхушками деревьев.

Она остановилась на поросшей клевером поляне, раскрашенной розовыми соцветиями, так похожими на маленькие клубки ниток. Трудно сказать, чем эта поляна отличалась от десятка таких же, через которые девочка пробежала, даже не оглянувшись, но эта отличалась. Может, поваленным древесным стволом? А может, раскидистым усеянным черными ягодами кустом с резными листьями?

Малышка остановилась и нахмурилась. Того, кого она ожидала увидеть, еще не было. Грусть, как облачко, на мгновение заслонившее солнце, развеялась. Надо просто подождать.

Девчушка влезла на поваленное дерево и достала из-за пазухи два яблока. Одно, подумав, убрала обратно, а во второе вонзила зубки и принялась болтать тощими ногами.

На вид девочке было лет шесть, худенькая, с большими светлыми глазами и белесыми волосами, заплетенными в уже успевшую растрепаться косицу.

Бабушка уехала еще затемно. Иногда она так делает, оставляет внучку на день или даже ночь. В первый раз было страшно, и казалось, во всех углах избы копошатся мыши или еще кто похуже. Но потом девчушка привыкла. Она уже большая и справится. А эта бабушкина отлучка ей даже на руку, можно поиграть с подружкой, не придумывая никаких отговорок.

Раньше девочка была одна. Всегда. Другим детям запрещали играть с ней. Взрослые говорили, что она неправильная.

Девочка хихикнула. Какое смешное слово — неправильная. А вот, Майка так не считает.

Они познакомились случайно. Девочка собирала травы для бабушки, а Майку послали за грибами. Встретились они возле старого оврага, зайдя немного дальше, чем разрешалось взрослыми. У Майки тоже не было друзей. Ее семья жила на заимке ниже по реке, а в деревню каждый день ради игр не набегаешься. А еще у Майки было пятеро младших братьев, за которыми, по словам подружки, нужен был глаз да глаз.

У того оврага встретились две одинокие души. Встретились и подружились. С тех самых пор, когда удавалось отговориться от домашних дел, девчухи играли в лесу, не заходя, впрочем, слишком далеко, и та, и другая знали, как может быть опасна чаща.

Сегодняшний день обещал быть особенным. Семейство Майки отправилось на ярмарку в Алафу. Девочка смогла убедить родителей оставить ее дома, якобы в помощь старой тетке. На деле же старушка предпочитала справляться сама, отпуская племянницу гулять.

Сегодня Майка обещала показать что-то особенное. Обещала, обещала, обещала! Девочка продолжала раскачиваться на высохшем стволе, с нетерпением ожидая подругу.

Майка пришла. Не успела первая девочка доесть яблоко, как из-за деревьев вышла другая — постарше, повыше и пошире в кости, с длинной черной косой и синими глазами.

В отличие от первой, одетой в рубаху и штаны, на старшей был сарафан, на голове платок, а в руках холщовая котомка.

— Айка, слезай, — с напускной строгостью сказала старшая. — Не ровен час свалишься.

Девочка легко спрыгнула на землю, рассмеялась, подбежала к подруге и, подергав за мешок, спросила:

— Чего там?

Аккуратно высвободив котомку, Майка поправила платок.

— Хлеб, сыр, лук, орехи. Мы ж на целый день уходим. А ты, я вижу, об обеде не подумала.

Младшая озорно хихикнула.

— А вот и подумала, — и с торжествующим видом достала из-за пазухи второе яблоко и протянула подруге.

Майка вздохнула, но присоединила дар к своим припасам. Взявшись за руки, девочки пошли в лес. Через несколько минут кроны деревьев

вздروгнули, в небо устремилась стайка пичуг, напуганная громким смехом. Похоже, младшей все же удалось расшевелить подругу.

— Старое поймище, — сказала Майка, когда девочки вышли к ручью. — Так его называют. Осталось недалеко.

Через полвара ручей изогнулся, расширился и сильно обмелел. Младшая замерла и ахнула. Старшая довольно улыбнулась. Не зря она привела подругу сюда. Этот выдох, расширенные от изумления глаза Айки — того стоили.

На месте убывшей воды росли кристаллы. Разной формы и размера. Разбросанные, как группами, так и поодиночке. Солнце отражалось в их гладкой поверхности, щедро даря округе бессчетное количество цветных искр. Ничего красивее девочкам видеть не доводилось.

— Наше волшебное королевство! — старшая, довольная произведенным эффектом, весело рассмеялась.

Айка запомнила этот день навсегда, сколько всего в нем было, сколько радости и смеха. В тот момент она была абсолютно счастлива.

До вечера девочки играли в свои, одним им понятные игры, воображая себя то прекрасными принцессами, то лесными нимфами, то могучими чаровницами. И их веселые голоса разносились далеко вокруг, вторя ласковому журчанию ручья.

Напоследок каждая отломала себе по кристаллу, в качестве талисмана. Не удержавшись, младшая лизнула свой и скривилась.

— Фу, соль, — и задумчиво добавила: — А к нам соль из Алафы возят. Старшая пожала плечами, дела взрослых ее не очень интересовали.

Обратный путь занял больше времени, слишком уставшими и довольными были девочки. На поляне с поваленным стволом они попрощались и договорились встретиться через четыре дня и снова пойти к ручью.

Старшая уже скатала котомку и стала убирать ее за пазуху, когда обнаружила пропажу.

— Мой кристалл! — запричитала Майка, лихорадочно осматривая одежду. — Его нет! Я потеряла.

С выступившими на глазах слезами девочка бросилась обратно, обшаривая кусты и землю. Младшая растерянно семенила следом. Они прошли, наверное, треть пути и остановились у кучи валежника, когда стало ясно, что пропажу не вернуть. Поймище далеко, и сходить за новым кристаллом до темноты девочки уже не успевали. Старшая разрыдалась, закрывая лицо руками.

— Майка, ну что ты. Ну, не плачь.

— Тебе легко говорить, — сквозь всхлипывания отвечает девочка: — Твой волшебный кристалл на месте.

Айка достала прозрачный камешек, и тот заиграл на солнце. Все правильно, она свой не потеряла. А вдруг из-за этого Майка не захочет с ней больше дружить? Ведь друзья все делают вместе — играют, гуляют, находят и теряют. Мгновение поколебавшись, младшая протянула кристалл подруге.

— Возьми.

Майка все еще всхлипывала, но голубые глаза уже загорелись надеждой.

— Ты отдашь его мне? Тебе не жалко?

— Жалко, — призналась младшая. — Но из-за него я не буду плакать. А ты плачешь. Значит, тебе нужнее.

Слезы исчезли, и вот уже старшая, робко улыбаясь, осторожно взяла подарок.

— Тогда за мной долг, Айка, — совсем по-взрослому пообещала Майя. — В следующий раз мы найдем тебе новый, самый красивый на свете, — подруга улыбалась, еще не зная, что у них не будет следующего раза. Ничего не будет. И Айка навсегда запомнит ее такой, все еще заплаканной, но уже улыбающейся.

В этот день девочки успели по домам вовремя, никто из взрослых, так ничего и не узнал.

А еще через четыре дня младшая напрасно прождала подругу весь день на поляне возле поваленного ствола. Сначала девочка не беспокоилась. У взрослых всегда найдутся причины не отпустить ребенка играть. Но дни шли, а подруги все не было.

Айка пришла туда и на следующий день, и на следующий за ним. Как выдавалось свободное время, она бежала на поляну в тщетной надежде увидеть Майку.

Раньше подруга никогда так надолго не пропадала. Младшая даже хотела сходить к ручью, но к счастью остановила себя. Это их место, и пойти туда они должны вместе.

А потом по деревне поползли слухи, один страшнее другого. Нечисть напала на Белохорову заимку. Ночью, когда никто не ждал. Выживших не осталось. Выпотрошили всех от новорожденного младенца, до старенькой тетушки.

И Айка, вытирая соленые слезы грязным рукавом, поняла, что подруга больше не придет. Никогда.

Через несколько лет бабушка, обучая внуку, расскажет ей, что у

каждого вида нечисти есть свое священное место для сбора — капище. А в качестве примера приведет ту старую историю. Она предположит, что кто-то случайно или намеренно унес что-то с ящерова капища, что на старом поймище. А ящерлики^[38] выследили вора и в отместку разорили заимку.

Вот тогда девочка и поймет, почему соль привозят из другого селения, и что значил кристалл, подаренный подруге. И на ком из них на самом деле долг.

***

— Айка, Айка, проснись, — меня потрясли за плечо.

Ну, что такое! Едва глаза закрыла.

— Ты плачешь, — сказал Вит. — Плачешь и зовешь какую-то Майку.

Я села и потеряла лицо, так и есть, щеки были мокрыми от слез. Повозка покачивалась, запряженный жеребец фыркнул и махнул хвостом, недовольно косясь на наших. Облачко послушно шла рядом с меринком Михея, зато лошадка Вита то и дело всхрапывала. Возница, седовласый крестьянин, отвернулся от уходящей в утренний туман дороги и бросил на нас обеспокоенный взгляд. Думаю, он и сам был не рад, что поддался порыву и согласился подвести трех едва не выпадающих из седел мужчин и почти лежащую на шее кобылы девку средней помятости.

Проклятый скит мы покинули сразу же, не дожидаясь утра. Оседлали лошадей, вытащили из лачуги Риона, забыв в ней все еще пребывающего в религиозном экстазе Теира. Тот нисколько не возражал. Мало того, не возражал никто из парней, ни в ком внезапно не проснулось человеколюбие. И к добру ли к худу, но служитель капища остался на своем месте.

— Ты не спал? — спросила я вирийца, вытирая лицо грязным рукавом. Рион лежал с закрытыми глазами с краю повозки, лениво перекатывая во рту соломинку. Михей, сгорбившись, сидел рядом с возницей, по-прежнему сжимая в руках арбалет.

— Нет, — кратко ответил чернокнижник. — Не до того было.

— А до чего?

Михей спросил мужика об урожае, и тот с готовностью пустился в объяснения, изредка причмокивая и легонько понукая массивного тяжеловоза вожжами.

Вит отвернулся и стал задумчиво смотреть на дорогу.

— До того, что произошло на капище, — ответила я за него. — Все

еще гадаешь, почему я не сбежала?

— Нет, гадаю, что ты такого сотворила, что нечистое капище вдруг омылось светом?

Соломинка во рту Риона замерла.

— Я просто кинула камень, как ты велел.

— И все? — вириец повернулся и посмотрел мне в глаза.

Почему-то врать ему не хотелось, но и рассказать о том, как дружелюбно злыдня заглядывала мне в лицо, я не могла. Не сейчас, возможно потом, когда сама пойму, чего стоит ждать от жизни.

— Не все, — нехотя призналась я. — Еще была тьма, она светилась, и все эти развалины светились, и даже осколок...

— Отстань ты от нее, — Рион выплюнул соломинку и сел. — Сомневаюсь, что это она очистила капище.

— Тогда кто? — раздраженно спросил чернокнижник. — Ни ты, ни я этого не делали. Я не знаю, как вас в Тарии учат, а у нас в Вирите твердо вбивают в голову, что вопросы без ответа — самый верный путь к Рэгу на тот свет. А я еще не готов к этой встрече.

— Нас учат исключать лишнее, — к удивлению чаровник не полез на рожон, а спокойно продолжил. — Нас там было пятеро. Я этого не делал, ты тоже, — Вит кивнул: — У того блаженного ни сил, ни способностей, но даже если мы проглядели в нем великого колдуна, — чернокнижник хмыкнул. — Он все время был с нами, так что, это точно не он. Можно предположить, что это Айка...

— Можно, — согласился Вит.

— Можно-то можно, но вряд ли это она, — парень виновато шмыгнул носом. — Несмотря на все ее странности и магию, которую никто никогда не видел, и которая вроде бы исчезла навсегда вместе с резервом, но... Это не она.

Телегу тряхнуло на кочке, и я едва не прикусила себе язык. Так и тянуло выругаться.

— Поясни, — потребовал чернокнижник.

Рыжеватая лошадка Риона вдруг вытянула шею и заржала. Запряженный в телегу тяжеловоз недоуменно покосился на нее.

— Ты, наверняка, сталкивался раньше с капищами, — сказал Рион и признался: — А я только читал, но хорошо запомнил, что нужно для того, чтобы очистить проклятое место. Помимо сил и умения, магу нужны...

— Чистые помыслы, — тут же ответил Вит, глядя на меня с сомнением. Еще бы — я бы и сама на себя с сомнением смотрела. — Чтобы смыть грязь, нужен маг, чистый мыслями, силой и совестью.

— Вот-вот, а это —точно не Айка, — чаровник снова виновато посмотрел на меня.

Надо сказать, прозвучало обидно, хоть и правдиво, словно кто-то заставил меня посмотреть на себя со стороны. А ведь картинка-то выходила неприглядная.

— Хорошо, — согласился черно книжник. — Не ты, не я, не смирт, не Айка, тогда остается...

Мы посмотрели на разговаривающего с мужчиной стрелка. Рион тряхнул головой, словно не понимая, откуда там взялась мысль подумать о Михее. О нашем Михее с арбалетом, который очень мечтал стать магом, но по капризу Эола им не являлся.

Возница обернулся и громко спросил:

— Господа хорошие, вы со мной до Волотков? Али уже оклемались и своим ходом сподобитесь?

— А Волотки —это...? — нахмурился Вит.

— Волотки — это Волотки, — исчерпывающе ответил мужчина.

— Казум говорит у них магам завсегда рады, — бесхитростно заявил стрелок, и возница с готовностью закивал, стало быть, «чистый помыслами» парень сдал нас уже давно.

— Завсегда, — подтвердил Казум. — Сам я там за старшего, а еще и мельник до кучи, можете у меня остановиться. А можете и у Пелагеи вдовой, кровати найдем, тарелку каши тоже...

— Каши? — поинтересовался Вит. — А ты не боишься тащить к себе в дом незнамо кого? Мало ли как мы назвались, а на деле, может тати какие, идущие непонятно куда и откуда. Или притворы. Шкуру снимем, да и сдадим за три черня на рынке?

— С самих едва не сняли, а туда же, грозятся, — попенял черно книжнику совсем не испуганный мельник. — Знамо дело, с черного капища бежите. Сладили с нечистью-то?

Рион выплюнул травинку и повернулся к вознице, Вит продолжал хмуриться, Михей провел по лежащему на коленях арбалету...

— Нет, — ответила за всех я. — Не сладили, а откуда вы...

— Знаю? Так, дорога там одна, и по ней давненько живые не хаживали.

— Заклинание единого пути, — выплюнул сквозь зубы черно книжник.

— Не сладили... — несколько не огорченный Казум кивнул. — Но раз сами ноги унесли, значит, не последние чаровники среди вас имеются, я так и сказал Михею, — стрелок снова погладил приклад. — А чаровникам мы завсегда рады, — повторил возница. — И каши не жалко.

— Тогда, пусть будут Волотки,— согласился чернокнижник и тут же спросил: — И часто у вас так маги по лесным тропам пробегают?

— Вы на моей памяти вторые, — возница отвернулся к дороге. — Тела находят, но тоже редко, чаще тряпье, да оружие.

— А первые давно были? — спросила я, только магов нам здесь и не хватает, спрятались, называется.

— Уууу, вспомнила, девонька. Давненько, дюжина годков точно минуло, а может и больше.

— Что, и они с капищем не сладили? — насмешливо поинтересовался Рион.

— Куда там. Сам еле выжил. Один он был, чаровник, подранком подобрали, да в дом к Орьке-прачке на постой определили, травницы у нас тогда не было. Ходила баба за ним, как за родным сыном, а он как оклемался, оплатил ей за доброту, — Казум покачал головой. — Видно, совсем гнилой чаровник был.

— Чем оплатил? Неужели куриную хворь не изжил или мышинное поголовье не извел? — на этот раз насмешлив оказался чернокнижник, но мельник только головой покачал.

— Хуже, у Орьки-то дочка была на выданье, Аська-хитруха, вот он и того... ее, значит, оприходовал, — мельник задумался и добавил: — Оно бы и на здоровье, мы новой крови завсегда рады, да только девка-то с ним и сбегла. Проснулась баба Орья поутру: ни дочки, ни мага, ни кувшина с медяками на корову скопленными. Так тужила, так печалилась, что померла, не прошло и полгода, хотя бабы болтали... — возница замолчал.

— Что? — с любопытством спросил Михей.

— Что девка-то не простая была, печатью Эола отмеченная^[39]. Говорили, что с колдованцем своим мать извела, мол, оставила в доме сглаз, али порчу, вот прачка того и...

— Занимательная история. Я бы после этого поостерегся подранков на лесных дорогах подбирать,— заметил Вит. — Вы куда ехали-то?

— Теир не к вам поутру собирался? Говорил, телегу пришлют, соборовать кого-то надобно, — вспомнил Рион. — Вы и есть та самая телега?

— Агась, — подтвердил мужчина.

— Так почему его не забрали? — прищурился вириец. — У вас же там покойник дожидается?

— Вот, и пусть дожидается, ему не к спеху. В Волотках живым маги нужнее, — видимо, вспомнив про живых, возница повеселел и снова понукал конягу, тот пошел куда, как бодрее, словно разделяя радость

хозяина оттого, что странные, встреченные на лесной тропинке то ли чаровники, то ли тати какие, решили завалиться к нему домой и съесть всю кашу. — В Волотках-то тоже не все ладно, господа чаровники, вы хоть одним глазом гляньте, а мы заплатим, даже не сомневайтесь.

— Расскажите о капище,— прервал мельника Рион.

— А чего о нем сказывать? — удивился Казум. — Оно далеко, мы с Волотков туды не лазим. А о погани не рассказывать надо, а давить.

— Чего ж не давите? — выпрямился чернокнижник.

— Дык, не по чину нам чудища-то всякие, а как задерет какой страхолуд пастуха, дите осиротит, бабы вой на все Волотки поднимут, — веселье сменилось грустью. — Мы уж и в Велиж писали, и в Вышград Улика отправляли, даже верховному смирту челобитную подавали.

— И как? Дошла челобитная? — Рион повалился обратно на сено, словно разговор стал ему неинтересен.

— Только она и дошла, — признался мельник. — Теира прислали, уж как я радовался, как на Эола уповал. Говорил, враз смирт от погани нас избавит. А вышло что?

— Что? — с интересом спросил Михей, отвлекаясь от арбалета.

— А то, — возница сплюнул. — Теир живет там, твари, как шатались, так и шатаются, словно стол у них туточки накрытый, а молитвы аппетиту прибавляют. Ээх...

Облачко, словно сочувствуя, тоже вздохнула.

— Значит, в Волотках знают о капище? — сказал чернокнижник, по примеру Риона заваливаясь на сено.

— А как не знать, чай не слепые.

— Вы удивитесь, как часто люди теряют зрение, слух и разум, когда что-то пугает их до судорог, — Вит закрыл глаза.

Возница продолжал говорить, но уже не так громко больше для себя и снова повернувшегося к дороге Михея.

— Странное капище, — проговорил, не открывая глаз чернокнижник.

— Можно подумать, ты много их видел, — не удержался от иронии Рион.

— Да, поболее твоего, ученик. А странное оно тем, что...

— Их там было много,— сказала я, падая на телегу между парнями и по примеру чаровника, беря в рот соломинку.

— Айка, — попенял Рион. — На капище нечисти всегда много.

— Даже монна поняла, а ты —нет,— шевельнулся Вит. — Мне страшно за будущее Тарии.

— За себя бойся, кудесник. За свою болтливую башку.

— Бабка говорила у каждой нечисти свое капище, — прервала я начинающуюся перепалку. — У ящерликов, у базыг, у злыдней. У всех свои святыни, а здесь... — я поерзала, устраиваясь поудобнее. — Кого только не было. Словно на бал в королевский дворец явились хлебопашцы и стали в лаптях котильон отплясывать.

— Каждой нечисти свое, — подтвердил Вит. — Хотя хлебопашцы во дворце — это не так страшно.

— Случалось пахать в поле? — поинтересовался Рион.

— Нет, случалось бывать во дворцах.

***

Волотки встретили нас ливнем и колокольным звоном. Дождь начал накрапывать еще на подходе, а стоило телеге миновать околицу, зарядил уже по полной. Я натянула куртку, Вит, чертыхаясь, укрылся плащом, Михей поежился и проводил взглядом часовню, где бил колокол, осеняя себя знаком Эола.

Вопреки уверениям, Казум привез нас отнюдь не к мельнице. Повозка остановилась у приземистого сруба, который видал на своем веку не одно поколение владельцев. Бревна быстро темнели от влаги, усыпанные ягодами кусты, в такт дождю качали поникшими листьями, дверь на просевшем крыльце не закрывалась.

— К Пелагее вас определяю, — попытался перекричать шум дождя Казум и указал на сарай: — Коней там оставьте.

Михей кивнул и принялся отвязывать лошадей. Рион стал помогать, мы с Витом последовали за возницей в дом, где вопреки ожиданиям, и явно нуждающейся в починке двери, приятно пахло картошкой и хлебом.

— Теир? — в сени выскочила худенькая невысокая женщина, с полотенцем в руках, — Теи... А я подумала... — она испуганно посмотрела на меня, да так и не договорила, оставшись стоять с раскрытым ртом. Я даже ухватила за капельку маскировочного амулета, опасаясь, что потеряла его во время чехарды по капищу, но нет, камень привычно холодил ладонь. Хозяйка перевела непонимающий взгляд с меня на вирийца, с него на Казума.

— Вот, Гея, встречай гостей. Чаровники, почитай, из самого Велижа.

— Да? — с сомнением переспросила хозяйка, и словно спохватившись, всплеснула полотенцем. — Конечно, проходите к огню, — она развернулась и, торопливо вытирая красные натруженные руки,

скрылась в комнате.

— Вы не думайте, Пелагея — хорошая хозяйка, — пробурчал под нос мельник.

— Только ждала она явно не нас, — чернокнижник встряхнулся, словно мокрый пес. — А одного знакомого мне служителя.

— А разве смиртам не положено целомудрие? — громко спросил вошедший в дом Рион, вода текла с темных волос, за ним громко топал стрелок.

— Не дается Теиру пока целомудрие, — крикнул Казум, впрочем, без особого осуждения, и последовал за хозяйкой.

— Как и молоток? — Михай задумчиво покачал скрипучей дверью, порог заливала дождевая вода.

— Не торопился бы ты ремонтом, — я стащила мокрую куртку. — Неизвестно еще, зачем нас сюда привезли и чего хотят.

— Да брось, — ухмыльнулся Рион. — У селян одна беда, либо скисшее молоко, либо мыши в подполе, в самом запущенном случае — лиса в курятнике.

— Вынужден согласиться с неучем, — кивнул Вит, и тут же спросил: — Что тебе не нравится?

А я едва подавила желание сказать: «Все». После капища, я почувствовала себя странно. Настороженно, словно дикая кошка, учуявшая запах степного тура, что имеет привычку разорять птичьи гнезда. Гнезд было не жалко, злило присутствие чужака, которого я никак не могла рассмотреть сквозь заросли камыша. Злила неизвестность.

— Не знаю, — ответила я, направляясь в комнату, где слышался тихий голос Пелагеи. — Например, то, что крысой в подполе может оказаться базыга, учитывая, что до капища меньше дня пути.

Парни ничего не ответили. Михай наконец-то оставил в покое перекошенную дверь.

Дождь лил до середины ночи, и напуганные его силой, базыги, селяне и лисы не высовывали нос на улицу до следующего утра, дав нам время выспаться. Рион и Вит успели пару раз поругаться, а Михай почистить и отладить арбалет.

Глава 4. Волотки

Строили Волотки рядами, дом за домом, участок за участком, как граблями по земле провели — более десятка прямых улиц соединились

между собой маленькими проулками. Село с часовней дворов на пятьдесят, не больше. Высокие лесные деревья подступали к оградкам крайних домов почти вплотную, смыкаясь кронами над дорогой и лишь немного расступаясь у двух пашен. Это то, что принято называть глухим эоловым углом. Вряд ли сюда часто забредают торговцы или сборщики налогов, здесь не выступают уличные артисты и не проводят ярмарки. Здесь, наверное, ничего не изменилось за последнюю сотню. Но Волотки были еще живы, мы смогли убедиться в этом прямо за завтраком.

Лаяли собаки, слышался стук топора, когда сосед Пелагеи колол дрова, какая-то женщина кому-то что-то высказывала, и этот кто-то вяло отнекивался в ответ. Где-то заплакал ребенок, потом успокоился. Послышался веселый смех и разухабистая пьяная песня раннего гуляки. Простые и привычные звуки. Словно и не уезжала никуда.

— Вы уж не побрезгуйте, — бормотала местная травница, молодая девушка, представившаяся Майаной, торопливо выкладывала на стол кабачки, репу, банку с огурцами. — Я ж от чистого сердца, — она опустила глаза в пол, и торопливо скатав котомку, выскочила из светелки.

Тут же появилась Пелагея с полным чугуном картошки и, проводив взглядом травницу, уверенно проговорила:

— Хорошая девушка, — и посмотрела на меня.

— Да мы и не сомневаемся, — кивнула я, и женщина отчего-то смутилась, видимо меня к этой категории причислить трудно, таскаюсь с тремя парнями по лесам. Хотя спали мы в разных комнатах: я на террасе, они в спальне, что уступила им хозяйка, перебравшись на печку.... — Вы уж не побрезгуйте, — повторила она загадочно и снова отошла.

— Кто-нибудь понял, чего она хотела? — нахмурился Рион. — Кроме того, чтобы мы съели ее продукты?

В ответ Михай крякнул и запустил черпак в котелок. Снова хлопнула входная дверь, в комнату торжественно вошли три внушительного вида матроны с котомками и корзинками.

— Наши дары колдованцам, — поклонилась самая высокая и принялась перечислять: — Яйца, хлеб, соленья, копченья...

— С личной копильни старосты, — встала та, что стояла справа, пухленькая женщина в расшитом платке.

Из-за печки выглянула Пелагея, окинула взглядом стол, на котором почти не осталось места, и снова исчезла.

— Который здесь самый могучий чаровник? — поинтересовалась высокая, закончив выкладывать продукты.

— Он, — тут же указал на стрелка Вит.

Михей от такой чести выронил ложку, она стукнулась о тарелку, часть каши плюхнулась на скатерть.

Женщина, что стояла слева, нервно поправила седые, забранные в пучок волосы, придирчиво оглядела стрелка, как лошадь на ярмарке и вынесла вердикт:

— Пригож, — а потом повернулась к чернокнижнику:— Но и ты ничего, не беда, что кровей не нашенских.

— А парнишка-то совсем молоденькой, — вставила та, что в платке, с жалостью глядя на Риона

— Так, любезные, — не стал вдаваться в причины жалости чаровник. — Вы поинтересничать пришли, или по делу? Продукты — дело хорошее, но...

— По делу, — прервала его самая высокая.— Вы, господа чаровники, про указ короля Ирина Первого слышали?

Рион вдруг закрыл лицо руками, худые плечи задрожали, то ли плачет, то ли смеется.

— Нет, — ответил за всех Вит, я согласно кивнула, хотя что-то такое вертелось в голове, что-то скабрезное, вон и Михей старательно морщил лоб, не забывая, впрочем, накладывать кашу и присматриваться к банке с огурцами.

— Вы обязаны обеспечить постоянный прирост поголовья колдованцев, в посещаемом селении, — выпалила пухленькая и посмотрела на стрелка.

Но парень продолжал невозмутимо есть.

— В каком смысле — обеспечить? — не понял Вит, или понял, но никак не мог поверить.

— В прямом, — сдавлено ответил Рион, уши которого наливались краснотой.

— Для сей благой цели, — добавила седовласая, — мы готовы предоставить вам своих дочерей, племянниц, или любых других женщин, по вашему выбору, — закончила она, и снова кокетливо поправила прическу.

Михей опять выронил ложку.

— Указ издал еще основатель династии Тиринов, — Рион замотал головой.— И он до сих пор не отменен.

— Вы уж не побрезгуйте, — проговорила уже знакомые слова женщина в платке.

Стрелок покраснел и уткнулся в тарелку, Пелагея снова выглянула и снова исчезла.

Чернокнижник сидел неестественно прямо, видимо пытаясь понять смысл выражения «обеспечить постоянный прирост поголовья» применительно к себе. Судя по выражению вирийского лица, со смыслом было туго.

Я слышала об этой скорее традиции, чем указе. Причем слухи походили, как раз на бабкины сказки. Рассказывали, что в древние времена чаровники ездили по деревням и селам, стараясь оставить, как можно больше потомства. Насколько я помню, такое уже три столетия не практиковалось. Потому что способности к магии наследовались настолько редко, что это больше походило на совпадение. Да и, как поговаривали, многие маги злоупотребляли этим правом, недовольные крестьяне слали жалобы в Велиж, и даже подбрасывали таких вот наследничков к стенам города магов.

И вот теперь в этих забытых всеми Волотках, парням предлагают увеличить...хм, магическое поголовье. Мало того, всячески готовы послужить высокой цели, даже продуктов принесли...

— А ты, малышка, тоже чаровница, что ль? — глядя на меня, просюсюкала женщина в платке.—Худая какая и хлипкая, — она покачала головой.— Но не бойсь, и тебе полезное применение найдем. А хош, замуж выдадим? У меня сынок как раз в возрасте, высок как дуб, силен как бык, и ест за троих. Чем не муж?

Я криво улыбнулась, впервые на моей памяти жалея, что на мне маскировочный кулон, посмотрела бы я тогда на этих сватов. Сынуля еще и жрет от пуза, ясное дело от такого подарка судьбы надо избавляться, то бишь — подарить другому.

—Стрига я, тетенька, — с легкой придурью ответила я.— За предложение спасибо. Четверых мужей уж схоронила. От пятого не откажусь.

Женщины, как по команде подняли руки и повели перед собой в отвращающем жесте. Но повели с уважением. Нечисть отгоняют. Темный народ, ну с какой стати той же злыдне их размахиваний бояться.

За окном, кто-то вскрикнул, в ответ засмеялись, кто-то просил пропустить его к крыльцу. Похоже, у домика Пелагеи собралась большая часть населения Волотков, и наверняка все с припасами.

— Так, — отмер Рион и резко поднялся, задев стол, банка с огурцами качнулась, но не упала, — так, — повторил он и зашагал к выходу.

Я отодвинула тарелку и пошла следом, тетки попятились. Чаровник распахнул скрипнувшую дверь, которую с той стороны явно чем-то подперли. Чем-то оказался мужик с усами и мешком картошки, терпеливо

ожидающий своей очереди, чтобы вручить нам часть заготовленных на зиму припасов. Здесь что, дом приема помощи особо голодающим чаровникам?

— Любезные, — гаркнул маг, перекрывая гомон, народу собралось немало, женщины и дюжие дядьки, пара старушек и босоногий пацан с прутиком. — Вы по какому поводу здесь толчетесь?

Все заговорили разом, женщины, отталкивая друг друга локтями, один из мужиков весомо потрясал кулаками, девочка лет пяти на всякий случай заплакала, бабка беззубо пошамкала губами и огрела половником какого-то парня, надеюсь, она сюда не для того, чтобы увеличить магическое поголовье, пришла. Улыбающийся Казум стоял справа от двери, и кажется даже гордился делом рук своих.

— Дело ясное, что дело темное, — пробормотал Рион и поднял руку, призывая к тишине. — У каждого своя беда, верно?

Притихшая толпа снова загомонила. Дверь за нашими спинами скрипнула, и на улицу вышли давешние матроны.

— Так вот, у господ колдованцев сегодня не приемный день. Все жалобы и предложения прошу излагать письменно и оставлять на крыльце. Ясно?

Ответом ему была тишина. Видимо столько незнакомых слов они слышали в первый раз.

— Значит, ясно, — констатировал чаровник. — Расходитесь.

Парень скрылся в доме, с такой силой закрывая дверь, что едва не прищемил мне руку.

— Чего ты злишься? — спросила я, дверь тут же распахнулась вновь, к счастью крестьяне действительно стали расходиться, пусть и с неохотой, — Кто же знал, что вместо того, чтобы извести мышей в подполе тебя попросят... — я не удержалась и хихикнула.

— Айка, — возмутился парень, снова дергая за ручку, непослушная дверь снова открылась.

— Другой бы на твоём месте пользовался случаем, — я бросила взгляд за порог и начисто забыла, что еще собиралась сказать.

Две женщины, спорившие у кустов бузины, пошли прочь, за ними стояла третья, чуть сгорбившись в темном платке, из-под которого выбивались рыжие пряди, худенькая, молодая и знакомая...

— Айка? — насторожился Рион, но я уже распахнула дверь и выскочила на улицу.

— Лиска, — позвала я.

И она услышала. Вздрогнула, подняла голову и... бросилась бежать.

На этот раз пропавшая Лиска из Хотьков не спешила расточать улыбки.

Я кинулась следом, за спиной раздался удивленный и немного испуганный крик Риона. Кумушки в платках проводили меня заинтересованными взглядами, мужик с бородой отбросил топор, который зачем-то взял на встречу с «колдованцами», и, приложив ладонь ко лбу, посмотрел вслед девушке. Я бежала. Не зная, зачем, и что, будет, когда догоню. Если догоню. Почему это стало важным? Мало ли, что она здесь делает. Может, замуж вышла за одного из местных обжор, а может, дурман-травами приторговывает.

Девушка ринулась в проулок, выскочила на соседнюю улицу, пробежала до конца и юркнула в проход между домами. Узкое пространство, с трех сторон ограниченное заборами. Я оказалась там, на мгновение позже, но этого времени Лиске хватило, чтобы исчезнуть.

Дальше пути нет. Вряд ли бы Лиска успела перелезть через ограду. Скрипнула низкая калитка, наполовину скрытая диким выюнком. Закрытая, но не запертая.

Я приоткрыла дверцу и вошла в чужой сад. Ухоженная тропка вела от забора к боковой двери дома. Кстати, чуть ли не единственного двухэтажного в Волотках под новенькой черепичной крышей.

Стоило ступить на утопанную тропку, как из-за угла дома выскочил лохматый, вислоухий пес. Одного взгляда на него мне хватило, чтобы понять, дружбы со зверем не получится. Не знаю, что меня в этом убедило, белоснежные клыки, которые он мне продемонстрировал или та стремительная бесшумность, с которой пес бросился к калитке.

Я отпрыгнула назад, калитка бесшумно захлопнулась, начавшие желтеть листья качнулись. Пес остановился и посмотрел на меня черными глазами.

— Эол, — зло проговорила я, вглядываясь в окна, показалось или в одном из окон действительно дрогнула занавеска?

Лиска пересекла двор и выскочила на другую улицу? Или прячется в доме? Я снова посмотрела на пса, застывшего по ту сторону забора. Но как же тогда, этот молчаливый сторож?

Скрипнула дверь, и на дорожку вышел детина, на вид, словно родной брат нашего Вальки кузнецового сына — широкие плечи, пудовые кулаки, широкий неотягощенный раздумьями лоб.

— Эээ? — красноречиво протянул мужик.

— Ташик, — раздался взволнованный женский голос, и из-за угла показалась запыхавшаяся женщина. Кажется, именно она сватала мне сыночка. Остановившись, матрона с тревогой посмотрела на сперва детину,

потом на меня, — А вы, госпожа стрига, почто тут?

Пес вяло вильнул хвостом, но от забора не отошел.

— Наследство... тьфу хозяйство осматриваю, — ответила я.

Нет, занавеска совершенно точно качнулась.

— Эээ, — повторно выдал детина.

— А у вашего сыночка совершенно случайно нет другой невесты? — я посмотрела на окно.— Рыженькой такой?

Женщина вытаращила глаза, что можно было трактовать как угодно. Мужчина сморщил лоб, открыл рот и в третий раз выдал:

— Эээ.

Была бы на самом деле чаровницей, они бы у меня сейчас все выложили. Наверное. Ну, не грозить же им карой Эола на самом деле? Или грозить? На моем лице отразилась внутренняя борьба... Жених хрюкнул и прогудел:

— Матушка?

— Ташик, — с надрывом ответила она и не менее трагично добавила: — Госпожа чаровница...

Занавеска больше не качалась, была ли здесь Лиска или нет, теперь она в любом случае уже далеко. И это отчего-то тревожило.

— Не губи—и—и—и, — вдруг завывла тетка, бухаясь на колени. — Ааа!

Пес завертелся на месте и на всякий случай зарычал. Матрона тюкнулась головой о землю и продолжила голосить, на соседнее крыльцо выскочила светловолосая молодая девушка в фартуке. На Лиску она не походила совсем. Из сарая напротив вышел мужик с вилами. Женщина стенала, охала, увлекалась все больше и больше, получалось громче и громче.

Эол, далась мне эта Лиска? Ну, догнала бы, ну, призвала бы к ответу, что очень сомнительно. И что? Почему она вообще убегала? Я что, такая страшная? Девушка не раз видела меня и без амулета, первый испуг не в счет. Или как раз в этом все дело? Она меня узнала. А я ее.

Пропавшая Лиска из Хотьков. Помнится девушка, была напрямую связана с тем, что происходило в селе Михея. Так это она, мой камышовый кот, которого я не вижу? Что на самом деле не дает мне покоя, с тех самых пор, как мы переступили порог домика Пелагеи?

Я обернулась и обнаружила мужика с вилами в непосредственной близости. Доигралась! Давно ли на тебя в последний раз с вилами ходили? По всему выходило — давно, успела запомнить.

Я оскалилась до коренных зубов, касаясь капельки медальона.

— Чёй-то я не пойму. Это ты за Ташиком пришла, что ль? — наконец спросил доброволец с оружием.

Матрона взвыла так, что даже глухой услышал бы.

— Хм... уважаемая...

— Стрига она, Лимт, — заорала женщина. — Я-то по дурусти решила, что чаровница, а она ведьма ползучая!

Звучало так, словно я нарочно переметнулась от магов к ведьмам, только чтобы досадить местным. И почему именно ползучая?

— Брата не отдам, — изрек дядька. — Лучше заколю, — и для наглядности потряс вилами, вдруг я их сразу не разглядела.

Вопрос — «кого?», я благополучно проглотила, посоветовав себе против обыкновения подумать, а уж потом говорить. Девушка на соседнем крыльце спрятала лицо в фартук.

— Что тут происходит? — спросил, сворачивая в проулок, Рион — брови сурово нахмурены, плечи расплавлены, в голосе сталь... Именно с таким лицом малолетний карапуз вперевалочку бежит за старшим братом и изображает взрослого. В любой другой ситуации, я бы засмеялась, сейчас же внезапно оказалась рада тому, что не придется удирать от разгневанных крестьян. А если и придется, то не в одиночестве.

— Я спрашиваю, что здесь происходит? — переспросил чаровник и между пальцев, как бы невзначай проскочила оранжевая искра. И она произвела гораздо большее впечатление, чем любое взывание к Эолу. Боги с их карами далеко, чаровники с их пламенем куда ближе.

Вилы опустились, стенавшая бабка затихла, собака вяло вильнула хвостом, разом потеряв интерес к моей персоне.

— Эээ, — в очередной раз выдал таинственный звук детина.

— Да, вот пытаюсь узнать, как пройти к травнице, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал весело, а не истерично.

— Узнала? — в свою очередь сделал вид, что поверил чаровник.

Я перевела взгляд на мужика с вилами, но те продолжали хранить молчание, бабка продолжала разглядывать едва подсохшую после вчерашнего дождя грязь. Над забором показалась голова Казума, вернее, он сам оперся о частокол и уставился на меня немигающими глазами.

— Майана живет за северной околицей, возле озера, — ответила девушка с белой косой, — там тропа широкая, не ошибетесь.

— Спасибо.

Я отвернулась от гостеприимного дома, обошла мужчину с вилами и почти поравнялась с Рионом, когда раздался голос давешней матроны, которой все еще не давало покоя сватовство:

— А еще на северной окраине у Селехи дом с красным петухом на крыше. И корова в хозяйстве имеется, наша-то Милка еще в прошлом годе копыта на холодец откинула, — женщина тяжело вздохнула, видимо воспоминания пробуждали в душе печаль. Рион взял меня за руку и потащил прочь.— У Селехи пятеро сыновей, — повысила голос матрона, боясь, что ее не услышат.— И все на выданье.

— И вилы в хозяйстве тоже наверняка есть, как и топор,— пробормотала я.

— Айка, — зашипел парень, — мы сюда не с крестьянами воевать приехали, а...

— А с кем? — перебила я, вырывая руку и оглядываясь.

Обитатели дома остались за забором в компании пса и вил. Казум уже шел вниз по улице и даже не смотрел в нашу сторону. Станный он сегодня, то улыбается от уха до уха, то делает вид, как сейчас, что ему нет до нас никакого дела, вон штаны успел где-то изгваздать.

— Ни с кем, — отрезал чаровник, — воины из нас — так себе. Мы просто ищем достаточно глухой угол, чтобы переждать бурю. Это тебе, в первую очередь, надо, — не удержался от упрека он.

— Я помню, но Лиска...

— Далась она тебе, — Рион раздражался все больше и больше.— Вы с чернокнижником — два сапога пара. Везде враги мерещатся, даже в трактирной стряпухе.

— Она была в Хотьках, потом в Велиже на казни, теперь здесь. У этой трактирной девки непереносимый зуд в ногах, — крестьянин с бородой, что шел нам навстречу, скомкал шляпу, поклонился чаровнику и перешел на другую сторону улицы. — Увидев меня, она очень испугалась? С чего бы это? Могла просто плюнуть вслед, как остальные.

— Она просто тебя узнала, — отмахнулся Рион и вдруг замер столбом посреди улицы. — Но как? В Хотьках и в Велиже ты была без амулета, а сейчас... — он не договорил, остановился, всматриваясь в мое лицо, словно надеясь увидеть вторую личину, настоящую, бесцветную, что так пугает крестьян. — Как она узнала тебя?

— Это я тоже хотела у нее спросить.

— Дасу знает, что творится, — неопределенно буркнул парень и снова пошел вперед.

Улицы в Волотках тянулись с запада на восток, и до северной околицы добирались переулком. Нас провожали поклонами, перешептываниями и любопытными взглядами.

И это тоже выводило из себя. Отчего-то нестерпимо захотелось уйти.

Вот прямо сейчас выйти за околицу, миновать березовую рощу, обогнуть озерцо с мостками, в котором наверняка полощут белье, собирая пиявок и ряску. Не останавливаться у кособокой избушки, стоящей у самой воды, которую наверняка заливает по весне. Просто уйти. И никогда сюда не возвращаться. В лесу не так уж и плохо, там можно скрыться от чужих глаз...

Я передернула плечами. Опять это чувство, зуд между лопаток, чужое выжидательное внимание, от которого хочется вздыбить шерсть на загривке и зашипеть.

— Айка,— позвал Рион, как-то неуверенно дергая за рукав.

— Что? — повернулась к парню я.

— Ничего, — он вдруг поднял обе руки.— Ты вроде к травнице собиралась, — чаровник кивнул на избушку, оставшуюся по правую руку. Я ведь и в самом деле чуть не ушла в лес. — Не скажешь, зачем тебе травница?

— Травница?— переспросила я и, подойдя к двери, тихо добавила, — Самой бы еще вспомнить. — Но все-таки подняла руку и постучала.

В доме что-то упало, звякнуло и наверняка разбилось, раздались негромкие, но душевные ругательства, и через минуту дверь распахнула растрепанная девушка в льняном платье, что давеча приносила нам кабачки.

— Ой, — сказала Майана вместо приветствия, перевела взгляд поверх моего плеча на Риона и густо покраснела.— Это... это вы?

Я оглянулась на парня и подтвердила:

— Мы. А ты ждала кого-то другого?

— Не... не знаю, — пробормотала она и посторонилась.— Проходите.

Избушка у травницы оказалась маленькой: сени, да комната, служившая и кухней, и спальней, и рабочим местом. Немного захламлено, но уютно. На полу у стола осколки глиняной чашки, коричневая жидкость медленно впитывалась в темные доски. Пахло травами, горьковатым маслом и ягодами. Запахи словно вернули меня в детство. И желание спрятаться в лесу на миг отступило. Захотелось вернуться домой в Солодки, к не улыбчивым крестьянам, новобрачной Ксанке и ласковыми руками бабы Симы.

— Садитесь, господа чаровники, — зажигая свечи, одну за другой, суетилась хозяйка.— Я тут... я сейчас... — она обернулась на широкую кровать, небрежно прикрытую вязаным одеялом, и покраснела еще гуще.

— Мы не увеличивать магическое поголовье пришли, — поспешила успокоить я девушку, но добилась почему-то прямо противоположного

эффекта, да еще и Рион закашлялся. — Лучше скажи, ты всех в Волотках знаешь?

— Конечно,— девушка замерла с лучиной в руках, беловатый дым поднимался к потолку.

— Нет ли у кого в родственницах рыжей девушки, — я описала Лиску. — Она могла на некоторое время уезжать, или наоборот сейчас объявиться, нежданно-негаданно свалиться родственникам на голову?

Майана задумалась.

— Нет, не было такого. У нас вообще рыжеволосых нет.

Причин не верить травнице не было, но вот беда — я была уверена, что Лиска в деревне. Значит, она скрывается. Интересно, зачем? Почти так же интересно, как и у кого?

Я немного помялась, не зная, что еще спросить.

— Это все, что ты хотела узнать? — подняв брови, спросил Рион и попенял, словно маленькой:— Айка, Айка...

Это должно было разозлить меня, но не разозлило. Зато снова потянуло в лес, такой темный и такой тихий, где под еловыми лапами всегда прохладно и если затаиться, охотник может пройти в шаге от твоих лап и ничего не заметить.

Чувство опасности накатило внезапно, только что ничего не было, а через миг...

«Бежать!» — стучала в голове мысль:— «Немедленно!»

— Айка, — осторожно позвал Рион.

— Надо идти, — сглотнув, проговорила я, удивляясь, как непривычно низко звучит мой голос, будто после простуды. Майана испуганно перевела взгляд с меня на Риона. — Надо, — еще уверенней повторила я и бросилась вон из избы.

— Айка, что ты... — чаровник выскочил следом.

Вместо ответа я дернула головой и пошла, почти побежала по лесной тропе... Нет, не по ней, я побежала к лесу.

— Эол, что же это, — за спиной запричитала травница.

— Айка, — в третий раз крикнул ученик мага, нагнал и схватил меня за руку, заставляя развернуться. Заставляя отвернуться от спасительной тени леса.

Рион не понимал. Никто не понимал, даже я.

Не знаю, чем бы все закончилось, вряд ли бы чем хорошим. Парень перехватил мои руки, не давая вырваться. Он что-то говорил или даже кричал, травница бестолково скакала рядом. Я вырывалась и, кажется, шипела...

Они не понимали. Что-то назревало вокруг, что-то большое и недоброе раздувалось, как пузырь в мыльной воде. Оно заставляло меня скулить и торопиться. Оно заставляло меня бояться. И еще немного удивляться тому, что остальные этого не ощущают, ведь сам воздух пах предчувствием.

А потом оно лопнуло, разлетелось грязными брызгами, которые никто не видел. Разлетелось яростным, захлебывающимся криком. Так выл пес, попавший под тяжелую телегу кузнеца, выл, пока были силы, а из брюха вываливались дымящиеся внутренности. Кузнец свернул ему шею, чтобы только не слышать этой смертной тоски и боли в крике животного.

А здесь в Волотках завыл человек.

Я остановилась, Рион вздрогнул, Майана стала озираться. Крик замолк. И больше не повторялся. Странная будоражащая тревога схлынула, как вода по весне, оставив после себя странное чувство узнавания. Словно все это уже было, жизнь сделала круг и вернулась к началу, повторяя события — деревня, тревога, крик... Сейчас я побегу и найду кого-нибудь мертвым.

Но первым бросился вперед Рион, за ним травница. И я, все еще оглядывающаяся, все еще приноживающаяся к воздуху, все еще ожидающая... Чего?

Тело лежало возле ограды, за которой начинался яблоневый сад, деревья мягко шевелили листочками, отяжелевшие от плодов ветки, тяжело опирались на забор, роняя к ногам мертвеца спелые плоды.

— Что это? — очумело спросил Рион, останавливаясь. — Кто это?

Вместо ответа Майана упала на колени возле неподвижной женщины. Несчастная совершенно точно была мертва, мне это было ясно и без осмотра, но травница упорно пыталась услышать биение сердца или ощутить толику дыхания.

Тело лежало на боку, голова откинута, глаза закрыты, будто у спящей, вывернутая рука прижата туловищем к земле. Крови нет. Совсем, как тогда...

Девушка бормотала молитву Эолу, одновременно ища на поясе необходимую склянку или кулек со снадобьем. Жаль, лекарства от смерти еще не придумали.

— Она мертва, — сказала я.

Травница вздрогнула, замотала головой, снова шепча что-то и вытирая слезы.

— Ты ее знала? — тихо спросил Рион

— Игнара, — голос Майаны опустился до едва различимого шепота. — Седмицу назад сломала руку, на чердак лазила, оступилась. Я ее лечила...

Да примет ее Эол.

— Или Рэг, — добавил кто-то, девушка вздрогнула, торопливо сотворяя отвращающий знак.

Я обернулась. На дороге стояли Вит с Михеем, у стрелка в руках заряженный арбалет. Но вот странность — направлено оружие было отнюдь не в сторону. Оно смотрело в аккурат на чернокнижника. Стрелок дрожащими руками перехватил арбалет, и выглядел при этом слишком напуганным.

— Что здесь произошло? — вириец спрашивал так, словно имел на это право.

— Мы не знаем, — развел руками Рион, — мы были у травницы, а потом... — он посмотрел на меня, но все же продолжил:— Айка сошла с ума, стала рычать, шипеть, то ли убежать хотела, то ли покусать кого. Я как раз схватил ее, когда закричала женщина, — чаровник опустил голову, разглядывая мертвое лицо.— И все.

— С господином вирийском чаровником было почти то же самое, — буркнул Михей, качнув оружием, встретился взглядом с Витом и, сглотнув, добавил:— Тока он не кусался и в лес не бежал, но очень уж на зверюку, что за черень показывали в Лийском балагане, походил: рычал аки волк, и слюна капала...

— Как же все не вовремя, — запустил пятерню в волосы Рион.— И что теперь делать? Может...

— Не может. Надо уходить, иначе нас же в ее смерти и обвинят, — я огляделась, но на дороге пока никого не было. Тишина, и даже ни одна собака не залаяла. Даже странно.

— С чего бы это? — не понял чаровник.

Я могла бы ему рассказать «с чего», но вряд ли тот, кого ни разу не закидывали камнями, поймет того, кто неплохо научился от этих камней уворачиваться.

— Как проклял кто, — расстроено сказал Михей, опуская, наконец, оружие.— Словно шалые — все беды да несчастья цепляем.

— Какая интересная мысль, — протянул чернокнижник.

— Предлагаю обсудить ее не здесь, — сказала я.

— Поддерживаю, — кивнул Вит.

— Никто никуда не пойдет, пока вы не объясните мне, что это было, — Рион скрестил руки на груди. — С Айкой и с тобой. Я не собираюсь поворачиваться спиной непонятно к кому.

Молчаливая Майана переводила взгляд с одного лица на другое и, в конце концов, стала снова смотреть на труп. Правильно, так оно

безопаснее.

— А ты можешь остаться, — великодушно разрешил Риону чернокнижник, кивнул мне и зашагал обратно по улице. И даже поднятый вслед арбалет не заставил его обернуться. Я помедлила не дольше секунды и бросилась за Витом.

— Что это было? — первым делом спросила я, поравнявшись с мужчиной.— Мне-то хоть скажи.

— Да ничего серьезного, — отмахнулся он.— Кровь отреагировала на готовящийся выплеск силы.

— Какая кровь? — спросил Рион, догоняя вирийца, Михей пыхтел рядом.

Я обернулась — травница все еще стояла на коленях рядом с телом. Меня кольнуло легкое недовольство. Не дело, если ее застанут рядом с убитой. Ох, не дело, она, конечно, травница, а не ведьма, но от одного до другого рукой подать.

А вообще, разве это мое дело? Не мое. Отчего же недовольство лишь усиливается?

— Обычная темная кровь, — буднично поведал Вит.— Все мы — потомки дасу, но в ком-то она спит, а в ком-то просыпается.

—Дасу? —рявкнул Рион, и за соседним забором залаяла собака.— Ты спятил, кудесник? — Рион недовольно поморщился.— В том, что ты нелюдь, я никогда не сомневался, но Айку в это не впутывай.

— Решать не тебе, и не ей. Предки за нас уже все решили, — усмехнулся Вит.— Зря ты так дергаешься. На себя в зеркало сперва посмотри и подумай, откуда у простолюдина из Пограничья такая светлая кожа? Оглянись, чаровник, и раскрой глаза пошире.

— Да, как ты смеешь, отродье...

— Я хотела убежать в лес, — перебила я чаровника.— И убежала бы, если бы не Рион.В воздухе словно разливался... разливалось... Я не знаю, что это было.

— Предчувствие опасности, — кивнул Вит.— Знаешь, как дикие звери бегут от лесного пожара, всегда инстинктивно выбирая правильное направление? Вот и здесь так. Что-то вроде инстинкта.

— Но раньше такого не было, — нахмурилась я, впереди показался домик Пелагеи.— Неужели мой папочка и в самом деле маг? Вернее демон? — я задумалась, не зная, что лучше.

— Уверена, что не было? — прищурился мужчина.— И по спине никогда не бежали мурашки в предчувствии неудачи?

— Бежали, — призналась я, стараясь отогнать видение твари в родной

деревне Михея и колодец с живым туманом.— Убежать мне хочется часто, особенно, когда смотрю на тебя. Но не покусать тех, кто пытается помешать.

— А кто-то пытался? На самом деле? Наш геройский маг? Айка, кровь не обманешь, иногда ты знаешь, что бежать бесполезно, а иногда знаешь, что и незачем. К примеру, если тебя настигает не огонь, а охотник. Надо просто развернуться и дать бой. Тарийские недоучки, даже не поняли, что попало к ним в руки, — покачал головой вириец.— А насчет папочки? Не знаю. Может, мамочка, а может, двоюродная бабка, — он пожал плечами.— Крови капля, но она есть. И она проснулась. Тебе придется с этим жить. — Вит открыл дверь в дом Пелагеи.

— Или умереть, — недовольно пробурчала я, заходя следом.— Эта капля, едва не превратила меня в зверя, я даже думать ни о чем не могла. Такого раньше не было!

— То, что произошло сегодня, — Вит обернулся.— Сегодня просто...

— Сегодня вы оба едва не спятили, — закончил Рион.— Исходя из твоих объяснений, нам едва не оторвали головы, а мы и не поняли этого?

— Точно, чаровник, — согласился чернокнижник. — Вот видишь, ты тоже умеешь думать, когда напряжешься.

Михей закрыл дверь и с беспокойством спросил:

— А теперь что? Седлаем лошадей?

— Ничего, — ответил Вит. — Мы ничего не знаем, ничего не делали и ничего не видели. В конце концов — это правда.

— Но как же... — не понял стрелок.

— Никак, — неожиданно согласился с вирийцем Рион.— Это не наше дело. Пока. А вот, если нас попросят разобраться, то мы будем должны...

Что «мы там будем должны» мы так и не услышали, потому что в дверь громко постучали. Где-то за окном тоскливо завывала собака, по спине побежал холодок нехорошего предчувствия.

Глава 5. Исчезнувшая жертва

Стук повторился, настойчивый и нетерпеливый. Мы переглянулись, словно мыши, застигнутые котом у миски со сметаной.

— Господа колдованцы! — закричали с улицы, и мы узнали голос Казума, Михей даже неуверенно улыбнулся, а вот я радоваться не спешила. — Господа колодованцы, дело до вас есть. Спешное!

— Точно, — пробормотала я. — Спешно на костер препроводить.

— Айка,— покачал головой Рион, но без особого удивления, и громко выкрикнул: — Заходите.

Мельник не заставил себя ждать — так и не починенная дверь, скрипнула — мужчина тяжело переступил порог, миновал сени, вошел в комнату и с облегчением вывалил на стол перед Витом ворох бумажек.

— Вот, — удовлетворенно выдохнул Казум, а я заметила, что он уже успел переодеть портки, так как рыжая грязь исчезла.

— Что это? — удивленно поднял брови чаровник.

Тот же вопрос мучил и меня. Честно говоря, я ожидала чего-то более неприятного, вроде топоров и факелов. А тут бумажки, лежат себе тихо, мирно, не кусаются. Скрученные листки, некоторые даже с ленточками, некоторые без, некоторые небрежно сложены, с рваными и истрепанными уголками, будто бумагу уже использовали, причем не один раз.

— То, что просили, — качнул головой мельник и добавил: — Надобности. Сами же велели. Чин по чину, усе сделали, написали, как было сказано. Потом еще будет.

— Так это — не все? — сел за стол вириец.

— И откуда столько грамотеев взялось? — удивился Рион.

— Так, к Ламару-писарю все подались, — сказала появившаяся вслед за мельником Пелагея.

— Точно,— подтвердил Казум. — Потом остальное Хирей-пасечник донесет, если у Ламара рука раньше не отвалится.

— Зато корову — точно купит, — вставила хозяйка, вытирая руки фартуком. — Ну, не корову, так козу точно.

— Достопочтенные господа чаровники, — чернокнижник развернул ближайший свиток, отбросил в сторону яркую алую ленточку, явно позаимствованную из чьей-то косы, и стал читать вслух, — на милость вашу уповаю, дозволения испросить имею, дабы первой доставить до вас дочь свою для последующего... — вириец запнулся, сделал круглые глаза и закончил: — поноса.

Рион закашлялся, Михей покраснел и сделал вид, что угол печи интересуется его гораздо больше, чем бумажки на столе.

— Девка ликом красна и кругла, славна косою, а посему вызывающая охоту и приязнь. Доселе не венчана. Бела, пышна, бед... бедриста и полногруда, тем паче понести и разрешиться смогёт без труда. Вопрошаю за разрешение нужды. И подпись: Кагора-ткачиха.

— Кто про что, а эти все о том же, — пробормотал Рион и проводил взглядом Пелагею, которая стала переставлять чугушки в печке.

Следующий листок, замызганный и небрежно скомканный, Вит брал с

явной опаской.

— У мужичка «шишок»^[40]сдох, — через минуту сказал черно книжник. — Требуется заселить нового.

— Изгнать, — поправил его Рион.

— Нет. Подселить. Скучно человеку. Прежнего он схоронил «полюдски» и теперь страдает от одиночества.

— Как это он умудрился нежить бестелесную землю предать? — спросила я.

— Полна земля тарийская чудес невиданных, — почти пропел Рион.

— И первача перебражённого в количествах немеряных, — в тон мне заметил вириец, отбрасывая бумажку.

— Дядька Казум, — позвала я, подергав мельника за рукав, пока парни разворачивали следующий листок. — Мне слышалось или кто-то кричал? Знаете так, словно руку дверью прищемил? Или не руку...

Знаю, этот вопрос задавать не стоило. Не стоило вообще привлекать внимания, но... Я все еще ощущала его, это странное чувство, что кто-то смотрит в спину. Оно чуть притупилось, но не исчезло. Я даже оглянулась на красный угол, но там был только лик Эола. Бог взирал сурово и даже с укором, вряд ли ему нравилось, чем мы тут занимались.

— Да нет, — отмахнулся мельник. — Вернее, да, — тут же поправился он: — Я тоже слышал, уж грешным делом подумал, что у пастуха Жига жинка снова в родах, а оказалось... — он вздохнул. — Игнара-пьяница к Эолу отправилась. Допилась, вестимо.

— То есть, она умерла от...

— Да не знаю я, от чего. Браги перебрала, все давно к этому шло, прошлую годовщину сошествие Эола так встретила, что пластом седмицу лежала, даже сил выть не было. Майана так и сказала: коль заливать не перестанете, кишки вспучит. Она не перестала, — мельник пожал плечами, а потом, словно спохватившись, добавил: — Жалко, конечно, хоть и дурна баба была. Я как раз у писаря был, когда девки голосить начали, но сразу к вам поспешал, ибо нужды людские — они важнее. Там сейчас Шугар на ледник свезет. Эхх, все-таки придется за Теиром ехать, ужо двое представились, схоронить надобно...

Я ничего не сказала. Не смогла, так как кишки свернулись узлом не только у неведомой Игнары-пьяницы. Потому что, еще недавно, в Хотьках, тоже гибли люди и тоже от пьянства. Три ночи подряд.

Парни тем временем разворачивали одну бумажку за другой. Свитки, перетянутые цветными лентами и бечевками, содержали по большей части предложения доставить к чаровникам ту или иную дочь или племянницу,

в качестве матерей для будущих чаровников. Такие послания просто отбрасывали в сторону, видимо, предполагаемые отцы не горели желанием стать оными.

— Просят снять порчу с глаз... нет, сглаз. Черт его знает, как правильно.

— Тут женщина хочет заговорить мужа от пьянства.

— А другая просит срочно ввести своего в запой и «на подольше. Ибо спасу от него нет. Доколе в избе сиднем сидеть буде, да жизни поучать».

— Так устроили бы родственный обмен, — предложил Вит.

Рион хмыкнул и зачитал следующее:

— Вразумите Гишку, козла безрогого. Бодает все. Даже курей. Накануне и вовсе с петухом подрался. Объясните неразумному, что раз рогов нема, то и биться нечем.

В дверь снова постучали. Вит поднял голову. И в его глазах я увидела отражение своего страха, своей настороженности и предчувствия. Чернокнижник сидел за столом, читал записки, спина прямая, плечи напряжены... Он ждал, так же, как и я, пусть Михей уже давно опустил арбалет, а Рион пренебрежительно хмыкал над «просьбами». Мы знали, что-то близится, неслышно подступает к самому порогу и скоро заглянет на огонек...

На этот раз проситель не стал дожидаться разрешения, возможно, боялся, его так и не получить, он ввалился в дом Пелагеи без спроса, высокий худой мужчина, пахнувший дымом и горелым маслом. За ним в комнату вбежала растерянная Майана.

— Вам чего, Шугар? — спросил мельник, скорчив недовольную мину, словно вошедший ему не нравился. Вернее, судя по брошенному на Риона заискивающему взгляду, Казуму было неловко за неопрятного и вонючего односельчанина. Так же смотрел на чистильщика выгребных ям наш староста, когда тот явился в храм Эола перед светлые очи заезжего смирта. Староста не стыдился самого чистильщика, он стыдился того, что односельчанина в таком виде увидел тот, перед кем Верей не хотел ударить в грязь лицом.

— Казум, ты чего, шутковать изволил?

— Охолонись, Шугар, не видишь, господу колдованцы заняты.

— Да, я-то чего, — смутился вновь вошедший. — Сам же послали за покойницей, сам сказал, а потом сам же и...

— Дядька Казум, — пролепетала Майана, — Игнара пропала.

— Как пропала? — не понял мельник, Вит повернулся к травнице, Михей осенил себя знаком Эола. — Ты куда ездил-то?

— Дык, куда сказал — на северную окраину к дому Сурьки, токмо тама никого не было. Я ведь даже сунулся к ней, а дурна баба сказала, что ты сам давеча приходишь изволил, и тело на телегу грузил. Оно и ладно бы, токмо зачем меня звал тогдась? Работы и так по маковку...

— Майана, — перебил мельник. — Чего он несет?

— Я оставила Игнару там, где мы... — она посмотрела на меня, — ее нашли, и побежала к Тюрке-омывальщице. А надо было остаться, или Сурьку попросить, — расстроилась девушка.

— Я приехал, а там никого, значит. Вот думаю, неужели Казум-старшой пошутил наш Шугаром, и не помирала Игнара-то. Мало ли, сомлела, а потом оклемалася да до дому пошла, не в первый раз ведь...

— Нет ее дома, — вставила травница. — Да и не могла она никуда уйти, мертвая же была, — взгляд девушки остановился на мне.

Я промолчала, не спеша ни соглашаться, ни спорить с травницей. Михей повторно осенил себя знаком Эола.

— Да-да, — с готовностью подтвердил Шугар, — даже Сурька на крыльце голосила, что ты сам, значит, покойницу забрал, и нечо мне тут шастать...

— Да не забирал я ничего, я тут с господами колдованцами был, — Казум заморгал и тоже осенил себя знаком Эола. — Ты с утреца уже опохмелился что ль, Шугар?

Шугар отвел взгляд.

— Ну, что за сказки? — попенял им Рион, поднимаясь.

Травница в сильнейшем волнении тоже повторила жест мельника, а за ней и заглянувшая в комнату Пелагея.

— Кому сказки, а кому и... — Казум не договорил, а Рион уже поднялся с места, я даже не стала спрашивать, что он намерен сделать. И так понятно, влезть в новую историю по уши, а меня, как назло, снова потянуло в лес...

Тяжелый взгляд ожег затылок, заставив переступить с ноги на ногу. Я едва удержалась, чтобы не повернуться и не показать Виту язык, или швырнуть чем-то. Глупая девчачья выходка сейчас казалась донельзя уместной. Только вириец умеет так колоть и ласкать глазами одновременно. Что на него нашло? А на меня? Давно ли я ощущаю его взгляд спиной?

— Значит, так... — начал Рион.

Но я перебила:

— Дядька Казум, вы сказали, что раньше умер кто-то еще. Вы ведь приехали в скит за Теиром, чтобы соборовать умершего?

— Да, — кивнул мельник. — Паркуса-лудильщика.

— Как он погиб? — спросил Рион, судя по напряженной позе, до парня, наконец, дошло, почему у меня такое плохое предчувствие. Даже Михей нахмурился и стал что-то высчитывать, загибая пальцы. Чем Эол не шутит, вдруг они тоже внезапно лес полюбят?

— Погиб? — удивился мельник. — Нет, он просто умер. Старый был. Пришел его черед отправиться к Эолу.

— Дома почил?

— Нет. За старой кузней поутру нашли. Госпожа стрига, а зачем вам Паркус?

— Просто, — не дал мне ответить чернокнижник. — Хотим знать, кому мы обязаны тем, что встретили вас на лесной дороге.

— Все во власти Эола, — покачал головой Шугар. — Поди, опять от кузнеца по утреннему холодку возвращался, когда Навь встретил.

— Только Нави нам здесь и не хватало, — проговорил Рион, от прежнего веселья не осталось и следа.

Глупыми парни не были, даже Михей. Пусть, стрелок иногда казался немного наивным и простоватым, а Рион излишне правильным, как может быть правильной проповедь смирта, но не дураками. Вит, который многого не знал, но чувствовал куда больше всех нас вместе взятых. Чувствовал, что время истончается, тает, словно воск на зажженной свече, и все же сидел здесь и перебирал бумажки. Опасность, разливающаяся в воздухе, и нарочитое спокойствие и веселье вирийца...

— Давайте посмотрим на вашего лудильщика, — встал чернокнижник. — От греха подальше, а то вдруг окажется, что он тоже погулять вышел.

Пелагея охнула и спряталась за печку.

— Интересно, — пробормотал Рион, следуя за вирийцем, и тихо, так чтобы слышали только мы с чернокнижником, спросил: — Происходит что-то необычное?

— Думаешь? — иронично спросил Вит, когда Шугар, что-то бормоча и прося прощения, посторонился, выпуская его из дома.

— Ага, — кивнул чаровник, — вас с Айкой словно подменили после капища, рветесь людям помогать. Уж не вселились ли в вас дасу?

— Может, святой водой окропить? — предложил стрелок, пристраивая арбалет на плечо.

— Окропи, кто же тебе мешает. Кстати, о святой воде, — Вит посмотрел на купол часовни, о чем-то усиленно размышляя.

Я обернулась на дом, на крыльцо вышли Пелагея, Шугар, Майана. Казум шел с нами, указывая дорогу. Дверь покачивалась на ветру, и откуда у меня впечатление, что чинить ее уже поздно?

У нас в Солодках, жила Гурьяна-вдова, ее еще плакальщицей прозвали, а за глаза, так и вовсе бедой. Она всегда и во всем видела лишь плохое. Ветер с севера — выморозит посевы, к югу — к засухе, вообще нет ветра — однозначно грядет мор, и пора колотить гробы. Хорошо, что уехала в прошлом году, а то рано или поздно ей пустили бы красного петуха в избу. К чему я ее вспомнила? К тому, что сегодня сама себе очень напоминала Гурьяну.

Успокойся, Айка. Покойники не ходят, я покосилась на чернокнижника, наверное. Ну, уж во всяком случае, не в этом Эолом забытом селении. Не ходят и не исчезают, если их не заставят, конечно.

— Сбегать? — предложил чернокнижнику Михей, кивая на часовню.

— Сомневаюсь, что она там есть, — проговорил Вит и, повысив голос, спросил у Казума: — У вас нет своего смирта?

— Так Теир, и есть наш смирт, — удивился мельник. — Благословенный человек, — он осенил себя знаком Эола. — Не побоялся, взялся покаяние на проклятом капище нести, дабы изгнать погань с земли тарийской, даже обет дал, что останется там до тех пор, пока... — мельник вздохнул и снова пошел вперед. — Вот и приходится за ним туда-сюда ездить, когда кто-нибудь сподобится помереть или родиться.

— Что, так и катаетесь до самого скита? И нечисти не боитесь? — Вит пошел следом.

— Спаси Эол, — снова поднял руку в защитном жесте Казум. — На просеке жду. Нет туда никому хода, коли жить охота.

И в этот момент я поняла, словно увидела уши степного кота, показавшиеся над камышами. Поняла, отчего оборачивалась на образ Эола в углу...

— Поэтому вы так и удивились, увидев нас? — спросила я.

— Сразу смекнул, что вы не просты, — похвалился Казум, сворачивая к восточной окраине села.

Два крайних дома стояли очень близко, почерневшие, старенькие, они наклонились друг к другу крышами, словно заговорщики. Михей вдруг споткнулся и грохнулся в пыль. Щелкнула спущенная тетива, и болт, сердитой осой прожужжав мимо головы мельника, с сухим треском вошел в одну из досок чердачного окна правого домика. Ставня гулко хлопнула по стене.

Мельник крикнул, потрянул головой, открыл рот, потоптался у дома, но выругаться не решился, хотя в такой ситуации, как говорят, сам Эол велел.

— Может... ну... это... того... оно... поосторожнее бы, — начал мельник, — если вы из-за того, что Шугар тама наговорил, осерчали, так

брехня это все. Не увозил я Игнару, да и зачем мне покойница? Вот, хоть Эолом побожусь, — Казум стал сотворять охранные знаки.

Михей тем временем поднялся и стал задумчиво рассматривать арбалет.

— Чей дом? — нахмурившись, спросил Вит.

— Изба Орьки-прачки. Та померла давно, вот мы в ее старой избе ледник устроили. Я же сказывал про Орьку и дочку ее непутевую? — спросил мельник, косясь на арбалет. — Тут подземный ручей близко, подмыл избу-то, да соседнюю тоже, зато в погребке всегда холодно. — Мужчина распахнул дверь и вошел в дом.

— Не заряжал бы ты игрушку, — попенял Рион стрелку, но тот упрямо вставил болт в ложе.

— Как думаешь, смирт жертвы приносил — с нечистью поладил или ваш Эол, дал своему слуге особое разрешение покидать зачарованные места независимо от степени вложенной магии? — иронично спросил меня Вит.

Наконец-то я поняла, что не давало покоя с того момента, как мы, слушая болтовню Казума, вошли в дом Пелагеи. Дома, где жил смирт, когда возвращался в Волотки... Ключевое слово «возвращался». Теир мог сходить с заклинания единого пути, мог ходить к капищу и возвращаться.

— Пойдите, — выкрикнул догнавший нас в дверях Рион: — Вы хотите сказать, что смирт...

Не договорив, чаровник нахмурился.

— Смотри-ка, парень растет не по дням, а по часам, — хмыкнул чернокнижник, и уже для меня серьезно добавил:— Спина чешется. Чешется так, что хочется развернуться и зарычать.

Вместо того чтобы успокоить, его слова напугали меня еще больше. Слишком личным прозвучало признание, слишком интимным, словно только я одна и могла понять смысл этих слов.

Рычать пока не хотелось, и очень надеюсь, что никогда больше не захочется. Лучше уж на самом деле в лес убежать. И там обосноваться, свить гнездо на дереве или выкопать землянку, а еще требовать со случайных путников дань грибами, ягодами и берестой... Эол, опять чушь из детских сказок лезет в голову.

Тело лудильщика лежало там же, где его оставили, и вроде бы никуда не торопилось убежать. По моему мнению, стоило бы прикопать его еще пару дней назад. Ледник ледником, запашок в подвале, где некогда хранили припасы, стоял знатный.

Не знаю, чего хотел увидеть Вит, мне тело пожилого мужчины,

лежащее на лавке, не показалось особо интересным. Все части тела на месте, седые растрепанные волосы, синюшная кожа и глаза, которые никак не хотели закрываться...

Я отвернулась, когда чернокнижник открыл покойнику рот и с живейшим любопытством заглянул туда. Рион с восторгом присоединился, правда, заинтересовался отнюдь не внутренним устройством, а скорее внешним, и стал водить руками над телом. Стрелок снова стал разглядывать арбалет, и Казум отступил от Михея на пару шагов.

— Не могу понять, от чего он умер? — нахмурился Рион, — Очень похоже на...

Он не договорил, но я поняла и так. С самого утра этими совпадениями кто-то просто тычет нам в глаза, а мы, словно слепые котятка, отказывается замечать очевидное.

В Хотьках тоже погибали люди, и тоже неизвестно — от чего, вроде бы от пьянства, но... Но совершенно точно не от него.

В селе Михея люди гибли с интервалом в день, а здесь от первого до второго, судя по запаху, прошло не меньше пяти. Значит, либо лудильщик и вправду, почил сам, и парни зря заглядывают ему в рот, либо для... тут самое время спросить «для чего?»... промежуток не важен.

Что еще общего у этих деревень? Лиска. Имя заставило меня поежиться. А может, это от холода, царящего здесь. Чернокнижник и чаровник продолжали возиться с трупом, и еще даже ни разу не поцапались. Трупы они такие, объединяющие, это не я, это наш гробовщик сказал, когда на похоронах старого гончара помирились его жена и гулящая девка, которая тоже не отказалась бы от вдовьего платка, и вполне возможно даже имела на него некоторое право.

Вит перевернул труп и задрал рубашку. Я, не говоря ни слова, вышла. Покойники меня не пугали, во всяком случае, смиренно лежащие на лавках и терпеливо дожидаясь погребения. Но смотреть на деловитые движения вирийца было неприятно. Мне неприятно, а вот чернокнижник никогда не притворился служителем Эола.

Поднялся ветер, и волосы растрепались еще больше, косу я не переплетала дня два, и надо сказать выглядела она не лучшим образом, но это ждет. Все ждет — и мятая одежда, и волосы, и даже голод. Эол, как же хочется есть!

Все ждет, кроме взгляда в спину и предчувствия беды.

Я подобрала прутик и, немного подумав, села в пыль у дороги. Из старого дома прачки слышались голоса. Я начертила на земле круг.

Это Хотьки, рядом река, лес, домик травницы — к кружку добавилось

несколько линий. Первую жертву нашли на опушке — я поставила точку. Вторую, кажется, мужчину звали Асин — на берегу. Последнюю, бабу — на дороге. Три жертвы — три точки. Я посмотрела на собственные каракули, наклонила голову и соединила точки линиями. Любопытно...

Кружок деревни, словно круглое слуховое окно, оказался внутри треугольного чердачного фасада.

Теперь Волотки — рядом я нарисовала овал. Совсем другая застройка, улочки вытянутые. Первая точка — лудильщика нашли рядом с кузней на юго-западе, вторая — Игнара-пьяница почил на северной околице. Если уж искать дальнейшее сходство, то скоро будет еще одна жертва. Или не будет, если я рехнулась после ритуала покаяния, вон снова в лес потянуло...

Но если пойти на поводу у своего воображения, то третью жертву, чтобы получился такой же красивый рисунок, как в Хотьках, нужно принести на юго-востоке. И еще колодец. В селе Михея центром этого безобразия был колодец, значит, и здесь должно быть что-то подобное. Или не должно? Что я вообще знаю о магии?

Что там плел Рион о магических каналах и отражениях? Я не очень прислушивалась, что-то про зеркало-ключ и колодец-замок, канал по которому в наш мир явно приползет что-то очень нехорошее. И голодное. Почти, как я. Меня тогда больше интересовало, то, что все живы, обет мага выполнен, и нам можно уехать из этих несчастных Хотьков. Да и потом, маги в Велиже обещали разобраться. Вот вам, разбирайтесь на здоровье.

— Что это? — тихо спросили из-за спины: — Что это такое?

Я обернулась, чернокнижник уже закончил знакомство с покойником и вышел из дома старой прачки. Вышел и увидел мои каракули.

— Что это? — глаза мужчины потемнели, зрачок вытянулся, слова больше походили на рык.

— Вит... — я поднялась, на крыльцо уже вышел Рион, что-то в вполголоса втолковывающий Казуму.

Чернокнижник не дал мне договорить, не дал даже выпрямиться, схватил за горло и вздернул, заглядывая в глаза. Только вот смотрел на меня уже отнюдь не человек. И в этот момент я поняла, что имел в виду Рион, когда говорил о вирийцах... Вернее, конкретно об этом вирийце. Человек, которого кровь дасу превратила в зверя, и сейчас этот зверь, держал меня за горло, заставляя черпать пыль носками сапог, стирая так разозливший его рисунок.

— Ви...шшт, — позвала я. — Пожалуйсс-с-сс-ш-шшштта...

Закричал Рион, потом, кажется, Казум. Щелкнул арбалет, но стрелок в

очередной раз промахнулся, так как чернокнижник продолжал смотреть на меня. Продолжал сжимать мое горло.

Его пальцы были сухими и жесткими, а губы чересчур красными, зубы чересчур белыми, кожа смуглой, но сквозь загар просматривалось нечто иное. Нечто переливающееся, как внутренняя поверхность ракушки, что я находила иногда у реки.

— Отпусти ее, демон! — закричал Рион, и щеку опалило жаром, чаровник применил магию. Жалко, что толку от этого почти не было. Чернокнижник дернул бровью, но и только.

— Ай-ка, — нараспев произнес Вит, проглотив среднюю букву, словно ему было неудобно ее произносить, словно его горло не могло воспроизвести человеческие звуки. И мое имя прозвучало совсем иначе, четче и жестче, оно прозвучало, как «А-ка».

— Не надо, — шепотом я попросила, цепляясь о его руки.— Не... хххррр.

Я тоже хрипела. И тоже рычала, потому что моя кошка, та самая, которую едва не разорвали на части чаровники Велижа, вдруг подняла голову и рыкнула. Без особой злости, скорее для оснастки, так собака фыркает на расшалившихся детей, таскающих ее за уши. Тихий недовольный рык, без желания обнажать зубы.

Что это? Магия или, как сказал чернокнижник, кровь? Потому что магию из меня вытянули, чаровники не глупы, они скорее жестоки. Но что, если это кровь?

Вит склонился к лицу, обнажая зубы, кошка зевнула и немного раздраженно дернула хвостом. Где-то безостановочно ругался Рион.

Чернокнижник мог разорвать мне горло, все, что надо было сделать, это наклониться и заставить меня запрокинуть голову. Но вместо этого щеки коснулось что-то теплое и шершавое. Кошка выгнулась, и я выгнулась вместе с ней, по коже побежали мурашки. Словно домашний пес лизнул.

— Сладкая А-ка, — прорычал вириец и разжал руку.

Я грохнулась в пыль у его ног. Как раз вовремя, чтобы увидеть, как светящийся шарик врезался в плечо Вита. Чуть поодаль по дороге бледный Рион уже создавал новый. Золотые нити огня сплетались в его ладонях в плотный клубок.

— Детская игрушка, — проговорил чернокнижник, слегка пошатываясь, огненный шарик растекся по куртке. Запахло горелой тканью, рукав осыпался пеплом, а золотой огонь втянулся в смуглую кожу.

Чернокнижник развернулся и перехватил занесенный над головой

арбалет, который отчаявшийся Михей решил использовать вместо дубины. Схватил, вывернул и ударил коленом стрелка в живот.

Что бы я ни думала о парнях — об уме Михея или о несговорчивости Риона — именно сейчас, в этот момент, я осознала, что не забуду этого. Не забуду, как они вступились за меня на пыльной дороге, вступили в схватку с заведомо сильным противником ради вредной чужой девчонки. Не смогу. Как не забуду и пальцы Вита на шее, и его шершавый язык на щеке.

Михей повалился на дорогу, шарик сорвался с ладоней чаровника, Вит перехватил арбалет, замахнулся и опустил приклад на голову хозяину.

Попытался, потому что, вместо того, чтобы разбить стрелку голову, чернокнижник, издал краткий вой и затряс рукой, отбрасывая арбалет, словно простая деревяшка только что обожгла ему ладонь.

И все кончилось. Кончилось так же внезапно, как и началось. Вит отступил, огненный шарик пролетел мимо, врезался в забор на противоположной стороне, сухое дерево тут же занялось. Арбалет упал на дорогу, Михей очумело смотрел на чернокнижника, наверняка так же на него смотрела и я. Кошка зевнула и уснула, лишь самый кончик хвоста еще подергивался.

Вириец тряхнул головой, на миг закрывая глаза, а когда открыл, там снова был уже знакомый нам Вит. Да — загадочный, да — опасный, но не дикий, словно выпущенный из преисподней зверь.

— Я в порядке, — хрипло проинформировал он, видя, что Рион начал махать руками, то ли новое заклинание создавал, то ли мух гонял.

— А мне наплевать, — ответил чаровник. — Таких, как ты, надо в бочках с солью прикапывать, а мы поверили... Почти поверили, что ты человек.

— Да прекрати ты, — чернокнижник стряхнул пепел с рукава. — Для сети Эрира нужна концентрация, так не соберешь, слишком психуешь.

Рион и не подумал опустить руки, продолжая стягивать что-то невидимое.

— Прошу прощения, монна, — чернокнижник повернулся ко мне и протянул руку. Жест был слишком нарочитый. И одно то, что он вернулся от Айки или А-ки к «монне» говорило том, что ни черта у него не в порядке. У нас не в порядке. — Просто не каждый день деревенская девчонка, пусть и с каплей темной крови рисует в пыли знак вызова дасу. Вот и не сдержался. Виноват.

Странные слова он произносил. В них не было лжи, но в них и не было правды. Он не врал, но для вирийца это были просто звуки, настоящей вины чернокнижник не чувствовал.

— Господа колдованцы! — раздался крик, и из-за угла дома выглянул Казум, за его спиной топтался Шугар с вилами. — Вы тама разобрались промеж собой? Али нам еще подождать?

— Разобрались, — ответил за всех чернокнижник и опустил руку, которую, я так и не приняла.

Мельник покивал, но, судя по всему, верить не спешил, обернулся к вилоносцу и стал что-то его спрашивать, Шугар с разнесчастным видом отвечал.

— Да откуда Айка может знать, как вызвать дасу, если даже я этого не знаю? — Рион посмотрел на полустертый рисунок.

— Твое невежество меня как раз и не удивляет, — мужчина скривился.

— А меня удивляет, что в Княжестве уже карают за знания. Может, зря мы туда едем? — чаровник зло взмахнул ладонью, но заклинание отказалось появляться на свет, в который раз Вит оказался прав.

— Она начертила схему вызова дасу, возвала к части моей крови напрямую. Думаешь, так легко не обернуться, когда кто-то на улице кричит твое имя?

Михей тяжело поднялся, подобрал арбалет и стал его осматривать на предмет нанесенного ущерб. Собственный ущерб, похоже, волновал стрелка куда меньше. Я вспомнила, как Вит отбросил арбалет... Нет, не отбросил, а уронил, словно схватился за раскаленную кочергу и не сразу это понял.

— Айка? — повернулся ко мне Рион. — Скажи, что он врет.

— Он врет, — послушно повторила я, поднимаясь, горло саднило. — Я всего лишь вспоминала Хотьки, — стрелок отвлекся от разглядывания арбалета. — Отмечала места, где находили тела.

— Так, — встал Вит и поднял прут и, протянув Риону, скомандовал: — Рисуй.

— Щас, — скрестил на груди руки чаровник. — Чтобы ты мне тоже лицо облизал? Обойдешься.

— Дурак ты, тариец. Дураком и помрешь. Скоро, — пообещал чернокнижник.

— Господа колдованцы, — снова закричал Казум. — Вы это... сами к Пелагее дойдете, али еще какие покойники надобны? Кладбище на юго-востоке, но если копать надумаете, Шугара вот, кликните, — мельник обернулся — Шугар грустно посмотрел на вилы.

— Рисуй, обещаю не облизывать, а сразу обглодать, — Вит сделал шаг к Риону, но парень вместо того, чтобы взять прут стал снова стягивать силу, сжимая и разжимая пальцы.

— Третью жертву, как раз, нужно принести на юго-востоке, — сказала я, — Чтобы все было как в тот раз.

Вит обернулся, посмотрел на меня так, что... Не знаю, как. Так на меня никогда не смотрели, ни парни-односельчане, ни Рион с Михеем, ни Тамит, ни Дамир. Он посмотрел так, словно видел нечто важное. На самом деле значимое. Я — Айка Озерная — вдруг стала важна. А может, не я сама, а сказанные слова? Или капля темной крови?

Какая разница? Я подняла руку к горлу, и Вит едва заметно поморщился.

Спина снова зачесалась, а темный лес показался почти родным, почти уютным.

Чернокнижник бросил прут в пыль и быстро пошел по дороге, как раз в сторону Казума и его помощника, те сразу решили, что у них есть дела поважнее и желательно подальше отсюда. На перекрестке остались сиротливо лежать вилы.

— Ах, ты ж, — высказался Рион, — ты куда? Просветите, господин кудесник, нас недалеких!

— А ты, господин чаровник, сперва реши, чего больше хочешь, прикопать меня в бочке с солью или выслушать.

Рион выругался и бросился следом, появившийся в его ладонях шарик голубоватого огня с тихим хлопком исчез. Не знаю, видел ли Вит, но для меня это был ответ.

На юго-востоке Волотков действительно было кладбище, когда мы появились, чернокнижник стоял среди нескольких десятков могил и вертел головой. Боюсь, местные могут решить, что мы действительно настолько охочи до покойников, и не гнушаемся и разорением могил. Интересно, нас сразу препроводят на костер или подождут утра?

— Ну, что он там делает? — спросил Рион.

— Ищет табличку «Осторожно, совершается жертвоприношение. Просьба не мешать», — ответила я.

— Было бы неплохо, — ответил Вит и присел рядом с одним из памятных знаков.

— Думаешь, здесь будет так же, как в Хотьках? — спросил меня Рион.

— Если в ваших Хотьках, вызывали демона, то да, — ответил чернокнижник, выпрямляясь, — Вот поэтому кровь и просыпается. И во мне, и в Айке. Кто-то взывает к ней.

— Демона? — с каким-то детским восторгом переспросил Михай. — Настоящего дасу?

— Самого, что ни на есть, настоящего, — клятвенно пообещал стрелку

Вит.

— Так чего ты бесишься, когда прыгать от радости должен, — чаровник пересек первый ряд могил, отчего-то поежился и пошел дальше.

Я посмотрела на покосившийся знак Эола на ближайшем, темном потрескавшемся дереве и табличку с парой скупых строк, мне потребовалось несколько минут, чтобы прочитать:

«Орьке-прачке, старой лисе, да примет ее Эол. От дочери».

И дата смерти, более десяти лет назад. На соседнем памятном знаке не было даже таблички, видимо не расщедрились, или на момент установки грамотных в селе не нашлось.

Я снова почувствовала чужой недобрый взгляд, но оборачиваться не стала, все равно там никого нет. Как там сказал Вит? Кровь просыпается? Кошка согласно рыкнула.

— А вы, тарийцы, действительно думаете, что мы демонов хлебом и солью встречаем, ну или кишками и кровью? Девственниц кидаем?

— Ну, с чего-то пошел род кудесников, — не остался в долгу Рион.

— Лучше тебе не знать, с чего. С кого. Дасу берут все, что хотят, не спрашивая разрешения. И мало того, — на этот раз Вит смотрел прямо на чаровника, — там, где они появляются, не остается ничего живого. Издержки магии, так сказать.

— Давайте уедем, — попросила я. — Прямо сейчас, возьмем и уедем.

Словно отвечая на мои слова, вдалеке пророкотал гром. Мы забрали головы, небо на востоке стремительно наливалось чернотой. Нет, сегодня у местных с костром точно не срастется.

— Поздно... Развели разговоры, — убитым голосом проговорил Вит. — Можно уже никуда не ходить.

Налетевший ветер, предостерегающе зашуршал листьями склонившегося к ограде дерева. Почему-то их шелест показался мне злым предостерегающим шепотом. Они повторяли:

«А-ка, А-ка, аашшш»

Я обхватила себя руками, вспоминая ночь в Хотьках и еще затерянную в лесах деревушку, тела и тучи мух.

— Это просто гроза, — покачал головой чаровник и добавил: — Сильная гроза.

— Приход дасу в наш мир всегда сопровождает что-то подобное: гроза, буря, наводнение, землетрясение...

— А Хотьках? — спросил у Риона Михей, но тот пожал плечами.

— В Хотьках был туман, — ответила я. — Это считается?

— Да, — ответил Вит. — Все демоны разные.

Мы продолжали смотреть на небо, Михей сглотнул и отчего-то зажмурился. Минута уходила за минутой, но ничего не происходило, лишь ветер усилился, растрепав черные волосы чернокнижника. Стрелок выдохнул, открыл глаза и огляделся. Ничего не изменилось. В крайнем справа огороде, отделенном от кладбища пыльной дорогой, высокая женщина в сером платье быстро снимала с веревок белье, где-то печально замычала корова... Дорогой гость с того света задерживался.

— Пусть так. Пусть, ты умный, а мы дураки, пусть, будет пришествие демона. Пусть, — поднял руки Рион, — но вы, господин кудесник, забываете одну важную вещь. В Хотьках мы выжили. Все выжили.

Вит медленно, очень медленно повернул голову и посмотрел на Риона с надеждой, на мальчишку, которого считал бесполезным.

— Рассказывай. — И впервые это был не приказ, впервые это была просьба. — Рассказывай, — повторил чернокнижник и добавил: — Хоть раз не ломайся, как девка, оказавшаяся на сеновале.

***

Гроза обрушилась на Волотки ровно в тот момент, когда мы бегали по центральной улице, чем изрядно повеселили народ, и искали колодец. Колодцев в селе оказалось столько, что хоть армию демонов вызывай.

— А это обязательно? — спросил Михей, обходя покосившуюся утопавшую в кустах лавочку. — Колодец?

— Нет, — ответил Рион.

— Чтобы сформировать канал-ход из нижнего мира, подойдет любая отражающая поверхность: вода, стекло, драгоценный камень. Еще нужен ключ-артефакт, тогда у вас было... — приглядываясь к окнам ближайшего дома, начал перечислять чернокнижник.

— Псише для вызова ведогони, — кивнул чаровник, обходя забор, небо над головами чернело на глазах. — Я не настолько неуч и теорию вызова помню. Канал, ключ, заклинание вызова, энергетические точки для активации.

— Как ты красиво о трупях сказал, — скривился Вит, я как раз пробиралась сквозь заросли жгучеяда, тихо шипя и ругаясь, когда колючие стебли ранили кожу. — Красиво и правильно. Чтобы заставить канал открыться, нужна смерть. Жертвы, принесенные в определенных точках, как Айкин рисунок на дороге. Если убить людей в нужных местах, энергия стечет к центру и...

— И после этого к нам снова придет чудище? — Михей почесал макушку и посмотрел на улепетывающего в сад гуся и указал рукой в чужой огород: — Еще один колодец, пятый да?

— Или шестой. Поверь, когда чудище придет, ты поймешь. Вы в своих Хотьках дасу даже не видели, лишь исполнителя, скрытого завесой, а о чем это говорит?

— О чем? — Рион задрал голову к небу, первые редкие и тяжелые капли ударились о землю, чернота стремительно приближалась, где-то заголосил петух.

— О том, что он не хотел быть увиденным и узнанным.

— Но если все должны были погибнуть, то какая разница? — не понял чаровник.

— Не знаю, — честно ответил Вит, перебегая на противоположную сторону улицы. — Того дасу вызывал не я.

— Да куда ж нам чаровников узнавать, — вставил стрелок, потрясая вслед птице арбалетом, впечатленный гусь припустил еще сильнее. И с этим я была полностью согласна. Не нам, всего пару раз выезжавшим из деревень на ярмарки, знать магов в лицо.

— Ахшшш, — прошипела я, ударившись обо что-то коленями. — Чтоб тебя...

В кустах, невесть для каких надобностей лежал старый молотильный камень.

— На это стороне еще два колодца, — крикнул Рион.

На Центральной улице Волотков жили люди зажиточные. По меркам наших Солодков, зажиточные. И нищие по мерке того же Вышеграда или Велижа. Почти в каждом дворе был пробурен колодец. И теперь мы метались, не зная, какой из них станет дверью, которая откроется.

Крупные капли одна за другой падали на теплый камень, растекаясь по отполированной до блеска поверхности.

— Тут камень, — крикнула я. — Старый, обкрошившийся, но если приглядеться, я почти вижу в нем свое отражение. Силуэт точно вижу.

— Кто бы мог подумать, что в этих Волотках столько... — Сверкнуло, Риона прервал тяжелый рокочущий звук грома. День окончательно померк.

Я выбралась из кустов, редкие капли сменились пеленой дождя, сквозь которую я едва могла рассмотреть парней. Яблони печально опустили листья. Снова громыхнуло, кажется, что-то закричал Рион. Или Вит. Михей совсем пропал из виду, под ногами чавкало.

В последнее мгновение я что-то почувствовала. Даже не я, а моя кошка. Дуновение... нет, легкий, едва уловимый выдох за спиной, и

внутренний зверь ошетинился, поднимая шерсть на загривке. И я успела слегка отклониться, разворачиваясь, когда что-то невыносимо вонючее прижалось к лицу, лишая дыхания. Я замотала головой, стараясь сбросить, оттолкнуть чужие руки, стараясь сделать вдох и уже понимая, что не получится. Что тот, кто подошел сзади, оказался сильнее. Воздух пах еликой, скудной, колючей травой, что растет на болотах. Бабка Сима варила из нее отвар от приступов падучей, еще он хорошо помогал от родильной горячки, успокаивая и погружая беспокойную родильницу в состояние полусна. При вдыхании трава действовала не так сильно, да и выветривалась быстро, но...

Эол, я все-таки не выдержала и вдохнула полной грудью, горло защипало, из глаз брызнули слезы. Неизвестный тут же разжал руку, и я упала на колени, в жирную, разбухающую от влаги грязь. В ушах засвистело, шум дождя стал отдаляться. Кто-то схватил меня за волосы, заставляя поднять голову. Черный силуэт дрожал и казался ненастоящим, как пятно в темноте, что иногда улавливаешь краем глаза. Губ коснулось что-то холодное, металлическая чашка стукнулась о зубы, и язык обожгла терпкость настоя. Последнее, что я увидела — это расплывающаяся фигура Риона, который что-то кричал Виту, махал руками, и коричневые, покрытые рыжей дорожной грязью сапоги неизвестного. Шумел дождь...

***

Из темноты меня выдернула боль. Отдаленная, дергающая. Вполне можно отмахнуться. Раз голова болит, значит, ее никто не оторвал за ненадобностью. По телу разливалось странное, даже приятное ощущение онемения, так бывает, когда сунешь руку в ледяную воду.

По лицу текли капли разошедшегося дождя, гром молотом ударил по ушам. Веки казались невероятно тяжелыми, а тело ватным, так уже было один раз, когда я выпила вместо бабушки чай с сонной травой. Сегодня мне любезно преподнесли отвар елики. И кажется, переборщили. Сколько в меня влили? Глоток? Два? Пять? Последнее вряд ли, иначе я бы не проснулась.

Руки ноги не слушались. Темнота и неподвижность. Сижу? Стою? Лежу? Эол, как же страшно!

Бабка рассказывала, что однажды травник из Куряков не рассчитал с этим отваром, до смерти, конечно, больного не довел, только до паралича. Эол! Мне предстоит провести остаток жизни закованной в эту мглу? Быть

запертой в ловушку неподвижного тела, где каждый миг тянется как вечность? Нет, уж! Выбираю белый платок и деревянный ящик. Самое время врагам меня добить, и побыстрее.

— Смотри, кто проснулся! — произнес знакомый голос.

— Ммм,— промычал кто-то. Видимо я.

Глаза открылись с трудом. Мир расплывался цветными подвижными пятнами, словно камешки за толщей воды. Сверкнула молния, и самое большое пятно превратилось в человека. Хорошо, хоть не в дасу...

— Потерпи немного сейчас станет получше, — уверил тот же голос.

— Мммшшт, — ответила непослушными губами я.

На самом деле это должно было прозвучать как: «Конечно, можете не торопиться, я все равно никуда не уйду»

Наверное, и хорошо, что не прозвучало. Благоразумие на этот раз окончательно меня покинуло, его сменил страх. Не просто страх, а испуг, сильный, как удар кнута и такой же обжигающий.

Почему, я не могу двигаться? Почему, не могу говорить? Что со мной? И вообще, кто-нибудь собирается меня спасти? Или уже некому? В последнее верить упорно не хотелось. Надо же, Айка Озерная, привыкшая в этой жизни полагаться лишь на себя, лежит, непонятно где, и надеется на помощь. Эол, ты великий шутник, особенно, когда собираешься поучить кого-то из неразумных детей жизни.

Так, не об Эоле сейчас надо думать, а о себе!

Тело все еще отказывалось слушаться, вот только глаза... Я часто заморгала, стараясь смахнуть ледяную влагу. Похожее на человека пятно качнулось, налетевший ветер ожег холодом воспаленные веки.

— Ну, как? — человек склонился, и я, наконец, смогла его увидеть. Не его. Ее. — Какая же ты настырная, — попеняла рыжая Лиска. — И везучая.

— Или наоборот — невезучая, — добавил другой голос, ко мне склонилась еще фигура, высокая, нечеткая, окутанная туманом.

Я бы заорала, если б могла. Но на деле вышло это уже привычное:

— Пшшш!

Как сказал про него Вит? Маг, скрытый завесой? Та самая тварь, что мы до дрожи в коленях испугались в Хотьках. Та самая фигура из тумана. Фигура, от которой веяло такой жутью, что хотелось завывать. И собственноручно выкопать себе уютненькую могилку. А что же будет, если в наш мир придет дасу?

— Не отвечай. Все равно не получится, — любезно произнесло нечто.

Я дернулась, вопреки всему, вопреки онемению тела, вопреки тяжести и страху. Пересилила себя, и действие отвара, отодвинулась, возможно,

всего на палец, но отстранилась. Смогла отвернуть голову, прежде чем ватная тяжесть снова опустилась на тело. Дыхание вырывалось из груди с присвистом, ледяная дождевая вода попала в рот. Она была безвкусной. Сверкнула молния, разделив небо пополам.

Рыжая девушка с озорными зелеными глазами протянула руку и откинула волосы с моего лба. Было в ее жесте что-то ласково-издевательское, чужая беспомощность доставила ей удовольствие.

— Больше ты нам не помешаешь, — пообещала она и тут же замахнувшись, ударила меня по щеке. Ласка сменилась яростью. Лицо на краткий миг обожгло болью, которая тут же прошла, сменившись онемением. — Бледная тварь! Из-за тебя все сорвалось, а мне пришлось скрываться, как последней...

Лиска снова замахнулась, склоняясь к моему лицу, из-за ворота ее плаща выправилась и качнулась в воздухе цепочка.

— Стоять, — рявкнула фигура.

Замерли все. И Лиска. И я. И даже цепочка с камушком в виде капельки. Черной переливающейся и очень знакомой капельки. Точно такая же сейчас лежала на моей груди. Маскировочный амулет, благодаря которому я смогла стать своей среди людей. А может не только я?

— Аччшша! — прошипела я, язык ворочался с трудом.

— В этом нет смысла, Лиса. Она все равно ничего не чувствует. Не растрачивай ярость попусту.

Пару мгновений мне показалось, что она его не слушает и, вырвавшись, сорвет на мне накопившуюся злость. Но девушке удалось взять себя в руки, и она отстранилась. В поле зрения попал памятный знак, за ним еще один и еще. Дождь разбивался о влажный камень, громыхнуло почти над головой, и шум в ушах сменился звоном.

Я задрожала, вдруг ощутив ледяной холод камня под спиной, сырость и грязь. Место было знакомо. Кладбище на юго-западной окраине Волотков. Я лежала на могильной плите, а над головой возвышался знак Эола с покосившейся медной табличкой, надпись на которой была сейчас неразличима. Место последнего успокоения Орьки-прачки, чей дом использовали для хранения покойников, а могилу видимо приспособили под более интересные нужды.

— Надеюсь, на этот раз никаких ошибок не будет? — строго спросила фигура, поднимая и небрежно комкая в руках или призрачных лапах черно-белую тряпку. Такие еще принято вывешивать на воротах деревень, где резвится проказа, мне доводилось такую видеть... один раз. Я снова вспомнила хутор в лесу, тучи мух, разъезд вирийцев и детские тела в

огороде. — Мне нужна одна жертва! Поняла?

Лиска с готовностью кивнула, в изящных пальцах затанцевал тонкий ножик.

— Поняла. Никаких ошибок, мэтр. Даю слово. К утру живых здесь не останется, — девушка рассмеялась. — Верно, дрянь?

Вместо ответа с губ слетела слюна, но вряд ли они впечатлились.

— Залом тебе поможет.

— Мэтр, — возмущенно закричала Лиска. — Только не Залом, уж лучше Теир! А еще лучше, я сама...

— Молчать, — скомандовал маг, оборвав Лиску на полуслове. — Это не предложение, это приказ, мне не нужны осечки.

— Но мэтр, Теир справился бы не хуже.

— Справился бы, но сейчас он пытается докричаться до Эола. Но тот, как водится, занят. Залом, — позвала фигура, и кто-то встал у меня за головой. Я не видела его, но чувствовала. — И помните, с третьим молотом Эола! Не раньше и не позже! Одна жертва. Подойдет любой из этих крестьян. Ясно?

— Ясно, — недовольно ответила Лиска. — А почему не она? — она пихнула меня рукой в бок.

— Потому что, — весомо ответила фигура. — Распоряжение самого, — и стала удаляться. И вместе с ней отдалялся ужас, как ледяная рука, стиснувшая сердце, постепенно разжимается, и с каждой секундой становится легче дышать. Кожу начало покалывать...

Стоящий за головой Залом, или как там его, двинулся в сторону. Холодные капли текли по моему лицу, забирались под одежду. Лиска встала, я видела, что она недовольна, видела это в ее чуть напряженной позе, скупой стиснутой линии рта. Ее силуэт на несколько мгновений скрылся за струями воды. Странно, я была уверена, что как только этот «мэтр» уйдет, девушка ответит на мне душу.

Залом подошел ближе, словно нарочно, показываясь на глаза. Высокий широкоплечий...

— Тысссс, — зашипела я, разглядев лицо.

Удивительно гладкое, знакомое и незнакомое одновременно. Казум-мельник, Казум-старший Волотков, Казум, что ходил за нами по пятам. Казум и совсем не Казум.

Что это? На него наложили чары? Опоили?

Мужчина скользнул застывшим взглядом снулой рыбы по моему лицу, груди, рукам. И склонился к животу, где тут же поселилась сосущее чувство беспомощности, коснулся лежащей рядом руки. Я снова увидела

пятно рыжей грязи на его домотканых штанах.

Я ведь уже видела его, именно этого Казума-Залом, видела у того дома и помнится, удивилась равнодушному взгляду.

Ладонь кольнуло, раз, второй третий... А потом боль острой иглой вошла в палец, коснулась кости и заставила меня мысленно заорать. На деле же вышло уже привычное:

— Аххшшшш!!!!

Помилуй, Эол, спаси и сохрани!

Залом выпрямился, в узловатых пальцах была зажато толстое сапожное шило. Дождь быстро смывал с острия капли крови. Улыбаясь, мужчина, взял мою руку в свою, поднял, так чтобы я ее видела, и вогнал шило под ноготь большого пальца.

Я кричала как никогда в жизни. А они не слышали. Орала, металась, запертая в неподвижном теле, издавая шипящие невнятные звуки.

— Ты что творишь, идиот? — закричала на так похожего на Казума мужчину Лиска и дернула за руку, заставляя отпустить мою ладонь.

Рука упала, вместе с воткнутым шилом. Рукоять стукнулась о камень, посылая новую волну боли в обездвиженное тело. Я скулила, и вместе со мной скулила моя кошка, та самая худая и облезлая, та самая, что так хотела убежать в лес и спрятаться, только ее скулеж чередовался с рычанием.

— Совсем ума лишился? — спросила девушка. Залом, не мигая, смотрел на нее, — А впрочем, зачем я спрашиваю, ты ведь даже не понимаешь, чертов юродивый, — пошел бы лучше кого из местных выпивох привел, они обычно тебя слушаются. Ну, не совсем тебя...

Она наклонилась, выдернула шило и резким движением отбросила в темноту. Залом повернул голову и молча пошел следом, скрывшись за струями дождя. Я встретилась взглядом с Лиской. В моем была боль, в ее — брезгливость и раздражение.

Рион, Михей, Вит, Эол, я даже согласна на твое божественное вмешательство в виде молнии! Кто-нибудь, кто угодно, вытащите меня отсюда. Ну, же парни, вы же знаете, где должна быть принесена последняя жертва, так почему еще...

Молния, зародившаяся в черных бугрящихся тучах, разделила небо надвое и ударила в землю за кладбищем. За миг до этого волосы на голове встали дыбом, слегка потрескивая, губы мгновенно высохли, мир показался мне ломким, как кусок слюды.

Удар Эола. Вспышка и гром, от которого внутренности словно сплюснулись. Мир зазвенел и стал белым-белым. Говорят, когда Эол хочет

наказать грешника, он ударяет по земле небесным огнем. Наверное, поэтому старуха-маслобойщица в Солодках, увидев на горизонте грозу, вечно трясла палкой, то ли призывая кару на наши головы, то ли радуясь, что в этот раз досталось кому-то другому.

Я заморгала, вода заливала глаза, мир снова потемнел. Внутренности неохотно вернулись на место.

— Первый удар, — прокомментировала, потрясая головой, Лиска. — Мэтр начал ритуал, — между тонкими пальцами сверкнуло узкое лезвие. — Тебе повезло, увидишь то, что простым смертным и не снилось.

Кошка, что жила во мне прижала уши и зарычала, девушка склонила голову и прищурилась, словно могла видеть... или... действительно могла?

— Знаешь, это даже символично, приносить жертву на этой могиле. Уверена, матушка совсем не против такой компании.

Матушка? Орька-прачка? А Лиска, значит вовсе не Лиска, а та самая Аська-рыжуха, непутевая дочка, что сбежала с заезжим магом? А теперь вернулась и... И что? Люди ее не узнали? Вряд ли. Или Лиска кого-то еще может матушкой называть, какую-нибудь кикимору? С нее станется.

— Злишься? — с интересом спросила она. — Вижу, что злишься.

Мне больно. И я до чертиков напугана, мне надоело глотать дождевую воду, и еще безумно чешется задница, — вот что я могла ответить ей, а на деле выдала очередное:

— Хааассс!

Губы не слушались, язык казался чужим. Мы с кошкой оскалились. Боль дергала руку, словно больной зуб опухающую челюсть.

А Лиска вдруг задрала верхнюю губу и оскалилась в ответ. В ней тоже жил зверь, зверь крови или зверь магии. Он походил на ласку, маленький, юркий, подвижный, с острыми меленькими зубами. Мое рычание сменило тональность. Рычание, которое никто не слышал. Кроме Лиски. Но ведь Рион говорил... Хотя, какая разница, он много всякой ерунды говорил.

— Удивлена? — насмешливо спросила она, склоняясь к моему лицу. Боль в руке и не думала утихать, ладонь горела, посылая эфемерные языки пламени чуть ли не до плеча. — А ты думала, что одна такая? Я тоже маг, — она скривилась. — Это они так сказали, только мой резерв настолько мал, что впору завидовать травнице. Но я нашла способ все исправить.

Я смотрела в зеленные глаза, на потемневшие от влаги волосы. Да, она нашла. Я помню, что рассказал Тамит о своем брате, о том, как он отдал силу девушке с таким же кулоном. Способ «забери у ближнего» далеко не нов. Руку в очередной раз свело от боли, кошка внутри мяукнула. Правая рука продолжала оставаться неподвижным бревном, а вот левая, та, куда

втыкал шило Залом, горела. Я чувствовала, каждый палец, ладонь, локоть, плечо...

— Осуждаешь? Зря, — она коснулась острием ножичка ключицы, подцепила цепочку, звякнули звенья. — Я посмотрю, на тебя, когда ты поймешь, что сможешь все вернуть, поймешь, что даже чаровник без резерва может колдовать. Это в первый раз я ошиблась, — нож поднялся к горлу. — С молодым мальчишкой-магом, у которого был старший брат и семья, — она задумалась, вспоминая. — А если забрать природные силы не обученного или не подозревающего о своем даре человека, то можно усилить магические возможности, без всяких неприятностей, вроде печати смерти. Правда, только на время...

Я не осуждала. Честно, просто сейчас не до ее моральных терзаний. Рука горела, я попыталась согнуть пальцы, и когда они коснулись ладони, едва не закричала. От боли и восторга. Но спасибо отвару из елики, с непослушных губ сорвалось лишь шипение, которое Лиска истолковала по-своему.

— Да, этот путь долог, труден, и что уж говорить, грязен. Но мы нашли его в старых рукописях. Нашли ответ на наши вопросы и стремления, — голос девушки зазвенел от восторга, именно с таким апломбом наш смирт грозил старосте и всем остальным огненной карой Эола. — Нашли неисчерпаемый источник магических сил. Не только для меня, для всех. Для Тарии!

Я чего-то не понимаю, или вызов дасу — этот источник? Как-то я не так себе всеобщее счастье представляла. Благодетель — твой мэтр! Потомки его не забудут.

Я сжала и разжала кулак. Больно. Очень больно, но ладонь двигалась. Залом, сам того не понимая, оказал мне услугу. Боль заставляла кровь быстрее бежать по венам, прогоняя онемение отвара.

— Что значат по сравнению с этим никчемные жизни крестьян? — нож замер у скулы, чуть покалывая кожу. — Ничего они не значат! Но всегда найдутся жалостливые и поднимут вой. Как чума выкосит, так на все воля Эола, а как магия, так чаровников на кол!

Она говорила и говорила, скорее всего, оттого, что раньше ее никто не слушал. У нас кузнец тоже, как выпьет, его на откровения тянет, и все скабрзные. Вот и ее тянуло, хотя пьяна она была не от вина, а от осознания происходящего, от вседозволенности.

— Эта несчастная деревенька со всеми ее жителями не перевесит блага, что ожидает нас. Люди глупы и...

Воздух наполнился напряжением, оно было солоновато на вкус,

сушило губы и заставляло волосы потрескивать. Эол ударил снова. Огненный язык лизнул землю, сквозь камень, я ощутила ее вибрацию за миг до того, как грохот снова перевернул внутренности и заставил их враждовать. Рука Лиски дрогнула, и острое прочертило на моей щеке тонкую обжигающую линию. Я чуть согнула руку в локте.

— Ты тоже глупа, и он быстро в этом убедится, не обольщайся.

По тому, каким тоном она произнесла «он», я поняла, что она имеет в виду, как минимум, самого Эола.

Земля дрожала, белая вспышка все еще стояла перед глазами, влажная серость возвращалась крайне неохотно. Второй удар Эола. После третьего будет поздно. Кошка прижала уши и изготавилась к прыжку, ее мышцы дрожали, и я ощущала их дрожь, как свою.

Ну, где же Вит? Сам же говорил, что приход в наш мир дасу всегда сопровождает непогода, а уж не заметить два раза ударившую в одно и то же место молнию не смогли бы даже Михей с Рионом. Тогда, где же они? Или... Мысль заставила замершее сердце забиться быстрее. Или уже некому замечать и приходить.

Где-то там этот «мэтр», ушедший то ли за жертвой, то ли за шилом, Залом, и кажется еще Теир. Кошка раздраженно рыкнула. Правильно, не сейчас. Сейчас надо думать о себе.

— Ты сорвала нам второй ритуал, — лезвие остановилось у глаза. — Я убивала и за меньшее.

Так себе признание. Пованивает, по мне гордиться тут особо нечем.

— Ты знаешь, ему, — она опять выделила слово голосом, — все равно — два глаза у тебя или один? — она нажала на блестящее от дождя лезвие.

Острое вошло в кожу под глазом, боль ударила в голову, ослепляя. Кошка прыгнула. Нет, не так. Кошка, обернувшись серой лентой, скользнула в руку, растворяя онемение, и наполняя вялые мышцы силой. Все-таки, Лиска что-то почувствовала, или ее зверь видел моего. Одна капля темной крови, против другой. Она замешкалась. Всего на один удар сердца. Но мне хватило, я подняла тяжелую руку и вцепилась в лезвие, отводя его от лица.

Лиска взвизгнула, выворачивая клинок. Но я и не старалась его удержать. По ладони и лицу текла кровь. Серый зверь, что жил во мне, перетек из руки в позвоночник, посылая силу всему телу. Не знаю, на что это было похоже. На обливание холодной водой поутру, когда на тебя с размаху опрокидывают бадейку из колодца, дыхание перехватывает настолько, что не можешь даже кричать, воздуха не хватает...

— Ссссс, — я едва не прикусила язык.

Девушка замахнулась снова. Я схватила ее за руку, приподнимаясь и стараясь смахнуть воду и кровь с глаз. Снова громыхнуло, на этот раз в отдалении и как-то обиженно и ревниво. Обычный гром, вряд ли имеющий отношение к ритуалу. Руки дрожали, тело все еще было ватным, но я с лихвой восполнила это злостью. Настоящим и эфемерным рычанием. Желанием причинить этой зеленоглазой такую же боль, как и она мне. Зачем ей два глаза? Вряд ли для «него» это имеет значение.

Я оттолкнула ее от себя, приподнимаясь с могильного камня.

— Залом! — закричала рыжая.

Мы с кошкой рычали. Она была готова драться даже с превосходящим ее численностью противником. Я не разделяла столь яростного стремления, но... момент для отступления и бегства уж очень неблагоприятный. Мужчина, может, и был юродивым, но не был глухим. Он появился справа, вынырнул из пелены дождя и, схватив меня за волосы, опрокинул обратно на чужую могилу. Я выпустила руку Лиски, извернулась, а кошка... Кошка вцепилась ему в запястье. Вцепилась моими зубами.

Кто-то всхлипнул... Солоноватый привкус крови во рту. Сердце стучало в ушах.

Залом не закричал, скорее удивился, насколько может удивиться, такой как он.. Замахнулся и ударил второй рукой меня в лицо, разбивая скулу. Я упала, стукнувшись виском о камень, ноги и задница оказались на земле. Лиска еще что-то верещала, но из-за шума дождя было не разобрать что, или это звенело в голове.

Я упала и увидела ее. Босые ноги, перемазанные землей, льняная юбка, платок на плечах, волосы, обычно забранные в пучок, растрепались и повисли мокрыми прядями. Усталое лицо казалось в раз постаревшим. Но видимо для ритуала, внешность жертвы не имела значения.

— Пшшшш,— просипела я.

«Пелагея! — вот, что это означало. И еще я хотела добавить: «Беги!»». Но ничего не вышло, кроме шипения.

Женщина трясла головой и явно не понимала, где находится. В отличие от меня на нее отвар елики тратить не стали. Залом дернулся и, зашипев от боли, схватился за бок. Схватился за появившуюся там рукоять смутно знакомого ножа. Зеленоглазая замолкла. Из серой хмари дождя появился Вит, такой же серый и такой же злой, лишь глаза горели алым.

— Кровь дасу! — взвизгнула Лиска, а я едва не рассмеялась, какой музыкой прозвучали для меня эти слова.

Эол, как я была рада видеть его в эту минуту. Именно такого ужасного

в своей не человечности.

Кровь дасу! И если бы могла, я бы сейчас бросилась ему на шею. Кошка замурчала, полностью разделяя желание. На что я там злилась? На то, что он мне шею сдавил и щеку облизал? Эол, какую только ерунду, ты вкладываешь мне в голову...

Лиска замахнулась ножом. Какой неуклюжей она казалась по сравнению с кудесником, какой нелепой и злой. Что-то тонкое и хлесткое сорвалось с его пальцев и ударило девушку. Рыжая взвизгнула, на светлой коже предплечья расцвели алым две полосы. Она упала на соседний могильный камень, без таблички и без знака Эола. Ее зверь, ее ласка верещала едва ли не громче хозяйки. Эол, я на самом деле это слышу?

Залом схватился за рукоять, вытащил нож и посмотрел на меня. Другой, на его месте, давно бы катался по земле, подвывая дурниной, этот же лишь продолжал смотреть пустыми глазами. Бабка сказывала, что юродивый Ир тоже мог воткнуть в ладонь гвоздь, ходить и скалиться, в то время как малышня с визгом разбегалась. Боль была словно отдельно от него, так бывает, когда башка работает с перерывами.

Пелагея что-то промычала, качнулась, касаясь руками памятного знака, но, пока не пытаюсь встать из рыжей кладбищенской грязи. Бок мужчины окрасился кровью, долго он на ногах не простоит, но вогнать этот же ножичек мне в брюхо вполне успеет. Залом перехватил чужой клинок и пошел на меня. Молча и все так же бесстрастно. Шаг и удар.

Кошка зашипела, снова возвращая телу подвижность и обжигая тем самым холодом. Давая силу мне и слабея сама. Я перекатилась, лезвие высекло из камня искры, которые тут же погасли. Руку снова дернуло болью, но на этот раз по-другому, ладонь напоролась на что-то острое и мокрое. На обломок памятного знака или еще какой камень, валявшийся в траве. Не раздумывая, я схватила его и ударила мужчину. И еще, и еще...

Лиска захлебнулась визгом, не знаю, что там сделал Вит, но я всецело одобряла его действия.

Первый мой удар пришелся в плечо, второй по руке, третий в шею, опрокидывая мужчину на могилу, где еще минуту назад валялась я. Залом взмахнул ножом, на этот раз движение вышло смазанным, но, тем не менее, удар достиг цели. Лезвие вскользь прошло мне по плечу, ключице, теплая кровь потекла по груди...

Я испугалась. Наверное, впервые в жизни так испугалась. Не чего-то постороннего, не фигуры в темноте, не мага за пеленой тумана, от которого веяло жутью. Я испугалась того, что могло сделать со мной обычное железо, небрежно прошедшее наискось по телу. Испугалась настолько,

что даже не смогла опустить голову и посмотреть, насколько глубока рана. Я просто замахнулась и ударила Залома камнем. Била снова, и снова, не обращая внимания на то, что нож уже отлетел в сторону, не видя, что вода смешивается с кровью. Кошка рычала, в упоении обнажая когти, ей нравилась эта охота, нравилась добыча.

Воздух в легких вдруг сжался, оседая солью на языке, потрескивая и чуть вибрируя. Эол поднял молот в третий раз. А я просто не смогла остановиться. Мы ударили одновременно. Я камнем, а он молнией, раскалывая мир, делая его ослепительно белым. Громыкнуло так, что в ушах зазвенело, а голова стала легкой-легкой. А спустя мгновение вся тяжесть мира опустилась на плечи. И исчезла.

Залом, не мигая смотрел в темное небо, и дождевая вода стекала с широко раскрытых застывших глаз. Я покачнулась, дыхание с шумом вырывалось из груди, словно я пробежала не одну тысячу вар. Пелагея тихо плакала, она позволила себе лишь один взгляд на меня. Опасливый, словно на дикого зверя. И зажала себе рот руками.

Камень выпал из рук. Лиска захохотала. И столько всего было в этом булькающем неровном звуке... Кто-то подхватил меня под руки. Не кто-то, а Вит. Моя кошка почувствовала его запах и тут же уютно свернулась клубочком, в ее понимании битва была выиграна, и можно было отдохнуть.

— А-ка,— позвал вириец, оттаскивая меня от каменной плиты, с соседней неловко поднималась Лиска, живая, пусть и несколько потрепанная, — А-ка...

Вит снова глотал звуки.

— Третий удар, — торжественно прокричала рыжая.— Жертва принесена.

«Да, — хотела ответить я, — и принесла ее я».

Но непослушные слова застряли в горле.

Небо заворчалось. Где-то там готовился войти в наш мир дасу.

Глава 6. Артефакты и вера

— А-ка! — повторил Вит, выдохнул и уже голосом, более похожим на человеческий, добавил: — Ради Рэга, сейчас не время для обмороков.

Вириец встряхнул меня. Ожидаемого результата это не принесло. Грудь жгло, и смотреть на заливающую одежду кровь по-прежнему было страшно, поэтому я продолжала таращиться на труп Залома и кривить губы. А Пелагея продолжала скулить.

— Нужно остановить ритуал, иначе мы все покойники!

— Вы и так — покойники, — снова гортанно засмеялась Лиска, пусть в этом смехе и слышалась боль.

— Вот, именно, — ответила я. — Мы дасу не противники.

— Тебе напомнить, кто уже остановил один ритуал! — Вит почти кричал мне в ухо, и кошка невольно отодвигалась от его колючей злости. Или это уже была я?

— Тогда не было третьей жертвы.

— Была, Айка. Была, иначе бы не открылся проход. Просто вам ее не показали. Они стали умнее или научились прибирать за собой мусор. Вспомни, как ушла Игнара! — вириец снова встряхнул меня.— Бежать уже поздно! Айка!

Последнее он почти простонал, и я очнулась.

— Надо найти, отражающую поверхность и закрыть проход, — прошептала я, отступая от тела. — Только здесь, этих отражающих поверхностей...

И в этот момент Лиска решилась, она бросилась вперед, даже не вытерев окровавленные губы. Она бросилась... но отнюдь не к ограде. Девушка кинулась к каменному знаку, к мертвому Залому-Казуму и вцепилась в рубашку мужчины. Я даже подумала, что она сейчас заревет, как самая настоящая плакальщица. Но вместо этого девушка...

— А вот это предоставь мне,— Вит шагнул к могиле, вернее — к Лиске, словно возле мертвеца у них была назначена встреча.

... девушка сплюнула, изо рта на траву упал зуб, дождь быстро смывал текущую кровь. Взгляд снова метнулся к телу Залома, но я заставила себя отвернуться. Не сейчас. И не здесь. А может, и вообще никогда, если дасу все же пройдет сквозь открытую дверь. Вит прав, сейчас не время. Он всегда прав, даже когда поднимает руку и ласково касается лица девушки, а глаза снова загораются алым. Если он сейчас будет облизывать ей лицо, я закричу. И вряд ли потом смогу сказать что-то осмысленное.

Но закричала Лиска. От боли. Когда тонкие красные линии потянулись от кудесника и впилась в лицо девушке, забираясь под кожу. Стоп. Я на самом деле это вижу или ливень играет со мной злые шутки? Небо разочарованно заворчало.

— Где вы откроете проход? — спросил Вит, и нити чуть шевельнулись. — Где и чем? Что будет ключом?

Рыжая вздрогнула, замотала головой, словно кукла-марионетка, подвешенная на алых истончающихся нитях, которые настолько тонкие, что вот-вот порвутся.

Она отступила на шаг, всего на шаг. Раздался едва слышный треск. В ее руке осталась покачивающаяся тесемка. Наши девки на таких обереги от сглаза таскают. Казум-Залом тоже таскал. Только не оберег, а черную капельку амулета, на которую я вытаращила глаза. Маскировочный амулет! Еще один!

Я опустила взгляд на мертвого мужчину. Черты мельника исчезали, как исчезает к полудню утренняя роса. Лицо Залома было иным. И абсолютно незнакомым. Ничем не примечательный мужчина. Мокрые русые волосы казались почти черными, распахнутые глаза заливали дождь и кровь.

Лишь кровь не изменилась.

— Где вы откроете проход? — снова спросил чернокнижник и пошевелил пальцами, ему не было дела до амулетов.

Лиска захлебнулась криком. Амулет выскользнул из ее руки и упал в грязь.

Сколько таких черных капелек «ходит» по Тарии? Одна у меня, одна у Лиски, одна у Залома. Я не спрашиваю зачем, потому что ответ очевиден. Именно так они приносили жертвы. Какой селянин откажется прогуляться со старшим до околицы? Залом был «своим».

Откуда они их взяли? Как один из артефактов попал к Дамиру? И куда пропал сам действительный?

— Ну, — поторопил Вит, давая рыжей краткую передышку от боли.

— Там! — выдохнула она. — Там, у колодца Гнуса-плетельщика.

— Ключ?

— Нееее, — простонала Лиска.

— Ключ! — потребовал чернокнижник.

— Не знаю!

Магические ниточки вздрогнули и стали жесткими, словно их окунули в крахмал и высушили...

— Не знаю! — завывала девушка. — С прошлого раза, когда псише попало к девчонке, мэтр сказал, что не моего ума дела, — выкрикнула она и стала повторять:— Не знаю! Не знаю! Не знаю!

Нити оборвались с сухим хрустом, как ветки собранного в засушливое лето хвороста, голова рыжей безвольно повисла, ноги разъехались. Вит разжал руку, и девушка упала в кладбищенскую грязь.

И тут в Волотках завывали собаки.

— Канал открыт, — повернулся ко мне Вит. — И дасу уже вступил на него. Времени почти не осталось, — он схватил упавшую Лиску за волосы, приподнял и приказал:— Показывай, где там живет ваш Гнус и что плетет. У меня не то настроение, чтобы ходить по гостям и спрашивать дорогу. А-

ка! — рывкнул он, заставляя рыжую встать. — Бегом.

Грязь чавкала под ногами, Лиска периодически что-то подвывала, два раза падала, когда вириец тащил ее за собой, словно куль с мукой или волокушу, не замедляясь ни на секунду и не думая, что рядом с ним живой человек.

В одном из амбаров с распахнутой дверью, горела лучина, давая скудный размытый свет. Задумчиво жующая траву коза проводила нас равнодушным взглядом. Самая мирная картина, которую можно представить в дождливый летний день. Где-то квохтали куры. И выли собаки.

Раздался тихий, на грани слышимости, свист, Вит отпустил волосы Лиски, та упала в грязь лицом и, кажется, даже не собиралась подниматься, лишь повернула голову, судорожно, часто дыша.

— Ты долго, — прошептал, появившийся из темноты Рион, только я заметила, как из руки вирийца исчезло какое-то переливающееся заклинание, которое едва не полетело в голову чаровнику. — Нашел Айку? — парень пригляделся к Лиске, нахмурился, поднял голову и, наконец, увидел меня. — Во имя, Эола, что произошло?

— Я не верю, в Эола, — ответил Вит.

— Да какая разница! — выкрикнул Рион. — Айка, ты как?

— Если еще стоит, значит, царапина, иначе давно бы уже лежала на обочине, — не дал ответить мне чернокнижник.

Не знаю, что меня так зацепило в его словах, может легкость, с которой он их произнес, а может, злость, но... После этого я, наконец, смогла опустить глаза и подцепив сырую, надорванную у ворота, рубаху, посмотрела на рану. Не скажу, что царапина и не скажу, что маленькая, но жить буду.

— Нашли убивцев-то? — спросил появившийся из-за ближайшего плетня Михей. — Так, где будет ритуал-то? Может, ну его? Спать пойдем, не верю я, что дасу в такую сырость нос сюда высуне...

Я бы может, тоже не поверила, особенно вспоминая жующую траву козу в сарае, но... Собачий вой стих, словно каждой шавке в округе вдруг зажали пасть

За забором, там, где сквозь дождь проступали очертания колодца, вдруг полыхнуло белым, словно зарница. Полыхнуло и потухло.

Вириец одним движением перепрыгнул плетень, Рион неуклюже полез за ним, Михей заряжал арбалет, хотя в такой дождь толку от него чуть. А я задалась вопросом, стоит ли лезть напрямую? Может, проще обойти по широкой дуге и...

— Айка, — позвал Михай, перехватывая оружие, и я, конечно, полезла следом. Воистину отвар елилки не шел мне на пользу.

Чернокнижник первым достиг бревенчатого сруба, сейчас казавшегося осклизлым и грязным. Глаза мужчины полыхнули алым, я мурлыкнула, словно домашняя кошка, которую хозяин мимоходом погладил по загривку. Слава, Эолу шум дождя заглушил все звуки.

Парни остановились у колодца. Вспышка исчезла, растворилась в сыром мареве дождя. Михай осторожно обошел сруб, грозя мокрому дереву арбалетом. Бревна остались равнодушны. А больше оценить его героические намерения было некому.

— И что теперь? — спросил Рион.

Ответом ему была очередная вспышка, только в половине вара правее, совсем у другого колодца, в другом огороде. Вириец выругался и бросился дальше.

Следующий колодец у второго тонущего в серости дома ничем не отличался от предыдущего. Лишь шум дождя, да тишина. Собаки больше не выли.

— Испытываю желание протереть глаза, — буркнул чаровник и спросил у кудесника: — Сталкивался с таким раньше?

— Не уверен, — напряженно ответил Вит.

Снова вспыхнуло чуть левее, и тут же без перерыва еще раз позади нас. Больше всего эти вспышки походили на белые лучи света, что так любят рисовать в книгах о магах художники, и вышивать на гобеленах мастерицы. Еще одна вспышка за дорогой, по которой мы пришли и на которой оставили Лиску.

— Во имя Рэга, — процедил Вит, бросаясь обратно. — Он знает, что мы здесь!

— Кто? — на ходу выкрикнул Рион.

— Маг, что вызвал дасу.

Вит перепрыгнул закачавшийся плетень, снова помянул темного бога и вдруг плюхнулся в грязь у ближайшего куста. Рион завертел головой, помянул Эола и с энтузиазмом присоединился к вирийцу. Странно было видеть такое единодушие в магах. Странно и немного страшновато.

Михай такими вопросами не задавался, он просто грохнулся в лужу, подняв тучу брызг. Лиски на обочине уже не было.

— Эх, надо было допросить, — посетовал чаровник и крикнул: — Айка, не маячь там!

— Он все равно знает, где мы, — сапог угодил в лужу, и я потрясла им, как коза с ногой на привязи.

— Откуда? — завертел головой и арбалетом стрелок.

— Знает, — подтвердил Вит. И осторожно оглядел дорогу, последняя вспышка потухла на том конце поселка. — И все эти светлячки не что иное, как представление для заглянувших на огонек детишек.

— Он что, нас боится? Или боялся, что мы поговорим с Лиской? — усмехнулся Рион.

— Не обольщайся, — Вит вытянул правую руку и пристально посмотрел на пальцы. — Вот ты, много бы тайн девке доверил?

Чаровник отвернулся и покраснел. Я откинула волосы с лица, тело пробрала дрожь. Я была мокрой с головы до ног. Все вокруг было мокрым, словно Эол или Рэг взрезал молнией черное небо, и теперь этот мир обречен утонуть. Кошка со вздохом согласилась. Мир обречен, и бежать в лес — такой темный и такой уютный — уже поздно.

— И что теперь делать? Вы вообще уверены, что есть этот «он»? Мы битый час бегаем под дождем и... — разозлился Рион.

Что-то теплое маленькое собралось на кончиках пальцев чернокнижника, и мы с кошкой с интересом уставились на красноватые искорки, что пробежали по его ладоням.

— Не веришь мне, спроси Айку. Третья жертва принесена.

— Я верю, — влез Михей, избавив меня от необходимости отвечать, особенно о третьей жертве.

— Тогда, что нам делать? Все на стороне этих... этого мага. Он про нас знает, мы — нет. Он почти закончил ритуал, а мы даже не знаем, где. Такое ощущение, что играем в прятки. И проигрываем. — Рион сжал кулаки.

— Надо найти ключ. — Искорки вспыхнули ярче, освещая ладони Вита.

— Ключ? — шмыгнул носом стрелок.

— Артефакт, как то зеркало, — вспомнила я.

— То, что откроет дверь дасу, — добавил Рион.

— Как вы думаете, много ли в это деревеньке найдется артефактов? — спросил чернокнижник, встряхивая кистью.

Множество красноватых звездочек, так напоминавших искорки от костра, которые по странному капризу не гасли под проливным дождем, сорвались с его рук и разлетелись в разные стороны. Одна из них зависла прямо напротив моего лица и вдруг нырнула под ворот рубашки, заставляя черную капельку маскировочного амулета загореться.

Некоторые, покружив над дорогой, погасли, некоторые устремились к лесу, штук двадцать вернулись в Виту, осели на коже, расцветивая ее алым, словно мужчина сам по себе был артефактом.

А еще три... еще три осели на арбалете стрелка. Приклад вдруг стал казаться выструганным из красноватого дерева, ложе отлитым из меди, где едва заметно поблескивал серо-стальной болт. Искры превратили обычное оружие во что-то загадочное. Во что-то, чему совершенно не место в широких ладонях деревенского парня.

— Здорово, — совершенно искреннее восхитился Михей.

Жаль, что Рион не разделял его восторгов. Чаровник отреагировал в лучших традициях, то есть сперва ударить, а потом поинтересоваться понравилось ли. Он создал в ладони огненный шарик, слава Эолу — маленький, и швырнул в стрелка. Вит дернулся, но не успел ему помешать. «Успел» арбалет. Огненный шарик полетел к Михею, но вдруг изменив направление, влетел не в широкоскулое лицо парня, а прилип к прикладу оружия, словно шерстяная нитка к одежде. Огонь растекся по дереву, как кусок масла на горячей сковороде, и втянулся внутрь арбалета.

Это только укрепило желание Риона вклеить в лоб стрелка магический заряд. Но тут уже вмешался вириец.

— Хватит, — приказал мужчина, мы с кошкой почувствовали движение его магии, и Рион поперхнулся, очередной огненный шарик лопнул у него в ладони.

— Но он же... — закричал чаровник, взмахивая мокрыми руками, — он же...

— Кто?

— Михей-рыбацкий сын, — обиженно проговорил деревенский парень. — Хотите в храме Эола побожусь?

— Да!

— Нет!

Маги ответили одновременно.

— Так божиться или нет? — не понял Михей.

— Мне неловко напоминать, — проговорила я. — Но пока вы тут беседуете, один маг готовит торжественную встречу дасу. И вряд ли тот согласится подождать.

— А если... а если это он? — в отчаянии Рион ткнул пальцем в стрелка, и тот обеспокоено оглянулся, ожидая увидеть за спиной ни много, ни мало — самого демона. Не обнаружил, задумался, глаза приобрели восторженно-мечтательное выражение, у нас в Солодках с таким мельник, старый охальник, наблюдал, как девки в пруду купаются, и спросил: — Я маг?

— У него нет резерва, — вириец откинул мокрые волосы со лба и как бы невзначай оглядел пустынную улицу. — И даже такой неуч, как ты,

должен это видеть. Михей, откуда у тебя арбалет?

— Дык, дед с первой озерной комп... камп... войны привез, — бесхитростно пояснил парень. — Сказывал, что наши тогда даже до Озерного края не дошли. Он эту стрелялку у какого-то писаря отобрал, мол, тот все равно не знал с какой стороны за нее держаться...

— Ты будто знаешь, — буркнул Рион и добавил: — Привез, и что? Велел беречь как зеницу ока?

— Нет, — удивленно заморгал Михей. — Из него все стрелять учились: отец, брат, я... — он вздохнул, видимо вспомнив об успехах на этом поприще. — Дед его сам как-то раз на бочонок браги Питришу едва не сменял, да не дошел до трактира, нашел где задарма опохмелиться.

Вит продолжал напряженно вглядываться в дорогу. Дождь лил, изредка подсвечивая черное небо вспышками молний, но ничего похожего на молот Эола больше не повторялось. Обычный ливень в глухой деревеньке... Если бы не томительное ожидание, от которого моя кошка раздраженно дергала хвостом.

— А что, если... — начал было Рион.

— Потом, — отмахнулся Вит, и посоветовал стрелку: — Держись за свою стрелялку, парень, и если мы переживем эту ночь, так и быть расскажу тебе, что это такое.

Я вспомнила, как чернокнижник пытался обернуть артефакт против владельца, а потом тряс рукой, словно его... Что? Обожгло? Деревянным прикладом?

Вит снова шевельнул пальцами и совсем другим напряженным тоном добавил:

— Поисковики за что-то зацепились. И это не дупло лесного духа, — он бросил взгляд на темнеющий лес, изредка подсвеченный алыми искорками. — Это что-то побольше. А арбалет хоть и артефакт, но точно не ключ, — Рион возмущенно засопел, и чернокнижник добавил: — Клянусь кровью дасу.

И будто слова вирийца могло показаться недостаточно, стрелок торопливо зачастил:

— Я научусь стрелять, господин Рион, матушкой покойной клянусь, раз уж у вас почтения к Эолу нету. А матушка моя, чтоб вы знали, и с того света, кого хошь достать может...

— Ну, чего он тянет? — сквозь зубы проговорил Вит, снова шевеля пальцами и дергая что-то невидимое, несколько алых искр взлетели и осели на поверхности ближайшей лужи.

— А мы уже его торопим? — поинтересовалась я, по примеру

чернокнижника оглядывая раскисшую от дождя дорогу. — Или все-таки хотим остановить?

— Одно другому не мешает, — вириец приподнялся и словно на что-то решаясь, вышел из укрытия.

Странно, но ничего не произошло. Никто не кинулся на него с ревом и не оторвал голову. Лил дождь, деревья качали поникшими ветками.

— Ну, это уже ни в какие ворота не лезет.

И словно отвечая на его возмущение, снова взвыли собаки. На этот раз жалобно с повизгиванием, так скулит преданная, но глупая шавка, ползя на брюхе к хозяину и надеясь, что в этот раз обойдется без пинка. Они боялись. И мне было не в чем их упрекнуть.

Вит дернул рукой, будто удерживая в руке невидимые вожжи, и пошел вперед. В другой раз я бы восхитилась его смелостью. А сейчас мне очень захотелось обозвать его идиотом, а еще... коснуться щеки. Нет, этого я точно делать не буду. Во всяком случае, не сейчас. И не здесь.

Кошка одобрительно оскалилась. Наживка вышла на дорогу, а когда маг поймет, что мышь не так беззащитна, как кажется, будет уже поздно. Пора начинать охоту.

Вит сделал несколько шагов перед, продолжая удерживать «вожжи», Рион привстал, вглядываясь в дождь, Михей повел сияющим, как усеянная светляками болотная кочка, арбалетом. Магические искорки продолжали оседать в лужах, отказываясь гаснуть и подсвечивая те изнутри. Я изогнулась... Нет, не я. Кошка. Или уже все-таки я? Где заканчивается она, и начинаюсь я? Внутренний зверь рыкнул, предлагая не отвлекаться на ерунду...

Земля задрожала, сперва едва-едва, словно по дороге проехала тяжело нагруженная телега, потом все сильнее и сильнее.

Чернокнижник остановился, собачий вой, перешел в визг. Рион поперхнулся очередным огненным шариком, Михей плюхнулся на задницу, я оттолкнулась от плетня и выскочила на дорогу, потому что...

Потому что вириец падал. Чернокнижник повалился на спину, вцепившись свободной рукой в ту, что еще недавно управляла искрами. Пальцы скрючились и почернели, словно он сунул их в золу.

— Вит! — закричала я, падая на колени и поддерживая голову. — Что... Что с тобой?

Хвост раздраженно стегал по земле, хвост который никто не видел. Надеюсь, что не видел.

— Магия, — прохрипел он, — Магия — это палка о двух концах, ты бьешь ею, и ею же бьют тебя, пока... хрррр... — он захрипел, цепляясь за

руку,— Недооценил... было слишком тихо, а он ждал... ждал меня... и я пришел. Самонадеянный дурак.

Лай захлебнулся, и в небо устремился столб зеленоватого света. Он мало чем напоминал те вспышки, за которыми мы гонялись, как игривые котята по селу. Он был похож на вековой дуб, что рос у кольцевой дороги в Солодках, широкий и поросший грязным мхом. Только вот от того дуба не хотелось убежать сломя голову и забиться в подпол.

— Это там! — выскочивший на дорогу Михей взмахнул арбалетом, — Там, где Айка нашла старый жернов.

«И где меня нашла Лиска с друзьями», — мысленно добавила я. В ближайшей темной луже зажглись два алых глаза... Тьфу, нет все-таки не глаза, искры чернокнижника, вот пара плавает и не гаснет.

— И что нам делать? — с другой стороны к лежащему чернокнижнику склонился Рион.

Напуганный и взлохмаченный. Впервые напоминавший именно того, кем был на самом деле, обычного мальчишку, которого угораздило родиться магом, а вот ума не прибавило. Вряд ли он понимал, что именно и у кого спрашивал. Вряд ли он потом вспомнит об этом. Если у нас будет это потом.

Холод коснулся позвоночника, словно кто-то уже стоял за спиной и готовился нанести удар. Шерсть на загривке встала дыбом. В зеленоватом столбе света заметалась багровая тень.

— Закройте портал, — проговорил Вит, глядя на меня.

— Но мы же... — начал чаровник.

— Вы уже закрыли один. Закройте и этот, поверните ключ обрат... — вириец закатил глаза, рука, которой он скреб по запястью второй, упала, чернота на коже дошла до середины предплечья.

— И что он этим хотел сказать? — не понял стрелок.

— Что от таких дураков, как мы, неприятностей не ждут, — проговорила я, поднимаясь. — Не стойте истуканами, помогите.

Я ухватила Вита за куртку и потянула к обочине, опомнившийся Михей, закинул арбалет за спину и взялся за ноги чернокнижника. Мы перетащили мужчину обратно к плетню.

— Земля! — вдруг закричал, оставшийся на дороге Рион. — Смотрите на землю!

Там, куда он указывал, нарастал лед. Каждая лужа, каждая яма с грязью и даже каждая капля проливавшегося с неба дождя, застывали беловатой пленкой на черной земле. Кажется, я слышала даже хруст, будто зимним утром, когда выходишь до кустов... Словно кто-то разлил по земле

холод, и он тек, и тек от опушки леса к центру села, превращая воду в лед. Совсем, как туман в Хотьках.

Вит не шевелился. Кошка фыркнула, на самом деле охота продолжалась. Я пошла вдоль забора, не выпуская из поля зрения зеленый свет. Тонкий лед даже не проминался под мягкими лапами.

— Айка, — зло зашептал Рион, и ледяная корка под его сапогами оглушающее захрустела.

— Шшшша, — я обернулась, задирая верхнюю губу.

— Понял, — прошептал он, поднимая мокрые руки, дождь и не думал прекращаться. — Молчим, — тут же, противореча сам себе, добавил: — А план у нас есть? Другой план, кроме чернокнижника?

— Нетуть, — ответил вместо меня Михей, обогнал и пристроился сбоку, его арбалет продолжал сверкать, под сапогами оглушительно хрупало.

Я склонила голову, и на миг, мне показалась, что в замерзшей луже отражаюсь вовсе не я, не Айка Озерная, а кто-то другой, размытый, нечеткий и словно далекий. Миг, и видение пропало, лед стал беловатым и мутным, как и положено любому порядочному льду.

— Видел бы меня сейчас учитель, — попенял непонятно кому чаровник, и оглянувшись на лежащего на земле Вита, хорошо хоть глупостей спрашивать не стал.

До перекрестка и зарослей, в которые кто-то закинул старый жернов, да так его и забыл за ненадобностью, мы добежали за считанные минуты. Не особо скрываясь, но и не выходя на середину дороги, как кудесник. Ближайшее будущее виделось смутно, я сосредоточилась на простых действиях: переставить лапы, махнуть хвостом, порычать на зеленый свет, которому кажется, было абсолютно безразлично мое рычание... тьфу.

Я остановилась у очередного забора, на этот раз из досок разной степени гниения, и осторожно отодвинула мокрые ветки, вяло удивляясь тому, что делаю это не лапами, а вполне нормальными пальцами.

— Ну, что там? — остановился за спиной Рион. — Есть артефакт? А канал, куда его надо сбросить, чтоб закрыть лавочку по вызову демонов к чертям собачьим?

— Есссть, — прошипела я и с трудом, отстраняясь от кошки, от ее звериной природы, которая просто требовала рычанием, вздыбленной шерстью и выпущенными когтями, начать устрашать врага — главное, чтобы он сам знал, что должен устрашиться.

Зеленоватый столб света исходил, как раз из того камня, что я нашла, он поднимался вверх, словно прозрачное дерево, выросшее на мертвом

основании. Позади этого зеленого света угадывалась фигура мага. И это она мне казалась жуткой? Да по сравнению со столбом света, в котором то и дело прорастали тени, маг был просто добрым сказочником из легенды о прекрасной принцессе.

Лиски нигде не было видно, и это настораживало. Мы с кошкой предпочитали держать врага перед глазами.

— Есть,— более человеческим голосом повторила я, присматриваясь к камню, на котором осело сразу несколько десятков искорок Вита.

— Отлично, — воодушевился Рион. — Значит так, вы отвлекаете мага, я беру артефакт и закидываю его в портал. А потом мы все вместе машем дасу ручкой на прощание.

— Думаете, злодейский маг просто постоит в сторонке? — Михей попытался заглянуть мне через плечо.

— Вопррррррсссс не в этом, — прошипела я, чуть отклоняясь. В окне дома за забором потухла лучина, загашенная дрожащей рукой, вот теперь проняло и жителей и, наверное, ту козу. — Вопроссс в том, как ты поднимешь эту штуку, чтобы скинуть, куда бы то ни было?

— В колодец она точно не влезет, — присмотрелся к жернову Михей.

Рион привстал, и с минуту мы разглядывали горящий камень. Разглядывали и молчали. Фигура мага воздела призрачные руки к небу, тени заметались сильнее.

— Они учатся на своих ошибках, — с сожалением протянул Вит. — Это вам не ручное зеркало.

— Может, не надо его никуда тащить, господин чаровник? — хмыкнул стрелок и пояснил: — Ведь они же не тащили.

— Что? — переспросил Рион, подаваясь вперед.

— А то, что «ключ» еще в замке, — я посмотрела на Михея, тот шмыгнул носом и вытер лицо рукавом. — Не только нам не поднять эту махину.

— А ведь верно, — прищурился чаровник, — если жернов — это ключ, то замок... — он указал сперва на столб света, а затем на собирающуюся под камнем лужу. — Впрочем, это не так важно, что мы будем с этой машиной делать? Хорошо Виту, нагнал страху, дал задание и спать лег. Но жернов — это не зеркало, в луже не утопишь. Эол, почему все каждый раз иначе, почему они своих черных книг не придерживаются, придумывают новое? — спросил парень у темной улицы. — А ты голову ломай, вот, что прикажешь делать, когда ключ больше замка?

— Может, расколоть, господин чаровник? — предложил стрелок, — Сломанный артефакт будет работать?

— Нет, — Рион, поморщился, когда услышал очередное «господин чаровник».

— Мне кажется, что-то тут неправильно, — пробормотала я.

— Что?

— Не знаю, — я снова едва сдержала рычание. — Сколько мы тут возимся? А до этого? Шушукаемся, строим планы... У мага руки не затекли? А дасу, почему все никак не может заглянуть на огонек?

— Предлагаешь разойтись по домам? — переспросил чаровник и, не дождавшись ответа, продолжил: — Чем можно расколоть камень?

— Словно мы играем. В прятки, сперва водил он, теперь мы... И кого ловит — непонятно, — продолжила я, кошка согласно рыкнула.

— А если молотом хряпнуть? — предложил стрелок и сам себе ответил: — Не, дядька Трик как-то пытался по-пьяни, и промахнулся, три пальца расплющил, а камню хоть бы хны.

— Молотом? — прищурился Рион. — Да, только не простым, а молотом Эола.

— Господин чаровник умеет вызывать молнии? — восхитился стрелок.

Я тоже заинтересованно повернулась, к Риону ожидая ответа.

Где-то вдалеке робко твякнула псина, и словно устыдившись, замолкла. Маг все еще стоял с поднятыми руками.

— Нууу... — протянул чаровник.

— Значит, нет, — констатировала я.

— Я читал, — вскинул мокрую голову Рион, — вроде ничего сложного.

— Тот-то я и вижу, что маги на каждом углу молниями кидаются.

— Айка, у тебя есть план получше?

Я прижала уши к голове.

— То-то. Так, мне нужна энергия, — стал рассуждать чаровник, закатывая мокрые рукава. — Накопитель и, — стрелок тут же нарисовал пальцем прямо в грязи спираль, получив, еще один одобрительный взгляд Риона и едва не зарделся, аки девица на выданье. Так они снова скоро вернуться к «Риону», вместо «господина чаровника». — Немного времени, но его-то нам как раз и не дадут, как только маг почувствует, что я тут делаю... — Он не закончил, но мы и не нуждались. — Значит, план такой: вы развлекаете мага, я бью молнией в камень. И мы машем дасу ручкой.

— Далось тебе это махание, — проговорила я, Михей перехватил арбалет. — Пошли развлекаться, а то бедный дасу скучает, небось, уже.

Я не знаю, на что мы рассчитывали. Вернее, на что рассчитывали парни, потому что от меня к тому моменту уже мало что осталось. От Айки Озерной, что жила в Солодках и уворачивалась от летящих в спину камней и плевков. А новая еще толком не знала — кошка она или человек. А зверю любая охота в радость, даже смертельная. Особенно смертельная. Особенно, когда охотится стая.

Уловив последнюю мысль, я махнула хвостом, возвращаясь в настоящее. Вожак сам о себе позаботится, пусть и сейчас он лежит без сознания в сточной канаве.

— Айка! — зашипел Михей, красноречиво потрясая арбалетом, и я осознала, что уже пару минут пялюсь на зеленый исходящий из жернова свет.

Легко сказать, пошли развлекаться, а на деле?

— Айка, — снова зашипел парень, и вдруг предложил: — Мне выстрелить в него?

Он взмахнул рукой, указывая то ли на призрачную фигуру мага, то ли на околицу с бродячими собаками.

Лучшая идея за сегодняшний вечер, ибо других не было. Ну, не высказывать же мне из кустов с криком: «А вот и я!» Но думаю, одну глупость вполне можно заменить на другую, раз ничего умного в голову не приходит.

Я оглянулась на заросли у дороги, где мы оставили Риона. Парень махал руками, словно ветряная мельница и едва слышно читал заклинание. Человек бы не услышал, а вот кошка живо насторожила ушки. Нет, не читал заклинания, а ругался нехорошими словами, да с таким разнообразием, что дал бы фору дядьке Верею. Сразу видно, переживает.

Вот, только маг — не человек. Он тоже слышал. Призрачная фигура развернулась к ограде. Михей вскинул арбалет, прицеливаясь, я наклонилась и зачерпнула холодной грязи.

Глупость, но почему нет?

Замахнулась и швырнула липкий ком прямо в призрачную, скрывающуюся за зеленым столбом света фигуру. Не добросила. Позорище, — как сказал бы Кихор, заводила всех Солодских парней. Грязный ком влетел в луч света и осел на... Честно говоря, не знаю на чем, может, на жернове, а может, на нашем долгожданном госте. До сих пор помню тоненький смех Ксанки, когда вот такая же противная и склизкая

горсть размазалась по моей новой рубахе. Ох, и влетело же мне тогда от бабки Симы.

Глупо думать, что дасу могут обуревать те же чувства, что и деревенскую девчонку, но... Опять это «но», сегодня ночь этих «но».

Мир вздрогнул. Именно так. Словно тебя поместили в бочку из-под дождевой воды и хорошенько пнули. Что-то взревело там, в зеленом мареве. Михей все-таки выстрелил, болт ушел в зеленый свет, и, в отличие от комка глины, миновал его и... вернулся обратно. Как хорошо, что парень не умеет стрелять. Пущенный неумелой рукой снаряд прошел чуть левее его уха и пробил одну из гнилых досок ограды.

С той стороны зеленоватого столба послышались не менее заковыристые ругательства.

И хотя голос был искажен, на миг мне показалось, что я его уже слышала. Кошка согласно рыкнула. Я зачерпнула еще грязи и... больше ничего не успела. Меня подбросило в воздух, перевернуло и со всей силы швырнуло обратно. Перед глазами замелькали цветные пятна, где-то рядом закричал Михей, арбалетная тетива щелкнула. Зеленый свет мигнул.

И я, наконец, очутилась на земле, крутящийся мир остановился. В висках тюкало болью, что-то текло по скуле... Наверняка дождь. Так думать безопаснее.

Фигура мага опустила вытянутую руку.

Швырнуло не только меня, но и Михея. Я упала правее, а вот стрелку не так повезло, он, продолжая что-то бормотать, барахтался в столбе зеленого света прямо на жернове.

Теперь магу точно не скучно.

Мы с кошкой замотали башкой, стараясь собрать лапы в кучу. К ругательствам Риона и злодейского мага добавились неловкие рассуждения стрелка о собаках и их матерях.

Объявляю общество тарийских сквернословов открытым.

Земля снова вздрогнула, в зеленом свете выросла массивная тень, пока еще плоская...

И предлагаю назначать дасу его главой.

— Что ж, — прогудел маг, его расплывчатая фигура качнулась, неторопливо выплывая из-за жернова. — Я, конечно, ждал, что рядом с девкой отирается вкусное блюдо, но, — спрятанный за пеленой маг опустил руки. — Этот тоже сойдет.

— Блюдо? — повторила я, прижимая уши.

Вот, как бывает, одно слово, вроде бы обычное, но от него в голове, будто что-то сдвинулось, как сундук, что однажды свалился со ступеней

лестницы, когда мы с бабушкой пытались затащить его на чердак. Он упал с шумом и грохотом, едва не придавив меня. Бабка в него нагривательные камни сложила. Так и это слово, как тяжелый сундук упало у меня в голове и...

Михей еще раз выругался.

— Блюдо, — повторил маг.

Зеленый свет шевельнулся, мы с кошкой взвизгнули. Она отчаянно и безнадежно. Я зло. Наши звериные инстинкты просто кричали о том, что надо улепетывать. Да, уже поздно. Да, мы умрем, но оставаться на месте нельзя, надо бежать, надо...

Но человек заставил ее оставаться на месте. Я заставила. Та, новая я, что только осознавала себя. А вот прежняя бы сбежала, как сбегала всегда.

Фигура, что постепенно проступала в столбе зеленого света, обрела четкость и объем. Был рисунок, а стала поделка из... из мяса. Из столба света вывалился отросток больше всего похожий на жабий язык, с которого ободрали кожу.

— Я собрал знатную мышеловку для дасу, оставалось только положить в нее сыр, — призрачный маг был собой очень доволен. — И хотя, я планировал кусок повкуснее, этот тоже сгодится.

Отросток изогнулся, Михей поднял голову, судорожно дергая рычаг арбалета и силясь его перезарядить. Лишенный покрова «язык», состоящий из сочащихся сукровицей мышц, опустился, обвиваясь вокруг туловища парня. Тот только охнул, хотя я бы на его месте визжала, как оглашенная. Демон ухватил отростком парня поперек туловища и вздернул кверху. Оружие упало на светящийся жернов и, отскочив от камня, словно клубок ниток, отлетел во тьму. Столкнулись два артефакта: старое оружие и гладкий камень, ставший ключом к замку, что открыл проход в наш мир. Стукнулись и оттолкнулись друг от друга, как две ягоды в одном лукошке.

Блюдо — вот и причина странной медлительности мага. Нас ждали. Ждали, когда мы придем и торжественно уляжемся в мышеловку. Привередливые нынче демоны пошли. Дверь им открыли, но надо еще и хлеб-соль на рушнике преподнести, да с поклоном.

— Блюдо из порченной крови было бы намного вкуснее, — в голосе мага послышалось легкое недовольство. — Блюдо из крови и плоти демона.

— Порченная кровь там, — я мотнула головой. — В сточной канаве. Пахнет отвратно, но раз дасу у вас не привередливый, могу сбегать.

— Давно хотел тебе язык укоротить, белая дрянь.

— Кто бы говорил, — кошка фыркнула, выпуская когти. Ни одной причины придерживать свой непослушный язык я не видела. Умирать, так

с песнями, как орал по-пьяни пастух Мишек. — Маг, скрывающийся за пеленой. Маг, не желающий, чтоб его узнали, — я стала медленно отползать от светящегося жернова.

— Спаси, Эол, и помилуй, — взвыл Михей, судорожно дергаясь в объятиях дасу.

— Он не слышит тебя, — отмахнулась расплывчатая фигура мага. — Он давно уже никого не слышит.

— Не соглашусь, мэтр, — Из тени напротив вышел Теир, почти такой, как мы запомнили, в старой одежде, с кривящимся и почти безумным лицом. Казалось, он вот-вот начнет судорожно читать непонятные молитвы. — Он слышит. Не отвечает, ибо мы недостойны, но слышит и внемлет. Всегда.

— Эол, — стрелок почти взвыл.

Щупальце дернулось, поднимая его выше, зеленый свет колыхнулся, дасу готовился ступить в наш мир, войти в распахнутую настежь дверь.

— Прими подношение наше, — маг снова воздел руки к темному дождливому небу.

— Не хочу подношение, — совсем по-детски выкрикнул Михей, а небо расколосось молнией.

У Риона все-таки получилось. Не соврал чаровник, читать он точно умеет. И не промахнулся, как можно было предположить. Небо озарилось яркой вспышкой, ветвистый всполох, в очередной раз разделил мир пополам и ударил в землю. Ну не совсем в землю, в старый, выброшенный за ненадобностью жернов.

Вот только маг был готов. Думаю, он ждал чего-то подобного, знал, что мы, малость, не в себе и обязательно выкинем какую-нибудь каверзу. Наученный он у нас, еще с Хотьков.

Призрачные руки качнулись, по шерсти, словно ветерок прошел, и молния расколосась о невидимый щит, словно чашку из дорогого олинского стекла увеличили в несколько раз, перевернули да и накрыли старый жернов, мага, и дасу с подвывающим на одной ноте Михеем.

Молния расколосась, раздвоилась и с громким шипением испарилась. Все-таки напортачил там чего-то наш Рион, или не было у парня книги на тему, как ученикам бороться с действительными магами. А то, что там за пеленой действительный, я даже не сомневалась. Рион, судя по сквернословию, тоже. Маг усмехнулся, качнул кистью, ругательства оборвались, и только кошка смогла разобрать звук падающего тела.

«Магия — это палка о двух концах, ты бьешь ею, и ею же бьют тебя», — сказал Вит. Сейчас пришла очередь Риона получать тумачи. Так мы

скоро совсем без магов останемся. Вернее, уже остались. Почти... Кошка почувала это «почти» раньше всех.

В тот момент, когда маг наказывал осмелившегося вмешаться в ритуал чаровника, что-то снова коснулось загривка, что-то тягучее и невыносимо приятное. Так и хотелось изогнуться и подставить холку под ласковую руку. Магия...

Что-то чавкнуло, примерно с таким звуком топор мясника врезается в баранью тушу, и отросток, лапа или язык — не сильна я в организме демонов — отвалился. Вместе со стрелком. Михей второй раз грохнулся на жернов, но на этот раз куда больше обрадовался встрече.

Демон задергался, заревел, звук наждаком прошелся по спине, на камень полилась черная кровь. Отрезанная магией конечность изогнулась, словно червяк в луже после дождя.

Из тени вышел Вит, кошка удовлетворенно заурчала. Эол, надеюсь, этого никто не слышит. А ведь она знала, с самого начала знала, что охота продолжается. Она... Пора уже говорить «я».

Я видела, как Вит упал, как трудно ему было говорить. Красивая замена, упасть в неравном бою, дрожащей рукой указав последователям цель... И как я не расплакалась?

А вот мага стало жалко, вместе с его калечным демоном. Перепутал наживку с охотником. Фатально перепутал. И пока мы все, в том числе, и Рион развлекали мага, он продолжил охоту.

Вит встал рядом, маг рыкнул что-то непотребное, снова шевельнув кистью, но чернокнижник легко поймал... эээ... — что бы это ни было — в ладонь, и картинно отряхнул руки. Михей, покрытый кровью дасу, пытался отползти от извивающейся конечности. Демон бесновался за пеленой зеленого света, а Теир... Теир молился, закрыв глаза и что-то бормоча, почти впадая в экстаз от собственных слов.

— Весссь рррезеррррффф рррастррратил? — рычащее спросил Вит.

— Порченая кровь, — выплюнул маг, его фигура колыхнулась почти как плащ. Или мантия. Я видела такие. В Велиже. На суде.

— Она ссссамая, — не стал отрицать родословную вириец. — Истррратил — истрррратил. Ссссколько осссталося? Кьята два? Пять? Ударрр по мне, шшшшвыррнуть детей поближе в дверрри, защитный купол, потом пррроучить недоучку и снова меня... — рычание медленно исчезало из его речи, тогда как глаза оставались алыми, как у зверя. — Да еще и поррртал надо поддерррживать, — чернокнижник покачал головой. — Твой кувшин почти пуст, чаррровник.

Зеленый свет становился все насыщеннее и ярче, будто пыльный

витраж из цветного стекла протерли чистой тряпкой.

— Ты ведь даже дасу не удержрржишь? — Вит нахмурился и сам себе ответил: — Не удержишь. На что же ты рассчитываешь? Выпустить в наш мир бесконтрольного демона? Зачем, ради Рэга? Он убьет всех и вся, даже тебя. Так зачем...

Чернокнижник не договорил, Теир вдруг закричал, наверное, это все же был призыв к Эолу, хотя мне показалось, что где-то снова завывала полоумная псина, да так проникновенно, что тянуло присоединиться. А вот Михей решил на сдерживаться и присовокупил к святым словам ругательные, он пытался отползти от дасу, от зеленого света...

Демон услышал. Эол знает, что ему не понравилось, а может, ему просто надоело ждать, но он со всей своей силой рванулся сюда, в этот мир. Рванулся в приоткрытую дверь, сшибая все на своем пути. Вит не успел ничего сделать. Я не успела даже вскочить на лапы. Михей не успел свалиться с жернова. Теир не успел зарыть рот. А маг... маг ничего не собирался успевать.

Камень вздрогнул, на миг зеленый свет стал настолько ярким, что хотелось зажмуриться, а потом почти погас, оставив на камне... Не знаю, наверное, это все-таки был демон. Странное существо, похожее на кривой каравай, слепленный неумелой детской ручкой, да так и отправленный в печь. Только большой. И не пропекшийся, где под горелой коркой еще булькает жидкое тесто.

Я посмотрела на Вита, если это его предок, то вирийцу очень повезло, что он пошел в мать.

Непропеченный каравай, невразумительно булькнул, видимо он был так же рад видеть нас, как и мы его. Из неровного тела выплеснулся шматок «теста» или внутренностей, вытянулся, формируя новый отросток, снова схватил Михея за ногу и заревел.

Стрелок присоединился. Заорал так, что я прижала к голове уши. Теир наоборот замолк.

— Ну же! — выкрикнул маг.— Давай! Ешь! Ради Цыр...абыр...вина!

Не знаю, что за слово он произнес, но у меня от него внутренности скрутило. Вит застонал, да так отчаянно, что я поняла, дела на самом деле плохи. Если раньше нам грозила смерть, то теперь видимо грозило нечто иное, например, выжить после встречи с этим непропеченным караваем.

— Это демон? — прохрипела я.

— Нет, — в руке чернокнижника сверкнул нож. — Это проводник, он прокладывает дорогу для демона, вот только к чему он тут? Когда дверь и так распахнута настежь?

— Глупец! — в голосе мага послышалось торжество. — Ты спрашивал, смогу ли я удержать дасу? Я и не собираюсь его удерживать.

Вит пошел к жернову, влажная грязь чавкала под ногами.

— Не его, — повторил маг. — Только тебя, порченная кровь.

И чернокнижник, сделавший очередной шаг, вдруг остановился. Нет, не так. Он продолжал идти, но оставался при этом на месте. Шаг и нога проскальзывала в грязи, как у деревянного болванчика в руках у кукловода.

Проводник потянул на себя Михея, парень верещал, вцепившись в край жернова. Кошка мотала головой, было очень шумно. Лил дождь.

Вит прекратил, наконец, свое беспокойное движение, проговорил что-то сквозь зубы, махнул рукой с зажатым ножом, и... ничего не произошло.

Маг засмеялся тоненько и, кажется, знакомо, словно горсть стекла рассыпали под ноги. Где я могла слышать этот смех? Воспоминание ускользало, как ночной сон поутру, казалось еще немного, и я пойму, кто прячется за пеленой.

— Даже тебе не пробить силу портала, порченная кровь. Да, мой кувшин почти пуст, но мне много и не надо, дожждаться бы только...

— Прекратите! — закричал Таир, — Ради Эола прекратите. И вы, мэтр! Они не понимают, просто не понимают, — он с отчаянием повернулся к Виту: — Это все ради людей, ради их блага, чтобы...

— Так эта собачка-поводырь и есть — благо? — перебила я, указывая на тварь, что вцепилась в ногу Михею.

Что-то булькнуло внутри проводника, и стрелок заорал. Нет, он орал и ранее, но сейчас... На теле поводыря надулся и лопнул большой пузырь, выплеснув на стрелка белую жижу. Михей задергался, а жидкость, как едкая щелочь, прожгла ему сперва штанину, а потом и ногу. Как же парень кричал, почти подвывая, иногда захлебываясь.

Я не поняла, что бегу, пока не врезалась в препятствие. В то, что остановило Вита, а уж меня и подавно. Оно было невидимое, мягкое и путанное, будто вывешенные на просушку сети, оно натягивалось и не давало больше ступить не шагу.

— Вы не понимаете, — повторит слугитель скита. — Дасу огнем и кровью пройдет по землям Тарии, Вирита, Ольмении... Всего мира.

— И от этого мира ничего не останется, — фыркнул вириец.

— Эол не допустит, — возразил смирт. — Когда страдают верующие, он приходит. Когда все окрасится в алый, чаша Его терпения переполнится. Он вернется, очистит мир от скверны, и наступит всеобщая благодать!

— Ну, если благодать, то ладно, — махнула я рукой, стараясь выпутаться из невидимых сетей. — Можно я пока этого под навесом

подожду? А то мокро, и благодать задерживается.

— Укоротить бы тебе язык, — процедил маг.

— Встаньте в очередь, — рыкнул вириец. — Благодетели! Собрали мышеловку, да? Айка, это ведь он о трупах. О жертвах, что он принес.

Я всем телом навалилась на преграду. Михей уже не кричал, он хрипел, тварь чмокала пузырями. Беспомощность — страшное чувство, оно заставляет нас сжимать кулаки и в исступлении взывать к высшим силам. К Эолу. К Рэгу. Да, к кому угодно, лишь бы остановить происходящее.

— Вы не понимаете, только представьте, благодаря нам исчезнут такие места, как то капище! — воздел руки к дождливому небу смирт.

Тварь-проводник что-то пробулькала и качнулась в сторону, Михея поволокло вслед за ней. А я замерла, одна из вертких мыслей, что никак не давались в руки, вдруг оказалась зажата в ладони. Она билась и билась в ней... Или это мое сердце колотится?

«Как то капище», — сказал он.

«Исчезнут», — сказал он.

— Кто, тот маг, что много лет назад выбрался с капища? — проговорила я, наклоняя треугольную голову и отступая от невидимой преграды. — Кто, тот маг, с которым сбежала дочь Орьки-прачки? — перед глазами встало искаженное яростью лицо Лиски и могила ее матери. — Казум сказал, что они отравили ее мать и сбежали.... И вот она снова здесь. А он? Если и он тоже?

— Заклинание единого пути сами собой не появляются, — подтвердил Вит. И мы посмотрели на расплывчатую фигуру мага. — Ваш Эол это одобряет? Зло во имя добра? Какой прогрессивный бог, однако.

— Нет, — громко ответила я, наклонилась и снова зачерпнула грязи. — Зло остается злом.

— В чем провинился Михей?

Демонический каравай хрюкнул и в задумчивости остановился на краю жернова, ему тоже было интересно. Маг в нетерпении потряс руками, словно козел бородой.

— Он станет мучеником, — выкрикнул Теир. — И вознесется в царствие небесное!

Проводник заинтересованно наклонил приплюснутую голову-тело, словно раздумывая, стоит ли есть блюдо из мученика.

— Оно, конечно, хотя я бы предпочел провалиться к Рэгу, — Вит перевел взгляд на смирта, на того, для кого и говорил все это время. Кому на самом деле задавал вопросы, даже если обращался ко мне. Все просто,

мы — с этой стороны, и ничего не можем поделать, а вот Теир— с той. Как и маг, — Только, что ты скажешь своему богу при встрече? Как объяснишь, что дал съесть того, кто очистил твое капище?

— Что?! — спросили мы одновременно, от неожиданности рука дрогнула, и комок грязи не долетел до жернова. Тварь, проследив за его полетом, качнулась.

Ткань штанины дымилась, нога Михея подергивалась, он судорожно со свистом дышал. Но хуже всего было не это, а то, что он больше не пытался вырваться из объятий демона, не пытался сползти с жернова. И это разозлило меня сильнее дурацких молитв служителя. Пока ты жив, ты обязан бороться, цепляться ногтями за жизнь, врать, изворачиваться, предавать... Да, что угодно, смерть не отыграть назад.

— Чтобы смыть грязь, нужен маг чистый мыслями, силой и совестью, — Вит отступил. — Так, он перед тобой. Вот, — чернокнижник указал на стрелка. — Он очистил старый источник от скверны, сам Эол не справился бы лучше.

Теир смотрел на вирийца. Смотрел и не верил. Да я и сама не верила, если бы тонкий кошачий слух уловил бы хоть малейший признак лжи или лукавства... Если бы... Но Вит не врал.

Маг, у которого нет резерва. А такое возможно?

Маг, который не знает о том, что он маг? Совсем, как я недавно.

Не многовато ли чаровников на один вар?

— И пусть Рэг лишит меня силы, если я вру, — добавил Вит.

Теир побледнел, это было видно даже в блеклом свете луны, кожа служителя приобрела восковой оттенок, а по лицу телки капли дождя, словно слезы.

И в этот момент тварь из мира дасу решила, что и так слишком долго откладывала ужин. Она зачмокала, заскрежетала, словно старая телега мельника, из приплюснутого тела выплеснулись еще три щупальца из теста, но на этот раз на конце каждого из них щелкало по челюсти. По маленькой зубастой раззявленной пасти. Михей поднял голову, никогда раньше я не видела столь безнадежного отчаяния в его глазах. Все закончится именно в тот момент, когда недостижимая мечта, почти осуществилась. Вит назвал его магом. И ему поверил не только Теир.

Одно из щупалец опустилось и впилося в икру. Стрелок охнул, сил кричать у парня не осталось.

— Ну, давай же, борись! — прорычала я, опять зачерпывая холодную жижу. — Даже, если это выглядит по-дурацки. Даже, если это бесполезно.

— Чистый душой умрет от снизошедшей на него благодати, — с

улыбкой констатировал черно книжник, поднимая руку. — Что ж, я не против.

— Порченная кровь, — вновь возопил маг.

Вторая челюсть проводника опустилась на спину стрелку, шлепок грязи пролетел мимо.

— Именно, порченная. Не вижу смысла отрицать, раз уж мы все с минуты на минуту предстанем перед создателем. Надеюсь, служитель, ты подготовил приветственную речь.

Смирт поднял глаза к небу, беззвучно шевеля губами. Маг захохотал. Михей уронил голову на жернов. Все, битва проиграна, можно собирать вещички на тот свет. Кошка протестующее фыркнула, у нее... у меня живот крутило от качающейся на жернове твари, от колеблющейся в завесе фигуры чаровника, но сдаться, подняв лапки? Я замотала башкой и снова зачерпнула грязи. Отыгрывать глупость, так до конца, пусть Эол посмотрит, порадуетса грядущему пополнению.

Как говорила бабка, промахиваться всегда невозможно, правда, объясняла она это Рукуму, имея в виду его мужскую болезнь, и его жене, недовольной осечками. Даже слепой, стреляя из лука, хоть раз да попадет в мишень, пусть и случайно. Наш Михей только подтверждал это. Вот и я на этот раз попала. Не знаю, кто удивился больше, я или маг?

Мокрая грязь, перелетев жернов, шлепнулась магу прямо на макушку и...

Вит прав. Кувшин чаровника был почти пуст, он отвлекся, всего на миг, когда черная жижа потекла по лицу и не смог удержать проводника на поводке. Тварь тут же почуяла слабину. Даже я ее почуяла. В воздухе что-то лопнуло, словно рыбий пузырь на оконной раме.

Вит тут же пошел вперед, вскидывая нож. Маг упустил нити контроля одну за другой, поводок твари, невидимая преграда, а может, даже открытый портал.

Грязь залепила глаза чаровника, очертив, выпуклый лоб, горбинку носа, жесткую складку, спускающуюся к уголкам рта. Знакомого рта. Я помню слова, что он произносил.

Миг неподвижности, и все пришло в движение. Проводник взревел, Теир вздрогнул. Уж не знаю, что ему там сказал по секрету Эол, но явно что-то стоящее, потому что смирт повернулся к жернову и вдруг схватил Михея за руку и дернул на себя. Дернул, стаскивая с камня.

Круглой твари это не особенно понравилось. Подгорелое тесто, что заменяло ей кожу, сморщилось, щупальца напряглись, утолщаясь. Проводник хрюкнул и, в свою очередь, потянул стрелка обратно, не дав

тому, как следует обрадоваться освобождению.

В воздухе мелькнула сталь, призрачный маг упал за жернов, уходя от броска Вита. Я тоже бросилась к жернову, хоть и шерсть стояла дыбом, но вместо того, чтобы вцепиться в холку твари, ухватила Михея за вторую руку, помогая Теиру. Всяко лучше, чем бросаться на непропеченные караваи. Кошка возмущенно выпустила когти. Лучше-то, может, и лучше, но и трусливее, а у трусов какая охота?

— Порченная кровь, — прохрипел из-за камня чаровник, сплевывая грязь. — Ненавижу!

— Приятно знать, что я тебе небезразличен, — чернокнижник стянул в руки магию, казавшуюся уютной, словно связанный бабушкой плед, так и хотелось потянуться к ней, потереться головой...

— Айка! — рывкнул вириец. — Не оттягивай силу!

— Что? — переспросила я, едва не выпустив руку Михея.

Тварь тут же воспользовалась этим и втащила стрелка на алтарь. Парень всхлипнул, Теир ответил молитвой. Бедный Эол, меня бы это бормотание: и ночью, и днем — точно с ума свело.

— Не трогай силу, — выкрикнул чернокнижник. — Только не сейчас! Иначе я...

Вириец скользнул к камню вслед за магом. Михей вскрикнул, когда еще одно щупальце, вцепилось ему в задницу, штаны и рубашка парня были щедро залиты кровью. Мы с Теиром потянули парня обратно. В состязании по перетягиванию Михея победителей пока не наблюдалось.

Магия сорвалась с пальцев Вита и разлилась в воздухе, чаровник заорал, когда вириец вытащил его из-за камня. Подвижная пелена, что окружала его со всех сторон, медленно стекала с мага на землю вместе с дождем. И с грязью. Обнажая знакомые черты.

— Я был прав, ты пуст, хранитель, — Вит схватил мага за грудки, словно задиристый пьянчуга в таверне. — Наверное, это обидно, каждый день ощущать океан магии, но не смей испытать ни капли. У тебя всего лишь один кувшин. Один, который так быстро опустошается.

Дождь омывал искаженное от ненависти лицо хранителя фонтана силы. Лицо велижского мага. Лицо Немана, друга Дамира, которому он поручил позаботиться о нас. Обо мне и Рионе.

Я вздрогнула. Чушь! Позаботиться? Слово мы маленькие дети. Тогда почему же мне так обидно? Так неправильно... Невысокий полноватый хранитель фонтана не годился на роль главного злодея. Злодеи они совсем другие, такие высокие, массивные, значимые, от одного их присутствия шерсть должна вставать дыбом... Кошка фыркнула, с шерстью у нас

проблем не было.

— Да что ты об этом знаешь, кудесник? — хранитель хрипло рассмеялся, мы в очередной раз потянули многострадального Михея за руки. — Ничего! Да поздно уже думать! Ни тебе, ни им это не остановить. Никому не остановить!

Последнее он просто выкрикнул, взмахивая рукой. Его магия была холодной, острой, как нож. И ее было мало, поэтому Неман постарался, чтобы удар был точным. Вит отшатнулся и поднял руки, в защитном жесте, на кончиках его пальцах загорелись теплые искорки. Но Неман целился не в него. В первый момент, я подумала, что он целил в меня, зашипела, выпуская когти прямо в руку Михея. Но... все оказалось еще хуже. Он целил не в меня, не в Теира, не в похожего на тряпичную куклу стрелка и даже не в каравай, что заглянул в наш мир по его приглашению. Он целил в дверь. В алтарь, в старый выброшенный жернов. Магия врезалась в камень, и мир снова вздрогнул. Если до этого дверь была всего лишь приоткрыта, то теперь она распахнулась настежь, словно от удара ногой.

Не ожидавший такого радушия проводник разжал челюсти и выпустил стрелка, мы с Теиром тут же стащили Михея на землю. Вернее стащил смирт, пока я пялилась на Немана с Витом. Парень был похож на куль со старым тряпьем, такой же отвратительно безвольный и тяжелый.

Зеленый свет вспыхнул с новой силой, и тень, что на этот раз выросла в нем, была куда выше проводника. Видимо, хозяин искал свою собачку. Похолодало настолько, что зубы клацнули...

— Не остановить! — повторил Неман.

— Ну, раз так, — задумчиво ответил чернокнижник и...

Михей хлюпнул грязью. Теир воздел руки к небу. Снова завyli собаки, на этот раз приглушенно, словно в отдалении. Или это границы мира размылись, и теперь напоминали полосу речного песка, на который то накатывает, то исчезает прозрачная волна.

Вит печально улыбнулся и швырнул грязного чаровника в зеленый свет. Прямо в приветственные объятия дасу. Тот отказываться от поданного на рушнике угощения не стал.

— Раз так, — повторил Вит, — то зачем ты нужен?

Немана затянуло в портал, как воду в соломинку... Почти затянуло. Он крайне невежливо уцепился за край жернова, как совсем недавно Михей.

Вся эта возня должна была закончиться вполне ожидаемо. Как и говорил Вит, дасу ворвется в наш мир, уничтожая всех и вся на своем пути.

Я помню, истории, что рассказывала бабка, помню воскресные проповеди смирта, еще неизвестно, что меня пугало больше. Демон — это

не просто страшно, демон — это не мор, не война и не набег нечисти, демон — это что-то за чертой нашего понимания, моего во всяком случае. Говорят, в последний раз дасу вторгся в наш мир за Тесешем задолго до моего рождения. Очень задолго, думаю, тогда даже пращуров моей бабки еще не были не то что знакомы друг с другом, а не были даже зачаты. И еще говорят, что там, где он прошел, ничего не осталось. Совсем ничего: ни живого, ни мертвого. Лишь земля да зола. Мы не знали, что демон сделал с людьми, может, съел, а может, утащил под землю. Незнание страшит куда сильнее нескольких сотен могил на погосте.

Я, во всяком случае, под землю точно не собиралась. Чего я там забыла? Ничего. А если уж выбора не останется, предпочитаю уютную могилку и белое платье, ну или хотя бы чистую рубаху, чтоб перед Эолом не стыдно предстать было. Или перед Рэгом, что вероятнее.

Думаю, кто-то из них заглянул той ночью в Волотки. Заглянул и испугался. Не дасу, нет, а того, что вся наша невезучая компания отправится напрямик в его вотчину и решил чуть подправить события.

Зеленый свет ожег глаза яркой вспышкой. И Теир заговорил. Совсем не так, как до этого. Больше не было невнятного бормотания, лицо перестало подергиваться, словно в приступе падучей, а в глазах появилось что-то... Не знаю, как объяснить, что-то новое. Именно с таким блеском в очах наш староста озвучил новый закон о налогах, выпил незнамо какую по счету чарку браги и упал на пол.

— И взойдет Он. И узрит. И не стерпит...

Смирт, конечно, молился. Он громко читал обращение к Эолу, как в часовне. Мир тряхнуло, каравай раззявил маленькие пасти и жалобно запищал.

— Переполнится чаша испитая...

Теир произносил слова, и было в них что-то... Чего никогда не было в словах служителя в Солодках. Ни в чьих словах ранее мною слышанных.

— И не даст Он пролиться крови невинной и явит...

Он молился. Круглая тварь заверещала от боли, болотный свет стал трепетать, словно пламя в свече. Кошка одобрительно муркнула, ей нравился боевой клич смирта. Каждый сражается, как может.

Зеленый луч потух. И вспыхнул снова. Проводник с визгом бросился обратно. Потух и вспыхнул. Служитель не обладал магией, но каким-то невероятным, непонятым образом он гасил этот свет, заставляя тварей отступать. Смирт закрывал портал. И дасу это понял.

— И утрет Он слезы обиженным, воздаст обездоленным...

Неман скулил, наверняка воочию представляя, как демон ласково

вытирает слезы ему.

Из то гаснущего, то вспыхивающего в ночи, как болотная гнилушка, света потекло что-то черное. Оно походило на грязную воду, которая непонятно почему парила в воздухе. Что-то жирное и плотное, пахнущее пеплом, сажей и свежими еще дымящимися внутренностями, похожими на те, что вываливаются на стол, когда свежуешь кролика.

— Каждый склонившийся будет услышан. Каждый раскаявшийся будет прощен! — голос Теира становился все громче, воздух звенел от слов, и даже монотонный дождь стал утихать.

Черное пятно сжалось, изогнулось, принимая форму руки... Нет, скорее, клешни с шестью пальцами. И эта длань с размаху накрыла Немана, словно комара прихлопнула. Чаровник забился под клешней дасу. Он больше не цеплялся за край жернова, он колотился об него головой, разбивая лоб в кровь.

— Благословите и благословенны будьте...

Черное пятно окутало хранителя фонтана и потянуло в портал, ласково, но непреклонно. Неман все понял. В последний миг понял. Не с тем он связался или не с теми. Не всякому зверю можно надеть ошейник. Он поднял голову и...

— Восславьте имя Его! — закончил смирт. — И Он вовеки восславит ваши!

— Вы все равно проиграете. Уже проиграли, — закончил Неман.

И вместе с последним словом с его губ сорвалась магия. Последняя отчаянная попытка... Нет, не спастись. Последняя попытка противостоять нам. Последняя пакость. Он даже не увидел, что сделал. Черная лапа втянулась в проход, увлекая за собой тучное тело Немана словно пушинку. Каравай ластился к хозяйской руке, как домашний питомец, запуская в нее все новые и новые отростки.

Столб зеленого света потух. На этот раз окончательно. Я это почувствовала каждой вставшей дыбом шерстинкой, услышала тихой хлопком, и воздух перестал дрожать. Портал закрылся, но странное дело, желание убежать со всех лап в лес и вырыть глубокую нору осталось. Все осталось: дождь, грязь, старый жернов, мокрый с ног до головы чернокнижник.

Последнее заклинание чаровника было подобно брошенному Витом стилету. Оно крутанулось в воздухе. Я отпрыгнула в сторону, шипя и махая хвостом, а вот Теир, который продолжал стоять в полный рост, успел лишь опустить руки. Магия вошла в служителя спереди и вышла со спины.

— Просите, и дано вам будет, — прошептал, падая, смирт.

Кто-то закричал, я обернулась, с дороги к нам бежала Пелагея, мокрый платок облепил костлявые плечи, за ней с безумным лицом шел Казум, держа в руке топор. Самое распространенное среди крестьян средство устрашения демонов и сборщиков налогов.

— Тир, — закричала женщина, падая на колени возле смирта: — Мой Тир!

— Ох, бабы, бабы, — проговорил мельник, оглядываясь с таким видом, словно ожидал, что демон сейчас выпрыгнет из-за угла ближайшего дома и скажет: «бу». — Говорил же, в такие ночи дома надо сидеть.

— Просите... просите... Простите, — прошептал Теир непослушными губами, глядя куда-то в пространство, а поперек лба медленно набухла кровью рана, все расширяясь и расширяясь, будто кто-то провел ему от виска к виску кухонным ножом. Неман все-таки бросил свой стилет. И попал.

— Спаси нас, Эол, — осенил себя святым знаком староста, забыв, что держит в руке топор, и едва к этому Эолу не отправившись.

— Вы уже мертвецы! — раздался знакомый визгливый голос.

Я обернулась. Вдоль дороги, разбрызгивая грязь, убегала Лиска. По уму, ей бы слинять по-тихому, а не орать на все Волотки, даже если очень хочется, раз уж ее «мэтр» теперь гостит у дасу.

Вит развернулся в ее сторону, поднял руку и... опустил. Девушка, едва не поскользнувшись в грязи, скрылась за ближайшим домом. Собака приглушенно гавкнула ей вслед.

— Тир! Тир! Нееет! — Пелагея, упала на колени и стала тормозить мужчину, но смирт продолжал смотреть в темное ночное небо, он больше ее не слышал. И не видел. Надеюсь, Эол, в которого он так верил, встретил его там... Где бы это «там», ни было.

Дождь стал стихать.

— Вы это... — замялся Казум и повторил: — Вы это...

— Это Лиска, — пояснила я, мельник ответил непонимающим взглядом. — Та самая, что отравила мать и сбежала с магом много лет назад... — непонимающий взгляд стал совсем непонимающим, и я неуверенно спросила: — Так ведь?

— Не знаю, — искренне ответил Казум, — Это ж сколько годков минуло, не девочка она ужо. Точно, не девочка, — он развел руками, едва не задев топором Вита. — Старая Орька рыжей была, аки лисица, а вот дочка ее Аська-хитруха — чернявой.

Я коснулась капельки артефакта, она может выглядеть как угодно, быть молодой и старой, быть брюнеткой или блондинкой, может быть кем

угодно.

— Эх, грехи наши тяжкие, господари чаровники, не могли бы вы впредь... — Мельник перевел взгляд с меня на рыдающую Пелагею, словно не понимая, о чем вообще мы говорим.

— Мы живы, — перебил его Вит, тяжело опускаясь на край жернова. — Даже не верится.

— Живы? — вскинула голову женщина, продолжая цепляться за грязную одежду слугителя.

Казум снова осенил себя знаком Эола. Подумал, а потом осенил и меня, и Вита, и лежащего на земле Михея. На всякий случай.

— Не могли бы вы устраивать свои игрища подальше от Волотков, — закончил мельник, делая строгое лицо, сразу напомнив мне о Заломе.

— Мы постараемся, — серьезно пообещал чернокнижник.

— А мы поблагодарим Эола покамест, — Казум склонился к неподвижному Михею.

— Мы победили? Можно праздновать?

Я обернулась, к жернову медленно шел Рион, из-под темных волос текла кровь. Дождь почти кончился.

— Начинай, — разрешил чернокнижник.

Пелагея зажала рот рукой, стараясь подавить рыдания.

Глава 7. Спятивший чернокнижник

Казум вел на поводу серую в яблоках лошадь, тащившую за собой скрипучую телегу. Вит шел рядом, его неказистая кобылка, которая, кажется, даже немного отъелась на постое в Волотках, трусила следом. Рион давно послал свою рыжую вперед, и ее хвост то и дело мелькал среди деревьев. Михеев мерин тоже тащил неказистый с виду возок, в котором изволил почивать изредка подававший признаки жизни стрелок. То молодецким храпом, то стонами, видимо вспоминая во сне свое лежание на жернове, чем нервировал животное и меня. Вот и сейчас парень всхрапнул, и я прослушала, о чем спросил мельника Вит.

— Он всегда чудной был, — понуро сказал Казум. — Наш Теир, но ведь на то и божий человек, — мельник оглянулся на телегу.

В ней на охапке сена лежали два тела, завернутые в грубую холщовую ткань. Залом и Теир. Они бок о бок помогали Неману, бок о бок лежали и здесь. Мельник вез их на погост, что примыкал к Волоткам с востока. По молчаливому согласию жителей на этот раз решили обойтись без

соборования.

— Как здесь оказался Теир? — тут же спросил чернокнижник, он вообще после произошедшего стал очень любопытен, вопрос там, вопрос тут...

Я насторожила уши, ответы нужны не только ему одному.

— Сослали. В наказание. Из Белой Подгорицы^[41]. Он там смирение нес в ахр... в арах... в архиве, вот. И увидел там что-то непотребное. Или сделал, я не допытывался. Вот, его и сплавил к нам с глаз долой.

— Почему сюда?

— А вот это мне неизвестно, — мельник пожал плечами. — У нас давно часовня пустовала, уж сколько челобитных отправили верховному смирту, не счесть. Видимо, снова придется, — вздохнул он, вспомнив, кого и куда везет. — У честного люда всегда должен быть служитель, людей от зла ограждать, наставлять и просить у Эола заступничества. Богоугодное это дело — о люде простом радеть.

— Я и не спорю, — согласился Вит.

— Значит, нечистого сброда больше не будет? — помолчав, поинтересовался судьбой капища Казум.

— Не должно, — вириец посмотрел вдаль. — Пока кто-нибудь снова место не испачкает.

— Чем не испачкает?

— Злом, — при этом чернокнижник оглянулся и почему-то посмотрел на меня. — Убийством, надругательством, прелюбодейством, гнилым делом. Такие места так и появляются...

— Бабка рассказывала, что там с десяток отшельников умертвили.

Михей застонал, и они замолчали. Тропа раздвоилась. Более утоптанная дорога уходила вправо, огибая деревню и кладбище, тогда как узкая стежка уводила сквозь светлый березняк к темному еловому лесу, сперва извиваясь вдоль опушки, а потом ныряя в его сумрачную прохладу.

— Да не простые это были отшельники, а самые что ни на есть искусники, жили себе на отшибе, колдовали потихоньку, книжки умные писали, да нашим помочь с бедой какой — никогда не отказывались. Эх, были времена... Еще говорили, что их не просто умертвили, а наизнанку вывернули.

— Такие вещи всегда оставляют следы, и стереть их может лишь чистый душой, тот, кто не просит ничего для себя, — чернокнижник вскочил в седло.

— Учтем, — серьезно кивнул Казум и добавил, разворачивая телегу: — Легкой дороги, господа колдованцы.

— Спасибо, — ответил за всех черно книжник и, не глядя на меня, подстегнул лошадь.

Пришлось догонять и Михеева мерина понукать, да еще и смотреть, чтобы колесо в яму не попало и не сломалось, ибо заменить его тут точно негде.

Вроде все хорошо, мы же победили и мэтра этого, и Лиску, а настроение гаже не бывает. Вит смотрит волком. Рион торопится, знать бы еще, куда. Михай стонет, только и смотри, чтобы сквозь повязки кровь не проступила. Что я вообще здесь делаю? На этой лесной тропе с этими мужчинами? Кто они мне — друзья или враги?

Облачко сочувственно вздохнула. Тамит сказал, мне в Тарии не жить, из-за странной магии, что живет внутри. Теперь уже вздохнула я, как бы ни хотелось обвинить вредителя во лжи, но его слова все больше и больше походили на правду. Так куда теперь? В Княжество? В Озерный край родню искать? Ага, как же, прям ждут меня там с распростертыми объятиями, каравай поди-ка испекли и рушник соткали. Или может переправиться за Тесеш в белые земли кочевников?

— О чем задумалась? — неожиданно спросил черно книжник.

Я подняла голову, слишком задумалась и не заметила, как рядом оказался Вит, и мы какое-то время ехали бок о бок, Рион по-прежнему был впереди, Михай на возке позади. Проникающий сквозь густые кроны свет сместился, а значит, дело уже к вечеру...

— О будущем, — неожиданно ответила я правду.

И так резкие черты лица черно книжника застыли. Вроде ничего не изменилось, он продолжал смотреть, как и смотрел, но... Откуда этот холод в глазах? Что случилось после того, как мы остановили вызвавшего демона мага? Ничего. Спать пошли. Я что, не в той комнате заночевала? Или громко храпела?

Кошка лениво махнула хвостом, ее подобная ерунда не интересовала.

— Вот уж о чем, о чем, а об этом не стоит тревожиться... — начал черно книжник, и в этот момент Михай вскрикнул, приподнял голову, обвел мутным взглядом лесную тропу и снова отключился, серые повязки окрасились красным.

— Привал, — крикнул Риону вириец, слезая с лошади.

Михей продержался до конца перевязки, а когда вода в котелке закипела по второму разу, не выдержал и, преодолевая боль, спросил:

— Я маг? — стрелок приподнялся на локтях и посмотрел на Вита, как ребенок, что в канун праздника выпрашивает имбирный пряник у взрослого. — Я очистил капище?

— Отвечай осторожно, — посоветовал Рион, закидывая щепоть душистой травы: — Что бы ты ни сказал, парень поверит тебе, как самому Эолу.

— Да. Ты — маг, — не вняв предупреждению чаровника, ответил кудесник.

— Но у меня нет резерва!

— Что только к лучшему, — усмехнулся Вит.

— Но так не бывает, — возразил Рион, задумчиво почесывая рану над бровью. — Резерв есть всегда, пусть вы, чернокнижники, невообразимо его уродуете. Но изначально он есть у всех. Даже у нее, — он указал на меня. — Был. Пусть ее магия — не магия, кровь — не кровь, а так неведома зверушка. По-другому не бывает...

— Неужели? Совсем нет? Не припоминаешь ни одного мага, что не имеет резерва? — прищурился чернокнижник.

— Да, было бы чего припоми... — начал парень. Начал и не закончил.

— Сколько чаровников отказали тебе в ученичестве? — поинтересовался вириец у Михея.

— Двое — Дамир и Неман, — стрелок был бледен, он лежал на животе в старом возке, что подтащили ближе к огню, перебинтованный вдоль и поперек. Лежал, не в силах подняться и продолжал задавать вопросы. Он всегда был упорным, часто даже во вред себе.

— Даже жаль их, — ответ парня немного развеселил чернокнижника, — Я приглашаю тебя в Вирит для принятия ученичества в Сем'э'Рьел, — сказал Вит Михею.

— На чернокнижника? — поинтересовалась я.

— Нет, а жаль, — в голосе вирийца не слышалось ни капли сожаления. — На артефактора.

— Черт-черт-черт, — быстро поговорил Рион. Другого подтверждения Михею и не требовалось. — Но в Тарии давно нет «дающих жизнь вещам»^[42].

— Поэтому и приглашаю. Кто здесь обучит искусника?

Михей хлопал глазами, здорово при этом напоминая ушастую сову. Слова видимо запаздывали, как и мысли.

— Это правда? — наконец, жалобно спросил парень.

— Я вообще никогда не вру, — поклялся Вит, а я по-детски хихикнула, совсем как Ксанка, когда сын кузнеца таскал ей жареные каштаны и поникшие ромашки.

— Я маг? — повторил стрелок, и уже уверенней добавил: — Я маг!

— Что такое Сем'э'Рьел? — по слогам произнесла я незнакомое слово.

— Магистрат в Вирите, где запрещенной магии учат, — ответил за вирийца Рион. — Собирают способных и обучают скопом, как баранов. Не то, что у нас, один действительный — один ученик.

— Я маг! — Михей сейчас вряд ли мог сказать что-то иное, только повторять: — Я маг!

— У него природного резерва нет, — я подкинула веточек в костер и спросила то, что интересовало, прежде всего: — Как он может быть магом, даже артефактором?

— Артефакторам он не нужен, они энергию не накапливают, а отдают, направляют, наделяют силой предметы. Как бы тебе объяснить... — задумался Вит. — У тебя есть дорогая вещь? Не по деньгам, а по сердцу?

Взгляд Михея скользнул к арбалету.

— Именно, — подтвердил чернокнижник. — Я еще тогда понял, когда схватил его и хотел тебя огреть. Обернуть артефакт против хозяина, — вириец грустно улыбнулся. — За такое меня бы учитель розгами выпорол, но кто ж знал, — улыбка Вита сменилась озабоченностью. — Ты заботился о нем, ухаживал, учился стрелять, неосознанно наделяя силой и волей. Как, не спрашивай, я не искусник. Но это, — чернокнижник указал на оружие, — артефакт.

— Поэтому он так странно стреляет? — спросила я.

— Как? — недовольно поинтересовался Вит.

— Иногда стреляет, иногда нет, словно...

— Сам выбирает цель, — пораженно закончил Рион. — Я слышал о таких артефактах.

— А теперь и видел, — чернокнижник лег на спину, заложил руки за голову и посмотрел сквозь кроны на темнеющее небо.

Стрелок приподнял руку и коснулся приклада арбалета с величайшей осторожностью, словно впервые.

— А помните, как знаки накопителя каменели в Багряном лесу? — Рион начертил пальцем в воздухе спираль.

— Каменели? — повернулся к нему вириец. — Уверен?

— Уверен. Я рисовал... — чаровник замялся. — Айку учил. Пытался... — чернокнижник поднял брови. — Перестань, ладно, — попросил того парень. — Сам знаю учитель из меня аховый. Пока.

— Взрослеешь, — поразился Вит, но без злости. — Рисовал, а дальше что?

— Пытался научить ее сбрасывать в накопитель энергию.

— И как? — казалось ему и вправду интересно.

— Не знаю, — вынужден был признаться чаровник. — Знаки просто

каменели, и все.

— И все? Все? — черно книжник вдруг рассмеялся. — И сколько таких окаменевших знаков вы оставили в том лесу?

— Восемь? — спросил у меня Рион, — десять?

Вит продолжал смеяться, словно был не в силах остановиться. Я бы попросила объяснить столь смешную шутку, если бы не боялась, что, попав в поле зрения черно книжника, снова не заставлю его темные глаза заledenеть. Смех мне нравился куда больше.

— О, Рэг, — проговорил вириец через минуту. — Так теперь в багряном лесу проложена цепочка артефактов-накопителей, — он выдохнул и предложил: — Хотите, поспорим, через пару лет эту цепочку назовут Михеевой, — стрелок поднял голову. — А еще через десять этот путь получит приставку «великого».

— Оооо, — только и смог произнести стрелок, хорошо хоть перестал повторять «я маг».

— А через двадцать «легендарного». Вместо Айки энергию сбрасывал Михей и этим самым взломал багряный лес, словно замок казны.

— Что? — не понял Рион.

— Путешествуя, маги смогут черпать энергию из артефактов, обороняться от нечисти. Эти ваши рисунки теперь будто вешки на болоте, что отмечают торный путь. Багряный лес перестанет быть непроходимым. А все благодаря не обученному искуснику.

— А капище? — все-таки спросила я, Вит даже не повернулся, я почти ощутила идущую от него волну недовольства.

— И капище он, — кивнул Риону вириец, словно спрашивал он, а не я, — только до сих пор не знаю как.

— Осколок, — догадался чаровник.

— Я об него палец раскорябал, — Михей, лежа на животе, продолжал поглаживать приклад арбалета.

— На крови, значит, — кивнул Вит. — На крови оно сильнее всего и получается, особенно если мысли правильные в голове.

— А какие правильные? — спросила я.

— Это знают только искусники, — ответил Рион и со значением посмотрел на стрелка.

— Я просто выбраться хотел, и от погани так противно стало...

— А чего ж молчал-то, раз противно? — поинтересовался Рион.

— Так чего ж тут говорить-то, раз сами господа чаровники помалкивают, — Михей развел руками и тут же поморщился от боли.

Подрала его та тварь знатно, без целителя заживать будет долго,

седмицы две, как не три. Долго он еще будет спать на животе и вздрагивать от каждого движения. Но самое главное, что будет.

— Видимо, хороший ты парень, Михей, — констатировал Вит. — И мысли у тебя хорошие, раз без обучения такое вытворяешь. Даже интересно, что же дальше с тобой буд...

Он не договорил. Я не дослушала. Мы просто вскочили на ноги. Он с загоревшимся алым глазами, а я, шипя и скаля клыки.

В Волотках я все время ожидала, что вот сейчас, в эту минуту дасу придет в наш мир. Придет и вывернет наизнанку. И в этот миг на вечернем привале, я почувствовала себя так, словно демон неслышно подошел сзади и деликатно постучал по плечу.

— Что? — закричал Рион. — Я с вами двумя с ума сойду!

Михей вцепился в арбалет и стал натягивать тетиву.

— Он сказал, что мы все равно проиграем, — напряженно проговорил Вит, вглядываясь в подступающие сумерки.

Там под сгущающейся тенью леса что-то дрожало, что-то...

— Кто сказал? — не понял Рион.

— Как будто мы во что-то играем, — Вит бросился к лошадям.

— Да кто говорил-то? И что? — чаровник растерянно вертел головой.

— А она сказала, что мы все — покойники, — добавила я, борясь с желанием завывать.

Тьма, клубившаяся вдоль узкой тропки, казалась почти живой, почти осязаемой. Там, откуда мы пришли, что-то с треском разорвалось, словно ветхая ткань, истончившаяся от частых стирок в ледяной воде. Оборвалось, задев что-то внутри, что-то очень важное. Жизнь. Я вдруг осознала, что где-то там лопнула чужая нить жизни. Одна, вторая... Глаза Вита загорелись алым. Третья, четвертая, пятая. Там, во тьме кто-то убивал людей, быстро, легко, словно играючи. Не замедляясь и не останавливаясь, я бы даже сказала, походя. Так небрежным движением острый нож касается тонких струн, разрезая их... Острый нож или острые когти.

— Волотки, — горько проговорил чернокнижник, седлая нервно прявшую ушами кобылу. — Зачем искать новый арбалет, если можно просто вложить в ложе старого очередной болт.

— Они воспользовались... — начала я. — И завершили ритуал вызова дасу?

— Да, — грубо ответил Вит и, словно ставя мне это в вину, закончил: — А мы уехали, — мужчина прищпорил лошадь и скрылся во тьме.

— Куда!? — закричал Рион. — Только лошади ноги переломаешь!

Да, мы уехали. И слава Эолу, что мы сейчас посреди темного леса, а не

у теплого очага в Волотках. Здесь можно выкопать нору, заползти в нее и молиться, чтобы пришедший в наш мир дасу прошел мимо и не заметил.

— Останься с Михеем, — выкрикнул Рион, и я обернулась как раз в тот миг, когда парень затянул подпругу и вскочил в седло.

— Тебя-то куда понесло? — спросила я в спину удаляющемуся чаровнику, но он не услышал. Рион с куда большей осторожностью, чем вириец, понукнул рыжую и въехал под сень вековых деревьев.

Я могла бы крикнуть ему, что зря он все это затеял. Впереди нет ничего кроме смерти. Ничего и никого... кроме Вита, а тому Рион нужен, как трава-лебеда травнице. То есть, совсем не нужен.

Хотела, но не крикнула. Бесполезно. Не послушает. Я бы точно не послушала, несмотря на то, что от одной мысли о возвращении шерсть вставала дыбом, а хвост стегал по земле.

— Иди с ними, — услышала я дрожащий голос Михея. — Иди, я тут сам... сам...

Тетива соскальзывала и соскальзывала. Парню бы задуматься, отчего его «живущий собственной жизнью» артефакт так своевольничает, и перестать попусту дергать рычаг.

— Ну, спасибо тебе за разрешение, — проговорила я и, тем не менее, стала отвязывать лошадь. — Мы оба знаем, что раненым ты в лесу долго не протянешь. Тебя убьет либо зло, — я обернулась на тропу, — что хозяйничает сейчас в Волотках, либо клыки или когти куда более теплых хищников, — я накинула на Облачко потник и седло. — Ты что выбираешь?

Если Вит не вернется, мысль отдалась неожиданной болью внутри, и кошка замотала башкой — нет-нет-нет... Если умрет и Рион, а без чернокнижника у парня нет никаких шансов... Поправка, у нас никаких шансов. Среди недомагов и недоучек вириец один хоть чего-то стоит.

Я сжала повод. Если уеду сейчас, то обратно точно не вернусь. Подстегну кобылу и не остановлюсь, пока не переломаю ей ноги. Или себе шею.

Михей следил за каждым моим движением. Следил и молчал. А я вдруг поняла, что он знает, о чем я думаю. Знает и дает мне шанс уйти. Деревенский рыбак, не обладающий большим умом, оказался на удивление прозорлив, и чаще всего это выходило ему самому или всем нам боком. Святая простота, та хуже воровства.

— Ты еще успеешь их догнать.

— В святые потянуло? Сподвижником Эола захотел стать? — поинтересовалась я и отвязала мерина.

Эол, с каких это пор я задаюсь такими вопросами? С каких пор меня волнуют чувства Михея? Как же хорошо быть ведьмой, знай себе капай людям на темечко, и пусть у них голова болит.

Я подвела коня к старому возку.

— Мы поедем медленно. Вместе поедем. — Кошка выпустила когти и фыркнула. — С телегой все равно галопом не поскачешь. Если успеем, догоним.

Я не договорила, что там мы должны успеть, умереть вместе с Витом и Рионом или сбежать, но Михей и не нуждался. Ответом мне стал звонкий щелчок взведенной тетивы. Артефакт был куда умнее своего хозяина.

Днем мы успели пройти всего несколько десятков вар, ночью этот путь показался мне в два раза длиннее. Может потому, что идти не хотелось, потому, что каждый шаг казался тяжелым, словно окружающий воздух вдруг превратился в воду, которая сопротивлялась и сопротивлялась. Под колесами повозки хрустели ветки и хвоя, лошади пофыркивали, их теплое дыхание инеем оседало на мордах. По тропе тянуло холодом. Неправильным холодом.

«Приход дасу в наш мир всегда сопровождает что-то подобное: гроза, буря, наводнение, землетрясение...» — сказал Вит.

Лес, который никогда не затихал, лес, живущий своей жизнью и при свете дня, и во тьме ночи, лес наполненный звуками, шорохами и криками, замер.

Птица спряталась в дупло, мышь-полевка, затаилась между корнями, ветер пробежался по кронам и затерялся в листве. Ветви поникли. Холодное дыхание чего-то чуждого посеребрило черные стволы, лизнуло корни...

— У тебя глаза светятся,— проговорил Михей без особого удивления.

— Как светятся? — тоже не особо впечатлившись, переспросила я.

— Как у господина кудесника.

— Завязывал бы ты с «господами», — я отвернулась, ночной мотылек, сложив крылья, замер в обманчивой неподвижности на красноватой коре.

У Вита светились глаза, когда я нарисовала на земле рисунок — хотела вспомнить, где приносили жертвы, а оказалось... Теперь же глаза светились у меня, хотя никаких знаков мне никто не показывал, да и амулет, я коснулась пальцами маленькой капельки, на месте. Но Михей видел. Я подумала и сняла подарок Дамира. Вряд ли я смогу тут кого-нибудь напугать. Кошка одобрительно фыркнула, она считала, что давно пора перестать скрывать цвет шкуры.

Колесо телеги подпрыгнуло на камне, и стрелок едва не пересчитал

себе зубы арбалетом. Мы шли уже четвертый час. Вернее, я шла, ведя мерина, Облачко, привязанная к возку, семенила следом. А Михей лежал и в данный момент героически целился во тьму, вернее в куст бузины и притихшую мошкарку.

Стоп. Я что вижу в темноте? Ведь вижу, и весьма неплохо, вон неповоротливый жук потерял лапки на коричневом листе, под поросшим мхом пнем лежала змея. Я не просто видела в темноте, я отмечала малейшее движение, дуновение ветра... Следила, как кошка за притаившейся в норе мышью, следила, как хищник за добычей. Кошка заурчала. Я все еще говорила кошка, хотя давно пора было говорить «я».

Кто же я? Водянка? Что-то я не слышала о водном народе такого. А что слышала? Что разбудили во мне маги ритуалом покаяния? Темную кровь? И не потому ли меня выкинули в реку, словно ненужный в хозяйстве скарб?

— И рычишь, — тоскливо глядя на мою бесцветную физиономию, добавил стрелок. — Все так плохо?

— А ты не чувствуешь?

— Нет.

— Повезло.

Тропа, по которой мы уходили из Волотков, становилась все холоднее и холоднее, словно по воле злых чар из ранней осени мы переносились в зиму.

До села мы так и не дошли, за что оставалось только благодарить Эола. Я, как раз в очередной раз дернула мерина за повод, заставляя идти чуть быстрее, Вит с Рионом наверняка уже в Волотках, а мы...

Додумать в какой именно дыре мы застряли, и почему стремимся в еще большую, я не успела. Что-то налетело на нас, и хлестнуло наотмашь. Бабка меня как-то розгами отходила, за то, что уксусной настойки плеснула пекарю, вместо желудочных капель. Тот чуть к праотцам не отправился. Я, правда, не сказала бабушке, что неделей ранее этот чертов пекарь пытался зажать меня в углу и подарить булочки с маком. Отказаться от дара удалось с большим трудом.

И сегодня в лесу меня снова хлестнули, только бабка прошлась по мягкому месту, а здесь... Лицо обожгло болью, мерин захрипел, вырывая повод. Я упала на землю и какое-то время могла видеть лишь расплывающееся и нечеткое колесо возка. Облачко тревожно ржала. Я коснулась щеки и зашипела, кожа была припухшей, но целой, ни капли крови, лишь на пальцах таял иней.

Я приподняла голову, Михей целился куда-то в густую крону. На каждом дереве на высоте моего лица появилась белая отметина. Словно

детвора, озорничая, снежками кидалась, оставляя белые морозные отпечатки.

— Что это? — спросил стрелок, поводя арбалетом.

— Не имею ни малейшего представления, — честно ответила я, поднимаясь и оглядываясь. — Я не Вит.

Мерин всхрипнул, наклонил голову и стал мирно обглаживать зеленые ветки кустарника. Облачко деликатно коснулась губами руки Михея, и тот от неожиданности едва не нажал на спуск. Вокруг царила тишина, ни ветерка, ни звука, ни угрозы...

— И что теперь делать?

— И этого я тоже не зна...

Я не договорила, потому что впереди кто-то сдавлено вскрикнул. Тихий отрывистый звук больше похожий на мяуканье. Михей тут же переместил прицел арбалета. Я сделал шаг назад, если сейчас нырну за телегу, смогу проползти с другой стороны и окажусь с краю тропы. Кошка выпустила когти, ее напряженные мышцы дрожали.

Атаковать сбоку удобнее. Как и бежать.

Кусты затрещали, и на тропу не вышел, а просто вывалился...

— Господин чаровник! — закричал Михей, опуская оружие.

Чаровник обвел невидящим взглядом прогалину, сделал шаг, потом второй... Неловкие, какие-то дерганые движения, как у пьяницы, что только что узрел синих чертей.

— Рион, — тихо позвала я, парень дернул головой, повернулся на звук и...

— Чшшш, — зашипела я.

Его глаза были пусты и мутны, зрачки подернулись беловатой пленкой, словно лужа наледью. Я такое уже видела, у старого попрошайки, что забрел как-то в Солодки. Он сказывал каждому, кто хотел слушать, что потерял зрение лет десять назад. Сперва его мир утратил краски, окрасившись в серый, затем четкие линии размылись, превращая людей в четные пятна, а через год все исчезло во тьме. Но я никогда не слышала, чтобы человек слеп за ночь.

— Кха, — даже не произнес, а выплюнул Рион. — Кхаррр, — звуки в его горле теснились и клочкотали.

— Господин чаровни... Рион, — со страхом позвал Михей.

Парень повернул голову, и тут это случилось вновь. Снова ударило, но если в прошлый раз, мы отхватили невидимых розог, то во второй — нас приложили поленом по плечу. Меня отбросило на борт возка. Рион схлопотал «поленом» по затылку и упал лицом вниз. Стрелок не выдержал

и все-таки нажал на спуск, арбалет щелкнул, болт не покинул ложа, Михей выругался.

Дыхание сбилось, и я несколько минут хватала ртом воздух.

— Да что ж это творится такое? — незнамо у кого спросил стрелок. — Что же творится... Эол, спаси и сохрани...

Я поднялась, потирая плечо. Рион лежал там, где упал, лишь изредка вздрагивая всем телом. Отметины на деревьях стали шире, теперь это были не просто мазки неловко брошенных ребятней снежков, теперь это больше напоминало перечеркнутые стволы полосы. Нет, не полосы. Я вдруг поняла, что видела этот странный морозный налет раньше. В Солодках, когда Линейя мелела, и меня звали ее заговаривать. Вода уходила, оставляя на илистых берегах вот такие вот меловые разводы, отмечающие место, где ее волны накатывали на берег.

Я огляделась, все деревья вокруг были перечеркнуты белой инеевой полосой. Похолодало еще сильнее, дыхание с шумом срывалось с губ, на мгновение зависая теплым облачком, и тут же растворяясь в прозрачном воздухе.

Что прошло сейчас по тропе? Что разошлось по лесу, словно круги по воде от намеренно брошенного камня, впечатавшись в стволы и оставив на коре отметины? Что ударило нас с Рионом? И почему только нас?

— Да, за что ж нам все это? — продолжал причитать Михей: — Почему же...

— Рион. — остановившись рядом с чаровником, я опустилась на колени и легонько коснулась спины. Он едва заметно вздрогнул.

Слава Эолу, жив! Я обхватила его за плечи и перевернула, даже не удивившись собственной силе, слишком легко у меня это вышло. Некогда было удивляться. Глаза чаровника были открыты. Он «не смотрел» куда-то мимо меня в черное небо.

— Рион, — позвала я.

Парень моргнул.

— Давай же, — я встряхнула чаровника, возможно чуть резче, чем хотела. — Давай!

— Эол, помоги нам!

— Михей перестань завывать... Рион!

Ученик мага дернул головой, открыл и закрыл глаза. Его подернутый наледью взгляд чуть прояснился?

— Кхао-кха-кха, — закашлялся парень и тихо произнес: — Айкха...

— Я это, я. Что у вас там случилось? Где Вит?

Рион зажмурился, его снова стала сотрясать дрожь. Это тоже был

своего рода ответ. Ясно, что ничего хорошего там произойти не могло.

Внезапно накатила злость на всех и вся. На парней, что зачем-то бросились обратно, на чаровников из Велижа, с которых началось это странное бегство, на Дамира, который исчез, когда был так нужен, на Лиску, на дасу и даже на бабушку, которая отправила меня вместе с Рионом. Я же просто сходила на деревенскую свадьбу!

— Айкха...

Я накрыла его губы пальцами, заставляя замолчать, подняла голову, насторожив уши. К нам кто-то приближался. Лошадь фыркала, под ее копытами хрустела хвоя... Слышать слышала, но не могла так с ходу определить — со всадником она или без, бабка все же меня на травницу учила, а не на воина-следопыта.

— Вит, — позвала я, поднимаясь.

— Не хххади... — закашлялся чаровник и попытался встать.

Сил у него хватило только чтобы перекатиться набок, руки вслепую шарили по земле. Злость всколыхнулась с новой силой. Что сделали с этим парнем? И главное, зачем? Вряд ли он мог серьезно угрожать дасу.

Ветви разошлись, и на лесную прогалину ступила рыжая лошадь, молодая женщина на ее спине торопливо понукала животное, поминутно оглядываясь и прижимая к себе сидящего впереди мальчика. Пацан, лет десяти, казался скорее удивленным, чем напуганным.

Что ж мы это сейчас исправим.

Склонив голову, я в два прыжка оказалась рядом с рыжухой и, ухватившись за повод, заставила лошадь остановиться. Женщина вскрикнула, закрыла рот рукой и еще сильнее прижала к себе мальчишку. Широко распахнутые карие глаза перебежали с моего лица на возок с Михеем, который совершенно спокойно целился в девушку и, кажется, не собирался опускать арбалет, потом на ползающего по земле Риона и снова на меня... На бесцветную девку с алыми, как уголья глазами. А я смотрела на свои державшие кожаный повод руки, все еще человеческие, но уже не совсем. Из пальцев выступили прозрачные, как вода, ногти... Они, вроде бы растущие, как у всех людей, к концам вдруг заострились, словно иглы. Эол, у меня когти! Невесомые и такие привычные, словно были у меня всегда.

— Кто... Что вы... — она сотворила отвращающий знак Эола, но я не торопилась исчезать. Будь все так просто, односельчане давно бы уже от меня избавились. Но как выяснилось, бог не имел ничего против моего существования.

— Где хозяин лошади? — перебила я, рыжая ткнулась губами мне в

ладонь. Я даже успела представить, как расплосую животному морду, но когти быстро втянулись обратно, став совершенно обычными. Я подумаю об этом позднее, когда будет время, и когда никакой дасу над душой не стоит.

— Что вы делаете? Пустите!

— Неправильный ответ. — Я ухватила мальчишку за ногу и дернула вниз. Вряд ли он хороший наездник.

Женщина закричала, цепляясь за парнишку. Но было поздно, мальчишка, потеряв равновесие, грохнулся на землю, лошадь переступила с ноги на ногу. Девка продолжала верещать. Очень хотелось прижать уши. Или вырвать ей язык.

— Опять неправильный ответ. — я присела и схватила пискнувшего парня за волосы. — Вам не говорили, что не стоит ехать в темный лес ночью, да еще и на краденной кобыле? — Я коснулась пальцем беззащитного горла мальчишки. Женщина торопливо слезла с лошади, неловко и совсем не грациозно, селянка вроде меня, для которой поездка в седле скорее исключение, чем правило.

— Где всадник? — медленно повторила я, выпуская когти.

Тонкие, полупрозрачные иглы послушно вытянулись и замерли в волоске от бешено бьющейся жилки на шее мальчишки.

— Не ответишь, вспорю горло ему, а потом тебе, — честно предупредила я с такой уверенностью в голосе, словно делала это тысячу раз до этого. Уверенностью, которой не чувствовала.

Пацан вытаращил глаза и замер, словно статуя в храме.

— Вы... вы... зачем... Прошу отпустите, Кули! Мы не просили колдованца нас спасти. Он сам, клянусь Эолом, — в голосе молодой женщины слышались визгливые нотки. — Посадил нас на лошадь и велел скакать во весь опор.

— А сам? — я подняла голову и взгляделась в лесную чащу, послышалось или нет...

— А сам остался в Волотках. Хотел еще кого-то спасти, только я не понимаю от чего? Я не просила... И лошадь не крала, да и вообще... — она заплакала.

Рион сумел встать на одно колено и слепо шарил руками по земле. Случайно или нет, но он повернулся лицом к тропе. Я насторожила уши, неужели не послышалось?

— Айка?! — вопросительно позвал Михай, не опуская арбалета.

— Мы не просили! Госпожа ведьма...

— Тихо, — зашипела я, под пальцами лихорадочно бился пульс. Пацан

хлопал глазами и, кажется, понимал еще меньше своей спутницы. Но это не мешало ему бояться. Вздохнет чуть сильнее, и иглы когтей порвут тонкую кожу. Какая-то часть меня хотела, чтобы он вздохнул, хотела, чтобы он дернулся, хотела, чтобы он побежал. И тогда можно будет начать охоту.

— Госпожа ведьма, отпустите вы Кули, ради Эола. Возьмите меня, если вам так надо... надо...

Что именно может быть надо встреченной на лесной тропинке ведьме, она не знала, но, по-видимому, предполагала, худшее.

— Замолчите! — я, так же, как и Рион, повернулась к тропе.

Не показалось. К нам снова кто-то приближался. На этот раз пеший. Широкий торопливый шаг.

— Я... — женщина была так напугана, что вряд ли слышала, что ей говорят. — Я все сделаю. Заберите лошадь, сапоги, плащ... Все заберите, у меня даже черни есть, две дюжины.

Шаги стали громче. Я встала, отпустив, к вящему облегчению незнакомки, шею пацана. Женщина тут же упала на колени и принялась творить отвращающие знаки, при этом успевая судорожно ощупывать мальчика, желая убедиться, что я не откусила от него под шумок кусочек.

Судя по звуку шагов, по тропе шел мужчина. Или очень высокая женщина. Или нечисть с длинными ногами, что ходит прямо, притворяясь человеком.

Он показался спустя минуту, я узнала его моментально, каким-то внутренним чутьем, еще до того, как мы встретились взглядами.

— Вит, — выдохнула я.

Чернокнижник жив! Лучшее известие за ночь.

Не разделяя моей радости, мужчина перехватил поудобнее ношу. Я фыркнула. На руках чернокнижник тащил какую-то белобрысую падаль... ээ... девушку.

— Какого Рэга! — выругался вириец, оглянулся и направился к возку с Михеем. Стрелок с облегчением опустил арбалет.

— Уходим. Быстро, — чернокнижник положил бессознательную девушку рядом со стрелком, бросился к Риону, помогая парню подняться. — Ну, чего встали? Бегом! Вы, — он кивнул плачущей женщине, — я что приказывал? Быстро на лошадь. Айка, чего встала? Хватит мной любоваться!

Я рыкнула. Он выругался.

— Зачем я это делаю? — пробормотал чернокнижник, подставляя плечо чаровнику. — Сидел бы дома, варил яды... Нет, захотел родине послужить. Прав был отец...

Что там сказал отец чернокнижника, мы так и не узнали. Ледяное дыхание в третий раз пробежалось по тропе, листья ближайшего куста тут же пожухли, сворачиваясь. Раздался далекий на грани слышимости хруст, словно кто-то наступил на покрытую тонким утренним льдом лужу.

— Тррретья воооолна, — по-звериному зарычал Вит, перед тем как нас ударило снова. На это раз это были не розги и не полено. На этот раз это была кочерга, которой вполне по силам проломить голову. Удар отозвался звоном в ушах. Я упала, и даже не поняла этого. Где-то рядом хрипел чаровник, ругался Вит, плакала женщина...

— Не усссспели...

Я подняла голову, тонкий визгливый звук, как от ржавой пилы, поселился внутри, причиняя боль. Вит с Рионом поднимались, держась друг за друга, чаровник дрожал, словно в лихорадке.

— Видит Рэг, я старался, — чернокнижник помог Риону сесть на край возка, хотя там и без чаровника было тесно. — Чего встали? Бегом! Или предпочитаете умереть здесь?

— А есть разница? — спросила я, тяжело поднимаясь.

— Сами же сказали, уж не успели, — неожиданно поддержал меня Михей, отодвигаясь к правому борту возка. — Второй день бегаем, все никак убежать не можем. Может, ну его? Дасу, так дасу, встретим, как полагается. — Он зарядил арбалет.

— Дасу, надо полагать, надлежит испугаться, — Вит схватил мерина под уздцы и обернулся.

В его взгляде появилось что-то... Знаете, были две большие разницы, как оглядывалась женщина с пацаном... Как его там? Кули, кажется. И как оглядывался чернокнижник. Женщина была напугана, как может быть напугана отсутствием молока у коровы доярка. Вдруг сглазил кто? Странно, но не смертельно. А вот Вит... Я редко видела его таким, лишь прошлой ночью и перед моим ритуалом покаяния. Он боялся и совершенно не стеснялся этого. Иногда бояться не стыдно.

Я снова услышала далекий хруст. Холод инеем осел на ресницах, кожа лица мгновенно обветрилась.

— Агррр, — сидевший в телеге Рион обхватил себя руками, стараясь унять дрожь.

— Опоздали, — повторил чернокнижник и бросился к Риону: — Закрывайся, дурень! Закрывайся! По магам ударит сильнее всего! Закры...

Вит ухватился за край возка, Михей не выдержал и выстрелил. На этот раз болт покинул ложе и скрылся в лесу. Никакого видимого эффекта.

— Боги! — в устах Вита это прозвучало как ругательство, вириец так

и не дотронулся до чаровника, замер на месте и обреченно добавил:— Всех не прикрою, просто не осилю...

— Я не просила нас спасти. Я не просила... — всхлипывала женщина.

— Если только... — чернокнижник повернулся, глаза посветлели, став почти прозрачными. Как тот лед, что, наконец-то, нас нагнал.

Шерсть на загривке встала дыбом. Мгновение, растянутое до бесконечности. Мгновение перед ударом.

— Если только... — вириец протянул мне руку.

Я вложила в его ладонь свою. Почему бы и нет, раз мы ждем, не дождемся пришествия на дасу.

—... ты не поделишься со мной силой. Айка, прошу силы!

Губы мужчины шевелились. В окружающем холоде его пальцы казались горячими. Они были обжигающими и такими настоящими...

— Силу, Айка! — произнес Вит, и прозвучало это сильно.

Иногда слова обретают вес и падают камнем к твоим ногам. Иногда ты падаешь вместе с ними. Есть клятвы, есть обеты, есть заклинания. Все это было в одном его слове.

Ледяное дыхание дасу, и огонь рук кудесника. Тепло и холод. Хотелось зарычать и убежать. Хотелось заурчать и остаться. В темных глазах чернокнижника мелькнула обреченность.

Какая разница, о чем он просит? Какая разница, могу ли я это дать? Никакой, я бы согласилась, попроси он мою правую руку или голову в придачу.

— Бери.

Внутри меня что-то шевельнулось, что-то сдвинулось. Больше всего это походило на несварение. Или на голод, от которого уже тошнит. Иногда в магии нет ничего привлекательного.

В животе заурчало, жар прокатился по телу и устремился в руку. Устремился к чернокнижнику, оставляя после себя сосущее чувство пустоты. Вит поднял вторую ладонь к тропе, словно намереваясь приветствовать того, кто вот-вот покажется из-за куста...

И тут нас ударило. Завертело, закружило. До хруста в костях, до звона в голове, до хрипа в груди, до стоны, что так и не сорвется губ, потому что этих губ больше не будет... Я словно оказалась внутри колокола, что висит на часовне Эола. Оказалась в тот момент, когда кто-то бил в него, созывая народ на молитву. И сила удара была такова, что колокол сорвало, кувырнуло в воздухе, а потом грохнуло оземь. Вместе со мной. Вместе со всеми нами.

Причитания женщины захлебнулись. Рион упал на Михея. Беззвучно...

В голове звенело, к горлу подкатила тошнота. Я бы тоже упала, если бы не горячая рука Вита. Что-то продолжало перетекать от меня к нему, притягивая и связывая нас еще сильнее. А он все держал и держал вторую руку раскрытой. Держал этот колокол вокруг нас, по которому билось ледяное дыхание дасу.

Листья на деревьях чернели, сворачивались и опадали. Земля покрывалась коркой льда, ночное небо, наоборот, светлело. Воздух дрожал и трескался... трескался... трескался, подпуская холод все ближе и ближе. Наледью покрылся борт возка и коснулся копыта Облачка, лошадь заржала. Женщина сжалась, стискивая мальчишку, ее волосы медленно покрывались инеем, словно она долго стояла на морозе... Или седела на глазах.

Чернокнижник застонал, пошатнулся. Но мы все еще держались за руки. Злость, которая тлела во мне с самого захода солнца, вдруг вскипела, вырываясь наружу.

Я не знала, кто я. Не знала, откуда взялась. Не знала, что делать дальше. Ничего не знала, кроме одного. Я не хотела умирать. Не хотела, чтобы умер кто-то из парней. Белобрысая падаль и женщина с пацаном меня особо не интересовали. Я не Вит, и спасти никого не собираюсь. Никого, кроме себя. И моих парней.

Я вцепилась в руку Вита и зарычала, ощущая свою злость, как нечто густое и тяжелое, как нечто, чего можно коснуться. Или отдать. Я взмахнула хвостом и направила ее к чернокнижнику, эту жгучую ярость, недовольство, досаду и даже усталость. Все, что было. Все, что осталось. Пусть, дасу подавится.

Внутри все клокотало, внутри все двигалось... Совсем, как на ритуале Покаяния. И совсем по-другому. Тогда силу отбирали. Сейчас я отдавала ее сама. И мы с кошкой не кричали от боли, мы рычали от злости и предвкушения.

Вит покачнулся, мотнул головой, словно отгоняя назойливое насекомое, пальцы шевельнулись, холодный воздух заколыхался, и на один бесконечный миг мне показалось, что он сейчас обрушится на нас.

— Нет, — проговорила я, выпуская когти, и еще тверже добавила: — Нет.

И чернокнижник услышал, выпрямился. Губы шевельнулись, пальцы раскрытой ладони сжались, и... ледяное дыхание отступило. Сперва на шаг, потом на два, потом женщина на лошади подняла посеребренную инеем голову.

Оглушительно хрупнуло, с таким звуком на Линее сталкиваются по весне льдины. Сталкиваются и отскакивают друг от друга. Холод дасу столкнулся с магией Вита. Столкнулся и отскочил, откатился по тропе назад, как волна, что каждый раз накатывает на берег и всегда возвращается обратно.

Лицо все еще пощипывал мороз. Конь потянулся губами к замерзшему кусту, листья которого больше походили на льдинки. И только когда наши руки разъединились, а Вит устало опустился на землю, я поняла, что все кончилось.

Мерин все-таки коснулся замерзшей листвы, и куст осыпался. Не просто осыпался, а распался снежным крошевом. Конь посмотрел удивленно. За первым кустом рассыпался второй, разлетелось на льдинки дерево, на коре которого нашел уют мотылек... последний уют, на глазах толстый ствол осел на землю. Одно за другим деревья векового багряного леса оседали снежными хлопьями, словно пеплом от давно погашенного костра. Лес исчезал будто... Будто... Эол!

Я впервые видела такое. И, надеюсь, в последний. За несколько минут чаща вокруг превратилась в снежную пустыню. Все исчезло, кроме лоскута земли у нас под ногами, что вириец отстоял у зимы. Все, кроме нас. Вит задрал голову к посветлевшему небу и захохотал. Из его носа текла кровь, окрашивая кожу и рот в алый цвет, будто чернокнижник только что загрыз кого-то и теперь этому чрезвычайно радуется

— Вит, — позвала я. — Что ты...

— А ведь и вправду, — вириец подавился смехом и попытался вытереть кровь, но только размазал ее еще больше. — Пусть бы приходил этот дасу, он же не знает... не знает... — он снова зашелся хохотом, иногда бессвязно бормоча: — Встретили бы, как миленького, — он обхватил голову руками, — Древние всегда говорили, что не бывает тьмы без света, льда без огня, демона без...

— Вы все здесь умалишенные! — выкрикнула женщина, почти падая с рыжей кобылы, мальчишка всхлипывал.

Глава 8. Притвора

— Вы все умалишенные! — услышала я сквозь сон женский голос.

И не надоело ей повторять? Может, признаться на самом деле? Для нас это давно не новость, а она все удивляется.

— Ну, зачем я... — продолжала причитать она.

Кстати, я бы тоже не отказалась узнать: «зачем она». Если бы к нам с бабкой среди ночи постучался больной на всю голову чернокнижник и попросил не вылечить эту самую голову, а велел бежать в одном исподнем, да подальше, то схлопотал бы ведро воды в лицо для охлаждения. И воды — это еще в лучшем случае.

— Кули, отойди от него. Он порченный! — закричала женщина.

Парень, надо полагать, отирался возле Михея и его волшебного арбалета, но девка наверняка говорила о Рионе.

Я открыла глаза и приподнялась. Так и есть. Кули во все уши слушал рассказы стрелка о героических приключениях чаровников в багряном лесу, забывая даже дышать и моргать.

Рион тоже почти не дышал и не моргал, уже который час, рассматривая светлеющее небо. Я встала, отряхнула плащ от мокрых веток и листьев.

На мертвой снежной равнине мы оставаться не рискнули и, наконец, вняли просьбе чернокнижника и убрались оттуда. Вит уводил нас дальше, забирая на юго-восток к Вирийскому княжеству. Он больше не злился, теперь он просто не смотрел на меня.

Зимнее дыхание дасу прошлось по земле на несколько десятков вар, превратив в лед все, с чем соприкоснулось. Но даже оно не могло быть бесконечным, к утру снежная равнина, отвратительно хрустевшая под сапогами и лошадиными копытами, закончилась. Никто никуда больше не торопился, хотя меня не оставляло ощущение, что мы безнадежно опоздали. И опоздали не вчера и не позавчера, а, как минимум, на несколько лет.

К утру мы добрались до «живой» земли, изредка слушая завывания... как ее там?

— Но, Оле, — заныл парень. Да, точно, Оле. Вчера стрелок ее уже спрашивал. — Я только хотел...

— Мало ли, чего ты хотел!

Я огляделась, Вита рядом не было.

— Господин кудесник сказал, что скоро вернется, — поняв, кого я ищу, пояснил стрелок и неловко приподнялся с возка. Лицо парня скривилось от боли.

Рано, Михей, рано. Ему лежать, как минимум, седмицу. Но на его месте я поступила бы так же. То есть, попыталась встать, не взирая на то, что это грозит открытием ран.

Судя по положению солнца, поспать удалось часа четыре, не больше

— Кули, — заплаканная женщина дернула мальчишку за руку, — будь

проклят тот день, когда я...

— Он и так проклят, — я подошла к телеге и склонилась над Рионом, парень продолжал смотреть мимо меня куда-то в кроны деревьев. Они сговорились, что ли? Сегодня никто не хочет смотреть в глаза.

— Я не просила... — снова завела старую песню женщина.

— Ну и прекрасно, — не оборачиваясь, прервала я очередную порцию нытья. Глаза Риона прояснились, дыхание демона схлынуло, и зрачки парня больше не были подернуты наледью, но взгляд по-прежнему оставался обреченным и потухшим. Взгляд мертвого человека. — Вас никто здесь и не задерживает.

— Что? — не поняла Оле.

— То, — я подняла голову, — мы вас не держим. Хотите идти — идите, не хотите, чтобы вас спасали — не будем.

Женщина посмотрела на рыжую кобылу вирийца.

— И красть лошадь тоже не советую. Эол не одобрит, а события складываются таким образом, что вам его заступничество может понадобиться в самое ближайшее время. Узелок в руки, — я посмотрела на кулек с пожитками у ног женщины. — И в путь.

Я сняла флягу с пояса, потрясла, сняла крышку и поднесла горлышко к потрескавшимся губам парня, Рион тут же отвернулся. Тонкая струйка воды потекла по грязной шее. Плохо.

— Зачем вы вообще его, — я кивнула на лес, куда, по словам Михея, ушел Вит, — послушались? Заявись ко мне ночью грязный мужик в драной одежде — отхватил бы веником, а вы даже узелок успели собрать, — я снова попыталась напоить Риона, и снова безуспешно.

Женщина сжала губы и судорожно обхватила худосочного мальчишку за плечи, словно черпая в нем силу и уверенность. Рион перевел взгляд на темное дерево борта телеги. Убрать флягу не дала чужая рука, тонкие пальцы обхватили мои. Я повернула голову, уже зная, кого увижу. Рядом с возком стояла белобрысая пада... девушка. Мелкая, не выше и не старше меня, светлые волосы заплетены в косы, голубые глаза смотрели доверчиво, почти по-детски. Ее рука накрыла мою, вторая ладонь легла на щеку Риона. Чаровник вздрогнул, но не отстранился. Девушка кивнула, и я отступила, оставляя ей флягу.

— Я не знала... — залепетала Оле, — не думала...

— Это заметно. Наверное, пора начать. Думать, я имею в виду.

Михей едва заметно улыбнулся и подмигнул Кули.

— Я просто, — молодая женщина устало опустилась на землю, — я просто хотела уйти. Сама! — выкрикнула она.

Я выпрямилась, борясь с желанием повернуться и взглянуть в лесную чащу. Шаги, пока едва слышные, но с каждой секундой все приближающиеся... Так и хотелось вздыбить шерсть и развернуться к новой опасности, выпустив когти. И тут же спрятать их обратно. Я вдруг отчетливо поняла, кого увижу через минуту... Увижу того, кто не хотел видеть меня.

— Дядька хотел отдать сестру за пастуха Шошку, — выкрикнул парень и пояснил для непонятливых: — А тот — дурак и косо́й, к тому же, его давеча корова копытом приласкала, ну он и окривел.

— Я должна была уйти, не Шошка, так другой, еще хуже. Мне уже не шестнадцать, и даже не двадцать, отец пока был жив, всегда говорил... — не договорив, она махнула рукой. — А потом умер, и дядька, сказал, идти замуж за Шошку, сказал, что ему доука на шее не нужна. Я решила уйти ночью. Узелок собрала.

— Хорошо, что я проснулся, — самодовольно вставил парень.

— Я бы тебя все равно там не оставила, — женщина отвернулась, но ее выдали глаза.

Сейчас она могла, говорить все, что угодно. Но на деле, если бы парень не проснулся, то исчез бы вместе с Волотками, с Казумом, дядькой и Шошкой-косым.

— Не оставила бы! — выкрикнула она, словно это все объясняло.

Отчасти так и было. Надумай, я сбежать от бабки и встретить у порога незнакомца, настаивающего, чтобы я взяла его лошадь и скрылась с глаз долой, тоже не стала бы отказываться. Наверное... А может, убежала бы, как от огня. Добрые незнакомцы обычно оказываются злыми.

— Ты в любой момент можешь вернуться, — низкий голос бархатом прошелся по коже, из леса вышел Вит и бросил рядом с едва тлеющим костром охапку дров. — Дасу в Волотках уже точно нет. Мало того, на ближайшую пару лет это место очищено и от нечисти. Так что, вас никто не будет беспокоить, разве что нежить, по ночам, — он задумался. — Зато будешь сама себе хозяйка.

— Дасу здесь? — спросила я, а Оле зажала себе рот рукой. — Я имею в виду, он прорвался сюда, — я указала на землю у нас под ногами. — В наш мир?

— Да, — Вит не смотрел на меня, ночное бесшабашное веселье чернокнижника сменилось усталостью.

— Но если вы знали... знали, что все умрут, что да... да... дасу, — наконец проговорила женщина, — всех у-уб...

— Убьет? — переспросил вириец, отряхивая руки. — Предполагал.

— Тогда почему не спасли остальных?

— Я не всемогущ. Не успел. Постучал в первый дом, вытащил вас. Вторую девку нашел за околлицей. Эй, ты, — позвал он белобрысую пад... девушку.

Та встряхнула флягой и встала рядом с черно книжником, их рукава почти соприкасались, ее светлый и его — грязный и обтрепанный. Хвост стегнул по земле, и впервые мне было безразлично, видит его кто или нет.

— Я Мира, дочь валяльщика, — представилась она мелодичным голосом. — Я шерсть перед сном проверяла, высохла ли. Помню, как услышала что-то — вой или крик. Открыла дверь, вышла на крыльцо... — девушка улыбнулась Виту.

Из пальцев выскочили когти, уши прижались к голове, утробный рык, едва не сорвался с губ...

— А потом темнота, — закончила она.

— Пока одной объяснял, четверть часа потерял. Эту, — он указал на Миру, — просто подобрал, когда назад бежал, — черно книжник стащил с плеч грязный плащ и протянул девушке.

— Спасибо вам, — с чувством поблагодарила та, заворачиваясь в ткань.

Я отступила, пряча руки в карманы и загоняя рык внутрь. Она не имела права так улыбаться ему, а он не имел права так улыбаться ей в ответ, так... Так тепло, пусть и устало. Пальцы коснулись прохладного камешка амулета. Стоит лишь накинуть цепочку, и я снова стану нормальной. Не бесцветной тварью, а обычной девушкой, такой, как Мира, светловолосой и голубоглазой. Я выдернула руку, словно амулет ожег пальцы. Я и сама не могла объяснить почему, но твердо знала, что не надена артефакт. Не сейчас. И не здесь. Пусть смотрит на Айку Озерную, а не на ее раскрашенную копию.

Я пошла к костру, едва удержавшись от того, чтобы оттолкнуть Миру плечом, лишь выдернула из ее рук флягу, мимоходом отметив, что Риона, она все-таки напоила, и села на плащ. Вит посмотрел удивленно, впервые за последние дни посмотрел.

— Вам надо было идти к Казуму, надо было бить в набат, собирать людей... — говорила Оле.

— И торжественно умереть вместе с ними под благостные звуки колокола? — уточнил Вит. — Так далеко моя жажда подвигов не распространяется. Вас, я спас. Благодарность оставьте себе.

— Вряд ли Казум успел бы что-то сделать, — высказался Михей и простодушно добавил: — Он пить к ночи собирался, за упокой души Теира

вашего, — стрелок торопливо сотворил знак Эола, женщина повторила, только направила его на меня и выкрикнула:

— Они умерли! Умерли! Умерли!

— Можете повторить это еще не один десяток раз, ничего не изменится, — Вит пожал плечами.

— Так, значит, дасу идет за нами? — громко спросил Михей.

Чернокнижник обернулся, с губ, в уголках которых запеклась кровь, сорвался смешок.

— Видимо, у демона есть дела поважнее, чем гоняться за ободранными путниками. Поверь, если бы дасу хотел нас догнать, он давно бы уже был здесь, — мужчина посмотрел по очереди на Оле, Кули, тележку с Михеем и Рионом, Миру...

— А мы? — решил все же уточнить стрелок.

— А мы были бы на полпути к Эолу, хотя... — Вит все же мазанул по мне взглядом. Эол, что происходит? Я уже начала считать его взгляды, ни одного за вчера и уже два за сегодня, можно радоваться. — Хотя, может, и не все.

— Тогда что это было? Эти волны, от которых надо закрываться? — упорствовал в своем любопытстве Михей, он и сам это понял и со всей учтивостью добавил: — Господин кудесник.

— А это, господин искусник, — в тон ему ответил чернокнижник, — были три волны выверта. Когда дасу прорывается в чуждый для него мир, часть этого самого мира выворачивается наизнанку, как рукава у рубахи, если торопливо вытащить руку. А волны от этого знаменательного события расходятся по округе и бьют, и бьют, — Вит кивнул на возок: — По магам. Остальных добывает дыхание демона, или его слезы, или его молнии, или... — он поморщился и закончил: — Все демоны разные. Совсем, как мы.

Эта мысль показалась вирийцу очень забавной, и он снова зашелся в сухом, коротком смехе.

Я вспомнила, что уже слышала от него слово — «выверт». Там, в велижской тюрьме. Тогда он тоже говорил о волнах и о вызове. Но я ничего не поняла, а он не стал объяснять.

— И сильно магов прихватывает? — стрелок стал озабочено щупать живот.

— Сильно, — не стал обнадеживать его вириец. — Выверт разбивает их резерв. У тебя его никогда не было, поэтому ты даже не почувствовал, у Айки, — от одного того, как он произнес мое имя, захотелось поковыряться в ушах, не слышалось ли. — У Айки он вырван с мясом, великими

мясниками... о простите, магами Велижа, но ее и то ударило, а вот Риону не повезло, его кувшин треснул. Как я понимаю, закрываться его не учили.

Лежащий на телеге чаровник застонал и закрыл глаза, из-под век потекли скупые мальчишеские слезы.

Мы столько всего натворили, вернее, сделали, и все ради его дара, чтобы вот теперь остаться ни с чем.

— Я с самого начала говорил, что ваш этот ритуал — препоганая идея. Я просто не знал насколько препоганая.

— Ничего не хочу знать, — Оле закрыла уши ладонями и замотала головой, повторяя: — Не хочу! Не хочу! Все это ваши дела, не мои. Не втягивайте нас в это!

В отличие от старшей сестры Кули слушал во все уши и боялся пропустить хоть одно словечко.

Мира вернулась к телеге и стала аккуратно вытирать лицо Риона рукавом, парень никак не отреагировал на такую заботу.

— Недаром же ваши маги бегают от дасу, как от огня, — горько закончил чернокнижник.

— Дураков, желающих лишиться силы, у нас нет, — глухо ответил Рион, впервые за вечер подав голос.

— Дураков у вас в избытке, но за силу вы держитесь крепко. И бегаете быстро.

— Бегаем. А я вот не знал, что надо убегать. И не знал, что надо закрываться. Ничего не знал, — Рион развел руками, и Мира выпрямилась. — Эх, был бы я зеркальным магом...

— Я и говорю, дурак, кто ж себе такого желает?

— Зеркальные маги? — переспросила я, потому что эти два слова всколыхнули что-то во мне, какое-то воспоминание, то ли я у бабки в книге читала про зеркальных магов, то ли на витраже или гобелене каком поучительном видела, в общем, что-то явно нехорошее.

— Такая же редкость, как и маги-артефакторы, — Рион повернул голову к Михею.

— А почему? — простодушно спросил стрелок.

— Потому что их убивают свои же. Мы убиваем, — ответил Вит.

— И что? Нам-то что теперь делать? — выкрикнула Оле, опустив ладони. — Мы остались одни на всем белом свете.

Она всхлипнула.

Очень хотелось напомнить женщине, что удайся ее побег, она стала бы не менее одинокой.

— Ближайший город княжества — Полесец, это на самой границе с

Тарией, — Вит поднял голову и посмотрел на поднимающееся солнце. — Дня три пути, если лесом напрямик. Я доведу вас до городских ворот. — Чернокнижник развернулся и снова пошел к лесу. Не знаю, как остальным, а мне очень не понравилось это его «доведу», оно предполагало, что дальше мы пойдем сами.

Три дня...

Но все полетело к дасу под хвост уже на второй.

На второй день встал Рион. На вечернем привале, когда Вит как обычно обходил лагерь, чтобы удостовериться, что все в порядке... Все было не в порядке, но мы ему об этом не говорили. Рион уцепился за край телеги, приподнялся и покинул свое уютное место рядом с Михеем, тот, надо сказать, вздохнул с облегчением. Чаровник осунулся, кожа казалась серой. За одну ночь мальчишка вдруг вырос и превратился в мужчину. Очень грустного молодого мужчину. Обреченного. И бесполезного. Не мага.

Белобрысая пыталась заботливо подставить ему плечо, но он едва взглянул на девушку. Рион был сосредоточен и спокоен. Именно так выглядел Арик, двоюродный брат дядьки Верея, перед тем как завязать петлю в амбаре и сунуть в нее голову. В аккурат, после того, как у него жена родами померла, даже бабка спасти не сумела. Но то — жена, а чаровник всего-навсего лишился силы. Всего-навсего...

Рион сел у костра напротив меня и уставился на огонь. Мира вернулась к котелку и стала разливать похлебку. Оле, по обыкновению, тискала мальчишку, тихонько рассказывая ему, как хорошо они заживут в Вирийском княжестве. Мне бы ее уверенность.

— И что, вы теперь совсем не можете колдовать? — звонко спросила белобрысая, попробовала суп и кивнула Оле: — Совсем-совсем? Ни капельки?

Кули наострил уши, и я, честно говоря, их тоже наострила, хотя по хорошему девку надо было стукнуть за излишнее любопытство.

— Совсем.— Бывший чаровник сжал и разжал руку, возможно в ней должен был появиться огненный шарик, а может, у него просто пальцы затекли.

— Рион... — начала я.

— Молчи, — прервал он, — просто помолчи.

Все правильно. Что я могла ему сказать? Неуклюже посочувствовать. От этого его сила не вернется.

— Расскажи о зеркальных магах? — вдруг попросил Михей, отдавая Оле свою миску.

Кули энергично потряс головой, всем своим видом давая понять, что тоже хочет послушать и ради этого, отойдет от обожаемого стрелка, сядет у костра и даже возможно, только возможно, возьмет из рук сестры наполненную миску и станет есть.

Оле поджала губы, но для разнообразия промолчала.

— Нечего рассказывать. Они все мертвы.

— Я ничего о них не слышал, — словно оправдываясь, признался Михай.

— Потому что, о них не любят рассказывать. Они наш позор, — Рион посмотрел на Миру, рука девушки дрогнула и несколько капель из наполненной плошки упали на угли и зашипели.

— Тогда почему ты хотел быть одним из них? — привстал и поморщился от боли.

— Потому, что зеркальные маги, единственные, кому не страшны волны выверта, единственные, кому не страшен дасу.

— Они настолько сильны?

— Нет, я бы даже сказал наоборот, настолько слабы. Их резерв — зеркало, они сами — отражение. Если зеркальному магу встретится на пути слабый маг — он тоже становится слабым, если сильный — растет и его сила.

— А если человек? — спросила Мира, протягивая Риону миску, но тот проигнорировал и ее жест, и ужин. — Если колдованцев рядом не будет, а только люди?

— Значит, и он будет человеком. Он — отражение... Отражение чужой силы. Или слабости. Паразит, как... как...

— Глисты? — нашелся Михай.

— Пусть будут глисты, — не стал спорить бывший чаровник.

— И если такой встретит демона, то... — не выдержал забывший про похлебку Кули, — убьет его? Разорвет на мелкие кусочки?

— Понятия не имею, — тускло сказал Рион. — Меня не учили обороняться от демонов, не говорили, что надо закрываться при его прорыве. Да, я знаю, что такое дасу, и что такое выверт, и что он делает с магами. Знал, но, — парень внезапно дернул воротник рубахи, словно она мешала ему дышать, — но...

— Ты знал, но все это было не про тебя. Не про нас, — я поняла, что хотел сказать Рион. — Всего лишь строки в старой книге.

— Да, — дрожащим голосом подтвердил парень, — я ни разу в жизни не закрывал резерв, для мага это — то же, что лишиться рук и ног. Другое дело зеркальные, их резерв он... он... иной. Он отразит любые магические

волны, зеркальный сам станет волной. Ну, так говорят.

— И за это их убивают? — удивилась я, конечно, маги — те еще юродивые, взять хотя бы Немана, Тамита, да и Риона с Витом, но какой смысл пенять на зеркало, коли рожа крива? Кстати о Вите, что-то он сегодня долго...

— Они не только отражают, — признался равнодушным голосом бывший чаровник.

— Так я и знала, — я взяла у Миры тарелку.

— Говорят... ну вернее, почти не говорят, а шепчут, когда переберут медовухи, что они могут...

Я вскочила на ноги, забыв и о магах, и о Рионе, и о разлившейся у ног похлебке. Никогда не разбиралась в магических рангах и жила себе вполне счастливо, даст Эол, проживу впятеро больше. Или не даст, и не проживу, особенно если буду сидеть и слушать дальше.

От чужого пристального взгляда шерсть встала дыбом.

На меня охотились.

— Айка, — прошептал Михей, заряжая арбалет.

Кули ойкнул, Оле схватила его за плечи и прижала к себе. Бесплезное действие, нужное лишь ей. Угрызения совести они такие. Она хотела оставить мальчика в Волотках. Оставить на смерть, хоть она и не знала этого. Оле себе этого не простит и будет цепляться за парня при любом признаке опасности, в тщетной попытке защитить. Мира с громким стуком уронила черпак в котелок.

Чужое внимание напоминало чесотку между лопаток, отчаянный зуд, до которого никак не может дотянуться рука.

Я припала к земле, выпуская когти.

— Айка, — еще тише прошептал стрелок, наводя арбалет на лесную чащу, подсвеченную красноватым золотом уходящего солнца.

Хвост метнулся вправо, потом влево.

Я чувствовал терпкий запах чужака, кожей ощущала взгляд, слышала дыхание, легкое и невесомое, из тех, что не потревожит ни листика на ближайшем кусте.

Оле охнула, когда я бросилась в чащу. И тени приняли меня. Мягкая земля бесшумно пружинила под лапами. Лесные запахи вдруг стали слишком густыми и насыщенными, кошачья поступь мягкой, тело гибким и послушным... Мое тело. Охота — это хорошо. Охота — это правильно. Не позволю чужаку охотиться в одиночку.

— Я слышу тебя, — прошептала я.

Сумерки окрасились серым. Мне стало все равно: день вокруг или

ночь. Мне все равно, где ты притаился, слился ли с камнем или укрылся шуршащим листьями. Не уйдешь...

Но незнакомец и не собирался. Он него тянуло влажным любопытством и ожиданием.

Ветви едва заметно качнулись, сбрасывая капли влаги на спину. Чужак скупым движением ушел от моего броска и едва слышно зарычал, скорее одобрительно, чем угрожающе. В серо-черной картине мира он казался высоким, с длинными руками и ногами, вытянутой лысой головой и оскаленной пастью. От него пахло чем-то знакомым, чем-то...

Я кувырнулась через голову и тут же вскочила на ноги. Но незнакомец и не думал нападать. Он стоял напротив, почти зеркально повторяя мою позу, ноги чуть согнуты, плечи ссутулены, когти выпущены, зубы оскалены. То ли человек, то ли зверь.

Так мы и стояли целую минуту. Бесконечную минуту, за которую решимость сменилась недоумением. Чужак медлил, не нападая и не отступая, с любопытством нюхая воздух. Как оказалось, я тоже не готова просто так броситься на кого бы то ни было. Кстати, а на кого? Раньше я не встречала таких созданий. Тогда откуда же взялось это чувство узнавания? Я видела что-то похожее на него, видела совсем недавно.

Незнакомец вздернул голову и зарычал. А я тут же узнала запах, узнала стук сердца того, кто приближался к нам, ощутила тепло собиравшейся в его руках магии. И чужак тоже ее ощутил. На этот раз не было ни сомнений, ни колебаний, они оба двигались молниеносно.

— Вит, нет! — закричала я.

Но было поздно. Или вирийцу было все равно, что я там кричу.

Чужак прыгнул на чернокнижника. Магия сорвалась с рук Вита. Я не знаю, зачем это сделала. Не могу объяснить, может, всему виной воспоминание, что мелькнула на краю сознания. Может... В тот момент было не до мыслей.

Я прыгнула на чужака, за миг до того, как огненный шар вирийца столкнулся с незнакомцем. Глупый поступок. Ничего хорошего, как водится, из этого не вышло, вместо одного под удар попали двое.

Я сбила чужаку атаку, но и только. Вряд ли бы он дотянулся когтями до горла чернокнижника. Вряд ли он умел ходить сквозь магический огонь, это под силу только Эолу и его сподвижникам.

Я врезалась в незнакомца плечом, и мы оба упали на землю, где нас накрыл огонь. Но за миг до того, как обжечься, я успела рассмотреть в магическом свете... Значит, не показалось. Чужак не был лысым, вытянутую голову, покрывали светлые, почти бесцветные короткие волосы,

светлые глаза, узкие черты лица... Я вспомнила, где видела его. Вернее, не его. Себя.

Таким же бесцветным было мое отражение в зеркале, зубы такими же острыми, а черты лица такими же чуждыми, как и у него. Мы не были близнецами, нас не перепутал бы и самый невнимательный крестьянин, но мы были похожи, как могли быть похожи псы с одной псарни.

Чужак был той же крови. Чужак мог ответить на вопросы. Но...

Огонь коснулся кожи. Я заорала, скорее от испуга и разочарования, чем от боли, потому что ее не было. Магия Вита, казавшаяся такой родной и знакомой, прильнула к коже, словно невесомая ткань, теплая, а совсем не обжигающая.

А вот чужак захрипел, завыл, задергался, пламя, оказавшееся так милостиво ко мне, вгрызлось в тело мужчины. Раздались далекие крики, отрывистые команды, с хрустом ломались ветки, кто-то еще торопился к месту событий. А Вит уже опять стягивал в ладони силу, на этот раз она пахла острой свежестью. И ее было гораздо больше, чем в прошлый раз. И еще одно... Чернокнижник молчал, он не кричал на меня, не требовал убраться отсюда и не загоразивать цель. Нет, он просто бил на поражение.

Что-то свистнуло у уха, и я едва не помянула Михея и его самовольный арбалет, когда увидела короткое оперение вонзившейся в землю стрелы. Это был не болт. И стрелок явно не наш. Я вскочила на ноги, ослепительно белый свет сорвался с ладони Вита и упал на чужака. Вторая стрела вошла ему в ногу, третья, разодрала край моей рубахи, которая и так почти превратилась в лохмотья, магический огонь щадил меня, но не ткань.

Чужак выгнулся, содрогаясь всем телом, свет стекал с него тяжелыми каплями, оставляя после себя черную обугленную кожу. Четвертая стрела с шипением вошла в горло, пятая в живот, шестая...

— Нет, — прошептала я.

Из-за ближайшего дерева вышел лучник, спуская тетиву. За ним солдат в форме Вирийского княжества. Когда-то такая же красовалась и на Вите, жаль, сейчас узнать ее в этих лохмотьях трудновато. Еще один воин подскочил к бьющемуся в агонии чужаку и взмахнул мечом.

Шестая стрела срезала прядь моих волос. Седьмая угодила бы прямо в голову, если бы ее не сбил чернокнижник, чем-то невидимым и упругим. Стрелу он отвел, а вот удар нет. Один из солдат подскочил сбоку и пнул меня под колено носком сапога. Я вскрикнула, упала, а подняться мне не дали. Тот же самый сапог надавил на плечо, прижимая к земле, а кончик острого ножа, замер в волоске от горла.

Ну, не сами конечно, как показывают многолетние наблюдения ни

сапоги, ни мечи отдельно по дорогам не ходят, только в компании с человеком. Очень злым человеком, готовым в любой момент опустить лезвие.

Я зарычала...

— Стоять, — гаркнул Вит так, что я едва дышать не разучилась.

Солдаты тоже оценили. Тот, что опустил меч на чужака, громко крикнул поднимая окровавленное лезвие, стрелок дернул луком, и восьмая стрела ушла много выше головы чернокнижника, четвертый солдат, которого я, увы, не могла видеть, начал что-то говорить и замолк. На прогалину вышел последний воин, седовласый, массивный, он выглядел гораздо старше мужчин, что так ловко махали мечами, с нашивками в виде крестов не только на плаще, но и на рукавах.

— Лежать тварь, — скомандовал, тот, что стоял надо мной и перенес вес на ногу. Больше всего мне сейчас хотелось запустить в нее когти и послушать, как он верещит.

— Приветствую, капрал, — чернокнижник встряхнул ладонью, а потом развернул ее к мужчине.

Укол магии был мимолетным, но достаточно эффективным, на коже вирийца проступил черный рисунок, несколько перекрещивающихся линий образовывали подобие того креста, что эти ребята таскали на своих спинах. Оказывается, у чернокнижников тоже были отличительные знаки, как и у тарийских магов. Так же, как и у Риона.

— Господин высокий кудесник, — прогудел седой, и его воины облегченно выдохнули, даже кончик меча у моего горла чуть отстранился.

— Не знал, что у этих тварей, — он кивнул на тело чужака, а потом посмотрел на меня. — Может быть вторая самка, маги говорили, что только одна на всю жизнь, — последнее, он произнес с презрением и отворачиваясь скомандовал: — Убить.

Меч качнулся, я зашипела, вжимаясь в землю...

— Я сказал, стоять, солдат, — рявкнул Вит. — Или умрешь раньше нее.

Вириец с мечом заколебался, всего на одно мгновение, его рука перехватила эфес, но за этот миг чернокнижник успел многое. Он успел призвать магию, она за клубилась в его руках облаком беспросветной тьмы.

— Господин куда... — начал капрал, багровея.

— Вы не понимаете, капрал. Я не дам ее убить. А если попробуете, сами отправитесь к Рэгу. И вы, и он, — чернокнижник посмотрел на того, что все еще держал лезвие у моего лица, видимо дожидался, когда я, как следует, его рассмотрю.

Солдат скривился и нехотя отвел клинок, я тут же вцепилась в него пальцами, когти звякнули о железо.

— Это вы не понимаете, господин кудесник, — капрал в сердцах указал на тело мужчины, а потом на меня: — Это не человек, и она не человек. Это «притвора». Она думает лишь о себе, служит только себе и верна лишь себе. Она сбежит в лес и бросит вас при малейшем признаке опасности, а может и еще чего похуже. Сколько владельцев вот таких вот зверушек не проснулось утром по причине вспоротого горла, и не счесть. Вы заигрываете с нечистью, пусть она и выглядит, как человек, и ведет себя, как человек. Она притворяется. Она притвора! Внутри она зверь!

— Я Витторн Ордианский в присутствии пятерых свидетелей...

— Девятерых, — раздался голос, и на прогалину вышел стрелок. Вернее почти вывалился, арбалет дрожал в слабых руках, лоб покрыла испарина, раны, наверняка, снова открылись... Но он пришел. Рион, в руках, которого не было даже завалящего ножичка, показался из-за ствола ближайшего дерева и без интереса осмотрел наших новых знакомых. Вооруженная половником Мира выглянула из-за плеча бывшего чаровника.

— Девятерых, — невозмутимо повторит чернокнижник, — Признаю ту, что зовется Айкой Озерной членом моей семьи и беру полную ответственность за ее поступки. И обещаю, что причинивший ей вред, будет отвечать передо мной и моим высоким родом жизнью. Тьма свидетель.

Черное облако на его руке вспучилось, заворчало, как недовольная предгрозовая туча и вспыхнуло сразу несколькими молниями.

— Слово принято, — констатировал Вит.

Капрал сплюнул и кивнул стоявшему надо мной солдату, тот убрал меч в ножны.

— Меня в это не впутывайте, — высказалась появившаяся Оле и решительно шагнула к седовласому, таща за собой мальчишку. — Господин солдат, я их знать — не знаю, и знать не хочу, кто такие и чего по лесам шастают.

Я вскочила на ноги, солдат отпрянул и сотворил знак, отвращающий зло. Конечно, знать не знает нас Оле, а предавать положено только мне.

Михей покачнулся, обеспокоенная Мира попыталась поймать его, но куда худенькой девушке удержать деревенского парня. Стрелок повалился и уронил тихо ойкнувшую помощницу.

— Капрал, до города проводите? С нами раненый, — проговорил Вит, устало опуская руки. На мой взгляд, чересчур поспешно опуская. — Или мы теперь все в ваших глазах недочеловеки?

— Осади назад, сынок, а то, маг ты там или нет, а старый Рэйвен зубы тебе пересчитает. Никто не скажет, что мой десяток оставил на съедение тварям, — тут он посмотрел на меня, не сдержавшись, я широко улыбнулась, продемонстрировав старику зубы. — Женщин и детей. Но пойдем сейчас. Никаких ночевок в этом лесу. Эриш, Тиш, помогите им собраться, — отдал он приказ, и оглядел темные деревья. — Неизвестно, сколько еще этих притвор по округе шатается. Она, конечно, знает, но не скажет.

Конечно, не скажу. Потому что, не знаю.

Притвора... Как много скрыто в этом слове. И как мало. Притворами, называют любую нечисть, что встает на две ноги и прячет зубы, притворяясь человеком. Любая тварь, что может надеть сарафан. Это и богинки, и болотники, это и мара, и навь, и подменьши, и леший. Да мало ли на свете созданий, что водят человека за нос и доводят до смерти. Воз и маленькая тележка. И что-то я никогда не слышала о вот таких вот белесых притворах. И ведь десятник называл незнакомца и меня именно так, и вряд ли имел в виду всю двуногую нечисть, вместе взятую. Вампирами тоже называют кого угодно: и комаров, и нерадивых невесток, и кровососущих мавок, что живут в низинах... И самих вампиров, правда если молва не врет, обитают они в основном за Тесешем.

— Не знаю, чего это на белом свете творится, — рассказывал седовласый Виту. Чернокнижник вел лошадь по тропе, рядом крутился вездесущий Кули, часть его восхищения была перенесена с Михея на солдат, к вящему облегчению последнего. — Но считай, с новолуния покоя не знаем. Из каких нор кто только не повылазил, — десятник покачал головой. — Ящерликов порубали, потом выворотни^[43] деревню на юге разорили, теперь вот, притворы, а ведь двадцать лет об этой погани слышно не было.

Шедшая впереди Оле, оглянулась, вытаращила глаза и стала плевать, последний так сказать метод обороны от нечисти вроде меня. Интересно, а что изменилось с той поры, когда она сидела рядом у костра и передавала мне миску с похлебкой?

— А еще говорят, огневок видели, — с тоской закончил десятник. — Не дай Эол, полыхнем!

— Нечисть оживляется только в плохие годы, — ответил Вит и тоже оглянулся, в кои-то веки посмотрев на меня, плевать не стал, лишь окинул возок с Михеем и сидевшую с краю Миру хмурым взглядом.

— Они и делают их плохими! — зло сказал воин, что держал надо мной меч, он и сейчас старался держать меня на глазах. Приглядевшись, я

могла с уверенностью сказать, почерневший, как минимум, вчерашний синяк очень подходил к его щетине. — Они! — он обличающее указал на меня, как раз понукавшую мерина, что тащил возок.

— Я чего тебе сделала, служивый? — не удержалась от вопроса. — На ногу наступила?

— Да ты... да как ты смеешь говорить? Как ты смеешь...

— Охлонись, Тиш, — десятник огладил подбородок и посмотрел на нахмурившегося чернокнижника. — Обижены они на ее породу. Обижены и злы. Третьего дня городская стража притвору на рынке поймала, самку, та рыбу воровала, да хотела того, — он провел рукой по горлу. — Да бургомистр не дал, велел в клетку посадить, да ему во дворец доставить.

— И они обиделись за то, что не дали мечами помахать? — спросила я, а воин дернулся.

— Нет, — зло ответил тот, что шел вместе с Рионом, замыкая наш маленький отряд. — Никто не знал, что та тварь уже спарилась с... с этим, — он указал рукой на мешок, куда запихнули голову убитого мужчины, ткань давно пропиталась кровью.

— Они парами живут, как лисы. И никогда не бросают своих.

Я только открыла рот, чтобы сказать, что этому бы людям не мешает поучиться, как седовласый добавил:

— Прошлой ночью самец пробрался на городские стены и отправил к Рэгу шестерых моих людей. Эриш, Тиш, Грес и Орир — все, что осталось от моего десятка, что дежурил ночью на стене.

— И ведь главное непонятно, как в город пробрались? — буркнул до этого молчавший воин с луком в руках. — Ворота заложены, калитка под амулетами, даже лаз контрабандистов перекрыли, а этот все равно прошел, словно призрак.

— От притворы нет затвора, — вздохнул седой. — Они всегда знают все ходы и выходы, носом чуют, если есть хотя бы одна щель, через которую дует ветер... Всю ночь шли по его следам, хорошо он на другую самку отвлекся — притормозил, удалось врасплох застать, а иначе, он бы так просто не дался.

— Зато мы отомстили, — к вящему восторгу Кули, солдат тряхнул окровавленным мешком, Оле тихо забормотала слова молитвы.

— Это очень утешит родных, — прошептала я, но они не услышали.

Шедший первым Вит остановился и указал рукой куда-то в темную ночь. Десятник выдохнул и устало проговорил:

— Полесец. Почитай добрались.

Деревья расступились, и мы увидели далекие огни факелов на стенах

крепости.

Я поехала, в голове почему-то то и дело повторялась фраза чернокнижника: «Признаю ту, что зовется Айкой Озерной членом моей семьи... Признаю ту, что зовется Айкой Озерной членом моей семьи...». В лесах эти слова значили для меня жизнь. А что они будут означать там?

Михей спал в возке, не подозревая о переменах. Мира вертела головой. Кули подпрыгивал на месте от нетерпения, Оле все еще молилась. Риону было все равно.

Багряный лес кончился.

Глава 9. Полесец, его люди и нелюди

Как говорил забредший однажды в избушку бабки Симы старый солдат, если ты видел один пограничный городок, ты видел их все. Я не видала ни одного, оттого и вертела головой, словно вылетевшая на охоту сова. Оле от меня не отставала, а уж Кули, тот едва не пищал от восторга.

Первое, что бросилось в глаза — это черные и какие-то подкопченные стены, в некоторых местах испеченные бороздами, словно их царапала гигантская мышь. Или дракон.

— Это Тарийские недоумки то и дело пробуют нас на свой железный зуб, — пошутил лучник. — Но пока удастся их обламывать.

— Так скоро совсем без зубов останутся, — хохотнул другой.

— А ну, тихо, — скомандовал десятник и, повернувшись к Виту, добавил: — На зверушку свою поводок накиньте, а то неровен час, кто-то из осерчавших на ее породе удумает чего неправильное.

Чернокнижник вздохнул, словно его вынуждали делать что-то тяжелое и, не глядя ни на кого, попросил:

— Айка.

— Что? — я по примеру сонного Михея похлопала глазами: — Господин кудесник ко мне обращается?

— Айка, — на этот раз в голосе послышался укор.

— Нет, точно ко мне, — продолжала юродствовать я, послышался звук вынимаемого из ножен меча. Плохо, очень плохо. К чему выяснять, какая муха укусила Вита, но остановиться я уже не могла, даже если мне снова приставят железо к горлу и вспорют его. Буду вести себя, как бессловесная зверушка, зверушкой и останусь. Два дня он так старательно не смотрел в мою сторону, а теперь по просьбе какого-то вояки...

— Айка, пожалуйста, — устало добавил Вит.

Солдат выругался и пробормотал, что-то вроде того, как неумно обращаться к зверю с вежливыми словами там, где достаточно рогатины. Я фыркнула. Вит развернулся и впервые за несколько дней посмотрел мне в глаза. По-настоящему посмотрел, а не украдкой, не вынужденно, а совсем, как раньше, только... Только то, что было там, заставило меня торопливо достать камешек амулета. Злость, горечь, бесконечная усталость и обреченность смотрели на меня из его темных, как ночь, глаз. Словно он уже проиграл главный бой, и осталось только с достоинством сдаться. Или умереть.

Звякнула цепочка, капелька медальона заняла привычное место. Один из солдат охнул и стал торопливо молиться Рэгу.

— Вот, тварь, — крикнул десятник. — Все у вас у кудесников не как у людей.

С этим жизнерадостным напутствием мы въехали в город.

Что мне больше всего запомнилось в Полесце? Узкие бойницы и скрип отпираемых ворот, хриплые команды и настороженность, готовность в любой момент дать бой. Запомнилось неистовое желание развернуться, вскочить в седло и дать деру. Оно было похоже на то, что я испытывала, когда в наш мир прорывался дасу, и вместе с тем было абсолютно другим. Черные стены, танцующий свет факелов, ночь и с лязгом закрывшиеся за спиной ворота. Не оставляло ощущение, что я добровольно шагнула в каменную мышеловку.

— Целителя позовите, с ними раненый.

— Котелок ставьте, Рэйвен вернулся!

— И куда их девать-то? Мало нам своих баб в гарнизоне. Что? Так я и говорю, мало их...

— Господин кудесник, пожалуйста, вам комнаты «У пьяного корчмаря» готовят, вы уж не обессудьте обождать.

— Ну, куда ты, куда лошадей тащишь, а обтереть...

— Раненому помогите, а то еще угробится.

Раздавались голоса, мелькали тени. Кули заснул едва ли не на ходу, Вит подхватил его на руки и принес на постоянный двор. Кто-то бросил на пол несколько пахнущих мокрой соломой тюфяков. Оле уснула, так и не получив ужина, Мира прикорнула, хотя твердо намеревалась дожидаться отправленного к целителю Михея, Рион просто сел в угол и замер, глядя на пламя очага, а я, кажется, только на минутку прикрыла глаза...

А когда открыла, тусклое солнце уже пробивалось сквозь узкие мутные окна затянутые бычьим пузырем. Огонь в очаге все еще горел, по стенам танцевали серые тени, за столом сидели двое, переговариваясь

вполголоса, изредка двигались глиняные кружки, пахло копченым мясом и крепким элем.

— Благодарю Рэга, что тебя нашел. Вернись я с пустыми руками, твой отец, при всем моем уважении к высокому лорду, отрубил бы мне голову.

— Ну, прямо уж, — буркнул Вит.

Я приоткрыла глаза, стараясь дышать так же монотонно и спокойно.

— Осерчал бы, точно, — собеседник чернокнижника вздохнул и отбросил плащ на лавку. — А я не люблю, когда на меня серчают, нервным становлюсь.

Рион все еще спал в углу, но ни Оли, ни Кули, ни Миры в комнате уже не было, как и Михея, который, кажется, так и не вернулся от целителя. Хочется верить, что это хороший знак, и парня не залечили там до смерти.

— Все приграничные городки прочесал, каждый день лихих людей ждал, как прошел слух, что я везу в Велиж выкуп за наследника Ордианских. — собеседник Вита покачал головой. — А ты тут, да еще и с таким обозом. Всех сирых и убогих в Тарии собрал?

— Почти, — чернокнижник отодвинул тарелку. — Лучше скажи, чего тебе ответили в Велиже?

— Много всего. По большей части грубили, напирая на твои прегрешения, которым нет числа. Очень хотели оставить себе и выкуп, и пленника, которого у них уже нет. Так что, поздравляю, в Тарии за твою голову назначена награда, мизерная, но дураков много.

— Это их побег из-под стражи так расстроил?

— Если бы. Тебе приписывают убийство хранителя фонтана силы и похищение двоих неразумных отроков, учеников некоего Дамира. Это он, кстати, панику поднял из-за особо ценного ученичка, что сгинул в дебрях багряного леса...

Показалось или Рион чересчур глубоко вздохнул?

— И какой-то девки, то ли содержанки, то ли воспитанницы, я так и не понял, а они объяснить отказались. Темнят чаровники, как пить дать, темнят.

— Меня больше другое волнует, — Вит побарабанил пальцами по столу. — Откуда они узнали, что Хранитель фонтана мертв? Ты когда был в Велиже?

— Да, почитай, дней пять назад.

— Еще и трех не прошло, как он погиб, — задумчиво добавил Вит.

— Ну, может, им какое пророчество с пьяных глаз привиделось, — мужчина развел руками. — Или у них там не один хранитель, а с десяток, и ты еще кого зацепил ненароком. Но то, что хранитель мертв, они знали

совершенно точно. Будешь смеяться, но я к этому источнику силы больше ни ногой, гнильцой от него несет капитально, словно от болотного бочага.

— Надеюсь, и не придется.

— Вит, ты чего смурной такой? Что-то еще произошло?

— Да, — выдохнул чернокнижник, и в этом его «да» сквозило такое облегчение, словно до этого момента никто и никогда не спрашивал о подобном, а он не мог рассказать. Или не хотел. — Сейчас сам все увидишь. Айка, хватит притворяться. Вставай.

Не люблю, когда меня ловят на подслушивании. Не то, чтобы было стыдно, честно говоря, ни капельки, просто в следующий раз они точно поостерегутся говорить при мне, даже спящей.

— Айка, — снова позвал чернокнижник. — Хватит притворяться, я знал, что ты не спишь с того самого момента, как ты открыла глаза.

— Даже так? — в голосе его собеседника послышалось безмерное удивление.

— Айка, иди сюда, — повторил вириец и добавил: — Пожалуйста.

Ну, как тут устоять? Я вздохнула, поднялась, стараясь руками разгладить мятую и несвежую одежду, хотя... Какая разница, что подумает обо мне этот незнакомец? Мы — сырые и убогие из Тарии — манерам не обучены. Под пристальными взглядами мужчин, я подошла к столу. В тарелках еще оставалось мясо, а в кружках эль. Живот тут же заурчал от голода.

— Н-да, — констатировал незнакомец, я развела руками, что есть, то есть. — Отец тебя прибьет. И меня заодно. Так что, выкуп можно тратить спокойно.

На этот раз Вит не стал возражать, лишь отвернулся, делая вид, что разглядывает висящую на стене карту Княжества, части Тарии и Озерного края. И это, признаться, насторожило меня куда больше. Я кожей почувствовала его отчаяние. Как и он, мое пробуждение.

— Да, что происходит на самом деле? — спросила я. — Что, так трудно сказать?

— Ты даже не представляешь насколько, — хрипло ответил чернокнижник.

— Тогда, может быть, вы? — я повернулась к его собеседнику, высокому, очень массивному мужчине, про которого так и хотелось сказать «медведь». Такой же черноволосый, как и Вит, но сразу видно по лучикам морщинок вокруг глаз, более улыбчивый. — А то Витторн Ордианский в последние дни со мной в молчанку играет. — Я вздохнула. — И выигрывает.

— На это он мастер, — мужчина почесал в затылке. — Рассказать-то несложно, только не уверен, что это должен делать я.

— Расскажи ей, Киш, — разрешил Вит, чем, похоже, еще больше удивил собеседника. — Все равно узнает. Лучше уж от нас, чем от... — чернокнижник не договорил, хотя я бы не отказалась узнать, к кому еще можно обратиться за сведениями.

— Ага, — мужчина снова почесал затылок, на этот раз с куда меньшим энтузиазмом. — Вы у нас, Айка, да? — я утвердительно кивнула, и он счел нужным представиться: — А я Кишинт Мельский, преподаватель кафедры инакомыслия в Сем'э'Рьеле, мы с Витом вместе учились...

Кишинт? Где-то я уже слышала это имя. А не к нему ли посылал меня Вит, когда хотел, чтобы я сбежала из Велижа?

— Переходи к делу, — поторопил его чернокнижник.

— Ну, к делу, так к делу, — мужчина взял кружку с элем и отхлебнул, я снова принялась, желудок снова заурчал, на этот раз куда жалобнее. — Айка, вот вы девушка молодая, романтическая, поди, мечтаете о любви.

Честно говоря, я едва подавила желание почесаться. В данный момент я мечтала о теплой воде и куске вот того мяска, что сиротливо лежал на тарелке у Вита.

— И мне, наверное, стоит вас обрадовать...

Я с готовностью кивнула, уже примеряясь как бы половчее добраться до чужого ужина. Радость — это хорошо. Пусть радуется.

— Эта самая любовь вас уже настигла.

Я заморгала, честно говоря, в голосе Киша не хватало торжественности, самую капельку, ибо он больше походил на тот, которым моя бабка рассказала пастуху, что того ждет скорый и безвременный конец в ближайшую седмицу. На замогильный.

— Эээ... — просила пояснить витиеватую мысль я.

— Мы — носители темной крови, — припечатал Вит с таким видом, словно это все объясняло.

Воцарилось молчание, я переводила непонимающий взгляд с одного мужчины на другого, все чаще и чаще задерживаясь на тарелке с едой, за спиной безуспешно пытался изобразить глубокий сон Рион.

— Вы никогда не задумывались, почему носителей темной крови так мало? — спросил друг Вита.

— Потому, что им отрубают головы.

— Не только...

— Еще руки, ноги... Иногда топят, травят, режут, расчленяют, — принялась перечислять я.

— Да-да, — не оценил моих стараний мужчина. — Но есть еще одна причина, решающая.

— Знаю, их вечно тянет спасать мир, а это — дело гиблое.

— Отец тебя убьет, — мужчина беспомощно посмотрел на Вита.

Рион чересчур громко вздохнул, видимо сочувствуя, но теперь о том, что он не спит, знала не только я, но все остальные.

— Все гораздо проще, Айка, — пояснил чернокнижник. — Такие как мы, могут иметь детей только от истинной пары, то есть, от одного человека, будь то мужчина, женщина или зверушка. Иначе потомки дасу давно бы заполонили этот мир.

— То, что у вас в Княжестве людей не хватает, я уже поняла. Скажите, каким образом это касается меня?

— А такое, что у тебя уже есть истинная пара, которому ты можешь родить наследника, — смутился Киш.

А чего тут смущаться? Пусть о наследнике я пока не думала, но сама возможность дело неплохое. Так ведь? Я вспомнила, как говорил об истинных парах притвор тот десятник в лесу, по крайней мере, это верность. Тогда отчего же так неприятно засосало внутри? Отчего же стало так холодно?

— Я вижу вашу связь, как пучок невидимых нитей, что тянутся от... — словно извиняясь, торопливо добавил друг чернокнижника.

— Вот, тока этого научного бреда не надо, — скривился Вит. — Хватит юлить. Айка, я —твоя пара. А ты моя. Все. Точка.

Я даже не сразу поняла. Слишком много всего они наговорили.

— Поясни,— все еще надеясь, что ослышалась, попросила я.

— Истинную пару не выбирают сознательно, — Вит опустил голову. — Считается, что мир делает это за нас, в целях... в целях...

— Продолжения рода, — пришел ему на помощь, друг. — Не всякая сможет принести здоровое и сильное потомство чернокнижнику, оттого выбор происходит сам, без нашего участия, стоит только встретить пару и...

— И что? Эол бьет в колокол? Рэг дует в рог? Или тебе дасу письмо доставил, мол, поздравляю, и все такое? Как это происходит? Почему я не знала? Откуда... — с каждым выкрикнутым словом, я словно чувствовала, как поводок, о котором упоминал солдат, все туже и туже затягивается на шее. Даже Рион, престав притворяться спящим, сел на своем тюфяке.

— Тихо! — вскочил из-за стола Вит. — Айка, тихо! Клянусь Рэгом, я не хотел, но когда ты потянула из меня силу...

— Это равнозначно предложению разделить не только магию, но и все

остальное, — прокомментировал Киш. — Возможно только между истинными парами.

— Я был удивлен. Рэг не даст соврать, напуган, но решил не отвечать, просто проигнорировать, — чернокнижник закрыл лицо руками, а его друг покачал головой. — Но потом... когда дасу прорвался, когда я сам попросил у тебя магию и взял ее, выбора не осталось.

— То есть, ты хочешь сказать, что сперва я сделала тебе предложение руки и сердца, а потом ты его принял?

— Примерно.

Я хотела что-то сказать, но вместо этого закашлялась, замотала головой, отступая, чувствуя, как воздух, всегда такой легкий и почти не осязаемый, вдруг стал тяжелым и затхлым, он с трудом проходил в горло. Истинная пара — какое красивое слово. Об их любви поют в балладах менестрели и слагают стихи поэты, а если подумать? Ведь это лишение. Я вспомнила поцелуй Дамира, уже поблекший в памяти и далекий, как никогда. Но это был мой первый настоящий поцелуй. Меня лишили возможности выбирать! Это как... как увечье, если бы у тебя отрубили ногу, и ты больше не смог танцевать, не то, чтобы тебе этого сильно хотелось, но... Это то, что судьба отобрала у тебя. Это принуждение. Ничего не поделать, но горький осадок остается. И дело даже не в Вите. Дело в самой невозможности выбора.

— Не хочу!

— Айка! — чернокнижник вышел из-за стола, протягивая руку.

— Не трогай, — попросила я, продолжая отступать. — Не сейчас, пожалуйста.

Рион вскочил на ноги. Где-то вдали тревожно зазвонил колокол на часовне.

— Послушай, это же дар богов! Вряд ли ты в своей Тарии с вельможами зналась, и не тебе отвергать Витторна, я бы даже сказал, наоборот... — Киш нахмурился.

Все так. Не мне. Не безродной Айке Озерной. Тогда отчего же так плохо? Отчего нечем дышать? Отчего же так хочется убежать, куда глаза глядят? От чего или от кого?

За дверью раздались торопливые шаги, сиплое дыхание, беспорядочный стук сердца, что я слышала даже сквозь стену.

— Откройте, ради Рэга, — забарабанили в дверь.

Киш в два шага преодолел расстояние до выхода и распахнул створку. Судя по выражению его лица, это не сулило ничего хорошего визитеру.

— Чего надо? — рявкнул Кишинт.

Я не сводила глаз с Вита, а он не сводил с меня, словно восполняя то время, когда боялся даже повернуть голову. Хотел, но чувствовал себя не в праве.

— Прорыв дасу! Спаси нас боги! Прорыв дасу, бургомистр послал за вами, — затараторил испуганный паренек в криво сидящем шлеме и с мечом, который ощутимо перевешивал его вправо.

— Дасу? Здесь? — воскликнул Киш.

— Слава Рэгу, нет. Восточнее, но бургомистр...

— Я понял, — прервал его мужчина. — Вы ждите здесь, — сказал он нам, прежде чем выйти.

Напрасный труд, мы продолжали сверлить друг друга взглядами, невзирая на очередное пришествие демона.

— И что, с этим ничего нельзя поделаться? — спросила я. — Ну, там принести жертву богам и попросить забрать свой дар назад?

— Айка, — Вит устало потер глаза руками. — Клянусь Рэгом, тебя никто неволить не будет, ты в любой момент можешь уйти, забыть меня и все это, как страшный сон.

— А если я захочу выйти замуж? Не за тебя, а за кого-то другого?

— Во-первых, я тебе еще ничего не предлагал, — неожиданно зло сказал чернокнижник. — А во-вторых, ты не захочешь.

— С чего бы это? Все же хотят, и я должна, — я упрямо мотнула головой.

— Ээээ.. Айка... Вит, — позвал Рион, но мы не обратили на него ни малейшего внимания.

— Не захочешь, и я не захочу, — вириец вдруг одним скользящим движением оказался рядом. — Это самое поганое в нашем даре. Или проклятии. — Он схватил меня за руку, рывком притянул к себе и добавил: — А это на память.

Я поняла, что сейчас он меня поцелует. И растерялась. Раньше, это был наш выбор, или скорее порыв. А сейчас я буду гадать, прикасается он ко мне по собственной воле или наша «истинная любовь» принуждает его это делать. Его губы приблизились к моим, и я вся сжалась. Вит горько усмехнулся и вдруг вместо поцелуя, привлек меня к себе, заставляя уткнуться носом в пахнущую костром и элем форму.

— Никакого принуждения. Даю слово. Тебе и себе. Либо ты придешь ко мне сама, либо — нет. А боги пусть идут к дасу, — он все же коснулся губами моего лба, легонько, нежно, почти невесомо. Словно прощаясь. Кожу кольнуло теплом.

— Там Михея ведут, — сказал Рион, глядя в мутное окно.

Вит отстранился и, обхватив пальцами мой подбородок, заставил посмотреть ему в лицо. Усталое, словно припорошенное пылью, постаревшее, но знакомое до последней черточки. Мне нестерпимо захотелось дотронуться до небритой щеки.

— Я никогда не причиню тебе зла, помни об этом, что бы ни случилось.

Кивнув, я спрятала руки за спину, потому что коснуться усталого лица, захотелось еще больше, просто чтобы стереть эти глубокие морщины. Дверь распахнулась, в комнату буквально влетел Кули.

— Вы бы видели, там, у целителя настоящий волшебный... — закричал он и замолк, видать, от переизбытка эмоций.

Следом в комнату ввели Михея. Он почти шел сам, лишь незначительно опираясь на не слишком довольную этим Оли. Мира поставила на стол холщовую сумку. Белую сорочку и потрепанный плащ Вита, сменило крепкое, но местами потертое домотканое платье и косынка, ноги оставались босы.

— Я вам тут снеди принесла, — девушка стала раскладывать на столе печеную картошку, сыр, головку лука, крынку сметаны.

Но аппетит уже улетучился.

— Как ты? — спросил Вит покачивающегося стрелка.

Тот попытался изобразить бодрость, но не преуспел, и лишь устало мотнул головой.

— Главное, что стоишь на своих двоих, — сказал чернокнижник, отходя к столу.

Мне вдруг стало холодно и захотелось немедленно шагнуть следом.

«Это все магия! — мысленно проговорила я. — Магия, дар богов или еще какая потусторонняя чушь. Это не по-настоящему».

— Там у целителя дерево растет, прямо в доме, с зеленой корой и такими лифтьями... — паренек схватил со стола колбасу и откусил, не переставая говорить.

Оле тоже села за стол, Михей осторожно опустился на край лавки. Надо же, целитель и впрямь хорош. Рион остался стоять у окна.

— А ефе... ефе...

— Сперва прожуй, а потом говори, — сделала мальчишке замечание старшая сестра.

— А еще перед домом бургомистра клетка стоит, вот такенная! А в ней... кха... кха, — парень подавился, Оле постучала ему по спине, и даже это движение вышло укоризненным.

Мира стала рассказывать, что на кухне корчмы на вертеле запекался

целый кабан, а пьяный повар, оправдывая название постоянного двора, спал в углу и кухарка тыкала в него кочергой. Надеюсь, холодной.

Я перестала прислушиваться и опустила на тюфяк. Рион отрешенно смотрел на улицу. Михей молчал. Вит... Виту было плохо. Внутри него клубилось что-то едкое, колючее, оно пожирало его изнутри. Угрызения совести? Но для него этот дар богов такая же неожиданность, как и для меня. В молчанку он больше не играет... Так почему ему так плохо? Хуже чем мне...

Что с нами случилось? Помню, мы были таким же, как Оле и Мира, как Кули, что болтал без остановки. А теперь? Я вздохнула. То, что с нами случилось, называлось жизнь, а эти только несколько дней как из своего села выбрались.

Кишинт вернулся спустя половину часа, когда вся снедь была съедена, а разговоры выговорены. Зашел, хлопнул дверью, сел на лавку и мрачно уставился на Оле. Та, не ожидавшая такого повышенного внимания, что-то возмущено проговорила, что-то подозрительно похожее на «шляются тут всякие, приличной девушке и не присесть...»

— Дасу? — спросил Вит.

— Дасу, — подтвердил мужчина.

Оле стала торопливо сотворить знак Эола.

— Где?

— На две сотни совар восточнее. Малые Охапки, — он стукнул кулаком по столу. — К слову сказать, не такие уж и маленькие, более сотни душ отправились к дасу.

Вит задумчиво посмотрел на карту.

— Дасу? Опять? — спросил Михей.

— Что значит, опять? — спросил Киш.

Вит, не отвечая, провел пальцем по карте.

«Ма-лы-е О-хап-ки» — медленно прочитала я.

— Да. Еще один прорвался два дня назад в Волоках, что у Проклятого скита, — он поднял палец чуть выше. — Мы как раз оттуда. Это, — он, не глядя, указал на стол: — Все, кому удалось выжить.

— То есть, у нас два демона сейчас расхаживают по Твирийской равнине? — вскочил Киш, Мила почему-то вскочила вместе с ним, Кули перепрыгнул лавку и бросился к карте, смотреть, что там чернокнижник интересного показывает. Я тоже поднялась, но бросаться не стала, мне и отсюда все прекрасно видно.

— Три, — поправил его Вит и его палец опустился ниже в чашу Багряного леса, к его южной части. — Там погиб мой отряд. При выверте.

А я не смог их прикрыть. Никого. Не ожидал, да и силы не хватило.

— И ты не сказал? — наконец-то отмер Рион.

— Кому?

— Да, нам хотя бы.

— А вдруг это вы вызвали дасу? — покачал головой Вит.

— Это твое вжихнуло-бумкнуло? — уточнил Михей.

— Да. У Приорова хутора.

Так вот как он называется тот хутор, на который кто-то повесил стяг проказы, вспомнила я. Стяг, которым победно трясли Лиска и Неман.

— Ты нам льстишь, — скривился бывший чаровник. — Тот-то ты всю дорогу меня неучем называл.

Я подошла к очагу и подняла маленький уголек, что выскочил из очага, но немного не докатился до деревянных досок пола и остыл, оставив на каменном фартуке черный отпечаток.

— Иногда наше первое впечатление бывает ошибочным, — Вит посмотрел на Риона.

— То есть, у нас три демона на свободе? И один уже больше седмицы, но пока не устроил ни одной кровавой бойни? — уточнил Киш. — А вы ничего не путаете? Демоны — это не воспитанницы пансиона благородных девиц.

Я подошла к карте, и чернокнижник тут же отступил в сторону. Привстав на цыпочки, Кули глазел на кусок старой выделанной кожи, на которую кто-то нанес рисунок. Леса, поля, извилистые линии рек, одинокие домики, шпили часовен, пастбища и горы.

— Значит, у дасу есть более важные дела, чем принимать ванны из крови, — вздохнул Вит.

— Это, какие же?

— Не знаю.

— Я знаю, — произнесла я, поднимая руку, и коснулась угольком точки, что обозначали Малые Охапки. Провела линию от них к Волоткам. На пол посыпалась зола. Второй линией соединила Волотки с Приоровым хутором. И почувствовала, как Вит встал за моей спиной. — Один раз ты уже не смог смотреть, как я рисую этот знак, — третья линия соединила хутор с Малыми Охапками, замкнув фигуру. — Знак вызова, — рука дрогнула. — Чтобы вызвать в наш мир дасу, в жертву приносили людей, и выворачивали села наизнанку.

Мужчина положил поверх моей руки свою, такую теплую, сжал, и мы вместе нарисовали внутри угловатой фигуры круг.

— Теперь же, — хрипло сказал чернокнижник, глядя на тот самый

рисунок, что я когда-то рисовала палкой на земле, желая обозначить тела жертв. Только здесь вместо мертвецов были поселения, мертвые поселения. — Они принесли в жертву целые села, чтобы вызвать... Кого?

— Кого-то покрупнее дасу, — шепотом ответил отнюдь не Киш, а Рион. — Но вместе с этим они вывернут, — парень посмотрел на центр круга.

— Велиж, — ответила я. — Его фонтан силы.

— А заодно с ним и половину равнины. Зацепит Тарию, Вирит и даже Озерный край, — высказался Киш и устало скомандовал: — Все к бургомистру. Живо!

***

Кули не соврал, перед домом бургомистра действительно стояла куполообразная клетка. Толстые железные прутья, грязная солома, запах нечистот и пленница. В рваном тряпье, еще более драном, чем мое. Голые вымазанные землей ступни, бледная, почти белая кожа, тонкие пальцы с обломанными ногтями обхватывали согнутые колени, бесцветные волосы. Она сидела, опустив голову, не реагируя ни на что, даже на очередной шлепок грязи, что прилетел от пробежавшего мимо уличного мальчишки. Кули, пришел в полный восторг и, зачерпнув пригоршню, уже замахнулся... Оле поймала мой взгляд и испуганно схватила брата за руку, комок грязи упал под ноги, мальчишка, что-то возмущенно заговорил, но сестра потащила его дальше. Подальше от клетки и от меня.

Михей нахмурился и на несколько секунд замер, разглядывая не голые коленки пленницы, а массивный замок клетки, Рион остался равнодушен. Как и притвора.

— А что будет если один из пары умирает? — спросила я Киша, и увидела как напряглись плечи Вита. — Что станет с живым?

— А что с ним станет? — маг нахмурился. — Ничего.

— Но иногда вместо этого ничего, такие живые предпочитают смерть, — глухо добавил чернокнижник.

— И такое случается, — развел руками его друг. — Они теряют часть себя, и многие не видят смысла жить дальше.

— Почти, как наши маги без силы, — вздохнула я и, повинувшись порыву, обернулась.

Сидевшая в клетке девушка подняла голову. Она смотрела прямо на меня, в глубине ее глаз были гнев, ярость, боль и... равнодушие ко всему

остальному. Она знала, поняла я. Знала, что ее мужчина мертв, но пока еще не поняла, что делать с этим знанием.

«Не хочу быть на ее месте», — внезапно подумала я. И дело даже не в клетке, просто не хочу, и все.

— Почему она не бежит? — я поежилась. — Сами же говорили, что от притворы нет затвора.

— Обычного затвора нет, а этот искусники делали, еще в незапамятные времена, — пояснил Киш. — Неужели не видишь?

Я не ответила, потому что не видела. Железо и железо, такое на каждой ярмарке увидеть можно, то волков продают на бои, тот убивца на потеху толпе выставляют.

***

Бургомистру, мы не понравились. А то, что рассказал Кишинт, не понравилось еще больше.

— Хватит, — остановил он мага и поочередно посмотрел на каждого из нас. На меня, на жмущихся к дверям кабинета Оле и Кули, на Миру, что-то сосредоточенно ищущую в сумке, на покачивающегося Михея, на Вита, на равнодушного Риона и даже на охранника, что имел неосторожность пустить нас в покои управителя крепости. Надо сказать, у последнего хватило совести смешаться.

— Вы уверены? — спросил он Киша.

— Да, — вместо него ответил чернокнижник.

— Значит, — бургомистр повернулся к своей карте, большой и подробной, не чета той, что висела на постоялом дворе и скорее защищала от сквозняков. Невысокий лысый человечек с кустистыми черными бровями, громким голосом и в темном кителе из-под которого виднелись светлые пижамные штаны в полоску. — Если они вывернут тарийский Велиж, шансов не будет ни у кого?

— Ну... — задумался Кишит, — Вирит, я думаю, устоит, не зря же искусники камни для городских стен заговаривали, но все, что севернее этой линии, — маг подошел к карте и стал показывать, где пройдет выверт.

— Почему, он думает, что Вирит устоит? — спросила я шепотом у Вита.

— Искусники, — повторил тот слова друга. — Они участвовали в строительстве столицы, после того, как княжество разделилось... — он посмотрел на меня и констатировал: — Ты не знаешь.

Я сморщила нос.

— Раньше, в очень далекие времена, наши государства были единым, Виритарийским княжеством, а потом, когда демоны стали прорываться все чаще и чаще, особо недовольные этим фактом ушли на запад, в поисках спокойной жизни. Они окопались возле магических источников и вырастили новое поколение магов, называющих себя тарийцами. У них не был выбит резерв, как у наших магов после столкновения с дасу, он оставался целым, словно в момент рождения, чем они невероятно гордились. Именно поэтому мы до сих пор земли поделить не можем и режем друг друга, почему зря, ваши считают наши земли своими, а наши — наоборот, ваши земли считают своими, вот и воюют.

— А при чем здесь искусники?

— Искусники, — вздохнул Вит. — Искусники были единственными, помимо зеркальных, кто не боялся демонов и не зависел от магического резерва. Проще говоря, плевать они на всех хотели. Большинство осталось в Вирите и участвовало в строительстве столицы, такой, чтобы ни одному демону не по зубам была, но кое-кто ушел на восток к тарийцам. И сгинул.

— Почему? — удивился внимательно подслушивающий нас Михей.

— Да потому что, не любят ваши земляки тех, кого не могут контролировать, — неожиданно громко ответил за чернокнижника Киш. — А маг, что не зависит от источника или благоволения сильных мира сего, всегда вызывает опасения. Так искусники в Тарии и перевелись, вымерли, как одноухие зайцы.

— Вы же не хотите сказать... — начал до этого молчавший Рион.

— Хочу, — перебил его Кишинт. — Их перебили. Последние сгинули лет пятьдесят назад. Тихие монахи-отшельники, занимались своими манускриптами и свитками. Старики, что еще не прибрал Рэг. Что уж там, в старом ските случилось, не ведомо, но говорят, их как-то нашли мертвыми, всех десятерых разом.

— Ммм... — я в замешательстве посмотрела на Вита, конечно, у нас в Тарии старых развалившихся скитов тьма тьмущая, а никому ненужных стариков в них еще больше. Но что-то подсказывало мне, звериное чутье или врожденное недоверие, что таких совпадений не бывает. — Это не те ли, которых сперва самих вывернули наизнанку, а потом и следом за ними источник силы? — я вспомнила, что рассказывал Казум о заброшенном ските, там тоже было десять служителей. Вит утвердительно закрыл глаза.

— Все это занимательно, но давайте, вы неучей в Сем'э'Рьеле просвещать будете. Уважаемый, скажите мне, что мы можем сделать? — перебил мага бургомистр, выделив голосом слово «мы».

— Не дать им вывернуть Велиж, не дать призвать того... кого бы-то ни было, — ответил Вит.

— Штурм Велижа? Владыка меня на завтрак съест и правильно сделает. Да, и гарнизон у меня невелик, не с такими силами вести войну, — бургомистр снова повернулся к карте.

— Мы и не просим вас воевать, — чернокнижник посмотрел на Киша, тот кивнул. — Мы пойдем в Велиж и, если успеем, то остановим выверт. Во всяком случае, попробуем.

— Уверены? — нахмурился бургомистр. — Уж очень все звучит неправдоподобно. Маги, которые хотят лишиться источника... Демоны, которые не убивают...

— Готов поспорить, они вселились в людей, — вставил Киш. — А таких не обнаружишь, пока они сами этого не захотят.

— Мы уверены, — ответит Вит.

— Хорошо, главное потом перед владыкой не растеряйте эту уверенность. Повторяю вопрос, что могу сделать я?

— Хотя бы пяток сопровождающих, под мою ответственность, — сказал Вит.

— Хорошо. Что-то еще?

— И вашу пленницу.

— Не понял.

— Господин Илионский, у вас перед домом стоит клетка, в клетке сидит пленница. Она мне нужна.

— Нет, — бургомистр, как-то неестественно дернул шеей. — Она опасна. Это — дикий зверь, а не постельная игрушка.

— Я знаю, — Вит поднял руку, останавливая дальнейшие возражения. — Вы сами сказали, что сил штурмовать Велиж, у нас нет. А еще у нас нет времени, выверт может начаться в любую минуту. Надо попасть в город магов как можно быстрее. Притвора минует любые замки и затворы, пройдет самой короткой дорогой и проведет с собой нас.

— Если захочет, — нахмурился бургомистр.

— Захочет, — твердо сказал чернокнижник.

— Пффф, — издал странный звук мужчина и пояснил: — Знаете, послать с вами пол гарнизона было бы проще. И дешевле. Я уже продал эту тварь в восточную провинцию, завтра за ней прибудет обоз.

— Киш, — позвал Вит, протягивая руку.

— Рэг, — выругался тот. — Высокий лорд точно мне голову снимет.

— Не снимет, — на руку чернокнижника упал небольшой сафьяновый мешочек, я однажды такой на ярмарке видала. Меняла в него жемчужины

складывал, а взамен выдавал новенькие блестящие монетки. — Этого хватит, чтобы покрыть ваши издержки. — Вит подал кошель мужчине.

Выкуп, вспомнила разговор магов я. Выкуп, который Кишинт должен был заплатить тарийцам за Виторна.

Бургомистр взвесил мешочек, не стал изображать из себя приспешника Эола и быстро убрал в ящик.

— Забирайте, — мужчина выложил на стол массивный железный ключ. — Но если она отгрызет вам носы, не вздумайте жаловаться на меня Рэгу. — Бургомистр устало опустился на стул и взялся за перо. — Отправлю весточку в Вирит, надеюсь, голубь быстрее дасу или кого вы там с минуты на минуту ожидаете.

— Нет, не быстрее, — ответил чернокнижник. — Но вряд ли ему будет дело до птицы.

— Ой, а можно и мне, — подняла голову Мира. — Весточку дядьке в Козлинки отправить? Батюшкин брат за себя тамошнюю вдовицу взял и хозяйство немалое, так там и остался, мне ведь теперь к нему надо... — пояснила она, покраснела и с отчаянием добавила: — Я заплачу, у меня и деньги есть. — Она снова нырнула в сумку и, вытащив серебряный дин, с гордостью показала всем присутствующим. Ну вдруг, они такой красоты раньше не видали.

Бургомистр поднял кустистые брови.

— Думаешь, можно с голубем договориться, чтобы он перед Виритом в твои Козлинки залетел? — не удержалась от вопроса я, а Вит нахмурился.

— Ой, — девушка опустила руку. — Нет, я это... это...

— И откуда у некоторых тока такие деньжищи берутся, — тихо, но вполне отчетливо произнесла Оле. — В одном исподнем из Волотков вытащили.

— Так это, — девушка обернулась на Оле, потом на Риона, Михея и покраснела еще больше, — меня мать всегда учила, что деньги надо держать при себе, а то случись пожар, как у кузнеца нашего, так без ничего и останешься. К рубахам, — девушка стала малиновой, — кармашки подшила, да по монетке выдала, как знала, что беда в дверь постучится.

— Проводи, — устало махнул рукой бургомистр солдату.

— Спасибо, господин, — затараторила Мира. — Не забуду я вашей доброты, и в часовне Эола, каждый день поминать буду и молиться во здравие. — Она выскочила из комнаты вслед за солдатом.

— Ну, раз мы все решили, — резюмировал бургомистр.

— Да, — пожал ему руку Кишинт, — мы с Виторном идем собираться, а остальные пусть пока в постоялом дворе поживут.

— Я им рекомендательные письма оставлю, а вы засвидетельствуете, — добавил Вит. — Чтобы могли, если что, к моему отцу обратиться.

Странно, но в том, что сказал чернокнижник, меня больше всего заинтересовали слова «если что». Что значит «если что»? Если Вит не сможет обратиться к нему сам? А почему? Потому что мертвые редко к кому-либо обращаются?

— Нет, — неожиданно отрезал бургомистр.

— Вы не хотите засвидетельствовать подлинность писем? — растерялся Киш.

— Я не хочу, чтобы кто-нибудь из них оставался в моем городе, — мужчина встал. — Вы сами сказали, есть вероятность, что дасу вселился в человека. Можете сказать в какого именно человека?

— Нет.

— Тогда мне здесь чужаки не нужны. Если уходите вы, то забирайте девок своих, да и всех остальных тоже. Это не обсуждается.

— Неужели вы думаете, что дасу вселяется в человека в зависимости от того, знаете вы его или нет? Да это может быть любой, ваша жена, ваша кухарка, ее восьмилетний сын...

— Или, что более вероятно, этот пацан из мертвой деревни, где уже прорвался дасу, — указал на Кули бургомистр. Оли ойкнула, а парнишка стал с восторгом ощупывать себя на предмет вселения демона. — Просьба в обмен на просьбу. Я выполняю вашу, а вы выполняете мою. Так мы договорились или нет?

— Договорились. Мы уйдем к вечеру, — глухо сказал Вит и первым покинул кабинет.

***

Клетка стояла на прежнем месте. Стоило выйти из двойных резных дверей дома бургомистра, как я снова встретилась взглядом с прозрачными глазами притворы. Она сидела в той же позе и все так же смотрела. Молча, но от этого молчания, хотелось зарычать.

— Может быть, и хорошо, что господин так сказал, — заговорил Михей, останавливаясь.

— Ага, — ответил Киш, — и чего же в этом хорошего? Знаешь, сколько до ближайшего города?

— Нет, господин маг, не знаю. Да и незачем мне, я с вами пойду, — стрелок привычным движением потянулся за спину, где всегда висело

оружие, но пальцы сомкнулись на пустом месте, арбалет остался на постоялом дворе.

— И я, — тихо сказал Рион.

— Зачем? — не понял маг. — Так бы сидели в тепле и уюте, а теперь придется снова по лесам шастать.

— А вам-то что до нашего тепла и уюта, уважаемый? — Рион скрестил руки на груди и прислонился к стене дома. — Вы кто? Кудесник? Вот, и чаруйте себе потихоньку, а мы как-нибудь сами.

— Витторн, ты кого мне притащил? Я думал, они учиться приехали, искусник и...

— Я бы на твоём месте не грубил будущему преподавателю, — Вит сделал первый шаг к клетке, пленница медленно повернула голову к чернокнижнику.

— Ты не забыл, — горько спросил Рион, — что меня вывертом приложило? Нет у меня больше резерва. Треснул, сила в нем не держится, утекает, как вода из дырявого кувшина.

— Мальчишка. Самоуверенный, злой. Мне нравится. На кафедру чернокнижников определю.

— Рад за вас, — еще злее сказал бывший чаровник.

— А меня? — влез Кули. — Тоже в чернокнижники хочу.

Оли, охнув, зажала парню рот рукой.

— Ты на нас-то посмотри? — ласково, даже чересчур ласково, попросил Киш, не обращая внимания на вырывающегося из объятий сестры парня, ни на девушку, шепотом его увещевавшую. — У кого здесь он целый-то? Или забыл, чем наша магия отличается от вашей? Да, если бы мы отбрасывали каждого мага, что попал под выверт, искусники давно бы перевелись. Это вы, тарийцы, с жиру беситесь, а мы здесь испокон веков с дасу сталкиваемся, не осталось у нас чистых магов, — мужчина развел громадными ручищами.

Я смотрела на притвору. Она не сводила взгляда с Вита, ни пока он шел, ни пока медленно доставал ключ. Рион молчал, пытаюсь осознать то, что было известно с самого начала. У вирийца, что прошел с нами почти половину Тарии, не было такого резерва, как у чаровника. Его магия не в том, чтобы накопить силу, а чтобы пропустить сквозь себя, как сквозь дырявый сосуд.

— Вот те, на, — крикнул Михей, и совершенно искренне воскликнул: — Здорово! Рион, ты слышал? Ты сможешь снова стать магом!

Рион слышал. И молчал, но это молчание отличалось от молчания притворы, как небо и земля. Парень качнулся, отходя от стены, и

неуверенно оглянулся, захлопав глазами, словно просыпаясь от долгого сна. От плохого сна, все еще не веря, что кошмар закончился. Рион хотел поверить. Рион очень боялся поверить.

— Станет, станет, если не будет грубить старшим. И лезь во всякие гиблые места, вроде Велижа.

— Я... — голос бывшего чаровника сорвался, он прокашлялся и повторил: — Я...

На этом красноречие оставило парня.

— Ага, — неизвестно с чем согласился стрелок и упрямо добавил: — Тока, я все равно пойду, господин преподаватель, хот тресни, а пойду.

Вит несколько секунд постоял вплотную к клетке, а потом обхватил руками толстые грязные прутья, придвигая лицо к клетке. Притвора не пошевелилась. Я прижала уши к голове, нужно немедленно оттащить его оттуда.

— Почему? — с интересом переспросил Киш, его, кажется, совсем не волновало, куда сунул башку Вит. Это никого не волновало, кроме меня. Я вдохнула и выдохнула. А с какой это стати это беспокоит меня? Уж кто-кто, а чернокнижник может за себя постоять. Что со мной? Наша связь так действует? Или я просто поесть забыла перед выходом?

— Потому что, господин преподаватель, эти злыдни хотели мои Хотьки вывернуть, прям со всем честным людом. Не по-человечески это. Неправильно. Я иду, — сказал Михей тем самым тоном, что когда-то разговаривал с Рионом и отказывался возвращаться домой.

— Да будет ли от тебя толк? Нам обуза не нужна. Ты — необученный искусник, что ты умеешь?

— Я, — задумался стрелок и поскреб макушку, видимо, чтобы думалось легче и, просветлев, ответил: — Создавать накопители. Вон, господин кудесник, подтвердит.

Господин кудесник неопределенно дернул головой и показал притворе ключ от клетки. Я все-таки сделала шаг вперед, не смогла оставаться на месте.

— И потом, — Михей снова схватил пустоту за плечами. — У меня есть волшебный арбалет.

— Не тратьте слова. Он все равно пойдет, — вдруг «отмер» Рион. — Как и я.

— А ты зачем? — казалось, Кишу, и в самом деле, интересно. — Умереть можно проще, быстрее и безболезненней. Учитель убьет тебя, как только узнает, что ты намылился в чернокнижники.

— Нет. Дамир не такой. Но даже если... — будущий чернокнижник

смешался.— Даже если так, я не могу просто взять и исчезнуть. Учитель меня из Белой Подгорицы вытащил, кормил, поил, учил, а теперь, когда возможно ему и другим магам Велижа нужна помощь, мы спрячемся и переждем бурю на постоялом дворе? Михей верно заметил, не по-человечески это. Мы идем. Я не могу колдовать, но...

— А я могу. Усыпить вас, что ли, до нового учебного года? — Киш повернулся к клетке. — Повторяю свой вопрос, ты кого мне притащил?

— Оставь их, — ответил Вит и заговорил уже с притворой: — Хочешь выйти? — он качнул ключом, Кули вырвался из рук сестры и тоже подошел к клетке. — Да или нет?

Пленница продолжала, не моргая, смотреть на чернокнижника.

— Я открою клетку, — тот вставил ключ в замок. — И ты уйдешь.

— Что? — не понял Кишинт. — Как это, уйдет?

— Ножками, — огрызнулся Вит и повернул ключ, замок натужно заскрипел. — У меня нет ни малейшего желания водить ее на поводке и надевать на ночь намордник. Либо она поможет нам по собственной воле, либо пусть уходит.

— И вот за это мы отдали треть выкупа в драгоценных камнях? Я начинаю подозревать, что, прогулявшись по Тарии, ты повредился умом, друг мой.

— Но если она поможет, — не слушая, чернокнижник распахнул дверь клетки. — Нам нужно в Велиж. Уверен, ты знаешь, что это и где. Притворы вовсе не звери. Если проведешь нас за городские стены кратчайшим путем, проси все, что хочешь. Нужны деньги — получишь. Нужна жизнь — пожалуйста, в моих землях, ты будешь приравнена к людям и сможешь жить в свое удовольствие и по закону. А хочешь служить, могу определить тебя на должно...

Притвора оказалась быстра. Я зашипела за миг до того, как она прыгнула. За миг до того, как сама оказалась у клетки, скаля клыки.

Но если бы она хотела ободрать Виту лицо, уже бы ободрала.

— Говоришь, все, чего захочу, человек? — голос пленницы оказался глухим и шипящим. Я вцепилась Виту в плечо, но он даже не шелохнулся. — Я проведу вас в город силы, тебя и тех, кто с тобой, а взамен, ты отдашь мне тех, кто убил идущего-рядом-со-мною. Отдашь, и не будешь мешать, когда я вспорю им животы и заставлю сожрать собственные кишки. Клянись! Клянись своей тьмой!

— Нет! — сказали я и Киш одновременно.

Не знаю, о чем думал маг, а у меня перед глазами, пронеслась картинка, как после удара Вита у мужчины краснеет и расползается кожа.

Один из убийц стоял сейчас перед клеткой и заключал сделку, продавая собственную жизнь.

— Клянусь тьмой, — сказал черно книжник, поднимая руку, и на ладони тут же вспыхнул язычок черного пламени.

Клятва принята! Эол, помоги всем нам. Притвора наклонила голову, внимательно наблюдая, как магия в руке Вита гаснет, а потом вышла из клетки.

— Монне нужно что-то еще? — издевательски спросил Киш. — Золотое ожерелье? Парчовый наряд? Парадный выезд?

— А это зависит от того, замуж вы меня берете или в проводники — глухо ответила бывшая пленница. — Если в проводники, обойдемся без парчи, устроит любая чистая одежда, горячая вода и еда тоже не помешала бы.

Мой живот согласно заурчал. Видимо, я все-таки не человек, потому что, несмотря ни на что, есть вдруг захотелось зверски.

***

Уходили во время вечерней службы, под перезвон колокольчиков и тихий шепот молитв Рэгу. Я бы посмеялась, но зарядил мелкий колючий дождь, и настроение почему-то испортилось окончательно. Все молчали, словно собрались ехать на погребение, и никто не решается первым нарушить скорбную тишину.

Оседланные лошади ждали у южных ворот, у тех, через которые мы въехали. Мила проверяла собранные сумки, Михей раз в десятый заряжал и разряжал арбалет и как будто боялся выпустить оружие из рук. Рион сосредоточенно что-то шептал, а потом щелкал пальцами. Это упражнение показал ему Киш. По мне, так все, что можно наупражнять таким образом, это руку, чтобы разносчицу в кабаке подзывать, но черно книжникам, конечно, виднее.

— Кули, не вертись, — немного нервозно сказала Оле и, поймав мой вопросительный взгляд, пояснила: — Мы с вами до Рузовок дойдем, пусть рыбацкая деревушка, а все же своя Тарийская, не то, что этот Эолу противный Полесец, — она сотворила отвращающий знак.

— Ой, а я с вами почти до Велижу дойду, можно? — Мира посмотрела на Михея. — А уж там и до Козлинок рукой подать, авось дядька и жинка его не откажут от дому.

Как захрустел под ногами гравий, я услышала на добрую минуту

раньше остальных, разве, что Кули в предвкушении повернулся к высокой арке, стараясь не обращать внимания на увещевания сестры.

Первым, кого я увидела, оказался седовласый Рэйвен в полном боевом облачении и черном плаще. Обычном черном плаще, без характерного для этих ребят креста Вирита на спине. Стало быть, едем, как зеваки и просто любопытствующие, а княжество тут и вовсе ни при чем. Ну, мало ли, ярмарка какая в Велиже или торжественный вызов демона, куда приглашаются все желающие. Торговцы будут предлагать всем пирожки с летучими мышами и свежесрубленные кроличьи лапки на удачу, а могильщики разыгрывать места на местном погосте. Торговки шептать на ухо, что у них имеется самый, что ни на есть, действенный способ приворота дасу, а маги предлагать всем дарственную на чужие грехи, ибо без весомых грехов к демону не пускают...

Я была первой, кого увидел капрал. Мы оба не пришли в восторг от встречи. Следом шел солдат с фингалом под глазом. Тиш, кажется. Именно его меч, я успела рассмотреть во всех подробностях. За ним молчаливый лучник с полным колчаном стрел, и еще два воина весело перебрасывались словами, в основном о пиве, бабах и жене того, что повыше. Все, что осталось от некогда полного десятка. Пятерка, что убила идущего-рядом. Замыкали отряд Киш с хмурым Витом.

«Все правильно, чернокнижник, — мысленно сказала я, — расплачиваться своей жизнью это хреново, а чужой в три раза хреннее. Хотя, кому как, Лиска вон живет и здравствует».

— Давайте, господа кудесники, поторопимся, — громко сказал Рейвен, хватая за повод серого в яблоках коня. — До Велижа путь неблизок, проедем до темноты, сколько успеем, хотя видит Рэг, я был против ночного выезда, но раз уж...

— Мы будем в городе силы к утру, — прервал его глухой голос.

Вздروгнули все, даже я. Притворе удалось застать врасплох и солдат, и чернокнижника, и даже остроухого Кули. Отмытая, в чистой одежде, с забранными бесцветными волосами женщина вполне могла сойти со спины за подростка. Впрочем, как и я.

— Брешет, тварь, — сплюнул высокий солдат, вынимая меч, тот самый, что отрубил голову мужчине пленницы. — Рэгом клянусь, брешет.

— Уймись, Грэс, — спокойно скомандовал капрал и выжидающе посмотрел на Вита.

Все ясно без слов, пусть Рэйвен и командует солдатами, но отряд возглавляет чернокнижник.

— К утру, значит, к утру, — ответил Вит. — Веди, но помни, все

должны дойти до города живыми и невредимыми.

— Дойдут, — притвора отошла от стены, посмотрела на Михея с арбалетом, на миг ее глаза сузились, потом провела рукой по боку Облачка и легкой походкой направилась к городским воротам. — Все, кроме лошадей.

— Что? — на этот раз возмутился Кишинт, привязывая к седлу сумку, в которой что-то звякало. — Она издевается?

— Нет, кудесник, не издеваюсь, — пленница обернулась, простая девушка в домотканой одежде, у которой нет лишнего медяка на косынку. — Тропы, которыми мы пойдём, не для живых. Они и не для людей, но вы сможете по ним пройти, если будете меня слушать, а лошади — нет. Выбирайте.

— Эх... — к моему удивлению Рэйвен спешил первым, снял седельную сумку и, свистнув мальчишке-конюху, распорядился: — Чтоб, как следует, смотрел. Приеду, проверю.

— Ну, что вы дядька Рей, — пробормотал тот, уводя гнедого.

Солдаты нехотя последовали его примеру, что-то прошептал мерину на ухо Михей, Рион потрепал свою кобылу по шее, я погладила доверчиво льнущую к ладони губами Облачко, перед тем, как передать повод пацану из конюшни. Что ж, во всяком случае, хоть они останутся в тепле и уюте, вряд ли бургомистр будет думать, что в них может вселиться дасу.

— Рей, — тихо позвал капрала Тиш. — Может, ну его? Зачем нам все это? Я по буеракам за тварью таскаться не нанимался, еще заведет в трясину.

— Отставить, солдат. У меня приказ бургомистра. Хочешь оспорить, иди к нему, и сразу облатки на стол, ибо у нас в княжестве приказы не обсуждают. Прикажут, ты не только по буеракам, ты еще и по отхожим ямам лазать будешь. Ясно?

— Ясно, — хмуро, сказал воин и зло сплюнул.

— А как же Рузовки? — растерянно спросила Оли. — Мне что же, одной идти? Или с вами до Велижу? Как же так? — она переводила растерянный взгляд с одного лица на другое, но, увы, никто не торопился спасти попавшую в беду девушку. К вящей радости Кули, который уже дергал сестру следом за солдатами.

— Как тебя звать? — догадался спросить у притворы Кишинт, выходя за ворота и таща на плече позвякивающую сумку.

— Называй тварью, — не оборачиваясь, ответила притвора.

Молчаливый лучник крикнул, но ничего не сказал.

Я шла последней, и вдруг задумалась, а почему ни один из них не

предложил остаться мне? У Оле, Кули, Миры, и даже Риона с Михеем был выбор, и они его сделали. А я? Почему, мое участие даже не обсуждалось?

Глава 10. По следам нечисти

Лес был... обычным. Мы шли уже третий час, а отличий от того, в котором мы плутали две последние недели, я не нашла.

— Айка, не отставай, хватит головой вертеть, — оглянулся Вит, его голос прозвучал будто издалека.

Я в очередной раз покрепче перехватила наплечную сумку и бросилась по тропе вперед. И в самом деле, умудрилась отстать, всего лишь замедлив шаг.

— Оставь ее, если она и сменит путь, то выживет. В отличие от тебя, — хрипло проговорила притвора.

— Сказала тварь твари, — прошептал Тиш.

— Не отставать, — скомандовал Рэйвен, положив конец разговорам.

Вит пропустил меня вперед, и чувство отдаленности тут же исчезло. Шли друг за другом, след в след. Солнце давно село, ночной сумрак подкрадывался из-за каждого куста, легонько трогал за ноги и заглядывал в лицо, от клубящейся в нем темноты все торопливо отводили глаза, словно дети, старающиеся не заглядывать под кровать, где может спрятаться базыга.

Тот лес, да не совсем тот.

Вот стал смотреть себе под ноги Рион, тихо зашептал слова детской песенки Михей, Вит почти наступал на пятки, молчаливо поторапливая, кто-то из идущих впереди солдат тихо вскрикнул, Кули указывал пальцем куда-то во тьму, но Оле потащила его дальше, торопливо шепча молитву Эолу, что странным образом казалось созвучным песенке Михея.

Я наткнулась на шедшую впереди Миру. Девушка остановилась, пытаясь разглядеть что-то впереди, там, где как раз матерился один из солдат. Там, где замерла на тропе притвора с поднятой рукой, призывая к тишине.

— Дай ты ей по башке, — предложил шедшему следом за проводницей лучнику Грес, зашелестело вынимаемое оружие.

— Да, дай, — не стала протестовать притвора. — И останешься без своей. Впереди перекрестье.

Стоящий рядом с Рэйвеном Киш присвистнул.

— Рановато, но... — не договорив, женщина указала рукой в сторону,

— придется переждать, — и первая сошла с тропы в заросли желтоватого кустарника, так похожего на волчью ягоду, что росла вокруг Солодков.

— А если мы не хотим? — спросил один из воинов, кажется — Орир, тот, что нес в Полесец отрубленную голову.

— Неволить не стану, вступайте на перекресток, и пусть каждый идет своей дорогой, — пожала плечами притвора.

— Шагом марш за твар... проводницей, солдат, — скомандовал Рэйвен и пробормотал: — Словно дети малые, ей-богу.

Притвора молча опустила на ковер из еловых иголок и мха. Она не смотрела ни на кого, только прямо перед собой.

— И что теперь? — спросил Рион.

— Ждем, — ответила женщина.

— Чего? Пока нас съедят? — Оле нервно оглядывалась, тогда, как я не ощущала никакой опасности.

Ночной лес был наполнен звуками, влажными шорохами, глухими скрипами. Живой лес, не мертвый. Почему все так дергаются?

— Наш путь пересекается с другим, — как само собой разумеющееся проговорила притвора. — Теперь надо ждать, когда они пройдут мимо, и перекресток исчезнет.

— Они? — спросила Мира.

— Перекресток? — одновременно с девушкой удивился вслух Михей.

— Привал, — скомандовал капрал, и солдаты опустили сумки на землю, Киш тяжело дышал.

Женщина закрыла глаза и больше ничего не сказала. Ей не было никакого дела до чужого невежества или переживаний. Мне, по большому счету, тоже.

Воцарилась тишина, немного настороженная, немного неловкая. Вот лучник отвел взгляд от притворы, Рэйвен крякнул и бросил сумку на землю. Михей потоптался на месте, словно не зная, что ему делать, и сел рядом с кустом. Рион поднял руку, чтобы повторить упражнение и тут же опустил.

— А вы знаете, у моего дядьки в Козлинках корова каждую осень телится и таких замечательных телят приносит, — нарушила затянувшуюся тишину Мира.

— Да, давайте о корове ее дядьки поговорим, — неожиданно зло ответила Оле. — Давайте об урожае тыквы или...

— А я хочу узнать про перекрестье, — неожиданно сказал Рион и посмотрел на проводницу, та все так же неподвижно сидела на мхе, ничем не показывая, что слышала парня.

— Да, вот только разговоров о всяких там... всяких там... — Оле никак не могла найти правильного слова: — Всяких там ужастей нам и не хватает, — чуть не плача закончила она. — И зачем я только с вами пошла? Надо было на тракт, пусть далече, но не страшнее чем здесь.

— Да, давайте поговорим, почему ты с нами пошла, — согласился Вит, пристально глядя на молодую женщину.

Один из солдат крякнул и что-то зашептал на ухо другому, остальные молчали. Помню, у нас в Солодках мешок с мукой пропал, в аккурат тот, что для сборщика податей приготовили. И по всему выходило, что вор кто-то из своих, потому что чужому невдомек, где этот мешок хранится. Да и не успел бы пришлый уйти, только перепрятать. Вот тогда селяне, те, что вместе посвящали Эолу детей, пели песни на свадьбах и плакали на похоронах, так же смотрели друг на друга. С недоверием и подозрением, словно абсолютно друг дружке чужие.

А мешок потом на мельнице нашелся, его Ланька с Гунькой просто на телегу погрузить забыли. Ох и огребли они от старосты.

Оле закрыла лицо руками и расплакалась. Кули, обычно старающийся убежать подальше от сестры, стал ее утешать, волком поглядывая на Вита. Полагаю, чернокнижника уже разжаловали из героев.

— Впереди перекресток, — неожиданно заговорил Киш, взламывая настороженную тишину, как взламывает по весне суковатой палкой лодочник подтаявший лед на реке. — Да не простой...

— Мы уж поняли, господин маг, чай не дурнее остальных, — Орир толкнул локтем лучника, но тот молча смотрел на мага. — Костер хоть развести можно?

Кишинт, посмотрел на притвору. Та едва заметно кивнула. Солдат скривился, но все же полез в сумку за огнивом.

— Дороги разные бывают. Мы ходим по каменным мостовым или земляным просеками, мертвые находят свой путь к Эолу или Рэгу, а дасу... Дасу идут своими тропами, и вряд ли кто из ныне живущих способен рассказать — какими. Но иногда эти пути пересекаются. Иногда их пересекают специально.

— Это когда вызывают демона? — спросил Рион.

— Да, — заговорил Вит, тоже опускаясь на сухую землю и прислоняясь спиной к шершавому еловому стволу. — Его приводят в этот мир за ручку. Сперва вылезает та тварь, что вы видели в Волотках. Проводник. Он что-то вроде тарана, пробивающего ворота крепости, а потом уже и демон заглядывает, раз уж крепость открыта.

Солдаты стали тихо переговариваться, почти не слушая Вита, Киш

вытянулся на мхе и закрыл глаза, Кули сел рядом со всхлипывающей сестрой, Оле комкала в руках платок, Мира протянула Михею кусок вяленого мяса. В животе снова заурчало, и хотя ели совсем недавно, я бы тоже не отказалась от кусочка.

— На самом деле тропы живых и мертвых пересекаются постоянно, просто мы не можем ступить на них. Лишь иногда та или иная крестьянка или благородная леди завизжит или упадет в обморок. А потом голосом умирающей поведает всем, что видела давно почившую прабабку, та смотрела с печалью и грозила пальцем, не веля продавать фамильное кольцо, ну или старую корову, — пробормотал Кишинт, натягивая на глаза капюшон, словно собираясь вздремнуть. — Это часть нашей жизни. Человек не может ступить с живого пути на мертвый, пока не умрет, поэтому эти перекрестки безвредны. Можешь не читать молитвы, девочка, — он взмахнул рукой, указывая на Оле. — В этой темноте, много всего, но пока там нет ничего смертельного.

— Так почему же мы сидим здесь, а не идем вперед? — поднял голову вроде бы не прислушивающийся к беседе капрал. — Вы сказали, что торопитесь, или я не прав?

— Правы, — ответили Вит и посмотрел на молчаливую притвору.

— Это все из-за нее, да? — правильно истолковал его взгляд Рэйвен: — Мы не можем ступить, но она может? Так?

— Так, — ответил Вит.

— Вы знаете, отчего притвор прозвали притворами? — перебил его Кишинт, продолжая лежать на мхе.

— Потому что, они только притворяются людьми. Звери, вставшие на задние лапы и спрятавшие клыки, — ответил солдат с фингалом, который уже успел пожелтеть. Сидевший рядом с ним Михей невозмутимо провел рукой по арбалету.

— Спрошу по-другому, — не стал спорить маг. — Вы знаете, как и когда их так прозвали?

Ответом ему было молчание, даже Рион замер в ожидании продолжения, так и не взяв у Миры кусок мяса.

— Притворами прозвали людей, которые помогали демонам.

— Не было такого никогда! — вскочил высокий Грес, а я вдруг поняла, что он будет первой жертвой притворы, что вела нас в Велиж. Ведь смертельный удар ее мужчине нанес именно он.

— Было, — добродушно ответил Киш, и хоть его лица не было видно, я готова была поспорить, что мужчина улыбается. — Всегда найдутся те, кто недоволен своей жизнью. Те, кому всегда мало: денег, женщин, власти,

силы, коров, лыка для лаптей или самогона, в конце концов. Их алчность для демона, что свет огня для мотылька. Дасу ведь может многое дать и многое взять взамен. Таких людей, что предавали своих во имя жадности и прозвали притворами. Это,— он не глядя указал на сидящую в стороне притвору, — их потомки.

— Легенды гласят, что, помогая демону, люди менялись, — добавил Вит. — Становились немного иными, они получали желаемое, деньги, власть или лыко для лаптей, проводили ритуалы вызова дасу и приносили жертвы. Внешне они оставались людьми, а внутренне становились кем-то вроде того проводника демона. Они служили дасу и становились нечистыми. Нечистью.

— Не ты ли говорил, что в тебе, во мне, да и во всех магах есть темная кровь, — спросил Рион.

— Есть,— не стал отнекиваться чернокнижник. — Во мне, в тебе и в Кише, течет кровь демона, донельзя разбавленная, но все же.

— Так в чем разница между ней и тобой? — снова спросил бывший чаровник.

— Разница в том, что мои предки не служили дасу.

— Они с ним спаривались, — ответила вдруг притвора и вскочила на ноги.

— Да, если демон вселится в человека, он вполне может...

— Я думаю, они поняли, — прервала Вита проводница и скомандовала: — Тушите костер, пути разъединились, мы можем идти дальше.

Я торопливо встала, с сожалением провожая взглядом кусок мяса, который Мира убрала в сумку. Орир громко ругался, опрокидывая так и не закипевшую воду из котелка в только что разведенный костер. Но на этот раз обошлось без одергиваний капрала.

Загадочного перекрестья я так и не увидела, и не почувствовала, хотя Тиш пару раз предложил пустить вперед не одну, а сразу двух притвор, но отклика у моих спутников не нашел и заткнулся. Странно, но никто из них: ни Вит, ни Киш, ни даже наша нечаянная проводница не требовали от меня сделать что-то эдакое, отчего, например, у того же Кули глаза бы на лоб полезли. Они не требовали от меня быть притворой.

Тропинка петляла, уводя дальше в лес, тьма сгущалась, пока стала совсем непроницаемой, и Рэйвен долго ругался, налетев на пень, который проводница обошла. Чиркнули кресала, высокий Грес и молчаливый Эриш подняли над головой факелы. Огонь больше привлекал к нам внимание, чем разгонял тьму, но, судя по тому, как Оле старалась держаться поближе

к солдатам, кого-то он успокаивал.

Киш и Вит что-то вполголоса обсуждали, Мира молчала, Оле продолжала изредка всхлипывать так, что пробрало даже молчаливого лучника, который отстав от своих, протянул девушке серый платок и попытался улыбнуться щербатым ртом. Если поначалу солдаты болтали — в основном отпуская плоские и сальные шуточки по поводу задницы притворы, то через пару часов замолчали и они. След в след, затылок к затылку, наверное, если бы мы не болтались последние две недели по Тарии, то этот переход показался бы мне удручающе монотонным, а так, всего лишь одна ночь. Не самая темная. Не самая страшная. Непонятно, с чего хмурится Рион, едва не наступая на пятки Михею.

— Тссс... — зашипела проводница, останавливаясь, и ее шипящий голос вспорол ночную тишину, спугнув с куста мохнокрылого мотылька. — Впереди перекрестье, — объявила притвора.

— Опять? — спросил Грес. — Снова привал? На этот раз хоть чай успеем заварить?

— Нет.

— Что «нет»? — зло спросил Тиш. — Не успеем?

— Привала не будет. Мы вступим на перекрестье.

— Простите, уважаемая, — слово «уважаемая» капрал произнес с небывалым презрением. — Не вы ли давеча, говорили, что это пути... — он замялся, — мягко говоря, не для живых?

— Прощаю. Говорила не я, — ответила проводница чистую правду.

И ведь на самом деле не она. Солдаты и проводница повернулись к Виту. Киш кашлянул.

— Вам нужно в Велиж до рассвета или нет? — спросила чернокнижника притвора.

— Да.

— Если идти путями этого мира, то мы попадем туда в аккурат к исходу луны, — она указала на едва начавший стареть кругляш, так похожий на подвешенную на небосклоне монетку. — Но совершить этот подвиг вы можете сами. Ты нанял меня, чтобы я провела вас коротким путем. Не через лес, а сквозь него. Провела путем нечисти. Вот он. Если твои люди не хотят идти... — женщина развела руками.

— Что!?! — воскликнули разом Оле и Рэйвен.

— Мы пойдем миром мертвых? — спросил капрал, а девушка снова стала красноречиво всхлипывать.

— Интересно, а вы что подумали? Что я королевский скороход, раз обещала пройти в Велиж до рассвета? — притвора презрительно

улыбнулась. — Да, даже если и так, как быстрота моих ног повлияет на вашу?

Мгновение все просто молчали, переглядываясь, и тут же опускали глаза, боясь увидеть в других отражение своего страха. Или, наоборот, его отсутствие. Михай первым проверил — крепко ли привязана к поясу котомка и стал заряжать арбалет. Рион лишь мотнул головой. Киш вздохнул.

— Как вы уже слышали, капрал, — ответил солдату Вит: — Наши дороги слишком длинные. Я нанял проводницу, чтобы сократить путь. Ее предки служили дасу, она чувствует иные тропы и может провести по ним.

— Как я и говорил, заведет в болото, и поминай, как звали, — высказался один из солдат.

— У вас приказ сопроводить нас до Велижа, солдат? — чернокнижник выпрямился. — Выполняйте.

— Господин кудесник... — возмущенно начал Рэйвен.

— Насколько я помню, сделка заключалась на то, чтобы проводить нас до Велижа целыми и невредимыми, так? — перебил его Кишинт.

— Так, — ответила притвора и улыбнулась. Жуткая вышла у нее эта улыбка, зубы белые-белые, чуть острее чем у людей, чуть выпирают клыки... Совсем как у меня. Кошка внутри рыкнула. Люди, у которых не было зубов, вызывали у нее... у меня... лишь чувство жалости и пренебрежения. Добыча. Не более.

— Иначе сделка теряет силу, — добавил чернокнижник и пообещал солдатам: — Вы дойдете до Велижа живыми, — благоразумно промолчав о том, что будет с ними после.

— Что мы должны знать о предстоящем переходе? — спросил Киш, и по примеру Михея покрепче перехватил звякнувшую сумку.

— Не отставать. Не болтать. Не колдовать. Не...

Я открыла котомку, достала кусок сыра и, выслушивая очередное «не», откусила.

— Не слушать, не смотреть по сторонам. Но вы ведь все равно посмотрите. Что бы вы там ни увидели, что бы вам ни показали, не сходить с тропы. Думать только о дороге. Это понятно? Или повторить? — притвора посмотрела на солдат и предложила: — Или записать? На лбу? Когтями?

— Можно подумать, ты умеешь писать? — фыркнул Тиш.

— А ты проверь!

— Это все указания? — перебил их Рэйвен. — Или будут еще? Оружие?

— Оружие не поможет. Там все уже умерли. Думайте только о земле у вас под ногами, как если бы возвращались пьяными за полночь от кабацкой девки и боялись не рассчитать шаг и свалиться в канаву.

— Рев, я... — начал Орир.

— Можешь быть свободен, солдат,— отчеканил Рэйвен. — Хватит с меня вашего нытья. Девки идут, а ты хнычешь.

В этом месте одна из девок трагически всхлипнула. Солдат в замешательстве отвернулся.

— Правду в Полесце говорят, разбаловал я вас, открываете рот не по делу. С этой минуты, те, кто идет со мной, больше не возражают и не ропщут на судьбу. Несогласные остаются. Я все сказал. — И повернувшись к проводнице, спросил: — Факелы тушить?

— Они потухнут сами, как войдете. В том мире нет огня.

— Айка, готова? — спросил Вит.

Я торопливо дожевала сыр, который, только раздражил аппетит, и кивнула.

— Михей, Рион? — повернулся чернокнижник к парням.

— Готовы, — ответил Рион, а стрелок поднял заряженный арбалет.

Киш что-то бормотал себе поднос. Мира подошла к Виту и голосом испуганной маленькой девочки попросила:

— Господин кудесник, можно я вас за руку подержу, а то боязно, аж жуть?

Ах, тыж падаль! Я едва слышно зарычала... Стоп, Айка, что с тобой? Что это за обжигающее чувство, разливается внутри, словно закипевшая вода из котелка? Та самая пресловутая ревность, о которой слагают баллады? Та самая, от которой люди сходят с ума и начинают топить, резать и травить друг друга или себя? Бррр... Или это просто с голодухи кажется, что от чернокнижника вкусно пахнет?

Почему мне до ужаса хочется быть на месте Миры и держать его за руку? Если бы только быть уверенной, что этого хочу я, а не боги с их дарами.

«Ага, — ответила я сама себе. — Если бы не боги, чихать бы он хотел на помойную кошку, вроде меня. А так вириец даже обещание дал, никакого насилия, только ласка».

Но это же глупо! Ведь если задуматься, обещание вирийского чернокнижника означает конец его роду. Я вспомнила того баронета, что лечила бабушка, которому до зарезу нужен был наследник, причем буквально, если жена не родит, он был готов зарезать ее лично.

А чернокнижник бросается такими словами? Это благородно. И очень

глупо. По-хорошему, строптивую девку надо за косы оттащить в фамильный замок и запереть в уютненьком подвальчике, пока дура-строптивница не образумится, а к тому времени, глядишь, и наследники пойдут.

Вириец — кто угодно, только не глупец. Но он дал неправильное обещание. И мне. И притворе. Почему?

— Держись за плащ, — разрешил Вит, едва взглянув на девушку.

— По моим следам, — проговорила притвора, развернулась, сделала три шага по тропе и... исчезла. Растворилась в воздухе, словно ночной туман, напуганный первыми утренними лучами солнца.

Кто-то из солдат выругался. Киш выдохнул и шагнул следом. И так же следом исчез.

— Куда только меня не заносило. Эх, знать бы раньше во что ввязываюсь, — крикнул капрал и пропал с тропы, скрывшись в мире мертвых.

Я была с ним полностью согласна. Знала бы раньше, прикопала бы Риона на заднем дворе вместе с его камнем силы.

Следом прошли двое мечников, упрямый Грес так и не погасил факела. Исчез Михей, за ним молчаливый лучник.

— Сохрани нас Рэг, — Тиш на миг заколебался, но все же последовал за остальными.

— Не пойду! — взвизгнула вдруг Оле и попятилась. — Не пойду в мир мертвяков! Вы здесь все умалишенные!

Если все, что случилось до этого, она могла худо-бедно, если не принять, то хотя бы понять, то исчезающие люди — это уже чересчур.

— Хорошо, — совершенно спокойно сказал Вит и шагнул на тропу. — Не ходи.

Прежде чем исчезнуть вместе с ним, Мира обернулась. Еще и улыбнулась, падаль!

— Не пойду! Уж лучше в лесу с волками... Кули! — взвизгнула девушка.

Может, Оле идти в гости к мертвякам и не собиралась, но у любопытного ее младшего брата было свое мнение. Как водится, в этом возрасте мальчишки сперва делают, а потом думают.

Парень сделал несколько шагов, наверняка намереваясь всего лишь сунуть нос в мир мертвых и потом рассказывать таким же олухам страшную историю о собственной храбрости. Но мертвяки, оказались гостеприимными хозяевами, и парнишка исчез так же, как и все остальные, оставив позади горестный вопль сестры.

— Кули, нет! Кули...

Она больше не думала. Страх ослепляет, особенно страх не за себя, а за того, кто дорог. Вряд ли Оле соображала, что делала, она просто бросилась следом, чтобы так же растаять в туманной дымке, как и ее брат, мгновением ранее.

— Айка, постой, — Рион положил мне руку на плечо, останавливая.

— Что?

— Я не знаю, как сказать... — он замялся.

— Тогда не говори, — я снова повернулась к тропе.

— Айка, что-то тут неправильно.

— Что?

— Да, не знаю я, — Рион запустил пятерню в волосы. — В том-то и дело, иначе уже давно бы сказал.

— С кем неправильно? Со мной и Витом? Михеем? Кишинтом? Этими приبلудными девками?

— С тобой и солдатами, — выдал он и криво улыбнулся.

— Правда, что ли? И что там с солдатами?

— Айка, когда мы их встретили, кажется, я видел что-то или слышал...

Что-то неправильное, но тогда, — Рион махнул рукой.

— Тогда ты был не в себе.

— Точно. И теперь это воспоминание вертится, как забытое слово на языке, но ухватить его я не могу, только чувствую неправильность. Вот, — он растерянно развел руками.

— Ага, — не зная, что еще сказать, согласилась я.

Ничего путного, что можно было сказать одновременно про меня и солдат, которых я видела второй раз в жизни, на ум не приходило.

— Будь осторожна, — напутствовал меня Рион.

— Как все... — я пошла по тропе, начала говорить в привычном мире, а закончила в другом: — ... гда.

Черная ночь сменилась белым днем настолько резко, что в первый миг показалось, что я ослепла. Зажмурилась, взмахнула хвостом, об кого-то споткнулась, потеряла глаза...

Сквозь яркий белый свет стали проступать очертания, немного нечеткие, словно размытые. Так бывает, когда долго смотришь на солнце, весь мир растворяется в его свете, а ты трешь и трешь глаза, хотя знаешь, что будет только хуже, и надо просто остановиться.

Сидя на земле, тихо причитала Оле, любопытный Кули на этот раз крепко держался за ее подол и, громко икая, оглядывался. Я тоже едва не заикала, да что там, едва не заорала в голос.

Этот другой мир был другим. И мы в нем другие. Оле больше всего походила на... на выцветший гобелен.

Каштановые волосы девушки стали белесыми, кожа полупрозрачной, одежда словно подернулась пылью, что лежала у нас под ногами. Много-много пыли...

— Хоть и не по своей воле, но прошли мы путем нечисти. Рэг нам этого не простит, — похоронным голосом проговорил Орир, разглядывая бледные руки так, словно не понимал, откуда они у него взялись.

Я подняла голову, готовая увидеть в мире мертвых все, что угодно — от армии мертвецов, до дасу, жующего листья толокнянки. Мир не был белым, он был серым. Пепельным. Прямая, как стрела, дорога уходила за горизонт, а вдоль нее клубился, перекачивался бурунами туман, словно черемуховый кисель в кастрюле. Так легко представить, как этот туман течет по ночным улицам Хотьков, поглощая живую землю шаг за шагом.

— Теперь мы прокляты, — высказался Тиш.

Солдаты ходили на призраков воинов, павших в бою за своего короля. Даже их плащи казались выбеленными на солнце костями.

— Хватить нести ересь! — рявкнул белолицый Киш. — Рэг вам не милосердная дева, чтобы всех прощать. Он воин, как и вы. И сам ходил этими дорогами.

— Чтобы уничтожить нечисть! — вскрикнул Тиш, выхватывая меч и разворачиваясь к притворе...

К русоволосой девушке, что стояла чуть в стороне и мягко улыбалась. Ее кожа казалась теплой и живой, глаза приобрели медовый оттенок, пропали клыки, губы сровнялись по цвету с цветами яблони, что распускаются каждую весну.

Мечник замер. За спиной тихо охнул Рион.

— Этот мир мертв? — спросил у проводницы Вит, тени на его лице залегли так глубоко, что казалось, с ней разговаривает череп, Мира все еще цеплялась за его одежду.

Руки ей, что ли, отрубить? Я снова почувствовала голод. Или сумку с провизией отобрать?

— Да,— ответила притвора, — и давно. Если не хотим стать его частью, стоит поторопиться.

Даже голос ее стал больше походить на девичий, словно в нашем мире она была наброском, наскоро нарисованным мелом, здесь же стала сама собой. Молодой женщиной чуть постарше Миры.

С тихим щелчком Михей разрядил арбалет и откинул его за спину, Грес с сожалением отбросил потухший факел. Тот упал, подняв в воздух

серую невесомую пыль, которая, словно снег, укрывала дорогу и наши ноги по щиколотки.

Я принялась.

— Это прах, — пояснила проводница. — В этом мире любая плоть превращается в прах.

— Кроме твоей? — поинтересовался Рэйвен, который выглядел лучше всех, возможно, дело в седине, или в чем еще, но он казался всего лишь немного нездоровым.

— Кроме моей, — не стала отпираться притвора и спросила: — Очухались? Тогда поднимите эту плаксу, если она, конечно, не решила враспи в дорогу.

Оле вскочила, как ужаленная. Зато разревелся Кули, совсем, как обычный ребенок.

— За мной, след в след. Для людей здесь времени или слишком мало или слишком много. Если кто-то отстанет, возвращаться не будем.

— Говори за себя, тварь, — выругался похожий на несвежий труп Тиш.

— Хорошо. Я возвращаться не буду, — согласилась она уже на ходу, бросая взгляды из стороны в сторону, на туман, на проступающие сквозь него силуэты деревьев, белесые, словно высушенные на солнце коряги. Изломанные и мертвые. — И те, кто хочет жить, тоже. Смертники могут идти лесом, — она указала вбок. — По своему разумению. Остальные — бегом марш.

И мы побежали. Сперва нестройно, кто-то пытался что-то сказать, кто-то ругался, Мира пару раз ойкнула, Кишинт пыхтел позади меня. Этаким отряд неловких мертвецов или белесых призраков или...

Ну, давай, скажи же это, хотя бы мысленно. Кого они все тебе напоминают?

Или притвор. Здесь потусторонними тварями смотрелись мы, а не наша проводница. Мы? А «мы» ли?

Я нащупала камешек артефакта на груди и, стараясь не сбить дыхания, скинула цепочку амулета. Нет, не «мы». Они. Я смотрела на руки, которые без всякого колдовства оставались живыми и теплыми в этом мире праха.

— Значит, я все-таки притвора, — проговорила я, пока еще не понимая, радует меня это или огорчает.

— А вы, монна, полны сюрпризов, — пропыхтел Киш, и его голос превратился в едва слышный шепот. — Чистых притвор почти не осталось. Что вам сказали родители?

— Много чего. Только я по малолетству не запомнила, — я

обернулась, следом за магом шел Рион, последним Михай. — Затем они уложили меня в кузовок и вышвырнули в реку.

— Н-да, — высказался маг, приглядываясь, ко мне с интересом.— Тогда, боюсь, мы вряд ли узнаем, какой крови в вас намешано. Нечисть — точно, возможно, капля от дасу, народ ворд, правда, у тех перепонки между пальцами, — я с облегчением вздохнула, только перепонки мне для полного счастья не хватает. — И внутренний зверь, с которым они срastaются сущностью...

Кошка пошевелила ушами.

— Повезло Витторну. Ему всегда везет.

— Не отставать, — рявкнул Вит, и Кишинт развел руками.

Мы снова сосредоточились на дороге. Я старалась смотреть только под ноги, на взлетающий и опадающий от каждого шага прах, слушать шумное дыхание мага за спиной, видеть перед собой Миру и чернокнижника. Идти. Не поворачивать голову и не смотреть по сторонам. Даже если очень хочется, даже если в светлом мареве что-то мелькнуло, и очень хочется потерять глаза, чтобы унять резь от разливающейся вокруг белизны.

— Мы у исхода пути, — обнадежила нас притвора.

И тут же впереди закричала Оле. Горько, протяжно, с надрывом. От испуга кричат совсем не так, скорее это походило на...

— Отец! — запричитала она.

На стенание. На плач по давно умершим.

— Стой! — кто-то из солдат, я не видела, кто именно, попытался преградить ей дорогу.

— Не дайте ей сойти с тропы, — голос притворы был подобен льду, что намерзает на крышах домов каждую зиму. Острый, скользкий, твердый.

Но Оле его уже не слышала, она поднырнула под руку воина.

— Оле?! — крикнул Кули, вовремя перехваченный молчаливым лучником.

Молодая женщина согнулась, словно собиралась прыгать с высокого берега в прозрачную ледяную воду.

Никто бы не успел ей помешать, никто, кроме мага. Струя чего-то прозрачного, похожего на кипяток из котелка, сорвалась с руки Кишинта и хлестнула девушку наотмашь. Причитания оборвались, сменившись тихими всхлипами. Оле кулем свалилась обратно на дорогу, зажимая лицо руками.

— Дураки, — высказалась притвора.

Я насторожила уши, в одном из них что-то премерзко зажуужало.

— Она же говорила, что ее отец умер? — прошелестел Рион.

— Да. Именно поэтому он и здесь, в мире мертвых, вернее не совсем он, — Вит отцепил от себя Миру и скомандовал: — Выводи нас отсюда, быстро.

— Поздно, кудесник, они уже учуяли вас, как свора голодных псов всегда чует кровь раненой добычи. Скажи спасибо своему другу.

— Я что, должен был позволить ей прыгнуть? — растерялся Кишинт.

— Да, — кратко ответила притвора, не трогаясь с места, остальные благоразумно промолчали. Оле плакала, закрыв лицо руками и только глухо повторяла: «Отец, отец!»

Жужжание в ухе приблизилось, казалось, где-то неподалеку пчелиный рой.

— Да что это такое? — выругался Тиш, как и я, разворачиваясь к источнику звука.

Безмолвно обнажились мечи, старые и тусклые, и какие-то потрескавшиеся в этом мире. Кули тонким голосом уговаривал сестру встать, дергая за безвольную руку. Мира спряталась за Вита, Рион переводил взгляд с одной стороны дороги на другую, а вот Михей удивил, не сделав ни одной попытки коснуться арбалета, лишь смотрел в туман своими голубыми глазами...

— Выводи, — процедил чернокнижник, поднимая руку.— Или я вбухаю сюда столько магии, сколько не снилось и магистрам в Велиже. И тогда сожрут не только нас, но и тебя, просто не смогут остановиться.

— Сожрут? — истерично переспросила Оле, поднимая голову.

Лучше бы она этого не делала. Кули с криком отшатнулся. Я не знаю, чем ее приложил Киш, но правая сторона лица девушки теперь выглядела, как кусок сырого мяса. Волдыри, съездившаяся кожа, будто ее и в самом деле ошпарили кипятком. Я бы орала так, что услышали бы и в Солодках. Она же лишь закусывала губу и трясла головой.

Жужжащий звук раздавался со всех сторон.

— Выводи или... — чернокнижник не закончил, они вместе с притворой посмотрели на меня.

Украдкой, вскользь, но посмотрели. Остальные, увлеченные разглядыванием мира мертвых, этого не заметили. Кто вообще замечает такие мелочи в ожидании жужжащей смерти? Я заметила только потому, что всю жизнь от всех ждала чего-то такого... чего-то неправильного, как сказал Рион.

Притвора зарычала, и ее рык совершенно не понравился моей кошке. Мне. Губа задралась, и я зарычала в ответ.

— Там... там... там... — Грес указал в туман, меч в его руках ходил

ходуном. — там Зуб и... Хош и Осук... Рэйвен, они же умерли! Та тварь их убила!

Оле, покачиваясь, встала на ноги.

— Чего застыли? — закричала притвора. — Мертвецов, что ли, не видали? А ну, быстро за мной. Они не сразу сунутся на тропу. Бежим. Так быстро, как только можете! — договаривала она почти на бегу.

Я повернулась к туману и встретила взглядом с девочкой в рваном сарафане. Девочкой с черной косой через плечо и ярко-синими глазами.

— Майка, — позвала я давно мертвую подругу, и в тот же миг на меня налетел Вит.

— Бегом, Айка, бегом — он схватил меня за руку и потащил дальше по тропе.

Нас нагонял Рион, впереди топали солдаты, что-то кричал Рэйвен, плакала Оле, где-то рядом маячила Мира, и только стрелок продолжал стоять на месте. Он все вертел и вертел головой. Арбалет все еще висел за его спиной. За спиной парня, который хватался за него при каждом удобном и неудобном случае.

— Михей! — заорал Рион и, словно сам у себя, спросил: — Почему он не бежит?

Деревенский парень, наконец, отвел взгляд от белого марева тумана, оглянулся и недоуменно спросил:

— А чего вы там видите? — и быстро пошел вперед, догоняя Риона.

Отвечать ему никто не собирался. Мы просто видели. Мы бежали. Дыхание сбилось, спина чернокнижника маячила впереди, кажется, кто-то упал. Кули. Оле запричитала, вирийский лучник одним движением вздернул парня кверху, ставя на ноги. Мы бежали, стараясь смотреть только перед собой. И не могли не смотреть по сторонам. То и дело кто-то оглядывался, сжимал зубы, и... Мы бежали.

Слава Эолу, недалеко. Притвора чуть сбавила темп, а потом резко, словно убегающий от охотника заяц, свернула с прямой, как стрела, дороги, нырнув в туман. Рэйвен с разбега сделал шаг следом, по колено погружаясь в дымку, как в реку и... С ругательствами выскочил обратно, на этот раз его лицо не просто побелело, оно сделалось похожим на речную соль, что добывают в Олафе.

В капрала едва не врезался Тиш, и лучник, все еще державший Кули за руку, Оле, мечники, Киш. Мы остановились, застряли, словно огурцы в банке, не пролезающие в узкое горлышко.

— Чего стоим? — рявкнул Киш, дико оглядываясь назад, его шумное дыхание напоминало звук раздувающих угли кузнечных мехов.

Рэйвен издал неопределенный звук, словно кто-то сдавил ему горло.

— Так сгинула ваша тварь. Как есть, сгинула,— ответил за него Грес. — Кинула нас здесь на съедение, а сама... — пояснил солдат, оглядываясь на нас, сгрудившихся у края дороги, словно компания слепых нищих, что шли в город за подаванием, да заплутали.

В этот момент Рион вздрогнул, как вздрогнул бы всякий, если его коснуться исподволь.

— Нет, — прошептал бывший чаровник: — Нет, пожалуйста...

Лицо парня скривилось, словно он собирался заплакать. Или закричать.

Мне показалось, что я разглядела появившуюся из тумана тонкую кисть, что вполне могла принадлежать девушке. Или ребенку. Она мягко обхватила запястье Риона и потянула на себя. Я моргнула, и наваждение исчезло.

— Нет, — всхлипнул бывший чаровник.

Но не это было самым страшным. Самым страшным было то, что он пошел, словно телок на привязи. Пошел в туман, притягиваемый этой невидимой рукой.

Ему нужно было сделать всего два маленьких шага, с третьим он бы скрылся в тумане по макушку. Бывшего чаровника остановил Михей, схватил за плечо, не давая сойти с дороги.

— Пусти, — непонятно кого, попросил Рион. — Там Онир! Пусти, кому сказал, а не то...

С другой стороны к парню подскочил Вит, точно так же, как и Михей, подхватывая его под руку.

— А не то, что? — поинтересовался он.

— Не ходите туда, господин чаров... — стрелок споткнулся и вдруг добавил: — Не ходи туда, Рион. Плохое там место, животом чую. Гиблое.

— Кого бы ты там ни увидел, он мертв, — прогудел Киш.

— Знаю! — закричал Рион и уже тише повторил: — Знаю, пустите, — рывком освободился, устало потер лицо руками и глухо проговорил: — Онир — мой брат. Он умер вместе с родителями.

— К оружию! — отдал приказ Рэйвен. — Грес справа, Тиш слева, Орир с тыла, Эриш, стреляй по готовности. Господари кудесники, подмогайте, а то здесь все вместе и поляжем!

Мы стали медленно отступать от края дороги, где скрылась притвора. Туман всколыхнулся, подняв с земли пепельную пыль. Мира вдруг показала обочине кукиш. Оле снова вспомнила отца, крепко прижимая к себе Кули, да и парень в первый раз в жизни, кажется, не собирался убежать

от сестры. Кишинт потряс головой, Вит демонстративно никуда не смотрел, а я... Я не смогла не смотреть, но на этот раз ко мне явилась не Майка. На этот раз в тумане проступила высокая долговзая фигура Залома.

По белому мареву прошла рябь, такая бывает, если бросить камешек в воду.

— Не смотри, — прошептал Вит. — Просто не смотри.

Молчаливый лучник вдруг опустился на колени и запустил руку в прах, рассматривая там что-то одному ему видимое.

— Эол, спаси и сохрани, — Грес взмахнул мечом. — Это же Гуш и Ширик! Рэйвен, это же наши парни, те, кого тварь погрызла.

Меч в руке воина дрогнул, капралу вдруг стал очень тесным ворот плаща, он то и дело дергал за ткань, силясь ослабить узел. Закричал, взмахивая клинком, Тиш. Железо в его руках взлетело и замерло, столкнувшись с чем-то невидимым. Еще взмах и еще. Я видела, как дрожат от напряжения руки воина. Но не видела его противника

— Гуш, я ничего не мог поделать, — торопливо говорил солдат. — Не мог, не успел, та тварь оказалась быстрее, — оправдывался он, продолжая свой бой с невидимкой.

По туману снова прошла рябь на этот раз сильнее.

— Надо уходить, — дико вращая глазами, сказал Киш. — Бой против собственных мертвецов нам не выиграть.

— Собственных? — переспросила я, и поняла, что отступаю от тумана, от смотрящего на меня оттуда Залома, и едва слышно рычу.

— Да, — Вит торопливо бросил сумку под ноги и закатал рукава. — В мире мертвых, каждый видит лишь своих мертвецов. Тех, кому он помог стать таковыми.

— Я ему даже завидую, — Кишинт кивнул на Михея и достал из сумки стеклянную бутылку с мутной жидкостью, очень похожей на самогон, видимо, это она звякала всю дорогу. — Где ж ты его откопал-то?

— В лесу, — не стал вдаваться в подробности чернокнижник. — Чистый душой искусник. Он чист настолько, что не видит ничего и никого вокруг, только туман.

— Я не убивал брата, — выкрикнул Рион.

— А я — отца, хотите, Эолом поклянусь? — лицо Оле кривилось, из-за сморщенной кожи казалось, что она сейчас рассмеется.

— Здесь не княжеский суд, и никто не выносит приговор, кроме тебя самого. Твой брат пришел к тебе только потому, что ты сам, считаешь себя виновным. Твой отец тоже. Вина, убивает в этом мире вернее, чем удар

кинжалом.

Бой с невидимкой продолжался, только теперь в него вступили уже все солдаты, отбивая удары по очереди. Еще немного, и мы просто свалимся в туман с другой стороны дороги.

— Сколько раз ты был здесь? — Киш встал рядом с Витом.

— Несколько, — ответил черно книжник. — С учителем когда-то, потом группой ходили, еле ноги унесли. Отвлекли мертвецов и ушли. Им нужна вина, угрызения совести и магия. Они слетаются на нее, как голуби на пригоршню проса.

Лучник, только что рассматривающий прах, вскочил на ноги, натянул тетиву и выпустил в противника стрелу. В противника, которого не видел, а лишь угадывал по движениям вирийцев. Он, в отличие от них, не винил себя в смерти воинов отряда, и его стрела, спокойно пролетев, сквозь невидимого мертвеца вошла в бедро Греса. А тот... Тот даже не заметил. Не закричал, не схватился рукой за рану.

Я принялась, все так же пахло пылью и пеплом. Крови не было. Туман закачался. Голова тут же начала кружиться, словно я находилась в утлой лодочке посреди бурной речки.

— Готов? — черно книжник поднял руку.

— Да, — Киш вытащил зубами пробку из бутылки.

— Всем зажмуриться! — заорал черно книжник, шевеля кистью.

Яркий свет ударил по закрытым глазам так, что в темноте заплясали цветные пятна. Закричал Кули, наверняка не внявший предупреждению. Я заморгала, пятна выцвели, сменившись черными, которые бегали по векам, словно шустрые тараканы по пустому амбару. А вокруг меня снова был только белый свет, острый, как кромка лезвия. Свет, причинявший боль. Я терла и терла глаза, заставляя черные точки то исчезать, то появляться...

— У нас есть несколько минут. Уходим, — Вит толкнул меня в спину.

Я сделала пару шагов, заморгала. В белом-белом мире стали проступать серые штрихи, будто углем по белой печи провели. Темных линий становилось все больше и больше, они двоились, троились, росли и сливались, очерчивая силуэты моих спутников.

Вирийцы, тяжело дыша, опустили оружие. Михей держал брыкающегося Кули, Оле беспокойно топталась на месте, Мира стояла за Витом и будто чего-то ждала, бутылки в руках Киша больше не было. И они все смотрели мне за спину. Все, кроме черно книжника. Я кожей почувствовала жар идущий откуда-то сзади.

— Не оборачивайся, — приказал Вит.

— Что... Что вы сделали? — спросил Рэйвен, его глаза были

красными и слезились, словно он очень долго пил черемуховый настой. Пил и не закусывал. — Почему они исчезли?

— Бросили им горсть того самого проса, — пояснил Кишинт. — Магию. Они слетятся на нее, как голодные птицы, и каждый захочет урвать побольше.

— З-зачем она им? — запинаясь, спросил Тиш.

— Мы не знаем, — ответил чернокнижник. — Но если хочешь, можешь остаться и спросить, тем более, надолго мы их не отвлечем. Они вернуться. Надо уходить.

— Куда? — перебил Рион. — Куда тут уходить?

— За притворой, — произнес незнакомый голос. Доселе молчавший лучник посмотрел на магов и опустил на одно колено. — Этот пепел... или не пепел очень хорошо держит след. Как думаете, притвора ушла в безопасное место?

Туман качнулся, пошел рябью, заколыхался на этот раз сильнее, словно где-то там по его белым волнам плыла лодка, а может даже человек. Или не человек.

— Предлагаю проверить, — кивнул Вит. — Или умереть.

— А может, «и» умереть? — уточнил Рэйвен.

— Может. Вы идете или подождете здесь остальных из вашего десятка?

— Идем, кудесник, да поможет нам Рэг, — солдаты закрыли глаза, шевеля губами, произнося слова молитвы.

В животе у меня отчетливо заурчало. Эол, я все еще хотела есть, несмотря даже на то, что мертвецы вполне могли скоро закусить нами. Я просто умирала от голода. И это немного пугало меня. Совсем чуть-чуть.

Туман снова вздыбился, пошел волнами.

— Быстрее, — поторопил нас Кишинт, хотя в этом не было нужды.

Лучник скользнул в туман первым, за ним Тиш, не забыв осенить себя знаком Рэга. Грес и Орир сошли с тропы вместе, настороженно держа мечи перед собой. Оле замерла на краю, продолжая молиться, и все никак не решалась шагнуть в белое марево. Мира стукнула ее по спине. По сути, просто столкнула. Невежливо, но действенно. Кули отчетливо икнул и шагнул вслед за сестрой. Мира оглянулась на Вита, но дожидаться не стала, тоже нырнула в туман. Правильно, красивый парень останется красивым парнем, а жить хочется больше.

Я что, мысленно назвала чернокнижника красивым?

Рэйвен замер у кромки. Что он там видел такого? Что не давало ему сделать шаг? В отличие от девушки помощь старому капралу не

понадобилась, какие бы демоны не ждали его там, он смог пересилить себя и сойти с тропы.

— Эх... — выдохнул Киш. — Надеюсь, следы не приведут нас к Рэгу на постой, — и спрыгнул в туман.

— Рион... — скомандовал Вит.

— Я вспомнил! — бывший чаровник щелкнул пальцами, как и раньше, когда тренировался. Щелкнул, не задумываясь, словно в трактире подзывая разносчицу. И на кончиках его пальцев затрепыхался маленький дрожащий огонек, словно танцующий на фитиле одинокой свечи. — Ох...

Огонек тут же погас.

— Начало положено, — устало проговорил черно книжник. — Ты не против, если я повременю с восторгами и поздравлениями до другого раза. Мертвые вернуться с минуты на минуту. Михей, живо, — мужчина кивнул парню, указывая на туман.

— Я вспомнил, — на этот раз голос Риона дрожал, будущий черно книжник продолжал смотреть на руки, попробовал снова щелкнуть пальцами, но на этот раз безуспешно. — Айка, я вспомнил, что было не так.

Туман за клубился, словно живой, накатывая волнами на дорогу.

— Солдаты шли по следам, — торопливо объяснял Рион, делая шаг к краю дороги. — По следам! — он посмотрела на меня. — Вот, что не так. Ты не притвора. Ты не оставляешь следов. Никаких.

— А ведь он прав, — я посмотрела на вирийца, но тот, проигнорировав взгляд, схватил меня за руку и потащил к туману.

— Не сейчас...

— Кто не оставляет следов? — не обращая внимания на Вита, спросила я у Риона.

Но ответил мне, как ни странно, Михей:

— Тот, кто не хочет, чтобы его выследили. Матушка всегда говорила, Эол не создает ничего бесполезного, раз козлу даны рога, значит, он будет бодаться.

— Все потом, — рявкнул Вит, буквально затаскивая меня в туман.

Но до того, как белое марево сомкнулось над головой, я успела увидеть, как посерел Рион. Именно посерел, ибо бледнеть в этом бело мире было просто некуда.

Как же мне все это надоело. Вот сесть бы и зарычать. Или разреветься. Только я знала, что не сяду и не разревусь. Не сейчас, как сказал черно книжник. Не заплачу, потому что слезы — это слабость, уж это-то я уяснила еще в детстве, когда получала колотушки от деревенских пацанов. Меня били не часто, но если редела, били в два раза сильнее. А за этот

поход я уже столько наплакала, что на целое озеро хватит.

Больше всего туман походил на... даже не на воду, а на студень, что варила бабка на каждый праздник. Плотный, но не настолько, чтобы не пройти, холодный, но не настолько, чтобы замерзнуть. Он был осязаем, почти как в Хотьках. Он не пытался удержать тебя на месте, он просто касался. Навязчиво, мягко, и неторопливо, словно исподволь.

Вит сжал мою руку, а я в ответ сжала его ладонь. Силуэт чернокнижника расплывался, словно отражение в воде, хотя мужчина стоял всего лишь в шаге от меня. Что-то бултыхнулось рядом, будто камень с берега бросили, я повернула голову, кажется, это был Рион.

Вит настойчиво потянул меня вперед, я посмотрела под ноги. Серый прах все еще был внизу, но здесь в тумане он уже не казался сухим, он походил на серую грязь на разбитой и размытой дождями дороге. Он хранил множество отпечатков, мягких, изменяющихся от любого прикосновения. Я понятия не имела, какие из них принадлежат притворе.

Туман снова пошел волной, рука Вита напряглась, и мы едва устояли на месте. Так бывает, когда по речке мимо проходит тяжело нагруженный плот. Тебя качает, как водоросль, но ты все равно каким-то чудом остаешься на ногах.

Чернокнижник все тянул и тянул меня в сторону, раздался далекий крик. Туман расступился, и напротив меня снова оказалась маленькая девочка с синими глазами и черной косой. Мертвые вернулись. Что-то заговорил Рион, его слова доносились до меня обрывками, разорванными звуками, в которых больше эмоций, чем смысла.

Не знаю, что он мог сказать погибшему брату. У меня слов для Майки попросту не было. Да и я уже не та девчонка, что бегала с ней к капищу ящериц. И даже не та, что когда-то пошла к капищу нечисти у старого проклятого скита. Я изменилась, и старая вина растворилась в этом изменении. Даже кошка, лениво взмахнув хвостом, отвернулась. Дохлая добыча ее не интересовала.

И мертвая девочка что-то почувствовала. Она нахмурилась, сделала шаг вперед, остановилась и отступила. Сперва на чуть-чуть, а потом и вовсе, не оглядываясь, нырнула в туман. А Рион продолжал оправдываться.

Вит что-то быстро проговорил, но его слова слились в один сплошной гул. Я покачала головой, даже не зная, видит он меня или нет. Тогда чернокнижник вдруг отпустил мою ладонь, схватил за плечо и толкнул вперед. Сильно толкнул, явно намереваясь выпихнуть отсюда. Но туман очередной раз пошел волной, на этот раз куда более плотной. Она отбросила меня назад с силой, на которую никто из нас не рассчитывал. С

силой прибрежных волн, что разбивают о скалы корабли.

Меня закрутило, на краткий миг я перестала понимать, где верх, а где низ, а потом меня выбросило обратно на тропу белого мира мертвых.

Рядом выругался Вит, Рион хрипел, а позади него...

С тропы в туман сошли четыре человека, и обратно выкинуло тоже четырех. Только вот вместо рыжего Михея на ноги поднялась наша проводница.

— Знала бы я, что вас придется водить за ручку, в жизни бы не согласилась, — высказалась притвора.

— Согласилась бы, — не стал оправдываться чернокнижник. — Ибо то, что ты хочешь взамен, куда важнее наших жизней. — Он продолжал пристально вглядываться в белые волны, кто-то там был, кто-то мертвый и важный для него.

— Именно поэтому я и здесь, а не пью эль в трактире Велижа. Это первый и последний раз, когда я вернулась за кем-либо, — она зло посмотрела на Риона, а потом снова повернулась к Виту: — Ладно, солдаты, но ты-то, колдованец, на что? Почему сразу за мной не пошли? Я же сказала «след в след»?

— Да встретили тут знакомых покойников, поговорили, вспомнили старые времена.

— Оставить бы тебя здесь, шута такого.

— Людей пугают покойники, — произнесла я. — Тебе следовало это знать, чтобы потом не пенять на табурет, за то, что тот сделан из дерева.

Притвора сцепила зубы, я насторожила уши. Но гнев, быстро поднявшийся в ней, так же быстро и схлынул. По белому миру прошла очередная волна дрожи.

— По-другому отсюда не выйти, — проводница торопливо пожалала плечами, жест вышел немного неловким, словно она подсмотрела его у кого-то, но сама никогда не делала. Это был не ее жест. — Если бы я объяснила, было бы хуже, а так могли проскочить на незнании.

— Проскочить? — выкрикнул Рион, он медленно поднимался с дороги.

— Проскочить, колдованец. Ибо другого выхода тут нет. Видишь тропу? Она была здесь всегда. И будет всегда. Она может привести тебя в любое место, хоть в королевскую опочивальню. Или сокровищницу. Стоит только захотеть. Но знать место, где стоит сойти, дано не всем. Сойдешь не там, и вместо сокровищницы вылезешь в гнезде огневигов.

— Но ты-то знаешь, правильное место. Знаешь, где брод через эту реку мертвых, — устало сказал чернокнижник, отворачиваясь от тумана.

— Знаю, — согласилась проводница. — Но войти в него должны вы сами.

Что-то снова загудело, и я едва подавила желание поковыряться в ухе. Эол, сюда бы еще кусок вяленой колбасы. Или даже окорок.

— Но иногда оно перестает быть таковым, — женщина махнула рукой на туман, и этот ее жест вышел резким, нервозным, она была куда уверенней, когда заводила нас сюда. — Здесь нам уже не выйти...

— А где остальные? Где Михей? — спросила я.

— Они нашли свой путь. Или потерялись навсегда. Держитесь прямо за мной, мы выйдем прямо за Велижем, — притвора повернулась, и уже сделал первый шаг, когда чернокнижник схватил ее за руку.

— Насколько далеко «за»?

— Часов пять пути.

— Не подходит. Выводи здесь.

Притвора снова посмотрела на туман. Она не вглядывалась в него, как мои спутники, не искала знакомые лица, не страшилась их увидеть. Она смотрела на его буруны и от волнения закусывала губу. Чем-то ей не нравилось это движение.

— Нельзя, — нехотя призналась она, выдергивая руку.

Рион отчетливо захрипел и снова заговорил что-то жалостливо оправдательное. Я огляделась, но на этот раз ко мне из тумана не торопились выходить старые и новые знакомые. Что же изменилось? Давно должны уже были влезть в столь интересную беседу, ан нет, притихли, а вот туман, наоборот, расшалился, раздулся, как предгрозовая река.

— Что-то идет сюда, именно в этот ваш Велиж, — призналась проводница. — Что-то сильное, от него реку мертвых раскачивает так... — она замолчала. — Не мне переходить дорогу этому кому-то. И не вам. Сами видите, даже мертвые попрятались.

— Рэг, — выдохнул Вит, и призрачный ледяной ветер растрепал ему волосы. — Опоздали. Маги уже начали вызов. Выводи, немедленно, — вириец сделал шаг к вспенившемуся туману. — Или сделке конец!

— Не могу. Не «не хочу», а именно не могу. Никто не сможет. Вас же только что выбросило, а это еще гость даже к городу не приблизился. Разве может сарай сражаться с ураганом? У нас просто не хватит сил выйти перед ним, нет у нас...

Она замолчала. Нехорошо так. Обычно вслед за таким молчанием следует самоубийственное предложение.

— Чего нет? — прищурился Вит.

— Силы. Нужно очень много силы, чтобы перейти дорогу созданию

темного мира. Дашь? — прищурилась притвора.

Ледяной ветер ударил мне в спину, почти сталкивая с тропы. Белый мир тревожно колыхался, словно простыня, повешенная для просушки в ветреный день.

— У меня нет столько.

Мы с кошкой с любопытством нюхали стремительно холодеющий воздух белого мира, волны накатывали на тропу одна за другой, ветер каждую секунду менял направление — иногда бил в спину, иногда швырял туман в лицо, сбивая дыхание.

Чего-то не хватало, но я пока не понимала чего.

— У тебя нет, — согласилась проводница. — А у нее? Насколько она хочет выйти здесь? Может, ее устроит поселок за Велижем? Или вообще за Тесешем?

Я переводила взгляд с женщины на чернокнижника. Вит злился и не скрывал этого.

— Она ведь не знает. Она просто смердит этим незнанием, — фыркнула женщина. — Она не знает, что вы все не стоите даже ее мизинца. Насколько ты, колдованец, хочешь выйти здесь и сейчас, опередив гостя? Это стоит твоего молчания? Или нет? Решать тебе. Либо вы делитесь силой, либо уходим по тропе дальше и возвращаемся в мир острых железок и непогрешимых людей далеко за Велижем.

Знала бы эта притвора, как я устала от их тайн. И как мне все это надоело. Знала бы она, как мне надоело смотреть в унылую физиономию чернокнижника, который выглядел так, словно его скирдой сена придавило. Знала бы...

Мне не столько были нужны его ответы, сколько лет прожила и еще столько же проживу, сколько хотелось, чтобы Вит сам все рассказал. Сам! И тогда... Тогда, возможно, я смогла бы поверить, что наша «истинная пара» тут ни при чем, что у нас есть воля, что он действительно хочет...

Кого? Деревенскую девку Тарийского разлива? Самой смешно. Напридумывала себе...

— Скажи сама, — предложила я ей, продолжая принюхиваться к шатающемуся миру. — Скажи, и закончим на этом. Кто не оставляет следов и может делиться силой? Такой силой, что мы смогли бы перейти дорогу демону?

— А кто испокон веков сражался с дасу? Кого бросали на амбразуру первым? Кто не боится волн выверта? — ветер растрепал волосы притворы. — Ну, давай, — поторопила она. — Ты ведь уже догадалась. Ведь даже сейчас ты смотришь вокруг и не испытываешь страха...

Точно. Я едва удержалась, чтобы не щелкнуть пальцами, как Рион. Именно этого и не хватало в надвигающемся белом шторме. Моего страха. Его не было совсем. Я по-прежнему хотела есть.

— Зеркальный маг, — ответил вместо меня Рион, а Вит дернулся, словно его ударили. — Эти маги сражались с демонами, побеждали, а потом зеркальных чаровников самих убивали, — монотонно продолжал парень. — А когда демоны кончились, стали выслеживать и убивать просто так. При Ламаре Третьем даже была учреждена награда, в сто золотых за голову зеркального. И маги ушли в леса, тогда-то охотники и столкнулись с их «бесследностью». Я просто не сразу вспомнил, да и кто бы сообразил, последнего зеркального видели лет за триста до моего рождения...

Рион продолжал говорить, я продолжала смотреть на Вита, а мир продолжал раскачиваться. На тропу выплеснулась волна тумана, лизнула мой сапог и откатилась обратно на обочину.

Странно, но особых чувств от «разоблачения» я не испытала. Ничего не изменилось. Ни во мне, ни вокруг. Мир не рухнул, а буря продолжала собираться где-то за нашими спинами.

— Не имеет значения, — четко проговорила я, — какой я маг. У меня больше нет резерва.

— От него за вар несет твоей силой,— проводница указала на чернокнижника.— Мне плевать, что у вас есть, и чего нет. Ты умеешь делиться силой. А колдованец, может ее направить. Поэтому решайте: мы выходим здесь или идем дальше. Решайте сейчас, или я уйду, и Рэг с ней, со сделкой.

— Выходим,— ответил за всех Вит и, посмотрев мне в глаза, произнес:— Зеркальный маг Айка Озерная, прошу силы.

Его теплая рука коснулась моей. Легонько, без принуждения. Он и в самом деле просил, а не требовал.

А меня так и подмывало сказать «не дам» и посмотреть, что будет. Страх все еще задерживался. Но, как любил говорить Вит, не время и не место... А когда будет время и место? Зная чернокнижника, можно с уверенностью ответить — никогда.

Вит сжал мою руку, взгляд пристальный, все еще злой, но эта злость направлена не на меня.

Ветер ударил в лицо, и сдернул с головы капюшон, волны белого тумана то и дело захлестывали тропинку.

Я сжала руку чернокнижника, кожей чувствуя идущую от него волну облегчения. Кошка замурлыкала. В животе снова заурчало.

— Тогда колдуй, кудесник, — глаза притворы вспыхнули, а потом...

На этот раз все было иначе. Сильнее, весомее и... приятнее.

Вит притянул меня к себе, прижимая к собственному телу, зарылся лицом в волосы, нас окутал идущий от него жар. Сила плавно потекла от него ко мне, согревая. Захотелось зевнуть и свернуться клубком на руках у чернокнижника. Сила проходила сквозь тело и возвращалась обратно к Виту, словно кто-то переливал воду из одной плошки в другую, снова и снова, роняя капли. Но нашей силы не становилось меньше, она росла и росла, множилась и прибывала, как вода во время весеннего паводка. Она заполняла без остатка, заполняя пустоты и насыщая голод. Эол, она казалась на вкус малиновым вареньем, сладкая, тягучая, густая...

— Давай! — закричала притвора.

Вит вытянул руку к туману, что жадно тянулся к нам, к тому, что двигалось в его густоте, к пузырю... или даже горбу на его теле, что маячил где-то там, вдалеке. Кого бы ни вызвали маги, он торопился принять это приглашение.

И река мертвых расступилась. Наш смирт, увидев это, наверняка бы узрел Эола и его сподвижников, которые в незапамятные времена, так же заставили воды реки расступиться. Но чернокнижник не тянул на бога. Мне вспомнилось, как бьют по воде канаты переправы, когда Леняя мелеет, и паромщик сматывает тросы, их удары заставляют воду так же раздаваться в стороны, как сейчас магия Вита.

Притвора взвыла, бросаясь с тропы в образовавшийся проход. Чернокнижник дернул меня за руку, увлекая следом, за спиной громко топал Рион.

Мы бежали и бежали, пока туман за нашими спинами не стал с шумом смыкаться. Бежали, пока не вывалились в реальный мир. Словно мыльный пузырь лопнул. Раз, и его беловато мутные стенки разлетелись десятками брызг. Нас окружили краски. Темный предрассветный Велиж с его серыми домами и каменными мостовыми показался мне в этот миг ярче алых сполохов заходящего солнца. Черный, серый, коричневый, снова черный...

Рион вдруг зашипел, схватившись за правую руку, закатал рукав и... На бледной коже алел яркий отпечаток детской ладошки. Ладошки мертвого брата, которому, по всей видимости, без старшего было скучно в загробном мире.

— Сшшш, — шипел бывший чаровник, — словно горячим ухватом приложили.

— Мир мертвых отсрочил твою боль, забрал себе. Мир людей вернул ее сторицей, — проговорила притвора и посмотрела на Вита: — Я выполнила свое обещание, колдованец, теперь и ты выполни свое.

— Ну, я бы поспорил, — стараясь унять дыхание, Рион наклонился и уперся руками в бедра. — Без нас ... без силы, ты бы его не выполнила, — парень с усилием выпрямился. — Нам надо в совет магов... Каждая секунда приближает выверт...

— Да, — глухо ответил Вит.

Звук вытаскиваемого лезвия не спутать ни с чем. Я не была удивлена, когда чернокнижник достал нож. Но я очень удивилась, когда холодное железо вдруг коснулось моего горла.

— Что? — не понял Рион, забывая про боль, глаза парня стали круглыми-круглыми, как у жука-короеда.

— Тссс, — прошептал вириец мне в волосы, когда я дернулась — Ты же знаешь, я сильнее. Не надо. Не вынуждай меня. Да, давайте поговорим о выверте. И об обещаниях.

Глава 11. О трактирах и пивных

— Вит, — не веря тому, что видит, позвал Рион, словно если он назовет чернокнижника по имени, тот рассмеется и скажет, что шутка вышла удачной.

Вот только это не шутка. Я чувствовала это всем телом, лапами, хвостом, который никто не видел.

— Я знаю, как меня зовут, Рион, — подтвердил мои догадки мужчина, отступая назад и заставляя меня отступить вместе с ним.

— Что ты делаешь? Зачем... — парень потер ноющую руку.

— Пытаюсь выжить. И спасти других, — чернокнижник продолжал пятиться по переулку, светлая каменная кладка сменилась темной. Рион шел следом, а вот притвора... Ее нигде не было, вроде еще минуту назад стояла тут, требуя сдержать обещание, а сейчас исчезла, явно не собираясь ввязываться в чужую драку. И правильно сделала. Я бы тоже сбежала. Если бы не нож у горла.

Улица в этот предрассветный час, как назло, была пустынна. Не открылось ни одного окна, не выплеснулось ни одного содержимого ночного горшка. Тишина, лишь ветер скрипит несмазанными петлями оконных ставней. А где все остальные? Где Михей? Солдаты? Девки, эти шептуньи? Кишинт? Правда, на последнего рассчитывать явно не стоило, вместо одного злого чернокнижника мы заполучим двоих.

Я попыталась повернуть голову, чтобы посмотреть...

— Не надо, — снова попросил меня вириец. — Ну, давайте,

расскажите глупому чернокнижнику, почему вы так рвались сюда на самом деле. Кто вам вдолбил в голову идею о спасении мира? Ну, чего молчите?

— Так ты и вдолбил, — с искренней непосредственностью Михея ответил Рион. — Сам же сказал, вывернет всех.

Я едва подавила желание засмеяться. Страх все еще не было, только в животе снова начала потихоньку образовываться пустота голода.

— Рэг, неужели ты не видишь? — спросил чернокнижник непонятно у кого.

Даже Рион бросил краткий взгляд на небо, но, удостоверившись, что бог не в настроении отвечать, сделал это сам:

— Да, объясни ты толком, что на тебя нашло?

— На меня? — горько удивился Вит. — А на тебя? На такого правильного Риона, от которого у всех сводит зубы?

— Оскорблениями ты ничего не добьешься, — на удивление спокойно ответил бывший чаровник и снова потер руку. — Говори, что случилось? Какого дасу ты тут творишь? Айка, ты в порядке?

Я хотела честно ответить, что «нет» — не в порядке, но нож еще сильнее прижался к шее. Ладно, будем молчать.

— Лучше вы расскажите мне, на что надеются маги, вызывающие созданий темного мира? Как они рассчитывают выжить?

— И как? — переспросил Рион, продолжая медленно идти за нами. — На что они вообще могут рассчитывать? На палача и веревку помягче?

— Почти. Ввязываться в такое, не имея в союзниках зеркального мага, самоубийство. А зеркального сейчас днем с огнем не сыщешь, хотя вот, нашелся один. Нашлась, — поправился Вит. — А я-то еще думал, отчего мы так «удачно» все время оказываемся именно там, где вызывают дасу? Какая нелепая случайность. Почти невозможная. Ведь я сам выбирал путь...

— Вот именно, — кивнул бывший чаровник. — А обвиняешь нас.

— А потом понял, не мы шли за заговорщиками, а они за нами. Они вызывали демонов, зная, что зеркальный здесь, за твоим плечом, и, в случае чего, прикроет.

— Ты с таким знанием дела об этом рассказываешь... — не выдержала я, нож дрогнул, царапая кожу.

— Вот теперь и расскажите мне, зачем вы сюда так рвались и к кому? Почему не остались в Подлесе? Не набродились еще по лесам? А ведь я до последнего надеялся, что...

Чернокнижник замолчал, словно не в силах выразить словами те чувства, что клокотали сейчас в его душе. Ярость, сожаление, неверие и

снова ярость.

— Так ты думаешь... — Рион вытаращился на Вита, словно мясник на кочан капусты, неизвестно как попавший к нему на разделочный стол. — Мы все это придумали? Выверты? Жертвы?

— Не сами, конечно, — я уловила в голосе чернокнижника нотку сомнения. — Хотя, тебя вполне могли использовать втемную, слишком уж ты прямой, словно новый тракт, а вот она, — чернокнижник коснулся подбородком моих волос. — Ты злопамятна, своенравна, себялюбива, подозрительна.

— Сколько ласковых слов,— прошептала я, ожидая очередного движения ножа, но на этот раз вириец сдержал руку.

— Использовать тебя нельзя, а вот завербовать...

— Надо было сказать им, чтобы они с тобой посоветовались,— кивнул Рион.

— Сила зеркальных такова, что их нельзя заставить. То, что они могут делать, они делают исключительно добровольно.

— Вит,— позвала я и почувствовала, как он вздрогнул. — Ты отлично знаешь, что я никого не могу прикрыть, кроме как одеялом. Я уже не маг. Я ничего не умею, ничего не могу, кроме... — я вспомнила тепло его магии, и как она множилась.

И он видимо вспомнил то же самое.

— Я ведь убью тебя, — склонившись к самому уху и касаясь кожи губами, прошептал чернокнижник.

«Верю», — хотелось ответить мне, но я промолчала, оттого что верить совсем не хотелось. Не хотелось представлять, что одно легкое движение руки может перечеркнуть мою жизнь.

— Последний шанс, — голос мужчины стал вкрадчивым. — Если ты сейчас мне все расскажешь, я обещаю вам справедливый суд. Всем, кто в этом испачкался. А я наложу вето на любой вынесенный тебе приговор. Тебя помилуют. Слово рода Ордианских.

«Кто ты?» — вместо ответа чуть не спросила я. В Тарии правом казнить и миловать наделен только монарх. А в Княжестве? Князь? Первый помощник пятого камердинера? Кто-то еще?

— Айка, — впервые за весь разговор Вит назвал меня по имени. — Соглашайся, прошу. Времени нет...

Его оказалось даже меньше, чем он думал. Договорить ему не дала магия, обрушившаяся на нас сверху. Чужая, похожая на серые колючие ленты, которые пахнут вереском. Они коснулись меня вскользь, острыми иглами пройдясь по шкуре... И впились в чернокнижника. Он глухо

вскрикнул, шевельнул кистью. Нож прошелся по коже огненным пером, испарывая и выпуская наружу алую кровь.

Я до последнего не верила, что Вит это сделает. И Рион не верил. Думаю, и сам Вит не был в этом уверен. Но...

Чернокнижник глухо зарычал. Я схватилась пальцами за горло, чувствуя, как пульсирует под ними кровь. Вот и все, пришла нелепая мысль, кошка нервно дернула хвостом. Страх все еще не было, лишь вспомнилась река мертвых и белесый туман. Значит, скоро и я там поброжу... Отчего же так есть хочется?

Я упала, сперва на колени, а потом на бок, ощутив у себя под щекой холод мостовой. Кричал Рион, только вот звуки выходили у него уж больно растянутыми, медленными, словно мир вокруг замер в последнем мгновении, делая его бесконечным. Вита за спиной больше не было, отстранился. Или его отстранили, той самой колючей силой.

Глаза закрылись, оставляя меня наедине с темнотой и горячей пульсацией. Что-то долго я умираю, мысли дурацкие в голову приходят.

Кто-то коснулся шеи, сдавливая, не давая дышать, не давая даже шевельнуться. Я открыла глаза. Надо мной с обеспокоенным лицом склонился Дамир.

Эол, он был именно таким, как я запомнила. Высоким, красивым, спокойным, словно якорь в бушующей вокруг нас реке событий.

Он заставил меня убрать руки от раны, продолжая что-то говорить, что-то ласковое, успокаивающее и даже требовательное. Но я не слушала, продолжая смотреть на его лицо, на лучики морщинок у глаз, на широкие плечи, темные, чуть тронутые сединой волосы. Он что-то спросил... Мне стало смешно. Какой с мертвеца спрос? В горле неприятно булькнуло, и острая боль вернула миру звук и движение.

— Рион! — закричал Дамир, с его пальцев потекло что-то холодное, что-то погасившее пламя, что начало разгораться у меня под подбородком. — Сейчас-сейчас, — пообещал мне учитель и, обхватив одной рукой за плечи, а второй — под колени, поднял с земли.

К нему тут же подбежал бывший ученик, и мужчина передал ему меня. Надо сказать, Рион даже не пошатнулся. Горло начало покалывать, словно кожу в этом месте хлестнули жгучейдкой.

— Моей заплатки надолго не хватит, ты же знаешь, я не целитель. Давай бегом вниз по улице, так, словно за тобой сам дасу гонится, справа будет трактир «Голова лошади». Скажи Лиэссе, чтобы сделала все возможное. И невозможное тоже. — Последнее Дамир уже прокричал в спину ученика.

Меня потрянуло, лбом я стукнулась о скулу парня и захрипела, отчего тот побежал еще быстрее. Я вцепилась Риону в плечи и бросила взгляд назад. Дамир стоял над лежащим в пыли Витом, а вокруг головы чернокнижника обвилась серая полоска, которая прямо на глазах приобретала лиловый оттенок, словно насосавшаяся крови пиявка. Вириец раз за разом пытался отодрать ее со лба, но магическая повязка будто приросла к коже.

И откуда-то я знала, что это больно. Что его кожу сейчас жжет так же, как и мою. Знала, что колючая магия впилась в его плоть острыми крючьями, дергая и дергая, словно больной зуб, как только Вит пытался применить магию. Кошка зарычала, изготавливаясь к прыжку. Я напряглась, бывший чаровник ускорил шаги...

— Ты только потерпи, только не умирай, — бормотал парень.

Я выдохнула, сдерживая порыв, понимая, что едва не бросилась на помощь человеку, который только что перерезал мне горло. Видимо, пора показать целителю не только шею, но и голову.

И все же кошка страдальчески мявкнула. Она... я... Мы чувствовали его боль. И это было неправильно. Это надо было остановить. Не потому, что чернокнижник этого не заслуживал. Еще как заслуживал. А оттого, что теперь я вынуждена делить эту боль с ним. Не хочу. В кои-то веки боги ошиблись.

Рион услышал стон и решил, что я надумала все же помереть, и побежал еще быстрее.

У самого трактира бывший чаровник едва не упал, влетел боком в замшелую каменную кладку и только благодаря этому устоял. Пнул ногой дверь и ввалился в пахнувший травами полумрак зала. В этот час непривычно пустынного с выскобленными столами и задвинутыми под них лавками, с чучелами животных по углам и пыльными рогатыми головами над стойкой бара, с ржавыми доспехами напротив двери и с кандалами каторжника на почетном месте.

Все это я отметила мельком, зал трактира развернулся, словно вышитое полотно и тут же скрылся в полумраке.

Я старалась думать о чем угодно, только не о том, что «заплатка» Дамира может не выдержать, не о том, что кровь в любую секунду может начать булькать в горле. Страх не было, была злость. Я не хотела умирать. Эол великий шутник, ведь чем больше меня старались убить, тем больше я хотела жить, находя все больше и больше привлекательного в этом мире.

На дальнем от входа столе горела одинокая свеча, при нашем появлении, с лавки поднялась женщина. Рион торопливо посадил меня

прямо на стол и выпалил:

— МеисЛинесса, Дамир просил...

Она остановила его взмахом руки, а второй ухватила меня за подбородок, заставляя запрокинуть голову.

— Шшшссс, — смогла прохрипеть я и упала назад.

Снова брызнула кровь, закричал, подхватывая меня, парень. В горло будто углей насылали. А теперь еще и пошевелили кочергой.

— Мой саквояж... из комнаты... живо, — отдала приказ женщина, касаясь моего горла и одновременно не касаясь его.

Секунда уходила за секундой.

Раз... и Рион положил мою голову на стол, с такой осторожностью, словно яичную скорлупу.

Два... кровь закапала на темное дерево.

Три... кожи коснулось что-то невидимое. Не пальцы, что растопырила надо мной Лиэсса, а что-то иное, похожее на тонкие палочки или вязальные спицы, а может, даже крючки. Или коготки маленького юркого зверька, вроде ласки. Я ощутила их прикосновения, ощутила, как они приподнимают и соединяют края раны, как вскипает, коснувшись их, кровь.

Это как с моим хвостом, его никто не видит, но он есть.

Это магия. Знакомая магия. А ведь я уже сталкивалась с подобным, когда помогала бабке. Наблюдала, как работает маг-целитель, вот так же, растопырив пятерню над больным местом. Видела, но не понимала. Видела, но не чувствовала его невидимые руки, как сейчас.

Лиэсса — маг, — внезапно осознала я. И ее сила не была совершенно чуждой, я уже знала ее запах, ощущала его раньше.

— Да, — проговорила она, словно я ее о чем-то спрашивала. — Я целитель. Очень слабый, почти на грани с травницей-шептуньей, но... — она замолчала и, сжав руку в кулак, добавила: — Молись, чтобы этого «но» хватило.

Я смотрела на ее склоненную голову, на покачивающиеся серьги с темными камешками, на цепочку медальона заправленного в вырез платья, на белую кожу... Вдохнула ее запах. Запах огня и сытного ужина, запах воды и пепла из очага, запах отчаяния и лжи...

По лестнице загрохотали тяжелые шаги Риона.

— Вот, меис, — парень грохнул сумку об пол.

Но Лиэсса не ответила, продолжая раз за разом направлять свою юркую магию в рану.

Голова Лиэссы дернулась.

— Не выходит, — сквозь зубы пробормотала она. — Надо срastить

хотя бы крупные сосуды.

Я почувствовала, как уплываю куда-то. Стол и комната закачались.

— Айка, нет! — закричал бывший чаровник.

Но даже это «нет» показалось мне невероятно далеким. Что ж, Дамир всего лишь отсрочил неизбежное. Пусть теперь без меня воюют с дасу.

— Сделайте же что-нибудь! — потребовал Рион.

— Что? У меня сил на кончике иглы...

Силы на кончике иглы... Наверное, это очень мало. Мало? А что, если изменить это? Что, если...

В последнем усилии, я подняла руку и схватила Лиэссу за ладонь. Женщина поперхнулась словами.

Ее магия не была такой теплой и родной, как у Вита. Ее сила распалась, утратив форму. Она напоминала песчинки, что ненароком попадают в сапог и колют пятку. Острые и настолько мелкие, что и не ухватить, и не перетянуть к себе. Они сопротивляются, не желая вливаться в меня. Не желая оживать.

Ничего не выйдет, у меня просто нет на это времени. Вит мне доверял, а я доверяла ему настолько, насколько вообще была способна доверять кому-либо. Какая ирония...

Лиэсса не Вит. Ее сила чужая.

А разве обязательно тащить в себя всякий мусор? Я — зеркальный маг. Кажется... Так может, и не надо пропускать силу через себя, может, достаточно... отразить ее?

Эол, если ты меня слышишь, сделай так, чтобы я оказалась права, — пришли, наконец, правильные слова для молитвы. — У меня никогда не было учителя и, наверное, уже не будет. Но вот сейчас, здесь, сделай так, чтобы моя догадка оказалась верной. Сделай так, чтобы у меня получилось.

Я представила зеркало, в котором тут же отразилась моя кошка. Усы вразлет, уши топорщатся, хвост поджат. Одно зеркало, второе, третье, четвертое, пятое... Кошка подняла морду, и ее отражения повторили движение вместе с ней. Я — зеркальный маг. Я отражаю силу, и она множится в собственных отражениях. Множится и множится, растет...

Лиэсса замерла, хватая ртом воздух, ее невесомые палочки-крючочки, вдруг стали тяжелыми, плотными и почти ледяными, принося долгожданное онемение горящей огнем коже. Это — как на морозе схватиться за обод телеги и только в последний момент понять, что он не деревянный, а кованный. Вот так и невидимая сила женщины вдруг стала тяжелой, словно отлитой из полновесного серебра.

Рука разжалась, отражения, которые только что окружали меня со всех

сторон, стекли вниз прозрачными каплями. Что бы ни происходило, оно закончилось очень быстро. Как и отведенное мне время. Одинокая свеча на столе потухла, зал трактира погрузился во тьму, увлекая меня за собой. Я больше ничего не чувствовала и не видела. Жаль, что так и не узнаю, получилось у меня или нет.

***

— Ты уверен в этом? — услышала я смутно знакомый голос. — Чаровники, вызывающие демона? О таком уже лет сто не слышали.

Хм... интересно, а что он делает в загробном мире?

— Уверен, учитель, — с жаром подтвердил Рион.

— Настолько, чтобы держать ответ перед советом? Поручишься именем и силой?

— Да, учитель. Поручусь.

Я открыла глаза и удивилась, когда это у меня получилось. Значит, еще есть чего открывать.

— Тогда идем.

Я медленно села, ощупывая руками грубое выскобленное дерево трактирного стола. Стало быть, где упала, там меня и оставили. Нет бы, в комнатку перенести, простынкой накрыть. Никакого уважения к покойникам.

— А может, не надо? — раздался просительный женский голос. — Дамир, давай уедем. Заберешь своих... — она замялась, но потом с усилием продолжила: — Учеников. Пусть, тут сами разбираются.

— Лиэсса, — укоризненно попенял Дамир. — Бегство — не выход, ты же знаешь. Айка... — позвал он, и я повернула голову.

Шея казалась деревянной. словно у куклы, что продавали мастера на ярмарках. У меня даже была одна такая, пока Гунька не закинул ее в речку, чтобы проверить на самом ли деле, я так боюсь воды, как говорят. Судя по нагару свечи, при смерти я находилась недолго. Подняв руки, я осторожно коснулась горла. Шею обхватывала плотная и шершавая повязка. Не слышала раньше о таком легком способе лечения вскрытого горла.

— У Лиэссы все получилось, — улыбнулся Дамир.

— Что... — прохрипела я и поразились как тихо и чуждо звучит голос.

— Связки она тебе тоже срастила, но пройдет какое-то время, прежде чем голос вернется, — произнес действительный.

И меня снова посетило странное чувство, которому никак не

получалось придумать названия. Чувство повторения. Словно это все уже было. Словно я уже переживала этот момент: ранение, Дамир, Лиэсса, которая меня лечила, голос, который мне словно не принадлежит. Ведь переживала же, только не здесь. В Вышграде.

— Дамир, — заговорила женщина: — Я прошу тебя, зачем нам теперь...

— Не обсуждается. Мы идем в Веллистат, надо найти Тамита, если кто и может рассказать, что происходит, то это только он, — чаровник подхватил с лавки плащ.

— А Тамит не может быть замешан? Не может быть среди тех, кто вызвал дасу? — с сомнением проговорил Рион.

— Только не Тамит, уж поверь, в нем я уверен, как в самом себе. — Действительный снова посмотрел на меня, и в его взгляде сквозило тепло.

Когда в последний раз человек был так рад видеть Айку Озерную? Ответ: никогда.

— Присмотри за Айкой до нашего возвращения, — попросил учитель Риона женщину.

— А как же этот? — она бросила опасливый взгляд на дверь, что вела то ли в подсобку, то ли на кухню, то ли в кладовую, последнее вернее всего.

— Никак. Забудь. Вернусь, разберусь. Все. Идем, Рион, — скомандовал Дамир, и парень последовал за учителем.

Проходя мимо, бывший ученик позволил себе коснуться моей руки, и ободряюще сжал ладонь. Я ответила Риону тем же. Я рада быть здесь. Рада быть живой. На самом деле рада.

Хлопнула дверь, пламя свечи поколебалось на несколько мгновений, словно танцуя на кончике фитиля, а потом снова выровнялось.

Мы с Лиэссой переглянулись. Похоже, кроме нас в трактире никого не было. Живот снова свело от голода.

Женщина отвернулась, провела рукой по столу. Я посмотрела в окно, алая полоска зари, словно прилипла к горизонту, едва заметно окрасив стены домов в розовый цвет. Ночь уже кончилась, но день все никак не занимался, будто его удерживали там, не давая тьме уйти.

Мы молчали. Минуты уходили одна за другой. Я продолжала следить взглядом за Лиэссой. Интересно, что она думает обо мне? Кто я Дамиру? Случайно подвернувшаяся девка, что смотрит на мага, раскрыв рот от обожания? Зеркальный маг? Или просто пыль под ногами, о которой и думать-то зазорно?

— Ой, — она всплеснула руками, — я же хотела...

Она оглядела пустой трактир, пытаюсь придумать, чего же она такого

могла хотеть. Но для меня, это ее «ой» стало спущенной арбалетной тетивой. Я поняла и... не испугалась, нет, я была раздосадована, что не видела очевидного раньше.

— Наверное, это тяжело, — спросила я, слезая со стола. — Носить чужое лицо? Поверь, я знаю. — Лиэсса удивленно подняла голову. — К нему легко привыкнуть, оно может врасти в твое собственное так, что снять его потом удастся с большим трудом.

Я медленно пошла к женщине. Не было ни головокружения, ни слабости от потери крови. А ведь она, и в самом деле, неплохой целитель. Только слабый.

— Чужая шкура становится привычной, невесомой, и даже сбросив ее, не всегда удастся избавиться от ее черт, они вылезают тут и там. Например, когда видишь кого-то, кто знал тебя иную, и не успеваешь осознать, как привычки, жесты, слова твоего «другого» лица возвращаются.

Она настороженно смотрела на меня. Пахнувшая пеплом женщина. Пеплом мира мертвых, из которого мы вывалились не далее, как час назад. Лиэсса постаралась вернуть себе выражение отстраненного высокомерия, куда более подходящее женщине Дамира. Но оно расползлось, как сшитая на скорую руку рубаха, стоило только потянуть за необрезанную нить.

— Она тоже все время «ойкала», — я остановилась, с интересом разглядывая статную черноволосую женщину, та подняла руку... — И так же прикрывала рот рукой, боясь сказать лишнего. Значит, Мира, вы выбрались. И солдаты тоже?

Черные глаза зло сузились, и вместо ответа, женщина толкнула меня в грудь. Я позволила ей это сделать, позволила отшвырнуть себя. Иногда хищнику для удачной охоты нужно притворяться мышью, чтобы тот, кто стоял напротив, окончательно вообразил себя котом и не сбежал. Например, в ту дверь черного хода у Лиэссы за спиной. Я ударила спиной о столешницу, зацепилась ногой за лавку и упала на пол.

— Знала бы ты... — женщина со злостью пнула меня в бедро. — Как мне осточертело носить вам еду и разыгрывать простушку.

— У тебя отменно получилось, знатная дама — это не твое, — хихикнула я и получила еще один пинок. — Почему я раньше не догадалась? Это же так просто. А вот Вит понял...

— Что эта порченная кровь могла понять? — Лиэсса фыркнула, и, видя, что я не собираюсь лезть на нее с кулаками, кажется, немного успокоилась и стала поправлять волосы. — Он сам же меня из Волотков и вытащил. Дурак.

— Это он погорячился, — согласилась я. — Странное, почти невозможное совпадение.

— А представь, как удивилась я. А ведь думала, что уже отбегалась, попала под выверт, — ее рука снова поднялась, но на этот раз не ко рту, а к груди, к вырезу платья, куда уходила серебристая цепочка.

— Он понял все позднее — размышляла я. — Наверное, в Полесце, когда ты, хлопая глазами, попросила отправить письмо дядюшке в эти самые...

— Козлилки.

— Точно, — я хлопнула себя по лбу, разглядывая нависающую надо мной Лиэссу, — Казум говорил, что в Волотках все поголовно неграмотные, а тут дочь валяльщика письма с голубем рассылает. Да и вряд ли голубю известна дорога в Козлилки, вряд ли кому-то придет в голову вообще натаскивать птицу на ничем не примечательный поселок. Другое дело — Вирит, Вышград или... Велиж, — я выпрямилась, женщина тут же отступила на шаг. — Только вот поняв это, он почему-то записал меня к тебе в подружки. Знаешь, как мысленно, я называла тебя? Падаль. И ведь почти не ошиблась. Скажи, а Мира... Настоящая Мира — дочь валяльщика — мертва?

— В Волотках все мертвы, не забыла?

— Это не ответ.

— Ну, если тебя волнует судьба селянки, — Лиэсса пожалала плечами. — Мира мертва. И давно. Я сама вогнала ей под ребра нож. Не хотела, как Залом столкнуться нос к носу с копией.

— Копия — это ты, падаль.

— Тварь! Эх, знала бы ты, сколько ночей, я лежала без сна, раздумывая, а не подойти ли к тебе, а не опустить ли подушку на белое личико.

— Так, чего же не подошла? — я не делала попытки подняться, впуская и выпуская невидимые когти.

Она промолчала. Ответ был очень прост, он лежал на поверхности, но некоторые вещи так тяжело произносить вслух.

— Потому что, тебе не велели, — наконец, сказала я, ухватилась за край лавки и попыталась встать. — Не велели трогать зеркального мага.

Не знаю, что ее насторожило, слова или действия. Но она вдруг схватила свечу и швырнула мне в голову. Я отбила оловянный подсвечник рукой, но воск попал на кожу, заставив меня зашипеть от боли, свеча упала на пол и закатилась под лавку. На миг, всего лишь на миг, я отвела взгляд от Лиэссы, и этого ей хватило, чтобы броситься на меня, навалиться всем

телом. В ее руке матово сверкнуло лезвие ножа. Я приняла его на когти, звонко стукнувшись о металл, и мы покатались по полу трактира, сцепившись, как две дворовые кошки.

— И что ты сделаешь? — прошептала я, глядя в ее искаженное от гнева лицо. — Снова вскроешь мне горло, которое сама же и исцелила?

— А ты дала мне для этого силы, — проговорила она, продолжая давить на лезвие

А я вдруг поняла, что удерживаю его без всякого труда. Что даже ее тело не кажется мне таким уж тяжелым, пусть она и крупнее меня раза в два. Что я в любой момент могу сбросить женщину с себя, и даже больше того...

— Спасибо, что напомнила. Говорят, забирать подарки — дурной тон, но я ведь не дама, вроде тебя. Я — деревенская девчонка, понятия не имеющая о хороших манерах.

С этими словами, я выпустила лезвие и схватила ее за запястье, а невидимый хвост, скользнув по руке Лиэссы, обвил чуть выше моих пальцев.

Пред глазами снова появились зеркала, и снова звериное изображение глядело на меня из каждой поверхности, только на этот раз я не собиралась множить их. Я собиралась их сложить, как гадальные карты в колоду. Одно на другое. Не обращая внимания на нечеловеческий вой Лиэссы, на то, как забилось в конвульсиях ее тело. Куда-то в сторону отлетел нож, теперь она хотела только одного: вырвать руку из моих пальцев, вырвать пока...

На этот раз ее сила оказалась более податливой. Она собралась, снова напомнив мне юркого зверька, что сейчас скалился на мою кошку. Еще один осколок воспоминания, среди десятка таких же. Там, на погосте в Волотках, лже-Лиэсса-Мира увидела мою силу, а я — увидела ее. Ее юркую серую ленту, что напоминала ласку. Можно натянуть на лицо любую личину, но нельзя надеть маску на магию, живущую внутри.

Теперь сила принадлежала не только ей, она принадлежала и мне. Я позволила ей вырасти, вложила что-то свое, и теперь та с готовностью возвращалась обратно, прихватывая собой те самые песчинки колючей магии целительницы. Это — как опустошить сосуд, взять и выпить одним махом крынку молока. Даже голод, что продолжал терзать меня изнутри, унялся.

Мелькнула мысль о печати смерти, что могла появиться у меня над головой, раз я забрала чужую силу. Мелькнула и исчезла. Сейчас мне были безразличны все печати мира, даже если мне придется снова прогуляться до эшафота.

Я разжала пальцы, женщина, продолжая завывать, скатилась на пол и поползла в сторону, изредка повторяя:

— Нет-нет-нет...

Я поднялась и села на лавку, из-под соседней начала виться вверх тонкая струйка дыма. Мы поменялись ролями, теперь Лиэсса корчилась на полу, а я смотрела сверху.

— Скажи, а Дамир знает? — задала я, наверное, главный вопрос, на который хотела услышать ответ.

Она закрыла рот, оборвав причитания, подняла голову и вдруг расхохоталась. Куда только делось напускное высокомерие, с которым Лиэсса отдавала приказы Риону? Куда делась горделивая осанка? Куда исчезла спутница действительного мага, и как на ее месте оказалась это ненормальная старуха? Это был неправильный смех, черты ее лица исказились, подергивались, как у умалишенной. Эмоции смешивались и перекрывали друг друга. Боль, злость, отчаяние, радость, предвкушение, отчаяние...

— Ну, конечно, знает, не может не знать, — ответила я сама себе, оглядывая зал трактира и прислушиваясь к пока едва различимому треску пламени, брошенная женщиной свеча не потухла. — Маг, у которого есть апартаменты в Веллистате, снимает трактир? Зачем? Затем, чтобы в этом самом Веллистате не знали, где и чем этот маг занимается. Ты ему отправила послание из Полесца? Отправила в Велиж, а никак не в Козлинки. Ты сообщила, где мы, и что с нами.

Я говорила, а она смеялась, не соглашаясь, но и не отрицая. Странно, но, говоря все это, я ничего не чувствовала. Совсем. Наверное, я не очень хороший человек, даже, скорее всего, плохой. За всю мою недолгую жизнь, меня тянуло лишь к двум мужчинам. Один из них меньше часа назад перерезал мне горло. Второй планировал массовое убийство людей. И я пока затруднялась сказать, что хуже.

— Куда он увел Риона? Ну, говори, — потребовала я, хватая женщину за волосы и заставляя посмотреть в глаза.

— В Веллистат, — хрипло каркнула она.

— Зачем?

— Затем, что для вызова понадобятся жертвы, да не простые, людьми тут уже не отделаться.

— Рион — его ученик!

— Знала бы ты, как Дам жалел, что взялся учить этого недалекого неумеху... Знал бы Дам, что ты обо всем догадаешься — прихватил бы и тебя, рассуждала бы сейчас лежа на алтаре.

Я отпустила ее волосы и вытерла ладонь о штаны, не смогла удержаться. Отвернувшись, делая шаг к кладовке...

— Дура! — Лиэсса схватила меня за ногу. — Дура, вириец убьет тебя! У него нет выбора! Твой единственный шанс — Дамир!

— Шанс на что?

— На жизнь! Помоги ему, а потом...

— Что? — мне и в самом деле было интересно, в зале трактира все сильнее и сильнее пахло горелым. — Будем жить среди мертвецов веселой семьей на троих, как кочевники за Тесешем?

— Это лучше, чем смерть, — Лиэсса вдруг стала цепляться за меня, как нищенка у часовни Эола в попытке выклянчить медный черень. — У нас будет сила! Мы уедем отсюда, туда, где никто не будет знать... Мы заставим с нами считаться...

— Так ты мою силу делишь? — я отцепила ее руки от своей ветхой, истрепавшейся по краям одежды. — Тогда ответь на один вопрос. Сколько мне понадобится времени, чтобы убедить Дамира в том, что сила, поделенная на двоих, это гораздо больше, чем поделенная на троих? Зачем нам целитель, у которого резерв с наперсток?

— Ах, ты! — женщина просто задохнулась, ее умоляющие еще секунду назад руки, вдруг скрючились. Она схватила меня за руку, впиваясь ногтями в ладонь, и дернула на себя. — Сегодня ты сдохнешь, а я буду смеяться. Запомни это, последним, что ты услышишь в этом мире, будет мой смех...

На соседней лавке появились маленькие язычки пламени.

— Нет, — сказала я, — не будет. — И выпустила когти.

Не те человеческие обломки, которыми царапала меня Лиэсса. А свои призрачные когти, что появились у меня вместе с хвостом. Они вспороли ее кожу, словно наполненный вином бурдюк. Потекла кровь. Женщина завизжала, силясь убрать руку, дергая и дергая кистью, но вместо того, чтобы освободиться, только еще сильнее насаживаясь. Волосы упали, закрывая кривящееся от боли лицо. Без труда удерживая ее одной рукой, второй я дернула за серебряную цепочку, вытаскивая на свет украшение. И даже почти не удивилась, увидев на конце черную капельку маскировочного амулета. Точно такого же, как у меня.

— А Тамит знает, у кого еще есть подобный артефакт? — спросила я, но женщина продолжала дергаться, не слушая и не видя ничего вокруг. — Знает, что Дамир раздает их направо и налево? — Я сжала черный камешек в кулаке и ощутила слабую едва уловимую пульсацию. В нем еще была сила. Голод дал о себе знать, неприятным сосущим чувством, словно в

животе, вместо внутренностей находился водоворот. — Чем люди отличаются от вещей? — спросила я в пустоту. И сама себе ответила: — Ничем. Те же сосуды, только говорящие.

Камешек в моей ладони нагрелся, отдавая тепло, а вместе с ним и силу. Женщина замерла, тоненько подвывая, ее рука все еще была насажена на мои когти. Ее волосы вдруг посветлели, и в них появилось золото, они стали цвета рыжего закатного неба. Лицо помолодело...

— Сколько же у тебя имен? — прошептала я, глядя в зеленые глаза, что сменили черные, глядя в еще одно знакомое лицо, — Лиэсса. Или лучше Лиска? А может, Аська-хитруха?

Иногда мы не властны над своими эмоциями и над их проявлениями. Люди пугаются громкого крика, девки визжат, увидев мышь, кузнец выражается на великом и могучем тарийском, попав молотом по пальцу. Иногда что-то происходит помимо нашей воли. Так и сейчас я называла имена, а маски одна за другой проступали на ее лице и тут же исчезали, как сброшенные второпях вуали. Лиэсса, Лиска, Мира... А скольких я не знала, скольких не могла назвать и увидеть? Каждая из личин исчезала, забирая с собой какую-нибудь черточку ее лица: разлет бровей, цвет глаз, горбинка носа, пухлые губы, румянец...

Камешек остыл. И вместе с ним исчезли чужие лица, оставив после себя последнее.

— Аська-хитруха? Так тебя звали в родных Волотках? Когда-то давно, до того, как ты сбежала с заезжим магом, — я выпрямилась. — А мага звали Дамир Вышградский? Или тогда он еще не был Действительным? Вы тогда в первый раз столкнулись с вывертом?

Женщина задрожала всем телом, слепо смотря куда-то мимо меня. Она оказалась куда старше, чем я думала. Когда-то черные волосы уже начали седеть, губы оплыли, глаза выцвели и глубоко запали, окруженные сеточкой лопнувших сосудов. Обычная, ничем не примечательная, женщина, затюканная жизнью, уставшая от нее. Таких в Тарии тысячи. Как сказал покойный Казум, много лет минуло с тех пор, как она уехала из родного поселка.

Лиэсса перестала дергаться, перестала вырываться, лишь продолжала смотреть прямо перед собой. А кровь все текла по нашим рукам. Я уронила ставший бесполезным камешек, он ударился о лиф ее платья и замер на груди. Темный дым стелился по полу. Натертое мастикой дерево занималось медленно, и пламя еще только подбиралось к столу.

Когти исчезли, женщина упала на пол и уткнулась лицом в доски, судорожно дыша, будто пробежала не один десяток вар. Она больше ничего

не говорила, лишь сжимала и разжимала кулаки, несмотря на рану в ладони. Я нехотя отвернулась и пошла к кладовке. Нехотя, потому что... Я тряхнула головой, отгоняя назойливую мысль. Кошка рычала. Она была против того, чтобы оставлять врага за спиной. Живого врага. Сколько раз эта дрянь пакостила нам? Сколько раз оставляла с носом? И пусть сейчас Лиэсса лежала на полу, совершенно раздавленная, оглушенная... Но она встанет. Я обернулась.

Темную фигуру окутал дым. Чего же проще, приставить пальцы к шее и выпустить когти? Это нетрудно. Но несколько сложнее решиться на убийство, повинаясь доводам рассудка, а не действуя под влиянием момента. Не защищая свою жизнь.

Я подошла к двери, про которую говорил Дамир, той двери, которой опасалась Лиэсса, и принялась, удовлетворенно заурчав. Там находился некто знакомый. Некто, кому я очень хотела расцарапать лицо.

Я села прямо на пол, прислонилась спиной к дереву и уставилась на дым. Дышать, становилось труднее, огонь уже взбежал по ножке стола. Я не стала задавать глупых вопросов, слышал ли он нас? Не стала интересоваться, понял ли он, что я ни при чем? Я задала не менее дурацкий, но куда более важный вопрос:

— Зачем они вырвали мне резерв? Если знали, что я зеркальный маг? Если Дамир знал, зачем отправил на ритуал покаяния? — я закашлялась и прошептала: — Это лишено смысла.

Чернокнижник не отвечал целую минуту, и лишь, когда я подумала, что можно уже не ждать, а просто встать и уйти, Вит вздохнул и произнес:

— А зачем в гильдии попрошаек нищим выкалывают глаза? Чтобы они приносили больше денег. Им больше подают, их жалеют. Без глаз они в двадцать раз полезнее. А что глаза? За них будут смотреть другие. И говорить, куда идти. Так даже лучше, — чернокнижник коснулся пальцами двери, я услышала скребущий звук. — Кастрюля предназначена для того, чтобы в ней варили суп, а не для того, чтобы давать советы стряпухе. Зачем тебе резерв? Чтобы самостоятельно творить заклинания? Вот, еще. За тебя это прекрасно сделают другие. Твое дело — множить силу, даря могущество настоящим магам.

— Например, тебе.

— Например, мне.

— Значит, Дамир все знал, — я кивнула сама себе.

— Лучше спроси у него сама.

— Я спрашиваю у тебя.

Дым уже стал подниматься к потолку.

— Если не совсем дурак, а он, в отличие от Риона, не похож, то знал. Примерно с того самого момента, когда ты вытянула силу из камня его ученика. Такое мог бы проделать опытный маг, рискуя заполучить печать смерти, но не деревенская девчонка, если только она не...

— Зеркальный маг, — закончила я. — И теперь я могу лишь забирать силу и делиться ею. Но не могу ничего создать.

— Они будут рады, если ты поделишься с ними. Зеркального мага нельзя заставить.

— Ты все слышал? — все-таки спросила я, поднимаясь и зажимая нос рукавом.

— Не глухой. Но это ничего не меняет. Сожалею.

— Назови мне хоть одну причину, по которой я должна открыть эту дверь?

— Не назову. Просто уходи отсюда. Прямо сейчас и проживешь на час-два дольше.

Я коснулась засова, коготь проскрежетал по железу, соскребая ржавчину.

— Уходи, Айка. Сделай мне последнее одолжение.

— С чего бы это? — спросила я и дернула задвижку.

Дверь открывалась очень медленно, палец за пальцем. Темные щупальца дыма зацепились за косяк и поползли внутрь, теряясь во мраке кладовой, в которой вириец казался всего лишь бесплотным силуэтом. Всего лишь тень во тьме. Но эта тень шевельнулась и шагнула вперед.

Виту сильно досталось от Дамира. Не знаю почему, но это меня удивило. Чернокнижник казался мне, ну не знаю, сильным, сильнее всех остальных магов, и теперь такой щелчок по носу. На каждого сильного мага всегда найдется другой, более сильный.

Я отступила, продолжая закрывать рукавом нос. А Вит, наоборот, вышел из тьмы. По лицу чернокнижника текла кровь. Серые ленты, которыми хлестал мага Действительный, все еще были здесь. Но сейчас они больше напоминали гибкие стебли вьюна, что цеплялся за наш забор в Солодках. Эти тоже цеплялись, растопыривали гибкие усики и впивались в кожу чернокнижника, обвивая его лоб наподобие лент или сплетенного из магических растений венка, что надевают девки на день Высокой Воды. Только это украшение было хищным. Я чувствовала его голод, как один хищник знает о присутствии другого.

Вит поднял руку ко лбу, и серые шипы на стеблях магического венка шевельнулись, впиваясь в кожу и наливаясь лиловым цветом, словно насосавшиеся крови пиявки. Лиловый... Совсем как в том куполе, что по

иронии богов мы попали здесь же в Велиже. Они реагируют на магию, вспомнила я, и как только вириец пытается применить силу, пьют ее.

Чернокнижник пошатнулся и судорожно выдохнул. По лицу мужчины текла кровь, она оставляла на смуглой коже бордовые дорожки. Вит напоминал уличного шута, у которого потекла краска с лица. Один глаз был полностью залит кровью. В уголке рта запеклась ссадина, правое ухо распухло. И все же его серые глаза горели решимостью.

— Вит, — его имя — это все, что я смогла произнести, прежде чем он вышел из кладовки, словно мученик Эола, которому заковали голову в железный венец.

Я отступала, а он наступал, не сводя с меня глаз. Я закашлялась от дыма, прислоняясь к стене...

— Назови мне хоть одну причину, по которой я не должен закончить начатое? — прошептал Вит и уперся руками в перегородку по обе стороны от моей головы. — Без зеркального против демона у отступников нет ни единого шанса. Нет даже его тени. Как думаешь, если я убью зеркального мага, они остановят вызов?

— Да, — ответила я, глядя в его лицо, на дым, что собирался за его спиной, на языки пламени... Его рука тут же легла мне на шею, лишь слегка сдавливая сквозь повязку.— Но, чтобы остановить ритуал, они должны знать, что зеркальный мертв. Должны быть уверены. Но, боюсь, если ты придешь туда, — я качнула головой, стараясь не обращать внимания, на то, что Вит все сильнее и сильнее давит на горло, — и расскажешь, как задушил меня в трактире, вряд ли они впечатлятся. Придется тащить туда тело. Давай, я дойду сама?

— Это если у них нет запасного плана, — Вит покачал головой, не торопясь убирать руку, лишь перестал обхватывать горло, позволяя мне сделать вдох горького от гари воздуха. — А он должен быть. Хотя бы потому, что все началось задолго до вашей с Дамиром встречи, и задолго до вашей встречи с его учеником.

— Но тогда... — я не смогла договорить. Не смогла задать пришедший в голову вопрос. Страшный вопрос. Если в моей смерти нет выгоды ни Дамиру, ни Виту, если смерть зеркального никого не спасет и не остановит ритуал, то почему... За что чернокнижник хотел меня убить?

Я смотрела в его лицо, знакомое и незнакомое одновременно. Смотрела и не знала, что должна чувствовать. Не знала, кто он мне, а я ему. Убийца? Друг? Возлюбленный? Спутник жизни? А может, чужак, который только сейчас показал истинное лицо?

Не знала, и оттого сказала первое, что пришло на ум. Сказала правду:

— Ненавижу. За то, что убил.

— Ненавижу,— глухо ответил он, касаясь горячими пальцами подбородка. — За то, что не умерла. За то, что мне придется убивать тебя снова.

Он обхватил рукой мой подбородок и...

Видимо, сказалось все произошедшее со мной, все хорошее и плохое, усталость и раздражение, недоверие и надежда, и, Эол еще знает, что. Потому что, когда чернокнижник склонился к моему лицу и коснулся губами моих, я не оттолкнула его, не закричала, не сказала, чтобы он убирался к дасу в пекло. Я не сделала ничего, наслаждаясь его прикосновениями.

И касалась сама. Подняла руку и дотронулась его вымазанной кровью щеки. Лицо Вита замерло в двух пальцах от моего.

— Ненавижу,— повторил вириец. — Как жаль, что ты есть.

И снова поцеловал меня, на этот раз совсем не нежно. Скорее с жадностью, граничащей с грубостью. А я отвечала, ловя губами его губы, ловя его дыхание, зарываясь рукой в волосы и натыкаясь на лиловые шипы...

Вит зашипел, отстраняясь.

— Как жаль, что ты есть, — эхом повторила я, снова дотрагиваясь до стеблей магического венка, до подвижных шипов и поддевая пальцами обхватывающие голову хищные ленты. На каждого хищника найдется другой хищник. Заклинание Дамира пило магию чернокнижника, а я выпила само заклинание. Осушила залпом. Чужая сила провалилась в мой водоворот, даже не замедлив его ни на миг.

Серо-лиловый венок рассыпался хлопьями, которые исчезли, даже не долетев до пола. Чернокнижник ничего не сказал, лишь снова коснулся моих губ, но на этот раз легонько, почти вскользь. На этот раз его поцелуй отдавал горечью.

А потом развернулся, выругался, подскочил к окну и, сорвав занавеску, набросил ту на горящий стол, затаптывая танцующие на полу язычки пламени. Я вдруг поняла, что в трактире почти ничего не видно и нечем дышать. Подбежала к двери, напротив которой стояли железные рыцарские доспехи, и распахнула, вываливаясь на серую предрассветную улицу. Воздух показался мне приторно-сладким. Я никак не могла надышаться, не могла выдохнуть застрявший внутри запах гари и горечи.

— Вит, я... — заглянув в трактир, я тут же позабыла, что хотела сказать.

Чернокнижник уже потушил огонь, дым медленно развеивался.

Лиэсса, сидела рядом с доспехами, подтянув колени к груди. Мы встретились с ней глазами, как раз в тот момент, когда подошедший вириец, схватил ее за волосы и одним скупым движением перерезал горло. Перечеркнул шею, как пером по бумаге провел. Края раны разошлись, наполнившись кровью, алые капли осели на стене, косяке и... На мне.

В горле Лиэссы что-то булькнуло, кровь полилась ручьем. Женщина упала на пол, конвульсивно подергиваясь. Она не успела даже понять. Она не успела даже удивиться.

«Так вот, как это выглядит со стороны», — пришла непрощенная мысль.

— За-зачем? — тихо спросила я.

— Затем, — скупое ответил Вит. — Приключение закончилось. Началась реальная жизнь. Я не оставлю ее за спиной.

Кошка рыкнула, полностью одобряя его поступок.

— Она могла бы рассказать нам...

— Что? — перебил Вит, выходя из трактира. — Что, кроме вранья, ты хотела от нее услышать?

— Мы этого не знаем! Она отвечала на вопросы!

— Да. И я бы на твоём месте задумался: почему? Вряд ли ты такая устрашающая. Почему девка не сбежала, а всего лишь устроилась возле выхода, ожидая исхода нашей с тобой беседы? Почему она молчала, а потом вдруг разговорилась, рассказала о судьбе Риона. Разве она похожа на ту, кого волнуют чужие жизни?

— Потому, что... Потому что, — я закрыла глаза. — Она знала, что чужие жизни волнуют меня. Ей нужно было, чтобы я пошла туда. К источнику.

— Уверен, если бы ты не опознала в ней Миру, она придумала бы другой предлог. Ты будешь нужна там, у эпицентра выверта. Но нужна в определенный момент. Поэтому она и не ушла. Хватит. Она слишком много раз переходила нам дорогу.

Я молчала.

— Ты странная, Айка. Всегда была такой. Готова спалить город, — Вит обвел рукой наполненный дымом зал. — Но не готова убить врага, от которого куда больше вреда, чем от лесного пожара.

Я замотала головой, едва замечая, что отступаю от вирийца. Серо-голубые глаза сузились... Не знаю, что бы еще он мне сказал. Что мы вообще могли сказать друг другу? Но в этот миг нас ударило. Меня швырнуло на землю и протащило несколько шагов по мостовой. Вит упал на одно колено, плечи напряглись, рана на виске опять открылась. Два удара сердца, и прижимающая меня к земле волна исчезла. На стене дома на

уровне головы остались беловатые отметки. Пока едва различимые, но это пока.

— Выверт. Первая волна, — Вит сплюнул кровь на мостовую. — Это значит, что маги завершили вызов.

— Это значит, что жертвы уже принесены. Рион! — простонала я, поднимаясь и бросаясь бежать по улице.

Чернокнижник догнал меня в два шага. Я чувствовала разочарование и досаду. Но мысль, что пойманной птицей билась у меня в голове, была отнюдь не о бывшем ученике Дамира. И даже не о демоне. Не о самом действительном. Не о том, какого дасу я творю, и почему тороплюсь, как можно быстрее, оказаться в мышеловке.

Мысль, что назойливой мухой возвращалась снова и снова... Он убьет меня. Убьет, когда будет уверен, что это принесет пользу. Убьет так же просто, как и Лиэссу. Убьет так же легко, как и целовал. И рука Вита не дрогнет, он уже доказал это.

«Не забывай об этом ни на минуту, Айка. Не смей забывать».

Улица была прямой, как стрела. Если бы птицам, что летают меж облачных башен храмов Эола, было дело до людей и до их строений, то Велиж сверху напомнил бы им солнце. Такое, как рисуют углем на стенах домов дети, кружок фонтана в центре и лучи-улицы, расходящиеся от него в разные стороны. Помню, покойный Неман, даже рассказывал мне что-то занимательное из истории постройки города. Ой, как некстати я решила вспомнить покойника...

Дорога поднималась все выше и выше. Мы миновали мост через Верегу, тонущий в предрассветных сумерках сад, колокольню Эола... Что-то неправильное было во всем этом. Не в городе, не в его зданиях, а в самом рассвете, который все никак не мог наступить. Солнечный диск будто прилип к горизонту, отказываясь освещать то, что творилось в этом городе.

Я уже видела впереди каменную ограду парка Веллистата, когда Вит дернулся в сторону, уходя от скользящего удара меча. Лезвие врезалось в стену ближайшего дома, выбивая каменную крошку. В руке чернокнижника снова появился нож. Тот самый нож, который не находят ни при одном обыске. Тот самый нож, что всегда появляется в нужный момент, тот самый, которым он перерезал мне горло.

— Говорил же, если выберутся, точно сюда придут, — прогудел Рэйвен, выходя из-за угла приземистого дома и поигрывая мечом. — К тому Рэгом проклятому фонтану. Слушать надо, что тебе старшие говорят.

Вит выругался, нож исчез. Сразу за старым солдатом на улицу с

арбалетом наперевес выскочил Михей и облегченно выдохнул.

— Дорог много, — стараясь скрыть радость и тревогу, ответил стрелок.

— Оно, конечно, — согласился капрал. — Много, но эта прямая, что твоя стрела, а плутать вам тут некогда.

— Выбрались, значит, а мы уж и не чаяли, — из распахнутых дверей дома выглянул Тиш. — Господин кудесник, своему другу помочь не сподобитесь? Али занятые очень?

Солдат говорил зло, даже отчаянно, стиснув кулаки до хруста в костях. Словно он уже знал, что мы откажемся, словно даже хотел этого, чтобы поднять тяжелый меч не просто так.

У нас не было времени. Одна минута тут, и жизнь Риона — там. Вит не стал ничего объяснять, он просто отодвинул солдата с прохода и шагнул в холодный полумрак. Я подняла голову, над дверью чуть заметно покачивалась вывеска «Лошадиное пойло» с нарисованной с одной стороны головой то ли овцы, то ли козы, но точно не лошади.

— Где Рион? — почему-то шепотом спросил меня деревенский стрелок.

— Там, — я указала рукой на каменную ограду и закусил губу.

— Что, так плохо?

— Хуже некуда, — я юркнула в питейное заведение вслед за чернокнижником.

— Ты ранена? — не отставал стрелок, но я лишь дернула плечом, не отвечая. Нечего тут отвечать. Да, ранена, но эту рану не накроешь повязкой.

В зале пахло прокисшим пивом и настойкой боярышника, которая скиснуть не может по определению. Здесь, в отличие от трактира, где остановился Дамир, было более многолюдно. Столы и лавки оттащили к стенам, солдаты из бывшего десятка Рэйвена сидели прямо на устланном соломой полу, рядом валялись плащи и стояли кружки с пивом. Испуганный мужчина с нависающим над штанами брюшком держал в дрожащих руках свечу, а рядом с ним...

Сперва, я услышала хрип, потом увидела ее лежащей на полу. Оле, с изуродованным лицом, старалась сделать вдох, старалась закричать, но выходил только хрип. Над девушкой склонился Кишинт, с его пальцев стекали капли магии, и почти тут же рассеивались, не принося никому ни вреда, ни пользы.

— Киш, — позвал чернокнижник.

— Вит, — без особого удивления обернулся маг.

И я заметила, насколько он бледен, будто не выбрался из мира мертвых, а остался там.

— У меня ничего не получается,— напряженно сказал Киш, снова поворачиваясь к девушке, та шумно дышала и пыталась приподняться, но мужчина рукой удерживал ее на месте.— Я не целитель, моя магия здесь бесполезна.

— Бить-то вы, маги, — мастера, а вот лечить, — проговорил Грес и отхлебнул из кружки.

— То же самое можно сказать и про солдат, — тихо сказал за моей спиной Михей. — Они тоже бить горазды, а не раны перевязывать.

Мечник подавился пивом, закашлялся, хотел что-то ответить, но встретился взглядом с Рэйвенем и затих, опустив голову.

— За целителем послали? — Вит встал по другую сторону от девушки.

— Сразу. Кули с Эришем убежали, так до сих пор и воротиться не могут,— капрал убрал меч.

— Гиблое место, этот ваш Велиж, — сплюнул на пол Орир. — Как есть, гиблое. И Солнце, словно прилипло к земле...

Значит, не только я одна заметила.

— Помолчите, — рявкнул Кишинт, снова касаясь девушки магией.

Девичья перекрученная кожа, вздулась волдырями, обезобразив щеку до неузнаваемости, словно ей в лицо плеснули кипятком. Ей и плеснули. Тот самый Киш, что так сейчас старается ей помочь. Притвора сказала правду, мир мертвых отсрочил боль. А теперь вернул, как и Риону. Вернул сторицей. Я даже представить не могла, на что было похоже возвращение Оле в мир людей.

Свет, что держал над их головами незнакомый полноватый мужчина, задрожал.

— Я знаю, что тебе надо идти, — глухо проговорил Киш, посмотрел на хозяина пивной. Тот вздохнул, облизал губы и придержал одной рукой покачивающуюся лампу. — И знаю, что должен быть рядом с тобой там. Но не могу уйти и бросить ее. Это сделал я, из лучших побуждений, но... — маг скривился.— Не могу, даже если жить нам осталось всего несколько минут.

— Ты мне ничего не должен, Киш.

— Мне лучше знать о своих долгах... Рэг, мне бы хотя бы каплю силы целителя.

— Давно вы здесь? — спросила я у Греса.

— Пару часов. Считать-то умеешь, ручная зверушка? — спросил солдат, посмотрел в мутное слюдяное окно и заговорил уже без злости: —

Сейчас и не поймешь, минута прошла, али час, — солдат выпил пива и, судя по пустым кружкам, выпил его уже немало, хотя глаза мужчины оставались трезвыми, злыми и испуганными.— Мы здесь рядом вывалились из того белесого мира покойников. Другая девка сразу сбегла, как эта, — кивок на Оле, — в крике зашлась.

«Конечно сбегла», — подумала я, раз объявилась через пяток улиц совсем в другом обличье, а ведь она была целителем, могла бы попытаться помочь... Я выпрямилась.

— Проводницу видели? — спросил Вит.

— Видели, — ответил Рэйвен, — ходит вокруг, принохивается, ищет что-то. Или кого-то. В последний раз в лавку, что на той стороне улицы, юркнула, хотя вроде заперто там...

— Сила целителя и в самом деле поможет? — шепотом спросила я у Кишинта. — Даже если она будет отдельно от этого самого целителя?

— Должна, — напряженно ответил он, так как в этот момент девушка снова зашлась хрипом, один из волдырей на лице лопнул.— Пусть я и не умею с ней обращаться. Но эта сила сама по себе заживляющая. Тут все просто, сам целитель истратил бы щепотку, посыпав на нужное место. Я же буду должен ухнуть ведро, просто надеюсь на авось, надеюсь, что зацеплю нужное место случайно... хотя,— он махнул рукой.— Бесплезный разговор. Идите, время уходит.

— Время стоит,— сказал вдруг очутившийся за спиной Вит.

— Я могу отдать вам силу целителя, правда, ее немного, но...

— Ты не понимаешь, о чем говоришь, — прервал меня Кишинт. — Просто так забирать и отдавать силу могут только... — тут он повернулся и посмотрел... Не на меня, на стоящего за моей спиной чернокнижника. — Ты же не хочешь, сказать, что она... — он опустил взгляд на мое лицо, — зеркальный маг?

— Хочу, — ответил Вит и положил руки мне на плечи.

Я вздрогнула, едва подавив желание отшатнуться. Тот, кто перерезал мне горло, сейчас стоял за спиной и касался плеч. А нож в его руке может появиться очень быстро.

— Рэг и все его угодники! — маг вскочил, на миг забыв о девушке у ног, забыв о том, где находится, и что происходит.

Киш плечом толкнул мужчину с лампой, масло пролилось на соломенный пол. Задел сидящего неподалеку Греса, едва не выбив у солдата из рук кружку, и, разбив ту, что стояла рядом.Трактирщик осенил себя знаком Эола. Мечник витиевато выругался. Это помогло и тому, и другому. А вот Кишинт...

— На ней печать смерти! — рявкнул он так, что даже Рэйвен едва не подавился.

Вот тебе, Эол, и черный день! Снова печать? Я вздохнула. Нет смысла пенять богам. Они глухи и слепы. Иначе бы видели, что Лиэссу убил Вит, и не наградили бы отметиной меня, пусть даже и я вытянула из погибшей всю магию.

— Кого она уже успела убить? Того самого целителя? Почему она еще жива?

Я судорожно выдохнула. Знала же, что добрые дела наказуемы, так нет, все равно влезла с предложением помощи.

— Потому что, — не стал вдаваться в подробности Вит. — Тебе нужна сила или нет?

— Но...

— Как будто иные маги не убивают? Будто вы сами никого не порешили? А все туда же, пальцем тыкать. Вам-то я что сделала? Не в том месте мостовую перешла? Не так посмотрела, и молоко скисло? А может... — на губы легла теплая рука вирийца, обрывая поток слов.

— Ничего, — ответил Киш, и у него хватило совести смутиться, — ты ничего мне не сделала, но зеркальные маги убивают...

— Киш! — прервал его Вит.

— Хорошо! Как знаете, — Кишинт поднял руки. — Сдохнешь, ко мне не приходи, — высказал он чернокнижнику, выдохнул, сел обратно на пол, осторожно коснулся щеки девушки и тихо, так тихо, что едва можно было разобрать, ответил: — Да, мне нужна сила целителя.

Руки Вита чуть заметно надавили на плечи. Я нехотя подняла ладонь, и, поколебавшись на мгновение, Киш коснулся моих пальцев своими. Опасливо, насторожено, так хозяйка трогает воду в бадье, куда минутой ранее кинула нагревательный камень. Трогает, боясь обжечься.

Силы было немного. Она осела на дне моего водоворота мелкими речными песчинками. Всего пригоршня, едва заметно колющая ладонь. Я подняла ее со дна и перелила в руку мага, стараясь не расплескать, стараясь вложить в нее как можно больше отражений зверя, что жил во мне. Зверя, что был мною. Сосущее чувство внутри усилилось, в животе снова заурчало.

— Тссс, — емко высказался Кишинт, убирая ладонь и торопливо касаясь судорожно подергивающейся девушки. — Рэг и все его угодники.

— Вы повторяетесь, — я повела плечами, сбрасывая ладони Вита.

— Знаю, — Киш выплескивал магию на Оле, и та еще секунду назад хрипевшая, стала потихоньку успокаиваться.

— А вот и притвора, — стоящий у дверей Рэйвен, указал куда-то на улицу, и Михей на всякий случай поднял арбалет, прицеливаясь.

Вит в два шага оказался у двери.

— Можно спросить? — я смотрела на напряженную спину мага.

— Можно, — со вздохом произнес он. — Но я не обязан отвечать.

— Даже после того, как я дала вам силу? Даже после того, как вы ее взяли, несмотря на печать смерти?

— Чего тебе надо?

— Вы говорили мне, что делиться магией могут лишь созданные богами друг для друга? Лишь пары? Но почему же тогда... — я задумалась, пытаюсь объяснить Кишинту, то, что волновало меня с той минуты, как я дала силу Лиэссе. — Почему тогда я смогла проделать это с вами, и еще с одним.. с одной... Я хочу спросить, есть ли шанс, что мы с Витом не...

— Что вы не истинная пара? — маг обернулся, прищурился, взглянул на что-то над моей головой. — Понятия не имею.

— Доходчиво. — Я отвернулась.

— Ты не поняла, — пояснил маг. — У меня нет ответа для тебя. Я не знаю, как это происходит у зеркальных. Говорят, что истинные пары делятся не только силой. Они делят все: и радость, и счастье, и боль... Ты чувствуешь его боль? — девушка на полу, наконец-то, замерла, дыхание стало ровным и глубоким.— Ты выпила целителя, — Киш поморщился. — Могла выпить меня. Но если ты захочешь выпить Вита... Нет не Вита, а избранного для тебя богами, кем бы он ни был, то...

— Айка, — позвал чернокнижник с улицы.

— Что? — я подалась вперед.

— ...у тебя ничего не получится.

— Айка, — уже громче, повторил вириец, и я, бросив последний взгляд на Кишинта, выскочила из пивной.

Очень хотелось, по примеру солдат, выругаться вслух. А еще разбить что-нибудь ценное, может быть, потопать ногами и повизжать.

Боги совсем выжили из ума? Или я что-то натворила, за что меня надо наказать? Почему же они одному дают в руки нож, а у второго отнимают возможность защищаться?

— Почему нет людей? — раздался за спиной голос Михея, у него были свои «почему». — Почему не открывается булочная, почему мельник не везет муку, а водонос — воду?

— Потому что, — весело ответил чернокнижник, напряженно разглядывая дом напротив. — Люди очень похожи на крыс. Не замечал? — стрелок промолчал. — Они всегда разбегаются по норам при первых же

признаках опасности. Они знают, когда что-то не так. И не выйдут, пока это «не так» не закончится. Ты чего выскочил? — без перехода спросил Вит. — Чего пиво не пьешь со служивыми? С нами собрался? Умереть за компанию?

— Скажи «нет», — посоветовала я парню. — Всех остальных он сразу к заговорщикам причисляет.

— Я не заговорщик, — пожал плечами Михей. — А с вами я узнаю обо всем первым. В омут или побарахтаемся. — Стрелок взвесил в руке арбалет. — Да и сами сказали, с дасу можно было справиться артефактами... Ну, хотя бы защититься, как теми камнями, из которых строили Вирит. А «дающие жизнь вещам» тоже не боятся этих ваших вывертов.

— Они не мои, — чернокнижник дернул головой. — А ты вообразил себя искусником? Артефактор, который не умеет создавать ничего, кроме накопителей силы, — попенял Вит, делая несколько шагов к дверям лавки. Михей покраснел и упрямо поднял арбалет, словно в доказательство своих умений. — Не советую выходить против дасу с этой стрелялкой, не та весовая категория.

— Кудесник, — окликнул вирийца от дверей пивной Рэйвен, — мы будем ждать вас здесь.

— Ждать — не самый лучший вариант.

— Я не спрашиваю. Я ставлю в известность, — ухмыльнулся капрал, от него за вар разлило пивом. — Воевать за вас мы не будем. Ни с дасу, ни с тарийской стражей, ни с магами.

— Услышано, — кивнул чернокнижник и добавил: — Если объявится притвора, передайте ей, что чернокнижник держит слово. Тот, кого она ищет, ушел за стену, — мимолетный взгляд на ограду Веллистата, — и если она не поторопится, то дасу может вполне отомстить за нее.

Я едва слышно зашипела. Его слова были неправильными. Они пахли обманом и смертью. Они просто смердели.

— Передам, — после паузы ответил солдат. — А кого она ищет?

— Меня, — усмехнулся Вит и направился вверх по улице.

И, наверное, лишь я заметила, как в проходе между домами мелькнула тонкая фигура в домотканой одежде. В передаче слов не было никакого смысла. Тот... Та, для кого они были предназначены, все слышала.

Прямая, как луч солнца, улица заканчивалась, упираясь в светлый каменный забор. Но если взять чуть правее, то в сад фонтана силы можно пройти сквозь кирпичную арку. Калитки не было, как и запоров. Зато стояли два охранника. Хорошо стояли, навтыжку. Прямой разворот плеч, подобающе торжественные лица, сразу видно, что им оказано высочайшее доверие. По-моему, даже излишне высочайшее.

У нас с такими глазами пастух Иська предложение пекаревой дочке делал, и с такими же брел обратно, получив ромашками по морде. У пекаревой дочки Альки рука тяжелая, впрочем, как и все остальное.

— Не пропустят,— словно прочитал мои мысли Михей, разглядывая стражу сквозь кусты бузины.

— У них нет выбора, — в руке Вита на миг снова мелькнуло лезвие. Именно, что мелькнуло, за один удар сердца собралось из едва заметной серо-стальной дымки, и в ней же растворилось. Я взмахнула призрачным хвостом. Эта дымка, очень вкусно пахла, а у меня снова стало сводить живот от голода.

— Не слишком ли прямо они стоят? — спросила я. — Как истуканы в часовне Эола.

— Слишком, — Вит подался вперед, что-то пробормотал, а потом, совершенно не скрываясь, вышел к арке.

Служивые остались равнодушны, продолжая так же смотреть на каменную стену ближайшего дома. Михей вывалился из кустов следом, держа стражу на прицеле, хотя в этом не было ни малейшего смысла. Солдаты хоть и смотрели на мир широко-распахнутыми глазами, но не видели ничего и никого.

Я обошла кусты и встала чуть в стороне, продолжая оглядывать часть улицы и просветы между домами. Сквозь беспокойство и общее чувство тревоги проскальзывало ощущение, что за забором кто-то прячется. Кто-то легконогий и верткий. Как нечисть.

— Зачарованы, — вынес вердикт чернокнижник. — Основательно подготовились.

Это, видимо, была похвала.

— Что нас ждет там? — спросил Михей. — Что мы должны сделать?

— То же, что и раньше. Остановить выверт.

— А как? — спросила я, посмотрела на чернокнижника, и тут же пожалела, что открыла рот. У него был в запасе способ решения проблемы. Радикальный.

— Либо заставить заговорщиков остановиться, — чернокнижник снова посмотрел на арку, — либо...

— Подобрать ключ к замку и закрыть проход в мир дасу? — уточнил Михей планы на ближайшее будущее.

— Это, если будет ключ. А то в Волотках ключ и замок были одним целым, и ничего мы с этим жерновом поделывать не смогли, — я осторожно подошла к арке и заглянула внутрь. Ничего зловещего, лишь прохладная утренняя тень. — А у них здесь...

— Фонтан силы, — закончил Михей.

— Фонтан силы, — подтвердил Вит. — Поэтому, ключ будет. Никто бы не позволил магу, кем бы тот ни был, накладывать заклинания на источник. Я бы на их месте заготовил ключ-псише.

— Как у нас в Хотьках,— прошептал стрелок, и хотел что-то еще добавить. Что-то позволившее еще минуту другую поболтать у забора, а не лезть в пекло сразу. Недаром же никто из нас так и не решился войти в арку сразу...

Но нас снова ударило. Когда я говорю «нас», то имею в виду себя и Вита. Михей остался стоять, как стоял, лишь арбалет качнулся в его руках.

Вторая волна была сильной, самой сильной из всех. Меня опрокинуло навзничь, затылком я приложилась к мостовой так, что перед глазами замелькали цветные искры, рот наполнился привкусом крови. Невидимый молот ударил в грудь и не исчез, продолжая прижимать к земле так крепко, что не было сил даже сделать вдох, не было сил сопротивляться.

А Вит отреагировал на него совсем иначе. Было видно, что волна ударила его в бок. Ударила сильно, так, что вириец повалился на колени и уперся ладонями в мостовую, чтобы не разбить лицо. Я видела, как он сжал челюсти, видела, как вздулись вены у него на шее... Только чернокнижник, в отличие от меня, не сдался, не позволил прижать себя к земле. Он зарычал и вдруг рывком оторвал от мостовой руки, раскидывая их в стороны и выпрямляясь прямо навстречу воздушной волне.

Он стоял на коленях, вытянув руки в стороны и кричал... Нет, не кричал, он пил, пил волну выверта, как может пить терзаемый жаждой человек воду. Его рот открывался и закрывался, его кадык ходил ходуном под кожей...

Помню, сын кузнеца спяну бросил в колодец куриную тушку. Ее, конечно, выловили... Дня через два. Но колодец к тому времени стал непригоден. Староста Верей поворчал и велел рыть новый, первым взявшись за лопату. Кузнецова отрока заперли в амбар на два дня. Без капли воды. Так вот, когда староста снял навесной замок, парень на подгибающихся ногах бросился к ближайшей луже, где копошились свиньи, и стал пить, пить и пить.

Чернокнижник сейчас выглядел так же. Разве что, свиней поблизости не наблюдалось.

Михей вертел головой. У одного из стражей, что стерегли арку, громко хрустнуло колено и тот, все так же улыбаясь, повалился вперед. У второго текла из уха кровь, но он стоял.

Казалось, этой волне не будет конца. Казалось, она будет давить на меня, пока не впечатает в мостовую.

Но волна закончилась. Так же неожиданно, как и началась. Воздух исчез на целый удар сердца, а потом невидимые тиски ослабли. Я перевернулась на живот и закашлялась.

— Айка... господин искусник, — Михей не знал, к кому из нас кинуться. — Вит... Да, что же это делается...

— Нормально все, — прохрипел чернокнижник, поднимаясь. — Жить буду. Вторая волна. Будет еще и третья. — Он вытер лицо рукавом.— Три волны, три жертвы, три...

— Я уже поняла, что магов переклинило на цифре три, — пробормотала я, поднимаясь и сглатывая кровь, щеку саднило. — Надо идти. Кому-то там очень не терпится вызвать дасу.

— Очень не терпится, — кивнул Вит, первым вступая под сень арки. — Так невтерпеж, что нас даже поторопили.

Глава 12. Песнь источника, или вкусовые пристрастия зеркальных магов средней полосы Тарии

Мы ступили под сень арки. Если в Велиже все еще царило бесконечное утро, то здесь в тенистом саду задержалась сама ночь. Каждое пришествие демона в наш мир сопровождалось чем-то неправильным. Туманом, что пожирал землю шаг за шагом. Грозой, когда очередной удар молота Эола едва не раскалывал мир пополам. А в этот раз... В этот раз день просто отказался наступать. Солнце не взойшло на небосклон, не желая освещать своими лучами то, что здесь происходило. Оно оставило это во тьме.

Полумрак сада, расчерченный угловатыми ветками и резными треугольными листьями. Редкие шорохи, далекие крики птиц и тихое журчание воды. А еще, мне послышалось... Я могла поклясться, что слышу далекую песню, словно там, в глубине сада перебирал струны лютни менестрель, вполголоса напевая о первой любви. Или о последней.

Вит прижал палец к губам и двинулся по уводившей к стриженным

кустам тропинке, Михей, не выпуская арбалета, пошел следом. Я замешкалась, неосознанно повернувшись вправо и насторожив уши. Вот, снова музыка, перебор струнного инструмента, и тонкий далекий голос...

— Айка,— шепотом позвал Михей, и я с сожалением догнала мужчин, хотя так и подмывало обогнуть толстый вяз и посмотреть, кто там играет.

Я знала, что никто там играть не мог. Но играл. Говорят, любопытство сгубило кошку.

— Вы не слышите? — так же шепотом спросила я.

Михей ничего не ответил, лишь нахмурился, Вит ожег злым взглядом и отвернулся.

Нет, так нет.

Тропинки в саду Веллистата были вымощены белым речным камнем. Гладкая поверхность тихо шуршала под подошвами сапог, но даже этот звук вдруг показался мне раздражающим. Мешающим слушать далекую, на грани слышимости, песню.

В прошлый раз меня вели совсем другой дорогой. Или может быть, от страха я мало что соображала. Сейчас же мысли метались, словно стая крыс, слишком многочисленная, и слишком бестолковая. Но страха все еще не было. И это печально. Страх, как бы его не презирали герои баллад, нужен. Страх не дает людям делать глупости, не дает им бросаться сломя голову в темные пещеры, не дает лезть в пасть серому ящеру, что поджидает там. Страх полезен. Раньше я хотела убежать в лес. Сейчас же...

Чернокнижник выдохнул, Михей зашептал слова молитвы, такие знакомые и такие чуждые в этот момент. Я обошла парня с арбалетом и выглянула из-за плеча... И зашипела. Зло. Отчаянно. Бессильно.

Тропинка, по которой шел Вит, пересекалась в другой, и на этом пересечении стояла маленькая каменная чаша. Самая обычная вода тихонько журчала, поднимаясь и опадая в центре. Кажется, это называли то ли питьевым фонтаном, то ли купальней для птиц, я толком не помнила. Для меня и то, и другое, было одинаковой глупостью. Птицы вполне могли купаться и в луже. Да и люди пить — тоже.

Эол, какие только глупости не приходят в голову. Не каменная чаша миниатюрного фонтана, заставила меня зашипеть. Не текущая вода, странным образом перекликающаяся с далекой песней. Не она, а...

У каменной ножки фонтана сидел Рион. Сидел неподвижно, неловко привалившись к каменному основанию. Черные глаза парня были широко распахнуты. Они смотрели куда-то вдаль, куда-то, где нет этого мутного сумрака и этого бесконечного журчания. Лоб бывшего чаровника обвивали уже знакомые серые ленты заклинания с лиловыми шипами, только сейчас

эти серые ленты оплетали не только голову Риона, они сползали со лба и цеплялись шипами за основание фонтана, кроша камень, и не давая парню даже шевельнуться. Его приковали к камню. Приковали магией, которая пила его силы, пока...

Пока что? Пока не выпила все? Или пока Рион не умер?

Михей опустил арбалет, забывая слова молитвы.

Вит вполголоса выругался.

Возмущенный таким кощунством покойник вдруг закрыл глаза, открыл их, судорожно вздыхая, снова установился на кусты. Сердце парня заколотилось, словно брошенный ребенком мячик, что до последнего ударяет о каменную мостовую.

— Рион, — закричали мы одновременно.

Парень шевельнулся, застонал, пытаясь искоса взглянуть на чернокнижника. Вит опустился на колени.

— Что произошло?

— Не... не знаю.

— Как ты? — с другой стороны к купальне подошел Михей. — Жив?

— Ка... ка-кажется.

— Где твой учитель? — снова спросил чернокнижник.

— Ушел, — с трудом сглатывая, ответил Рион. — Он... он...

— Мы знаем, — перебила я.

— Нет, — парень попытался мотнуть головой и застонал от боли. — Он хотел... хотел... ему нужна была моя сила... на алтаре...

Я склонилась к бледному лицу Риона, на коже парня выступила испарина.

— Но потом... потом... — он облизнул губы, вскинул руки к голове, шипы тут же налились ярким цветом, и чаровник уронил ладони на землю, взгляд парня стал мутным.

— Твой учитель обнаружил, что у тебя больше нет накопленной силы. Обнаружил, что твой резерв прохудился, как дырявый кувшин. И ты стал для него полностью бесполезен.

— Айка, — выдохнул парень, стараясь заглянуть мне в глаза. — Я не знал. Клянусь Эолом.

— Верю, — тихо ответила я, и провела пальцами по лбу Риона. Зверски хотелось есть, а серые ленты на лбу парня так аппетитно пахли, словно запеченный на вертеле гусь.

Я подцепила обвивающие голову магические путы. Лиловые шипы шевельнулись, потянулись к ладони, прокалывая кожу... На свою беду прокалывая. Заклинание исчезло, мгновенно впитавшись в мою кожу, как

впитывается вода в мягкую ткань. Да, так лучше. Намного лучше. Голодный водоворот внутри меня не замедлился, но чувство голода чуть притупилось.

— Но жертва ему все равно понадобилась,— мрачно возразил Вит. — Если не ты, значит, другой маг.

Вместо ответа бывший чаровник завалился на траву. Глаза парня закатились.

— Так, — проговорил Вит, переворачивая парня и подхватывая под руки. — Михей, бери его и тащи в ваш этот... Веллистат. Найди там....

— Кого?

— Кого угодно, — вириец со стрелком подняли Риона, бывший чаровник навалился плечом на Михея, и даже, кажется, попытался опереться на ноги.— Не все же тарийские маги сошли с ума. Не может такое твориться с разрешения совета. Не должно твориться. Если найдешь, веди к фонтану, правдами и неправдами. Пусть сражаются за свой источник.

— А Михея не принесут в жертву за следующим кустом? — я придержала голову Риона, парень что-то пробормотал.

— Не принесут. Не повезло заговорщикам. Если для вызова дасу мы бы еще сгодились, как и любые другие люди и нелюди, то для вызова чего-то выше и сильнее демона, нами они уже не откупятся. Силы смерти маловато будет, нужна магия. Ни у кого из нас нет резерва, выплеска силы не будет. Поэтому нас называют порченными. — Чернокнижник передал Риона Михею, тот огляделся и стал медленно отступать обратно к арке. — Хотя убить вас просто так, из любви к искусству, это не помешает, так что, в любом случае советую смотреть в оба. А еще лучше обзавестись глазами на затылке.

— Понял, — кивнул стрелок. — Тогда пойдем вдоль забора. Здесь от каждого куста только и жди беды. Уж лучше далече, но не заплутаем. Вы только... это... — он обернулся,— не вздумайте умереть без меня.

— Постараемся дождаться, — серьезно кивнул Вит.

Михей хекнул и потащил Риона к забору, арбалет болтался у него за спиной, так и норовя ударить по задку. Бывший чаровник вяло перебирал ногами и больше мешал, чем помогал.

— Ты хочешь их спасти? — спросила я, чувствуя, как в груди теплеет.

— Идем, — не отвечая, бросил Вит.

Интересно, а почему меня никто спасти не хочет?

Темный полумрак сменился серыми предрассветными сумерками. Через несколько минут мы вышли к каменному строению, больше всего

похожему на склеп. Сердце учащенно забилося. Я помнила эти украшенные барельефами стены и помнила, что произошло за ними...

Снова кольнуло теплом, но на этот раз не грудь, а чуть ниже. Далекие переборы струн стали ближе и отчетливее, еще десяток шагов, и я смогу, наконец, разобрать мелодию.

Я рассеянно потерла зудящий бок.

— Последнее пристанище кающихся, — вспомнила я, как называл этот склеп Рион.

В прошлый раз меня привели, к нему с другой стороны, оттого рисунки на внешних стенах я не разглядывала. Да и не до того тогда было.

Часть светло-серокаменной стены заросла диким вьюном, который успел даже местами высохнуть. Я отвела в сторону хрупкую ветвь, с которой тут же посыпались увядшие листья. Здесь тоже были выбиты картины. Люди и маги. Человек в нательной рубахе стоял на коленях, запрокинув голову к небу. Другой держал над этой головой меч. Нет бы, чего хорошего изобразили, свадьбу там, или посвящение Эолу. Так нет, тянет их на всякую пакость, вроде смертоубийства.

— Айка, — поторопил чернокнижник.

Я дернула за стебли, обрывая сухие побеги. На следующей картине, тот, что стоял на коленях, перехватил руку с опускающимся мечом. И хотя в целом изображение вроде бы осталось прежним, но... Скульптор был талантлив, ему всего несколькими штрихами удалось показать, как изменились выражения лиц изображенных. Пленник больше не смотрелся пленником. Черты его лица стали жестче, упрямее, на них проскальзывало что-то похожее на уверенность. А тот, что заносил меч, наоборот стал испуганным, почти на грани паники, еще секунда, и он с криком отшатнется.

Чем могло испугать мага простое касание?

— Этот ритуал изначально придумали для казни зеркальных магов, — глухо сказал Вит, и весомо добавил: — Идиоты. Потом, конечно спохватились, да поздно было. Идем.

— Что вам всем сделали зеркальные маги? — я не могла толком вспомнить ни одной легенды, ни одной баллады. О зеркальных магах не рассказывали сказители, их не воспевали менестрели, даже в качестве самых что ни на есть злодейских злодеев. — Они что, на завтрак младенцев кушали?

Словно в подтверждение этого предположения живот предательски заурчал от голода.

— Ты как? Держишься? — вместо ответа спросил Вит. В глазах

напряженное ожидание. А в руке снова собирается серо-стальной дымкой нож. Если отвечу, нет...

Беда в том, что я понятия не имела от чего или за что мне надлежало держаться.

Вместо ответа, я стала срывать оставшиеся стебли, за ними пряталась третья картина. Высохшие растения сменили зеленые, обрывавшиеся с тихим чмоканием, ладони стали липкими от сока.

— Айка, — чернокнижник поймал меня за руку и развернул к себе. — У нас нет времени на...

Я отвела взгляд от ножа в его руке, во всяком случае, постаралась, но глаза как назло возвращались к тонкому стальному лезвию. Бежать! Немедленно! Хватит с меня этих мужских игр. Лиска уже поплатилась за то, что влезла. Пусть делят этот мир и магию без меня.

Но я никуда не побежала. Распушила невидимый хвост, подняла голову и спросила:

— Вит, скажи мне, за что убивали зеркальных магов? Скажи здесь и сейчас. Пока мы не дошли до...

Серые глаза чернокнижника потухли, а на лице появилось отчаяние. Такое страдание, словно я попросила его не на вопрос ответить, а сотню другую серебряных динов в долг. Бок снова потеплел, и я бессознательным жестом потеряла его сквозь куртку, все еще ожидая ответа.

— Айка, что у тебя... — не договорив, Вит схватил меня за... грудь.

Да, я взвизгнула, как селянка, которой задрали юбку подвыпившие мужики в корчме. Одно хорошо, нож исчез из мужской ладони, зато сама ладонь, прошлась по телу отнюдь не ласково, а скорее требовательно. Я отшатнулась, шипя и выпуская когти...

Но чернокнижнику не было никакого дела до моей груди. Да и до всего остального тоже. Все, что его интересовало, сейчас лежало в широкой ладони. Кулон с черным камешком. Мой артефакт, превращавший Айку Озерную из белесой твари, в обычного человека. Кулон, что мужчина ловко вытащил из моего кармана.

— Тсс... горячий, — прошипел Вит, перебрасывая кулон из одной руки в другую.

Синеватая искорка мигнула внутри черного камня и погасла, потом вторая, и еще несколько огоньков словно осели на его блестящей поверхности. Все это здорово напоминало поиск артефакта. Вит сам запускал такой в Волотках.

— Они знают, что мы тут, — сказал Вит.

И нас накрыло третьей волной.

Хотя в первый момент мне показалось, что наступил конец света, и можно уже ни о чем не волноваться. Меня швырнуло на чернокнижника. А его самого — на украшенную барельефами стену. Горячий камешек оказался зажат между нами. Нас сдавило со всех сторон, словно попавшую между молотом и наковальней болванку. Сдавило, не давая дышать.

Мир вокруг потемнел, сузился до куска ткани, что впечатывался сейчас мне в щеку. До быстрых ударов чужого сердца. И даже музыка, такая далекая и такая близкая, прервалась. Спина горела, словно по хребту и в самом деле вlepили кузнечным молотом. Если так, то на этом все и закончится. С перебитым хребтом не повоюешь. Помню на Оську-гончара телега свалилась с оси, бабушка еще тогда... Нет, не хочу думать об Оське.

Теперь я знаю, как чувствуют себя травы в ступке, когда их сминают пестиком. Нас с Витом вжимало в каменную стену так, что та, того и гляди, треснет. Или треснем мы. Все, что я смогла, это чуть приподнять голову, чтобы увидеть шею и подбородок Вита. Увидеть, как дергается кадык на шее мужчины. Он снова пил. Или задышался. Или и то, и другое одновременно.

Если я открою рот, то смогу только кричать. А может, не смогу и этого. Воздуха не хватало, легкие горели.

Если чернокнижник сейчас «призовет» нож, но тот появится прямо во мне. Обретет стальную форму внутри и вспорет брюхо. Я зажмурилась от страха.

Волна выверта клубилась, била и била. Сила kloкотала внутри и снаружи. Снаружи и внутри. Много силы. Целое море, сейчас бурлило вокруг нас, как вокруг корабля, грозя разбить его о скалу.

И я не выдержала, поддалась ей, позволила делать с собой все, что угодно. Позволила прижимать себя к Виту, к его груди, к полоске открытой кожи над воротом. И в тот момент, когда мы соприкоснулись, мой лоб и его ключица, когда нас не разделяла ткань... Сила ворвалась в меня, как приливная волна и затопила по макушку. Ее было так много, словно выверт происходил не только снаружи, но и внутри, грозя вывернуть вместе с миром и меня. Кошка взвилась, царапалась и выгибалась, шипя и брызгая слюной. А мир продолжало выворачивать наизнанку.

Не знаю, сколько это длилось. Может, вечность, а может, две вечности. Я просто перестала ждать. Перестала чувствовать и понимать, что происходит вокруг.

Я поняла, что все кончилось, когда услышала...

— Держи! Держи ее крепче!

— Черт, тяжелая, тварь!

...услышала голоса.

...услышала мелодию.

Даже не знаю, что раньше.

Наверное, я потеряла сознание, а когда распахнула глаза, то уставилась прямо в серое все еще темное небо с громадным диском луны, висящим прямо над головой. Вита рядом не было. Артефакта тоже. Двое мужчин тащили меня куда-то за руки и за ноги. В ушах грохотом барабанов колотилось сердце, и в ритм его ударов вплетался еще один и еще. Словно все эти сердца бились вокруг меня, и из их ритма складывалась мелодия. В нее вплетался перебор струн и тонкие голоса дудочек и чего-то еще, чему я не знала названия.

На меня нахлынули воспоминания, я знала эту песню и поняла, куда меня притащили, еще раньше, чем повернула голову и увидела каменную чашу.

Фонтан Силы.

Не было никаких менестрелей. Не было странных ночных серенад. Пел фонтан.

Пятки ударились о землю. Тащивший меня за ноги мужчина вытер руки о черную рубаху. Он был в капюшоне, скрывавшем его лицо почти полностью, я могла разглядеть лишь острый бледный подбородок.

Я, зашипев, извернулась и вырвала запястье у того, кто держал за руки, живот свело от голода... Только этим я могу объяснить произошедшее следом, так как соображала я мало. То есть, еще меньше обычного.

Второй тоже был в капюшоне. Но меня мало интересовало его лицо. Куда больше меня манил запах, что источал маг. Запах силы, что плескалась в нем, как топленое молоко в крынке.

Изогнувшись, я уже сама потянулась к нему. Потянулась рукой и хвостом, схватила за ладонь и заурчала от удовольствия. Его сила походила на вишневый кисель, густая с кисловатой ноткой.

Я урчала, а мужчина кричал. Верещал, как торговка, у которой увели корзину яблок.

Кто-то нерешительно дернул меня за ноги, пытаюсь оттащить от мага. Но я дернула стопой, и этот кто-то отстал. Скорее это была попытка «для виду». Я стала сильнее, но не настолько, захотели бы, оттащили, или хотя бы отвлекли.

Сила исчезла в моем внутреннем водовороте, замедляя его движение, смешиваясь с той, что передалась мне от Вита, во время третьей волны... Третьей, Эол! Чужая магия осела внутри, даря мне краткую передышку. Я выпустила руку мага и упала на землю, прямо перед глазами нависало

черное небо. Оно клубилось и перекатывалось, словно грязь в большой луже.

Сердца стучали. Маг захлебнулся криком.

— А этого куда? — раздался голос, а потом неизвестный выругался:— Здоровый выродок! Не дергайся, башку отрежу!

Я села, в голове гудело от выпитой силы, от мелодии, которая просто гремела в ушах.

Меня бросили в трех шагах от чаши, где плескалась чистая сила. Плескалась и пела. Один чаровник в капюшоне медленно отступал от меня, словно от собаки, в пасти которой выступила пена. Хотела знать, чем может напугать обычное прикосновение? Теперь я знала. Потому что, тот маг, которого я выпила, скулил, ползая в траве.

— Только шевельнись, — услышала я многообещающий голос.— Шевельнись — сделай мне приятное — и я вгоню сталь тебе в череп. Маг ты или нет, но с дырой в башке не живут.

Здоровый детина с ножом в руке стоял над Витом и прижимал острие лезвия к шее вирийца. Чернокнижник стоял на коленях, сгорбившись, почти уткнувшись в землю лбом. Руки были стянуты грязной веревкой. Судя по мутному взгляду вирийца, волна так же выбила его, как и меня, иначе бы детина с ножом, вряд ли бы смог упереться коленом кудеснику в спину и остаться при двух ногах.

— Итак, все в сборе.

Я подняла голову, рядом с чашей стоял Дамир. Все-таки Дамир. Несмотря на слова Лиэссы и Риона, я все равно продолжала надеяться... Не знаю на что. На то, что это ошибка? Возможно. Или на то, что и его ученик, и женщина одновременно сошли с ума. Почему же это для меня до сих пор так важно?

Маг Вышграда стоял без тоги, без капюшона, в обычном костюме путешественника, в том самом, в котором он ушел из трактира. Дамир улыбнулся мне, с легкой иронией и чуть неловко, словно его застали не за попыткой истребить целый народ, а за кражей круга колбасы из кладовой.

— Мэтр, — прохрипел, бывший чаровник, приподнимаясь и держась одной рукой за другую. — Мэтр... она... она...

Капюшон свалился, и я узнала одного мага из совета, что выносили мне приговор.

— Да, она очень талантлива, — с гордостью ответил настоящий, отвернулся от мужчины и, подняв руку, махнул кому-то за моей спиной. — Пора.

Я встала на одно колено, Вит вскинул голову, не обращая внимания на

нож. А из тени кустов к фонтану один за другим стали выходить люди. Или не совсем люди.

Вернее сперва, я увидела только троих. Незнакомый мужчина в годах в одежде зажиточного горожанина. Квадратный подбородок, оттопыренная нижняя губа, неторопливая походка. Такие обычно кривят нос при виде меня, а иногда и замахиваются палкой. Но этому уже не была дела до подобных пустяков, его глаза горели. В буквальном смысле. Вместо зрачков в его глазницах танцевало пламя.

Передо мной стоял не человек. Дасу. Один из тех, что был призван. Один из тех, за чье пришествие расплатились десятками жизней.

Я неловко поднялась, обернулась...

Вторым к фонтану вышел солдат в грязной вирийской форме. И не просто испачканной, а настолько забрызганной грязью, словно ее протащили по всем дорогам от Вирита до Велижа. У пояса солдата висел короткий меч, в заляпанных ножнах, с эфеса свисал пучок травы. Правая нога мужчины подгибалась при ходьбе. Неправильно подгибалась, его колено теперь сгибалось совсем в другую сторону. Но солдат казался невозмутимым, пламя в его глазах, немало тому способствовало. Когда у тебя такие глаза, о ноге думать уже поздно.

Еще один дасу, один из тех, кто по каким-то причинам не устроил кровавое шествие по равнинам Тарии. Один из тех, у кого было дело поважнее.

— Мальон, — прохрипел Вит, детина, держащий нож, ударил рукоятью чернокнижника по затылку, и у меня перед глазами заплясали разноцветные искры, боль разлилась по основанию шеи.

«Ты чувствуешь его боль?» — спросил меня Кишинт.

Покачнувшись, я едва не упала, подняла руку к затылку... И посмотрела на Вита.

Да, я чувствовала.

«А ты? — безмолвно спросила я чернокнижника, что корчился сейчас на траве. — Что чувствовал ты, перерезая мне горло? Ощущал, как расходятся сосуды? Рвутся жилы? Как пузырится в горле кровь? Или для тебя, как и для меня, это было быстро, легкий взмах, и острая, как стилет, боль? Знал ли ты, что так будет?»

— Мальон, — повторил вириец, мотая головой, — ты умер там... На границе, как только мы ступили на землю Тарии. Умер от выверта.

Мальон, или кто там теперь был вместо него, не ответил. Его не интересовал человек на траве.

За солдатом к фонтану вышел третий демон. Дасу, за пришествие

которого заплатили Волотками. Он почти подпрыгивал на месте. Совсем, как ребенок, которым, в сущности, он и был. К фонтану вышел Кули. Вот только любопытно блестящие глаза сменились яркими огнями.

Три деревни — три вселившихся в людей дасу. Демон, вывернувший хутор на границе с княжеством, вселился в солдата Мальона. Тот, что «убил» Волотки, нашел приют в мальчишке Кули. А напыщенный горожанин наверняка пришел из Малых Охапок, что «умерли» совсем недавно, пока мы были в Полесце.

— Жертва, — требовательно прогудел горожанин, глубокий трубный голос совсем не подходил к его внешности, наверное, потому что, не принадлежал ему. — Жертва. Сейчас.

Мне очень не понравилось то, о чем он говорил. Слово «жертва» обычно означает чью-то скоропостижную кончину. Я обернулась, меня больше никто не удерживал. Тот чаровник, что еще недавно тащил за ноги, помогал подняться тому, что тащил за руки и вследствие чего остался без магии.

Выглядело наверняка трогательно, но мне больше всего хотелось рыкнуть в их сторону. Дитина с ножом все так же безуспешно продолжал прижимать лезвие к шее чернокнижника, а тому словно не было до этого дела.

Дасу в человеческих телах встали около фонтана. Напряженно вглядываясь в его поющую глубину. Что-то трепыхалось там... Но, повторяю, меня никто не удерживал и даже, кажется не смотрел, так что, если я сейчас немного отойду в сторону, а потом и вовсе нырну за куст.

— Не надо, — покачал головой Дамир. — Ты не трусиха, Айка.

Я фыркнула.

— Хоть и думаешь иначе, — продолжил он, а я сделала шаг к Виту, сама не знаю, почему. Это было глупо. Здесь и сейчас у меня не было друзей. Но я его сделала. Всего один незначительный шаг. — Ты не трусиха, иначе бы не пришла сюда. — Дамир взмахнул рукой

— Все знают обо мне больше меня, — пробормотала я. — Тогда, может, хоть вы скажете, что я здесь дела...

Я не договорила. Повинуясь жесту действительного, к поляне вышли еще двое, и опять в капюшонах. Маги питали ненормальную тягу к этому головному убору. Хотя, чего им скрывать? А главное — от кого? Не дасу же они стесняются?

Помнится, Неман тоже страдал излишней щепетильностью в вопросе внешности.

Но дурацкие мысли быстро меня оставили, когда я увидела, что тащат

маги. Кого.

«Вот, и свиделись снова, вредитель», — мысленно произнесла я, глядя на Тамита, по лицу которого текла кровь, голова моталась из стороны в сторону при каждом шаге тащивших его чаровников. Ноги оставляли на влажной от росы траве две борозды.

Вот, оказывается, кем заменили Риона. Другом Дамира.

Чаровника швырнули к изножью чаши, и он что-то невнятно промычал.

— Что я здесь делаю? — повторила я вопрос, внутри снова засосало от голода. Запас чаровника был полон.

— Это ты мне скажи, — рассмеялся Дамир. Он вел себя так, будто мы все еще находились в его доме, к примеру, пили за столом чай или сидели в комнате, и он снова объяснял мне, почему я должна отдать силу Риону. Он вел себя так, словно ничего особенного не происходило. Он был спокоен. И уверен настолько, что поневоле начинаешь заражаться этой уверенностью.

— А-ка, — позвал Вит. — Посмотри на меня!

Действительный взмахнул рукой, и солдат, что стоял над вирийцем, ударил Вита снова. На этот раз в висок. На миг меня ослепила белая боль, что разлилась от виска к уху, боль, от которой занемела скула.

— Зеркального мага нельзя заставить, — прохрипел чернокнижник, — помни об этом.

— Поэтому она стоит сама, без кандалов, ножей и прочих мотивирующих элементов, — Дамир оставался спокоен. Я заморгала, пытаюсь прогнать белые пятна, что пульсировали перед глазами после удара.

— Почему? — решила я задать вопрос, который волновал меня с того момента, как я узнала о своей природе. — Если вы знали, что я зеркальный маг, то почему послали меня в Велиж? Почему позволили им изуродовать меня?

— Глупышка, я освободил тебя! — глаза Дамира светились теплом и участием. Он на самом деле верил в то, что говорил. — Я снял с тебя кандалы и ограничения. Айка, все будет хорошо, верь мне.

Я отвернулась. Злодеи не должны выглядеть вот так. Не должны быть уверены в своей правоте и по-отечески журить сопротивляющуюся жертву. Все было неправильно. Или казалось таким. Словно я пришла в разгар сбора пожертвований и теперь не понимала, почему монах в капюшоне обирает крестьян. Словно не видела всей картины целиком.

Я опустила голову и встретилась взглядом с Тамитом. Чаровник смотрел ясно и твердо, правда, не пытаюсь подняться.

— Жертва! — требовательно повторил дасу.

Не знаю, отдал ли Дамир очередной безмолвный приказ, или один из магов в капюшоне действовал по своему усмотрению, но...

Чаровник склонился над Тамитом. В ладони сверкнула сталь. Все произошло быстро. Так же быстро, как тогда... Но на этот раз я была всего лишь наблюдателем.

Тамит вскинул ладонь в жалкой попытке защититься. Слишком слабой попытке. Чаровник в капюшоне легко отмахнулся и нанес удар. Клинок вошел в грудь мага чуть выше ключицы. Вошел и вышел. Плеснуло кровью. Вредитель сдавленно закричал, закашлялся, руки сжались, сгребая траву и землю.

Демоны одновременно качнулись, словно колосья на пшеничном поле.

Маг в капюшоне выпрямился, вытянул руку и неловко швырнул окровавленный клинок в фонтан.

Музыка ударила в голову не хуже боли Вита. Она вскипела рваными ударами и перекатами, отозвалась пульсирующими нотами, что вспыхивают во тьме и тут же гаснут. Они были громкими, яркими, вибрирующими настолько, что у меня заломило все зубы разом. Хвост распушился, шерсть на загривке встала дыбом....

Сила, до этого напоминавшая прозрачную воду, словно вскипела и окрасилась в багровый цвет. Сердца, что бились в Фонтане, замерли, а потом забились с удвоенной силой, почти оглушая меня. Так бьется сердце у человека, когда он очень напуган. Смертельно напуган.

Я схватилась за голову и упала на голени, в висках стучало.

— Жертва, — в третий раз повторил дасу, шагнул к фонтану и с размаха опустил голову на каменный бортик. Нет. Не опустил. А разбил, добавляя в мутную воду еще багрового цвета.

Седовласый горожанин упал. А его тень осталась стоять.

«Нет, не тень, — мысленно поправила себя я. — А чернота, что жила у человека внутри».

На ногах остался дасу. Он напоминал черную отхожую лужу, когда в нее накидают угля, которая невесть почему приняла форму человеческого тела. Само же тело теперь лежало у его ног. Человек смотрел мертвым немигающим взглядом в темное небо.

— Ты, — прошептал Тамит и закашлялся.

Я опустила руки, закрыла глаза, стараясь совладать с грохотом в голове, и быстро подползла к магу. Грудь мужчины была залита кровью. Бабушка бы, увидев такое, покачала головой и предложила настойку опия. У меня не было и того. Все, что я могла, это зажать рану ладонями.

Абсолютно бесполезное занятие, но просто смотреть, как Тамит умрет — было выше моих сил.

— Ты, — проговорил он, — была у меня мысль, что ты зеркальная... И, кажется, даже не у меня одного, но я прогнал ее. Мы все прогнали ее, такой невероятной она нам показалась. Зеркальный маг здесь в Тарии... А я-то все гадал, почему... — он снова закашлялся, я надавила на рану сильнее, но кровь все равно продолжала течь. Сюда бы целителя. Поверх моей ладони опустилась рука Тамита.— Мы отправили тебя на ритуал. Я отправил... Маги почти никогда не выживают после Полного Покаяния. Неважно, зеркальные они или нет. Почти... Но это «почти» хуже смерти. Слушай меня...

— Сделайте же что-нибудь, — потребовала я, вспоминая магию Дамира на своей шее, кровь текла между пальцами и не собиралась останавливаться. — Разве вы не можете... не можете сделать хоть что-то?

— Не могу, — хрипло ответил чаровник. — Ни один целитель не умеет лечить себя сам, только других. А я вообще не целитель.

— Жертва, — выкрикнул бывший вирийский солдат и вытащил меч. Я снова посмотрела на Тамита. Так лучше, чем видеть, как очередное тело падает на траву, а демон остается стоять.

— Зачем? — растерянно спросила я. — Зачем они делают это?

Не понимая, что возможно, задаю вопросы не тому магу. Что возможно, стоит уточнить, кто они и что делают. Но чаровник понял.

— Они хотят силы.

— Но... источник.

— Источник... кха-кха, — Тамит сплюнул кровью. — Откликается чаровнику раз в жизни, позволяя наполнить резерв в самый первый раз. А если этот резерв с наперсток? Разве можно влить в него кувшин?

— Но как это исправит выверт?

— Не исправит. Изменит. Он изменит их. Вывернет не только мир, но и магов, и они смогут брать не только силу жизни, но и силу смерти, а ее здесь скоро будет в избытке.

— Но силой смерти питается нечисть!

— Она самая. К тому же... ахxxx, — Тамит несколько секунд хватал ртом воздух, а я все так же безуспешно давила ему на грудь. — К тому же, их ждет награда от дасу или на кого они там замахнулись. Он исполнит любое желание вызывающего... Сделает, — рука мага на моей начала слабеть, он закрыл глаза, грудь вздымалась и опадала.

— Жертва, — звонким фальцетом выкрикнул Кули.

— Как можно остановить это? — спросила я.

— Никак,— Тамит посмотрел на меня и произнес: — Пей.

— Что? — я попытаюсь убрать ладонь, но он вдруг сжал ее своей, в последнем усилии.

— Знаю, ты голодна. Зеркальные обречены на голод. Пока у них есть резерв, есть ограничитель, они еще сдерживаются, еще могут насытиться и остановиться... Но если его разрушить... кха-кха-кхаррр... Если маг выживет, то превратится в...ссс, — воздух стал со свистом выходить из его легких, — ссссвввв... Во что-то, похуже дасу. Внутри них образуется пустота. Вечно голодная пустота, которая рано или поздно сожрет всех. Поэтому мы их убивали... убиваем... Всех. По воле Эола или Рэга ты выжила. Пей, я сказал. Лучше ты, чем они...кха-кха-кха...

Он хотел сказать что-то еще, но я уже выдернула руку. Воронка внутри отозвалась недовольным ворчанием. Она на самом деле была голодна. Я была голодна.

— Жертва, — снова выкрикнул Кули, но на этот раз в его голосе слышалась неуверенность.

Тамит кашлял долго, так долго, что я не выдержала и опять склонилась к его белому лицу.

— Айка, — он снова закашлялся, но как-то по-другому, и я не сразу сообразила, что он смеется. Умирает и смеется.— Кто бы мне сказал, что я добровольно откажусь от силы и отдам ее какой-то девчонке...ссскха-кха. Сссовсем, как брат... от судьбы не уйдешь. — Несколько секунд Тамит собирался с силами, а потом заговорил, ясным и чистым голосом, почти запинаясь: — Я, Тамит Шиирский, Действительный Вышграда и Кохани, отказываюсь от силы и передаю ее Айке Озерной добровольно и безвозмездно. Я понимаю все последствия своего решения и принимаю иххсссс, — грудь опала, и я уже подумала, что все, больше маг вздохнуть не сможет, как он тихо добавил: — Ритуальные слова сказаны! — И снова дотронулся до моей руки своей.

Ладонь мага была ледяной. И согреть ее казалось таким естественным. Таким необходимым, например, обвить хвостом...

— Не хочу! — вдруг выкрикнул Кули.

Я подняла голову, парень медленно отступал от чаши фонтана, его глаза снова стали черными, как у обычного пацана, никакого потустороннего огня.

— Пей, — прохрипел маг. — Считай это моим последним желанием.

Тамит еще продолжал говорить, а я уже вытягивала из него силу. Она не сопротивлялась, но и не льнула к рукам, как магия Вита. Она напоминала пареную репу, что разваливается на куски прямо в миске. Она

была вялой и не особо вкусной, но могла утолить голод. На время.

— Кули,— позвал Вит.

— Что ж ты такой непонятливый-то, порченная кровь, — выругался детина с ножом, заноса руку для удара. Я сжалась в предчувствии боли.

Но чернокнижнику видимо надоело получать по голове. Он вскочил на ноги одним слитным движением, скупно отклоняясь от лезвия, которое всего лишь чиркнуло за ухом, веревка, которой связали его руки, вдруг распалась на отдельные ниточки-волокна...

Все произошло быстро, детина с оружием даже не успел понять, почему он уже не стоит, а лежит, и почему собственный нож упирается ему в кадык.

— Беги, Кули! — выкрикнул Вит. — Без крови третьего демона у них ничего не выйдет.

Два дасу, что уже пролили кровь, развернулись к отступающему от чаши мальчишке. Выглядело это так, словно черные кляксы, что оставлял сборщик налогов на учетном листе, вдруг ожили и поползли в одну сторону.

На миг в глазах Кули снова зажглись алые огоньки, но Вит добавил:

— Ты нужен сестре!

И огни погасли. Парнишка дико озирался.

— Третья кровь прольется,— выкрикнул Дамир, указывая на Кули.

Один из черных силуэтов дасу сорвался с места, перекатываясь на лету, превращаясь в лапу с когтями, совсем как тогда в Волотках. Она казалась ненастоящей, почти неопасной, разве может причинить вред вода из лесного озера, пусть она и черна, как сама ночь?

Может. Я уже это видела. Лапа схватила мальчишку, тот заверещал, черные глаза снова сменились алыми, но кажется, вырваться он стал еще сильнее.

— Можешь приказывать дасу? — прохрипел Вит, и нож в его руках вошел в горло лежащего на земле мужчины, без всяких предупреждений и рассуждений. Время разговоров давно прошло. Это я все жду слов и объяснений. Детина охнул, вскинул руки и уронил их обратно. — Да, кто же ты такой?

— Ты должна... должна... — прошептал Тамит, а я поняла, что все еще держу его за ладонь, хотя сила давно иссякла. Передо мной лежал пустой сосуд.

— Я всем должна, — горько проговорила я, убирая руку.

— Ты должна... помнить, — едва слышно прошептал бывший маг. — Чем больше берешь силы, тем голоднее пустота, — в последнем усилении

маг посмотрел на меня.— Пока ты не начала тянуть силу, наверняка... наверняка, даже не чувствовала голода... не знала... Но аппетит приходит во время еды, в следующий раз, чтобы унять голод, тебе потребуется больш... — Тамит замер, продолжая смотреть мне в глаза, но уже ничего не видя.

«В следующий раз мне потребуется больше», — вот, что хотел сказать Тамит. Удружил, вредитель. Это даже не аппетит. Это больше похоже на настойку дурман-травы. Чем больше пьешь, тем больше хочется добавки. Я видела человека, что употребляет ее постоянно. Бывшего человека. Приходил к нашему порогу такой, ободранный и грязный, потерявший человеческий облик и готовый на все ради новой порции.

Я отодвинулась от мертвого мага.

А дальше все произошло настолько быстро, что даже мои нечеловеческие глаза едва успевали следить за происходящим. Одно событие за другим, словно выпущенные из арбалета болты.

Рука дасу ухватила Кули. Ухватила целиком. За голову, за плечи, за все сразу. Вит сорвался с места, крича на бегу:

— Найди артефакт, Айка. Найди псише. Надо закрыть канал! — в его руке стала собираться такая теплая и уютная тьма. Магия, вкус которой я уже знала.

Демон подтащил упирающегося Кули к чаше фонтана.

— Да, найди артефакт, Айка. Найди и получишь награду. — Дамир рассмеялся. Добродушно, я бы сказала по-отечески, совсем как наш староста на свадьбе Ксанки.

Рука дасу подтащила мальчишку к фонтану и окунула с головой. В ушах зазвенело от визгливого перебора струн. Кули замолотил руками по силе, что так напоминала мне воду.

Я потрясла головой, пытаюсь вытряхнуть из нее музыку, и тоже бросилась к парню. Не особо понимая, что могу сделать. Но зная, что должна попытаться. В кои-то веки я не испытывала в этом ни малейшего сомнения.

Лапа демона утратила форму, на миг чернота рассеялась и собралась снова, принимая вид человека. Кули смог, хрипя, вынырнуть, вдохнуть, но его схватили за загривок и макнули туда снова. Мальчишка захлебывался, молотя ногами и руками по чаше, разбивая костяшки пальцев в кровь. Красные капли, напоминающие яркие ягоды с волчьего куста, падали в чашу, добавляя плескающейся силе алого цвета. Источник кипел...

Я ухватилась за бортик фонтана как раз в тот момент, когда демон отпустил мальчишку, и тот упал на траву, шумно фыркая и отплевываясь.

Магия чернокнижника врезалась в дасу. Но было уже поздно, кровь третьего демона попала в фонтан силы. Заклинание чернокнижника ударило в подвижную, какую-то жидкую фигуру и растворилась в ее темноте. Тьма к тьме. Демон снова изменился, сжимаясь, перетекая, истончаясь и вырастая вверх...

— Ненавижу-ненавижу-ненавижу! — закричали вдруг за спиной, и кто-то со всей силы врезался мне в спину.

Быстро. Слишком быстро, словно в хороводе, когда под веселую плясовую одно лицо сменяет другое, и ты никогда не знаешь, кто остановится напротив, когда смолкнет рожок.

Дыхание сбилось, музыка звучала все громче. Меня ударили снова. И прежде чем я повернулась к новому противнику, успела увидеть, как демон, ставший похожим на длинную палку, посох или даже копье, врезался в грудь Виту.

И все остановилось. Этот бесконечный хоровод из лиц и событий замер. Шум стих, будто кто-то набил мне уши войлоком. Осталась только мелодия фонтана, на удивление тонкая и чистая. На удивление иная, нежели могла родиться под пальцами менестреля.

Когда Вит замер, когда его лицо скривилось от боли, когда черное копье дасу все еще находилось внутри него, фонтан пел о жизни. Он вбирал в себя все: людей, магов, зверей, растения и даже демонов. Он пел о мире, неделимом на государства. Он пел о земле, горах, морях. И слушая его песню, я видела все это. Все и сразу. Людей, их сердца, их жизни. И их смерти. Одним взглядом могла охватить мир. И каждого человека в отдельности. Каждого друга или врага.

Напротив меня стоял маг. Бывший маг, только что лишившийся силы. Кулаки сжаты для нового удара. В глазах злость. Рот открыт, нитка слюны повисла в воздухе.

Песня фонтана замерла на самой высокой ноте.

Когда видишь весь мир разом, все кажется такими простым и понятным. Не знаю, почему, но именно в этот момент я решила, что с меня хватит. Хватит тумачить и шишек, хватит непонятных долгов. Хватит думать о том, что будет, если... Хватит гадать о будущем, хватит надеяться и роптать на богов. У них своя жизнь. У меня своя. И пусть она, наверняка, закончится прямо сейчас, лучше поздно, чем никогда.

Я подняла руку к замершему магу и выпустила когти. Не испытывая от этого ни жалости, ни удовольствия, выпустила потому, что так надо. Как совсем недавно Вит перерезал горло Лиске. И мне.

Когти проткнули бывшему члену совета шею. На коже выступили

капельки крови, пока едва заметные.

Песня фонтана оборвалась, оставляя за собой оглушающую тишину. И мир снова пустился вскачь, как норовистая лошадь.

Маг моргнул, закрыл рот и упал к моим ногам. Из спины мужчины торчала стрела, а за его спиной, прислонившись окровавленным боком к дереву, стоял Эриш. Наш молчаливый лучник, что ушел вместе с Кули за целителем, да видно не дошел. Мы ударили бывшего чаровника с двух сторон. А лучник тем временем снова натягивал тетиву, по штанине текла кровь, но он стоял. Дерево помогало.

Дамир что-то выкрикнул, что-то непонятное, на языке, которого я не знала и никогда не слышала. Что-то больше похожее на скрежет ржавого железа.

Вит упал. Сердце защемило от боли. Резкой, невыносимой, которая кажется доставала до ребер. Я схватилась за грудь, склоняя голову...

По земле тек туман. Пока еще тонкий, словно вуаль на голове невесты. Выдохнув, я обернулась, невесомые полупрозрачные волны переваливались через край чаши и оседали на траве. Фонтан кипел, а воздух над ним вспучился, поднялся, словно дрожжевой пирог в печи.

Хватит. Это не моя боль.

Я смогла выпрямиться, как раз в тот момент, когда мир над фонтаном лопнул. Плеснул в разные стороны невидимыми брызгами, словно пирог с перебродившей начинкой. Только над фонтаном вместо лесных ягод показалась изнанка мира. словно подкладка старого ватника, из которого ключьями лезет белая набивка. Белый туман выплеснулся на землю и потек.

Воздух подернулся рябью. Музыка фонтана превратилась в беспорядочную какофонию визгливых звуков, от которых кишки почти свернулись узлом и почти уползли куда-то...

Одного мага, из тех, что тащили Тамита, вырвало, капюшон упал, но лицо оказалось незнакомым. Второй, тот, что вогнал в грудь вредителя клинок, отступил за Дамира. Стрела лучника вошла ему в бедро, и мужчина с криком повалился на землю. Будь ты хоть трижды маг, но если не видеть опасность, не ждать каждую минуту, каждую секунду ножа в спину, то рано или поздно шальная стрела пробьет тебя насквозь, совсем как обычного человека.

Третий. Все еще смотрящий на меня из-под темной ткани капюшона, тот, что тащил меня за ноги, а потом пытался помочь другу, сидел на траве и как замороженный смотрел на лопнувший воздух.

Демоны. Снова приняли очертания людей. Людей, которых отлили из чернил и поставили по обе стороны от фонтана. И только третий...

Я оглянулась, успев увидеть нырнувшего в кусты Кули. Третий сбежал.

В той сумятице звуков, в которую превратилась песнь фонтана, все еще можно было различить ритм, различить биение сердец. Множества сердец. Или одного, такого знакомого. Вит поднялся на четвереньки, его тело сотрясилось, словно мужчина замерз. Наши глаза встретились.

«Найди артефакт, Айка», — вспомнила я его слова.

Обернулась, торопливо осматривая фонтан, белый камень, траву, выпирающие корни деревьев, кустарник, Дамира, стоящего так близко к чаше, словно он собирался в нее нырнуть.

Легко сказать, найди. Это может быть все, что угодно. Камень под ногами, кольцо на пальце чаровника, пряжка на ботинке. А может, это небрежно брошенный в траву плащ? Или зеркало, что лежит в кармане. Или не лежит.

Проще столкнуть Дамира в чашу целиком, чем гадать, на что он наложил чары, чтобы открыть портал.

Воздух над источником замерцал.

Нужно сделать всего несколько шагов.

Я выпустила и втянула когти. Выпустила и втянула. Сердце билось в унисон с искореженной мелодией фонтана. Один шаг, два... Поднять руку, выпустить когти, и пусть Эол решает жить магу или умирать.

Возможно, он этого ждал, а возможно, что и нет. Я не смогла проверить. Не дошла. Вспоротый над чашей воздух вдруг вывернулся, и в мутном белом проеме появилось что-то подвижное, словно капля металла, что скользит по желобу в кузнице. Что-то такое же живое. И такое же мертвое.

— Я склоняюсь перед Пастырем, — громко выкрикнул Дамир, голос мага дрогнул.

Три фигуры на самом деле склонились. Стоя за спиной Действительного, я зачем-то подняла глаза выше. Не могла не поднять и не взглянуть на прореху мира. Так же, как и Ксанка накануне свадьбы не могла не смотреть на купание мужиков без нательных рубах, знала, что это плохо, но все равно смотрела. И я вместе с ней.

Что-то возилось там, что-то похожее на отлитое из металла насекомое. Нет, на целый рой насекомых. Несколько подвижных усиков, заканчивающихся крючками, зацепились за прореху в мире. В фонтан закапало что-то черное, словно деготь, такое же тягучее, отчего сила теперь стала походить не на чистую родниковую воду, а на грязную лужу.

Я не могла пошевелиться, не могла даже поднять руки, забыв, что они

у меня есть. А могла только смотреть. Наверное, так же открыв рот, я буду пялиться на радужные облака у престола Эола, или, что еще вернее, на горящие костры у изножья трона Рэга.

Дыра в мире рывком расширилась, и в наш мир потекла грязь. Другого слова у меня не было. Если дасу походили на пролитые чернила, то пастырь, или кто там к нам пожаловал, больше напоминал ил со дна торфяного озера. Ил, в котором копошились насекомые — может, черви, а может, навозные мухи.

Можно бороться с врагом, можно сражаться со зверем, можно драться с тенью, но как, во имя богов, воевать с грязью?

Эол, я сжала непослушную руку. Надо ударить, надо сделать хоть что-то, пока вся эта мерзость не вытекла в наш мир. У нас своей пакости хватает. Я не знала, что делают остальные, не видела ни Вита, ни лучника, надо бить самой.

— Требую платы, — выкрикнул Дамир, и грязь замерла. — Требую платы, — куда менее уверенно повторил он, но все же нашел в себе силы закончить: — Требую платы!

И вот тут я пожалела, что подошла близко. Потому что, пастырь посмотрел на Дамира. Не спрашивайте как, раз у него не было глаз. Я лишь ощутила на себе пристальное внимание. Изучающее и даже немного равнодушное. Так мы смотрим на жука-скардеца с радужными крыльями, вроде и диковинка, но по большому счету бесполезен.

— Желай! — проскрежетала «грязь».

И от ее голоса мне захотелось завывать. Именно такой голос мы слышим темной ночью, не успевая проснуться от кошмара, когда кожа покрыта испариной, а сердце сжимает невидимая холодная рука. Это длится всего лишь миг. Но в этот миг человек готов орать от ужаса.

— Хочу стать магом среди магов. Хочу, чтоб меня боялись, хочу... — Дамир говорил торопливо, запинаясь, словно никак не мог решить, чего именно он хочет, хотя, я думаю, желание обдумывалось не один день и даже не один месяц. Он знал, чего хочет, но ночной кошмар владел и им. — Я хочу стать магом над магами. Получить все и сразу. Хочу стать зеркальным.

Действительный мог попросить все, что угодно, мог стать сильным, мог стать верховным, мог стать первым советником короля, мог... на большее у меня не хватило фантазии. Но он попросил о проклятии. О моем проклятии.

Как-то не так я смотрю на жизнь.

Грязь шевельнулась, лениво перекатилась, очередной сгусток

шлепнулся вниз...

— Хочешь? Тогда пей.

— Что пить?— спросили мы одновременно с Дамиром, только он вслух, а я мысленно.

И так же вместе посмотрели на шматок грязи, что упал к подножию фонтана. В грязи что-то шевелилось.

— Пей!

Если взгляд безглазого пастыря не давал мне двинуться с места, то голос проник под кожу, заставляя содрогнуться. Он развеял мою нерешительность, разогнал странный ступор, в который я впала, едва увидев, как расходится прореха мира.

— Пей!

Времени не осталось. Затылок Дамира был так близко. Я замахнулась, выпуская когти. Сердце замерло. Миг до атаки...

Но вместо этого досталось мне.

Кто-то толкнул в бок, и мой удар провалился, лишь слегка задев плечо Действительного. Я развернулась, краем глаза замечая блеск стали. Чаровник, что убил Тамита, замахнулся снова. Я упала, перекатилась ему под ноги, поднимая руку... Он выругался и отскочил, не подпуская меня ближе и продолжая отмахиваться ножом. Не дурак, знает, что лишь одним касанием я могу закончить его путь чаровника.

Я зарычала.

Дамир опустился на одно колено, зачерпнул пригоршню шевелящейся грязи. Пастырь или как там его, снова стал изливаться в наш мир.

— Ты всего лишь мелкая девка, — проговорил чаровник, рассекая воздух ножом.

Я была быстрее, а он хорошо владел ножом. Сталь беспрестанно сверкала в воздухе. А меня никто не учил, я всего лишь мелкая девка.

Выпустив когти, я ударила по лезвию. Нож чиркнул по когтю, я схватилась за сталь, не давая магу снова начать это бесконечное мельтешение. Нож вспорол ладонь. Но я продолжала удерживать металл, подступая все ближе и ближе к чаровнику. А тот вместо того, чтобы отпустить рукоятку, дернул ее, стягивая во вторую руку магию.

Я ощутила ее движение в воздухе и еще почувствовала... удовлетворение. Магия — это хорошо. С некоторых пор меня мучил постоянный голод.

За спиной мага поднялся на ноги Вит. В воздухе свистнула очередная стрела, разминувшись с головой атаковавшего меня чаровника на палец, задев лишь ткань капюшона.

Дамир поднес полную ладонь подвижной грязи ко рту и стал пить. Кого-то снова стошнило.

Маг дернул сильнее, я разжала ладонь, чтобы не остаться без пальцев. Действительный Вышграда встал и медленно повернулся, его правая рука была черной. И не только рука. Грязь испачкала ему подбородок, стекала за ворот.

Учитель Риона улыбнулся, зубы были черными. Не было больше действительного. Здесь и сейчас передо мной стоял зеркальный маг. Кажется, зеркальный, и кажется, что маг. Потому что, было в нем нечто неправильное. Наш дар сам по себе — это уже неправильно.

Пастырь наградил того, кто вызвал его. Или проклял.

Мы проиграли.

Чаровник с ножом засмеялся, отходя к учителю Риона, в его смехе проскальзывали истерические нотки. Дамир поднял руку и опустил ее на плечо мага. На плечо соратника, который сражался за него, коснулся шеи...

И маг закричал. В лицо плеснуло чужой силой. Она походила на жар костра, что разжигают в День сбора урожая. Чем выше пламя, тем теплее должна быть зима. Надо ли говорить, что в Солодках каждый раз складывали костер вровень с крышами домов.

Чаровник хрипел, нагибаясь все ниже и ниже, пока не опустился на колени. Пока сила не кончилась. Дамир убрал ладонь, и мужчина упал. Бывший маг, который сейчас походил даже не на человека, а на пустой горшок.

Я попятилась, не сводя взгляда с бывшего Действительного Вышграда.

Неужели сила — это все, чего стоят маги? Все, что есть в них? Все, что они есть? Без магии они никто и ничто? Это страшно. Сейчас я, как никогда, не желала быть магом. Я — это я, а не сила, что клубится внутри.

Дамир сделал шаг в сторону, даже не посмотрев на съежившегося в траве человека. Пустой кувшин. Учитель Риона выпил его одним глотком, не оставив после своего касания ничего. Я знала, как это бывает. Самое ужасное, какой-то частью, вечно голодной частью, до жути ему завидовала.

Еще одно прикосновение, почти ласковое. Это так естественно — положить руку на затылок раненого чаровника, что перетягивал пробитое бедро кожаным ремнем. Отеческий жест участия. Смертельный жест. Маг замер в скрюченной позе, пальцы разжались, выпуская ремень. Кровь полилась на траву. Сломанная стрела лежала рядом.

— А ты думала, что незаменима? — Дамир все еще продолжал улыбаться черными губами.

Еще один бывший союзник, хрипя, упал на землю, он был еще жив, но

даже я видела, что это ненадолго. Вот так, походя, зеркальный убил двух магов. Своих двух магов. Или он уже перестал делить чаровников на друзей и врагов? Дамир отступил к фонтану. Оставался еще один чаровник, тот, которого тошнило. И еще Дасу. Грязь все текла и текла в фонтан. А источник... плакал. Именно так. Звуки казались слезами.

— Думала, что я буду зависеть от тебя? — эта мысль казалась ему настолько смешной, что он не смог даже договорить.

— Но тогда... Тогда зачем вам я?

— Ты же не дурочка, скажи сама.

— Либо ты с ним, либо против него, — ответил за Дамира Вит. — Если ты с ним...

— Только представь, что сделают с этим миром два зеркальных! — рассмеялся Дамир, поднимая руку, и стрела, которую выпустил Эриш, замерла в воздухе, а потом упала на землю.

— А если... если я откажусь?

— Я знаю, что откажешься, — покачал головой бывший Действительный. — Почти уверен в этом, — он отвел руку в сторону, и словно невзначай коснулся тени дасу, вскользь проводя по чернильной кляксе.

— И что тогда?

— И тогда он свалит все это на тебя, — процедил Вит и закашлялся, словно чахоточный, в груди снова поселилась боль, она рвала легкие на части, не давая вдохнуть.

— Думаешь, — Дамир оглядел поляну, — того, кто устроил все это, не будут искать? Не будут ненавидеть? В глазах остальных я был и остаюсь Действительным Вышграда, членом совета магов, а ты... Ты — жалкая девчонка, которая не знает, что делать со своим даром. Зеркальный маг, которому удалось выжить после ритуала. Спутавшаяся с вирийским вырожденком девка, которая настолько свихнулась, что решила уничтожить полстраны. Даже мой бедный ученик, потерявший всю семью в Белой Подгорице, пошел по ложному пути. И только я, Дамир Вышградский, смог остановить отступников! Поверь, легко увидеть злодеев в тех, от кого не ждешь ничего хорошего. А я помогу им увидеть.

— Но это значит... — я растерялась. — Это значит, что кто-то выживет. Что вы не собираетесь уничтожать...

Я не договорила.

— Уничтожить мир? — Дамир вздохнул, словно разговаривал с неразумным ребенком. — Зачем? Нет, конечно. У меня большие планы на него.

Он сжал ладонь, и тьма дасу, которой он касался, заколыхалась, словно вода в крынке, куда маг опустил руку. Тьма стала обволакивать его ладонь, покрывая кожу словно перчатка. Покрывая и исчезая, растворяясь в его внутренней силе. Я неосознанно подалась вперед, чувствуя, как маг втягивает в себя черную силу. Демон заметался, потерял форму, собрался снова, но уйти от руки зеркального мага не смог, продолжая отдавать магию, продолжая молчаливо исчезать. Именно поэтому зеркальных магов выставляли против дасу. А потом убивали.

Второй демон качнулся в сторону Дамира, изменяя форму на что-то хищно скалящееся. Черные челюсти сомкнулись на предплечье бывшего Действительного. Я хотела услышать, как он закричит. Даже ждала этого, пусть дасу мне не союзник. Челюсти сомкнулись и... исчезли. Учитель Риона запрокинул голову и захохотал. То, к чему я шла долго и упорно, даже не зная, куда и зачем иду, пастырь подарил ему в один миг. Он мог впитывать все, к чему прикасался, мог убивать одним движением.

Второй дасу исчез.

— Так, значит, весь этот бедлам, даже не для «высокой» цели? — хрипло спросил Вит, вставая рядом со мной. — Великий Действительный Вышграда, всего лишь обычный вор?

Дамир выпрямился, оборвав смех.

— Не тебе читать мне нотации, порченная кровь. Ты сам наглотался силы выверта. Думал, не увижу или не пойму?

— Страшные события требуют страшных решений, — ответил чернокнижник.

— Именно, — согласился Дамир и снова улыбнулся знакомой, немного неловкой улыбкой. — Тьма дасу внутри тебя. Чего нам делить?

— Почти ничего, — Вит шевельнулся, делая шаг вперед. — Кроме нее, — быстрый взгляд в мою сторону. — Ничего, кроме твоего ученика Риона.

Бывший действительный небрежно отмахнулся, надо полагать ученика мы могли забирать себе.

— Ничего, кроме чужих жизней, которых ты приравнял к медным черням и расплатился с дасу.

В опущенной руке чернокнижника снова стала собираться сила.

— Малые Охапки, — начал перечислять вириец, делая очередной шаг к Действительному, — Волотки...

Слова падали, как монеты из дырявого кошелька.

— Приорова заимка... Олотье...

Да, еще и это... Олотье. Я впервые услышала название села, что «умерло» в Княжестве. Село, после смерти которого, в Тарию был

направлен отряд Вита.

— А ведь там ты даже не завершил вызов, — покачал головой вириец.
— Не смог или не захотел?

— Не твое дело.

— Мое, чаровник. Выверт мы бы опознали сразу, а так... Ты же просто всех убил. Целое село. Зачем?

— Лес рубят, щепки летят, — с насмешкой ответил Дамир. — Они могли опознать меня, какой-нибудь востроносый мальчишка обязательно однажды бы ткнул в меня пальцем. Я должен был учесть все, перепроверить, отрепетиро...

— ... вать. — закончил Вит. — Как актер, выходящий на сцену. И надевающий маску.

Слова... Они не имели никакого значения. Ничто, из того, что они говорили друг другу, не имело. Всего лишь отсрочка.

Песнь фонтана закончилась, осыпалась сухими звуками к нашим ногам. Последний сгусток грязи, вывалился из прорехи мира и упал в фонтан. Дыра стала расширяться, расползаясь из стороны в сторону. Мир пошел волнами, словно кто-то сминал его пальцами, как старую ткань.

Пастырь дасу пришел в наш мир. Время разговоров вышло.

Вит бросил заклинание. Оно была похоже на мерцающие нити паутины, что сверкают поутру от капелек росы. Только эти нити были прочнее пеньковой веревки.

Что, если они поубивают друг друга? Может, оно и к лучшему? Тем более, что все, что от меня требуется это — отойти в сторону и не мешать.

Если Эол сейчас читает мои мысли, то наверняка ужасается.

Паутинки опутали действительного, некоторые взрезали его одежду и даже кожу, словно лезвия, а некоторые...

... Некоторые вспыхнули стальным светом. Учитель Риона собрал их в кулак и дернул рукой. Вит повалился на землю, словно клюнувшая бортом телега, когда вожжи вырвали из рук возницы. Дамир оставался магом, он перехватил заклинание чернокнижника и сделал его своим. По крайней мере, так это выглядело со стороны, когда зеркальный маг наматывал «паутинки» на кулак, подтаскивая к себе упавшего Вита, словно запутавшегося в поводе всадника.

Я бросилась к чернокнижнику, бросилась бездумно, не зная, что делать. Разве что схватить мужчину за ноги и поиграть с Дамиром в перетягивание каната.

Бывший Действительный подтащил Вита и ткнул носом в свои сапоги, как нашкодившего пса. Вириец, не имел ничего против, лишь оскалился и

раскрыл вторую руку, до этого крепко сжатую в кулак.

И перед фонтаном расцвел огненный цветок. Распустился, словно дикая роза на колючем кусте.

Магия была в обеих руках чернокнижника, и, если первое заклинание, выпущенное напоказ, Дамир перехватил, то второе не смог. Не ожидал или не успел.

Волна жара швырнула меня к изножью фонтана. Лицо обожгло, запахло паленой тканью, кожей и волосами.

Гигантские лепестки огня обвили ноги Дамира. Действительный оказался в центре этого распустившегося цветка. Вит лежал на траве рядом и закрывал голову руками. Рукава и волосы мужчины тлели.

Я упала на что-то мягкое, что-то неприятное, сползла на черную траву и снова оказалась рядом с мертвым Тамитом.

Кожа на сапогах учителя Риона обуглилась, штаны и полы куртки съезжились. Пахло горелым. Но действительный продолжал стоять. Горел и стоял. Сжимал руки в кулаки, но все еще жил.

Дамир запрокинул голову к темному небу и закричал, завыл что-то протяжное, что-то складывающееся в слова. Сильные слова. Они наливались, напитывались магией, словно брошенная в речку ткань. Разбухали, как промокшая древесина, и обрушивались прямо на танцующие под магом лепестки огня.

Невидимые слова невидимого заклинания. Пламя зашипело и погасло как раз в тот миг, когда я угодила рукой в открытую рану мертвого вредителя.

На лице Дамира отчетливо проступила злость. Виту удалось причинить ему боль. Ноги чаровника почернели, местами ткань прикипела к коже.

Эол, я бы верещала, как еще совсем недавно Оле. А бывший действительный вместо этого, всего лишь нагнулся...

Всего лишь опустил ладонь на голову Вита. Одно прикосновение, и кудесник престанет быть магом. И, скорей всего, умрет. Что я тогда почувствую? Хочу ли ощутить, как перестанет биться его сердце, а в груди станет пусто-пусто? Хочу ли я оказаться на его месте и понять, что значит для меня смерть другого?

Пальцы бывшего действительного замерли над темной макушкой вирийца...

Наверное, Эол решил, что хватит с меня новых ощущений. Потому что, не дал Дамиру завершить движение. Не дал провести пальцами по темным волосам. Гибкая фигурка, так похожая на кошачью, выпрыгнула из-

за куста и врезалась в Дамира, отталкивая мага от вирийца.

— Не смей, — зашипела притвора, выпуская когти. — Он мой. Мой!

Чтобы не упасть, Дамир схватился за чашу фонтана. На его лице отразилась боль. Но не та боль, что, наверняка, терзала сейчас его ноги. Его лицо исказилось от болезненного сожаления.

От каменной чаши откололся кусок, что-то хрупнуло, как хрупают старая доска, прежде чем сломаться. Воздух вокруг источника силы стал покрываться трещинами.

Притвора отскочила прежде, чем Дамир успел ударить ее. Прежде, чем он даже успел подумать об этом.

— Он должен мне жизнь! — выкрикнула она.

Я поняла, что рычу. Стою на четвереньках рядом с мертвецом, загибаю когтями траву и рычу. И совсем не оттого, наш мир трещит по швам, а темная фигура из грязи медленно поднимается за спиной бывшего действительного. Нет. Сейчас меня волновало не это.

Она назвала Вита своим! И это ударило меня наотмашь. Обжигающее, словно настойка жгучеядки, чувство поселилось внутри. От него шерсть вставала дыбом, а когти сами выскальзывали из пальцев.

Она назвал его своим! Я оторву ей голову. Оторву без особых изысков прямо сейчас. В назидание другим, чтобы не смели охотиться на моей территории.

Стрела вошла в еще не сформировавшийся силуэт из грязи, древно задрожало, но пастырь не обратил на новое украшение никакого внимания.

Мы с притворой встретились взглядами за миг до того, как я прыгнула.

— Вот они! — раздался далекий крик.

Мир смазался, превратившись в размытый водой рисунок. Краски потекли, а потом рывком вернулись. Я хотела сбить притвору, и вцепиться ей в глотку. Но... Всегда случается какое-то «но». Обычно очень неприятное.

Михей все-таки смог привести магов. Не знаю, насколько точно он объяснил им, какое непотребство творится у фонтана, видимо, донес самую суть. И наверняка, забыл рассказать, кто хороший, а кто плохой. Или рассказал со свойственной ему прямоотой, в которой вполне могли заподозрить издевку.

И потому чаровники влетели на поляну перед фонтаном, разя всех направо и налево. Во избежание, так сказать.

Я врезалась в невидимую преграду, разбивая морду в кровь. Стена, а может, щит, а может, еще какая магическая пакость. Я грохнулась на землю, кровь потекла по подбородку.

Их было всего пятеро. Пять чаровников, бросившихся спасать источник силы всей Тарии. Негусто. Плюс Михей с арбалетом. Плюс раненый в ногу Эриш с луком. Плюс мы с Витом — вот и вся армия спасения.

Миру не повезло.

Ударом одного из магов притвору сбросило с чернокнижника. Она покатила по траве. Того чаровника, что так душевно рвало на траву, продолжало рвать, вряд ли он вообще заметил появление на поляне новых артистов. Несколько жалящих заклинаний полетело в сторону фигуры пастыря. И ни одного в Дамира.

От чаши фонтана откололся кусок, тонкая струйка грязноватой силы потекла на землю. Она не впитывалась в нее, она текла медленно и тягуче, как масло. Она касалась травы, и зеленые стебли моментально чернели.

Небо покрылось трещинами, словно разбитая тарелка. К действительному подбежал молоденький чаровник. Самый юный из тех, кто пошел за Михеем. Он что-то кричал, указывая рукой на мертвого Тамита.

Бывший действительный ответил ему одним жестом. Он обхватил молодого человека за шею, словно намеревался оторвать тому голову. Ну, или поцеловать. Чаровник не пришел в восторг ни от того, ни от другого. Он рванулся, желая сбросить чужие руки, а потом стал медленно опускаться на траву. Тишину над поляной разорвал тихий стон.

Фонтан давно уже не пел.

Арбалет сухо щелкнул. Осечка. Михей выругался и сместил прицел чуть ниже, с грязевой фигуры на вполне себе человеческого Дамира. На этот раз оружие не подвело, и болт оцарапал действительному локоть. Учитель Риона даже не шелохнулся, продолжая впитывать чужую силу. На лице мага отражался голод. Вечная жажда, которую, он силился утолить за счет других.

Я вскочила на ноги и обернулась. Теперь уже Вит прижимал к земле притвору, навалившись сверху, в руке сверкал нож, губы шевелились. Он не собирался убивать, он что-то ей говорил.

— Артефакт! — закричала я, как раз в тот момент, когда молодой маг рядом с Дамиром рухнул на землю. Рухнул замертво, я больше не слышала стука его сердца.

Учитель Риона уже стоял гораздо уверенней, чем минуту назад, казалось, ожоги на ногах больше не беспокоили мага.

— Ключ к порталу! — снова закричала я Михею и повторила: — Артефакт! Где он? Ты же...

И не закончила. Потому что, не могла толком объяснить, что стрелок должен сделать и почему. Он искусник, маг, превративший арбалет в артефакт, обладающий собственной волей. Искусник, который нашел на капише обломок и смог очистить вывернутый источник от нечисти. Он называет артефакты теплыми. И он почти ничего не умеет. Но это очень весомое «почти».

— Найди псише! — выкрикнула я, бросаясь к Виту, и врезалась в невидимую стену. Опять? Маг с обширной зальсиной фыркнул. Эх, постучать бы твоей башкой о магические щиты, колдованец, в следующий раз бы подумал, прежде чем ставить, где ни попадя. — Надо закрыть портал.

Тренькнула тетива, высокий маг вскинул руку, но Эриш успел отправить стрелу в полет за миг до того, как от заклинания хрустнул лук.

Хорошо, что не руки.

Лучник опустился на землю, зажимая рану на ноге, лицо было блее простыни, что застилают кровати в замках высокородных меис. Он устал и был ранен, стрела прошла намного выше головы Дамира, не причинив тому никакого вреда.

— Надо закрыть портал, — повторил учитель Риона насмешливо и так непохоже на того Дамира, что я знала.

А знала ли вообще? Всего несколько дней в его доме, и вообразила себя...

Михей опустил арбалет, а потом и вовсе убрал его за спину. Парень выпрямился и неторопливо пошел к учителю Риона, чем, похоже, удивил его больше, чем меня.

Пошел, громко сказано, стрелку нужно было сделать всего пять шагов к чаше. Пять шагов под треск разрушающегося портала и осыпающегося неба.

Всегда думала, что конец света наступает сразу — бах, и все, а тут нам словно дают время полюбоваться на его неотвратимость. Хотя, что я понимаю в концах света, этот у меня первый.

— Михей, нет! — закричал Вит.

Я обернулась, вириец уже стоял на ногах. Притвора очумело трясла головой, то и дело задирая верхнюю губу и обнажая клыки. Я едва слышно рыкнула.

Нет. Не сейчас. С этой облезлой кошкой разберусь позднее, если будет с кем разбираться.

Михей обернулся, веснушки на его бледном лице обозначились еще ярче, на губах появилась лихая улыбка. Примерно так же ухмылялись наши

парни перед тем, как на ярмарке силушкой мериться на потеху девкам.

Темнота неба осыпалась, выпуская в мир все больше и больше тумана, еще один камень рухнул на черную траву. Эта часть сада стала походить на проплешину после лесного пожара.

Одна мысль вытесняла другую. Михей — маг, если Дамир его коснется... А коснется ли, ведь он уверен, что стрелок — человек? А уверен ли? Эол, я уже ничего не понимала. Кроме одного, вызов демона и другое душегубство — это не мое, на такое у меня ума не хватит.

Михей подошел к Дамиру почти вплотную, я оскалилась, глядя на лысоватого мага. Тот качнул кистью, готовясь поставить новый щит, лишь бы не дать мне сдвинуться с места. Вит уже был в трех шагах от Дамира и Михея, но все равно безнадежно опаздывал.

— Не знаю, можно ли делать это с людьми, — во взгляде бывшего действительного сквозило любопытство. — Но почему бы не попробовать.

И в этот момент маги атаковали снова. Двое, что стояли с самого края швырнули заклинания. Для разнообразия не в нас, а в черную фигуру из грязи.

Дамир положил руку на предплечье Михея, на загорелую кожу, что виднелась из-под закатанного рукава рубахи.

Магия врезалась в пастыря. Грязь разлетелась в разные стороны, усеяв и без того ставшей черной траву, бесформенными сгустками.

Высокий маг поднял руки в победном жесте.

«И это все? — хотелось закричать мне. — Стоило нам влезать в эту битву, ради этого?»

Чаровники и сами вполне неплохо справились. Все при деле. Дамир стал зеркальным и теперь пьет силу. Маги швырнули магию в демона, что явился на зов. Демон рассыпался на части.

Думаю, тут обошлись бы и без нас.

Правда, мир продолжал трещать по швам. Листья на верхушках деревьев съежились и почернели, ветки высохали и ломались, тумана становилось все больше и больше.

Выражение лица действительного изменилось, торжество вытеснило смятение.

— Ты... ты...

— Колдованец я, господин маг, — охотно подтвердил стрелок.

— Ты артефактор! — прозвучало как обвинение.

Почти с теми же интонациями смирт, указывая на бабушку Симу, верещал: «Ведьма!»

— Маг без резерва! Маг, дающий жизнь вещам! Невозможно.

Впервые на моей памяти Дамир был растерян.

— У него нет силы, — выкрикнул Вит. — Нельзя забрать то, чего нет.

— Я нашел артефакт, — радостно сказал стрелок и, указав на учителя Риона, добавил: — Это не предмет. Это он! Он сам артефакт.

— Ты наложил заклинание пути на себя? — чернокнижник настолько удивился, что обратился к действительному на «ты», словно они были друзьями, да и вообще эта беседа со стороны напоминала... Черте что она напоминала. Уж точно не главное сражение добра со злом.

И тут один из чаровников закричал, молоденький, тот, что еще недавно выставил щит против стрелы Эриша. Один из черных комков грязи пастыря упал на ногу мага, и теперь присосался к бедру, словно пиявка. Чаровник кричал, пытаясь отодрать его, но грязь проскальзывала между пальцами.

Дамир оскалился, глядя на Михея. В кои-то веки стрелок не стал тянуться к арбалету, а просто толкнул учителя Риона в грудь. Вроде легонько, но действительный врезался спиной в фонтан и, проломив спиной часть чаши, рухнул в источник. На мертвую траву посыпались осколки барельефа. Грохнуло так, словно Эол снова опустил на нашу землю молот. В ушах зазвенело, я даже присела от неожиданности. Михей схватился за голову.

Земля дрожала, камешки из рассыпавшегося фонтана подпрыгивали. Порыв ветра растрепал волосы. Раздался еще один хлопок, на этот раз тихий, словно где-то лопнула деревянная кадушка. И трещина над фонтаном исчезла, захлопнулась, словно дверь на ветру.

Проход...

— Проход закрылся! — закричал кто-то из чаровников.

Ему вторили несколько голосов. Возбужденные, радостные, тревожные... Но один из них все еще продолжал орать от боли. И портить картину победы добра над злом.

— Ключ вошел в замок, — пробормотал Вит. — Выживу, я этого парня к княжеской награде представлю.

Туман осел на землю росой, увлажняя черную пожухшую траву и превращая ее в кашу. Неужели все кончилось?

— Небо, — запрокинул голову Вит.

Я подняла глаза, черное ночное небо сменилось серым рассветом. Выверт отменялся. Новый день все же наступал. Хотя увидим ли мы его, пока неясно.

Сколько нас осталось? Я, Вит, Михей. Эриш, что пытался остановить кровь, зажимая рану на ноге. Из тех, кто пришел с учителем Риона, остался в живых только один. Тот, что все еще ползал по траве, его желудок был

пуст, но маг все никак не мог прийти в себя.

И четверо магов, что привел стрелок. Эол, их уже четверо, один мертв. Да еще сам действительный.

— Хотели закрыть проход? — раздался хриплый голос. — Могли бы просто попросить.

Из фонтана медленно поднимался Дамир. Очень злой Дамир, с которого стекала сила. Мутная, подвижная и... едва слышная. Мелодия фонтана пока еще тихая, пока еще робкая, возрождалась. И слышалось в ней что-то знакомое.

Михей схватился за арбалет.

— Эол! — простонал седовласый маг. — Что это?

Магия магией, а когда припечет, Эола зовут все. Я проследила за его взглядом. И тут же пожалела об этом.

Чаровникам уже было не до нас, не до щитов, не до чего... Темная масса, которую так и не смог сбросить с ноги молоденький маг, разрослась и поглотила его целиком. Она шевелилась, шуршала, двигалась, напоминая гигантский пчелиный рой, а чаровник продолжал стоять. Как и все мы. Мы забыли, кто хороший, а кто плохой. Мы просто смотрели.

Я снова ощутила на себе чужое пристальное внимание. Взгляд того, у кого нет глаз. Того, кого называли пастырем.

— Что это? Что это? — маг с залысынами, что еще недавно бил меня по морде щитами, отступал к фонтану. — Сделайте же что-нибудь...

— Сделаю, — кивнул Дамир, вытянул ладонь и коснулся его руки над закатанным рукавом.

— Апх, — сказал чаровник и опустил на траву. Из мелодии фонтана, исчезло биение одного сердца, тихая музыка изменилась, и в то же время осталась прежней.

Очередной маг мертв.

Грязь, все больше и больше напоминавшая рой черных насекомых, вдруг поднялась в воздух. Взлетела с земли, с травы, с хрупких веток, со всего, с чем соприкоснулась. Поднялась и облепила фигуру молоденького мага. Осела на том, что когда-то было им. Теперь чаровник напоминал кулек, по форме лишь отдаленно напоминавший человека.

— Что ты натворил? — хрипло спросил у Дамира седовласый маг.

Ну, наконец-то, и до него дошло.

Правда, то, что учителя Риона зачислили в злодеи, еще не делало хорошими нас. Как и сказал бывший действительный, очень легко увидеть зло в тех, от кого не ждешь ничего хорошего.

— Много всего, — Дамир развел руками, продолжая смотреть на

мертвого мага, на его лице был лишь голод.

Он попробовал силу и, словно отведавший крови зверь, хотел ощутить ее вкус снова.

— Уже поздно сожалеть, не находишь, Канстад?

Бывший действительный сделал шаг к седовласому чаровнику, поднимая руку, жадность исказила его лицо.

— Что ты натворил? В кого превратился? — велижский маг отступил, не давая дотронуться до себя.

Молоденький облепленный грязью маг, еще каким-то чудом стоявший на ногах, вдруг издал крик, так похожий на крик ночной птицы. Тонкий и жалобный.

Вхолостую щелкнул арбалет. Михей выругался, а Вит едва заметно качнул головой. Бесплезно. Притвора не сводила с чернокнижника глаз. Я ей их точно выколю.

И тут кокон ожил. Подвижная комковатая жижа пастыря зашевелилась, поползла, забираясь магу в рот, нос, глаза, за воротник, в считанные мгновения исчезая внутри. Крик чаровника оборвался.

Его сердце еще билось, музыка фонтана не изменилась, но он был мертв так же, как и Тамит.

Грязь исчезла. Молоденький чаровник открыл глаза. Нет, не глаза, а два пятна тьмы.

— Приятно, — проквакал пастырь. — Этот мир приятен. Ты доволен моей благодарностью? — спросил он у Дамира.

— Да, — ответил учитель Риона.

— Значит, я расплатился, — пастырь улыбнулся губами мага, зубы были черными. — Теперь расплатятся остальные.

Демон двинулся вперед. Совсем не так, как двигаются люди, он не переставлял ноги, он словно перетекал из одного положения в другое.

Седовласый не выдержал и швырнул заклинанием. С другой стороны заклинание усилил черноволосый чаровник, последний из тех, что прибежали с Михеем. А с третьей стороны их атаку поддержал Вит.

Клубилась сила, дрожал и нагревался воздух. Вот только пастырь не обращал на это никакого внимания, он продолжал идти... течь вперед. Что ему муравьиные укусы.

Первым сдался черноволосый, руки его упали, резерв был исчерпан, и заклинание исчезло. Вторым на одно колено опустился седой чаровник, мужчина тяжело дышал, сила стекала с его пальцев невесомыми каплями.

Не отступал один Вит. Сила в его руках изменилась, пульсировала, превратившись во что-то злое и смертельное. Что-то, отчего кожа на

пальцах стала шелушиться.

Я ощутила его боль. Боль от магии, что жжет руки, и боль от голодной пустоты внутри.

Сила чернокнижника давила и давила на пастыря в теле молодого мага.

Рано или поздно даже человек обратит внимание на настырно кусающего его муравья. Рано или поздно он его прихлопнет.

Пастырь развернулся к чернокнижнику и рывком приблизился. Только что стоял тут, а сейчас уже смотрит в светлые глаза вирийца и скалит черные зубы.

Один взмах юношеской ладони, и руки Вита вывернулись, заломились назад. Магия исчезла, упала к нашим ногам невесомыми хлопьями.

Чернокнижник рванулся в сторону, но что-то невидимое продолжало держать его за руки. И не просто держать, оно продолжало отводить и заламывать их назад. Пастырь продолжал.

Я видела, как вздулись вены на шее у Вита, ощущала, как дрожат мышцы и суставы. Еще чуть-чуть, и демон выдернет ему руки, как мальчишка отрывает крылья мухе. Выдернет, не поднимая своих. Чернокнижник казался куклой, подвешенной на невидимых нитях.

И не только он. Боль выворачивала мои мышцы, проникая в кости, не давая двигаться. Мои руки висели вдоль тела, но это ничего не меняло, они так же отказывались повиноваться, отказываясь двигаться.

Пастырь склонился к лицу Вита, его ноздри раздулись.

— Знакомая кровь, — проговорил он. — Старая, почти забытая. Ты упрям, старая кровь. Мне нравится.

— А мне нет.

Пастырь рассмеялся.

— И смел. Иди со мной, — черные глаза смотрели в прозрачные.

— Го-гос-госсподин? — Дамир замялся, произнося непривычное слово. — Он же...

— Молчи, — сказал демон, и учитель Риона схватился за рот, словно пастырь не приказ отдал, а ударил. — Иди со мной и не пожалеешь.

— Куда? — прохрипел Вит. — Куда ты идешь?

— Далеко, — демон рассмеялся, очень странно видеть, как кривятся губы молоденького мага всего лет на пять старше Риона. — Я пастырь, был призван, чтобы вести за собой. И поведу.

— К Эолу или к Рэгу?

Юноша запрокинул голову и засмеялся, на этот раз совершенно искренне.

Михей зарядил арбалет, прицелился, но, сколько бы ни жал на спусковой крючок, выстрела не последовало.

— О них еще помнят? Об этих пройдохах?— отсмеявшись, ответил пастырь.— Нет. За ними мы не пойдём, их пастырь уже порезвился здесь. Теперь моя очередь. Людей ждут новые боги. Новые эпохи. Я Пастырь, и я поведу новую паству к вере.

— К темной вере! Кровавому веку.

— А какая разница, какого она цвета? — пастырь прищурился. — Люди режут друг друга веками просто так. А я дам им цель. Изменю этот мир. И предлагаю тебе место рядом со мной, старая кровь.

— Господин, — разбитыми губами повторил Дамир. — Он сделал все, чтобы остановить вызов.

— Упорный, — пастырь поднял руку и провел пальцем по напряженной шее чернокнижника. — Твой ответ, старая кровь?

«Страшные времена требуют страшных мер», — так сказал чернокнижник.

Боль Вита вытягивал из меня все силы, хотелось упасть на землю и завывать. На месте вирийца, я бы сказала дасу все, что он хочет услышать.

— Ты можешь соврать, но, — словно прочитал мои мысли демон.— Слово, данное пастырю, накладывает отметину на весь род, но ты ведь уже знаешь это.

Седовласый маг поднял голову и жестом указал черноволосому на свою грудь. Тот кивнул. Знаки понятны лишь тем, кто давно стоит плечом к плечу, тем, кто понимает друг друга без слов.

Но что они могли? У них не осталось ни капли магии. Они опустошили свои резервы, вложив в последний удар все, что было.

— Знаю, — прошептал Вит. — И ты знаешь, что я скажу.

Пастырь прочел ответ в его глазах до того, как чернокнижник озвучил его.

После пятой осечки Михей понял, что выстрелить не удастся. Правда, стрелок не из тех, кто отказывается от намерений, при первой же неудаче. Да, выстрелить не получилось, тогда Михей просто замахнулся арбалетом, словно дубиной, и ударил пастыря в спину.

Вот только за миг до этого дасу поднял руку, намереваясь отмахнуться от стрелка так же, как отмахнулся от чернокнижника. И когда украденная плоть соприкоснулась с артефактом, кожа на руке пастыря треснула, как может треснуть глиняный кувшин, если чересчур сильно стукнуть им об стол. Кожа треснула и осыпалась, словно глазурь. Под ней была все та же грязь.

— Наделяющий жизнью? — совершенно искренне удивился пастырь. — Какой хороший подарок, — пастырь шевельнул пальцами, Вит захрипел, в его плече, что-то с хрустом сломалось. Я вскрикнула. — Я доволен, — пастырь кивнул бывшему действительному: — Дарую тебе старую кровь, развлекайся.

Их магия начала действовать одновременно.

Дамир выпустил те самые серые ленты, которые вцепились в Вита. Опутывая его, словно веревки-путанки и наливаясь лиловым цветом.

Грязь в руке пастыря пришла в движение, и ладонь превратилась в лапу с полупрозрачными когтями.

«Совсем, как у меня, — пришла непрошенная мысль. — Как у притворы. У той, чьи предки, как и Дамир, вызывали демонов и приносили жертвы».

Опутанный заклинанием, чернокнижник осел на землю. И я осела вместе с ним. Мы упали. Вместе и каждый по отдельности...

Боги не просто преподнесли нам дар, они прокляли нас. Борцы за добро и справедливость, которых так просто победить. Тронь одного, и упадут двое. Двое обреченных делить боль.

Седовласый чаровник достал из-под одежды медальон. Круглый плоский камень, с нанесенным на его поверхность рисунком. Спираль. Знак накопителя. Черноволосый вытащил из расстегнутого ворота точно такой же. Их резерв был пуст, но они все равно готовились нанести удар с помощью артефактов.

Взмах лапы, и приклад арбалета треснул, на землю полетели щепки.

— Нет, — закричал Михей, лицо покраснело от злости, — это неправильно!

Дамир, оскалившись, подступил к обездвиженному Виту.

«Да, неправильно», — могла бы добавить я. И не могла. Не могла даже двинуться. Могла лишь обреченно смотреть.

Пастырь развел в сторону руки, словно намереваясь обнять стрелка. И Михей бросился в его объятия. Занес кулак, чтобы по-простому без всяких изысков своротить демону нос, словно в обычной трактирной драке.

Пастыря это даже развеселило. Потому что, он улыбался, когда Михей его ударил. Он даже продолжал улыбаться, делая шаг назад. Он был демоном, но демоном, заключенным в человеческое тело, и это тело отшатнулось, когда его ударили.

Но его улыбка застыла, по краденому лицу молодого мага побежали трещины.

За спиной демона стоял Дамир, который не сводил взгляда с Вита.

Пастырь отступил на один шаг. И на один миг, на один удар сердца, их руки соприкоснулись.

Демон и зеркальный маг. Магия и голод такой сильный, что хочется кричать, хочется вцепиться магу в глотку и пить, пить, пить.

И все же Дамир поколебался. Мне даже показалось, что сейчас он отстранится и снова обратит внимание на вирийца. Это было лишь мимолетное прикосновение...

Но учитель Риона уже ощутил вкус чужой силы, ощутил вскользь, благодаря случаю, и не смог остановиться, как не может поставить на стол кружку с самогоном пропащий пьяница в трактире.

Голод вытеснил все: мысли, доводы, разум. Он заменил их собой, заменил алчностью. Дамир не смог отказаться от силы, что была заключена в чужое тело. Его лицо снова заострилось, утратив всякое сходство с человеческим.

Эол, а ведь я считала его красивым? Этого зверя? Пастырь попытался обернуться.

— Ты! — на этот раз демон взревел. — Невозможно. Ты отмечен. Уже отмечен. И ничто этого не отменит.

Михей бросился к упавшему на землю арбалету.

Кожа пастыря продолжала трескаться, обнажая грязь, что была внутри мертвого тела, которое еще ходило и говорило. Юноша, в которого вселился демон, исчез, рассыпался, как яичная скорлупа. Его сердце остановилось. У фонтана остался стоять демон. Он шипел, как котелок на огне.

Все повторялось. Оболочка разрушилась, но сам демон был еще жив. А Дамир продолжал пить силу.

Пастырь взмахнул рукой-лапой. Последний удар, что вполне мог снести голову магу, и еще двум-трем мужчинам, если бы они стояли рядом. Но время было упущено, учитель Риона просто выпил его. Осушил за миг до того, как был нанесен удар, и лапа рассыпалась. Демон превратился в темные хлопья сажи, которые исчезли, не долетев до земли.

Пастырь исчез. Рассыпался на наших глазах. Демон... Новый пророк... или кем там он себя называл и куда собирался вести мир.

Спасибо, пройдем сами.

— Так зеркальные и побеждали дасу, — услышала я шепот седовласого мага. — Зеркальный вытягивает силу у кого угодно, вытягивает и становится сильнее. Непобедимый маг.

— И вечно голодный. Вечно жаждущий больше, — тихо прошептала я. Фонтан запел в полную силу так же чисто, как и до вызова.

— Что ты натворил? — вдруг выкрикнул чаровник, что сидел на траве, из тех, что помогал Дамиру, а потом резво опустошал желудок. — Ты убил его! Убил! У нас никого не осталось! Мы предали всех. Что ты натворил, Дамир? Ты же обещал нам... Он обещал... Мы должны были стать пророками нового мира! А теперь? Мы будем изгоями! Или мертвецами. Что ты натворил, Да...

Маг не договорил. Голод все еще терзал учителя Риона, превращая мага в зверя. Вряд ли он вообще слышал и понимал, что ему кричали. Вряд ли хотел понимать. Он хотел силы. Зеркальные срываются. Всегда. И не могут остановиться.

Чаровник всхлипнул и попытался отползти от Дамира, без всякого достоинства, торопливо и некрасиво. Но бывший действительный догнал его. Догнал, как догоняет нищий упавшее и покотившееся по земле яблоко. Это уже был не голод, это была алчность, которая ослепляет и заставляет подбирать крошки даже после роскошного обеда.

Это мое будущее?

Я поняла, что сжимаю кулаки и рычу. Рычу от омерзения и несправедливости. От безысходности. Ленты, что сковывали Вита, сковывали и меня. Я ощущала их так же, как и холод черной грязи, в которой он лежал. Но сейчас, мне стало это безразлично. Ужас того, что я видела, вытеснил все остальное. Стало все равно, что чувствует чернокнижник, стало плевать на заклинание, на неподвижность. И как только я это осознала... Пути исчезли. Не те настоящие, что спеленали вирийца, а их невидимый двойник, что появился благодаря нашей связи. Мы были связаны.. Но я — не Вит.

Я отряхнулась, словно зверь.

Учитель Риона едва не полз за магом, чтобы коснуться. Теперь, я знала, что изображено на третьей фреске. Там изображена смерть. То, что я видела, не имело право на существование.

Дамир догнал мага и коснулся. На краткий миг на лице зеркального появилось удовлетворение, тут же сменившееся алчностью. Для него ничего не имело значения, ни друзья, ни враги, ни убеждения. Ничего. Только чужая сила. Он походил на умирающего от жажды.

Смотреть на это было неприятно. И стыдно, будто увидела нечто запретное. Чужие слабости всегда стыдны. А свои еще стыднее. Я не хотела видеть, как Дамир пьет силу. Не хотела чувствовать зависть. Я была голодна и больше всего на свете хотела присоединиться к бывшему действительному.

Руки дернула боль, я посмотрела на Вита. Он смертельно устал. Устал

так, что лечь и закрыть глаза, казалось почти благом.

Маги разошлись в стороны, держа в руках артефакты. У них есть один удар. Последний удар. Они нанесут его, но они все равно проиграют. С этой поляны уйдет только один. Тот, кто все это придумал и осуществил. Не ради Тарии, не ради блага или мира во всем мире. А ради себя. Он хотел безграничной силы. Он ее получил. Вот и все. И теперь все, кто знает об этом, умрут. И союзники, и противники. Все. Даже Лиэсса умерла бы. Лиска, о которой он даже не спросил. Женщина, которая говорила о нем, как о боге.

У зеркального нет ни друзей, ни семьи, ни близких, только тарелки.

— Вот, за это мы их убиваем, — едва слышно прошептал седовласый, ни к кому конкретно не обращаясь, и позвал: — Дамир, ты ведь знаешь, что мы должны сделать?

Над горизонтом показались первые лучи восходящего солнца. Они легли на наши лица пятнами света и пятнами тьмы. Учитель Риона встал, отряхивая руки от грязи, хотя они были чисты. И измазаны в крови по локоть.

Седовласый чаровник что-то торопливо чертил на черной земле, второй — ногой расчищал место с другой стороны фонтана. Удар с помощью артефактов...

— Нам нужно время. Минута, не больше, — сказал седовласый, торопливо рисуя в грязи знаки. Он не поворачивал головы, но говорил. Для меня:— Дайте нам эту минуту.

Вряд ли их волновал вирийский чернокнижник и оборванная девчонка. Их не волновал даже Михей и раненый лучник. Их не волновала затаившаяся в кустах притвора, готовая в любой момент ступить на дороги другого мира, но почему-то до сих пор не сделавшая этого. Что же Вит ей сказал? Что пообещал?

Им нужна минута. Всего минута.

Дамир сделал шаг к чернокнижнику, и руки его дрожали от желания прикоснуться. Михей ругался. Михей да я... Что мы можем?

— Дамир, — позвала я, едва соображая, что делаю. И чего делать не должна. — Здесь есть блюдо повкуснее порченной крови.

В словах слышалась бравада. Отчаянная, жалкая, но все же. Я спрятала руки за спину, чтобы он не видел, как они дрожат. Как было бы проще, если бы Вит все же убил меня там у трактира. Для всех проще. Особенно для меня. Иногда смерть — это благо.

Я снова вспомнила Оську-гончара. Нашла, о ком думать на смертном одре. Но мысли, что я так тщательно прятала даже от самой себя, словно

выпущенные из чулана мыши разбежались в разные стороны.

Дамир посмотрел на меня, и тяжесть его взгляда, едва не заставила меня пожалеть о сказанном. Тут и в самом деле было блюдо повкуснее чернокнижника. Например, зеркальный маг.

Я попятилась, уперлась спиной в полуразрушенную чашу фонтана и замерла.

Источник пел. В знакомую мелодию вплетались новые ноты — боль, гнев, потрясение. Музыка то взлетала тонкими нотами, то гремела оглушительно низкими раскатами. Наши сердца еще бились.

Учитель Риона выпрямился. До чернокнижника всего два шага, до меня четыре. Кто из нас? Кого он выпьет первым?

Вит выругался. Но я смотрела только на бывшего действительного, а тот смотрел на меня. Хорошо. Не дай ему отвернуться, не дай подумать о ком-то другом.

Когда Оське перебило спину телегой, он долго кричал. Не час и даже не два. Он кричал несколько дней от боли в ногах, которых больше не чувствовал. Никто не знал, что делать. Денег на целителя не было. Конечно, если бы скинулись всем селом, да послали гонца в Вышград... Но скидываться никто не хотел. Медные черни, так любовно выменянные на ярмарке, лежали в глиняных крынках под полом. Все смотрели друг на друга и молчали.

А Оська орал от боли. Его жена и брат отдали бы все. Если бы это «все» у них было. Иногда у нас нет того, что мы хотим отдать.

Дамир обошел Вита. Значит, первой стану я, а не чернокнижник. Глаза вдруг зашипало. Вот только плакать не смей, Айка. Не сейчас. Не перед ним.

Учитель Риона встал напротив, разглядывая меня с интересом и... голодом, словно диковинное блюдо типа пахлавы, что привозили ярмарочные купцы из-за Тесеша, а мы бегали в лавку смотреть, нас прогоняли, но мальчишки возвращались снова и снова.

— Тшш, — ласково проговорил Дамир, я поняла, что все же плачу. — Я ничего не сделаю тебе, глупая.

Голос был тих, он был мягок, и ему было так легко поверить.

Дамир положил руки на раскрошившийся бортик фонтана, совсем рядом с моими. Он сжал и разжал ладонь. Сжал и разжал. А потом поднял руку и осторожно отвел со щеки прядь моих волос. Очень осторожно, чтобы не дай Эол, не коснуться кожи. Иногда предвкушение намного слаще, чем первый укус.

— Что будет, если встретятся два зеркальных? — спросила я у Дамира.

— Я не знаю, — с улыбкой ответил он.

— Кто кого убьет? Кто перетянет всю силу?

Он продолжал улыбаться, но рука у лица дрогнула. Я видела, что он сдерживается из последних сил, что еще миг и...

— Есть только один способ узнать, — торопливо прошептал бывший действительный, склоняясь все ниже и ниже к моему лицу. Мужская ладонь разжалась, локон упал на щеку.

И я поняла, что он хочет меня поцеловать. Снова. Последним смертельным поцелуем. Эта идея нравилась ему настолько, что мужчина не мог сдержаться, не мог остановиться. И какой-то своей частью я понимала его, понимала нетерпение и голод.

— Нет, — закричал Вит. — Нет, Айка, не надо.

Но я знала, надо, если я хочу спасти хоть что-то. Кого-то...

Губы Дамира были черными, вымазанными в грязи. Мои были разбиты в кровь магическими щитами. От него смердело потом и грязью, от меня наверняка пахло не лучше. Сосуды в его глазах полопались, ноздри раздулись...

И все-таки я не выдержала, не смогла пересилить себя и позволить ему прикоснуться. Не таким должен быть мой последний поцелуй.

Я сама подалась вперед, чуть отвернув голову, и его губы скользнули по щеке, пачкая кожу грязью. Щека к щеке. Плоть к плоти, магия к магии, голод к голоду.

Кто победит? Маг, только что осушивший нескольких демонов? Или девчонка, всего лишь отведавшая умирающего мага?

Исход предрешен. Это — как перетягивание каната, если с одной стороны поставить самого сильного парня деревни, а с другой стороны привязать козу.

Пальцы соскользнули с крошащегося камня прямо в плескающуюся и играющую тысячей сердец силу. Прикосновение Дамира было похоже на хруст ломкого листа, что осенью упал с ветки дерева, если движение вообще можно сравнивать со звуком. Во рту стало сухо, словно кто-то разом выпил из меня все силы. Руки ослабели, хвост задрожал, в груди поселилась ноющая боль...

И лишь пальцы продолжали касаться фонтана.

Говорят, что источник откликается магу лишь раз в жизни, до краев наполняя резерв. Всего один раз. И сколько бы потом не взывал чаровник, природа остается глуха к его мольбам. Еще недавно Дамир упал в эту чашу, и вышел из нее точно таким же голодным, как и раньше.

Вот только я никогда ничего не просила. Мне не дали этого сделать.

Я не знала, как чаровники взывают, какие при этом произносят слова, какие песни поют и танцы танцуют. Но это не имело значения. Я просто попросила:

«Помоги мне. Дай силы!»

И все. Четыре простых слова, которые я даже не произнесла вслух. Четыре слова, изменившие все.

«После ритуала ты уже не будешь магом. Мир тебя не услышит, — сказал мне когда-то учитель Риона. — Не услышит и не откликнется».

Действительный соврал. Мир услышал. Он отдалился, словно я была уже не я, а арбалетный болт, выпущенный в небо. Я снова увидела весь мир целиком, всех людей, их жизни, услышала биение сердец, ощутила дыхание на своей коже. Взлетела над всем этим, легкая и невесомая.

Источник откликнулся. Сухость сменилась живительной влагой. Жажда — удовольствием. Голод — удовлетворением.

Говорят, источник всегда наполняет резерв до конца, но не дает ни кьята больше. А что делать, если резерва нет. Если в тебе живет лишь вечно голодная пустота?

У моего резерва не было дна, не было стен и ограничений. А источник был бездонным. Мы оба были бездонными. Сила все не кончалась и не кончалась, продолжая прибывать, заставляя мышцы наливаться силой, заставляя шерсть пушиться, заставляя меня урчать от удовольствия.

Сила была двоякой. Одна напоминала ягодный морс, поданный жарким летом, когда залпом осушаешь кружку, и зубы сводит от его холодной сладости. Вторая — горьковатая, как ложка травяной настойки на рыбьем жире, что оседает на языке тошнотворным привкусом. Второй было мало, ничтожно мало по сравнению с той, что давал источник. Ее сосуд тоже был мал.

Горькая сила Дамира кончилась так быстро, что я едва успела это осознать. Всего один глоток. А потом она сменилась чем-то иным, чем-то трепыхающимся, как бабочка, пойманная в ладонь...

Где-то на краю сознания, я услышала хрип.

Не магия. Жизнь. В меня вливалась сила его жизни. Сила, что заставляла биться сердце. Ведь это, если подумать, тоже магия.

Его было так легко выпить до конца. Просто не останавливаться. Он бы меня не пожалел. Таких врагов нельзя оставлять в живых. Человека, что походя разбрасывается чужими жизнями, надо остановить навсегда.

«Не думай, не сомневайся, не страшись. Просто сделай», — сказал мне учитель Риона, отправляя из Вышграда в Велиж. Отправляя на смерть.

И я больше не сомневалась. А думать перестала еще раньше.

Ненасытная пустота внутри меня замолчала, остановилась. Я закрыла глаза, выдохнула, а открыла их уже на земле, около фонтана, соленые слезы все еще текли по лицу.

Дамир... Нет, от того чаровника, что я знала, ничего не осталось. В черную пыль осел старик со сморщенной кожей. Усохший, сгорбленный, в одежде, которая стала ему велика. Худосочная грудь вздымалась и опадала. Он все еще дышал, я не стала осушать этот сосуд до дна. Не захотела, как не хочет ребенок пить горькое лекарство.

Бывший чаровник захрипел, закашлялся, выплевывая желтые зубы.

— Агррр,— брызгая слюной, прохрипел старик, цепляясь за мою одежду.

Я отпрянула, прижимаясь к фонтану и отталкивая его, словно больного проказой побирушку, который выпрашивает медный черень у храма Эола. Все, что осталось от чаровника, решившего стать великим.

Черноволосый маг смотрел на меня с другой стороны источника. От него веяло чем-то теплым и невыносимо приятным, как бабушкины объятия, захотелось окунуться в это «что-то», взмахнуть хвостом и заурчать от удовольствия... Эол, нет!

На меня словно ушат холодной воды вылили. Я только что выпила зеркального, мало того, взяла у источника столько силы, сколько смогла, а теперь смотрела на чаровника, а на моем лице проступал тот же голод, что и на лице учителя Риона.

Зеркальный никогда не бывает сыт. Он не может остановиться, желая все больше и больше...

— А-ка, — рычащее позвал Вит, и я повернула голову. Повернула даже не на голос, а на запах, такой знакомый и родной. Такой желанный. Запах магии. Внутри снова что-то шевельнулось, пока еще медленно, но я знала, что скоро воронка раскрутится вновь.

«Почему ты не убил меня сразу?» — спросила я, не произнеся ни слова. Но он понял. Увидел в моих глазах все: от ужаса до стыда и сожаления.

«Я убил, — так же без слов ответил он. В его серых глазах отразилась боль. — Это была пытка. Такая сильная, что я не смог повторить. Прости».

Жена Оськи-гончара смогла выдержать два дня, на третий пришла к нам. Пришла не за лекарством. А за ядом. Она не сказала ни слова, лишь стояла и плакала навзрыд, зажимая рот красной натруженной рукой, давясь слезами, стыдом и виной.

Бабушка напоила ее чаем и сидела рядом, пока рыдания не стихли. Она не дала ей яд. Мы не торговали отравой. Она дала ей сонного порошка.

Поставила на стол банку, отсыпала щепоть в холщовый мешочек и велела заварить перед сном.

— Опасная трава, — сказала Сима тогда. — Одна щепоть, и будешь спать, как младенец. Тебе сейчас необходимо. Две, и тебя даже из королевских пушек не разбудят. Три — и с утра придется справлять отходную в храме Эола.

Вручив кулечек, бабка ушла в соседнюю комнату, где я безуспешно притворялась спящей. Ушла, оставив банку с сонным порошком на столе. Она не продавала яд жене Оськи, но она позволила ей взять его самой.

Гончара схоронили через два дня, на погосте за часовней. Эол призвал калеку во сне.

Мы никогда не говорили с бабушкой об этом. Я не спрашивала. А она не рассказывала. Лишь уходя с погоста, глядя на свежий холмик могильной земли, она, ни к кому не обращаясь, произнесла:

— Иногда смерть — это лучшее, что ты можешь подарить другу.

Седовласый чаровник закончил рисовать знак на земле и отбросил ветку. Минута истекла. Эол, всего лишь минута, а мне показалось, что прошел год.

— А-ка, — повторил Вит.

Не знаю, что он хотел сказать. Что тут еще можно сказать. Я смотрела на вирийца и больше всего на свете хотела прикоснуться к его руке, к его щеке, все равно к чему, лишь бы снова ощутить себя наполненной силой, ощутить себя центром мира, его солнцем.

Я вцепилась руками в каменный бортик источника, ощущая, как крошки царапают кожу. Вцепилась, чтобы не поддаться желанию и не броситься. Надо оставаться на месте, у магов только одна попытка. Один удар. Пока я еще я. Пока могу управлять своим телом, а не ползать по траве, как Дамир, за тем испуганным чаровником.

Маги подняли руки к небу. Учитель Риона схватил меня за штанину.

— Айка, — в третий раз повторил чернокнижник, и на этот раз в его голосе не было рычания. В нем было понимание и печаль, что все должно закончиться вот так.

Сила стала собираться в руках тарийских чаровников. Подвижная, тягучая, словно грозовые облака, в которых то и дело мелькали молнии.

— Нет, — закричал вдруг Михей, отбрасывая сломанный арбалет на траву.

Низко зарычала притвора, прыгая прямо на спину Вита. На чернокнижника, который не мог даже пошевелиться, из-за связавшего его серыми лентами заклинания. В ее утробном рыке слышалось

удовлетворение. Вириец продолжая смотреть только на меня.

А я вдруг поняла что там, у трактира, перерезая мне горло, он приговорил нас обоих. Вот зачем ему нужна была идущая за нами нечисть. Ее он определил себе в палачи. Плети заклинаний оставались серыми. Вит не будет сопротивляться. Он просто будет смотреть на меня. Смотреть, пока проводница рвет его на части. Одного из тех, кто убил ее спутника. В этом чернокнижник не соврал, он просто не сказал ей всей правды. Не рассказал об остальных.

— Это неправильно, — Михей торопливо перешагнул через тело Тамита. — Так не должно быть!

Сила в руках магов загудела, рисунки на амулетах вспыхнули голубым.

— Михей, нет! — закричала я. — Уходи! Немедленно!

— Айка, — жалобно произнес стрелок и с той детской простотой, что присуща только ему, повторил: — Это неправильно!

Я оттолкнула Дамира, но он продолжал цепляться за ноги так, что я едва не упала, делая шаг навстречу Михею. Спину дергало острой болью. Не моей болью.

— Убирайся!

— Неправильно, — обиженно повторил стрелок, обхватывая меня за талию и не давая упасть. — Я совсем ничего не умею, не могу помочь...

— Михей,— простонала я, бросая взгляд на Вита, по лицу которого текла кровь, а по моему текли слезы. — Вит...

Маги ударили.

И мир стал ослепительно белым.

Глава 13. Черным по белому, или вместо эпилога.

Потолок был белый с выпуклыми завитушками, из которых на меня пялились безглазые лица толстощеких младенцев. Ужас, конечно, но от загробного мира, я ожидала большего. Шевелиться не хотелось, тело, словно после бани, казалось легким и невесомым. Я зажмурилась, и снова открыла глаза, широкоскулые дети все еще смотрели на меня с потолка.

— Эол, — то ли простонала, то ли позвала хозяина чертогов я и попыталась сесть, не забывая оглядываться по сторонам.

Все вокруг было белым. И кровать, на которой я сидела, и стены комнаты, и два стула, стол, колыхающиеся шторы на окнах — все. Я едва подавила желание потереть глаза, чтобы избавиться от этой бесцветной белизны.

— Меня сейчас стошнит, — известила я бесцветную комнату.

Но никто не ответил. Хозяину этой красоты было безразлично, испорчу я его ковры или нет. Я повернулась. Кровать оказалась просто огромной. Она походила на то, что целую комнату застелили перинами, а потом убрали стены. Даже та, что я видела в замке баронета Кистена, была вполовину меньше. Отбросив одеяло, я спустила босые ноги на ковер. На мне оказалась такая же белоснежная рубаха и штаны. Совершенно непрактично, летом вывозишь в грязи, зимой замерзнешь.

— Меня что похоронили в этом? — спросила я в пустоту.

Но пустота не спешила отвечать. Я уловила за спиной мимолетное движение и резко обернулась. Но нет, комната была пуста. Я встала, босые ноги утонули в мягком ковре. До окна всего три шага, а за прозрачным стеклом — такой же молочно-белый, как и комната, туман.

— Все-таки я умерла, — тихо проговорила я, не добавив «наконец-то», которое так и вертелось на языке.

Что ни говори, а все закончилось плохо. Я повернулась к такой же белой, как и вся комната, двери. Интересно, а остальные выжили? Обидно, если нет.

Михей, Рион... и Вит.

Слишком много всего произошло. Я не могла понять, что чувствую теперь, когда все позади. К воспоминаниям примешивалась горечь.

Я сделала несколько шагов к двери и уже дотронулась до ручки, когда вдруг представила, как открываю дверь, а за ней ничего нет. Совсем. Только туман. Это и есть мое наказание у Рэга.

Рука опустилась. Пожалуй, я пока не готова выйти отсюда.

— Смелее! — раздался насмешливый голос, я развернулась, шипя...

И увидела валяющегося на кровати Вита, хотя миг назад в комнате никого не было. Вроде бы не было...

Чернокнижник словно нарочно был одет во все черное. Он положил руки за голову, вглядываясь в лепнину на потолке, и хмурился, толстые рожицы откормленных детей не нравились не только мне, но и мужчине.

Я многого ожидала от смерти, в основном с ужасом, но чернокнижник как-то не вписывалось в планы вечных мучений. Хотя, возможно речь шла о его мучениях, а не моих.

И вместе с тем я не сдержала вздоха облегчения. И сама поразилась этому. Я была рада видеть вирийца, и эта тихая радость не имела к дару богов никакого отношения.

— Вит, — позвала я, отступая от двери. — Где мы?

— У меня для тебя плохие новости, — чернокнижник продолжал

смотреть на потолок.

— Как обычно, — пожалала плечами я, возвращаясь к окну и стараясь не думать, почему так неистово колотится сердце.

— Ты жива.

— Ага,— ответила я, хватаясь за подоконник и вглядываясь в белую пелену снаружи. — Помнится, мы уже видели такой плотный туман, в мире мертвых, — я обернулась к вирийцу, готовая ко всему, даже к тому, что мужчина исчезнет так же внезапно, как и появился. Эол знает, какие тут у них порядки.— Когда пойдем пугать людей?

— Зачем?

— Говорят, мертвецам положено. Негоже в первый же день правила нарушать.

— Ты мне не веришь? — Вит настолько удивился, что сел на кровати, я услышала, как зашуршали простыни.

— Нет.

— Айка, мы живы!

Я почувствовала движение за спиной, и поняла, что чернокнижник уже стоит позади.

— Спасибо, что пытаешься придумать красивую сказочку, но...

— Айка... — он положил мне руки на плечи.

— Знаешь, — перебила я, — с тех пор, как я уехала из дома, меня столько раз били по голове, душили, травили, швыряли магией, дали постоять на эшафоте и даже перерезали горло... — руки чернокнижника ощутимо напряглись, и я торопливо продолжила: — Каждый раз, открывая глаза, я была уверена, что все кончилось. Что на этот раз все, допрыгалась. И каждый раз Эол, отводил последний удар. — Я развернулась.— Не подумай, что я жалуюсь, но... — Я прислонилась к подоконнику. — Но не в этот раз. По нам били маги. Лучшие маги Велижа, они вложили в последнюю атаку все, что было и даже то, чего у них не было. И били они не по мне. Они рассчитывали ударить Дамира, зеркального мага, а не девчонку, толком не знающую, что она умеет, а что — нет. Били наверняка, — я развела руками. — Сам видишь, тут никакой Эол не помог бы.

— Хорошо, — легко согласился чернокнижник. — Тогда, где мы, потвоему? В чертогах Эола? У изножья трона Рэга? Я как-то не так себе их владения представлял.

— Я тоже, — неожиданно захотелось выгнуться и почесать спину о выступающий подоконник. — Но что мы понимаем в божественных замыслах. Они нас даже поженить пытались... — Я снова развела руками, предлагая Виту посмеяться над этой нелепостью.

— Хорошо, — кивнул, продолжая соглашаться со мной, чернокнижник. — Раз мы мертвы, то и стесняться, я полагаю, глупо.

Он схватил меня за руку и рывком притянул к себе. Вышло грубо, но действительно. Я была слишком ошеломлена, чтобы сопротивляться, по крайней мере, в первый момент, когда он наклонил голову и завладел моими губами. Небрежно и жестко, не считаясь с чужими желаниями.

— Ммм... — только и смогла произнести я.

И его торопливый порыв тут же сменилась мягкостью. Губы мужчины на миг замерли, а потом шевельнулись, легонько касаясь моих, заставляя их раскрыться. Поясницу кольнуло, но подоконника рядом уже не было. Мужчина коснулся моего языка своим...

В какой-то мере Вит был прав, стесняться было уже поздно, да и для всего остального уже поздно. И эта странная нелепая и ужасающая мысль вдруг успокоила меня.

Что было, то было, а в эту минуту... Почему бы и не узнать — каково это, самой целовать красивого мужчину. Опасного, как острый клинок. Ведь два раза убить невозможно.

Целовать потому, что я так хочу, а не потому, что так велели боги. Я забыла про спину, про белую комнату и наш спор. Забыла про то, что мы куда-то движемся, что Вит идет, а я следую. Обхватила мужчину за шею и прижалась, не давая ему отстраниться, не давая разомкнуть наши губы. Всего миг не думать ни о чем. Один долгий, но такой краткий, миг.

Один лишь поцелуй. А потом я смогу думать, смогу вспоминать, как Вит вот этой же рукой перечеркнул мое горло. Это было горько.

И это было сладко. Сперва медленно, потом, все быстрее и быстрее. Вдох за выдохом, прикосновение за прикосновением. Это было как танец, когда один предугадывает движение другого, когда наши губы касались друг друга, когда наши языки сплетались. И в какой-то момент я поняла, что падаю... Падаю на кровать. Перина подо мной мягко колыхнулась. Губы горели. Вит посмотрел на меня сверху вниз и медленно потянулся к своей рубашке, развязывая шнуровку ворота.

— Это, конечно, не свадьба, но, тем не менее... — вириец стащил рубашку и отбросил в сторону.

Я как зачарованная проследила за ее полетом. Наверное, мои глаза размером напоминали чайные блюдца из сервиза какой-нибудь тарийской меис. Вит усмехнулся, склоняясь надо мной. Все ниже и ниже.

Его кожа была смуглой и гладкой, так и хотелось поднять руку и прикоснуться, чтобы узнать, теплая она или прохладная. Провести подушечками пальцев по мышцам, чтобы почувствовать их твердость. Я

уже подняла ладонь, когда вдруг осознала, что урчу от удовольствия, обвивая хвостом предплечье мужчины. Моя кошка? Почему-то я была уверена, что после смерти все эти демоновы штучки с внутренним зверем исчезнут. Но сейчас, как никогда остро, ощущалось ее присутствие и что-то еще...

— Вит, — я уперлась ладонью мужчине в грудь, он едва заметно вздрогнул. — Мы живы?

Он не ответил, его рука легла на мое плечо, потом поднялась выше, пальцы замерли у ключицы, там, где заканчивалась ткань рубашки и начиналась кожа. Мои руки скользнули чернокнижнику на плечи, коснулись спины, ощущая неровности, тонкие бугры шрамов. Спина снова зачесалась. Я вспомнила, как Вит смотрел на меня там у источника. Смотрел, пока нечисть драла ему спину.

— Пожалуйста, остановись, — попросила я и удивилась, как тонко звучит мой голос. Тонко и жалобно. — Твоя спина!

Я думала, мужчина не послушает, коснется шеи, а потом... Представить это «потом» во всех красках не получилось.

Но чернокнижник замер, а затем скатился с меня на кровать. Кошка разочаровано фыркнула, а я очень постаралась, чтобы это разочарование не отразилось на моем лице.

— Твоя спина, — повторила я.

— При мне, слава Рэгу, — голос мужчины был полон иронии. — Значит, теперь ты готова обсудить нашу живучесть?

— Мы живы? — жалобно спросила я. — Но как? Чаровники же били наверняка. Там не то, что я, там никто бы не выжил. Ни Дамир, ни Михей... Михей?

— Тоже живехонек.

— Где он?

— В данный момент красуется перед горничными, те в нужных местах охают и ахают.

— Рион...

— В библиотеке. Представляешь, он умеет читать, — Вит криво ухмыльнулся, но тут же стал серьезным. — О нас не хочешь спросить? Или лучше поговорим о Дамире, прежде чем ты соберешься с мыслями? Кстати, учитель Риона умер. Тарийские чаровники говорят, сердце не выдержало, но, по обыкновению, врут. Сердца у этого мага никогда и не было.

— Покажи спину, — попросила я и, подумав, добавила: — Пожалуйста.

Целую минуту мужчина разглядывал меня, как диковинную зверушку,

на которую пялятся за черень зеваки на ярмарке, а потом повернулся.

— Красивенько, — закусив губу, сказала я.

— Ну, хоть не реवेशь, — с облегчением выдохнул Вит.

Я протянула руку, поколебалась, а потом все же коснулась щедро испещренной рубцами спины. Шрамы казались давно зажившими, они напоминали борозды на старой пашне. Неровные бугристые уже блеклые линии, иногда насакивающие одна на другую. Полностью зажившие раны, а ведь на вирийце наверняка живого места не было.

— Сколько? — хрипло спросила я.

— Что? — шевельнул плечами чернокнижник.

— Сколько прошло времени с того дня, как я... как ты... С того выверта?

— А если я скажу, что два года? — Он повернулся лицом, я почувствовала, как кровь отливает от моего лица. — Шучу. Две седмицы.

— И я в это время... — я замолчала, так и не подобрав нужного слова, обозначающего исчезновение двух недель из моей жизни. — Спала?

— Почти, — серьезно ответил чернокнижник. — Чаровники Велижа уверены, что ты мертва.

— Черт! Стукнуть бы тебя, как следует.

— Наоборот, надо радоваться и поцеловать. Ты бы видела Михея, когда он нес тебя на руках после магического удара. Здоровый детина ревет, почти причитает, а ты у него на руках, словно подстреленная охотником косуля. Голова на тонкой шейке мотается.

— Я сейчас заплачу, — честно призналась я, подтягивая колени к груди.

— Вот-вот, многие плакали, кое-кто даже помидором кинул, но промахнулся.

— А ты? Последнее, что я помню, это, как притвора рвет тебе спину... — при этих словах из пальцев выскочили когти и едва не вспороли белоснежную ткань штанов.

— Нет бы, чего хорошего запомнить, — нарочито ворчливо попенял чернокнижник. — Я тоже не очень хорошо помню, в основном, звездочки кровавые перед глазами. Та тварь знатно порезвилась. Но, как только чаровники ударили, так ее и след простыл. Живучая, знает, когда надо отступить. Но если бы не Михей и Эриш, если бы не воины Рэйвена, — Вит глубоко вздохнул, — мы бы с тобой сейчас не разговаривали. — Мужчина сел напротив и стал рассказывать дальше: — Как только мы остановили выверт, время снова побежало, отсчитывая минуты, солнце поднялось над горизонтом. Вот тогда-то, они и вылезли. Люди, маги,

солдаты. Наши тоже поняли, что засиделись в трактире.

— Как я выжила? — перебила я.

— Это тебе лучше у стрелка спросить.

— Я спрашиваю у тебя. Ответь, пожалуйста.

— Надо же, что смерть с людьми делает, вежливая какая ты стала, второй раз уже за день «пожалуйста», — передразнил чернокнижник и пояснил: — Учти, это — чистой воды домыслы, хотя наши магистры во главе с Кишинтом уже потирают руки.

Я кивнула, так как была согласна даже на домыслы, потому что, оглядывая белую спальню и Вита, нет-нет, да и проскальзывала мысль, что все это бред. Или сон, от которого мне не проснуться. Что дверь, которую я вижу с кровати, не откроется, если потянуть за ручку, потому что, за ней ничего нет. И нас тоже нет.

— Под удар попали трое: ты, Михей и Дамир.

— Выжили мы с Михеем?

— Выжили все трое.

Я подняла брови. Нет, точно бред. Что за чаровники в Тарии, раз троих безоружных уколошить не могут.

— Маги били по магам. Как ты и сказала, били наверняка, силы было мало, только накопители, и маги сделали ставку на природу заклинания, а не на его мощь. Магический удар, что поражает только мага. Подобное подобным. На самом деле, страшное оружие. Не кривись, страшное, я видел, как целый десяток кудесников остался лежать бездыханным, — Вит коснулся пальцем моей щиколотки. — Но тут не учли один фактор. Вернее, два. Первое — Дамир больше не был чаровником. Ты выпила его магию.

— А второй? — почему-то слова вирийца внушали беспокойство, подойти к двери захотелось еще больше.

— Второй не учел никто. Даже я. Ваш стрелок, — мужской палец поднялся чуть выше по икре, я хотела спросить, что Вит делает, но не стала, если это бред, то, по крайней мере, приятный. — Маг-артефактор, пусть, и без резерва.

— Но все равно маг, а значит...

— Значит, он тоже попал бы под удар, — кивнул чернокнижник.

— Но он не попал?

— Более чем, но ты приняла на себя всю магическую атаку.

— Мне везет.

— Ты даже не представляешь, как, — палец поднялся еще выше и очертил колено сквозь тонкую ткань. — Именно это тебя и погубило, и спасло.

— Вит, хватит ходить вокруг да около. Что со мной сделали? — я дернула коленом, и мужская рука упала на простыню.

— Сделал. Маг-артефактор.

— Он ничего не умеет, — хмуро сказала я, все больше убеждаясь, что это сон. Нереальный разговор в нереальной комнате. Поясница от этого зачесалась с новой силой.

— Ничего, кроме... — чернокнижник замолчал и вдруг спросил: — Спина не чешется?

— Нет, — почему-то ответила я и тут же заерзала на перине.

— А должна, — Вит придвинулся чуть ближе. — Михей не умеет ничего создавать, кроме накопителей. Причем, они получаются у него настолько естественно, что он даже не замечает этого. Поэтому, когда он схватил тебя за талию, там, у источника... — чернокнижник настолько выразительно посмотрел куда-то в район моего живота, что я даже забеспокоилась, что там у меня, кроме глистов, могло завестись.

— И что он сделал?

— Ты ведь уже догадалась. Он создал очередной накопитель. Только на этот раз его основой послужил не предмет, а живая материя.

— Это возможно?

— Вспомни Дамира, который сделал из себя ключ. Хотя, маг всего лишь перенес на себя свойства с уже готового артефакта, любой маг так сможет. А Михей именно создал накопитель, за миг до того, как на тебя обрушилась магия. И ты втянула ее в себя, как мох втягивает воду. Втянула полностью, чем спасла и стрелка, и себя. Вы спасли друг друга.

Сердце пропустило удар, я прислушалась к себе. Очень осторожно, как приноживающийся к воздуху зверь. Я слишком боялась, что как только сделаю это, то сразу почувствую голод. Всеобъемлющий, утягивающий в свою глубину.

Заглянула «в себя» со страхом. И едва не задохнулась от ужаса. Бездонный колодец, все еще был там, он не исчез, не рассыпался пеплом. Он был цел и готов в любой момент начать свой безумный водоворот. Но сейчас он был плотно закрыт толстой каменной крышкой. А на ней, словно работа искусного каменотеса, кто-то выбил рисунок. Знакомый рисунок спирали, поверх которого, лениво помахивая хвостом, лежала моя кошка. Моя суть.

Михей не уничтожил бездну, он ее запечатал. Закрыл. Заставил замолчать.

Кошка вскочила на лапы.

Я вскочила на ноги прямо на кровати и дрогнувшим голосом спросила:

— Что? Что у меня там? На спине? — зуд, словно ожидавший этих слов, вдруг дал о себе знать с новой силой, я едва не застонала. Или даже еще хуже, чуть не попросила Вита почесать мне спину, совсем, как порядочная кошка.

— Сядь, Айка, — приказал мужчина, но я словно не слышала.

Мало мне белых волос, острых зубов и когтей, так еще что-то на спине образовалось.

— Сядь, я сказал, — вириец дернул меня за руку так, что я упала на него сверху, оказавшись прижатой к обнаженной мужской груди. — Тихо, — скомандовал он, обхватывая руками за талию.

— Я... Я... Я больше не человек? Кто я?

— Боюсь тебя разочаровать, но ты и раньше не была человеком в полном смысле этого слова. Слишком много кровей намешано, и большинство нечеловеческие.

— Вит, — произнесла я, толком не зная, о чем прошу.

— Да, ты больше не человек, — его ладони вдруг шевельнулись, и он стал выправлять мою рубашку из штанов. — Ты не человек и не маг...

Его пальцы коснулись кожи. Словно угольком приложили. Мужчина провел рукой по спине вверх и вниз.

— То, что у тебя там, всего лишь рисунок на теле, — кончиком пальца Вит стал водить по талии. Я заставила себя сосредоточиться на его прикосновениях, но не на ощущениях, а на том, что именно вырисовывали его пальцы. Один круг, переходящий в другой, один виток внутри другого...

— Знак накопителя, — выдохнула я.

— Ты — артефакт.

— Вещь?

— Может быть. Вспомни арбалет Михея, иногда у вещи куда больше свободы, чем у человека.

— Но...

— Вот, теперь ты решила расплакаться, — кажется, чернокнижник был недоволен.

— Иди к дасу, Вит.

— Да я бы рад, но разве есть смысл расстраиваться из-за того, что ты не в силах изменить? По-моему, это глупо. Еще недавно ты не верила, что жива, а сейчас расстраиваешься из-за того, что жива недостаточно.

Чернокнижник продолжал говорить, а его ладонь поднялась выше и легла мне на плечи, потом на шею, пальцы коснулись спины, чуть оттянув ворот рубашки. Я заурчала, выпуская и убирая когти, едва не царапая

мужчине бок.

— Что ты делаешь?

— Проверяю, разрешишь ли ты мне прикоснуться к тебе после всего случившегося. — не смущаясь, ответил чернокнижник.

— И, как успехи?

— Пока и сам не понял. Иногда мне кажется, что ты не прочь послать весь мир к дасу в пасть, а иногда, ты так смотришь, что я понимаю, твои думы далеки от меня, — Вит убрал упавший на щеку локон и заправил его мне за ухо и с неожиданной горечью добавил: — Вряд ли ты простишь перерезанное горло. Я знал, на что шел, и не питаю иллюзий.

Я сразу вспомнила боль, что показалась мне такой невозможно острой, и биение своего сердца, что было чересчур громким. Но тут же эти воспоминания сменились другими. Тем, как Вит смотрел на меня там, у источника, а притвора вспарывала ему спину. Почему-то второе воспоминание отзывалось куда больнее, чем первое. Бабушка всегда говорила, что чужая боль ранит в пять раз сильнее, чем собственная.

— Вит... — начала я, — ни ты, ни я не выбирали этого. Это дар богов, не забыл? — спросила я и, вскочив, зашипела.

Каменные стены были слишком толсты, и я услышала чьи-то шаги уж у самой двери.

— Тише, это наверняка...

Он не договорил, когда дверь распахнулась, и в белую комнату просто влетели Рион с Михеем. Стрелок увидел нас на кровати, замер посреди комнаты и густо покраснел.

— Вы чем тут занимаетесь? — спросил бывший чаровник, держа в руках толстую книгу.

— Тебе подробно описать? — ухмыльнулся, выгибая бровь, Вит.

Не знаю, что собирался ответить Рион, но я уже выскользнула из рук вирийца, вскочила с кровати и, ступая босыми ногами по покрытому белым ковром полу, подошла к стрелку, встала на цыпочки и поцеловала парня в щеку.

— Спасибо.

Михей из красного стал просто малиновым.

— Его благодарит, а мне пеняет на результат, — покачал головой Вит. — Жизнь несправедлива.

— Мы собственно чего пришли, — откашлялся в кулак Рион. — Ты обещал, что расскажешь нам все, как только Айка очнется, а целитель высокого лорда как раз доложил...

— Целитель высокого лорда? — переспросила я, втягивая шею и

стараясь рассмотреть мир за приоткрытой дверью, мир, который еще минуту назад казался мне несуществующим. Всего лишь часть каменного коридора, и уводившие куда-то вниз ступеньки. Но какая важная часть. — Где мы? Что за саван? — я снова осмотрела белую комнату.

— Мой дворец, — Вит поднял рубаху.

— Твой?

— Моего отца, — чернокнижник стал одеваться, на мгновение его лицо скрылось под тканью.

— Дворец твоего отца в Тарии? — не поняла я, мысли абсолютно смешались.

Ей-богу, мертвой быть легче, можно не думать о последствиях, можно не думать о прошлом и о чувствах. Можно не бояться предательства. Я посмотрела на чернокнижника. И он знал, что я смотрю на него.

— В Вирите, слава Рэгу. Ноги моей больше в Тарии не будет, — мужчина покачал головой.

— Особенно после того, как нам дали день на то, чтобы убраться, — Рион сел на белоснежный стул и положил книгу на стол.

Я тут же забыла про цвет стен, про туман снаружи и попросила:

— Расскажите мне все, а то я до сих пор не уверена, что вы мне не снитесь.

— Мы заметили, — хихикнул Рион. — Всем бы такие сны.

— Тебе с какого места начать? — уточнил Вит.

— С самого начала...

— Что было после удара магов...

Произнесли мы с Михеем одновременно, а чернокнижник поднял брови.

— Я бы и то, и другое с удовольствием послушал, — высказался Рион.

— Сначала, так сначала, — вздохнул Вит и заунывным голосом начал: — Эол и Рэг создали наш мир за семь дней...

— Не настолько сначала, — тут же пояснил стрелок и тем же тоном, что и чернокнижник, добавил: — Расскажите об убийце народном, сиречь поучателе Рионовом, что Дамиром кличут. И поясните мне неучу, почто он добрый люд извести пытался.

— А он смелеет, — с одобрением ответил чернокнижник. — Уже и без «господинов» обходится. Ерничать начал. Ну, слушай, отрок...

Михей улыбнулся, а Рион закатил глаза. Мне очень захотелось пнуть чернокнижника, чтобы перестал валять дурака. Странно, но, вот так, сидя напротив него, я совсем не боялась, но стоило мужчине коснуться меня, стоило встать ближе, как я невольно вспоминала о том, что произошло у

трактира. Почти без злости, но все же... Я знала, что Вит поступил правильно, но почему-то это знание не особо утешало. И вот эта моя внутренняя борьба выводила из себя куда сильнее, чем воспоминания. Я никак не могла определиться, можно ли доверять чернокнижнику или нет.

— Жил-был в Тарии маг, — начал Вит, а я все-таки пнула его. — Ладно, — вздохнул вириец. — На самом деле мы почти ничего не знаем. Не знаем, как и когда Дамира занесло в Волотки. Лишь знаем, что он выбрался из Проклятого скита, совратил дочь Орьки-прачки, и та — дочка, само собой, а не прачка — с ним сбежала. У нее был магический дар целителя и очень маленький резерв. Кто натолкнул действительно на мысль получить силу за чужой счет — Проклятый скит или Лиэсса — мы никогда не узнаем...

— Я думаю, скит, — перебил Рион. — Учитель... — парень замялся, — учитель часто пропадал в старых развалинах, искал сведения о том, как увеличить силу...

— Как и любой другой маг, — пожал плечами Вит. — Это приветствуется. Но ровно до тех пор, пока кудесник не пытается стать паразитом и увеличить свой резерв за счет других.

— Раньше Проклятый скит назывался Великоверезским, — Рион взял со стола принесенную книгу и наугад открыл, — там река Верега рядом. В нем жили отшельники-артефакторы, — парень бросил взгляд на Михея. — Они основали скит после того, как впали в немилость, при короле Немионе Первом, — Рион перевернул несколько страниц. — Жили тихо, собирали старые книги, создавали артефакты. Пишут, что к ним со всех концов Тарии люд съезжался, чтобы амулет здоровья купить, али приносящий удачу камушек. Именно там придумали и создали первый накопитель.

И в этом месте они все посмотрели на меня, будто я и была этим самым первым накопителем. Спина тут же зверски зачесалась.

— А потом искусники вызвали дасу... — нахмурился Вит.

— Не сразу, — поправил его Рион, и снова перевернул несколько страниц. — Сперва они создали первое псише для вызова ведогони...

— Все всегда начинается с малого. И великое добро, и велико зло. Но зло чаще. Сперва они наверняка вызывали всякую мелочь, вроде степной нежити, а потом доросли и до дасу.

— Тут об этом ни слова, — парень долистал книгу до переплета. — Жили-были монахи, никого не трогали. А потом умерли. Все.

— Еще бы, я на месте тарийских чаровников тоже молчал бы в тряпочку, особенно если вспомнить, что у тихих отшельников был свой источник, — заметил Вит. — Особенно, если они вызвали из другого мира

дорогого гостя и не заперли за ним дверь, отчего источник и вывернуло. А потом и их самих.

— Но почему... — нахмурился Михей. — Почему они не закрыли портал?

— Не знаю, — пожал плечами чернокнижник. — Может, не знали, что последует за этим, все-таки, они были из Тарии. А может, просто не смогли...

— Но ты сам так не думаешь, — уловила сомнения вирийца я.

— Не думаю. Они не закрыли его специально, чтобы в наш мир выплеснулось побольше темной силы, которой они хотели распоряжаться. Наверняка и тот вызов был «ради всеобщего блага», — мужчина выделил голосом последнюю фразу. — Наверняка, хотели сделать сотню-другую амулетов от поноса.

— То есть, они вызвали демона, получили на лоб, или куда там ее ставят, отметку демона, сами перестали частично быть людьми... И благодаря этому могли бы распоряжаться темной силой, которую нам не переварить? — уточнил Рион.

— Говори за себя, — вставила я и посмотрела на Вита, вспоминая, как он пил энергию волн выверта. А ведь у тех искусников наверняка был приличный план, который вполне мог сработать. Но не сработал. Как и у Дамира.

— Да, я могу направлять энергию смерти, — ответил вириец. — И да, я не совсем человек. Причем, с рождения.

— Я так и знал, — сделал большие глаза Рион. — Ты не просто чернокнижник. Ты — враг рода человеческого. Причем, с рождения, — и рассмеялся.

Вит скупно улыбнулся, наверняка вспоминая, как произошла их первая встреча.

— А кто тогда вывернул самих искусников? — спросил стрелок.

— Думаю, дорогой гость и вывернул. Может, они не сошлись во мнении о правилах хорошего тона. Например, должен ли гость вытирать окровавленные ноги, прежде чем переступить порог? Или, в том, что нельзя с ходу откусывать голову хозяевам. Да мало ли спорных положений этикета.

— Давай поближе к делу, — попросил я. — Поближе к Дамиру.

— Не знаю, что именно раскопал Вышградский маг, меня к его кабинету и к его бумагам на пушечный выстрел теперь не подпустят.

— В его кабинет никому было нельзя заходить в отсутствие хозяина, даже слугам. Даже мне и Лиэссе. Чары охранные на двери, нипочем не

откроешь, если учителя нет рядом, — вставил Рион.

— Да, он был предусмотрительный, ваш Дамир, — продолжал рассказывать черно книжник. — И когда все-таки решился на вызов, то сперва отрепетировал смертельный ритуал на одной из наших деревушек. Но что-то там не заладилось, как я и говорил, ритуал не завершили, иначе бы мы сразу поняли, в чем дело, но...

— Так может, потому и не завершили, чтобы вы не поняли? — бесхитростно спросил Михей. — Может, он что-то другое репетировал?

На миг черно книжник замер, обдумывая эту возможность, а потом, покачав головой, ответил:

— Может и так. Правды уже не узнать. Мы уверены в одном. Он наслал смертельные чары на всех жителей и скрылся.

— А через некоторое время объявился в Хотьках, — печально вздохнул Рион.

— Сперва там появилась Лиска, в качестве племянницы травницы, — вставила я. — Думаю, первой всегда появлялась она и присматривала жертвы, во всех приговоренных селениях. То сестра, то племянница, то невестка первого мужа. И ей верили. Как сказала Рея-травница, отчего же не поверить, коль она с сестрой на одно лицо. А вот лицо-то у нее, благодаря амулету, могло быть любым. Везде своя и везде чужая.

— Ты ее еще пожалей, — рыкнул Вит.

— Она часто подолгу отсутствовала, — задумчиво добавил Рион. — Пропадет на месяц али на полгода, а когда уже не ждешь, объявится. Учитель говорил, она путешествует по святым местам.

— И чем ей наши Хотьки глянулись? — задумчиво спросил Михей. — Хорошо хоть, ничего не вышло.

— Вы забыли об Приоровом хуторе, — при воспоминаниях о том селении черты лица вирийца стали жесткими. — Там пришел в наш мир первый дасу, и выверт убил всех жителей. А потом уже были и Хотьки...

— Куда спустя два дня прибыл его нерадивый ученик в компании девицы сомнительной наружности и происхождения, без силы, да еще и решил сунуть нос в происходящее, вместо того, чтобы поскорее отбыть в Вышград, — внесла в рассказ свою лепту я.

— И им пришлось скрывать лица, Дамир боялся, что ученик его узнает. Если выживет, — продолжил черно книжник.

— У Риона был шанс на спасение? — удивилась я.

— Шанс есть всегда, даже самый невероятный, — Вит как бы невзначай положил руку на постель рядом с моей ладошкой. — Вдруг ученик оказался бы гораздо любопытнее, чем думал учитель, и порылся бы

в библиотеке самостоятельно. Полистал книги с голыми бабами... Пардон, с заклинаниями, и научился закрываться. Я сам, помнится, втайне от наставников разобрался...

— В голых бабах? — бесхитростно спросил Михей.

— И в них тоже, — не смутился вириец. — Вы поняли мою мысль, никогда ни в чем нельзя быть уверенным до конца, а Дамир был осторожен. Иначе его давно бы казнили, — чернокнижник шевельнул пальцами, и я почувствовала тепло его тела, тепло его силы, взмахнула хвостом... и зашипела, разворачиваясь к двери. За миг до того, как в нее постучали.

А потом еще раз. И еще.

— Открой, — попросил Вит Риона, что сидел ближе всех к двери.

Парень отложил книгу на стол, встал и распахнул створку.

Сперва все, что я смогла разглядеть, это темный силуэт в дверном проеме. А потом низкой голос спросил:

— Могу я войти?

Мы посмотрели на Вита, а тот словно раздумывал. Всего миг, но все же.

— Входи, — наконец, ответил чернокнижник и, чуть погодя, добавил: — Отец.

Михей тут же выпрямился, как солдат на параде в честь королевского покаяния. Рион даже не стал садиться, лишь схватил в руки книгу, потом положил, потом снова схватил.

Я едва подавила желание сползти с кровати и спрятаться под оной, настолько парень был сосредоточен. Лишь Вит остался на месте, все такой же небрежный, и такой же невозмутимый. Что ж, если он не потрудился встать...

Подняв голову, я посмотрела на отца Вита. Он, и в самом деле, был высоким, выше сына. Та же смуглая кожа, что и у сына, а вот волосы — темнее и уже посеребренные сединой на висках, глаза... Глаза у отца чернокнижника были совсем другими — темными, как ночь, тогда как сын смотрел на меня взглядом серо-голубых глаз.

Я разглядывала визитера, а высокий лорд разглядывал меня. От него пахло силой, знакомой и, в то же время, чужой, как от старого дуба, что вырос позади бабушкиного дома задолго до моего рождения. Он пах корой и листьями. А еще, высокомерием. Лорд знал, что мы все неровня ему. И знал, что мы знаем. Читаем по его лицу...

— Не нравлюсь? — спросила я, не сдержавшись, как не могла сдержаться каждый раз, когда на меня смотрели свысока.

Рион тихо хрюкнул, Михей стал разглядывать потолок, а от Вита

легонько повеяло одобрением и насмешкой.

— Пока не решил, — сдержанно ответил мужчина в темной одежде, на пальце сверкнуло драгоценным камнем кольцо. — А я вам, монна?

— Пока не решила, — в тон ему ответила я.

— Айка, — едва слышно простонал Рион.

— Но могу уйти в любой момент, чтобы не портить вам простыни, — я поджала ноги, — и настроение.

— Это решаю не я, — вздохнул высокий лорд с сожалением, развернулся и направился к двери, вполголоса добавив: — Пойду, подготовлю твою мать, Витторн, и да поможет нам Рэг.

— Многообещающе, — подытожила я, когда отец Вита вышел. — Где мы? Я не спрашиваю про страну и про замок. Я спрашиваю, что это за белая комната для отпеваний? Почему твой отец стучится в собственном доме?

— Это долгая история, — неопределенно ответил чернокнижник.

— А я не тороп...

— Это комната первой невесты, — перебил меня Михей, садясь на стул и доставая из-за спины арбалет.

И мы все, включая чернокнижника, посмотрели на парня с удивлением.

— Мне Катинка, горничная, рассказала, — пояснил стрелок и неожиданно снова покраснел.

— Да, она вообще болтливая, эта Катинка, — высказался чернокнижник. — Вон, даже Рион оценил.

Мы посмотрели на бывшего чаровника, но тот старательно уткнулся в книгу, причем, держал ее вверх ногами.

— Что за «первая невеста»? — спросила я.

— По... по легенде, — откашлявшись, стал рассказывать Михей, — пе... первый из рода Ордианских... Вит... господин маг...

— Нет, это уже не так интересно, про господ магов, я все знаю, — перебил запинающегося парня чернокнижник. — Давай лучше, про предков рассказывай. Как будто, я не знаю, о чем слуги болтают.

— Ну, это, — Михей положил оружие на колени и любовно огладил приклад. — Говорят, твой предок возже... хм, возжелал девицу княжеских кровей.

— И куда только князь смотрел? — попенял чернокнижник.

— А она воспротивилась.

— Не понимала своего счастья, глупышка.

— Ну, он и велел заложить эту башню...

— А пока башню строили, девица где жила? — уточнил Вит.

— Не знаю, у отца, наверное.

— Ага, ждала, пока темницу... прости, супружескую спальню, достроят.

— Дай ему рассказать,— я снова пнула чернокнижника.

— Ну вот, а потом твой предок скрал девицу...

— И она перестала быть девицей, — на этот раз не удержался Рион.

— Наверное, — пожал плечами стрелок и бесхитростно пояснил: — Я не уточнял. Но говорят, первый лорд поселил ее в этой башне. А на стены наложил заклятия такой силы, что девушка без его разрешения не могла выйти за пределы комнаты, а никто другой без его дозволения не мог туда войти, а вот он сам... Лорд мог проходить чуть ли не сквозь стены, появляясь в башне, когда того захочет...

А ведь Вита не было в башне, когда я проснулась. Кажется, не было. Его отец постучал. И сказал, что решает здесь не он.

Михей рассказывал что-то еще, но я, больше не прислушиваясь, встала и, ловя на себе удивленные взгляды парней, подошла к двери. Не выдержала и обернулась. Вит сидел на кровати и смотрел прямо на меня. В его позе было столько напряжения, словно он готовился к бою. Очень важному сражению.

— Айка, ты куда? — растерянно спросил Рион.

Я отвернулась и, помедлив несколько ударов сердца, потянула на себя дверь. Та беззвучно открылась. Я даже выдохнула от облегчения, ведь видела, что на ней нет замка, но почему-то была уверена, что...

А в чем собственно? В том, что история Михея... вернее, предка Вита, — правдива? Даже если так, каким боком она касается меня? Я здесь совсем не невеста.

И все же... все же...

Я сделала шаг за порог. На один удар сердца воздух сгустился, словно отвар из еловых шишек. Показалось что сейчас, он мягко, но настойчиво толкнет меня обратно в комнату, но...

Я рыкнула, и чужая магия, что навеки въелась в эти стены, вдруг втянулась и осела где-то внутри, словно заваренная в кружке трава, что всегда опускается на дно.

Возможно, быть артефактом не так уж плохо. Особенно таким артефактом.

Я постояла на каменной площадке, с которой начиналась лестница вниз. Так и подмывало спуститься, выйти из этой башни, из замка из всего этого и пойти, куда глаза глядят. Но ноги босы, да и костюмчик на мне

такой, что только на отпевание ходить, да и то в качестве главного действующего лица.

Кошка зевнула. И я вернулась в комнату. По крайней мере, теперь я знала, что смогу уйти. Если захочу.

— Почему же здесь все белым-бело, словно в сугробе сидим? — спросила я, снова опускаясь на кровать.

— Дык, — удивился стрелок, словно это было очевидно: — Девушка-то повесилась. Прямо здесь. Ага.

Мы все подняли глаза к потолку. Щекастые младенцы продолжали усмехаться.

— На чем интересно? — спросил Рион. — Ни люстры, ни балок...

— На собственной косе, — весомо пояснил Михей.

— Вряд ли такое осуществимо, — протянул чернокнижник.

А я не удержалась, потрогала свои волосы и спросила:

— Комната почему побелела-то? От ужаса?

— Тот самый лорд так распорядился, — пожал плечами стрелок. — В память о его возлюбленной башня навсегда осталась белой. Как и его невеста, что так и не стала женой. Катинка говорит, он так и не оправился...

— Любовь побеждает все, — хмыкнул Вит.

— Да уж, — Рион поежился. — Давайте лучше об учителе, а не о мертвых девках, что здесь обитали, а то мне не по себе.

— Давайте, — легко согласился чернокнижник. — На чем я остановился?

— На том, что иначе Дамира бы казнили, — подсказала я.

— А как было бы хорошо... — мечтательно протянул бывший чаровник.

— Итак, два селения уже мертвы. Два демона выпущены.

— Но почему эти демонюки никого не поубивали? Почему не замарались в крови? — уточнил Михей.

— Хочешь, вызовем и спросим? — вздохнул Вит. — Я не могу знать всего...

— Желание, — перебила я. — Вызывающий получает право на одно желание. Но Дамир просил о силе для себя только пастыря. Что могло удержать дасу от кровавой бойни? Только чужое желание, которое они обязаны выполнить.

— Желание и знание, что вскоре будет вызван кто-то более значимый, — кивнул чернокнижник.

— Значит, Дамир уже тогда знал, что будет выворачивать Велиж и

вызывать пастыря, значит, все это не случайность? — удивился Рион, откладывая книгу на стол.

— Конечно, нет. Продуманный, до мельчайшей детали разработанный план, надежные исполнители: Лиска, Неман, маги Велижа. Все было рассчитано. Случайность — это она, — вириец указал на меня. — Зеркальный маг, не ведающий своей силы, которого приволок ему ученик и подал на блюдечке с золотой каемочкой. Вторая ошибка Дамира в том, что он решил использовать Айку, хотел свалить на нее вину за свои преступления. Зеркальные маги нынче редкость.

— Не бывает тьмы без света, льда без пламени, демона без... — повторила я слова чернокнижника, что он произнес в багряном лесу.

— Без зеркала, в которое он мог бы посмотреть, — закончил мужчина. — Если дасу приходит, значит, тот, кто его одолеет, уже здесь.

— Это, кажется из книги откровений Эола? — нахмурился Рион.

— Да, там подобной чуши много.

— Но Дамир верил в эту чушь, раз пожелал стать зеркальным, — сказал стрелок. — Он все предусмотрел.

— Все? Он отправил меня на ритуал, чтобы разрушить резерв, — я обхватила себя руками, кожа покрылась мурашками. — Я могла умереть.

— Да, но ему был нужен маг с разрушенным резервом. Маг, неспособный контролировать свою жажду, — Вит легонько коснулся пальцем моего локтя, и я вздрогнула.

— А если бы она умерла? — тихо спросил Рион.

— Значит, умерла бы, вряд ли бы Дамир плакал, — пожал плечами Вит. — Ты была дополнением к плану, полезным дополнением, но никак не его основой.

— А почему в учителе неумная жажда проснулась сразу, а Айке понадобилось время? — спросил бывший чаровник.

— Дамир хотел всего и сразу. Он так и сказал пастырю. Вот и получил все и сразу. И великую силу, и великую жажду. Все закономерно. — Пожал плечами Вит и уточнил: — Дальше будете слушать? Или можно идти переодеваться к ужину?

— Переодеваться? — удивилась я, но меня перебил Михей, решительно заявив:

— Будем. А после Велижа? Они шли за нами, да?

— Шли, — кивнул Вит, опуская правую руку в карман. — Такая замечательная компания злодеев подобралась, что грех не пойти и не позлодействовать вместо них. Чернокнижник, нерадивый ученик, зеркальный маг со сбитым резервом и деревенский увалень, который очень

хочет стать магом, — мужчина медленно вытащил руку, между пальцев сверкнула темным отблеском капелька амулета.

— Это же... — приподнялся Михей.

— Оно самое. Маскировочный амулет. Амулет с поводком, благодаря которому он всегда знал, где ты. Где мы... — я протянула руку, и Вит уронил мне на ладонь кулон, веревка тихонько качнулась.

Сам камень был прохладным. Гладким и... абсолютно пустым. Моя кошка даже не подняла головы.

— Еще одно доказательство того, что Дамир что-то нашел на развалинах скита. Или узнал. Таких артефактов давно нет, как нет и их создателей. Я бы не отказался пошарить в его кабинете, или посмотреть, как это делают Тарийские чаровники.

— А вдруг это не он? — спросил Рион. — Вдруг это Теир? Казум же рассказывал, что смирт, что-то откопал в архиве, за что его и сослали.

— Может, поэтому они и столкнулись с твоим учителем, — вставил Михей.

— Теперь уже не спросишь, — развел руками чернокнижник. — Не у кого.

— Потом были Волотки, откуда ты умудрился вытащить Лиэссу, — попенял Виту после недолгого молчания Рион.

— Виновен, но иначе, как происками Рэга или Эола, это не назвать.

— После «умерли» Малые охапки, — продолжил бывший чаровник и спросил: — А почему не Полесец? Раз уж мы все равно там.

— Полесец — город, — ответил парню Михей, его рука словно невзначай прошла по гладкому прикладу арбалета.

— Михей прав, — сказал Вит. — За городские стены так просто не пройдешь. А Малые Охапки всего лишь село. Было село.

— И теперь они не боялись, что вы опознаете Выверт? — спросил стрелок.

— Нет. Время было упущено. Никто их наших просто бы не успел принять меры. Да, что там, даже князю доложить не успели бы, как Велиж уже бы вывернуло.

— Что было после удара магов? — снова спросила я после того, как парни замолчали.

— Все заорали, — ответил Михей и признался: — Я тоже.

— Я этот момент плохо помню, — добавил Вит. — Все, как в кровавом тумане. Моя боль, твоя боль. Эриш, что сам едва держится на ногах и пытается поднять меня, Михей, тащит тебя на руках, где-то на земле хрипит Дамир...

— Хорошо, что солдаты подоспели, — Михей почесал макушку. — А то ведь я очумел от всего этого, просто шел вперед, как бык, которому дали промеж глаз.

— Да, Рэйвен все же решился на вылазку к ограде, там они нас и приняли, сперва Михея с тобой на руках, потом меня и Эриша...

— А Риона? — спросила я, глядя на бывшего чаровника и перекатывая в ладонях черный камешек.

— А Рион, — ответил тот, — сам пришел. К вечеру.

— Вместе с тем седовласым, — кивнул Вит. — Принесли благую весть, что Дамир скончался. Рион, признайся, сами же пристукнули твоего учителя?

— Я не знаю, — горько сказал парень. — После того, как они узнали, что мой резерв... ммм,— он не сразу подобрал слово, — изменился, стали смотреть так, словно я вторую голову отрастил, да притом не человеческую, а жабью. Поэтому меня сведениями тоже не баловали.

— Погодите, — прервал его Михей. — Вот разъясните мне, неучу, почему вы с Рионом колдовать можете, а Айка — нет? У вас нет резерва, и у нее нет. Не понимаю...

Я согласно кивнула. Ибо тоже не понимала.

— У нас есть резерв, — ответил ему чернокнижник. Худой, дырявый кувшин, пропускающий силу. Но он есть. А то, что у тебя внутри, — мужчина посмотрел на меня, — что угодно, только не резерв чаровника. Твой «кувшин» растерли в пыль, и теперь вместо него у тебя яма, колодец без стен и дна. На фоне зеркальных, даже чернокнижники кажутся безобидными фокусниками, — Вит вздохнул и продолжил рассказ: — Нам дали сутки, чтобы убраться из Тарии и навсегда забыть дорогу обратно. В память о том, что мы вроде как вместе сражались с мировым злом. И, как я понял, это инициатива Канстада, а остальные нас бы вместе с Дамиром упокоили, чтобы, так сказать, концы в воду. Совсем как с тем Великоверижским скитом, еще бы и книгу красивую написали.

— Да, Канстад дал нам время уйти, и вывел меня из Веллистата, — Рион поднялся и посмотрел в окно.

— Значит, не все так плохо в государстве тарийском, пока там есть такие, как этот седой маг, — резюмировал Вит и тоже поднялся с кровати.

— Подождите, — я поняла, что рассказ закончен. — А как мы оказались здесь? В замке твоего отца? Что за туман за окном?

— Приехали, — усмехнулся Вит, — сперва на телегах, потом возок взяли и карету. Ничего романтического, устали, как собаки. Нашли целителя в Полесце, плохонького, но он подлатал мне спину, и я дотянул до Темного

Кряжа. Мы сейчас в нем. Здесь нами занялись врачеватели отца.

— Нами?

— Тобой и мной.

— И как?

— Ну, как видишь, я на ногах, а ты, — он вздохнул и, глядя на капельку артефакта в моей руке, продолжил: — Ты впитывала любую магию, как только с ней соприкасалась.

— Но Михей же... — испуганно начала я, чувствуя, как внутри что-то шевельнулось, что-то вечно голодное, но пока спящее.

— Впитывала, а не вытягивала. Ты не отбирала ее. Брала лишь то, что пытались применить. Зеркальный маг вытягивает силу из чаровников. А ты — накопитель, причем, активный. Ты поглощаешь как раз заклинания, как сотворенные, так и наложенные на предметы.

— То есть, я — зеркальный накопитель?

— Видимо да, — вириец улыбнулся. — Гроза всех амулетов и чар. Врачеватель очень удивлялся тому, что все его заклинания будто растворялись в тебе, а артефакты переставали быть таковыми. Иногда мы думали, что ты уже и не проснешься, хотя целитель говорил, что ты не мертва.

— Вы так и везли меня спящую, через туман? — выдохнула я.

— Да, так и везли. А туман... Болота близко. Хотя разве это туман, так, небольшая дымка. Вот будем на Вороньем мысе, там кончики пальцев вытянутой руки не видно, и воздух пахнет белым перцем, словно приправил кто...

Чернокнижника прервал тягучий дребезжащий звук, эхом отскочивший от стен и заставивший меня вскочить на лапы. Остальные остались спокойны, лишь Михей нервно дернул щекой. Им этот звук был знаком.

— К ужину звонят, — тоскливо подтвердил мою догадку Рион. — А мы еще не переоделись.

— Теперича опоздаем, — убито вставил Михей. — И леди снова будет смотреть на нас как на засахаренных кузнечиков.

— Может, еще обойдется? — спросил Рион, но и сам в это не верил.

Михей подхватил арбалет и первым бросился к двери, будущий чернокнижник за ним, забыв на столе книгу. Лишь Вит остался стоять посреди комнаты.

— Кузнечиков? Переодеться? — я подняла брови. — Нам тоже надо бежать?

— Нам — нет. Я распорядился, чтобы ужин принесли сюда. Иногда

матушка бывает чрезмерно подвержена условностям.

— Вряд ли кто-то из нас сможет ее порадовать. Происхождением не вышли,— пробормотала я, вставая с кровати и вспоминая, как в первый вечер в Хотьках Рион принес мне ужин в комнату. Воистину, нет ничего нового под солнцем.

— Не имеет значения. Они мои гости, а гостей в нашем доме сажают на почетные места. Кишинт тоже сначала путал вилку для десерта и ложку для рыбы, а теперь ничего, уже Оле учит...

— Оле здесь?

— Да. Они, кстати, решили пожениться.

— Кто? — не поняла я.

— Кишинт и Оле. Она от отчаяния, а он —ведомый виной. Что из этого получится, непонятно, но оба уперлись лбами, мол, решение принято.

— Кишинт, Оле... Кули! — закричала я, подскакивая к чернокнижнику. — Вы нашли Кули?

— Нет. Ищем, но пока... — Вит повернулся и развел руками. — Ох и огребем еще из-за того, что упустили демона.

— Но мальчишка же победил дасу! Смог убежать!

— Победил демона? — чернокнижник усмехнулся и шагнул ближе. — Вряд ли. Скорее, их желания совпали. Оба хотели сбежать. Вот и все, — мужчина коснулся пальцем моего плеча.

— А когда найдете... убьете?

— Рад бы сказать, что нет, но... скорей всего, да. Если он будет сопротивляться, а дасу будет. Никто не будет приносить в жертву магов, чтобы взять эту тварь живьем.

Я посмотрела куда-то поверх его плеча, посмотрела на молочный туман за окном.

— Это так странно, — вздохнула я.

Мужская рука замерла, едва ощутимо касаясь моей кожи сквозь тонкую ткань.

— Что странно?

— Все это, — я оглядела комнату. — Все, что случилось после, все, что вы рассказали. Словно кто-то писал песню о нас, а потом взял и вычеркнул из нее строки. И теперь я не узнаю ни стихов, ни мелодии.

— Мне нравится, что ты сказала «нас», — Вит поднес свою руку к моему лицу и приподнял мой подбородок, вынуждая смотреть глаза в глаза. — Но должен разочаровать. Эта песня будет не о тебе и не обо мне. Песня, что скоро сложат менестрели, будет сказанием о...

— Михее, — догадалась я.

— Да, а мы будем всего лишь сподвижниками благородного героя.

— Вот, и слава Эолу, — совершенно искренне ответила я, обхватила пальцы Вита и отвела от своего лица. Этот простой жест причинил чернокнижнику боль. И я ее почувствовала.— И что теперь, когда песня закончена? И когда последние куплеты допели без меня? Кишинт и Оле поженятся, Михей и Рион уедут учиться, а я? Учеба мне не грозит, я не маг. Замужество...

— Продолжай, мне уже интересно.

— Замужество не для таких, как я. Даже твой отец, увидев меня, ушел «готовить» твою матушку. Она ждет родовитую невестку.

— Она знает об особенностях нашей крови и смирится. Дед, например, женился на учительнице из пансиона.

— Ты переплюнул их всех, притащив домой помойную кошку.

— Мою помойную кошку.

— Вит...

— Айка...

Я отступила, отпустив руку.

— Не надо, — попросил Вит.

— Ничего не получится, — все-таки не выдержала я. — Даже если ты попробуешь запереть меня в этой башне.

— Не запрю. Если дашь мне шанс. Шанс — это все, что я прошу.

— Но боги...

— Плевать мне на богов, — мужчина шагнул ко мне. — Они могут делать все, что хотят. Я хочу поговорить о нас. Хочу знать, прежде чем выйду из этой комнаты, есть ли шанс у нас: у тебя и у меня?

Я хотела отвернуться, но он мне не дал, опять ухватив за подбородок.

— Как только ты смотришь на мои руки, твое лицо искажается. Ты вспоминаешь ту предрассветную улицу и блеск стали. — Я дернулась, но он держал крепко. — Я знаю это, потому что и сам все время вспоминаю об этом и гадаю, можно ли было поступить иначе.

— Нельзя, — прошептала я.

— Нельзя, — шепотом ответил Вит, склоняясь к моему лицу. — Ты не можешь забыть. Не можешь простить. А можешь ли понять?

— Я понимаю.

Мужчина закрыл глаза, и меня коснулось его облегчение, словно это чувство было чем-то осязаемым, чем-то похожим на ветер, что теряется в листве.

— Уже легче, — его губы замерли прямо напротив моих. — Выходит, что ты можешь доверить мне свою смерть, но не можешь доверить жизнь?

— Я не хочу думать об этом, — ответила я чистую правду.

— А придется, — Вит легонько коснулся моих губ, и кошка заурчала.
— Я не отстану от тебя, пока ты не дашь мне ответ.

— Видимо, придется, — прошептала я, замечая, что сама тянусь к его губам, чтобы еще раз ощутить их сладость. — А ты не боишься, что ответ будет отрицательный.

— Не боюсь. Я в ужасе, — мужские руки легли мне на талию.

— Врешь, — прошептала я.

— Вру, — согласился чернокнижник. — Мы слишком хорошо чувствуем друг друга, чтобы врать. Итак...

— Я дам тебе шанс, — Вит зарычал и с жадностью приник к моим губам, прижимаясь всем телом, которое говорило мне куда более любимых слов. — Но... — я едва нашла в себе силы, чтобы отстраниться. — Но, я отправлю весточку бабушке.

— Уже, — прорычал он, наклоняясь.

— Скорей всего, она захочет приехать.

— В Темном Кряже всегда будут рады умелой травнице.

— А еще ты дашь мне свободу. Я не буду жить в этой комнате, ожидая твоего прихода по ночам... — Вит снова зарычал, на этот раз от разочарования. — И когда... Если ты снова захочешь убить меня, ты сделаешь это не из-за спины...

— А-ка, — прошептал мужчина севшим голосом, но я не дала ему договорить, положила пальцы ему на губы, какими же мягкими они мне показались.

— Не из-за спины, а так, как сейчас. Лицом к лицу, я хочу видеть твои глаза, если... если...

«Если крышка, положенная Михеем на бездонный колодец алчности, слетит», — мысленно закончила я, но вслух продолжить не смогла. Подавилась жалостью к себе. И на миг сама себе показалась такой маленькой, такой несчастной, как в тот раз, когда медовухи из кувшина хлебнула.

— Даю слово, — прошептал Вит. — И еще даю это, — его рука накрыла мою, ладонь кольнула магия, кожу обожгло металлическим холодом. Я опустила голову и увидела в руке нож Вита. От неожиданности пальцы разжались, и оружие тут же исчезло. Растворилось в воздухе.

— Но... но... Что это? Артефакт?

— Нет. Это родовой клинок. Теперь он твой. Я знал, что ты его перетянешь, едва коснешься. И теперь, если я буду вот так же стоять напротив тебя, если ты увидишь в моих глазах приговор, будь добра, не

медли. Я не хочу снова искать притвору.

— Притвору! — зарычала я, отстраняясь. — Она будет искать тебя! Будет мстить! Придет сюда и...

— Да ради Рэга, пусть приходит. За нее, между прочим, деньги заплачены.

— Пусть только попробует, — я вдруг поймала себя на том, что рычу. Рычу прямо в смеющееся лицо Вита. Похоже, я уже дала ему ответ, даже не замечая этого.

А боги?

Боги пусть смотрят. Говорят, это приятно — смотреть на дело рук своих.

Конец второй книги

30 июля 2018

Ярославль

---

notes

Примечания

1

Середина лета (июль).

2

Ведьмой.

3

Водяной народ.

4

Заговор шепчется над объектом, отсюда прозвище – шептуны.

Бог жизни в Тарии.

Духовный сан.

7

К демону.

8

Единица измерения. (1 совар = 10 девар = 100 вар; 1вар примерно 1000 шагов)

9

Серебряная монета.

Маис – уважительное обращение к незамужней девушке в Тарии

Смерть.

Къят — мера магической энергии

13

Золотая монета высшего достоинства (1ринир =10 серебряным динам,
1 дин = 100 медных черней).

Медный черень — самая мелкая монета. 100 черней равны одному серебряному дину.

Притвора – общее название нежити или нечисти способной притворятся человеком, то есть принимать облик, ходить на двух ногах, носить одежду, говорить, мыслить. Но только притворятся и ни в коем разе не являться человеком по сути.

Дасуњ— мир демонов.

Вид нечисти

Вид нечисти

Тесеш—горная гряда на юго-западе Тарии.

Вид нечисти

Колючая сорная трава, с листьями в виде острых как стрелы игл

Три десятка вар — примерно 24 км

23

Пять вар — около 4 км.

Палочник — нечисть маскирующаяся под сухие деревяшки и коряги, протыкая зазевавшегося путника, и выпивая его кровь иглами-ветками.

Духовные лица

Чумных, заразных.

Бог смерти, противопоставляется Эолу, не почитается в Тарии.

Вид нежити.

Конный, наездник.

Песняр – он же менестрель, артист, сказитель

Притворная — та, что может притвориться человеком

Вещунья — пророчица, предсказывающая будущее, пифия.

Бог смерти и возрождения в Вирийском княжестве. Не признается в Тарии.

Самый распространенный духовный сан в Тарии, обычно это служитель храма

Игоша— нежить, по поверьям переродившаяся душа умершего ребенка, «нехорошо умершего», как гласила молва

Кардуши— нечистые души.

Злыдни— нечисть, один из видов нечистых животных. «Нечистость» животного определяется по наличию у того магической способности, например, чуют магов, приносить несчастья, видеть невидимое, ходить по тропам между мирами и т.

Нечисть, имеет вид больших ящериц с человекообразными головами.

Отмеченная печатью Эола — награждена магическим даром.

Мелкая домовая нежить. Прячет разные вещи, утварь так, что ее невозможно найти.

Главный город-храм в Тарии. Включает в себя несколько монастырей, храмовый архив и семинарию. Я является официальной резиденцией верховного «просвещенного».

«Дающий жизнь вещам», он же искусник — маг-артефактор

Выворотни— нечисть, похожие на больших кротов животные, роющие подкопы и проникающие в человеческое жилище, через подпол. Хищники, питаются мясом, предпочитают человеческое.